

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

СОЮЗ АРМЯН РОССИИ
АРМЯНСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И ПОЛИТОЛОГИИ В МОСКВЕ

UNION OF ARMENIANS IN RUSSIA
Armenian Institute of International Law
and Political Science in Moscow

The Genocide of Armenians:

The Responsibility of Turkey
and the Obligations
of the World Community

DOCUMENTS AND COMMENTARY

Volume 2

Part 2

Compiler, Editor, Author
of Forward and Commentary
Yuri Barsegov, Dr. of Law,
Professor of International Law

Concluding remarks *by A. Abramyan*
President of the World Armenian Congress,
Union of Armenians in Russia

ԴԱՐՁԱՐԱԿ

MOSCOW

2005

ГЕНОЦИД АРМЯН:

ответственность Турции
и обязательства
мирового сообщества

ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИЙ

Том 2

Часть 2

Составитель, ответственный редактор,
автор предисловия и комментария
доктор юридических наук,
профессор *Ю. Г. Барсегов*

Автор послесловия
Президент Всемирного Армянского Конгресса,
Союза армян России
А. А. Абрамян

ԴԱՐՁԱՐԱԿ

МОСКВА

2005

ДОКУМЕНТЫ

Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника

Г34 **Геноцид армян : ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий** [Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника] / Ред., сост. и автор комментария профессор Ю.Г. Барсегов; послесловие Президента Всемирного Армянского Конгресса, Союза армян России А.А. Абрамяна. — В 2 т. — М.: Гардарики, 2005. — Т. 2, ч. 2. — 608 с.

ISBN 5-8297-0256-8 (т. 2, ч. 2) (в пер.)

В комментарии дается политический и правовой анализ документов, опубликованных в двух томах Сборника, в которых содержатся неопровержимые доказательства ответственности Турции за геноцид армян, раскрывается беспочвенность ее попыток исказить суть политики, которая проводилась в Турции в 1915—1923 гг. и привела к поголовному уничтожению армянского населения в Западной Армении. Опираясь на официальные документы, автор комментария восстанавливает юридический факт признания великими державами ответственности Турции за геноцид армян и ее обязанности восстановить права народа — жертвы геноцида. В комментарии документов по политической истории Армянского вопроса убедительно раскрывается суть большевистского подхода России и западных держав. Преследуя совершенно противоположные политические цели, они сошлись в одном — в территориальных уступках турецким националистам, в открытой (большевиками) и скрытой (Западом) поддержке их. Это обернулось продолжением геноцида и предательством законных интересов армянского народа.

Книга представляет огромный интерес не только для историков, правоведов и политиков, но и для широкого круга читателей.

УДК 343.4(09)
ББК 67.412.1

ISBN 5-8297-0256-8 (т. 2, ч. 2)
ISBN 5-8297-0131-6

- © Союз армян России
Армянский институт международного права и политологии в Москве, 2005
- © Барсегов Ю.Г.
Составление, предисловие,
комментарий, 2005
- © Абрамян А.А. Послесловие, 2005

К РАЗДЕЛУ IV

№ 1

**Защитительная речь Н. Карабчевского
в Симферопольском окружном суде по делу Киркора Гулгуляна,
обвиненного в убийстве турка—участника резни армян в турецком городе
Байбурта и оправданного судом после слушания дела**

22 сентября 1899 г.

Господа присяжные заседатели!

Если бы мы захотели ограничить судебное исследование и самый кругозор наш в этом деле исключительно тем небогатым материалом, который заключается в рассказе подсудимого и двух-трех свидетелей байбуртской резни, мы очутились бы в странном положении. Нам показалось бы, что нас посетил тяжелый кошмар, что мы пережили нехороший сон или что нас, как детей, пугали страшной сказкой. Где-то, не так далеко от нас, на территории Блистательной Порты, всего три с половиной года назад, не в кровавой глубине прошедших веков, среди мирных жителей городских кварталов, населенных армянами, невозбранно и безнаказанно носятся шайки вооруженных людей — турок. Они грабят и превращают живых людей в трупы. Никто не в состоянии дать себе надлежащего отчета в том, что происходит. В городе есть войско, есть стражи полицейские, но они сначала бездействуют, а затем смешиваются с разбойничьими шайками и «усмиряют» собственными ударами тех из армян, которые пытаются спастись. Целый день идет резня.

Отдельные шайки вооруженных турок, под предводительством наиболее видных по своему служебному или общественному положению лиц города Байбурта и его уезда, перерывают до основания каждый армянский дом, извлекают из него все ценности, набивают ими себе карманы, предоставляя черни грабить остальное. Скрывшихся в домах армян безжалостно извлекают из их похоронок, выволакивают за ноги на улицы и тут же убивают на глазах обезумевших от ужаса женщин и детей.

Во главе одной из таких неистовствующих банд носится по городу Хассан Милий-оглу, убитый в Симферополе 29 апреля 1899 г. ударом кинжала армянина

Киркора Гулгуляна. Этот Хассан, по словам бежавших во время резни армян, «порезал» много армян, в том числе несколько семейств очень богатых людей, деньгами которых завладел. В числе других мирных армян он собственноручно зарезал Манука Гулгуляна, старика, отца подсудимого, и двух его братьев, Саркиза и Хагадура. Сам Киркор Гулгулян спасается каким-то чудом: он забивается под рундук, прикрытый рядом. До той резни Гулгуляновы жили все вместе, в собственном доме, занимались ремеслами и пользовались хорошим достатком. После резни остались: мать Киркора Гулгуляна, Сурпуга, с четырьмя дочерьми — двадцати, восемнадцати, четырнадцати и восьми лет; они стали нищими.

Резня длилась целый день, до самых сумерек, причем убивали и женщин, если те пытались защищать мужей армян или сами искали спасения. Уцелевших от общей резни байбуртских армян власти «за беспорядки» тотчас же забрали в тюрьму, где их держали несколько месяцев.

Когда наступил вечер и насытившиеся кровью и грабежом турки отхлынули от армянских кварталов, чтобы рассеяться по домам и кофейням и предаться своему обычному кайфу, пустынные улочки и закоулки Байбурта огласились заглушаемыми до тех пор лишь страхом воплями и вздохами. То армянские женщины, накинув на головы черные хламиды в знак траура и печали, беззвучно выползали из своих разоренных лачуг на поиски дорогих трупов. Эти трупы валялись тут же, на улицах, уличные псы лизали с камней человеческую кровь, а женщины при мигающем свете зажженной спички узнавали каждая «своих покойников». Тут-то, по словам бежавшей впоследствии из Байбурта в Россию старухи Назеле Минасовой, женщины обменивались своими печальными вестями. Своей соседке, Сурпуге Гулгулян, Минасова рассказала, что ее, Минасовой, родственных мужчин убила банда Измаила-Аза, и, в свою очередь, от нее услышала, что мужа ее, Гулгулян Манука, и сыновей, Саркиза и Хагадура, зарезала банда Хассана Милия-оглу.

Показание старухи Гулгулян, таким образом, вполне совпадает с тем, что видел и слышал в день резни сам укrywшийся от турок Киркор Гулгулян.

Но, в самом деле, не сказка ли все это? Суд отказал мне в праве сослаться на специальные исторические сочинения по вопросу об армянской резне в Турции в 1894—1896 гг. Я вынужден подчиниться такому распоряжению суда, хотя, да простится мне, никак не могу взять в толк, каким образом именно этим путем может быть достигнуто «неизвлечение судебной перспективы».

Когда у нас вводилось гласное и публичное судопроизводство, мы, конечно, ликовали не от усиления уголовной репрессии, а от ожидания того, что только при таких условиях суд сумеет и сможет ярко осветить истинным правосудным светом не только верхушку печального явления, но и самую почву, на которой оно выросло. Всякое иное освещение общественного явления (каким всегда является преступление) представляется освещением искусственным, и тогда действительно может идти речь о перспективах... и об их извращении. Возьмем настоящее дело. При искусственном или малом освещении его оно кажется только происшествием фантастичным и романтичным, даже маловероятным. Кровавое преступление Киркора Гулгуляна, неожиданное, быстрое, дерзкое, совершенное на улице, словно сиянием молнии среди абсолютной тьмы ярко освещает только маленькую, невзрачную одинокую фигурку какого-то неведомого нам человека. Но разве при том же мимолетном освещении мы не разглядели ничего

больше? Разве мы не увидели, что эта человеческая фигурка стоит над пропастью, вырытой веками, пропастью, почти бездонной... Ужели это не должно привлечь нашего внимания? Ужели мы можем пройти мимо явления исторического характера, не пояснив себе даже его значения, не попытавшись даже понять его, как отдельное звено в общей цепи человеческих страданий, именуемой дипломатично и кратко историей: положение армян в Турции. Мы вместе с христианином армянином и турецким подданным Киркором Гулгуляном, обвиняемым в преднамеренном, из мести убийстве мусульманина, природного турка из Малой Азии Хассана Милия-оглу, стоим на самом краю исторической пропасти и не можем не заглянуть в нее...

Председательствующий. Прошу вас не касаться событий, не бывших предметом судебного следствия.

Присяжный поверенный Карабчевский. Я буду касаться лишь исторических событий, обязательно известных гимназисту седьмого класса. Получив университетское образование, я вправе считать эти исторические факты общеизвестными и не нуждающимися в судебной проверке.

Председательствующий. В числе присяжных есть лица, не получившие высшего образования.

Карабчевский. Тем более я считаю себя обязанным поделиться с ними этими сведениями...

Председательствующий. Продолжайте.

Карабчевский. Господа присяжные заседатели, вам, без сомнения, известно, что в состав Оттоманской империи, со времени вторжения турок в Европу, вошли многие народности, исповедующие христианскую религию, ставшие по отношению к завоевателям-победителям побежденными. Таковы: греки, сербы, болгары, босняки и армяне *par excellence*, ибо Малая Азия с Арменией во власти турок уже шесть веков. Исторические карты Европы испещрены, как иероглифами, передвигавшимися чертами завоеваний. Нет почти ни одного европейского государства, которое не сложилось бы путем завоеваний. Но, благодаря исторической культуре, происходила нормальная ассимиляция завоеванных провинций. И побежденные и победители (с осадком или без осадка политической горечи на сердцах) становились в конце концов гражданами одного государства, приобщались к общим повинностям, к общей государственной службе и в частной жизни, без различия племенного и религиозного, искали и находили благоденствие под сенью общих законов. Таков нормальный ход истории.

Но Турция — иное дело. *Status quo* азиатской культуры, фанатизм ислама, деспотический образ правления, во главе которого стоит султан-калиф, т.е. глава мусульманской церкви, причем на знамени пророка ревнивые хранители заветов Магомета до сих пор не прочь читать «смерть гяурам», создали то, нечто особенное, маловероятное с точки зрения европейской культуры, с чем целая Европа, ради политических соображений, терпеливо считается, однако, уже многие века. Турецкие подданные христиане в общий строй государственной жизни, управления и суда не входили и, по искреннему убеждению истинного мусульманина, никогда войти не могут. Это райя — стадо, как всякое стадо, бесправное; с каждой головы берется налог — харадж, пока голове позволено быть на плечах. Суд по шариату не признает свидетелей христиан. Процесс, выигранный христианином, никогда не считается решенным окончательно. Всегда сыщется ин-

станция, которая может его отменить. Раз взысканная подать не считается взысканной, всегда найдется какой-нибудь охотник, который взыщет ее и во второй, и в третий раз. Ни духовная, ни имущественная личность христианина не ограждена законом. Одним словом, это вечно дрящущее положение побежденных и победителей, а вы знаете, что побежденным — горе!

Из числа подвластных Турции христианских народов долгие и безнадежнее всех ей подвластен армянский народ. У подножия его ветхозаветного Арарата, в некогда цветущей Армении, он стойчески претерпевал и претерпевает все унижения рабства. Привязанный к своей родине упрямым инстинктом земледельца, крепкий чистотой семейных уз и духовных начал, привитых ему христианством, каковое, как народ, он первый же и воспринял, армянский народ, подвластный туркам, в мирных добродетелях черпал неистощимый запас терпения. Лорд Байрон (вдохновенный борец за греческую независимость) так отзывается о нем: «Трудно, быть может, было бы найти другую нацию, в летописях которой было бы так мало преступлений, как в летописях этого народа, которого добродетели суть все добродетели мирного времени, а пороки лишь последствия того гнета, который он выносит».

О той же армянской нации историк Гиббон писал сто лет тому назад: «Этой нации не давали даже пользоваться спокойствием рабского состояния, с первых же шагов своей истории до настоящего момента Армения была театром вечных войн. Жестокая политика обезлюдилась земли, находящиеся между Тавром и Эриванью. Ко всем несчастьям, общим всем христианским народам, подвластным Турции, по отношению к армянам надо присоединить еще: тиранию беев, грабительства черкесов и кочевых курдов, т.е., другими словами, надо присоединить довольно обычные явления рафинированного зверства на почве мрачного фанатизма в виде насильственного обращения сельского населения в ислам, похищения девушек и мальчиков для продажи их в гаремы и насилования молодых женщин на глазах их мужей и отцов».

Председательствующий. Господин защитник, прошу вас не касаться... Это не было предметом следствия и не имеет отношения к делу.

Карабчевский. Достаточно взглянуть на карту Малой Азии, чтобы убедиться, что названные мною племена, промышляющие разбоем, находятся в союзе с Арменией; нравы их также описываются в учебниках географии...

Председательствующий. Прошу вас, продолжайте в пределах, указанных мною.

Карабчевский. Я старался доказать, что армяне не склонны к насилию вообще, я перечислял их мирные добродетели. Эти добродетели оказались политическими пороками. Наряду с армянами влачили некогда столь же жалкое рабское существование греки, сербы, румыны, болгары — словом, все христианские народности, подвластные Турции. И что же мы видим? Теперь все (т.е. почти все) мало-помалу освободились, встали на ноги. Всеобщее греческое восстание 1820—1827 гг. было первым освободительным пламенем, подогревшим Европу. Дикие репрессии турок, выразившиеся в таких фактах, как поголовные избиения всего населения острова Хиоса или повешение в день св. Пасхи в Константинополе в облачении против церкви патриарха с тремя архиепископами, вызвали вопль всеобщего негодования. Известно, что рыцарски воинственному вмешательству императора Николая I, закончившемуся нашими победами в

Турции и Адрианопольским миром (1829), обязано новое Греческое королевство своим бытием. В двадцатых годах настоящего столетия политиканской хитрости мясника Милоша обязана Сербия своему возникновению с наследственной княжеской династией. Но все это были пока только единичные попытки силой или хитростью сбросить с себя ненавистное иго рабства.

Армяне оставались стойчески терпеливыми. Самое большее, в чем проявлялся их протест, это в периодических переселениях в пределы России. Петр Великий, покорив побережья Каспийского моря, спешит заселить этот край христианским элементом, армянами-колонистами, и воспользоваться ими как надежной точкой опоры в борьбе с мусульманством. Особенное значение для поращенной «райи» и вообще для судеб турецких армян имели победоносные войны Екатерины II. Кучук-Кайнарджинский трактат 1774 г. впервые ставил официально христиан Востока под покровительство России. Постройкой на Днепре города Григориополя, исключительно для эмигрировавших турецких армян, императрица надеялась достичь того, что «находящиеся за границей армяне, видя благоденствие переселенцев, к ним присоединятся». И действительно, армяне массами стали переселяться в Крым, «превращая пустыни в грады». Павел I «во внимание к отличному трудолюбию, тщательному домостроительству и примерному поведению» переселившихся в Россию турецких армян и для привлечения новых переселенцев жалует им грамотой 28 октября 1799 г. новые милости и преимущества. По окончании войны 1812 г. Александр I грамотой на имя всего армянского народа, данной в Теплице 16 сентября 1813 г., выражает благодарность за то, что посреди смутных обстоятельств они «пребыли тверды и непоколебимы в своем усердии к Нам и Престолу Нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самой жизнью на пользу службы Нашей и для общего блага». Император считает себя обязанным засвидетельствовать им перед целым светом справедливую признательность и благоволение. С особенной силой сказалась привязанность армян к России во время войны ее с Персией в 1826 г. Они массами стали переселяться в Россию. Персидское правительство пугало их крепостным правом в России и рекрутчиной, но армяне отвечали: «Лучше будем есть сено в христианской земле, нежели хлеб в Персии». В Турецкую войну 1828 г. Порта переселила всех армян из пограничных местностей в отдаленные области, но не могла преградить путь для выражения симпатий России. По заключении Адрианопольского мира турецкие армяне массами стали выселяться в Россию (около 90 тыс. душ). Порта встревожилась, так как уходил самый трудолюбивый ремесленный народ. Из Константинополя послали в Эрзерум епископа Варфоломея, чтобы удержать армян от переселения; но ему отвечали: «Если бы сам Христос сошел с неба, чтобы уговорить нас остаться в Турции, и Его бы не послушались».

Предпоследняя война наша с Турцией, которой император Николай I надеялся «похоронить мертвого», т.е. покончить с Турцией как с европейской державой раз и навсегда, исполнила турецких армян самых радужных надежд. Армяне выказали преданность и содействие России. Увы! — этим надеждам не суждено было сбыться. Война с «союзниками», закончившаяся одиннадцатимесячной геройской обороной и падением Севастополя, как известно, спасла «больного человека», т.е. Турцию и дала отсрочку подвластным Турции христианам для новых страданий. По окончании нашей Крымской кампании турецкие армяне подверглись страшным репрессиям за свои симпатии к России.

Так дело оставалось до нашей последней Турецкой войны с ее кровавыми Дунаем, Плевной и Шипкой и победоносным Сан-Стефанским трактатом, ограниченным впоследствии Берлинским трактатом. Известно, что этой последней нашей войне 1878 г., последним усилиям окончательно освободить христиан на Востоке предшествовала сербская война и болгарская резня. Но по крайней мере, для этих и других христианских народностей пролитая русскими кровь оказалась пролитой не даром; Сан-Стефанским трактатом установлена автономия Румынии, Сербии и Черногории, возникло и новое христианское государство, независимое от прежнего своего властелина, — Болгария.

Армяне, как настоящие пасынки истории, и на этот раз оказались в хвосте исторических удач и благополучия. Но все же Сан-Стефанский договор имел для армянского народа огромное нравственное и политическое значение. На страницах международных трактатов о его судьбе заговорили впервые. Часть турецких армян Малой Азии перешла России, а относительно другой части, оставшейся за Турцией, впервые, по инициативе России, было выговорено право на специальные реформы, ограждающие личную и имущественную безопасность армян. По ст. 16 Сан-Стефанского договора Турция торжественно обязывалась перед Россией: «Произвести без дальнейшего отлагательства улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями областей, населенных армянами, и обезопасить их от курдов и черкесов». Берлинский конгресс вырвал у России исключительное право на такое обязательство, добытое русской кровью, и воспроизвел ст. 16 Сан-Стефанского договора в § 61 Берлинского трактата, предоставив не исключительно России, а шести великим европейским державам сообща следить за выполнением обязательств Порты и требовать их выполнения. Чтобы ослабить влияние России на Востоке, Европа себя поставила на ее место и, таким образом, как бы поручилась торжественно за безопасность армян. Независимо от этого 4 июня 1878 г. Англия отдельно заключила трактат с Турцией, которым брала Малую Азию, а стало быть, и судьбу Армении под свой великодушный протекторат.

Итак, на основании всего сказанного мною следует считать бесспорно официально и документально установленным, что до Сан-Стефанского договора личная судьба каждого армянина, жителя Малой Азии, не была законно ограждена турецкими законами, не была обезопасена и от разбойных нападений соседних курдов и черкесов. В Константинополе впоследствии действовала так называемая «армянская конституция»; но это была эфемерная конституция, полная платонических благопожеланий, бесплодных ходатайств, надежд и — только. В провинциях никаких реформ не предпринималось, несмотря на «зоркий» надзор шести держав. Если, по русской пословице, у семи нянек дитя без глаза, то для несчастной Армении оказалось довольно и шести нянек для того, чтобы продолжать влачить свое прежнее бедственное существование.

Затем, в 1894, 1895 и 1896 гг., как раз в то время, когда, после шестнадцати лет бесплодного ожидания, стали торопить Турцию с реформами для армянских провинций, которые желала облагодетельствовать Европа, совершилось нечто столь дикое и неслыханное, чему не хотели сперва верить и чему с содроганием вынуждены были наконец поверить. Я говорю о массовых избиениях армян в Сассуне (1894), а затем последовательно и во всех округах Малой Азии, наконец, и в самом Константинополе.

Избиение в городе Байбурте, родине Киркора Гулгуляна, где от ударов убитого им здесь Хассана Милия-оглу пали его отец и два брата, совершилось 27 октября 1895 г. По официальным данным (донесения консулов, английская «Синяя» и французская «Желтая» книги и т. п.), установлено, что в Байбурте все армяне мужского пола были перебиты или заключены в тюрьму. Эти данные вполне совпадают с тем, что мы слышали здесь. Разграблено было четыреста домов, число убитых достигало тысячи. В окрестностях Байбурта совершенно разграблено и разрушено сто шестьдесят пять деревень.

Первая сассунская резня была объяснена мятежом якобы со стороны самих армян, причем их убито было десять тысяч человек. Но мало-помалу истина вскрылась. Благодаря данным, разоблаченным представителями держав и частными лицами (в их числе с уважением следует упомянуть ирландца Диллона, англичан-супругов Гаррисов, француза Шарметана, немца Лепсиуса и наших русских публицистов Джаншиева, Гольстрема, графа Комаровского и других), получилась картина поистине потрясающая. По сведениям, собранным представителями великих держав, до начала 1896 г. в Малой Азии убито 37 085 душ, разорено и сожжено домов 39 749, насильственно обращено в магометанство 40 950 человек, пушено по миру 290 300 человек. Повсюду были открыты подписки на пожертвования в пользу вдов и сирот армянских, разрешен был официально такой сбор и русским правительством в 1896 г. Но самой ужасной стороной этого исторического события явилось то, что вся эта резня оказалась, по-видимому, не случайным взрывом племенной или религиозной вражды, а прямо-таки организованным, систематическим массовым избиением армян на пространстве всей Малой Азии. Это был по-своему изготовленный Востоком суррогат так долго и терпеливо ожидаемых Европой реформ для Армении.

Вот на какой исторической почве выросло событие, которое вы неожиданно призваны рассудить сегодня. На почве бедствий всего армянского народа, бедствий, о которых тот, кого Европа привыкла звать «праведным старцем», — Гладстон, едва ли не первый, не даром во всеуслышание провозгласил: «Это были бедствия, в которых преувеличение невозможно потому, что действительность превзошла самое необузданное воображение!» Что мне еще сказать вам?

Киркор Гулгулян и Хассан Милий-оглу случайно встретились в России, здесь, в Симферополе, после трех лет. Хассан преуспевал. Нажившись на убитых там, у себя в Байбурте, он не переставал наживаться и на их вдовах и сиротах, ссужая им деньги и припасы за огромные проценты. Об этом свидетельствует список найденных при нем документов, перечень векселей и обязательств армянских женщин, родственники которых бежали в Россию. По отзыву свидетелей, он был всегда злым ростовщиком, а после байбуртовской резни особенно нажился и стал наезжать в Россию по своему законному турецкому паспорту для сбора дани и по документам, и без документов с армян, у которых оставались родственники в Байбурте. Из страха за участь оставшихся там ему платили исправно. Неслыханная дерзость и откровенность своеобразного разбойно-международного промысла и полное бессилие противопоставить ему что-либо!

Киркор Гулгулян, разоренный, обездоленный скиталец, встретил неожиданно Хассана в кофейной Карабета и замер на месте. Перед ним был Хассан, тот самый Милий-Хассан, который резал его отца и братьев в ту минуту, когда, изнывая от страха, он сам лежал под рундуком, не смея перевести дыхание. Это был не при-

зрак Хассана, это был сам живой Хассан, от которого лишь на Киркора веяло ужасом замогильного призрака. Призрак заговорил. Он даже произнес несколько слов на человеческом языке: «Здравствуй!.. Я помню твою фамилию».

Далее он не продолжал. Он — «помнил фамилию Гулгулянов»! Этого было достаточно. Участь Хассана была решена.

Мы знаем, что Киркор бросился на Хассана, когда тот шел не один, а в числе еще других пяти человек. Вместе они составляли одну, довольно компактную группу. Ночь была темная и туманная, уличные фонари едва освещали их путь. Вы знаете, какую страшную рану нанес Гулгулян Хассану. Без колебаний он отличил его от всех других, почти одинаковых с ним по росту и фигуре. Он не колебался и не ошибся. Хассан упал за смертью на месте. По заключению врача-эксперта, длинный кинжал проник прямо в его сердце. Как рассчитал и угадал Гулгулян свой удар в темноте, остается тайной его или Провидения. Словно лезвие кинжала было намагничено и его притянуло к железному, не знавшему никогда сострадания сердцу Хассана.

Теперь остается еще один вопрос: виновен ли Киркор Гулгулян? Русские законы, в том числе и тяжкая статья уголовного закона, карающего за преднамеренное убийство, рассчитаны вообще на людские отношения, нормируемые законами. Вы знаете, из какой пучины бесправия и беззакония вынырнул несчастный Гулгулян. Убийца его отца и братьев, которого он увидел теперь перед собой, не подлежал и не мог подлежать никакому законному возмездию. Стало быть, несчастному оставалось бы только «забыть» о том, что его старик-отец и два брата на его же глазах безжалостно зарезаны Хассаном. Но разве это забыть возможно? Разве подобные вещи забываются?

Он не искал встречи с Хассаном. Их свела судьба, их свел тот рок, вера в который так сильна на Востоке.

От человека мы вправе требовать лишь человеческого. Забыть, простить Хассану мог бы разве «сверхчеловек». Не ищите его в несчастном, жалком Гулгуляне. Ваш суд также только суд человеческий. Что сверх человека, то уже Божье, и нам остается только посторониться... Посторонимся!

После двух минут совещания присяжные заседатели вынесли подсудимому оправдательный приговор.

Печатается по: *Карабчевский Н. П. Около правосудия: Статьи, речи, очерки / Сост. И.В. Потанчук. Тула: Автограф, 2001. С. 339—349.*

К РАЗДЕЛУ V

№ 2

Текст письма
Президиума ЦК КП Армении в ЦК КПСС

13 ноября 1964 г.

О мероприятиях в связи с 50-летием массового истребления армян
в 1915 году

В апреле 1965 г. исполняется 50 лет со времени массового истребления армян. В 1915 г., в Первую мировую войну, трехмиллионное армянское население, проживающее в Западной Армении, а также других городах и местностях Турции, подвергалось массовой резне, выселению и истреблению. Это было осуществлением правящей кликой султанской Турции человеконенавистнической политики геноцида в крупных масштабах.

Планы «решения» армянского вопроса путем физического истребления армян в Османской империи осуществлялись еще в 70—90-х гг. XIX в. султаном Абдул-Гамидом. Эту политику в более широких масштабах продолжали младотурки. Их планы вытекали из пантюркистских захватнических устремлений господствующих кругов Турции, стремящихся отторгнуть Кавказ и некоторые другие территории от России. На пути осуществления этих планов, по заявлению младотурков, стоял армянский народ, издавна и традиционно стремившийся связать свою историческую судьбу с Россией.

Начиная с весны 1915 г. правящая клика тогдашней Турции непосредственно приступила к практическому осуществлению политики геноцида — к физическому уничтожению армян. Истреблению подвергалось мирное население, в том числе женщины, дети и старики. Преднамеренно уничтожались представители армянской интеллигенции. Зверская расправа постигла крупнейших армянских писателей Зограба, Варужана, Сиаманто и многих других. Жертвой массового террора стал и известный армянский композитор Комитас. Таким путем было истреблено около полутора миллиона армян, столько же спаслось бегством и рассеялось по всему миру.

Созданные армянским народом на протяжении многих веков материальные и культурные ценности, исторические и архитектурные памятники подвергались варварскому уничтожению и разбою, предавались огню. Западная Армения была опустошена.

По циничному заявлению тогдашнего министра внутренних дел Турции Талаат паши, за три месяца было сделано то, чего не смог сделать султан Абдул-Гамид за тридцать лет. Турецкие националисты с одобрения западных империалистов хотели «разрешить» армянский вопрос путем уничтожения целого народа. Это было проявлением политики геноцида как каннибальского метода решения национального вопроса. Недаром Гитлер, осуществляя политику истребления евреев, славян и других народов Восточной Европы, в августе 1939 г. говорил, что история не осудит немцев за это, ведь «в наше время никто не вспоминает истребление армян в Турции».

Ужасы тех лет, пережитые армянским народом, еще живы в его памяти и в памяти других народов.

Беспрецедентные зверства турецких расистов, погромы и массовая резня армян вызвали возмущение во всем мире. Лучшие представители прогрессивной общественности подняли голос протеста против этих злодеяний. Среди них особенно мужественно прозвучал голос выдающегося сына немецкого народа Карла Либкнехта, который в своем выступлении в рейхстаге в январе 1916 г. гневно осудил варварскую политику младотурков и их покровителей в лице германского империализма. С осуждением чудовищной политики истребления армян выступали Максим Горький, Валерий Брюсов, Анатолий Франс, Ромен Роллан и многие другие.

В самые трагические дни истории армянского народа только Советская Россия стала его истинным другом и спасителем. Она выступила в защиту интересов армянского народа. В декабре 1917 г. был издан декрет «О Турецкой Армении». Имеется ряд документов, показывающих, какой огромный интерес проявляли В.И. Ленин и его соратники — Ст. Шаумян, С. Киров, С. Орджоникидзе, Г. Чичерин и др. — к решению армянского вопроса, который отвечал бы чаяниям трудового народа. По инициативе В.И. Ленина Советская Россия оказала братскую помощь армянским беженцам, приютив, несмотря на тяжелые условия, сотни тысяч спасшихся армян на Северном Кавказе, в Крыму и в других областях республики, предоставив им жилье, продовольствие и материальные средства. Тем самым была спасена жизнь десятков тысяч армянских беженцев.

После установления Советской власти в Армении, благодаря осуществлению ленинской национальной политики Коммунистической партии, армянский народ не только получил возможность подняться из пепелища и встать на ноги, но и вступил на путь построения социализма и коммунизма. Армянский народ в братской семье народов СССР достиг огромных успехов во всех областях экономики, культуры и науки.

Ярким проявлением заботы Советского правительства о судьбах армянского народа явилась организация планомерной репатриации армян в Советскую Армению. За годы советской власти около 200 тыс. армян вернулись на родину.

Именно потому подавляющее большинство армян, спасшихся от резни и скитающихся по всему миру, связывают свое будущее с Советской Арменией.

В зарубежных армянских колониях, где проживает около 1,5 млн человек, ежегодно в апреле эта дата отмечается под знаком осуждения политики геноцида. В связи с приближением 50-летия массового истребления армян в зарубеж-

ных странах в большом количестве публикуются статьи и материалы на страницах армянских прогрессивных газет и журналов. Заметно активизировали свою деятельность различные общественные, культурные и другие организации зарубежных армян. Создаются специальные комитеты по подготовке к 50-летию, выпускается литература на армянском и иностранных языках.

В корыстных и провокационных целях стремятся отметить эту дату зарубежные армянские реакционные силы. Используя в качестве основного аргумента тот факт, что в Советской Армении ни в какой форме не отмечаются годовщины массового истребления армян, контрреволюционная националистическая партия «Дашнакцутюн» твердит о том, будто в нашей стране безразлично относятся к памяти сотен тысяч наших соотечественников, безвинно павших от рук турецких палачей, и что якобы тем самым у нас объективно оправдывается политика геноцида!

Исходя из всего этого, считаем целесообразным отметить 50-летие этой даты под знаком пропаганды торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, показа огромных достижений возрожденного армянского народа в области экономики, культуры, науки.

Вся эта работа должна проводиться так, чтобы она не повлияла отрицательно на политику улучшения взаимоотношений СССР с соседними странами, в частности с Турцией, и была нацелена на то, чтобы в истории народов подобная трагедия больше не повторялась.

Президиум ЦК КП Армении в связи с этим считает необходимым осуществить следующие мероприятия:

1. В печати и по радио широко представить статьи и материалы, посвященные данной дате, в которых с классовых, марксистско-ленинских позиций отразить наше отношение к этим событиям, пропагандировать борьбу советского народа за мир во всем мире и политику дружбы народов, неуклонно проводимую Коммунистической партией и Советским правительством, разоблачать провокационные действия империалистов и их агентов-дашнаков, разжигающих национальную вражду.

2. Провести в апреле 1965 г. в г. Ереване собрание представителей общественности, посвященное 50-летию этой даты, с повесткой дня: «Октябрьская революция и возрождение армянского народа».

3. В г. Ереване поставить обелиск в память армян, погибших в Первой мировой войне. Обелиск должен символизировать возрождение армянского народа.

4. Весной 1965 г. организовать в крупных зарубежных армянских колониях фестивали советских кинофильмов и выставки советской армянской книги. В этот период послать в зарубежные армянские колонии делегацию из представителей работников науки, литературы и искусства для пропаганды достижений Советской Армении.

Просим санкционировать.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП АРМЕНИИ

(Я. ЗАРОБЯН)

« _____ » ноября 1964 г.

а-25.

Печатается по: *Национальный архив Армении. К. Фонд 1. Оп. 44. Д. 54. Лл. 61—65.*

**Протокол заседания
Президиума ЦК КП Армении**

13 ноября 1964 г.

Текст письма в ЦК КПСС «О мероприятиях в связи с 50-летием массового истребления армян в 1915 году».

(т. Заробян Я.)

Выск. т.т. Багдасарян О., Тер-Газарянц Г.

Одобрить текст письма в ЦК КПСС «О мероприятиях в связи с 50-летием массового истребления армян в 1915 году» и представить на рассмотрение ЦК КПСС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП АРМЕНИИ
(Я. ЗАРОБЯН)

Печатается по: *Национальный архив Армении. К. Фонд 1. Оп. 44. Д. 54. Лл. 61—65.*

**Текст письма
руководства Армянской ССР в ЦК КПСС
относительно Нагорного Карабаха и Нахичевана**

30 сентября 1966 г.

В соответствии с поручением Секретариата ЦК КПСС нами рассмотрено письмо группы деятелей науки и культуры Армянской ССР, адресованное XXIII съезду КПСС.

В письме ставится вопрос о возвращении Нагорного Карабаха и Нахичеванской АССР Армянской ССР. Авторы письма ссылаются на исторические факты и свое предложение обосновывают экономическими, политическими и этническими факторами.

В письме указывается общеизвестный исторический факт о том, что 46 лет тому назад правительство Азербайджанской ССР огласило декларацию о признании этих территорий нераздельными частями Армянской ССР, однако их фактическое присоединение затянулось.

По мнению авторов, возвращение вышеуказанных земель Армянской ССР будет способствовать дальнейшему укреплению братства и дружбы между народами, еще раз продемонстрирует торжество ленинской национальной политики.

Вопросы, поднятые в письме группой деятелей науки и культуры Армянской ССР, ставятся не впервые. С многочисленными аналогичными заявлениями и письмами в ЦК КПСС и ЦК КП Армении, особенно за последние годы, обращались большие группы ученых, творческих работников, представителей интеллигенции, рабочих, работников сельского хозяйства, студенчества и др. Постановка этих вопросов получила широкий отклик и одобрение среди общественности республики. Разделяя подобные настроения, подавляющая часть населения Армян-

ской ССР как в письменной, так и устной форме активно ставят вопрос о возвращении Карабаха и Нахичевани Армянской ССР.

К этому следует добавить, что подобные настроения широко распространены и среди населения Нагорно-Карабахской Автономной области, о чем свидетельствуют многочисленные письма, поступающие в ЦК КП Армении от различных групп трудящихся НКАО.

Внимательно изучив все аспекты этих вопросов и проанализировав сложившееся сейчас в республике положение, считаем необходимым доложить ЦК КПСС о следующем.

Для армянского народа, как и для других народов, территориальные вопросы всегда имели жизненно важное значение. Для него было величайшей национальной трагедией отторжение Турцией западных областей Армении, составляющих более 2/3 территории Армении, которое в период Первой мировой войны сопровождалось массовым истреблением полутора миллионов армян. Именно этим следует объяснить болезненную реакцию населения республики на коварство турецкой дипломатии, пытающейся фальсифицировать историю и уйти от ответственности за геноцид и отторжение армянских земель.

На протяжении длительного времени Компартия Армении ведет большую разъяснительную работу среди народа, объясняя внешнюю политику нашей партии и правительства, направленную на претворение в жизнь принципа мирного сосуществования между государствами и укрепления мира и дружбы между народами.

Настроение трудящихся свидетельствует о понимании ими правильности и мудрости внешней политики, проводимой Советским правительством и Центральным Комитетом Коммунистической партии.

Однако, если доводы о нецелесообразности постановки вопросов об отторгнутых Турцией территориях в настоящее время воспринимаются народом с пониманием, то по вопросам, связанным с возвращением Карабаха и Нахичевани Армянской ССР, мы испытываем серьезные трудности.

Дело в том, что действительно территории Нагорного Карабаха и Нахичевани с древних времен были составными частями Армении.

Принадлежность Нагорного Карабаха и Нахичевани к Армении в прошлом никем под сомнение не ставилась. Лишь в 1918—1920 гг., в период образования буржуазных государств Армении и Азербайджана и господства в них националистических партий дашнаков и мусаватистов, земли Нахичевани и Нагорного Карабаха стали объектами провокаций империалистических держав Запада и реакционных правящих кругов Турции.

После установления Советской власти в Азербайджане и в Армении возникают реальные условия и возможности для справедливого разрешения этого, искусственно созданного территориального вопроса и предпринимаются практические шаги в этом направлении.

Действительно, 1 декабря 1920 г., т.е. через день после установления Советской власти в Армении, на торжественном заседании Бакинского Совета, приветствуя победу Советской власти в Армении, председатель Азербайджанского ревкома, видный революционный деятель т. Н. Нариманов огласил Декларацию Правительства Советского Азербайджана, в которой было сказано: «Правительства мусават и дашнаков, продавшись Антанте, превратили народы в слепое орудие в руках последней и в своих империалистических вождельниках натравливали один народ на другой, создав

Карабахский, Зангезурский, Нахичеванский и другие территориальные вопросы, которые не могли быть разрешены усилиями дашнако-мусаватистской реакции.

Советский Азербайджан... объявляет, что отныне территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов: армян и мусульман; территории Зангезурского и Нахичеванского уездов являются нераздельной частью Советской Армении, а трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения...» (газета «Коммунист» — орган Центрального и Бакинского Комитетов Азербайджанской Коммунистической партии большевиков, от 2 декабря 1920 г., № 178).

В резолюции, принятой на этом заседании, указывается: «Торжественное заседание Бакинского Совета, Азревкома со всеми рабочими и красноармейскими организациями, с чувством неподдельной пролетарской радости, отмечая факт победы Советской революции в Армении, приветствует и целиком одобряет историческую декларацию, оглашенную т. Н. Наримановым, которая, устраняя раз навсегда вековые межнациональные распри и кровопролитные войны между Арменией и мусульманским миром, открывает новую страницу счастливой жизни в истории народов Закавказья и всего Востока» (там же).

Как явствует из этой Декларации, территория Нахичеванского уезда была безоговорочно признана нераздельной частью Советской Армении. Что касается Нагорного Карабаха, то передача этой территории Армении была в последующем закреплена правительственным декретом 12 июня 1921 г., опубликованным за подписью председателя Совнаркома Армянской ССР А. Мясникова, в котором было сказано, что на основании Декларации Ревкома Советской Социалистической Республики Азербайджана объявляется, что Нагорный Карабах отныне является неотъемлемой частью Советской Социалистической Республики Армении.

Декларация Азербайджанского Ревкома встретила самое горячее одобрение трудящихся Закавказья, Компартии Армении и особенно армянского народа.

Эти решения были широко обнародованы в печати и провозглашены перед всем миром как образец блестящего решения национального вопроса, возможного только в условиях социализма.

Многие видные деятели Коммунистической партии Советского Союза, С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе и др. неоднократно как в публичных выступлениях, так и на заседаниях Кавбюро РКП(б) одобряли Декларацию Азербайджанского ревкома и безоговорочно высказывались за оставление Нахичевани и Карабаха в составе Армении.

В дальнейшем эти решения остались невыполненными.

Что касается Нахичевани, то это произошло по настоянию Турции, правящие круги которой преследовали в Закавказье свои собственные пантюркистские цели, направленные против интересов народов советских республик.

Именно в результате вмешательства Турции в дела советских республик и вопреки позиции Советского Азербайджана и Советской России Нахичеванская область не была включена в состав Армянской ССР.

В тот период, в 1921 г., молодая Советская Россия в силу ряда обстоятельств внутреннего и международного порядка (Кронштадтский мятеж эсеров, опасность перехода Турции в лагерь западного империализма, опасность высадки нового десанта Антанты в Батуми и т.д.) вынуждена была согласиться с настоянием Турции о передаче Нахичеванской области под протекторат Азербайджана.

Однако следует отметить, что даже по этому договору юридически Нахичеванская область не была включена в состав Азербайджана, а лишь передана в качестве автономной территории «под покровительство» Азербайджана, ибо и тогда было совершенно очевидно, что территориально и экономически Нахичеванская область, находясь в центре Армении и составляя ее неразрывную часть, не могла быть включена в состав Азербайджана.

Что касается включения Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР, то это также не было осуществлено, и Нагорный Карабах, несмотря на свое преобладающее армянское население (по данным сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1924 г., армяне в НКАО составляли 94,4% населения), был односторонне включен в состав Азербайджана на основе единственного довода, а именно — довода об экономическом тяготении населения Нагорного Карабаха к городу Баку.

После передачи Нагорного Карабаха Азербайджанской ССР прошло более 40 лет. В момент принятия решения не было никаких правовых и политических сомнений насчет принадлежности Нагорного Карабаха Армении. В условиях тогдашней крайней экономической отсталости Армении такой вопрос, как экономическое тяготение к Баку, мог бы быть поставлен, но не мог быть главным при решении этого вопроса, ибо не только Нагорный Карабах, но и вся Армения тогда экономически тяготела к Баку и Тбилиси ввиду ее крайней экономической отсталости.

Ныне этот единственный довод снят: во-первых, потому что Советская Армения за годы Советской власти, благодаря бескорыстной помощи великого русского народа, стала одной из передовых индустриальных республик Советского Союза и теперь вполне в состоянии обеспечить успешное экономическое развитие Нагорного Карабаха; во-вторых, потому что сорокалетнее пребывание Нагорного Карабаха в составе Азербайджана дает право говорить о том, что это не обеспечило должного экономического и культурного развития этого края.

Статистика указывает, что за эти годы население Карабаха не увеличилось. Более того, армянское население области в течение последних тридцати трех лет (1926—1959) уменьшилось. Если в 1926 г. в Нагорном Карабахе насчитывалось 111 694 армянина, то в 1959 — 110 053 армянина.

Население Карабаха и ныне состоит на 85% из армян, и именно на этом основании за ним признана национальная автономия. Территориально область примыкает к Армении, являясь ее органическим продолжением.

Таким образом, основные доводы при решении любого территориального вопроса говорят о правомерности постановки вопроса о присоединении Нагорного Карабаха к Армянской ССР.

Мнение о том, что не стоит ставить вопроса о передаче Карабаха от Азербайджана Армении, так как обе территории советские, нельзя считать обоснованным, поскольку если в политическом отношении это действительно все равно, то не все равно, насколько успешно в культурном и экономическом отношении развивается тот или иной советский край, в котором живут советские люди. С передачей Карабаха Армении решается и ряд других важнейших вопросов:

а) вполне понятно, что армянская социалистическая культура, т.е. культура коренного населения Карабаха, может значительно лучше развиваться в общей системе культуры Армянской ССР. Искусство, печать, радио, культурно-просветительные учреждения, художественная самодеятельность Карабаха развивались

бы более полноценно в общении с армянской культурой, тогда как ныне даже отдельные гастрольные группы из Армении в Карабахе являются редким явлением;

б) для развития среднего и высшего образования населения Карабаха Армения имеет больше возможностей в системе обеспечения учительскими и другими кадрами. Юноши и девушки Карабаха, окончившие средние школы, получают широкие возможности продолжать образование на родном языке.

Передача Нагорного Карабаха устранил ненормальность создавшегося положения: всегда малочисленный армянской народ в условиях Советского Союза имеет две государственности — одну Союзную Армянскую республику и одну, прилежащую к ней же автономную национальную область, но в составе другой союзной республики.

На основе вышеизложенного, учитывая нынешнюю обстановку в республике, считаем крайне необходимым рассмотреть вопросы, связанные с возвращением Нахичевани и Нагорного Карабаха Армянской ССР.

При рассмотрении поднятых вопросов мы исходили из основной главной задачи обеспечения дальнейшего укрепления братской дружбы между народами Советского Союза и, в частности, между армянским и азербайджанским народами.

Нерешенность этого вопроса создает серьезные затруднения в деятельности партийных органов в проведении политико-воспитательной работы среди широких слоев населения республики.

По нашему мнению, было бы целесообразно рассмотреть и решить положительно вопрос передачи Нахичевани и Нагорного Карабаха Армянской ССР, при этом Нахичеванская АССР могла бы сохранить свою автономию в составе Армянской ССР, на территории которой она находится.

Однако, если возвращение Нахичевани Армянской ССР на современном этапе будет сопряжено с известными сложностями, то возвращение Нагорного Карабаха Армянской ССР не связано с какими-либо трудностями и может быть осуществлено безболезненно.

Опасения возможной нежелательной реакции лишены основания, так как вопрос ставится не об отторжении какой-либо части территории Азербайджанской ССР, а слиянии автономной национальной области с союзной республикой, коренное население в которых однородно — армянское.

Положительное решение этого вопроса будет иметь исключительно важное политическое значение и явится новым свидетельством торжества мудрой национальной политики нашей партии, ленинского Центрального Комитета и Политбюро ЦК КПСС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП
АРМЕНИИ

А. КОЧИНЯН

« 30 » сентября 1966 г.

№ 120

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
МИНИСТРОВ АРМЯНСКОЙ ССР

Б. МУРАДЯН

Печатается по: Национальный архив Армении. К. Фонд 1. Оп. 46. Д. 65-а. Лл. 1-9.

К РАЗДЕЛУ VI

№ 5

Постановление Сената Аргентины

20 августа 2003 г.

Сенат Аргентинской Республики:

1. Выражает глубокое сочувствие по случаю 88-й годовщины геноцида 1,5 млн армян, совершенного Турецким государством в 1915—1923 гг.
2. Отвергает любые формы геноцида против национальных, этнических, расовых и религиозных групп и осуждает их как «преступление против человечности», которое до сих пор остается безнаказанным.
3. Подтверждает ценность и действенность всеобщего принципа прав человека в современном международном контексте в качестве гарантии обеспечения мирного сосуществования народов мира, понимая при этом, что продолжающаяся безнаказанность преступлений против человечности препятствует мирному урегулированию.

[Печать]

(Подпись) Хуан Карлос Македа
Председатель

Печатается по: *Presidencia del Senado de la Nacion. VSP-437/03. Buenos Aires, 20 do Agosto do 2003.*

**Законодательный акт
Национального собрания Квебека (Канада),
устанавливающий в провинции ежегодно
День памяти жертв геноцида армян**

28 ноября 2003 г.

ПОСКОЛЬКУ начиная с 1980 г. Национальное собрание Квебека единогласно поддерживало любое предложение отметить геноцид армян;

ПОСКОЛЬКУ в последние годы ряд стран тем или иным путем признали факт геноцида армян;

ПОСКОЛЬКУ армянская община Квебека насчитывает более 20 тыс. человек;

ПОСКОЛЬКУ наши сограждане армянского происхождения очень желают сохранить память об умерших;

ПОСКОЛЬКУ квебекцы хотят разделить причиняющую боль память своих сограждан армянского происхождения о трагических событиях 1915 г. и много раз выражали это желание в Национальном собрании Квебека;

ПОСКОЛЬКУ, следуя своим социальным ценностям, квебекцы всегда отвергали нетерпимость и этническую исключительность;

ПАРЛАМЕНТ КВЕБЕКА ПРИНИМАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ:

1. 24 апреля провозглашается Днем памяти жертв геноцида армян.
2. Этот законодательный Акт вступает в силу 10 декабря 2003 г.¹

Печатается по: *Assemblée Nationale. Première Session. Trente-Septième Législature. Projet de loi № 194. Présenté par M. Yvan Bordeleau, Député de l'Acadie. Éditeur officiel du Québec. 2003.*

**Выступления
депутатов Национального совета Швейцарской конфедерации
при обсуждении резолюции о признании геноцида армян в Турции**
16 декабря 2003 г.

Председатель Макс Биндер (Председатель Национального совета).
Постулат Жан-Клода Водроза, повторно внесенный г-ном де Бюманом. Федеральный Совет отклоняет этот постулат.

Доминик де Бюман. Вопрос о признании геноцида армян 1915 г. уже неоднократно рассматривался нашим парламентом. Даже если между этими событиями и сегодняшним днем прошел почти век, тема остается актуальной, так как

¹ 10 декабря 2003 г. лейтенант-губернатор провинции Квебек Лиз Тибо подписала это постановление, придав ему силу закона.

поистине время никогда не сможет снять вину по давности лет за серьезные посягательства на жизнь и достоинство человеческой личности.

Факты убийства, жертвами которых стали армяне, были установлены и признаны с момента их осуществления. Федеральные советники Джузеппе Мотта и Постав Адор уже выступали адвокатами по этому делу в Лиге Наций в 1920 и 1924 гг. соответственно.

С самого начала, т.е. с 24 мая 1915 г., инкриминирующие факты были установлены в международном плане. Сегодня многие соседние страны, в том числе Франция, Италия и несколько более отдаленная Россия, официально выразили свою приверженность к восстановлению исторической правды.

В нашей стране Совет Республики и Кантон Женевы, затем Большой совет Женевы и недавно парламент кантона Во, приняв постулат Массимо Сандри в сентябре прошлого года, также присоединились к признанию геноцида армян.

Реальность геноцида армян 1915 г. считается настолько установленной, что эта трагедия привела к принятию Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, конвенции, которая вступила в действие в Швейцарии всего три года назад, точнее 6 декабря 2000 г.

Таким образом, было бы парадоксально не признавать в этом собрании факты, приведшие к принятию юридического документа, к которому полностью присоединилась Швейцария. В постулате Зисиадиса 00.3245, отвергнутом большинством всего в три голоса 13 марта 2001 г., предлагалось Федеральному совету, т.е. правительству, признать геноцид.

Нынешний постулат, который я внес повторно после нашего коллеги Жан-Клода Водроза, является не таким обязывающим, потому что он добивается только решения нашего Национального совета, которое было бы передано правительством по обычным дипломатическим каналам. Таким образом, ничто не угрожает экономическим отношениям Швейцарии и Турции.

Позвольте мне на этой стадии отметить, что демонстрация, которую захотел устроить г-н Шнайдер-Амманн, абсолютно не достигает цели. Данный текст равносителен только признанию исторической правды и защите прав человека, но не касается нынешних отношений между Швейцарией и Турцией. Речь не идет о том, чтобы вступать в полемику с нынешними турецкими властями, которые не несут прямой ответственности за эти печальные страницы истории.

Сегодняшняя Турция — это не Османская империя, и, мне кажется, не надо смешивать актуальные материальные интересы с признанием вечных моральных ценностей.

Вопрос стоит просто о признании исторической правды, уважении долга памяти, напоминании о том, что никогда нельзя принимать, пусть даже молча, посягательства на существование народа, и об ужасе, которым является акт геноцида. Я бы сказал, что это представляет интерес и на будущее в том плане, что отношения Швейцарии со всеми государствами мира основываются на признании взаимных исторических фактов и особенностей каждой суверенной страны. Геноцид 1915 г., без всякого сомнения, имел место, какие бы негативистские теории не были в моде и какие бы десятки писем не были получены в эти дни в парламенте, повторяющие стереотипные аргументы без всяких нюансов.

Как известно, депутаты свободны в своих убеждениях и решениях, и они в любом случае не откажутся от гуманитарных традиций Швейцарии, которые всегда были крепки и никогда не должны ослабевать.

К тому же вы не ошибетесь, потому что под этим постулатом собрано 113 подписей и он получил поддержку парламентской группы за права человека, Федеральной комиссии против расизма, а также твердую поддержку швейцарских церквей. Ранее после единодушного решения комиссий по внешней политике обе палаты передали в Федеральный совет петицию, составленную в том же духе (00.2018). То же самое было сделано Национальным советом 13 марта 2001 г. Приняв этот постулат, вы просто закрепляете принципы человеческого достоинства, выражаете свое уважение к истории, при этом вы не вступите ни в какую полемику, но подтвердите традицию Швейцарии в сфере прав человека и позволите нашей стране основывать свою политику на принципах транспарентности и истины.

Вместе с фракцией Демократическо-христианской партии, которая значительным большинством поддерживает этот постулат, я призываю вас поступить так же и принять его.

Йозеф Ланг. В последние дни мы, депутаты Национального совета, получали многочисленные, зачастую одного и того же содержания письма и послания. Их авторы отрицают геноцид армян в период с 1915 по 1918 г. и добавляют к этому, что его признание глубоко оскорбляет турецкий народ, в особенности проживающих в Швейцарии турок. Далее в письмах утверждается, что признание геноцида содействовало бы враждебности между турками и армянами.

Является ли, к примеру, признание холокоста оскорблением для граждан Германии? Ставит ли признание этой большой катастрофы под вопрос взаимное уважение между германскими гражданами еврейского и нееврейского происхождения? Не является ли признание совершенной несправедливости, напротив, основой для предпосылок к новому уважению? В этом вопросе речь не идет о том, чтобы осуществленное промышленными методами уничтожение европейского еврейства отождествлять с геноцидом армянского народа. Речь идет о том, чтобы на примере преодоления германского прошлого показать, что историческая правда не угрожает, а лишь делает возможным взаимоуважение между потомками преступников и их жертв. Мы окажем туркам, а также делу примирения между турецким и армянским народами плохую услугу, если мы прислушаемся к голосу людей, придерживающихся националистических взглядов, которые отрицают факт геноцида. Приведу пример. Какой Германии можно больше доверять: Германии, признающей холокост, или Германии, которая по-прежнему вытесняла бы из памяти и отрицала бы эту катастрофу?

В международных исследованиях по проблемам геноцида нет никаких сомнений в отношении того, что преступления младотурецкого режима в отношении армян представляют собой геноцид в духе положений Конвенции ООН по геноциду. Как явствует из сообщений свидетелей того времени, например практиковавших в разных странах врачей, уничтожение армянского народа с самого начала являлось целью младотурецкого правительства.

Первая мировая война предоставила возможность выполнить под ее тенью назревавший самое позднее с 1913 г. губительный план. Младотурки централизованно организовывали, контролировали и осуществляли депортацию и резню

армянских женщин, мужчин и детей. После геноцида практически никто из армян больше не проживал в Османской империи, за исключением Стамбула. В целом погибло свыше одного миллиона человек. Немногие из оставшихся в живых беженцев, а также их прямые потомки все еще остаются под воздействием ужасных событий. И в нашей стране в настоящее время живут 6 тыс. граждан армянского происхождения. В Швейцарии установилась крепкая традиция солидарности с армянскими жертвами резни и погромов. Так, в нашей стране уже в 1897 г. после волны преследований (армян в Турции. — *Ред.*) было собрано почти полмиллиона подписей под петицией. По сегодняшним меркам, это соответствует миллиону с лишним подписей. Признавая геноцид армян, Швейцария подтверждает эту гуманитарную и гражданско-правовую традицию. Она, как и другие страны, как и ООН, не только сделала бы шаг в поддержку правды и справедливости, но и предприняла бы меры в интересах сохранения мира.

Уэли Лейенбергер. То, что между 1915 и 1918 г. произошли убийства и депортации почти 1 млн армян, является — если не принимать во внимание точку зрения Турции — неоспоримой исторической реальностью, о чем говорится во многих научных публикациях. Эти события послужили юристу Рафаэлю Лемкину основанием для составления Конвенции Объединенных Наций от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

По идее, в Конвенции ООН против геноцида содержится мысль о том, что отсутствие реакции по отношению к преступлению такого масштаба уничтожает доверие к демократическому правовому государству и является опасным знаком на будущее. Швейцария присоединилась к этой Конвенции 7 сентября 2000 г. Признание Швейцарией геноцида армян стало бы ввиду этого только логическим и последовательным шагом.

В новой Конституции Швейцарской конфедерации внимание к проблеме прав человека рассматривается как одна из главных целей швейцарской внешней политики. В 2000 г. эта цель получила конкретное выражение в директивах по внешней политике Швейцарии. Я цитирую доклад по швейцарской политике в области прав человека: «Наша политика должна стремиться к универсальности и, следовательно, осуждать любое серьезное нарушение прав человека, невзирая на политическую, экономическую и социальную систему виновных государств и на тот район мира, где происходит такое нарушение».

Кроме того, Федеральный совет берет на себя обязательство участвовать в осуществлении стандартов прав человека и в случае грубого и повторного несоблюдения этих прав человека выступать с публичными заявлениями. Вот почему Швейцария может сохранить к себе доверие только при условии, если она будет ясно заявлять о своей позиции в каждом случае геноцида. Решительная позиция по отношению к преступлениям против человечности способствует также предотвращению преступлений в будущем. Таким образом было бы продемонстрировано, что такие массовые преступления ни в коем случае не останутся без последствий и что отныне преступникам должно быть ясно, что ни при каких условиях они не могут рассчитывать на безнаказанность.

То, что Швейцария рассматривает идею предупреждения в качестве первоочередной, согласуется с ее активным участием в создании Международного уголовного суда и с тем, что г-жа Карла дель Понте является сегодня главным прокурором в Международном уголовном трибунале для бывшей Югославии.

Швейцария также выразила желание усилить свой вклад в защиту прав человека. Она ожидает, что в 2007 г. ее представитель возглавит Комиссию по правам человека. Если Швейцария будет последовательно выполнять свои обязательства, она тем самым ясно заявит о своем отношении к имевшим место событиям — пусть даже стесняющим, но серьезным. И для кого стесняющим? Признание Швейцарией трагедии, которая произошла между 1915 и 1918 гг. в форме геноцида, — это проверка доверия к швейцарской политике в области прав человека, борьбы против геноцида и преступлений против человечности. На другом уровне Швейцария также взяла обязательство и занимает ясную позицию в отношении геноцида. В Швейцарии человек, который отрицает геноцид, может быть осужден по нашим антирасистским законам. А значит, то, что ценно для нас в Швейцарии, мы должны равным образом применять в качестве строгой нормы швейцарской внешней политики на международном уровне. Нас станут принимать всерьез на международной шахматной доске тогда, когда мы будем применять одинаковые нормы для наших действий как в плане внутренней политики, так и в плане внешней. Пора признать геноцид армян. Это признание станет знаком справедливого отношения к жертвам геноцида, выжившим людям и их потомкам. Мы не можем дольше заставлять их ждать этого знака.

Йоган Шнайдер. Многим из вас я уже в письменной форме сообщил о своей позиции по вопросу отношений между Турцией и Арменией. Я благодарю вас за то, что вы прочли мое письмо, и теперь также слушаете мое выступление. Перед вами выступает не только экономист, перед вами выступает также швейцарец, который страшно сердится, когда третьи лица верят, что мы должны ставить себе в упрек наше прошлое. Как часто приходилось в прошедшие годы Федеральному совету рассматривать парламентские акции, аналогичные той, которую мы сейчас обсуждаем? Они были всегда на одну и ту же тему о так называемом геноциде армян в начале XX столетия и его политическом осуждении. Я сам себя спрашиваю, чего мы от этого ждем. Каждый раз Федеральный совет сталкивался с такими инициативами и каждый раз получал поддержку парламента. Для меня никоим образом речь не идет — и не может идти — о том, чтобы оправдывать такие чудовищные преступления, как массовые депортации и резню. Историография подтвердила, что эти трагические события имели место, их не следует отрицать, их надо действительно осуждать. Что тем самым, однако, выиграем мы, если мы, швейцарский парламент, внесем в список неотложных политических дел и официально осудим эти скверные события? Я знаю, что часто предпринимаются попытки задним числом переписать историю или по меньшей мере так ее приспособить, что она будет некоторых устраивать.

Для меня само собой разумеется, что сегодняшние народы должны нести ответственность за эти события, что они занимают свою позицию в отношении них и взяли на себя ответственность за них. Вопрос о том, необходимо ли приносить извинения за столь давние события, мне кажется скорее спорным. Ни сожжения на кострах ведьм, ни инквизиция, ни кровавые жертвы Наполеона, ни ущемление интересов чернокожих после отмены рабства не ставятся к позорному столбу, не клеймятся в политическом плане позором. Но мне кажется, что вошло в моду осуждать сегодняшнюю Турцию за преступления, совершенные Османской империей. Такое переключивание вины приносит мало пользы, оно

ничего не дает и является дешевым жестом. Турция же не отрицает упомянутую выше резню. Она, однако, расценивает ее в историческом плане иначе, чем это хотят себе представить многие историки. Все же предоставим исторической науке и специалистам возможность дать оценку этим событиям.

Мы — политики, и нам не надо этим заниматься. Мы тем самым осложним наши отношения с Турцией. Турцию и Швейцарию связывают тесные узы политического и экономического характера. Не случайно же Турция ввела в действие у себя большую часть положений нашего гражданского права. Кроме того, налажен оживленный экономический обмен как на правительственном уровне, так и на уровне предприятий. Хотим ли мы непременно поставить под вопрос благоприятное представление о Швейцарии, сложившееся у турецкой общественности? Вы все в последнее время получили многочисленные послания и письма от живущих в Швейцарии турок, выражающих разочарование внесенным на рассмотрение постулатом. В письмах приводятся различные аргументы, однако четко просматривается одно — просьба о невмешательстве дружественной страны во внутренние дела (другой страны). Это представляется мне законным. Я, конечно, ожидаю, что Турция сама уважительно и с достоинством преодолет свое прошлое. Попутно замечу, что электронное лоббирование меня скорее рассердило, чем настроило примирительно.

Будучи президентом объединения важной отрасли экспортной промышленности, я заявляю следующее: Турция — дружественная нам страна, Турция — важный торговый партнер. Мы экспортируем в эту страну больше, чем в некоторые государства Европейского союза. Я не могу найти объяснения тому, почему мы, находясь в сложной фазе развития, хотим обременить себя еще одной трудностью, осуждая этого дружественного нам торгового партнера и тем самым неприятно его поражая. Я не могу поддержать осложнения политического диалога и отягощения наших добрых отношений в результате принятия обсуждаемой инициативы. Не могу поддержать и связанного с этим ослабления наших экономических позиций или угрозы нашим рабочим местам.

Я прошу вас поддержать предложение Федерального совета и отклонить постулат.

Ханс Видмер. Г-н Шнайдер, вы спросили, что мы выиграем, если направим инициативу на дальнейшее рассмотрение. Я вас спрашиваю: что, по вашему мнению, выиграет Швейцария своей гуманистической традицией, если она теперь не займет ясной позиции?

Йоган Шнайдер. Я просто считаю, что мы, вполне понятно, высоко ценим права человека, конечно, оказываем влияние на то, чтобы и другие страны — в соответствии со своим пониманием — высоко ценили эти права. Но я также твердо придерживаюсь мнения, что мы не должны быть примерными учениками и сами решать задачи, стоящие перед другими странами.

Йозеф Ланг. Г-н Шнайдер, вы в своем выступлении использовали такое выражение, как «так называемый геноцид», а позднее сказали, что этот вопрос надо оставить на рассмотрение историкам. У меня есть новейшая публикация «Геноцид армян и крупная катастрофа». Она является результатом международного сотрудничества исследователей.

У меня к вам вопрос: можете вы назвать современного историка, который ставит под вопрос, как таковой, факт геноцида армян?

Швейцария также выразила желание усилить свой вклад в защиту прав человека. Она ожидает, что в 2007 г. ее представитель возглавит Комиссию по правам человека. Если Швейцария будет последовательно выполнять свои обязательства, она тем самым ясно заявит о своем отношении к имевшим место событиям — пусть даже стесняющим, но серьезным. И для кого стесняющим? Признание Швейцарией трагедии, которая произошла между 1915 и 1918 гг. в форме геноцида, — это проверка доверия к швейцарской политике в области прав человека, борьбы против геноцида и преступлений против человечности. На другом уровне Швейцария также взяла обязательство и занимает ясную позицию в отношении геноцида. В Швейцарии человек, который отрицает геноцид, может быть осужден по нашим антирасистским законам. А значит, то, что ценно для нас в Швейцарии, мы должны равным образом применять в качестве строгой нормы швейцарской внешней политики на международном уровне. Нас станут принимать всерьез на международной шахматной доске тогда, когда мы будем применять одинаковые нормы для наших действий как в плане внутренней политики, так и в плане внешней. Пора признать геноцид армян. Это признание станет знаком справедливого отношения к жертвам геноцида, выжившим людям и их потомкам. Мы не можем дольше заставлять их ждать этого знака.

Йоган Шнайдер. Многим из вас я уже в письменной форме сообщил о своей позиции по вопросу отношений между Турцией и Арменией. Я благодарю вас за то, что вы прочли мое письмо, и теперь также слушаете мое выступление. Перед вами выступает не только экономист, перед вами выступает также швейцарец, который страшно сердится, когда третьи лица верят, что мы должны ставить себе в упрек наше прошлое. Как часто приходилось в прошедшие годы Федеральному совету рассматривать парламентские акции, аналогичные той, которую мы сейчас обсуждаем? Они были всегда на одну и ту же тему о так называемом геноциде армян в начале XX столетия и его политическом осуждении. Я сам себя спрашиваю, чего мы от этого ждем. Каждый раз Федеральный совет сталкивался с такими инициативами и каждый раз получал поддержку парламента. Для меня никоим образом речь не идет — и не может идти — о том, чтобы оправдывать такие чудовищные преступления, как массовые депортации и резню. Историография подтвердила, что эти трагические события имели место, их не следует отрицать, их надо действительно осуждать. Что тем самым, однако, выиграем мы, если мы, швейцарский парламент, внесем в список неотложных политических дел и официально осудим эти скверные события? Я знаю, что часто предпринимаются попытки задним числом переписать историю или по меньшей мере так ее приспособить, что она будет некоторых устраивать.

Для меня само собой разумеется, что сегодняшние народы должны нести ответственность за эти события, что они занимают свою позицию в отношении них и взяли на себя ответственность за них. Вопрос о том, необходимо ли приносить извинения за столь давние события, мне кажется скорее спорным. Ни сожжения на кострах ведьм, ни инквизиция, ни кровавые жертвы Наполеона, ни ущемление интересов чернокожих после отмены рабства не ставятся к позорному столбу, не клеймятся в политическом плане позором. Но мне кажется, что вошло в моду осуждать сегодняшнюю Турцию за преступления, совершенные Османской империей. Такое перекалывание вины приносит мало пользы, оно

ничего не дает и является дешевым жестом. Турция же не отрицает упомянутую выше резню. Она, однако, расценивает ее в историческом плане иначе, чем это хотят себе представить многие историки. Все же предоставим исторической науке и специалистам возможность дать оценку этим событиям.

Мы — политики, и нам не надо этим заниматься. Мы тем самым осложним наши отношения с Турцией. Турцию и Швейцарию связывают тесные узы политического и экономического характера. Не случайно же Турция ввела в действие у себя большую часть положений нашего гражданского права. Кроме того, налажен оживленный экономический обмен как на правительственном уровне, так и на уровне предприятий. Хотим ли мы непременно поставить под вопрос благоприятное представление о Швейцарии, сложившееся у турецкой общественности? Вы все в последнее время получили многочисленные послания и письма от живущих в Швейцарии турок, выражающих разочарование внесенным на рассмотрение постулатом. В письмах приводятся различные аргументы, однако четко просматривается одно — просьба о невмешательстве дружественной страны во внутренние дела (другой страны). Это представляется мне законным. Я, конечно, ожидаю, что Турция сама уважительно и с достоинством преодолит свое прошлое. Попутно замечу, что электронное лоббирование меня скорее рассердило, чем настроило примирительно.

Будучи президентом объединения важной отрасли экспортной промышленности, я заявляю следующее: Турция — дружественная нам страна, Турция — важный торговый партнер. Мы экспортируем в эту страну больше, чем в некоторые государства Европейского союза. Я не могу найти объяснения тому, почему мы, находясь в сложной фазе развития, хотим обременить себя еще одной трудностью, осуждая этого дружественного нам торгового партнера и тем самым неприятно его поражая. Я не могу поддержать осложнения политического диалога и отягощения наших добрых отношений в результате принятия обсуждаемой инициативы. Не могу поддержать и связанного с этим ослабления наших экономических позиций или угрозы нашим рабочим местам.

Я прошу вас поддержать предложение Федерального совета и отклонить постулат.

Ханс Видмер. Г-н Шнайдер, вы спросили, что мы выиграем, если направим инициативу на дальнейшее рассмотрение. Я вас спрашиваю: что, по вашему мнению, выиграет Швейцария своей гуманистической традицией, если она теперь не займет ясной позиции?

Йоган Шнайдер. Я просто считаю, что мы, вполне понятно, высоко ценим права человека, конечно, оказываем влияние на то, чтобы и другие страны — в соответствии со своим пониманием — высоко ценили эти права. Но я также твердо придерживаюсь мнения, что мы не должны быть примерными учениками и сами решать задачи, стоящие перед другими странами.

Йозеф Ланг. Г-н Шнайдер, вы в своем выступлении использовали такое выражение, как «так называемый геноцид», а позднее сказали, что этот вопрос надо оставить на рассмотрение историкам. У меня есть новейшая публикация «Геноцид армян и крупная катастрофа». Она является результатом международного сотрудничества исследователей.

У меня к вам вопрос: можете вы назвать современного историка, который ставит под вопрос, как таковой, факт геноцида армян?

Йоган Шнайдер. Этого сделать я не могу, г-н Ланг. И мне также неизвестно, что есть такие историки. Со своей стороны я не считал, что геноцид имеет относительный характер, он осуществлялся.

Йозеф Ланг. Вы сказали: «так называемый» геноцид. Отказываетесь вы от слов «так называемый»?

Йоган Шнайдер. Слова «так называемый» надо было понимать не в относительном плане. Я беру их назад.

Марлиз Дормон Бегелэн. Г-н Шнайдер, все ваши аргументы сводятся к сохранению экономических отношений Швейцарии с Турцией. Вы также говорили о всевозможных посланиях, которые мы получили. Это правда — прислали много, я их получила около 200, но я кое-что заметила, что и вы, конечно, заметили: это всегда одно и то же послание. Так что это всего лишь циркуляр, отправленный повторно много раз.

Но у меня к вам вопрос: не находите ли вы тем не менее, что было бы нормально — хотя ситуация не совсем одинаковая, — если Турция прямо посмотрит на свое прошлое, так, как сделала Швейцария в отношении выморочных фондов? На ваш взгляд, к Швейцарии, которой пришлось обратить пристальное внимание на свое прошлое, обсудить его, установить размеры компенсации и на деле исправить свою вину, надо относиться хуже, чем к Турции? И еще — то, что предложено сейчас, не является чрезмерным требованием.

Йоган Шнайдер. Я уже говорил, что считаю, что Турция, как и мы, швейцарцы, должна проанализировать свое прошлое. И это ей следует сделать самой, это не может быть нашей задачей — проводить в Швейцарии такой анализ событий в Турции.

В самом начале я также заявил, что страшно раздражаюсь, когда третьи лица полагают, что имеют право упрекать нас в отношении нашего прошлого и подталкивать нас к анализу нашей истории.

Марлиз Дормон Бегелэн. Мы это сделали не по собственной инициативе, а под нажимом из-за границы.

Йоган Шнайдер. Но так самостоятельно, как только возможно, это сделали мы. Это требование я отношу также к некоторым другим странам.

Борис Банга. Г-н коллега Шнайдер, не верите ли вы в огромный вред имиджу Союза работодателей швейцарского машиностроения в том случае, если, как во времена апартеида, тотально ущемляются права человека? Поддерживаете ли вы лично деловые связи с Турцией?

Йоган Шнайдер. Г-н Банга, вы точно знаете — и я протестую против ваших подтасовок, — что мы также высоко ценим права человека. Но и вы знаете, что в международных торговых отношениях мы очень заинтересованы в том, чтобы с нами корректно обращались и к другим также проявлялось корректное обращение.

Доминик де Бюман. Дорогой коллега, вы только что признали в вашем выступлении, что истребление, геноцид армян действительно имели место. Но сегодня есть негативистские теории, которые отрицают эту историческую правду. Не кажется ли вам, что вашей довольно убедительной аргументацией против постулата вы на деле оправдываете эти негативистские теории и достигаете не той цели, которую вы намечаете, а противоположной?

Йоган Шнайдер. Нет, так я не считаю. Я не думаю, что поддерживаю тех людей, которые это так понимали бы. Подчеркну еще раз: я считаю, что Турция

должна преодолеть свое прошлое по возможности самостоятельно, и делать это она должна с учетом преступлений, которые были совершены, но в уважительном и достойном духе, настолько самостоятельно, насколько это только возможно.

Доминик де Бюман. Я еще хотел бы вас спросить, как вы можете утверждать, что такой постулат может в какой-то мере считаться выпадом против Турции и угрожать нашим экономическим отношениям, тогда как, по вашей же аргументации, это была Османская империя, а не сегодняшняя Турция? Зачем же заниматься этими играми, когда вы сами указываете на разницу в строе?

Йоган Шнайдер. Мы не очень-то хотим, чтобы нами руководили извне. Точно так же Турция имеет право самостоятельно преодолеть свое прошлое, не находясь под давлением извне, осуществляемым через швейцарский парламент. Мы, представляя швейцарский парламент, считаем это необычайно важным.

Председатель (Макс Биндер). Я обращаю внимание новых членов парламента на то, что разрешается задавать только один вопрос.

Жан-Клод Реннвальд. Мне кажется, что в этом деле надо оставить эмоции, а также ответить на три вопроса.

Первый вопрос простой: имел ли место геноцид? Международное научное сообщество дало на этот вопрос ясный утвердительный ответ. Историки в один голос говорят, что между 1915 и 1918 г. погибло более миллиона армянок и армян, ставших жертвами систематических мер, которые были задуманы и реализованы тогдашней политической властью. Это все факты, а факты, как говорят, — вещь упрямая. И было бы абсурдом отрицать очевидное.

Второй вопрос: надо ли признать геноцид армян? Судя по установленным фактам, мне кажется, что совершенно абсурдно не признавать геноцид армян. В самом деле, отказ признать геноцид армян равносителен насмешке над историей. Что еще хуже — отказываться признать геноцид армян. Это все равно что думать в ту же дуду, что Жан-Мари Ле Пен, председатель Национального фронта (Франции), который заявил однажды, что газовые камеры — это лишь эпизод в истории. В связи с этим я бы хотел напомнить, что г-н Ле Пен подвергся осуждению за такие слова.

Третий вопрос может быть наиболее важен для всех, кто находится в этом зале и кого беспокоит эта проблема: способно ли признание геноцида армян по своей сути нанести ущерб швейцарской дипломатии и отношениям, которые Швейцария поддерживает с Турцией? Конечно, если мы решим сегодня признать геноцид армян, то завтра утром турецкое правительство не пришлет нам букет цветов. Тем не менее я напомню вам, что в 1985 г. геноцид армян признала ООН, организация, членом которой мы состоим. Таким образом, было бы вполне логично для Швейцарии занять по этому вопросу ту же позицию, что и ООН. Попутно можно отметить, что такое признание не побудило Турцию выйти из состава Организации Объединенных Наций.

Я бы хотел также подчеркнуть, что на сегодняшний день геноцид армян уже признали 13 национальных парламентов. И среди них, в частности, парламенты целого ряда стран, которые играют важную, а в ряде случаев ключевую роль на международной арене и которые далеко не всегда придерживаются одних и тех же взглядов. Я имею в виду прежде всего Соединенные Штаты, Россию, Канаду, Италию, а также Францию. Однако, насколько мне известно, Турция не порвала дипломатические отношения с этими государствами, и эти последние, г-н Шнай-

дер, по-прежнему поддерживают значительные экономические и торговые связи с Турцией. Время эмоций прошло, и у Швейцарии нет никаких причин не последовать этому примеру.

В силу всех этих причин я предлагаю вам поддержать постулат Жан-Клода Водроза, внесенного снова г-ном де Бюманом, и таким образом утвердить право на историческую справедливость в качестве одной из основ нашей внешней политики.

Ульрих Шлюер. От имени фракции Швейцарской народной партии я хотел бы просить вас отклонить постулат.

Мы обсуждаем исторические события, датированные 1915 г. Тогда рассматриваемая территория находилась под суверенитетом Османской империи. Сегодняшняя Турция возникла в 20-е гг. Тогда, в 1915 г., происходило чрезвычайно много ужасного, совершавшегося под знаком различных предзнаменований и по разным мотивам в различных регионах Европы. Если мы против постулата, то мы выступаем против того, чтобы заниматься политизацией по выбору.

Если к ответственности привлекают лиц, непосредственно ответственных за бойни, то это в любом отношении правильно. Что касается происшедшего в 1915 г., то в Турции в настоящее время, возможно, есть лица преклонного возраста, которые были тогда малолетними. Спустя 90 лет мы намерены распространить на нынешнее поколение коллективное осуждение.

Я не поддерживаю — говорю это для того, чтобы быть правильно понятым, — деловых отношений с фирмами в Турции. Я поездил по районам юго-западной Анатолии и при этом интенсивно устанавливал контакты с живущими там христианами. Благодаря знакомствам с христианами я узнал, что нынешнее турецкое правительство прилагает усилия с целью установить добрые отношения с христианами. В упомянутых регионах христиане свидетельствуют, что со времен правительства Т. Озала — а это уже на протяжении нескольких лет — наглядно проявляются усилия по налаживанию корректных отношений турецкого государства с христианами. Там есть монастыри, по-настоящему процветающие. О фактах преследований, о чем говорилось единодушно, сегодня не может быть и речи. Признание находят постепенные улучшения, претворяемые в жизнь.

Почему мы в настоящее время должны осудить и скомпрометировать тех, кто ныне стремится к улучшению отношений? Отношения были трудными, временами ужасными, но сегодня осознающие свою ответственность правительственные деятели стремятся улучшить отношения. Не должны ли мы протянуть руку той гуманной политике, которая направлена на примирение?

Нам ныне, в 2003 г., необходимо учитывать еще одно обстоятельство: если мы сегодня наносим обиду Турции — предложенную формальную позицию Турция воспримет так, как будто мы высказываем осуждение, — то кто возьмет на себя ответственность за то, что на стыке Европы и Азии это развяжет руки тем силам, которые никоим образом не выступают за примирение и которые никогда не захотят пойти навстречу, чтобы достичь мира в этом регионе? Об этом нам нужно спросить себя, если мы возводим мораль до уровня политики.

Впрочем, мораль, которой мы здесь клянемся, имеет странный характер. Почему здесь никто не говорит, что мы могли бы поддерживать отношения с президентом Путиным лишь после того, как сегодняшняя Россия наконец возьмет на себя полную ответственность за предпринятый Сталиным геноцид на Украине?

Вопрос не ставится лишь потому, что у того геноцида было социалистическое содержание? Почему сегодня никто не говорит: наши отношения с Китаем нужно было бы прекратить до тех пор, пока сегодняшнее правительство не возьмет на себя ответственность за ужасные события, например, за то, что происходило в стране во время культурной революции?

Почему мы с нашей моралью сосредоточиваем свои усилия исключительно на стране, которая, как мы считаем, не сможет себя защитить, тогда как мы не затрагиваем сильные страны? Я считаю, что в таком случае мораль превращается в уверенность в собственной правоте.

В чем состоит наша задача в этой связи? Поклонимся мы всем жертвам ужасных событий того времени, которые произошли по ту и по эту сторону под самыми различными предвестиями: все жертвы — это жертвы, и каждая отдельная жертва — это слишком большая жертва. Прекратим же заниматься политизацией жертв, давая одну политическую оценку определенным мотивам, другую — иным мотивам. Это не должно стать политикой Швейцарии! Политика Швейцарии должна содействовать тому, чтобы люди снова собрались с мыслями, чтобы они снова протянули друг другу руки, чтобы мы не вскрывали могилы, а помогали засыпать могилы. Это имело бы огромное значение и в затронутом регионе. Задача Швейцарии содействовать старой традиции, в соответствии с которой после прошедшей войны противники пытаются протянуть друг другу руки и говорят: мы подводим черту под всеми ужасами прошлого. Мы протягиваем друг другу руки в интересах будущего. Это лучше, чем копать в прошлом.

Я прошу вас отклонить постулат.

Барбара Херинг Г-н Шлюер, постулат Водроза Жан-Клода содержит два предложения:

1. «Национальный совет признает геноцид армян 1915 г.».

2. «Он просит Федеральный совет принять это к сведению и передать изложенную позицию по обычным дипломатическим каналам».

На каком из этих предложений вы строите вашу интерпретацию данного постулата, что посредством этого постулата речь заходит о разрыве отношений с Турцией? Этим постулатом мы хотим создать обстановку открытости. Мы требуем соблюдения «Статуса и общепринятых норм», т.е. сотрудничества с Турцией, и одновременно мы хотим изложить наши требования о гуманности и справедливости.

Ульрих Шлюер. Мои представления о произошедшем основываются на том, что я наблюдал в регионе и что обнаружил в политическом окружении, сопутствующем этой инициативе, и в ее направленности. Я делаю эти выводы из других, аналогичных инициатив, приводившихся в действие частично в Швейцарии, частично за рубежом. Я вижу это в связи с гуманной, направленной на примирение политикой, которая, по моему мнению, имеет в Швейцарии традицию и которая должна не сводиться к тому, чтобы и дальше вскрывать могилы, а стремиться помочь обескураженным людям вновь протянуть руку над могилой.

Барбара Херинг. Вы делаете этот вывод не из текста постулата.

Хайнер Штудер. Мы хотели бы вновь сосредоточить внимание на том, о чем идет речь в постулате. Как сказала задававшая вопрос, речь действительно идет о том, придерживаемся ли твердо мы, как народное представительство, точки зрения, что это был геноцид. Очень важно придерживаться такого взгляда. Вы находите много веских аргументов, поддерживающих эту позицию и одобряю-

ших постулат, в этом четырехстраничном меморандуме Швейцарской конференции епископов, Швейцарского союза евангелической церкви и Церкви христиан-католиков. Из этого вам видно, что речь идет не только о спонтанной поддержке или отклонении акта в другой стране, но и о поддержке или отклонении факта, который на протяжении всех этих десятилетий является ключевым для нас и нашего населения в отношениях с этой страной. Если коллега Шнайдер-Амманн говорит, что Турция сама должна проанализировать эту тему, он, собственно говоря, прав. Но Турция этого не делает и не стремится преодолеть свое прошлое. Если бы она решила на это, заняла бы объективную позицию в отношении этой части своей истории и вслед за этим сделала бы выводы для меньшинств в собственной стране, то тогда слово «должна», произнесенное г-ном Шнайдером-Амманном, было бы понятно. Поэтому действительно возникает вопрос, что является более важным. Турция — дружественная нам страна. Если страна является дружественной, то это не означает, что нельзя касаться болезненных проблем. Мы также должны это выслушивать, если, во всяком случае в наших действиях, также будет иметь место то, что противоречит нормам международного права и нарушает гуманность.

Мы считаем неправильным, если наша внешняя политика диктуется сначала интересами и лишь потом совестью. Итак, не следует спрашивать, где в деле можно понести ущерб, а где получить пользу! Потому речь — если постулат будет направлен на дальнейшее рассмотрение, на что мы надеемся в связи с собранными подписями, — идет не о том, что мы делаем больше, чем требуется сегодня, чтобы ясно заявить: это был геноцид, и мы хотим, чтобы «да» постулату имело превентивное значение в будущем. Предотвращение геноцида, предотвращение грубейших нарушений прав человека должно занять центральное место в нашей политике, и этого мы также хотим добиться.

Клод Рюэ. Сегодня утром мы голосовали за кредиты для содействия миру, и если мы хотим поддерживать мир, то именно потому, что у нас есть концепция прав человека, которые должны быть едиными, причем как для настоящего, так и для прошлого. И когда идет голосование за кредиты для содействия миру и, как следствие, для защиты прав человека, то нельзя оставаться в чисто виртуальном пространстве, а надо переходить к действиям и принимать политические решения, когда это необходимо. В данном случае многие ораторы указывали, что речь идет как раз о нашем долге памяти. Действительно, мы уже обсуждали этот вопрос в марте 2001 г. в Лугано, но тогда, как вы помните, у нас вызвало сомнение то, что предыдущий постулат 00.3245 требовал от правительства признать геноцид армян, тогда как на самом деле по очевидным дипломатическим причинам — и на это я хочу обратить внимание нашего коллеги Шнайдера — этот жест подобает сделать не правительству как таковому, а парламенту. Постулат Водроза Жан-Клода, повторно внесенный г-ном де Бюманом, как раз нацелен на это: он предусматривает признание геноцида Национальным советом, а не исполнительной властью. То есть этот жест предлагается сделать Национальному совету, а не правительству.

К тому же, как отмечалось, пойдя на это признание, Швейцария не будет одинока. Она следует примеру целого ряда государств — 13 национальных парламентов уже признали преступления, совершенные между 1915 и 1918 гг. против армян в Османской империи. Это парламенты Франции, России, Италии,

Соединенных Штатов, Канады, Швеции, Греции, Бельгии, Уругвая, Кипра, Аргентины, Армении, Ливана, а также многие региональные парламенты и правительства мира. Точно так же геноцид признали наднациональные органы, такие, как Европейский парламент, — первый раз в 1985, затем в 1987, Всемирный совет церквей — в 1983, Совет Европы — в 1988 г. И совсем недавно мы получили декларацию швейцарских церквей по этому вопросу.

Приходилось где-то читать, что трагические события начала века не соответствуют условиям Конвенции ООН, чтобы назвать их термином «геноцид». Но, несмотря на эти утверждения, следует подчеркнуть тот факт, что ООН тоже признала геноцид путем принятия доклада подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств. Это доказывает, что признание геноцида соответствует правилам ООН.

Располагая убедительными и обширными архивными данными и свидетельствами, историки почти единодушно заявляют, что события 1915 г. являются геноцидом, согласно соответствующей Конвенции ООН. Но эти исторические факты не являются монополией исторических исследований, вопреки тому, что следует из заявления Федерального совета. Конвенция ООН содержит нормы, определяющие преступление геноцида. Следовательно, пока установленные факты адекватны нормам ООН, признание преступления в форме геноцида требует политического решения.

Кроме того, судебные инстанции в Швейцарии недавно обращались к политикам в рамках уголовной процедуры по делу об отрицании геноцида армян, возбужденного против представителей турецких организаций. Речь шла о применении ст. 261 бис уголовного кодекса. Суд, рассматривавший это дело, не стал вдаваться в суть понятия геноцида, посчитав, что выносить определение — дело не судей, а политиков (хоть раз судьи не вышли за рамки своей компетенции!). Таким образом, нам надлежит это сделать. Речь идет о признании исторической реальности. И ни в коем случае не об осуждении Турции! И ни в коем случае об осуждении наследников Османской империи и еще в меньшей степени об осуждении нынешних турецких властей. Совсем не об этом! Речь идет о долге памяти. И этот долг памяти — это также долг мира, так как именно тогда, когда смотрят прямо в лицо историческим фактам, когда не стремятся их замаскировать, когда открыто признают факты, тогда можно превозмочь обиды и раны и, перешагнув через себя, пойти по пути сближения и в конце концов примирения.

Конечно, те, кто должен пойти этим путем, — это не только наблюдатели, как мы, но, разумеется, и главные действующие лица. Своим признанием политическая власть, которой мы являемся, может — я верю в это — облегчить в конце концов процесс признания настоящими виновниками или их наследниками.

Вот ради этой миссии мира, а не миссии осуждения и надо данный постулат поддержать.

Ханс-Юрг Фер. Я хочу обратиться к г-ну Шнайдеру-Амманну. Я должен вам сказать, г-н Шнайдер-Амманн, следующее: полученные от вас материалы потрясают своей односторонностью и своим невежеством — односторонне в пользу Турции, следовательно, в пользу потомков преступников, и невежественно в отношении Армении, т.е. потомков жертв. Из этого двухстраничного текста я понял, что для вас имеет значение. Это — деловые сделки, еще раз деловые сделки и снова деловые сделки. Ничто другое для вас не имеет значения. Я счи-

таю, что для руководителя швейцарской экономики — это жалкая, скандальная позиция. Об этом я должен вам сказать.

У меня также сложилось впечатление, что вы не извлекли урока из того, что произошло в Швейцарии в последние семь-восемь лет. Все дебаты о нашей стране и о Второй мировой войне, очевидно, прошли бесследно мимо вас. Вы должны были бы понять — по крайней мере сейчас, — что избавление от прошлого не принесет облегчения. Подобно тому, что происходит с человеком, у которого случается невроз, когда он пытается избавиться от неприятных воспоминаний, происходит и в истории стран: прошлое, от которого пытаются избавиться, «догоняет» человека. Если кто-то сам не хочет помнить о прошлом, то кто-нибудь другой делает так, что прошлое само достигнет этого кого-то.

Я не пойму также, как вы можете включаться в обсуждение вопросов об обвинении и об определении вины. Ведь есть различие между виной и ответственностью. Вспомните Вилли Брандта, который в Варшаве встал на колени, чтобы сделать жест примирения. Он не был потомком преступников, нацистов, он лично сам являлся жертвой нацистского режима. Но он проявил величие, он взял на себя ответственность за свою страну.

В вашем собственном Союзе есть члены, которые выплатили сотни тысяч франков компенсации принудительным рабочим с Украины, так как они считают свое предприятие ответственным за совершенные преступления. Страховые компании, банки, наша собственная страна — мы предоставили миллиарды на цели компенсации в духе искупления вины. И ничего этого вы не замечаете.

Г-н Шнайдер-Амманн, существует не только традиция героизма, которую понимают как историю, существует также традиция совершенной несправедливости в истории, и есть традиция признания этой совершенной несправедливости. Именно об этом у нас идет речь.

Вы называете историю геноцида армян внутренним делом Турции. Вы не говорите ни слова об Армении, о людях, живущих там, о миллионах армян во всем мире, обо всем этом — ни слова, никакого сочувствия, ничего! Я вам говорю, что этот народ — я там провел длительное время — все еще живет под впечатлением этой травмы. Это — осознание исторической травмы, овладевшее народом.

Он страдает от этого, он парализован этим. Самое скверное, что можно сделать, — это не признать геноцид как таковой. Люди в Армении воспринимают это как второе убийство, как нанесение оскорбления им, сегодня еще живущим. И вы не должны это забывать.

Г-ну Шлюеру я хотел бы сказать: если вы призываете подвести черту, засыпать могилы, то я могу вам заявить: есть только один путь, который может содействовать тому, чтобы армянская сторона подвела черту, согласилась на примирение и пошла навстречу другой стороне. Это путь признания совершенной 90 лет тому назад несправедливости. Это просто присутствует здесь, это не надо изображать как прошлое, которое никого больше не интересует.

Маркус Хуттер. Г-н Фер, не было бы уместным вместо требования о признании несправедливости, совершенной в далекие времена в чужих странах, задать вопрос о нашей роли, к примеру, в совершенной несправедливости, которую мы, большинство сидящих в зале, еще можем хорошо припомнить? Я имею в виду Камбоджу и роль, например, левых и то, как они проработали эту тему. Не

было бы уместнее задавать критические вопросы самим себе, чем давать здесь, словно всезнайки, предписания другим государствам?

Ханс-Юрг Фер. Г-н Хуттер, я полагаю, что абсолютно бессмысленно противопоставлять одну большую несправедливость другой большой несправедливости. Здесь по праву говорилось, что геноцид на Украине и сталинский ГУЛАГ также нужно сделать темой дискуссий. Вполне понятно, это нужно сделать. Но можно одно сделать и другое не забыть. В обоих случаях перед нами та же самая задача.

Отто Инайхен. Г-н Фер, я сам занимаюсь предпринимательской деятельностью в Турции. Не полагаете ли вы, что настало время, чтобы мы могли предложить конструктивные решения проблем в этом регионе? Я полагаю, что своим голосованием вы не содействовали конструктивному решению проблем в этом регионе. Вы вскрываете старые могилы, а это не может быть в наших интересах.

Ханс-Юрг Фер. Это был не вопрос, а констатация. Я все же охотно воспользуюсь возможностью кое-что сказать по этому поводу. Господин Инайхен, не нужно вскрывать могилы. Могилы существуют, и они глубокие. И если вы хотите внести конструктивный вклад и в этом зале, по крайней мере, немного содействовать тому, чтобы можно было положить начало закапыванию могил, тогда вы должны передать постулат Жан-Клода Вордоса на дальнейшее рассмотрение.

Луци Штамм. Однако это не имеет ничего общего с экономикой. Если вы хотите приобрести друга, подойдите к нему и скажите: я буду разговаривать и сотрудничать с тобой лишь в том случае, если ты признаешься, что твой прадедушка был уголовником? Что это даст?

Ханс-Юрг Фер. Г-н Штамм, это имеет отношение к тому, как обращаются с историей и что начинают делать с историей. Это не только не прошло, но продолжает жить, это мы должны принять к сведению. Так уже было в нашей стране, мы на протяжении десятилетий прикрывали сковороду крышкой, пока давление не стало столь мощным, что крышка слетела со сковороды. Тогда мы были вынуждены посмотреть в глаза этой малоприятной главе нашей истории, преодолеть ее. Это оказалось полезным. То же самое должно произойти и здесь. Это нельзя рассматривать как внутренний турецкий конфликт. Это не внутренний турецкий конфликт. Не напрасно им занимались также ООН, Европейский союз и многие другие страны. Речь идет о процессе, который мировое сообщество задолжало этой стране и этим жертвам.

Рут-Габи Вермо-Мэнголд. Я хочу продолжить мысль г-на Штамма. С добрыми друзьями можно обсуждать и самые трудные темы. Также хочу обратиться с несколькими словами примирения, хотя я не обладаю таким умением, но все же попытаюсь. Когда я ознакомилась с письмом г-на Шнайдера-Амманна, я сильно возмутилась наглостью, с которой экономика и гарантированные прибыли ставятся выше прав человека и исторической точности. Это оскорбление тех, кто стал жертвой, это новое оскорбление и еще раз новое оскорбление. Это не улучшает положение вещей. Права человека не являются предметом торга. Права человека действуют также и для Турции, права человека остаются в силе и для капитанов экономики. Права человека действуют в соответствии с принципом вмешательства и обоюдной ответственности. Никто не должен учить других, и об этом всегда говорилось. И мы, Швейцария, учились, и мы по-прежнему должны учиться, т.е. соблюдать права человека и воспринимать их как ос-

новную норму наших экономических, государственных и политических действий. И у нас есть потребность учиться этому.

Именно поэтому официальная Швейцария должна ясно заявить о своей позиции выступить, когда речь идет о признании геноцида армян. Соблюдение прав человека представляет собой несущий элемент швейцарской внешней политики, которая основывается на многолетних традициях. Именно поэтому Швейцария не может пройти мимо совершенных в прошлом зверств и ужасных преступлений.

Последствия геноцида проявляются не только в среде родственников жертв, но и в психике целых народов. То, что нам приходится констатировать в связи с отменой приглашения министру иностранных дел и в связи с искажениями в преподавании истории в турецких школах, наглядно подтверждается нынешней политикой турецкого правительства. Это относится не к прошлым временам, т.е. не является фактом из времен уже несуществующего больше государства, это горькая, наглядная актуальность, которую замечаешь, находясь в Турции.

Швейцария может и должна позитивно действовать там, где желательно предпринять соответствующие шаги. Официальная Швейцария имеет все основания выступить в поддержку честной позиции в пользу соблюдения прав человека и в пользу необходимого преодоления прошлого. Именно этого прежде всего ожидают от суверенного европейского государства ущемленные в своих интересах группы населения и соседи Турции. Без совместного анализа истории невозможно примирение!

Примирение — это основа для серьезного диалога не только между Швейцарией и Турцией, но между всеми государствами. Подлинный диалог предполагает как минимум взаимное уважение, которое нельзя отполировать с помощью «губки забывчивости». Этот печальный опыт в связи со Второй мировой войной пришлось пережить также Швейцарии.

Если государство само стремится к анализу собственной истории, то оно не должно удивляться, что за рубежом обсуждаются различные, в том числе и неприглядные, моменты и не затушевывать их. Поэтому и для Турции, как кандидату на вступление в Европейский союз, будет только полезно, если она придет к политическому решению и в результате признания исторической правды возобновит диалог. Честный диалог представляет собой ключ к всестороннему положительному развитию. Он предоставит всем жителям этого региона достойную основу для жизни и откроет перспективу последующим поколениям. Без признания (геноцида армян. — Ю.Б.) нынешнее государство Турция — по принципу одно государство, один народ — не способно и впредь будет не способно признаться в своем происхождении, своей истории и, в конце концов, в своей идентичности.

Сегодняшняя Турция — это государство, которое лишь намеревается учиться уважать и признавать права меньшинств. В случае с армянами оно также не признает их своими соседями, так как границы с государством Армения, как и прежде, закрыты. Идентичность армянской диаспоры очень сильно связана с геноцидом армян, так как без геноцида не было бы всех этих жертв. Уважение перед памятью переживших геноцид и потомками жертв требует признания страданий, причиненных этим людям.

Поэтому настало время сделать шаг в поддержку справедливости в отношении жертв и их потомков.

Мариан Югенен. Группа «Все налево!», конечно, поддерживает постулат Жан-Клода Водроза и де Бюмана. Я не буду возвращаться к прошедшим дебатам. Мне хотелось бы только напомнить следующее: г-н Шлюер удивляется, что через 90 лет после событий возникает потребность в правосудии. Г-н Шнайдер также проявляет раздражение, когда видит, что парламентарии в своих выступлениях возвращаются к геноциду армян.

Я думаю, что в истории народов, как в историях семей и личностей, существуют правила. Есть правила, по которым пережитые трагедии, те трагедии, о которых не говорили и не признавали, за которые не было даже символической компенсации, вновь выходят на поверхность истории. Мы видели это в Швейцарии. Видели это и во Франции, когда «ожила» война в Алжире. Видели это и на примере войны в Испании. Нечто подобное происходит и тогда, когда снова возникают диктатуры в Латинской Америке, как в Чили и Аргентине.

На мой взгляд, это весьма справедливо, что когда необходимые шаги не предпринимаются в самой такой стране и самой такой страной, как это происходит в странах Востока, то с требованием справедливости выступают другие страны. Требование поступает извне, это мы и видим в случае с Турцией. Турция явно не готова признать геноцид армян, она его никогда не признавала. Все письма, которые мы получили и которые, видимо, кем-то направлялись, показывают и свидетельствуют еще раз, что турецкое правительство не делает такого шага.

Надо, чтобы Турция поняла и чтобы турки, живущие в Швейцарии, поняли также, что, пока турецкая сторона не сделает этого, пока не откроет свои тайники — как это была вынуждена сделать Швейцария под давлением извне, потому что она не сделала этого раньше сама, — геноцид армян будет ее преследовать, и все новые проекты резолюций и постулаты будут появляться в этом парламенте и в других парламентах мира с целью привести ее к признанию.

Я призываю г-жу федерального советника Кальми-Ре принять этот постулат.

Мишлин Кальми-Ре (федеральный советник). Федеральный совет уже неоднократно в своих ответах на запросы парламентариев выражал сожаление и осуждение по поводу массовых трагических депортаций и убийств, которые произошли в Османской империи и причинили гибель чрезвычайно большому числу армян. Нет никакого сомнения, что речь идет о печальной и шекотливой главе в истории Турции, которая не должна оставаться запретной. В самом деле, для каждого государства важно обратиться к коллективной памяти, даже по «темным» событиям в его истории, когда речь идет о затруднительном деле, в чем мы недавно убедились в Швейцарии.

Ставится вопрос о позиции, которую Швейцария должна занять по отношению к этим трагическим событиям, происшедшим почти век назад. Политика Федерального совета заключается в проведении регулярного политического диалога с Турцией и направлена на достижение прочного равновесия на Кавказе, особенно на смягчение отношений между Турцией и Арменией. В рамках этого диалога Швейцария неоднократно поднимала Армянский вопрос и побуждала Турцию принять более примирительную политику по отношению к Армении. Оказалось, что Армянский вопрос можно обсуждать в Турции довольно открыто и что историки могут там проводить свои исследования. Напротив, политические декларации, поступающие из-за границы, не дают желаемого результата.

Когда дело касается истории, то давление извне часто воспринимается как несправедливое. Швейцария сама испытала это на себе в недавнем прошлом, и возможно, что принятие постулата, который здесь рассматривается, могло бы в результате укрепить Турцию в ее оборонительной позиции. Мы, кстати, уже сталкивались с этим вскоре после принятия постулата по геноциду армян Большим советом кантона Во в сентябре 2003 г., когда Турция отложила визит, с которым я должна была туда отправиться.

Принятие постулата, вместо того чтобы быть воспринятым обеими сторонами как послание справедливости, могло бы дать противоположный результат и внести дополнительную напряженность в решение Армянского вопроса. И формулировки постулата, предусматривающего признание парламентом, ничего не меняют в том, что решение Национального совета было бы широко воспринято как решение Швейцарии.

По этой причине я предлагаю вам отвергнуть постулат.

Председатель (Макс Биндер). Федеральный совет предлагает отклонить постулат.

Голосование

За принятие постулата — 107 голосов

Против — 67 голосов

Печатается по: *Postulat Vaudroz, Jean-Claude. Reconnaissance de Genocide des Armeniens de 1915. Date de depot 18.03.02. Conseil national 16.12.03. Adoption. Bulletin officiel — les process — Verbaux. См. в Интернете: http://www.parlament.ch/ab/frameset/f/n/4701/95679/f_n_4701_95679_95803.htm.*

№ 8

Резолюция

Национального совета Швейцарской конфедерации о признании геноцида армян в Турции

16 декабря 2003 г.

Внесенный текст

Национальный совет признает геноцид армян 1915 г. Он просит Федеральный совет принять это к сведению и передать эту позицию по обычным дипломатическим каналам.

Изложение событий

1. Истребление армян Османской империей во время Первой мировой войны стоило жизни более миллиону людей, которых депортировали и уничтожали по приказу османских властей. Эти факты, бесспорные по своей сути и размаху, послужили справочным материалом для юриста Рафаэля Лемкина, который и дал опре-

деление понятию «геноцид». Нормы, записанные в Конвенции ООН 1948 г., очень точно соотносятся с процессом уничтожения, которому подверглись армяне.

2. Признав геноцид армян, Швейцария воздаст должное жертвам, выжившим и их потомкам и будет содействовать предотвращению других преступлений против человечности. Этим решительным шагом Швейцария покажет свою приверженность соблюдению прав человека, уважению прав меньшинств и международного уголовного права. Это признание напомним также о том, что на преступления против человечности не распространяется действие срока давности, и будет содействовать борьбе против негативистского отношения.

3. Геноцид армян был признан ООН в 1985 г. путем принятия доклада одной из комиссий экспертов подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, затем его признал Европейский парламент в резолюции 1987 г. В последние годы то же самое сделали французский, шведский и итальянский парламенты, как и многие парламенты в Европе и других странах. Кантон Женева признал это дважды: в Большом совете в 1998 г. и в Совете кантона в декабре прошлого года. Можно сослаться также на позицию Всемирного совета церквей, принявшего декларацию в 1983 г.

4. 13 марта 2001 г. Национальный совет после единодушного принятия решения комиссиями по внешней политике обеих палат передал Федеральному совету петицию Ассоциации противников геноцида (Франкфурт-на-Майне), предложив ему «принять к сведению» и «поднять вопрос о геноциде в рамках политического диалога между Швейцарией и Турцией». Так что Национальный совет вправе подтвердить эту позицию в торжественной декларации.

5. Национальный совет выражает желание путем принятия этого постулата содействовать установлению прочного мира между турками и армянами, мира, который может быть достигнут только при наличии общего подхода, соответствующего исторической правде.

Позиция Федерального совета, представленная 15.05.2002 г.

Федеральный совет уже неоднократно в своих ответах на запросы парламентариев — в том числе на недавний постулат Зисиадиса (00.3245) «Геноцид армян. Признание Швейцарией» от 6 июня 2000 г. — выражал сожаление и осуждение по поводу трагических массовых депортаций и убийств, которые произошли в Османской империи и привели к огромным жертвам среди армянского населения. Турция не оспаривает этих убийств, но ее мнение о преднамеренном характере организации этих акций лицами, находившимися в то время у власти, отличается от суждения историков разных стран. Федеральный совет считает, что этот вопрос относится к области исторического исследования.

Внешняя политика Швейцарии направлена на достижение прочного равновесия на Кавказе, особенно между Турцией и Арменией. В этих условиях важно, чтобы диалог развивался в самом регионе. Например, речь шла о деятельности Турецко-армянской комиссии по примирению и о доступе исследователей обоюбого пола к архивам. Превалирует убеждение, что, поскольку дело касается горестного события в истории, надо на месте провести акцию коллективной памяти, конечно, с участием заинтересованных стран. Внешняя политика Швейцарии направлена на то, чтобы содействовать достижению турецко-армянского согласия путем политического диалога, который установлен между Швейцари-

ей и Турцией в 2000 г. и который касается, в частности, прав человека. Принятие постулата могло бы нанести ущерб уже начавшемуся официальному и регулярному диалогу.

Подписанты постулата хотели бы, чтобы их демарш способствовал прочному миру между Турцией и Арменией, направив потомкам армянских жертв послание с признанием их правоты. Однако принятие такого постулата могло бы привести к противоположному результату и еще более усилить эмоциональный груз, нависающий над отношениями между Турцией и Арменией.

Федеральный совет предлагает отклонить постулат.

[За принятие постулата подано 107 голосов, против — 67 голосов]

Печатается по: 02. 3069. *Postulat Depose par Vaudroz, Jean-Claude. Repris par de Dominique de Buman. Date de depot 18.03.2002. Depose au Conseil national, 8.12.2003 l'inter-vention est reprise par Monsieur de Buman. 16/12.2003 Conseil national Adoption. Bulletin official. См. в Интернетe: http://www.parlament.ch/7afs/data/f/gesch/2002/f_gesch_20023069.htm.*

№ 9

Резолюция

**Палаты представителей штата Пенсильвания,
устанавливающая в штате День поминовения жертв геноцида армян
в 1915—1923 гг.**

13 апреля 2004 г.

ПОСКОЛЬКУ 1,5 млн мужчин, женщин и детей армянского происхождения были жертвами жестокого геноцида, осуществленного турецкой Оттоманской империей с 1915 по 1923 г.; и

ПОСКОЛЬКУ геноцид армян и резня армянского народа признаются как попытка уничтожить все следы процветающей и замечательной цивилизации, существующей более чем 3 тыс. лет; и

ПОСКОЛЬКУ ревизионисты все еще безосновательно отрицают, что такие ужасные события имели место; и

ПОСКОЛЬКУ современная Турция продолжает отрицать и искажать факты геноцида армян и почитает тех, кто совершил это преступление против человечества как национальных героев; и

ПОСКОЛЬКУ до осуществления холокоста европейских евреев, чтобы поощрить своих последователей, Адольф Гитлер спросил: «Кто сейчас помнит (резню) армян?»; и

ПОСКОЛЬКУ постоянным напоминанием и откровенным осуждением зверств, совершенных против армян, граждане Пенсильвании подтверждают необходимость проявления постоянной бдительности с целью предотвращения подобных зверств в будущем; и

ПОСКОЛЬКУ армянский народ не получил компенсации за свои потери; и

ПОСКОЛЬКУ подтверждение 89-й годовщины геноцида армян и широкая осведомленность об ужасах прошлого имеют исключительно важное значение для недопущения в будущем геноцида; и

ПОСКОЛЬКУ Армения сейчас является свободной и независимой республикой, ставшей на путь демократии после почти 70 лет репрессивного советского господства; и

ПОСКОЛЬКУ американцы армянского происхождения, живущие в Пенсильвании, значительно обогатили наш штат своими достижениями в бизнесе, сельском хозяйстве, в научной области, сфере управления и искусстве, поэтому

РЕШЕНО (с согласия Сената), что Генеральная Ассамблея штата Пенсильвания считает 24 апреля 2004 г. «Днем поминовения в штате Пенсильвания жертв геноцида армян в 1915—1923 гг.»;

РЕШЕНО, что Главный секретарь Палаты представителей передает копии этой резолюции делегации штата Пенсильвания в Конгрессе и Армянскому национальному комитету Пенсильвании.

Печатается по: *House Resolution N 593. Session of 2004. Introduced as concurrent resolution under rule 35 March 15. 2004. Adopted April 13, 2004.*

№ 10

Из выступлений

**членов Палаты общин Парламента Канады
при обсуждении резолюции о признании геноцида армян в Турции
20 апреля 2004 г.**

Палата общин возобновила рассмотрение резолюции, внесенной 25 февраля 2004 г.

Франсин Лалонд. Г-н Спикер, завтра (21 апреля) члены Палаты впервые смогут проголосовать по этому важному вопросу, хотя подобная резолюция вносится на рассмотрение нашей Палаты в четвертый раз.

Поэтому я с удивлением обнаружила среди полученных мною писем письмо от министра иностранных дел и международной торговли, адресованное членам Парламента и призывающее нас не голосовать в поддержку резолюции, внесенной парламентарием в личном качестве. Честно говоря, я была несколько шокирована и возмущена, поскольку автором письма является один из министров правительства, которое утверждает, что придает огромное значение тому, что думают и хотят члены Парламента. Именно поэтому я и была удивлена.

Тем не менее после прочтения письма я все же была довольна тем, что он направил его нам, и скажу почему. В третьем абзаце он пишет:

Принятая правительством политика была изложена в заявлении, сделанном в Палате общин в июне 1999 г., в пользу примирения: «Мы помним бедствие, постигшее армянский народ в 1915 г. Эта трагедия была совершена с намерением уничтожить национальную группу, сотни тысяч армян подверглись зверствам, в том числе массовой депортации и резне».

Кто не читал определение геноцида в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него? Все компоненты этого определения четко упоминаются в заявлении министра.

Согласно этому определению, геноцид — это «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Это как раз то, что мы только что услышали из уст министра, или скорее из творения его пера.

Я хотела бы повторить текст резолюции, которую внесла моя коллега, представляющая избирательный округ Лаваль-Центр, с чем я и поздравляю ее. Что говорится в резолюции? Я читаю:

Палата признает геноцид армян 1915 г. и осуждает это деяние как преступление против человечества.

Некоторые новые элементы, некоторые новые события позволяют нам даже с большей уверенностью высказаться в поддержку этой резолюции.

Первым из этих событий является недавнее решение Апелляционного суда Международного трибунала в Гааге в связи с делом Крстича, который, как помнят члены Палаты, считал, что ответственность за смерть от семи до восьми тысяч мусульман в июле 1995 г. является недостаточным основанием для классификации этого события как геноцид. Апелляционный суд четко определил, что этот довод не имеет силы и признал совершившееся как геноцид.

Я полагаю, что все понимают важность этого определения суда, которое, по мнению экспертов, расширяет понятие геноцида.

Еще один факт, также очень интересный. «Нью-Йорк таймс», широко уважаемая газета, недавно изменила суть своих директивных указаний для репортеров и авторов редакционных статей. Я не располагаю французским текстом, поэтому я буду читать эти указания на английском языке:

«... после тщательного изучения научного определения слова “геноцид” мы решили принять это понятие при ссылках на совершенное турками массовое уничтожение армян в 1915 г. и в последующем... Выражение “геноцид армян” может быть использовано свободно и не должно быть оговорено фразой подобной “как считают армяне” и т.д.»

Кроме того, я могу добавить, что газета «Бостон глоб» поступила таким же образом еще в прошлом году.

Теперь возникают вопросы. Почему не признать, что заявление министра иностранных дел в 1999 г. равносильно признанию, что «был совершен геноцид»? Почему не признать это? По своему определению они идентичны.

Почему это признание угрожало бы отношениям между Турцией и Канадой и отношениям между канадскими гражданами турецкого происхождения и другими канадцами? Я могу сказать, что это не самый лучший довод, что угрозы высказывались повсюду, но никогда не осуществлялись, хотя многие законодательные органы во многих странах, о которых неоднократно упоминали, приняли подобную резолюцию.

Как эта резолюция вредит Турции? Слово «Турция» здесь не значит в отличие от резолюции, которая предложена Палатой представителей США.

Разве мы не можем вспомнить, что Мустафа Кемаль, создатель Турецкой Республики в 1923 г. — геноцид, о котором мы говорим, имел место в 1915 г., — не-

однократно осуждал эту резню? Эти факты не утаивались. Он неоднократно называл их ужасными актами и призывал наказать виновных.

Турецкая Республика не была образована до 1923 г. Турки сейчас и тогда могли бы сказать: «Это было в Османской империи. Это произошло в период кризиса. Мы сочувствуем армянам и признаем, что они были жертвами геноцида». Почему же они поступают иначе?

Я хочу добавить, что если слово «геноцид» не упоминается до 1948 г., то только потому, что оно не использовалось для такой цели...

Как может голосование в поддержку этой резолюции затормозить процесс сближения между Арменией и Турцией? Признание холокоста, конечно, не помешало невероятному сближению между Европой и Германией.

Будущее нельзя строить на сокрытии прошлого. Будущее в данном случае зависит от уважительного признания фактов, которые признаются теми, кто изучал этот вопрос.

Что касается примирения, то в будущем оно должно быть предметом обсуждения только после того, как прошлое останется позади.

Дэн Мактиги (Парламентский секретарь министра иностранных дел). Г-н Спикер, естественно, я должен иметь согласие моего коллеги — автора этой резолюции, для того чтобы предложить следующую поправку.

Я прошу единодушного согласия на внесение дополнения путем замены этой резолюции следующим текстом:

...что эта Палата помнит бедствие, обрушившееся на армянский народ в 1915 г. Эта трагедия была совершена с намерением уничтожить национальную группу, при которой сотни тысяч армян были подвергнуты зверствам, в том числе массовым депортациям и резне. Пусть память об этом периоде способствует исцелению ран, так же как и примирению существующих в наше время стран и общин, и напомним нам всем о нашем совместном долге работать вместе в пользу всеобщего мира.

Мадлен Дальфон-Гираль. Г-н Спикер. Я полагаю, что мне следует либо согласиться с этим дополнением, либо отклонить его... Я сожалею, но я не могу включить эту поправку в мою резолюцию.

Элени Бакопанос (Парламентский секретарь министра по вопросам людских ресурсов и повышения квалификации кадров). Г-н Спикер... Мне всегда доставляло удовольствие выступать в поддержку резолюций, которые вносились в Палату общин и призывали парламентариев признать геноцид армян, ибо я действительно верю, что мы все должны делать благое дело, признавать и выступать против всего дурного.

Однако я решила сегодня выступить еще и потому, что хочу заверить тех, кто пережил геноцид армян, кого я лично встречала в Монреале и в моем избирательном округе, что я хочу сделать все, чтобы они знали, что люди, подобные нам, парламентариям в Палате общин, борются за признание тех ужасов, которые они пережили, свидетелями которых они были сами и которые преследовали их всю жизнь. Я взглянула им в глаза, и их взгляд только просил признать то, что произошло, и назвать все это подходящим термином — геноцидом армян.

Я хочу заверить их, что турецкое правительство признает геноцид армян и другие зверства и делает шаг к примирению, которого все мы хотим достичь в будущем...

Нюрнбергский трибунал по военным преступлениям, созданный специально для судебного преследования высокопоставленных нацистов за зверства, совершенные в годы Второй мировой войны, впервые судил тех, кто был повинен в совершении преступлений против человечества. Эти преступления были определены в ст. 6 Лондонской хартии и включали такие преступления, как убийство, уничтожение, порабощение, депортация и другие бесчеловечные акты, совершенные против любого гражданского населения до или в период войны или же преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам...

Хотя эти зверства олицетворяют ряд преступлений, совершенных против человечества, имеются, к несчастью, много других преступлений, совершенных как в прошлом, так и в настоящее время. Некоторые из них хорошо известны; другие, такие, как катастрофа в Малой Азии в 1922 г., менее известны.

В конце Первой мировой войны почти 2 млн греков жили в регионе Малой Азии на западном берегу современной Турции. Греки жили там свыше 3 тыс. лет. В 1922 г. эти люди, подобно армянам и другим национальным меньшинствам в Турции, стали жертвами первой операции по этнической чистке в XX в.

Геноцид армян, который имел место в период Первой мировой войны, быть может, является самым ярким примером геноцида как инструмента национальной политики оттоманских турок. Геноцид армян является особым примером геноцида потому, что в отличие от холокоста еврейского народа, имевшего место в период Второй мировой войны, международное сообщество тогда не пыталось судить военных преступников или даже официально признать, что эта резня имела место.

Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него характеризует геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Ясно, что это определение касается и случая со зверствами, совершенными против армян.

Поскольку Конвенция ООН была принята в 1948 г., 30 лет спустя после геноцида армян, армяне повсюду в мире добиваются от правительств стран, где они проживают, официального признания преступлений, совершенных в период Первой мировой войны. Такие страны, как Франция, Аргентина, Греция, Россия, Швеция, Италия и Бельгия, официально признали геноцид армян...

Нашими коллективными усилиями в поддержку Армянского вопроса мы напоминаем международному сообществу, что такого рода трагические исторические события не могут быть просто забыты, либо оставаться предметом отрицания. Я надеюсь, что международное сообщество в целом предпримет необходимые шаги, чтобы осудить эти страшные акты бесчеловечности, и, признав зверства, совершенные оттоманскими турками, квалифицирует их как геноцид.

Люди могут спросить, почему так важно признать событие, которое произошло свыше 80 лет назад? Мы всегда должны помнить, что те, кто игнорирует историю, обречены повторить ее. Давайте просто подумаем о том, что, если бы международное сообщество отреагировало на это так, как оно и должно было поступить в то время, произошли бы вообще зверства в годы Второй мировой войны? Возможно, не произошли бы.

Во время прений в Палате общин тогдашний государственный секретарь по делам Центральной и Восточной Европы и Среднего Востока вновь озвучил позицию правительства Канады:

...мы помним бедствие, обрушившееся на армянский народ в 1915 г. Это преступление было совершено с намерением уничтожить национальную группу, при этом сотни тысяч армян были подвергнуты зверствам, в том числе массовым депортациям и резне.

Хотя федеральное правительство признает геноцид как «бедствие» и «трагедию», многие парламентарии, в том числе и я, не согласны с этой позицией, и мы продолжаем добиваться признания геноцида.

Я действительно верю, что совместными действиями мы можем добиться и добьемся нашей цели — признания геноцида армян правительством Канады и в конечном итоге правительством Турции. Именно поэтому я работаю в тесном контакте с армянской общиной в Канаде и с моими коллегами в Палате общин и в Сенате, чтобы убедить канадское правительство, мое правительство, признать геноцид армян. Я делаю это для тех, кто пережил геноцид, и я делаю это для моих избирателей и для всех канадцев армянского происхождения.

Стокуелл Дэй. Г-н Спикер... по поводу обсуждаемой сегодня резолюции я хотел бы отметить то, что она не предусматривает. Эта резолюция не является требованием репарации. Эта резолюция — не требование о мщении. На самом деле я бы осудил тех, кто требует мщения, и тех, кто хочет добиться какого-то возмездия...

Речь не идет о мщении и возмездии. Резолюция не осуждает народ либо правительство сегодняшней Турции. Я знаю, что те, кто представляет это правительство, с сочувствием относятся к этой проблеме.

В докладе, посвященном мусульманским странам, который только что завершил комитет Палаты общин по иностранным делам, мы фактически воздаем хвалу в наших рекомендациях сегодняшнему правительству Турции, заявляя, что Канада должна поощрять правительство Турции на то, чтобы она стала голосом демократии и умеренности в мусульманском мире и продолжала осуществлять демократические реформы и реформы в области прав человека. Мы признаем это...

В беседе с послом Турции я пытался рассеять его возможные опасения по поводу того, что эта резолюция несет в себе нечто вроде порицания в адрес турок и правительства страны. Это не так, но важно помнить то, что произошло. Случившееся надо обсуждать и называть тем, чем оно явилось. Мы не можем искать эвфематические термины для действия, которое было не чем иным, как геноцидом. Об этом заявили 126 ученых-историков и экспертов по холокосту.

В своем заключении от 7 мая 2000 г. они указали:

Геноцид армян периода Первой мировой войны является бесспорным историческим фактом, и поэтому мы призываем правительства западных демократий также признать его таковым.

Международная Ассоциация ученых-экспертов по геноциду 13 июня 1997 г. заявила, что она:

...подтверждает, что массовое убийство армян в Турции в 1915 г. является фактом геноцида, который отвечает положениям Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Роджер Смит является профессором государственного права колледжа Уильяма и Мэри. Он — историк и в прошлом президент Ассоциации ученых-экспертов по геноциду. Вот что он заявил:

На самом деле сейчас существует согласие среди ученых, что геноцид армян, который был первым широкомасштабным геноцидом в XX в., является прототипом большей части преступлений геноцида, которые имели место после 1945 г. Некоторые характерные особенности, обнаруженные в связи с армянской трагедией, проявлялись вновь и вновь в XX в.

По этому поводу высказывались и разные лидеры в мире. Рональд Рейган, будучи президентом США, сказал: «Подобно геноциду армян до холокоста...» Джеральд Форд, бывший президент США, также говорил об этом, и, как заявил он, «со смешанными чувствами мы отмечаем 50-летие геноцида армянского народа Турции». Уинстон Черчилль признавал факт геноцида и говорил о «позорном» периоде в истории; сам Мустафа Кемаль Ататюрк признавал и высказывался на этот счет.

Мустафа Ариф, министр внутренних дел Турции в 1918—1919 гг., сказал:

К несчастью, наши руководители в годы войны, руководствуясь соображениями бандитизма, осуществили приказ о депортации таким образом, что смогли превзойти пороки самых кровожадных бандитов. Они решили уничтожить армян, и они их уничтожили.

Продолжая, он указал на важный момент:

Это решение было принято центральным комитетом младотурок и было превращено в жизнь правительством... Зверства, совершенные в отношении армян, превратили нашу страну в гигантскую бойню.

Почему мы тогда добиваемся принятия этой резолюции? Потому что это произошло. Это имело место. Мы узнали много подробностей о зверствах, которые имели место в то время, о караванах смерти, о резне, изнасилованиях и во многих случаях о насильственном обращении в ислам.

В то время эти события отражались в сенсационных заголовках газетных сообщений в Британии и США. Были изданы книги. Сегодня все еще пишутся книги об этом. Наш режиссер Атом Эгоян, канадец, снял фильм на эту тему. Он называется «Арарат». Недавно бестселлером в книжной рубрике газеты «Нью-Йорк таймс» стала книга, которая называется «Тигр в огне», ее автор Питер Балакян.

Трагические события подробно описывались с тех пор, когда были сенсацией дня, и весьма подробно. Интересно отметить, что тогда в США и повсюду в мире знали, что именно происходит. Эти события на самом деле вызвали огромную реакцию. Люди стремились оказать гуманитарную помощь. Люди старались найти возможность вмешаться.

Но вмешательства не произошло. Я хочу подчеркнуть этот факт. Мир знал об этом в то время. О трагических событиях сообщали газеты. Люди были в ужасе. Тем не менее вмешательства не произошло, ибо тогда считалось, что это происходит в суверенном государстве...

Мы только что отметили — если мне позволительно использовать это слово — годовщину самого зверского события, которое когда-либо произошло в XX столетии или в истории. Я имею в виду холокост евреев. Частично объяснением запоздалого признания холокоста служит наше невосприятие, наше нежелание как

людей согласиться с тем, что человек мог так поступить по отношению к другому человеку. Тем не менее мы должны признать это.

Признание холокоста позволяет нам опознать геноцид, если он снова случится в истории человечества, а также обязывает нас действовать, чтобы по возможности предотвратить его. Вот почему так важно, чтобы геноцид был признан. Вот почему он должен быть признан таковым — геноцидом, — чтобы мы осознали тот факт, что он может случиться, что люди могут так поступить друг с другом.

Мы, как члены парламента, должны поддержать эту резолюцию, не прибегая к эвфемизмам, а используя требуемый термин, и назвать происшедшее геноцидом. Быть может, тогда, когда кто-нибудь в будущем поднимет тревогу, как это сделал посол США в Турции в 1913 г. (так в тексте. — Прим. ред.) Генри Моргантау, мы услышим приближение зловещих событий. Мы будем знать, что это случилось, мы будем знать, что это могло случиться снова, и тогда немыслимое число смертей — до 1,5 млн человек — не было бы напрасной жертвой.

Питер Стоффер. Г-н Спикер... Я получил письмо от турецкого посла. В одном из абзацев этого письма он утверждает, что правда о том, что произошло между турками и армянами, является предметом истории, которую должны изучить «свежие головы». Сам факт, что армяне столь настойчиво добиваются принятия Палатой резолюции, подтверждающей, что в прошлом имел место геноцид, на самом деле является свидетельством того, что этого не было.

Я располагаю письмом Армянского национального комитета Канады. В нем говорится: «Я убежден в вашей позиции. Вы всегда проявляли понимание исторического факта геноцида армян. Мы просим вас оказать ценную поддержку резолюции № 380».

У меня есть еще одно письмо от министра иностранных дел, в котором отмечается, что мы должны внимательно относиться к тому, что мы делаем. Одна сторона говорит «нет», другая сторона говорит «да», и при этом некто между ними декларирует, что мы должны внимательно относиться к тому, что мы делаем...

Я заявлял ясно, что мы должны назвать этот факт тем, чем он является. Это был геноцид — массовая бойня огромного числа прекрасных людей. Они были убиты по разным причинам. Мы можем спорить до бесконечности, но они были убиты и вырезаны.

Дело в том, что никто не обвиняет нынешнее турецкое правительство в том, что произошло в 1915 г. Все, что мы делаем в Палате общин, так это признаем, что это трагическое событие имело место. Мы называем это событие очень четко тем, чем оно было...

Никто в этой Палате или кто-то другой, которых я называл, никоим образом не считает, что турецкое правительство ответственно за происшедшее. Мы просто предлагаем нашу помощь турецкому правительству и армянскому народу и призываем их сойтись вместе и, как говорят, заключить мир и добиваться союза прочного мира...

Морис Веллакот. ...Я всегда с некоторой опаской относился к тому, чтобы в этой Палате обсуждались какие-то этнические столкновения в других странах мира, независимо от того, происходит это в Сьерра-Леоне или в другом месте. То, что мы делаем здесь без тщательного осмысления и внимания, которое мы должны проявить, вызывает тревогу, равно как и тот факт, что это произош-

ло много лет назад, в тот период истории, когда происходили разные вещи, вызывающие споры. Имеются две отличные друг от друга стороны этого дела.

... Мы привнесим в Палату все эти конфликты. Я не думаю, что это полезно. Я не уверен, что это конструктивно или продуктивно для Палаты. Я считаю, что было бы гораздо лучше для армянского и турецкого народов, если бы они собрались вместе и решили эту проблему. Обе стороны потеряли много жизней, и это достойно сожаления.

... Что касается истории, то это было то время, когда Россия, на востоке, и Великобритания побуждали одну из главных этнических групп Османской империи, армян, выступить против османцев в восточной части империи. Там были отдельные личности, которые действовали достаточно жестоко, армянские террористические банды. Давайте будем честны...

Эти армянские террористы в то время активизировали свои действия. Происходили спорадические столкновения между мусульманскими и армянскими общинами в Турции. Затем, когда русская армия вторглась в Восточную Анатолию в 1915 г., армянские террористические банды вместе с русской армией начали систематически нападать на османские войска, а также совершать набеги на гражданское мусульманское население, своих соотечественников. Кроме этих нападений, армянские банды также оказывали помощь русским войскам, перерезая линии снабжения османских войск, которые сражались с вторгшимися силами.

В этих условиях османское правительство решило переселить армян, которые жили близ театра военных действий, в другие провинции империи. Это решение объяснялось двумя причинами: во-первых, не допустить резни между общинами, разъединив две конфликтующие общины, и, во-вторых, пресечь поддержку, которую жители тех армянских городов и сел оказывали русским.

В период, о котором идет речь, происходили военные действия, имели место голод и болезни, совершались разбойные нападения и т.д. От этого тяжело пострадали все общины в Восточной Анатолии.

Невинное гражданское население погибло в период миграции, которая происходила зимой при очень тяжелых условиях, и это было следствием войны беспрецедентных масштабов. Но нельзя выделять тяготы, которые пережили только турки или только армяне. Это было трагическое время в истории обоих народов. Эти мучительные страдания были лишь частью трагедии, которую пережило все население Анатолии.

... Я надеюсь, что все члены Палаты, когда они завтра будут голосовать, признают, что часто мы слышали только одну сторону. Армяне пытались в то время дестабилизировать империю. Они сотрудничали с русскими на востоке. В то время происходило много трагических событий. Война — ужасна, война — отвратительна.

Было бы ошибкой сейчас, много лет спустя, ввязываться здесь в тот конфликт. Мы должны оставить эти вещи на рассмотрение историков и прийти к какому-то согласию в плане того, какова была фактическая сторона дела. Но в этом вопросе у нас нет единого мнения. Термин «геноцид» слишком сильное выражение, чтобы использовать его применительно к тому, что произошло, а именно к трагическим событиям, которые сказались на армянской общине, как, впрочем, и на турецкой общине.

Реал Менар. ...Было бы, однако, ошибкой не признать то, что случилось в годы, предшествовавшие 1915 г., и в самом этом году. Это было время, за которое сегодняшние турки не должны чувствовать себя ответственными. Мы все хорошо осознаем их желание вступить в конструктивный и позитивный диалог с армянами...

Слово «геноцид» имеет особое значение в международном праве. Оно не обладает таким же значением, как «трагедия». Оно, конечно, отличается по своему значению от слова «бедствие», последнее было предложено парламентским секретарем. В этом процессе восстановления рассматриваемого исторического события в правах мы должны помнить и называть вещи их настоящими именами.

Именно потому, что мы любим мир, именно потому, что мы верим в продуктивный диалог, именно потому, что мы ценим турецкую общину, я думаю, что завтра все члены этой Палаты должны сделать то, что сделали Аргентина, Бельгия, Кипр, Италия, Ливия (видимо, парламентарий имел в виду Ливан. — *Прим. ред.*), Россия, Швеция, Швейцария, Уругвай и Ватикан и Европейский парламент, которые призвали помнить тот факт, что 1,5 млн армян погибли во время исторического потрясения — потрясения, которым характеризовалось начало прошлого столетия.

Мы должны помнить это, чтобы избежать повторения подобного случая, и заручиться, чтобы такое событие невозможно было в будущем...

Мы все хорошо знаем, что нынешнее турецкое правительство может с полным основанием дистанцироваться от событий, имевших место в период Османской империи, когда, как было упомянуто, современная Турция, основанная Мустафой Кемаль паша Ататюрком в 1923 г., даже не существовала.

... Некоторые говорят, что если мы признаем геноцид 1915 г., то мы обесчестим некоторых людей. Это не входит в наше намерение. Это не является намерением депутата от избирательного округа Лаваль-Центр (который внес резолюцию № 380. — *Прим. ред.*). Поэтому на этом основании завтра мы должны поддержать резолюцию депутата от округа Лаваль-Центр.

Мадлен Дальфон-Гираль. Г-н Спикер, с огромным волнением я беру слово, чтобы завершить продолжающиеся второй час дебаты относительно признания геноцида армян 1915 г.

В определенной степени это волнение связано с представившейся возможностью разделить вместе с вами уважение, которое я испытываю к армянскому народу и их потрясающему упорству, с каким они требуют признания этого геноцида, несмотря на давление зачастую сомнительных социально-политических императивов. Их преданность своей самобытности и истории служит примером для нас всех.

С 1993 г. несколько раз членам Палаты общины предлагалось обсудить вопрос о геноциде 1915 г., тем не менее только одно обсуждение было санкционировано путем голосования. Это было тогда, когда 23 апреля 1996 г. депутат от Квебекского блока Мишель Давиль внес резолюцию, когда блок был официальной оппозицией. Текст этой резолюции гласил:

...в связи с 81-й годовщиной геноцида армян, который имел место 24 апреля 1915 г., эта Палата признает, что ежегодно неделю с 20 по 27 апреля следует отмечать как Неделю бесчеловечного отношения человека к человеку.

После продолжительных дебатов резолюция, по которой Палата наконец провела голосование, предусматривала признание не геноцида армян, а просто трагедии армян. Резолюция получила единодушную поддержку. Некоторые усматривали в ней шаг в правильном направлении, другие же просто считали, что это лучше, чем ничего.

С начала работы Парламента 37-го созыва уже четвертый раз мы имеем возможность обсуждать этот важный вопрос, и я восхищена, что голосование по этой резолюции происходит как раз в период, который называется, и я повторяю формулировку резолюции 23 апреля 1996 г., «Неделей бесчеловечного отношения человека к человеку». Фактически впервые мы будем иметь возможность занять четкую позицию путем голосования в поддержку признания исторического факта...

Настало время, чтобы наш Парламент присоединился ко многим парламентам — и не малозначительным, — которые уже признали геноцид армян, таким, как Сенат Канады, который 13 июня 2003 г. принял резолюцию о признании геноцида армян, предложенную сенатором Ширли Мэхью. Мне приятно подчеркнуть также, что в декабре 2003 г. Национальное собрание Квебека единогласно приняло резолюцию, провозглашающую 24 апреля Днем памяти жертв геноцида армян.

Как мы можем объяснить, что такая страна, как Канада, которая так гордится такими ценностями, как сострадание и справедливость, предпочитает использовать эвфемизм вместо того, чтобы проявить мужество и назвать вещи своими именами?

Геноцид армян был первым геноцидом XX в., но, к сожалению, он был не единственным. Ряд историков рассматривает XX век как век геноцида. Если мы оценим ситуацию в Судане в настоящее время, то убедимся, что мы еще не научились извлекать уроки из прошлого.

Сейчас, когда весь мир стал всемирной деревней, важно признать, что мы все несем ответственность. Как правильно заметил 24 марта 1998 г. г-н Роберт Кочарян, тогдашний премьер-министр Республики Армения, *«геноцид был трагедией не одного только армянского народа, но трагедией для всего человечества»*.

В завершение своего краткого выступления я хотела бы сказать, как сильно я желаю, чтобы наша Палата проявила смелость в отстаивании своих убеждений. 24 апреля этого года армяне будут отмечать 89-ю годовщину геноцида. Что касается меня, то я скоро уйду из политики. Ничто не могло бы принести мне больше счастья, чем то, что до завершения моего депутатского мандата я смогла бы по-своему помочь армянскому народу и преподнести самый лучший подарок — признание его истории.

Эмиль Анри писал: *«Мертвые живут в памяти тех, кто продолжает жить»*.

Каждый из нас обязан помнить. Благодарю за вашу поддержку и солидарность, которые вы проявите по отношению к армянскому народу в ходе голосования по резолюции М-380.

Спикер. В соответствии с регламентом 93 голосование откладывается до 21 апреля 2004 г., оно состоится до внесения частных запросов членов Палаты.

Печатается по: *37th Parliament, 3rd Session. Edited Hansard. № 039. April 20, 2004. См. также: www.parl.gc.ca (February 2, 2004—May 23, 2004) и http://www.parl.gc.ca/37/3parlbus/house/debates/037_2004-04-20 HAN037-E.htm#Int-890540.*

№ 11

**Резолюция
Палаты общин Парламента Канады
о признании геноцида армян в Турции**

21 апреля 2004 г.

Палата признает геноцид армян 1915 г. и осуждает это деяние как преступление против человечности.

[Во исполнение регламента 93(1) Палата приступила к голосованию, которое было накануне отложено, по резолюции, внесенной Мадлен Дальфон-Гираль (округ Лаваль-Центр), поддержанной г-ном Ассадурияном (округ Брэмpton-Центр), г-ном Кенни (округ Калгари-Юго-Восток) и Макдонау (округ Гали-факс). За резолюцию проголосовали 153 депутата, против — 68].

Печатается по: *House of Commons of Canada. 37th Parliament, 3rd Session. Ed. Hansard, № 039, April 21, 2004. См. также: http://www.parl.gc.ca/37/3parlbus/chambus/house/journals/038_2004-04-21 han038 Votes-E.html.*

№ 12

**Из выступлений
американских конгрессменов в Палате представителей США
по случаю 89-й годовщины геноцида армян**

26—28 апреля 2004 г.

Г-н Калвин Дули (от штата Калифорния). Г-н Спикер, я присоединяюсь сегодня (26 апреля) к моим коллегам, поминающим жертв геноцида армян...

Эта страшная человеческая трагедия не должна быть забыта. Подобно холокосту евреев, геноцид армян является трагическим примером страдания человека из-за ненависти и нетерпимости. Оттоманская турецкая империя в период с 1915 по 1923 г. вырезала 1,5 млн армян. Более 500 тыс. армян были выселены со своих родных земель, на которых их предки жили более 3 тыс. лет. Эта нация была почти уничтожена. Было бы еще большей трагедией, если бы мы предали забвению геноцид армян. Непризнание ужаса таких событий почти гарантирует их повторение в будущем... Наши выступления сегодня ставят своей целью сохранить память о погибших армянах и напомнить миру, что турецкое правительство до сегодняшнего дня отказывается признать геноцид армян. Правда об этой трагедии не может и никогда не должна подвергаться отрицанию.

Г-н Джерри Костелло (от штата Иллинойс). Г-н Спикер, я выступаю сегодня (27 апреля), чтобы почтить память жертв одной из самых ужасных трагедий в истории — геноцида армян. Армянская община здесь и повсюду в мире помнит 24 апреля 1915 г. и ежегодно отмечает эту дату. В этот день армянских религиозных, политических лидеров и интеллектуалов арестовали в Константи-

нополе, вывезли в глубинные районы Турции и убили. В последующие годы армян, живших в Османской империи, систематически лишали жилищ, собственности, свободы, достоинства и, наконец, жизни. К 1923 г. 1,5 млн армян были вырезаны и 500 тыс. были депортированы. Геноцид армян — это исторический факт, несмотря на усилия некоторых преуменьшить его масштаб и отрицать происшедшее... Как члены Конгресса и люди совести, мы должны добиваться преодоления безразличия и искажения истории и обеспечить, чтобы будущие поколения знали, что произошло тогда... Несправедливо отрицать факт совершения геноцида, когда имеются письменные свидетельства варварства и насилия на этнической почве. Это было трагическим событием в истории человечества, но, воздавая должное армянской общине, мы добиваемся того, чтобы уроки геноцида армян были надлежащим образом поняты и признаны.

Г-н Майкл Хонда (от штата Калифорния). Г-н Спикер, резолюция 193, внесенная в Палату представителей, надлежащим образом подтверждает обязательства США по Конвенции о геноциде и подчеркивает важность признания прошлых преступлений против человечества, в том числе холокоста и геноцида армян, камбоджийцев и руандийцев... По этой причине США должны признать учиненную турками резню и переселение армян как акт геноцида. Юридический комитет Палаты после единодушного одобрения резолюции о геноциде охарактеризовал геноцид армян следующим образом:

«Начиная с 1915 г. исламское турецкое государство Османской империи стремилось покончить с коллективным существованием христианского армянского населения. С 1915 по 1918 г., в период Первой мировой войны, Османская империя подвергла армянский народ депортации, экспроприации, похищениям, пыткам, резне и голоду. Эти зверства возобновились в период с 1920 по 1923 г. По подсчетам, было убито 1,5 млн из более чем 2,5 млн армян, проживавших в Османской империи. Следует отметить, что зверства прекратились с учреждением нового государства — Турецкой Республики в октябре 1923 г.»

Признание Соединенными Штатами геноцида армян давно назрело. Не признавая и не подтверждая зверства, которые, несомненно, имели место, мы подрываем доверие к нашей стране и обязательство бороться с геноцидом...

Г-жа Кэролин Малони (от штата Нью-Йорк). Сегодня (27 апреля) мы продолжаем свой крестовый поход в поддержку того, чтобы трагедия армян никогда не была забыта... Без признания факта геноцида и поминания его жертв эти зверства продолжают создавать угрозу народам повсюду в мире. Я часто привожу слова философа Джорджа Сантьяна, который сказал: «Те, кто не помнит прошлое, обречены повторить его». А чтобы помнить, мы должны, во-первых, признать, что это — геноцид. 1,5 млн армян были методически убиты младотурками, более 500 тыс. депортированы. Это было жестоко. Это делалось сознательно. Организованная кампания продолжалась более 8 лет. Мы должны заявить, что мы помним это... До сегодняшнего дня турецкое правительство отрицает, что геноцид армян имел место, и снимает с себя ответственность за гибель 1,5 млн армян. В ответ на эту ревизионистскую политику Французская Республика приняла закон, который установил моральный стандарт для международного сообщества. Национальное собрание Франции единогласно приняло закон, по которому была официально признана резня 1,5 млн армян Турции в период и после Первой мировой войны. Несколько стран уже высказались за то, чтобы история не иска-

жалась. Канада, Аргентина, Бельгия, Ливан, Ватикан, Уругвай, Европейский парламент, Россия, Греция, Швеция и Франция приняли заявления либо решения, подтверждающие факт совершения геноцида. Как страна, мы должны присоединиться к этим государствам и признать геноцид.

Г-н Джим Макговерн (от штата Массачусетс). Г-н Спикер, апрель этого года знаменует 89-ю годовщину катаклизменных событий, которые произошли в турецкой Османской империи в период между 1915 и 1923 гг., когда 1,5 млн армян было убито, а 500 тыс. выживших были насильно отправлены в ссылку... В мае прошлого года Юридический комитет Палаты представителей принял резолюцию № 193. Почти год мы ждем, чтоб Спикер Палаты включил эту резолюцию в повестку дня для обсуждения и голосования, и я настаивал бы сейчас, чтобы Спикер как можно быстрее открыл дебаты по этой резолюции, с тем чтобы Палата представителей могла присоединиться к тем странам и тем ученым, которые в соответствии с Конвенцией о геноциде признают геноцид армян и холокост евреев как первые случаи геноцида в XX в.

Г-н Фрэнк Пэллоун (от штата Нью-Джерси). ...Резолюция № 193, которую сейчас поддерживают 111 конгрессменов, была принята единогласно Юридическим комитетом Палаты представителей 21 мая 2003 г., но она все еще не внесена в Палату для обсуждения. Я бы призвал Спикера и руководителей фракции республиканской партии сделать это. Необходимо, чтобы они сделали это...

Дело в том, г-н Спикер, что когда мы говорим о геноциде армян, мы просто признаем этот факт. И мы убеждены, что если бы в то время, когда совершался геноцид, весь мир и народы мира обратили бы на это больше внимания и попытались бы предотвратить его, то это, по-нашему мнению, послужило бы всем уроком, и тогда не произошли бы ни нацистский холокост евреев, ни многие другие зверства, которые имели место в XX столетии. Если мы хотим обеспечить безопасность народов в будущем и в XXI в. не повторять ошибок прошлого, мы должны признать геноцид армян.

Г-н Адам Шифф (от штата Калифорния). Г-н Спикер, сегодня (27 апреля) я выступаю, чтобы почтить память 1,5 млн армян, погибших в ходе геноцида армян, который начался 89 лет тому назад, 24 апреля 1915 г. Я считаю своим святым долгом сделать все от меня зависящее, чтобы будущие поколения армян помнили о первом геноциде XX в., чтобы в истории не исчезла память о тех мужчинах, женщинах и детях, которые погибли от руки убийц Османской империи...

Поколения турецких руководителей упорно отрицали вообще факт совершения геноцида, несмотря на многочисленные свидетельства противного. Время на их стороне. Поколение армян, которые были свидетелями геноцида, уходит. Их дети стареют. Значительная часть мира пришла в движение, проявляется нежелание воскресить неприятную память из-за опасения вызвать раздражение современной Турции. Те из нас, кого глубоко волнует этот вопрос, должны удвоить свои усилия с целью добиться, чтобы наша страна, которая отстаивала свободу и права человека в продолжение всей своей истории, не стала соучастницей усилий Анкары предать забвению и исказить то, что случилось между 1915 и 1923 гг.

Печальнее всего то, что молчаливо солидаризируясь с теми, кто отрицает факт геноцида армян, мы выхолостили наше обязательство никогда больше не допустить повторения геноцида. Среди историков нет разногласия по поводу того, что

случившееся с армянским народом было геноцидом. Тысячи страниц документов хранятся в нашем национальном архиве. Газеты тех дней были заполнены сообщениями об убийстве армян. Обращение к Турции с призывом прекратить резню появилось в «Нью-Йорк таймс» 28 апреля 1915 г., сразу же как началось массовое убийство. 7 октября того же года газета «Нью-Йорк таймс» писала, что в Малой Азии хладнокровно были вырезаны 800 тыс. армян. В середине декабря 1915 г. газета сообщала уже об одном миллионе убитых или оказавшихся в ссылке. Видные деятели того времени, в том числе посол Америки в Османской империи Генри Моргантау и британский посол лорд Брайс, очень подробно сообщали об этой резне... Другие также с ужасом реагировали на слова посла Моргантау, который из-за отсутствия конкретного термина назвал происшедшее убийством целого народа...

До тех пор, пока Анкара занимается увеличиванием, маневрированием и увертками, Турция будет находиться в опале не из-за прошлого, а потому что отказывается обратиться к тому прошлому. И до тех пор, пока мы не исполним свой долг в этой стране, в этом Конгрессе, мы не будем достойны нашего великого имени и нашего великого наследия.

Г-н Энтони Уэйнер (от штата Нью-Йорк). ...24 апреля 1915 г. начался первый геноцид XX в.... Повсюду в Анатолии руководители армян были арестованы и убиты. Такая же участь постигла самых беззащитных — детей, женщин и стариков, всех изгнали из их домов и отправили в сирийскую пустыню. Эти массовые депортации были фактически резней. Это были марши смерти. Солдаты-конвоиры не только позволяли, чтобы депортированные подвергались нападениям, но сами участвовали в убийствах и изнасилованиях... В конечном итоге 1,5 млн армян были убиты в ходе геноцида, когда весь мир бездействовал...

Несмотря на то что в нашем национальном архиве хранятся документы и показания свидетелей, имеются люди, которые хотят стереть память об этих страшных событиях из анналов истории.

Мы не позволим, чтобы это случилось. Вот почему столь важны сегодняшние церемонии здесь, в Конгрессе США, и те, которые проходят на этой неделе. Если мир не сохранит память о геноциде армян в начале XX в., мы совершим более чем серьезную несправедливость по отношению к тем, кто погиб. Мы окажем плохую услугу поколениям, которые будут жить после нас. Они будут лишены коллективной памяти, связывающей тех, кто понимает глубину зла, которое одно сообщество может навлечь на другое...

Мы собрались сегодня (29 апреля) здесь, чтобы почтить память, а также оказать нажим на Конгресс США и добиться признания того, что, как мы все знаем, было геноцидом. Как ни трагично, этот первый геноцид XX в. был не последним. Настало время представить историю в правильном свете и наконец объявить геноцид армян совершившимся холокостом.

Мисс Дайан Уотсон (от штата Калифорния). ...Сегодня, спустя почти девять десятилетий, правительство современной Турции все еще отказывается признать факт геноцида армян. Нежелание Турции признать правду препятствует налаживанию союзных отношений между нашими двумя странами. Я заявляю нашему Президенту, что совершившееся должно быть названо преступлением геноцида. Поэтому я призываю Президента США выполнить обязательство, которое он дал, когда баллотировался в Президенты, и от имени США официально признать геноцид армян.

Г-н Генри Уэксман (от штата Калифорния). ...В период между 1915 и 1923 гг. было убито почти 1,5 млн армян и сотни тысяч были безжалостно депортированы, высланы и лишены своих домов. Хотя эти зверства были задокументированы Соединенными Штатами и другими странами, данная информация никогда не использовалась для принятия каких-либо мер... Признание геноцида армян давно назрело. Настало время, чтобы США предприняли конкретные усилия с целью покончить с отрицанием факта геноцида армян и положить конец блокаде, которая наносит ущерб Армении и которая, к несчастью, продолжается. Мы должны определить шаги, облегчающие снятие блокады Армении, и поощрить мирное решение конфликта в Нагорном Карабахе. Мы должны помочь Армении и впредь развиваться как набирающему силу демократическому государству, предоставить ей статус постоянных торговых отношений, чтобы укрепить ее экономику и быть готовыми помочь ей сохранить свою военную силу. Давайте добиваться того, чтобы наступивший год завершился полным признанием факта геноцида армян и в регионе воцарился мир в память о тех, кто погиб...

Г-н Питер Висклоски (от штата Индиана). ...В течение 8 лет развязанная против армянской общины Османской империи война этнического геноцида стоила жизни половине армянского населения мира. <...>

К сожалению, имеются люди, все еще отрицающие само существование этого периода, который был свидетелем того, как государственная власть самоутверждалась путем массовой резни армянского народа и разрушения армянской культуры. Тем, кто хотел бы оспорить эти события, я советую ознакомиться с многочисленными докладами, хранящимися в национальном архиве США, в которых подробно излагается процесс систематического уничтожения армянского населения Османской империи.

К концу 1923 г. фактически все армянское население Анатолии и Западной Армении было либо убито, либо депортировано...

Хотя важно сохранить в памяти уроки истории, мы должны также и впредь поддерживать Армению, чтобы защитить ее от новых и более враждебных агрессоров. В последнем десятилетии погибли тысячи людей и более миллиона человек стали перемещенными лицами в результате борьбы между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Даже сейчас, когда мы отмечаем достижения армянского народа и скорбим по поводу трагедий, пережитых им, Азербайджан, Турция и другие страны продолжают осуществлять истощающую блокаду этой свободной страны.

Г-н Марк Судер (от штата Индиана). ...Геноцид 1915—1923 гг. был кульминацией продолжавшейся десятилетия официальной османской политики уничтожения Армении — религиозно, культурно и этнически. «Армянский вопрос» служил проблемой для многих сменявших один другого правителей Османской империи, пока их не озарило, как им казалось, «блестящее решение».

«Нет армян, нет Армянского вопроса». Страшный ответ на вызывающий замешательство вопрос привел к массовой резне миллионов армян и продолжающемуся отрицанию резни сегодняшним турецким правительством.

Длинный список зверств задокументирован в многочисленных источниках... Несмотря на убедительные данные, доказывающие резню миллионов лю-

дей, все еще находятся люди, организации и правительства, которые отрицают то, что произошло 89 лет тому назад. Хотя многие годы США декларируют свою приверженность борьбе против нарушений прав человека, вызывает удивление тот факт, что правительство США до сих пор официально не признало эту зверскую бойню, проявление одного из самых гнусных нарушений прав человека в XX в.

...Геноцид армян в 1915—1923 гг. на фоне холокоста евреев, событий в полпотовской Камбодже, организованного Сталиным уничтожения кулаков на Украине с помощью голода, насилий мусульман против христиан в Судане является одним из худших примеров бесчеловечности и бессмысленной жестокости. Никто не отрицает, что эти насилия имели место. Действительно, отрицание этих событий сразу бы вызвало критику и гневное осуждение. Почему же тогда Турции сходит с рук, когда речь идет о признании ее прошлых ошибок?

Я понимаю, что Турция является союзником по НАТО и союзником в войне с терроризмом. Я признаю, что США нужно сохранить дружеские отношения с Турцией, чтобы помочь стабилизировать положение на Среднем Востоке. Но как друг Турции США должны повлиять на своего союзника и указать на ее ошибки. Без признания наших ошибок и наших недостатков мы не извлечем уроков из прошлого. Без признания злого умысла и жестокости, где бы это ни проявлялось, мы рискуем забыть эти события и уроки, которые должны быть извлечены из них.

Я выражаю самое глубокое сочувствие всей Армении и, что более важно, мое сожаление в адрес тех, кто продолжает отрицать или игнорирует резню 1,5 млн армян во время геноцида 1915—1923 гг.

Г-н Б р э д Ш е р м а н (от штата Калифорния). ...В начале XX в., в период Первой мировой войны и после нее, Оттоманская империя попыталась полностью уничтожить армянское население Восточной Анатолии.

Мы должны выступить сегодня вечером (28 апреля) в Палате не только для того, чтобы вспомнить об этом трагическом событии, но также провозгласить, что геноцид армян является историческим фактом...

Турции пора признать этот геноцид, ибо только таким путем турецкое правительство и ее народ могут отмежеваться от прошлых преступлений и поднять свой авторитет. Правительство Германии не замедлило признать холокост, и, сделав это, оно по меньшей мере заслужило уважение в глазах народов мира за свою честность. Турция должна последовать этому примеру, а не пытаться отрицать известный факт из своей истории.

Настало также время — на самом деле это надо было сделать очень давно, — чтобы наш Конгресс признал геноцид армян.

Г-н Дж о н Т и р н и (от штата Массачусетс). ...Я сегодня (28 апреля) выступаю в связи с одним из самых отвратительных актов, с которыми мы когда-либо сталкивались. Начиная с 1915 г. официальные власти Оттоманской империи стали выселять не повинных ни в чем армян всех возрастов из их сел на жестокую смерть. Эти зверства продолжались в течение восьми лет. К 1923 г., по подсчетам, 1,5 млн армян было вырезано.

В то время, когда совершалась эта трагедия немыслимых масштабов, мир бездействовал. Влиятельные страны хранили молчание, когда в этой части Европы стремительно росло число убитых. Сегодня и в течение всего этого месяца, когда мы осмысливаем и вспоминаем о жертвах геноцида армян, мы долж-

ны также осудить наше бездействие в отношении этого ужасного массового убийства.

Г-н Р а ш Хоулт (от штата Нью-Джерси). ...Г-н Спикер, 24 апреля 2004 г. ознаменовало 89-ю годовщину одного из самых жестоких событий в современной истории — начало геноцида армян. Армянская община слишком хорошо знает подробности этой трагедии...

К несчастью, немногие за пределами армянской общины информированы о геноциде армян — одном из самых трагичных событий в современной истории. Многие не знают, что оттоманские власти изгнали миллионы армян с их родины, где они проживали более 2500 лет. Они не знают, что оттоманские власти пытались уничтожить армянскую нацию и это событие создало прецедент для последовавших актов геноцида. Вызывает тревогу то, что ужасы такого масштаба в значительной степени забыты.

Еще более тревожит и то, что правительства, институты, ученые и отдельные лица отрицают чудовищность этих преступлений против человечества. Нельзя допустить, чтобы отдельные лица и правительства продолжали игнорировать существенные доказательства, в том числе свидетельства многочисленных очевидцев, избежавших гибели, фотодокументы и официальные документы, находящиеся в архивах США, Британии, Франции, Австрии и Ватикана, которые подтверждают, что эти зверства имели место. Вызывает озабоченность также и то, что некоторые либо дают рациональное объяснение этим преступлениям, либо отказываются признать эту заранее продуманную этническую чистку как геноцид.

Мировое сообщество должно объективно отнестись к этому бессмысленному геноциду. Мировые лидеры должны преодолеть безразличие и подняться над политическими соображениями, за которыми они скрывались до сих пор. Они должны безоговорочно признать резню 1,5 млн армян, которая началась в 1915 г. как геноцид, т.е. признать тем, чем эта резня была на самом деле. Им следует использовать свое положение, чтобы раскрыть правду и обратить внимание мирового сообщества на эту трагедию, которая прошла в свое время незамеченной и которую игнорировали слишком долго.

Все мы хотим забыть эту ужасную трагедию и оставить ее в прошлом. Однако понимание безмерных страданий, испытанных армянским народом, — и огромные масштабы, в каких они проявились, — имеют важное значение для понимания того воздействия, которое эти события продолжают оказывать на стабильность региона. Только через болезненный процесс признания и обсуждения этих ужасных событий мы можем предотвратить повторение подобного зла в будущем.

Полным признанием и подтверждением этих преступлений мы обязаны памяти 1,5 млн жертв геноцида армян. Нечто меньшее оскорбит их память.

Г-н Дж о н Ко н ь е р с (от штата Мичиган). Г-н Спикер, сегодня (28 апреля) вечером я выступаю, чтобы напомнить миру, что 24 апреля знаменует 89-ю годовщину геноцида армян, планомерную и сознательную программу их уничтожения в Оттоманской империи...

Геноцид армян полностью документирован в архивах США. 24 июля 1915 г. американский консул Дэвис отмечал в своей телеграмме: «Я не думаю, что в мировой истории когда-либо происходила такая массовая и всеохватывающая рез-

ня, которая сейчас осуществляется в этом регионе, что когда-либо человеческий ум мог изобрести более дьявольскую, жестокую схему. Если приказ выслать армян из этих вилайетов может официально и формально ввести в заблуждение внешний мир на какое-то время, то предпринятая мера — это не что иное, как резня самого зверского характера. Другими словами, такого характера, как если бы все люди обречены на гибель в пути. Поскольку, однако, большая часть из них была на самом деле убита и поскольку нет никакого сомнения, что это было сделано по приказу правительства, то не может быть никакого сомнения, что эта мера — не что иное, как всеобщая резня».

Печатается по: *Congressional Record. Page H2397-H2398. Page H2400. Page E696-E6997. Page H2451-H2452. Page. E662. April 26, 27, 28. From the Congressional Record Online via GPO Access [wais.access.gpo.gov] [cr 27 ap 04-138; cr 27 ap 04 — 149; cr 38 ap 04-70; cr 28 ap 04-141; cr 27 ap 04-38].*

№ 13

Постановление Национального Совета (Парламента) Словацкой Республики

30 ноября 2004 г.¹

Национальный Совет Словацкой Республики признает геноцид армян в 1915 г., во время которого погибли сотни тысяч армян, проживающих в Османской империи, и считает это действие преступлением против человечности.

Обоснование

I

По подсчетам, во время Первой мировой войны в Османской империи жило 2 млн армян. Решение провести геноцид против армянского народа было принято политической властью Османской империи в 1915 г. Тогда было депортировано более одного миллиона людей. Их должны были депортировать в пустыню Дер-Зор в Сирии. Сотни тысяч людей были жестоко убиты прямо на месте. Многие погибли в дороге от голода, истощения и эпидемий, которые буквально уничтожали целые концентрационные лагеря. Массовые убийства, депортация, жестокое обращение с армянами в период 1920—1923 гг. осуществлялись турецкими националистами, которые представляли новое политическое движение, которое имело ту же самую идеологическую и этническую сущность, что и младотурки. Десятки тысяч армян нашли убежище в России. В 1918 г. турецкие войска вторглись на Кавказ, где проживало около 1,8 млн армян под правлением русского правительства. Османские войсковые части,

¹ Документ получен в Посольстве Словацкой Республики в Москве.

передвигаясь через Восточную Армению и Азербайджан, систематично продолжали массовые убийства населения. По приблизительным подсчетам, в течение 1915—1923 гг. было убито более чем 1,5 млн армян. К 1923 г. на всей территории Малой Азии и исторической Западной Армении армянское население было истреблено. В этой части мира произошло полное уничтожение армянских общин.

II

1. Турция до сих пор не признала геноцид армян 1915 г.
2. После получения Республикой Арменией независимости Турция установила полную блокаду границы с Арменией. Армения не связана с Европой самым коротким путем, у нее нет экономических и дипломатических отношений с Турцией.
3. Парламент Турции принял закон, который считает преступлением публичные высказывания о геноциде армян и о разделении Кипра.
4. В Турции проживает армянское меньшинство, права которого как национального меньшинства систематично подавляются.

III

Декларации, заявления и законы, которые касаются признания геноцида армян, приняли парламенты следующих стран:

Канада (2004), Аргентина (2004), Уругвай (1965, 2004), Швейцария (2003), Европейский парламент (1987, 2000, 2002), Парламентское собрание Совета Европы (1998, 2001), Италия (2000), Ватикан (2000), ООН (1985), Франция (2000), Ливан (1997, 2000), Швеция (2000), Бельгия (1998), Греция (1996), Россия (1995), Кипр (1982), США (1916, 1920, 1984, 1996).

№ 14

Резолюция Второй палаты Генеральных штатов (парламента) Королевства Нидерландов о геноциде армян

21 декабря 2004 г.¹

Палата,
по предложению поставить на обсуждение,
памятуя, что Европейский Совет на своем заседании 16 и 17 декабря 2004 г. в Брюсселе решил начать переговоры с Турцией 3 октября 2005 г. о ее членстве,

¹ Документ 21501-20 № 270 был внесен в парламент 21 декабря 2004 г. депутатом Рауфут и поддержан депутатами: ван Боммел, ван дер Стаай, ван дер Лаан, ван Баален, Хербен, Дейфендак и Вилдерс. Принят единогласно в тот же день.

Датский текст: Tweede Kamer der Staten — General. Vergaderjaar 2004—2005. 21501-20 № 270 Europese Kaas. См. Интернет: <http://perlando.sdu.nl/cgi/login/anonymous>

памятуя, что Европейский Совет в своем заключении установил, что с Турцией состоится интенсивный диалог политического и культурного характера, в который вовлекается также гражданское общество, чтобы улучшить взаимное понимание путем объединения людей (заключение № 23),

придерживаясь мнения, что с этим неразрывно связано честное признание своей собственной истории государства — кандидата в члены;

просит Правительство в рамках своего диалога с Турцией постоянно и настоятельно поднимать вопрос о признании геноцида армян;

и переходит к прениям по повестке дня.

№ 15

Постановление Сейма Республики Польша в 90-ю годовщину геноцида, совершенного против армянского населения в Турции во время Первой мировой войны

19 апреля 2005 г.

Сейм Республики Польша чтит память жертв геноцида, совершенного против армянского населения в Турции во время Первой мировой войны.

Память о жертвах этого преступления и осуждение резни являются моральной обязанностью всего человечества, всех государств и всех людей доброй воли.

Постановление Сейма Республики Польша № 3918.

№ 16

Заявление Государственной Думы РФ о 90-летию геноцида армянского народа

22 апреля 2005 г.

В связи с 90-летием геноцида армянского народа, явившегося одним из наиболее трагических, жестоких событий в истории XX в., Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации выражает свое глубокое сочувствие братскому армянскому народу. Депутаты Государственной Думы полностью осуждают этот акт геноцида и считают, что 90-летие должно быть отмечено всем международным сообществом.

Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 96 (810), 22 апреля 2005 г. Издание Государственной Думы.

№ 17

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, внесенное в Бундестаг ФРГ парламентскими фракциями СДПГ, ХДС/ХСС, Коалиции «Союз-90»/«Зеленые» и СвДП по поводу геноцида армян в Турции

Принято 16 июня 2005 г.

Помня и отмечая изгнание и массовые убийства армян в 1915 г., Германия должна содействовать примирению между турками и армянами.

Просим Бундестаг принять следующее предложение:

Германский Бундестаг склоняет голову в поминовении жертв насилия, убийств и изгнания, от которых пострадал армянский народ до и во время Первой мировой войны. Он порицает действия младотурецкого правительства Оттоманской империи, которые привели к почти полному уничтожению армян в Анатолии. Он сожалеет также о позорной роли Германской империи, которая, располагая многочисленной информацией об организованном изгнании и уничтожении армян, даже не попыталась остановить эти зверства.

Этим поминовением германский Бундестаг чтит усилия всех тех немцев и турок, которые при трудных обстоятельствах и несмотря на противодействие своих собственных правительств словом и делом способствовали спасению армянских женщин, мужчин и детей. Не следует в особенности предавать забвению деятельность д-ра Йоханнеса Лепсиуса, который энергично и эффективно боролся за выживание армянского народа; напротив, память о его делах следует бережно хранить, чтобы помочь улучшить отношения между армянским, немецким и турецким народами.

Германский Бундестаг из своего собственного долгого опыта знает, насколько тяжело любому народу признавать темные стороны своего прошлого. Он тем не менее твердо убежден в том, что честное осмысление истории необходимо и служит важнейшей основой для примирения. Это проявляется, в частности, в рамках европейской культуры памяти, к которой относятся и страны, которые открыто столкнулись с темными сторонами своей национальной истории.

Памятуя это, германский Бундестаг сожалеет о том, что сегодня в Турции все еще невозможна широкая дискуссия относительно событий, которые имели место в то время в Оттоманской империи, а ученые и писатели, которые хотят критически оценить этот период турецкой истории, подвергаются уголовному преследованию и публичным нападкам. В то же время Бундестаг считает, что первые позитивные признаки можно усмотреть в том, что Турция все больше занимается этой тематикой в духе вышеупомянутой европейской культуры памяти. Это подтверждается следующими примерами:

- великое Национальное Собрание Турции впервые пригласило турецких граждан армянского происхождения принять участие в обсуждении преступлений, совершенных против армян, а также турецко-армянских отношений;
- в Вене состоялся турецко-армянский диалог женщин;

- первые контакты между турецкими и армянскими историками привели к началу обмена документами;

- премьер-министр Эрдоган вместе с армянским Патриархом Месропом открыл первый в Турции армянский музей в Стамбуле и публично предложил учредить двустороннюю турецко-армянскую комиссию с участием историков.

Однако германский Бундестаг испытывает серьезную озабоченность по поводу того, что конференция по армянской тематике с участием пользующихся международным признанием турецких ученых, которая должна была состояться с 25 по 27 мая 2005 г. в Стамбуле, была сорвана турецким Министром юстиции и позиция этих турецких ученых, которые расходятся с мнением турецкого правительства, была осуждена и охарактеризована как «удар кинжалом в спину турецкой нации». Предложение Премьер-министра Эрдогана об учреждении совместной турецко-армянской комиссии с участием историков только в том случае сможет увенчаться успехом, если оно будет реализовано на основе свободной и публичной научной дискуссии.

Германия, которая внесла свою долю в отрицание преступлений против армянского народа, также обязана проявить готовность осознать свою собственную ответственность. Для этого необходимо поддержать турок и армян в их усилиях преодолеть отчуждение прошлого и найти пути к примирению и взаимопониманию.

В частности, ведущие церкви Германии с давних пор выступают за интеграцию армян — выходцев из Турции. Возникшие здесь армянские общины имеют возможность встречаться и поминать прошлое, что ввиду большого числа живущих в Германии мусульман из Турции является важной задачей и может содействовать примирению.

Обсуждение этих исторических событий имеет также непосредственное значение для современной жизни. Нормализация отношений между Турецкой Республикой и Республикой Арменией представляет сегодня особый интерес для будущего всего региона. Настоятельно необходимо, чтобы обе стороны осуществляли меры по созданию доверия в соответствии с принципами ОБСЕ. Например, открытие Турцией границы могло бы покончить с изоляцией Армении и содействовать установлению дипломатических отношений.

В силу своей исторической роли в германо-турецко-армянских отношениях Германия сегодня несет особую ответственность в рамках инициативы ЕС по развитию добрососедства. Целью должно быть содействие нормализации и улучшению отношений между Арменией и Турцией и тем самым внесение вклада в стабилизацию положения в Кавказском регионе.

Важный вклад в дело сохранения памяти могут внести федеральные земли. Просветительская политика должна содействовать тому, чтобы вопрос об уничтожении армян также рассматривался в Германии в контексте осмысления истории этнических конфликтов в XX столетии.

Германский Бундестаг призывает Федеральное Правительство:

- содействовать тому, чтобы отношение между турками и армянами решалось путем осмысления прошлого, примирения и прощения исторической вины;
- призвать парламент, правительство и общество в Турции безоговорочно взглянуть на свое прошлое и осмыслить свою роль в отношении армянского народа;

- активно поддержать создание комиссии историков, включающей не только турецких и армянских ученых, но также международных экспертов;

- активно выступить за то, чтобы общественность имела доступ не только к относящимся к делу архивным документам Османской империи, но и к копиям документов из архива федерального Министерства иностранных дел, переданным Турции Германией;

- помочь, чтобы действительно состоялась запланированная в Стамбуле конференция, которая была отложена под давлением государства;

- активно поддерживать свободу слова в Турции, в особенности и в том, что касается судьбы армян;

- помочь Турции и Армении нормализовать свои двусторонние отношения.

Франц Мюнтерферинг и парламентская фракция,
Д-р Ангела Меркель, Михаэль Глос и парламентская фракция,
Катрин Геринг-Эккардт, Криста Загер и парламентская группа,
Д-р Вольфганг Герхардт и парламентская фракция.

Обоснование:

90 лет назад, 24 апреля 1915 г., по приказу Младотурецкой партии, которая правила Османской империей, представители армянской политической и культурной элиты в Стамбуле были арестованы и депортированы во внутренние районы страны, где большая часть из них была убита. Эта дата стала Днем траура для армян во всем мире в связи с изгнаниями и массовыми убийствами армянских подданных Османской империи, которые начались в конце XIX столетия и приняли широкие масштабы во время Первой мировой войны.

Когда Османская империя вступила в войну, призванные в армию армянские солдаты были сведены в рабочие батальоны и большинство из них были убиты. Начиная с весны 1915 г. женщин, детей и стариков стали отправлять караванами смерти через Сирийскую пустыню. Тех депортированных, кто еще не был убит или не погиб в пути, эта участь постигала позже в бесчеловечных лагерях в пустыне в районе Дейр-эз-Зора.

Массовые убийства совершали специальные подразделения, созданные именно для этой цели. Противодействие высокопоставленных турецких чиновников этим мерам, а также критика, которая раздавалась в Османском парламенте, младотурецкий режим грубо отметал. Многие области, из которых были изгнаны армяне-христиане, заселялись курдами и мусульманскими беженцами балканских войн. От депортаций и массовых убийств пострадали и члены других христианских народностей, в особенности арамейско/ассирийские и халдейские христиане, а также некоторые мусульманские меньшинства.

Согласно независимым подсчетам, жертвами этих депортаций и массовых убийств стали свыше 1 млн армян. Многочисленные независимые историки, парламенты и международные организации это изгнание и уничтожение армян называют геноцидом.

Вопреки имеющимся фактам, правопреемница Османской империи Турецкая Республика до сегодняшнего дня отрицает, что эти события были тщательно спланированы, что массовая гибель во время переходов в места переселе-

ния и совершенные массовые убийства входили в намерение Османского правительства. Признание жестокого обращения с армянами всегда оправдывается тем, что как в 1878 г., так и в 1914/15 гг. многие армяне воевали на стороне России против Турции и что существовала опасность того, что армяне предадут Османскую империю в период Первой мировой войны. В числе других турецких оправданий приводятся факты насилия армян против турок, которые имели место во время вооруженного сопротивления турецким мерам по переселению. Для оправдания турецкой позиции приводятся также и террористические акции армян против турок в 1980-е гг.

В общем и целом в Турции все еще преуменьшают и в основном отрицают масштабы этих массовых убийств и депортаций. Эта турецкая позиция противоречит идее примирения, на которой основываются ценности сообщества Европейского Союза. До сегодняшнего дня историки в Турции не свободны в том, что касается изложения истории изгнания и убийств армян, и, несмотря на смягчение действовавших до сих пор положений, предусматривавших наказание за это, они по-прежнему испытывают на себе большое давление.

Германская империя как главный военный союзник Османской империи также была глубоко вовлечена в эти события. Как политическое, так и военное руководство Германской империи было с самого начала хорошо информировано относительно преследований и убийств армян. Архивы Министерства иностранных дел, основывающиеся на докладах германских послов и консулов в Османской империи, документально свидетельствуют о планомерном осуществлении массовых убийств и депортаций. Несмотря на настоятельные представления со стороны многих видных немецких деятелей науки, политики и церкви, в том числе таких политических деятелей, как Филипп Шейдеманн, Карл Либкнехт или Матиас Эрцбергер, и видных представителей евангелической и католической церкви, как, например, Адольф фон Харнак и Лоренц Вертман, руководители Германской империи не оказали действенного давления на своего османского союзника.

Когда евангелический теолог д-р Йоханнес Лепсиус 5 октября 1915 г. изложил в Германском Рейхстаге результаты своего расследования, проведенного в июле—августе 1915 г. в Стамбуле, имперское правительство Германии ввело цензуру на всю армянскую тему. Точно так же в 1916 г. немецкая военная цензура запретила и конфисковала документ Йоханнеса Лепсиуса «Доклад о положении армянского народа в Турции». Экземпляры этого документа, которые Лепсиус послал непосредственно депутатам Германского Рейхстага, были перехвачены властями и вручены депутатам только после войны в 1919 г.

Эта почти забытая политика отрицания, которой придерживалась Германская империя, показывает, что эта глава истории не осмыслена удовлетворительным образом также и в Германии.

Берлин, 15 июня 2005 г.

Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/5689. Stand: 15.06.2005

КОММЕНТАРИЙ

к Сборнику документов

профессора Ю.Г. Барсегова

Предварительные замечания

1. Как, почему и когда возник Армянский вопрос

В документах, представленных в Сборнике, часто упоминается Армянский вопрос. Объясняется это тем, что события и проблемы, являющиеся предметом обсуждения в этих документах, имеют прямое и непосредственное отношение к нему.

Сошлемся, в виде примера, на заявление И. Сталина — человека, который, кажется, более всех способствовал искажению содержания Армянского вопроса и его «закрытию». С одной стороны, Сталин явно претендует на решение этого вопроса советским правительством, т.е. им самим, а с другой — ставит под сомнение его существование.

Армянский вопрос на протяжении многих десятилетий действительно был одним из самых жгучих и трудноразрешимых в международной политике. Он и до сих пор не решен.

Что же представлял собой этот вопрос в международных отношениях? Что понимало международное сообщество под Армянским вопросом и какие пути его решения предлагало?

В такой постановке вопроса мы отвлекаемся от тех определений его содержания и путей решения, которые формировались под воздействием различных внутривнутриполитических подходов. Очевидно, что содержание Армянского вопроса и средства его решения по-разному воспринимались самими армянами и международным сообществом, в том числе и в особенности — государствами, чьи политические интересы непосредственно затрагивались тем или иным его решением, а именно — государствами, в границах которых оказалась историческая родина армян, — Турцией, Россией и Ираном.

В связи с темой и содержанием Сборника интерес представляют прежде всего два аспекта Армянского вопроса — международно-правовой и политический.

Международно-правовой аспект сводится к следующему: что с точки зрения действовавших норм и принципов международного права представлял собой этот вопрос и как он должен был быть решен?

Политический аспект относится к реалиям, определявшим поведение субъектов международных отношений, и прежде всего — великих держав. Знание

этих реалий помогает уяснить, как и почему Армянский вопрос стал решаться вопреки и в прямое нарушение императивных норм международного права.

Следует также иметь в виду, что Армянский вопрос в современном понимании имеет уже полуторавековую историю. За это время в мире произошли большие перемены, повлиявшие и на его содержание, и на решения, предлагавшиеся на том или ином этапе развития.

Собирательно, как проблема безопасности всех поработанных турками христианских народов, Армянский вопрос восходит к Парижскому трактату и к реформам Танзимата. Соответственно вопрос об ответственности Османской империи за резню народов как в форме реформы управления этими народами, так и в форме их отделения от геноцидного государства первоначально возник не в связи с Армянским вопросом, а в связи с проблемами других подвластных туркам народов — Греции, Болгарии, Сербии, Румынии и др.

Армянский вопрос, как проблема обеспечения безопасности самого армянского народа, стал вопросом международных отношений и международного права в Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре России с Османской империей¹ и в Берлинском трактате 1878 г.²

Конкретные решения по обеспечению безопасности армянского населения Османской империи видоизменялись под воздействием господствовавших в то время политических и правовых концепций международных отношений.

Геополитически роль покровителя и защитника армянского народа была уготована России, которая после заключенных с Ираном договоров — Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) — распространила свое территориальное верховенство на значительную часть Великой Армении.

Россия изначально стремилась к решению Армянского вопроса путем освобождения подвластных туркам армянских территорий и их воссоединения с российской частью Армении. Сан-Стефанским договором предусматривались два пути обеспечения безопасности и физического существования самого армянского населения. Один состоял в изъятии части территории Западной (турецкой) Армении из-под власти Османской империи и ее присоединении к российской части Армении. Другой — в проведении на большей части населенной армянами территории, в армянских вилайетах, специальных реформ, осуществление которых гарантировалось бы продолжением оккупации Россией части территории, подвластной Османской империи.

Освобождение части турецкой Армении и ее присоединение к России натолкнулось на единодушное противодействие западноевропейских великих держав. Берлинский конгресс уменьшил территорию, уступаемую Османской империей России. Османской империи была возвращена Алашкертская долина, но Россия сохранила Карсскую область. Подтвердив необходимость обеспечения безопасности армянского населения остальной части турецкой Армении осуществлением реформирования турецкого управления армянскими вилайетами, Берлинский конгресс поставил этот процесс под международный контроль.

Соответственно в стадии частичного геноцида армян в 1878—1914 гг. содержанием Армянского вопроса было обеспечение их безопасности путем введения ре-

форм турецкого управления и осуществления гуманитарной интервенции для пресечения резни при сохранении целостности геноцидного турецкого государства.

Сфера реформ в турецкой Армении определялась необходимостью обеспечения безопасности армянской национальной группы как таковой и поэтому включала все армянские вилайеты.

Поскольку в тот исторический период международное сообщество в лице «концерта» великих держав стремилось обеспечить безопасность турецких армян — при сохранении территориальной целостности Османской империи — ограничением власти геноцидного государства, введение реформ управления практически было равносильно утверждению самоуправления или территориальной автономии.

Ограничение ареала реформ «вилайетами, населенными армянами», неизбежно придавало им политический оттенок. В условиях распада империи, когда поработанные ею народы — греки, сербы, болгары, румыны, один за другим освобождались от турецкого ига, автономия Армении воспринималась как сепаратизм, как ступень к обретению полной международной правосубъектности. Реакция турок на процессы, происходившие в армянских вилайетах, была болезненной и острой, поскольку создание Османской империи начиналось с порабощения именно Армении. Ее потеря знаменовала бы бесславный конец империи.

Создавался порочный круг: резня, бывшая основой государственного управления поработанными народами, вела к сепаратизму, а сепаратизм стимулировал продолжение и усиление политики резни.

Целью турецкого государства в период частичного геноцида было сохранение «лоскутной» империи, созданной насилием турецкого меньшинства над поработанными народами, составившими большинство. Острое соперничество великих держав, эндемический страх каждой из них, что кто-либо из соперников воспользуется поддержкой армян для получения геостратегических выгод в этом исключительно важном регионе тогдашнего мира, оборачивались их общим стремлением к сохранению статус-кво путем искусственного поддержания территориальной целостности геноцидной империи.

Переход от частичного геноцида к полному, т.е. повсеместному поголовному физическому уничтожению армян, был связан с обретением турецким национализмом агрессивной-наступательной идеологии пантюркизма. Стремясь ликвидировать этнический, а потенциально и политический армянский клин, правительство Турции приступило к полному истреблению армянского народа. Геноцид стал осуществляться не только на всей подвластной империи территории Великой, Малой и Киликийской Армении. Вступив в Первую мировую войну, Турция распространила политику геноцида армян и за пределы своих государственных границ — на оккупированные в ходе войны территории, подвластные России и Ирану.

2. Об историко-географической номенклатуре и недобросовестных политических спекуляциях

На протяжении тысячелетий своей бурной политической истории армянский народ пережил немало катаклизмов. Уже сам перечень одиннадцати столиц Армении и их географический разброс на обширном Армянском нагорье и за его пределами — от Араратской долины до гор Армянского Тавра и средиземномор-

¹ Док. № 26.

² Док. № 30.

ской Киликии — говорят об испытаниях, выпавших на долю армян, и об их некротимой политической воле к выживанию.

Об этом же свидетельствует наличие трех исторических центров развития политической жизни армянского народа — Великой (Большой), Малой и Киликийской Армении.

Малая Армения, сыгравшая весьма значимую роль в истории армянской государственности, была впоследствии отторгнута и включена в политическую орбиту вначале Рима, потом Византии. Хотя армянское население Малой Армении сохранилось, армянская государственность формировалась и развивалась в основном на территории Великой Армении. Здесь были расположены 9 из 11 столиц.

После порабощения Великой Армении татаро-монгольскими завоевателями, а потом и совершавшими из Азии набеги тюркскими племенами армяне оказались под властью правителей различных орд. После длительных войн между Оттоманской империей и Персидским царством по Мирному договору 1639 г. большая часть Армении надолго оказалась под турецким игом.

Посетивший в середине XVII в. Армению французский путешественник Тавернье сообщает: «От Токата до Тавриза страна населена почти одними христианами, и поскольку эта обширная территория та, которую древние называли Арменией, не нужно удивляться, что в городах и селах пятьдесят армян приходится на одного магометанина»¹.

Киликийская Армения — последнее государственное образование армян. Киликийское царство рассматривалось армянами и внешним миром как продолжатель личности государства Великой Армении. Государь Киликийской Армении, носившие титул «царей всех армян», ставили своей целью восстановить армянскую государственность во всей «армянской стране» — как в Малой, так и Великой Армении.

Завоевание всей Армении турками свело на нет политическую жизнь армян в Великой и Малой Армении, равно как и в Армянской Киликии: на всем пространстве своей исторической родины армяне были превращены в бесправную раю — объект политики геноцида. Под государственную власть Оттоманской империи подпала основная часть исторической родины армян — большая часть Великой, вся Малая и вся Киликийская Армения, и лишь небольшая часть Великой Армении оказалась под властью Персии. На протяжении нескольких веков безгосударственного существования армян их страна была предметом соперничества двух империй — Оттоманской и Персидской. Это породило деление Армении на Западную (турецкую) и Восточную (персидскую).

После присоединения к России Карабаха по Гюлистанскому договору (1813), и Эриваньской области по Туркманчайскому договору (1828), основная часть Восточной Армении вошла в состав Российской империи.

Ко времени возникновения Армянского вопроса как вопроса международной политики и международного права более четкое и реальное значение имело деление Армении на Западную (турецкую), включавшую Киликийскую, Малую и часть Великой Армении, и Восточную (российскую), в состав которой входила остальная, сравнительно небольшая, часть Великой Армении.

Присоединение к России части Восточной Армении до ее повторного захвата турками предотвратило физическое уничтожение ее населения. Вместе с экономическим развитием самой России шло экономическое возрождение армянских территорий. Часть насильно переселенных в Персию армян возвращалась на родину.

Первоначально государственно-правовое устройство присоединяемых к России армянских территорий мыслилось как восстановление Армянского царства, «не зависимо ни от кого, кроме России». Именно такой проект вынашивала великая российская государыня Екатерина II при освобождении Карабаха. Однако после его присоединения к России в 1813 г. там по политическим соображениям временно был сохранен административный статус ханства.

Территории исторической Армении, присоединенные к России в 1828 г., составили Армянскую область. Российский государь получил титул Правителя Армянской области, территория которой включала Эривань и Нахичеван.

Впоследствии в России возобладала тенденция к административному делению государственной территории безотносительно к ее национальному составу. Закавказье было разделено на Тифлисскую, Елизаветпольскую, Бакинскую и Эриваньскую губернии.

Что же касается Западной (турецкой) Армении, то ее деление на Малую, Великую и Киликийскую вновь обрело политический смысл после возникновения Армянского вопроса как вопроса международной политики и международного права.

Потеря Армении означала бы крах мечты турецких националистов об объединении всего тюркского мира под властью Оттоманской империи. Для реализации политической программы пантюркизма Турция вступила в Первую мировую войну на стороне Германии. Поэтому обещания держав Антанты гарантировать территориальную целостность Оттоманской империи в случае ее нейтралитета в войне было отвергнуто ее младотурецким руководством.

Когда объектом геноцида стала вся армянская нация в пределах всей исторической Армении, т.е. независимо от государственной принадлежности территории, деление на Западную (турецкую) и Восточную (российскую) начало терять прежнее значение: международное сообщество столкнулось с проблемой обеспечения существования армянского народа путем освобождения турецкой части Армении от власти геноцидного государства.

В политико-правовых условиях международных отношений, существовавших в начальный период Первой мировой войны, освобождение народов, ставших объектом турецкой политики геноцида, могло осуществляться только на основе соглашения великих держав о разделе нетурецких частей Оттоманской империи. Освобождение Армении от кровавого ига турок мыслилось как присоединение территорий турецкой Армении к российской.

Не желая допустить чрезмерного усиления геополитических позиций России в результате присоединения к ней всей турецкой Армении, ее партнеры по Антанте ограничились согласием присоединить к ней территорию Великой Армении. В соответствии с достигнутым соглашением Малая Армения и Киликийская Армения должны были отойти к Франции, а Армянская Месопотамия и стратегически важные горы Армянского Тавра — к Великобритании.

Присоединение Киликии к Франции мотивировалось не только историческими связями Киликийского армянского государства с Францией (последний

¹ Tavernier J.B., Les six voyages. Paris, 1678—1681. I partie. P. 32.

его царь Левон VI из рода Лузиньянов был похоронен в Париже), но и тем, что в Киликии силен «революционный» элемент и ее объединение с российской Арменией не отвечало бы интересам России.

Раздел Армении на сферы интересов великих европейских держав придал политический смысл историческому делению Армении на Малую, Великую и Киликийскую. Воссоединение части территории турецкой Армении, а именно Великой Армении, с российской частью Великой Армении в границах России — естественной защитницы турецких армян, в тот период было единственно возможным в политическом и полностью оправданным в моральном отношении решением.

Однако Первая мировая война стала переломным периодом в развитии международных отношений и международного права. Мировой катаклизм придал сильный импульс развитию идеологии самоопределения народов вплоть до отделения. На смену традиционным представлениям о международно-правовой основе владения и распоряжения территорией пришли новые представления, основанные на волеизъявлении населения.

Процесс освобождения Армении от власти геноцидного турецкого государства, начавшись в период преобладания империалистических отношений, продолжался в новых политических и международно-правовых условиях, когда политика аннексий стала отступать под натиском набиравшей силу идеи самоопределения народов.

Для территориального разграничения на основе принципа самоопределения не имело значения ни историческое деление на Малую, Великую и Киликийскую Армении, ни политическое — на Западную и Восточную. Основой разграничения становилось волеизъявление населения, опиравшееся на этнический состав территории.

Со сменой международно-правовых оснований владения и распоряжения территорией появились новые варианты решения Армянского вопроса. Старый и новый варианты его решения отражены на двух картах из английских архивов, одна из которых показывает раздел по соглашениям Сайкс-Пико, а другая предписывает порядок территориального разграничения на основе принципа самоопределения народов.

Документы и соответствующий комментарий к Разделу III показывают, на каких международно-правовых основаниях международное сообщество в лице Парижской мирной конференции приняло решение о необходимости освобождения Западной (турецкой) Армении от власти Оттоманской империи и ее воссоединения с Республикой Армения, созданной на территории бывшей Российской империи.

Парижская мирная конференция и другие дипломатические форумы использовали историко-географический термин «Великая (в смысле — Большая) Армения» для обозначения части освобожденной Армении. Ограничение передававшейся армянам территории Оттоманской империи турецкой частью Великой Армении рассматривалось международным сообществом как минимум справедливости по отношению к народу, ставшему жертвой геноцида.

Документы и комментарии Раздела IV показывают, почему советское правительство России, следуя политике социал-империализма, поддержало экспансионизм своих военно-политических союзников — кемалистской Турции и советского Азербайджана, помогло им разрушить Севрский мирный договор и не

только сохранить за собой плоды преступления, но и получить существенные территориальные приращения.

Хотя армяне никогда не выдвигали политическую идею создания Великой Армении в пределах всей исторической Армении, а тем более за ее пределами, политически мотивированная фальшивка турецко-азербайджанских политиков о «великодержавных» устремлениях армян была подхвачена большевистскими комиссарами. О «мегаломанских претензиях» армян заявляли и «пролетарский полководец» М. Фрунзе в связи с его миссией в Турцию, и такие большевистские «ученые», как В. Гурко-Кряжин (его статью в Баку переиздали в 1990 г.), М. Павлович (Вельтман) и др.

Объясняется это не просто элементарной неосведомленностью большевистских комиссаров об истории народов, судьбы которых они хотели вершить. Это было частью целенаправленной пропагандистской кампании. Ссылаясь на историко-географическое понятие Великой Армении как на подтверждение великодержавного стремления «империалистической Армении» к захвату чужих земель, турецкие националисты и большевистские комиссары маскировали свое преступное поведение в отношении народа, ставшего жертвой геноцида.

Эту пропагандистскую ложь использует сегодня Азербайджан с той же целью территориального ограбления армянского народа, для компрометации освободительной борьбы армян Нагорного Карабаха.

3. Когда совершался геноцид армян

Установление времени совершения арменоцида имеет чрезвычайно важное значение для правильной юридической квалификации этого преступления. В отличие от ординарного уголовного преступления, виновником которого является отдельное лицо или небольшая группа лиц, установление времени совершения такого международного преступления, как геноцид, связано с определенными трудностями. Они вызваны не только сложным составом этого преступления, имеющего различные формы и вдохновляемого, как правило, государством с привлечением больших масс людей — армии, полиции, населения господствующей или преобладающей национальности. Реализация поставленной цели уничтожения целого народа, этнической либо религиозной группы как таковой — протяженный во времени процесс, который выражается как в активных разрушительных операциях, так и в подготовительных и завершающих мерах.

Геноцид армян выделяется из всех известных подобных случаев своей длительностью. Преступление геноцида в смысле определения, существовавшего в международном праве и зафиксированного в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, совершалось около полувека в два этапа: 1876—1914 гг. и 1915—1923 гг., т.е. с 1876 г. по 1923 г.

Для 1876—1914 гг. характерна относительная ограниченность мер прямого физического уничтожения армянского населения. Разрушение армянской национальной группы как таковой осуществлялось в форме систематических повсеместных одиночных убийств армян, их пауперизации, государственного терроризма, целью которого была организация массового исхода населения и изменение демографического облика армянских земель. Именно поэтому объ-

ектом геноцида в этот период была та часть армянского населения, которая обеспечивала деторождение — в первую очередь убивали молодых мужчин и женщин, а детей, если их не постигала участь родителей, насильственно передавали в турецкую национальную группу. Эти меры сочетались с периодической массовой резней армян в отдельных районах, где они составляли абсолютное большинство. В Сасуне, Зейтуне, Урфе, Ване, Эгине, Трапезунде, Дерджане, Баберде, Ерзнка, Кеги, Чарсанджаке, Багеше, Эрзеруме, Диарбекире, Себастии, в самой столице — Константинополе, в Адане и ряде других мест в 1876—1914 гг. было убито 300 тыс. армян. С помощью политики устрашения турецкие власти добились массового исхода, сотни тысяч армян уже тогда вынуждены были покинуть свою родину.

Согласно определению, принятому Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, это был «частичный геноцид». Он подготовил условия для «окончательного решения» — поголовного и повсеместного уничтожения армян.

Стереотип определения «геноцид 1915 года» имеет целью скрыть тот факт, что и в период до Первой мировой войны действия турецкого государства рассматривались международным сообществом как посягательство на безопасность армянского народа, как стремление уничтожить его в качестве национальной группы, и что именно тогда предпринимались первые и до последнего времени единственные во всей истории этого вида преступления попытки международного гуманитарного вмешательства с целью пресечь массовую резню, обеспечить безопасность и предотвратить уничтожение целого народа.

Опасаясь международно-правовых последствий установления ответственности турецкого государства за геноцид армян, все правительства Турции по сей день активно противодействуют признанию факта совершения этого преступления.

Центральное место в усилиях, предпринимаемых с целью отрицания совершенного преступления, занимают меры, направленные на недопущение адекватной международно-правовой его оценки.

Одним из методов не только злостной фальсификации истории геноцида армян, но и его полного отрицания стало сознательное искажение временных рамок действий, подпадающих под состав этого преступления. Современных его апологетов устраивает, чтобы в наше время, говоря о геноциде армян, ограничивались хронологическими рамками событий Первой мировой войны, отождествляя тем самым геноцид армян с мерами, вызванными якобы обстоятельствами военного времени и «агрессией» России против Турции.

Скрывая, когда в действительности началось это преступление и когда оно было завершено, те, кто его оправдывает, стремятся создать и утвердить удобное, но абсолютно ложное стереотипное клише «печальных событий 1915 года». Такая временная привязка совершенного преступления устраивает тех, кто стремится опровергнуть сам факт геноцида армян вообще. Расчет предельно прост: при отсечении первых четырех десятилетий начала геноцида армян, т.е. всех преступлений, которые предшествовали событиям Первой мировой войны, как и преступлений, совершенных в послевоенный период, т.е. в 1918—1923 гг., действия тогдашнего младотурецкого правительства Османской империи толкуются как необычное и временное явление, вызванное чрезвычайными условиями военного времени.

Представляя действия турецкого правительства, направленные на физическое уничтожение армянского народа на его исторической родине, как временное переселение — вынужденную меру, вызванную якобы «предательством» армян в пользу «русского агрессора», турецкие политики возражают против оценки этих действий как преступления геноцида, а вину за имевшие место «трагические последствия» возлагают на самих армян. Ограничивая события, связанные с полувекowym процессом геноцида, 1915 годом, и грубо искажая характер преступных действий турецкого правительства, они рассчитывают достичь главной цели — выгородить не только современное государство — Турецкую Республику, созданную Кемалем Ататюрком, но и Османскую империю от ответственности за совершенное преступление.

Принятие 1923 года за время завершения геноцида, равно как и 1876-го — за его начало весьма относительно. Эта датировка означает лишь время, когда осуществлялось преднамеренное прямое физическое уничтожение армян методами массовой резни и создания условий для их физического уничтожения посредством так называемых временных депортаций.

Реально же действие преднамеренно созданных условий для разрушения армянской национальной группы как таковой продолжалось и в период постгеноцида и в какой-то мере продолжается по сей день.

В этой связи нельзя не обратить внимание, например, на документы, свидетельствующие не только о запрете правительством Турецкой Республики репатриации выживших беженцев, но и о продолжении экспатриации армян¹.

Можно было бы также отметить аналогичное поведение азербайджанского союзника, который в условиях советского режима «по решению ЦИК Азербайджана» отказал армянам, бежавшим из Нахичевана, спасаясь от резни, в праве на возвращение в свои дома и продолжал политику этнических чисток в Карабахе. Акцией такого рода была и операция «Кольцо», осуществленная при поддержке советских войск в 1991 г.

Более того, отказ Турции признать геноцид армян и подвести под прошлым цивилизованную черту на основе международного права позволяет утверждать, что в более широком смысле геноцид армян продолжается и сейчас.

Из самого определения геноцида как действий, направленных на разрушение целиком или частично национальной, этнической или религиозной группы, следует, что это преступление совершается в расчете на длительность его последствий. Следовательно, время его совершения не может ограничиваться временем, когда предпринимались такие действия, как убийство членов группы, причинение им телесных повреждений, передача детей из одной национальной группы в другую. Оно должно включать и время действия последствий этих преступлений.

Включение в состав преступлений геноцида такого элемента, как «создание условий», предполагает не только депортацию, лишение этнической группы ее национальной территории и т.п., но и последствия всех действий, составляющих это преступление.

До тех пор, пока государство, осуществившее геноцид, не признает факт его совершения и не предпримет в сотрудничестве с международным сообществом

¹ Док. № 578, 580.

всех необходимых мер по устранению последствий этого преступления, оно продолжается. Следовательно, хотя в Западной Армении резня армян и прочие действия из состава преступления геноцида прекратились в 1923 г. (некого было больше резать), можно с полным основанием говорить, что последствия геноцида армян не ликвидированы, созданные турецким государством условия для разрушения армянской национальной группы в Западной Армении все еще действуют, а потому геноцид продолжается и к нему применимы все действующие в настоящее время нормативно-правовые положения.

4. Пространственные параметры геноцида армян

В отличие от геноцида евреев, совершенного на территории Германии и на оккупированных в период Второй мировой войны территориях европейских государств, геноцид армян совершался на их исторической родине — на территории, которую армяне населяли тысячелетиями. В то время Армения территориально была разделена между тремя государствами: Османской империей, Российской империей и Персией.

На первой стадии геноцид осуществлялся только в отношении армянского населения на территории исторической Армении в пределах государственных границ Османской империи. Геноцид в виде локальной массовой резни и повсеместных систематических убийств отдельных лиц или небольших групп имел место в 1876—1914 гг. в условиях международного мира. Поэтому Османская империя должна была считаться с государственными границами, ставившими предел произволу ее властей. Соответственно международно-правовые акты, направленные на обеспечение безопасности армянского народа, локализовались армянскими вилайетами Османской империи.

Вторая стадия геноцида в виде поголовного и повсеместного уничтожения армянского народа как такового осуществлялась в 1915—1923 гг. в условиях Первой мировой войны. Как уже отмечалось выше, Турция вступила в нее для реализации своих планов пантюркистской экспансии, которые предполагали ликвидацию армянского этнического клина. В качестве составной части этой экспансионистской программы турецкое правительство приступило к осуществлению тщательно разработанного плана «окончательного решения» Армянского вопроса путем полного физического уничтожения армянского народа не только в пределах государственных границ Османской империи, но и за ее пределами — в ходе двух вторжений турецкой армии в Восточную (российскую) Армению — при младотурецком правительстве в 1918 г. и при кемалистском в 1920 г. Геноциду подверглось население Карсской области, Джавахка (Ахалкалаки), Сурмалу, Шахтагты, Гюмри (Александрополя), Нахичевана, Зангезура, Карабаха. Эта стадия геноцида армян осуществлялась турецким государством с 1915 по 1923 г. при всех последовательно сменявшихся политических режимах.

РАЗДЕЛ I

Общая международно-правовая основа ответственности за геноцид

1. Почему необходимо определить общую международно-правовую основу ответственности за геноцид

Геноцид — тяжкое преступление по международному праву. Перед правосудием, в том числе и международным, т.е. основанным на международном праве и осуществляемым компетентным международным органом, возникает необходимость определения, какие международно-правовые нормы применимы к данному казусу.

Ответственность по международному праву может наступить тогда, когда имеется соответствующая нормативная основа — действующие нормы и принципы для оценки правообразующих факторов, т.е. факторов, влекущих соответствующие юридические последствия в виде санкций, компенсаций и других видов ответственности за совершение международных противоправных действий или преступлений.

Устанавливая ответственность государства и физических лиц за совершение этого преступления, необходимо прежде всего установить наличие и само содержание общей нормативной основы ответственности — политической для государства, уголовной для физических лиц — организаторов и исполнителей преступления геноцида.

До последнего времени турецкая политика и дипломатия ограничивались голым отрицанием факта физического уничтожения армянского народа на $\frac{9}{10}$ территории его исторической родины. В условиях, когда весь мир осуждал совершаемое ими преступление, оправдывать свое поведение ссылками на международное право турки просто не могли. Максимальная «уступка» заключалась в мнимом «согласии» предоставить вопрос на рассмотрение историков, сопровождаемом массивным подкупом этих авторитетов на государственном уровне.

Сейчас, спустя десятилетия после физического уничтожения армянского населения, Турция изменила тактику. Понимая бесперспективность отрицания поголовного и повсеместного физического уничтожения армян как на территориях, подвластных турецкому государству, так и за их пределами, в Турции стали

занимать новую линию обороны с использованием аргументов формально-правового характера.

Увязывая саму возможность юридической оценки событий, связанных с геноцидом армян, на основе международного права со многими предварительными условиями и оговорками, турецкая дипломатия либо отрицает существование принципов и норм международного права, которыми устанавливается ответственность за совершение такого преступления, либо искажает их содержание.

Турецкие юристы, заявляя, что выступают за правовое решение, на деле основывают свою концепцию защиты не только на фальсифицированных фактах истории, но и на искажении нормативного материала. Поэтому необходимо рассмотреть все аргументы турецкой стороны, имеющие отношение к общей международно-правовой основе ответственности за совершение преступлений геноцида.

2. Как турки объясняют миру свое отношение и отношение армян к международному праву

Стремясь уйти от международной ответственности за геноцид армян, турецкие политики и юристы делают вид, будто им ничего не известно о том, что она была установлена уже тогда, когда совершалось это преступление. Утверждают, будто ответственность турок и Турции не была и не могла быть установлена из-за отсутствия соответствующей правовой основы.

Возникает естественный вопрос: если международное право не признавало резню целых народов преступлением, почему же турки не использовали этот довод, когда международное сообщество устанавливало уголовную ответственность физических лиц — организаторов этого преступления и политическую ответственность самого турецкого государства за преступление против человечности в виде лишения его права управлять народами, ставшими объектом его политики геноцида?

Представляя турецкую политику геноцида в отношении армян, один из ее разработчиков — член так называемой Турецко-армянской комиссии по примирению — Гюндюз Актан утверждал, будто вопрос о геноциде армян никогда не рассматривался с точки зрения права ни турками, ни армянами, ни, следовательно, международным сообществом государств. При всей своей лживости это заявление имеет принципиальное значение.

Развивая абсолютно ложный тезис, будто до сих пор вопрос о геноциде армян не рассматривался с точки зрения права, утверждают, что армяне, ставшие объектом геноцида, сознательно не обращались к международному праву «по той, видимо, причине, что это, вероятнее всего, ослабило бы их претензии относительно геноцида», а «проармянские авторы выбрали исторический подход, подчеркивая трагический характер инцидента с тем, чтобы легче было заявлять подобные претензии». Утверждают также, будто только сейчас армяне впервые и без всяких на то оснований пытаются дать международно-правовую оценку действиям турок. Сами же турки, совершившие геноцид, не обращались к международному праву, так как пренебрегали правовой оценкой.

Ситуация представлена, как говорят в подобных случаях, с точностью до наоборот. Армянская сторона, жертва преступления, всегда стремилась к правосу-

дию. Армяне добивались принятия международных санкций против геноцидного турецкого государства и предания международному уголовному суду членов турецкого правительства, руководителей правившей младотурецкой партии и других организаторов и исполнителей этого преступления. Они добивались возмещения причиненного им материального и морального ущерба. Даже тогда, когда совместными усилиями кемалистской Турции и большевистской России армянское государство было разрушено и армяне лишились голоса в международных отношениях, армяне-беженцы обращались в Лигу Наций и к авторитетам в области международного права для защиты своих законных прав.

Турецкое же государство всегда пыталось уйти от ответственности, представляя действия, приведшие к геноциду армян, как относящиеся к его внутренним делам, которые якобы под действие международного права не попадали.

3. Цель обращения турецких политиков к международному праву

Прозрение, пусть и позднее, можно было бы приветствовать, если бы пробудившийся интерес к международному праву был вызван стремлением подвести цивилизованную черту под прошлым и начать строительство новых отношений между Турцией и Арменией, между турецким и армянским народами.

Судя по всему, турецкие политики пришли к идее правового решения не потому, что они стремились к нормализации армяно-турецких отношений на объективной основе международного права, а потому, что были встревожены результатами нового раунда признаний, увидев их неизбежный исход. В Турции стали утверждать, что историки, не обладая правовыми знаниями, не могут судить, были или не были «армянские события» геноцидом, что геноцид как международное преступление «может быть установлен только юристами на основе предписанных правовых критериев».

4. В чем суть нового, международно-правового подхода турок к геноциду армян

Международно-правовая «концепция» турок в отношении геноцида армян сводится к следующим утверждениям:

1) в период, когда имели место «армянские события», в международном праве не было понятия геноцида как преступления и не было норм, на основании которых можно было бы установить ответственность за совершение такого преступления;

2) ответственность за совершение преступления геноцида была установлена Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. До вступления этой Конвенции в силу в 1961 г. действия, которые стали определяться как геноцид, преступления не составляли (*nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*);

3) закон обратной силы не имеет, поэтому Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него не распространяется на преступления,

совершенные до ее вступления в силу, и не может служить правовой основой для наступления ответственности за них.

Следовательно, тогда, когда происходили эти «события», т.е. в период осуществления полного физического уничтожения армян (1915—1923), понятия «геноцид» в международном праве не существовало, физическое уничтожение народов, подвластных территориальным суверенам, не было преступлением и соответственно международно-правовой ответственности не влекло.

Документы, приведенные в Разделе I, дают исчерпывающие ответы на все эти «аргументы». Они показывают, что турецкое толкование содержания международного права того периода, когда совершался геноцид армян, как и содержания современного международного права, противоречит мировой практике государств и общепринятой доктрине международного права.

5. На какой международно-правовой основе была установлена ответственность Турции за геноцид армян

Документы Сборника подтверждают, что вопрос политической ответственности турецкого государства и уголовной ответственности турок как физических лиц за «убийство целого народа» был решен международным сообществом однозначно: осуществлявшиеся до Первой мировой войны, в период войны и после нее действия турок и турецкого государства представляли собой «преступление против человечности» и «против человечества», которое лишало турок права управлять народом, ставшим его жертвой.

Какие же международно-правовые нормы были применены для квалификации действий турок и турецкого государства по физическому уничтожению армянского народа тогда, когда это преступление совершалось? На какой правовой основе международное сообщество установило политическую ответственность Турции в форме отделения от нее населенных армянами территорий?

Хотя термин «геноцид» предложен польским юристом д-ром Рафаэлем Лемкиным (Лемке) после того, как был завершен процесс прямого физического уничтожения армянского населения во всей Западной и части Восточной Армении, на самом деле как принятие самого термина, так и определение состава этого преступления тесно связано именно с геноцидом армян¹.

Очевидно, что д-р Лемкин не изобрел новое преступление, а лишь подобрал наиболее точный термин для обозначения существовавшего уже понятия о преступном нарушении норм международного права, направленном на уничтожение целых национальных групп как таковых. В специальном исследовании ООН по этому вопросу отмечается: «...слово “геноцид” появилось сравнительно недавно как неологизм, обозначающий старое преступление»². Указание на этот общеизвестный факт можно встретить почти в любой работе на эту тему, например в справочном издании ООН относительно Конвенции о предупреждении преступ-

¹ Док. № 595.

² Комиссия по правам человека. Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Пересмотренный и обновленный доклад по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, подготовленный Б. Уайтекером. Док. ООН: E/CN.4/ Sub. 2 /1985/ 6. 2 July 1985. P. 11. См. док. № 1358.

ления геноцида и наказания за него, которое начинается словами: «Геноцид — это новое название давно известного преступления»¹.

Достаточно сравнить определение «убийство целого народа», использовавшееся для обозначения преступления, совершенного турками, с термином «геноцид», предложенным д-ром Лемкиным, чтобы убедиться: термин представляет собой всего лишь греко-латинскую кальку именно с этого общепризнанного определения преступления.

Преступление геноцида не было изобретением авторов Конвенции. Истребление целых народов имело место и до введения ими термина «геноцид». Такие преступления совершались государствами и раньше. Приоритет в обращении к резне народов как средству государственной политики, бесспорно, принадлежит Османской империи, созданной в результате порабощения пришлыми разбойничьими племенами цивилизованных народов всей Передней Азии и Балкан: греков, армян, арабов, ассирийцев, сербов, румын и многих других. Власть тюркского меньшинства над множеством народов империи поддерживалась насилием, перманентной резней непокорных.

Турецкое государство стояло вне семьи цивилизованных народов и не признавало международного права. Османская империя была допущена в семью народов в качестве субъекта международного права по политическим соображениям — за участие в Крымской войне на стороне антироссийской коалиции западноевропейских держав, но при условии, что она обеспечит безопасность всех подвластных народов.

Кайзеровская Германия, которая была соучастницей геноцида армян в период Первой мировой войны, при нацистах проводила политику уничтожения евреев (холокост) и других народов, используя опыт турок.

О том, что такого рода преступления совершались и до вступления в силу Конвенции, прямо говорится в самой Конвенции и в международных актах, сопутствовавших ее выработке и принятию, а именно в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН². Если было преступление, то должны были быть и международно-правовые нормы и принципы, устанавливавшие ответственность за его совершение. Пробела в праве быть не могло, ибо это означало бы отказ от правосудия, что противно самым элементарным представлениям о человеческой цивилизации.

О существовании норм права, устанавливавших, что геноцид является преступлением по международному праву до принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, прямо говорится в ст. 1 самой Конвенции: «Договаривающиеся Стороны подтверждают, что геноцид... является преступлением, которое нарушает нормы международного права...» Конвенция, констатируя, что геноцид совершался и до ее принятия, тем самым подтвердила правомерность квалифицирования этих преступлений как геноцида.

Позитивный материал подтверждает обоснованность этого логического вывода. Документы Раздела I Сборника показывают, что и до принятия Конвенции имелась общая международно-правовая основа для квалификации действий ту-

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. ООН. Нью-Йорк, 1991. Опубликовано отделом общественной информации ООН (DPI/1055 — December 1991—2M). P. 1.

² Док. № 11, 12, 13.

рецкого и германского государств как геноцида. Уже тогда международное право рассматривало «убийство целого народа» как преступление против человечности. Это было родовым определением преступлений, которые тогда называли «убийством целого народа», а после принятия Конвенции — термином «геноцид».

6. Юридическая связь ответственности за геноцид армян и холокост евреев

Вопрос о наличии общей международно-правовой основы ответственности за геноцид до и независимо от вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него имеет принципиальное значение не только для подтверждения ответственности турок и Турции, но и в более широком плане — для выяснения правовой природы ответственности за преступление геноцида.

Отрицание существования такой основы ведет к отрицанию ответственности не только за геноцид армян, но и за все другие случаи геноцида, имевшие место до вступления в силу Конвенции, т.е. за геноцид греков, ассирийцев и других народов, совершенный турками, и за геноцид евреев, совершенный нацистской Германией. Если бы не было норм международного права для привлечения к ответственности за геноцид армян, это значило бы отсутствие соответствующих норм и для привлечения к ответственности главарей нацистской Германии за геноцид евреев¹.

Существует и обратная юридическая связь холокоста с арменоцидом. Тот факт, что нацистские лидеры были наказаны за геноцид евреев на основе действовавшего права до принятия и вступления в силу Конвенции о геноциде подтверждает, что международно-правовая основа ответственности за геноцид существовала и тогда, когда стоял вопрос об ответственности турок и Турции. Аргументы, подтверждающие правомерность квалификации холокоста как геноцида евреев, доказывают и правомерность квалификации арменоцида как преступления геноцида.

Общая международно-правовая основа для привлечения к международной ответственности нацистов как физических лиц и Германии как государства за геноцид евреев та же самая, что и для ответственности турок и Турции за геноцид армян. За 16—17 лет, отделявших эти два наиболее типичных случая геноцида, принципиальных изменений в международно-правовой основе ответственности за совершение этого преступления не произошло.

Главный британский обвинитель на Нюрнбергском процессе Х. Шоукросс прямо отмечал, что международно-правовой основой для установления ответственности Германии за геноцид евреев и других народов в годы Второй мировой войны были те же самые обычные нормы международного права, которые действовали при совершении геноцида армян и установлении ответственности Турции².

¹ Док. № 4, 6, 7.

² Док. № 5.

7. Ранняя международная практика гуманитарного вмешательства

Какие же принципы и нормы международного права действовали в случаях массовой резни народов до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него?

Уже в Средние века в доктринах международного права (например, у Витория) провозглашалось, что международное право допускает вмешательство по отношению к государству, которое отказывает собственным подданным в осуществлении прав человека. Со временем такой подход оформился в общую концепцию европейских стран. Напомним в этой связи слова из протокола Лондонской конференции 1831 г. по вопросу о Бельгии: «Каждое государство имеет свои права, но Европа также имеет свое право».

В европейском международном праве гуманитарная интервенция признавалась не только возможной, но даже необходимой. Более того, принцип гуманитарной интервенции стал частью международного права главным образом в процессе противодействия международному сообществу бесчеловечной практике резни, ставшей для турок средством поддержания своей власти над многими порабощенными народами. Для пресечения или предотвращения резни в XIX в. великим державам неоднократно приходилось выступать в защиту христианских подданных турецкого султана. Именно практика геноцида турецкого государства привела к выработке концепции допустимости интервенции по мотивам гуманности (*intervention d'humanité*). Она же привела к пониманию необходимости ослабления государственных связей или полного освобождения народов, ставших жертвой этой бесчеловечной системы резни.

В преамбуле договора от 6 июля 1827 г., заключенного Великобританией, Францией и Россией по вопросу о вмешательстве этих держав в борьбу за независимость Греции, в оправдание намеченных мер приводились соображения гуманности и спокойствия в Европе, а также согласие держав вмешаться в ответ на призыв о помощи со стороны греков¹.

Между прочим, реформы Танзимата, которые турецкие политики представляют как достижение «турецкой цивилизации», на самом деле стимулировались международным вмешательством в защиту порабощенных христианских народов Османской империи и были результатом международных усилий. С введением в 1839 г. реформ Танзимата христианские меньшинства в Османской империи стали объектом международных соглашений и договоров.

Парижский трактат 18/30 марта 1856 г., оформивший принятие Блистательной Порты в семью цивилизованных государств Европы, с одной стороны, содержал обязательство великих европейских держав «уважать независимость и целостность империи Османской» (ст. VII), а с другой — фиксировал факт покровительства европейских держав христианским подданным султана. Этот добровольно-принудительный международно-правовой статус был оформлен фирманом султана, согласованным с великими державами и упомянутым в особой ст. IX трактата. Заявляя о своих «великодушных намерениях» в отношении хри-

¹ Moore J. B. A digest of International Law as embodied in diplomatic discussions, treaties and other international agreements ... documents, published and unpublished, issued by Presidents and Secretaries of State of the United States ... In eight volumes. Washington. 1906. Vol. VI. P. 4—5.

стианского народонаселения империи и «желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств», султан «решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению фирман».

Для иллюстрации мнений, преобладавших в Европе, сошлемся на российского юриста-международника М.Н. Капустина, который еще в 1856 г. в своем «Обзрении предметов международного права» дал обоснование права международного сообщества на гуманитарную интервенцию. Признавая вмешательство не только допустимым, но и необходимым, он обуславливал его интернационализацией: «...союз международный стремится сделать вмешательство актом общеевропейским и отнять право его у отдельного государства».

Гуманитарная интервенция обретала конкретные формы, наполнялась конкретным содержанием по мере роста освободительного движения и сопутствовавшего ему обращения турецкого государства к резне как средству предотвращения распада «лоскутной» империи.

В качестве примера интервенции, предпринятой, чтобы положить конец ужасающим условиям существования подвластного туркам народа, можно привести случай с Болгарией в 1876 г.¹ Можно указать и на Берлинский меморандум 1876 г. России, Австро-Венгрии, Германии и присоединившихся к ним Франции и Италии турецкому правительству в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине.

Видное место в этом процессе занимает Берлинский трактат, заключенный 1/13 июля 1878 г. По этому трактату Болгария была признана автономным государством; установлена административная автономия Восточной Румелии во главе с генерал-губернатором из христиан, назначаемым султаном по соглашению с великими державами; признана независимость от Турции Сербии и Румынии; присоединены к России Карс и Ардаган с округами; принято обязательство султана осуществить в областях, населенных армянами, меры по улучшению их положения, а также провести реформы, вызываемые местными потребностями, а о ходе их выполнения периодически сообщать великим державам.

Весьма показательно в этом отношении мнение такого последовательного представителя позитивистской школы международного права, как А. Фердросс, который говорил, что в постепенно распространявшемся в XIX в. принципе вмешательства по мотивам гуманности «проявлялась большая идея, что сообщество государств уполномочено также вмешиваться в мероприятия другого государства, нарушающего элементарные человеческие права своих граждан». Выступая против восхваления Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него в качестве «нововведения», Фердросс отмечал, что «действия, о которых идет в ней речь, уже давно признаны всеми как общие преступления и подлежат в силу этого уголовному преследованию»².

Даже США, в то время придерживавшиеся крайне консервативной позиции в вопросе о праве международного вмешательства в отношении государства с собственными гражданами, вынуждены были признать, что «некоторые его виды и степень жестокого обращения могут приобрести международное значение вследствие их непосредственного и отрицательного влияния на права и интересы внешнего мира». Поэтому, писал Ч. Хайд, «в настоящее время было бы нена-

учно утверждать, что тиранические действия, убийства или религиозные преследования совершенно не касаются внешних отношений виновного в них суверена... Со своей стороны и международное сообщество, выступая как коллектив, может вполне обоснованно утверждать, что государство, допускающее такие эксцессы, само делает себя неспособным выполнять свои международные обязательства...»¹.

Сегодня в вопросе о гуманитарной интервенции и национальной юрисдикции США переместились на другой край, настаивая на подсудности Международному уголовному суду дел по обвинению в геноциде глав и других высших представителей государств и на применении силы против государств для пресечения этого преступления. Такой сдвиг начался с переосмысления Вашингтоном своей политики именно в связи с геноцидом армян.

Не только правовая логика и не только труды представителей доктрины международного права, но и позитивный, документально подтверждаемый материал свидетельствуют о том, что уже в 1876—1923 гг., когда осуществлялся арменоцид, международное сообщество исходило из наказуемости преступлений против человечности, относя к ним, в частности и в особенности, резню поработенных народов, периодически устраивавшуюся геноцидным турецким государством.

8. «Законы человечности» и «клаузула» Ф. Мартенса

В основе ответственности за совершение геноцида изначально лежали «законы человечности», которые были зафиксированы в ряде международных актов. «Законы человечности» как нормы обычного права были закреплены в позитивном праве в преамбуле Санкт-Петербургской декларации 1868 г. В более полном виде они были зафиксированы в акте непреходящего значения — «Декларации Мартенса», известной также как «оговорка» или «клаузула» Мартенса. Единогласным решением государств-участников Гаагских конференций текст ее был включен в преамбулу II Гаагской конвенции 1899 г., а затем — с незначительными редакционными поправками — и в преамбулу IV Гаагской конвенции 1907 г.²

Этот принципиальной важности международно-правовой акт сыграл огромную роль в развитии международного права. Он зафиксировал «законы человечности и требования общественного сознания» в качестве одного из начал международного права, вытекающих из «установившихся между образованными народами обычаев».

Турецкие юристы-политики пытаются ограничить зафиксированный в нем основополагающий принцип международного права. Ссылаясь на то обстоятельство, что «принцип человечности» был зафиксирован в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., они пытаются ограничить сферу действия этого авторитетного источника международного права только отношениями между воюющими государствами.

Такое ограничительное толкование принципа человечности, утверждение, будто требование человечности не распространялось на практику резни подвла-

¹ Ibid. P. 3.

² Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 105.

¹ Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М., 1950. Т. 1. С. 403—404.

² Док. № 1.

стных народов, противоречит как доктрине, так и практике международного права¹.

Принцип человечности — изначальная основа прогрессивного развития международного права. Это основополагающий принцип универсального значения. Международное право «цивилизованных государств Европы» принимало его как «божественное» начало, неотъемлемо присущее человеческому сознанию. Доктрина «естественного права» рассматривала этот принцип как проявление природы человека. Человек и созданное им государство должны быть человеческими и не совершать преступлений против человечности не только во время войны, но тем более в период мира, не только против противника, но и в отношении собственных подданных.

Исходя из универсальной значимости принципа человечности, цивилизованный мир воспринял «Декларацию Мартенса» как подтверждение того, что отсутствие специальных запретов на бесчеловечное поведение не может означать санкционирования действий, которые противоречат или даже не соответствуют началам международного права, вытекающим «из законов человечности и требований общественного сознания».

Законы человечности и требования общественного сознания стимулировали развитие всей системы норм международного права. Будучи оформленными в основополагающий принцип, они создали в позитивном праве фундамент для образования норм, защищавших право народов на жизнь, конкретизировавших состав преступлений против человечности — вначале геноцида, а потом и других преступлений этой категории. К «Декларации Мартенса» восходят принцип ответственности за совершение преступлений против человечности и идея создания международного уголовного суда.

Гаагские конвенции исходили из того, что «Декларация Мартенса», касающаяся принципов человечности, действует независимо от наличия договорной нормы права и от того, связывает ли данная норма договорного права то или иное государство. Она действует независимо от участия в международных договорах, в которых зафиксирована, от содержания самих договоров и круга их участников, независимо от того, выражена ли она в договорной форме или в виде обычая. Нормы, содержащиеся в «Декларации Мартенса», распространялись на все сферы международных отношений.

Преступление против человечности стало родовым определением, в рамках которого долгое время шло формирование норм международного права о предотвращении и наказании преступления геноцида.

Международное право цивилизованных государств всегда исходило и исходит из того, что в отношении обеспечения принципа человечности нет и не может быть пробелов в праве. Действуя в качестве одного из «общих принципов права, признанных цивилизованными государствами», принцип человечности способствовал формированию соответствующих конвенционных норм, наполнявших его конкретным содержанием.

¹Оценку доктрины и практики международного права см.: *Strebel H. Martens Clause // R. Bernhardt (ed.). Encyclopedia of Public International Law. Instalment 1—7, North-Holland Publishing Company, Amsterdam, New York, Oxford, 1981—1984, Instalment 3. P. 252—253; Miyazaki S. The Martens Clause and International Humanitarian Law // Studies and Essays in Honour of Jean Pictet, ICRC-Nijhoff, Geneva—The Hague, 1984. P. 433.*

Такое понимание содержания принципа человечности и самой «Декларации Мартенса» подтверждено всем развитием международного права. Об этом свидетельствуют история международной гуманитарной интервенции в защиту пораженных христианских народов и вся история Армянского вопроса.

Поскольку турецкий тезис о правомерности геноцида связывается с ограничительным толкованием всемирно известной формулы российского юриста-международника, целесообразно уяснить отношение самого Ф.Ф. Мартенса к действовавшему праву. Приведенные в Сборнике однозначные оценки Мартенса исключают возможность кривотолков и показывают, что он исходил не только из универсальности принципа человечности, но и из его применимости к конкретной ситуации, связанной с бесчеловечным обращением турок с армянами уже на самой ранней стадии геноцида.

В январе 1879 г., вскоре после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора и Берлинского конгресса, определившего его международно-правовые итоги, появилось обстоятельное исследование Мартенса «Восточная война и Брюссельская конференция»¹.

Полемизируя с теми, кто представлял войну как спор о праве и отождествлял международное право с правом силы, Мартенс отмечал, что это противоречит имеющемуся международному опыту: «Если согласиться с основным положением Прудона, то мы должны признать справедливыми и законными такие вопиющие преступления, как «Сицилийская вечеря», Варфоломеевская ночь, убиение Наполеоном I герцога Энгиенского, все войны Людовика XIV и Наполеона I. Мало того. Мы должны в таком случае также преклониться перед божественным правом турок систематически убивать и истреблять всех своих христианских подданных. Или, может быть, христианское население Турции только потому имеет право на неприкосновенность жизни и чести, что за него постоянно заступалась такая могущественная держава, как Россия? Приходить к подобному заключению — значит горько насмехаться над судьбою несчастной райи. Между тем оно логически вытекает из софизма Прудона, на основании которого турки до тех пор имеют право избивать христиан, надругаться над честью их жен и дочерей и расхищать их собственность, пока сами христиане не в силах будут дать им отпор и прогнать своих вековых мучителей в Азию». Осуждая практику резни, обосновывавшуюся правом силы, Мартенс говорил: «Мы исходим из того основного положения, что, подобно человеческой личности, народ есть также источник известных неотъемлемых прав».

Веря в силу международного права, Мартенс пророчески произнес слова, которые можно полностью отнести к геноциду армян. «Никогда, — сказал он, — грубая сила не восторжествует окончательно над правом; никогда жалкая теория совершившихся фактов не заглушит в нас чувства правды и справедливости»².

9. Применение принципа человечности в практике международных отношений

Применение принципа человечности в качестве международно-правового основания ответственности Турции и турок за геноцид армян — центральная те-

¹ Док. № 3.

² *Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб., 1879.*

ма Сборника, которая рассмотрена особо. Здесь укажем лишь, что принцип человечности как норма международного права применялся не только в отношении арменоида, но и к другим подобным случаям как до, так и после этого преступления.

Укажем в виде примера на применение этого принципа к акту геноцида, совершенного в 1876 г., когда турецкие иррегулярные войска вырезали 12 тыс. болгар. Реакция мирового сообщества была однозначной: Турция должна убраться не только из Болгарии, но и с Балкан.

По совершенно другому случаю на принцип человечности сослались США в 1902 г. Государственный секретарь Дж. Хей обосновывал «ясно установленное право» своего правительства выступать «во имя человечности» против жестоких мер, принимавшихся «суверенным румынским государством» в отношении собственных подданных еврейского происхождения, тем, что эти действия представляли нарушение международного права¹.

Нарушения принципа человечности служили основой для привлечения к ответственности германского императора после Первой мировой войны 1914—1918 гг.

10. Вопрос о применении принципа человечности при подготовке статута Постоянной палаты международного правосудия

Вопрос о применении принципа человечности обсуждался и вне рамок Парижской мирной конференции — в Комитете юристов, учрежденном Лигой Наций в 1920 г. для подготовки статута Постоянной палаты международного правосудия. Председатель Комитета Декамп (Бельгия) в качестве источников права, которыми суд должен был руководствоваться при решении споров на основе международного права, рассматривает не только нормы, «признанные цивилизованными государствами», но и «требования правового сознания цивилизованных народов (nations)». После продолжительных дискуссий, включавших возражения представителя США Э. Рута, Комитет принял предложенную компромиссную версию об «общих принципах права, признаваемых цивилизованными государствами». Этим подтверждался статус «законов человечности».

11. Нарушение принципа человечности как международно-правовая основа ответственности Германии за геноцид евреев

Убедительным подтверждением практического смысла и планетарного значения принципа наказуемости преступлений против человечности в том виде, как он был сформулирован и изложен в связи с геноцидом армян в Декларациях правительств России, Великобритании и Франции 24 мая 1915 г., стало принятие в 1943 г. известной Московской декларации трех великих держав — СССР, Великобритании и США. Она почти слово в слово воспроизвела текст Декларации держав Антанты об ответственности турецких руководителей за геноцид армян.

Московская декларация, принятая по инициативе СССР, совпадала с Декларацией 1915 г. не только по содержанию, но и по целям. Она стала международно-правовой основой для предания суду нацистских руководителей Германии за их действия в период Второй мировой войны — геноцид и другие преступления против человечности. На ее основе было заключено специальное соглашение и создан Международный военный трибунал. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками Германии стал первым в истории международным процессом по делам о преступлениях против человечности, включая преступление геноцида.

Принцип наказуемости преступлений «против человечности и цивилизации», принятый союзными державами для наказания за преступления геноцида, совершенного *до* и *во время* Второй мировой войны главарями Германии, восходит к признанию наказуемости преступлений против человечности, совершавшихся Турцией *до*, *во время* и *после* Первой мировой войны.

Геноцид евреев и признание ответственности Германии за совершение этого преступления имели место в тех же международно-правовых условиях, что и геноцид армян, совершенный за два десятилетия до этого. Международно-правовым основанием для предания гитлеровских главарей суду служил все тот же принцип ответственности за преступления против человечности.

То обстоятельство, что Устав Международного военного трибунала не применял термина «геноцид», никоим образом не может ставить под сомнение, что этот документ имел в виду именно то преступление, которое стало называться геноцидом. Отрицание того несомненного факта, что содержащееся в Уставе Трибунала определение включает и преступление геноцида, хотя самого этого термина тогда еще не было, могло бы привести к чудовищному и ничем не обоснованному выводу, что либо Устав Международного военного трибунала не включил геноцид в компетенцию Трибунала, либо Трибунал не осудил акты геноцида, совершенные гитлеровской Германией. Очевидно, что оба предположения несостоятельны.

Не будем голословны и приведем соответствующее положение из вступительной речи главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса на заседании Международного военного трибунала 4 декабря 1945 г. в Нюрнберге на процессе по делу главных немецких военных преступников:

«...Будет в величайшей степени нелогично, если избегнут кары те люди, которые, даже если они не совершали преступления своими собственными руками, но являются ответственными за систематическое нарушение законов войны, вызвавшее страдания населения многих государств.

То же самое относится к преступлениям против человечности. Право на вмешательство в интересах гуманности, ради защиты прав человека, затоптанных государством таким образом, что потрясены самые основы существования человечества, это право в течение долгого времени рассматривалось как часть права народов. <...> Если убийство, насилие и грабеж являются криминальными актами согласно обычным национальным законам каждой из наших стран, могут ли те, кто отличается от этих обычных преступников только степенью и систематическим характером своих преступлений, — могут ли они избежать обвинения?

<...> Устав [Трибунала] лишь устанавливает ответственность людей, совершивших преступления, которые явно являются таковыми с точки зрения общего законодательства. Он восполняет пробел в международном уголовном про-

¹ Письмо Посланнику США в Румынии Вильсону 17 июля 1902 г. // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1902. P. 910.

цессе. Существует огромная разница между тем, чтобы сказать человеку: “Теперь вы будете наказаны за действие, которое не являлось преступлением в то время, когда вы его совершили”, и между тем, чтобы сказать ему: “Вы теперь понесете наказание за поведение, которое противоречило закону и явилось преступлением, когда вы его совершили, хотя, вследствие несовершенства международного механизма, в то время еще не существовало суда, в компетенции которого было бы осудить вас за это”.

<...> И если это является применением обратной силы закона, мы заявляем, что оно полностью соответствует тем высшим нормам справедливости, которые в практике всех цивилизованных стран установили определенные границы для применения обратной силы закона»¹.

12. Решения Международного военного трибунала как подтверждение действующих норм международного права

Решения международных судебных органов, в том числе и нюрнбергского Международного военного трибунала и Международного суда ООН, не относятся к основным источникам международного права. Они не изменяют и не создают его нормы. Они применяют действующие нормы международного права. Они «входят в процесс нормообразования как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права и их толкования»².

Решения международных судебных органов, подтверждая признание соответствующих норм государствами, могут способствовать завершению процесса образования норм и их закреплению в международном праве. Поэтому их относят к категории вспомогательных источников. В этом отношении примечательны принципы Нюрнбергского трибунала.

Преступление геноцида охватывалось Уставом Международного военного трибунала и Законом № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности, изданном Контрольным советом в Германии в декабре 1945 г.³ Были признаны наказуемыми и подпадавшими под юрисдикцию международного суда «преступления против человечности, а именно убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Совпадение состава преступлений против человечности, совершавшихся в период Первой мировой войны Турцией и ее союзницей Германией, с преступлениями, совершенными Германией в период Второй мировой войны, привело к совпадению определений преступлений против человечности в ст. 6 «с» Устава нюрнбергского Международного военного трибунала и в Законе № 10 с приведенным выше перечнем подлежащих наказанию преступлений, который был

¹ Док. № 5.

² Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 208.

³ Док. № 4, 6.

выработан Комиссией по ответственности и санкциям в рамках Парижской мирной конференции.

Поскольку в обоих перечнях многие признаки состава преступлений против человечности и состава военных преступлений совпадали (нечеловечность при-суща и особо тяжким военным преступлениям), то за основу для обособления этих двух видов преступлений, точнее для обособления преступлений, связанных с уничтожением подвластных этнических групп, было принято то обстоятельство, что преступление последней категории, именовавшееся как «убийство целого народа», носит «государственно-организованный характер», имеет целью массовое уничтожение людей определенной этнической принадлежности и может совершаться не только в военное время, которое создает для этого идеальные условия, но и в мирное.

Судебное преследование и наказание главных военных преступников на Нюрнбергском процессе не было результатом произвольного осуществления власти со стороны государств-победителей. Правомочия Нюрнбергского трибунала в отношении преступлений, совершенных до принятия и вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, опирались на признание геноцида преступлением против человечности на основе обычных норм международного права. Именно на основании действовавших уже до принятия этой Конвенции обычных норм и принципов международного права осуществлялось преследование и устанавливалась мера наказания за это международное преступление на Нюрнбергском процессе. Тогда, как и теперь, международное право исходило из того, что действия, посягающие на основы существования таких человеческих групп, как народы и этнические группы, представляют особую опасность для человечества и должны рассматриваться в качестве международных преступлений — преступлений против человечности и человеческой цивилизации. Именно поэтому международное право исходило из того, что государства, совершившие такого рода преступления, несут особую международно-правовую ответственность, а физические лица — международную уголовную ответственность.

Эти принципы и нормы международного права, воплощенные в Уставе Международного военного трибунала, нашли свое выражение в вынесенном им приговоре¹. Для наказания военных преступников и признания ответственности германского государства за акты геноцида не имело значения то обстоятельство, что Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него была принята уже после завершения Нюрнбергского процесса, а в Уставе Международного военного трибунала термин «геноцид» не применялся. Считалось достаточным признание наказуемости по международному праву тех составляющих содержание геноцида действий, которые перечислялись в ст. 6 Устава Международного военного трибунала. Напомним, что по смыслу этой статьи подлежали наказанию перечисленные в ней преступления, включая такие преступления против человечности, как «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам».

¹ Док. № 7.

Поскольку общей международно-правовой основой ответственности нацистской Германии за геноцид евреев, как и ответственности Турции за геноцид армян, было нарушение принципа человечности, то неизбежно должен был возникнуть и вопрос о смысле «Декларации Мартенса». В предисловии к отчетам о судебных процессах над германскими военными преступниками отмечалось, что эта «Декларация» формулирует не только сущность основополагающего принципа права войны, но «по существу всякого права, потому что цель права как такового состоит в обеспечении, насколько это возможно, во взаимоотношениях субъектов закона, справедливости и гуманности»¹.

Резолюция 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. подтвердила принципы международного права, признанные Уставом нюрнбергского Международного военного трибунала и его приговором².

13. Судебная практика США и Израиля

То, что геноцид рассматривался как разновидность преступления против человечности и человечества еще до принятия Устава Международного военного трибунала и вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, подтверждается и национальной судебной практикой — материалами процессов в судах ряда стран над лицами, виновными в совершении преступления геноцида. При этом рассматривались как международное преступление убийства фашистами немецких евреев, а также евреев и лиц иной национальности в странах, воевавших на стороне Германии, хотя они и не считались подпадающими под юрисдикцию Трибунала³.

В виде примера можно было бы сослаться на обвинительный акт и приговор Военного трибунала США в Нюрнберге по делу Йозефа Альштоттера и др. Обвинительный акт следующим образом включает геноцид в определение преступлений против человечности: «В период между сентябрем 1939 г. и апрелем 1945 г. указанные обвиняемые сознательно, незаконно и по доброй воле совершили преступления против человечности, перечисленные в Законе № 10 Контрольного совета, в качестве исполнителей, пособников или добровольных соучастников, вовлеченных путем обмана или подстрекательства; все они были связаны с планами и мероприятиями по совершению зверств и преступлений, включающих, в частности, убийства, истребления, похищения, депортацию, незаконные аресты, истязания, преследования в связи с расовой или религиозной принадлежностью, жестокое обращение и другие бесчеловечные акты против гражданского населения Германии и граждан оккупированных стран»⁴.

Квалификация геноцида как разновидности преступлений против человечности содержится и в главном пункте обвинения по делу Ульриха Грейфельда и др., рассмотренному Военным трибуналом США в Нюрнберге. В нем указывается, что «обвиняемые совершили преступление против человечности» — убий-

¹ Док. № 14.

² Док. № 8.

³ Док. № 23.

⁴ Law Reports of Trials of War Criminals. Selected and Prepared by the United Nations War Crime Commission. London, H.M. Stationary Office. Vol. VI (1948), Case № 35. P. 4, 32, 75, 99.

ства, истребления, порабощение, депортацию, аресты, истязания, преследования на почве расовой и религиозной принадлежности и другие бесчеловечные и преступные деяния, которые «явились составной частью общего плана геноцида, предусматривающего систематическое истребление народов и этнических групп путем их физического уничтожения, а также путем разрушения и уничтожения их национальной специфики»¹.

В связи с вопросом о международно-правовой квалификации геноцида как наказуемого международного преступления примечательно мнение Военного трибунала США в Нюрнберге, высказанное в 1947 г., т.е. тогда, когда Генеральная Ассамблея ООН начала рассматривать вопрос о необходимости принятия специальной конвенции о геноциде. Давая оценку резолюции 180 (II) Генеральной Ассамблеи, Трибунал отметил, что признание в этом документе геноцида международным преступлением, влекущим за собой национальную и международную ответственность отдельных лиц и государств, полностью отражает отношение к нему мирового общественного мнения².

В приговоре Верховного суда Израиля по делу нацистского преступника К. Эйхмана, вынесенном 12 декабря 1961 г., указано, что совершенное им преступление против еврейского народа, составляя преступление геноцида, является одним из тяжчайших преступлений против человечности³.

14. Мнение Комиссии международного права о принципах международного права, положенных в основу Устава Международного военного трибунала

Наличие норм материального права для предания суду и осуждения за действия, составлявшие геноцид до принятия Конвенции, было признано и таким авторитетным международным органом, как Комиссия международного права. Резолюцией 177 (II) от 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН поручила Комиссии сформулировать принципы международного права, признанные Уставом нюрнбергского Международного военного трибунала и нашедшие выражение в его решениях. В ходе работы возник вопрос о том, следует ли Комиссии выяснить, в какой мере принципы, признанные Уставом нюрнбергского Международного военного трибунала и нашедшие выражение в приговоре, являются принципами международного права. Ввиду того, что принципы Нюрнбергского трибунала были единодушно утверждены Генеральной Ассамблеей в резолюции 95 (1) от 11 декабря 1946 г., Комиссия пришла к выводу, что порученная ей задача заключается не в оценке этих принципов как принципов международного права, а лишь в их формулировании. На основе доклада, представленного специальным докладчиком Жаном Спиропулосом, Комиссия на своей второй сессии, состоявшейся в 1950 г., завершила работу по формулировке принципов международного права, признанных Уставом Международного военного трибунала и нашедших выражение в решении этого Трибунала, и представила доклад Генеральной Ассамблее ООН вместе с соответствующими комментариями.

¹ Ibid. Vol. XIII (1948). P. 2—3.

² Ibid. Vol. XI (1948). P. 48.

³ Док. № 16.

Генеральная Ассамблея в резолюции 488 (V) от 12 декабря 1950 г. постановила просить правительства государств-членов представить свои замечания по формулировке и предложила Комиссии международного права при составлении ею проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества учесть замечания по формулировке, сделанные делегациями на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи, и замечания, которые могут быть позже получены от правительств. В качестве преступлений, наказуемых по международному праву, были указаны следующие преступления против человечности: «убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения...»¹

В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, представленном Комиссией международного права Генеральной Ассамблее ООН в 1954 г., т.е. уже после принятия текста Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, но задолго до ее вступления в силу, в качестве международных преступлений против мира и безопасности человечества был дан указанный в Конвенции далеко не полный перечень действий, составляющих геноцид, а именно:

«(10)... действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Под отдельным пунктом (11) проект Кодекса воспроизвел действия, перечисленные в Уставе Нюрнбергского трибунала в качестве преступлений по международному праву: «бесчеловечные акты, как-то: убийства, истребления, порабощение, высылка или преследования, совершаемые в отношении любого гражданского населения по политическим, расовым, религиозным или «культурным» мотивам властями какого-либо государства или частными лицами, действующими по подстрекательству или при попустительстве этих властей...»²

Комиссия исключила условие, согласно которому бесчеловечные акты в отношении гражданского населения могли бы рассматриваться как преступления лишь в том случае, если бы они совершались в связи с другими преступлениями, определяемыми в Кодексе.

На 38-й сессии Комиссии международного права в 1986 г. действия, охватываемые составом преступления геноцида, были выделены в особую категорию «преступления против человечности».

¹ Текст, как часть доклада Комиссии, и соответствующие комментарии см.: Yearbook of the International Law Commission. New York. 1950. Vol. II.

² Yearbook of the International Law Commission. New York. 1954. Vol. II.

15. Консультативное заключение Международного суда

Особую ценность для понимания существовавшей правовой ситуации имеет известное консультативное заключение Международного суда ООН от 28 мая 1951 г. по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. В этом заключении Суд ясно и недвусмысленно отметил, что «принципы, на которых основана Конвенция, признаются цивилизованными странами в качестве обязательных и даже без какого-либо договорного закрепления»¹.

Из заключения Международного суда ООН следует, что геноцид представляет собой такое преступление, предотвращение, пресечение и наказание за которое составляли и составляют обязанность любого из государств мира независимо от его участия или неучастия в Конвенции и независимо от того, были ли акты геноцида совершены до или после ее принятия и вступления в силу.

Если признается правомерность и юридическая обоснованность применения действовавших уже до вступления в силу Конвенции норм международного права к оценке действий фашистской Германии в отношении евреев, то столь же очевидно и бесспорно применение этих же норм международного права к оценке идентичных по содержанию действий турецкого государства в отношении армян. Это подтверждается не только логическим умозаключением по аналогии, в силу полного сходства правовой ситуации, но и конкретным международно-правовым инструментарием, прямо и непосредственно относящимся к геноциду армян².

Отрицание принципа человечности как императивной нормы международного права — это, видимо, и есть тот «вклад», который турецкая доктрина международного права вносит в прогрессивное развитие международного права.

16. О юридической природе Конвенции как результате кодификации обычных норм международного права

Не умаляя значения Конвенции, тем не менее следует отметить, что ее нормативное содержание по сравнению с прежним состоянием изменилось не на много. Принятие Конвенции представляло скорее кодификацию, чем прогрессивное развитие.

Состав преступления геноцида прописан в Конвенции более четко, но смоделирован он на основе геноцида армян. Ответственность наступает за совершение каждого из действий, предусмотренных составом преступления, но первым и основным из них является физическое уничтожение (убийство) членов группы как таковой. Это не что иное, как прежняя банальная резня, которую устраивали турки.

Поэтому можно с полным основанием утверждать, что физическое уничтожение армянской нации в Турции как первый широкомасштабный геноцид XX в. стал непосредственной реальной основой для появления и утверждения этого термина и для определения состава самого преступления.

¹ Док. № 15.

² См. Комментарий к Разделу IV.

Об этом прямо, не оставляя места для каких-либо сомнений, говорит сам д-р Лемкин в своей биографии: «В 1915 г. немцы оккупировали В[аршаву] и весь район. Я использовал это время для изучения истории. Я следил, не уничтожаются ли национальные, религиозные или расовые группы. Правда пришла только после войны¹. В Турции более 1 200 000 армян были преданы смерти только по одной причине, что они были христиане»².

По признанию Лемкина, он был потрясен полным отсутствием правосудия, полной безнаказанностью этого преступления: «После окончания войны около 150 турецких военных преступников были арестованы и заключены британским правительством в тюрьму на острове Мальта. Армяне послали свою делегацию на Мирную конференцию в Версале. Они требовали справедливости. Затем однажды делегация прочла в газетах, что все турецкие военные преступники освобождены из тюрьмы. Я был потрясен. Убит целый народ, а виновные в этом оказались на свободе. Почему человека наказывают за убийство другого человека? Почему убийство миллиона является меньшим преступлением, чем убийство одного человека?»

Лемкин прямо и недвусмысленно пишет, что именно геноцид армян побудил его посвятить свою жизнь борьбе с преступлением геноцида. Снова обратимся к автобиографии: «Я все больше и больше отождествлял себя со страданиями жертв, число которых росло по мере того, как я продолжал изучать историю. Я понял, что память не только призвана регистрировать события прошлого, но и стимулировать совесть человека. Вскоре последовали современные примеры геноцида, такие, как резня армян в 1915 г. Мне стало ясно, что многообразие наций, религиозных групп и рас имеет важное значение для цивилизации, ибо каждая из этих групп призвана выполнить свою миссию и внести свой вклад в развитие культуры. Я решил стать юристом и добиться запрещения геноцида и его предотвращения посредством объединения усилий стран».

Более того, в связи с выработкой и принятием Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него Лемкин поставил перед собой прямую цель — добиться, чтобы Турция ратифицировала ее в числе первых, хотя и сознавал, с какими трудностями он столкнется: «У меня в голове возник смелый план. Подумал о том, чтобы добиться ратификации Турцией [Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него] в числе первых двадцати стран. Это было бы искуплением вины за геноцид армян. Но как можно было бы добиться этого? <...> Турки гордятся своей республиканской формой правления и прогрессивными концепциями, которые помогли им заменить власть Османской империи. Конвенция о геноциде должна быть увязана с социальным и международным прогрессом. Я знаю, однако, что в ходе обсуждения обе стороны должны будут избегать разговоров об одном, хотя это постоянно будет в их мыслях: армяне!»³

¹ Германия, как известно, была союзницей Турции в войне, и германские оккупационные власти осуществляли жесточайшую цензуру в отношении событий в Армении. Официальные документы германского правительства были опубликованы только после окончания войны. — Ю.Б.

² Lemkin R. Totally Unofficial. The Autobiography [не опубликовано]. См.: *Yahreas H. The World's Most Horrible Crime // Colliers. 1951. Vol. 127. 3 March. P. 2, 12, 32; см. также док. № 595.*

³ Док. № 595.

Хотя в годы Второй мировой войны Лемкин вместе с другими польскими евреями сам стал жертвой геноцида и потерял 49 членов своей семьи, события эти не затмили в его сознании ужасы геноцида армян¹. Вводя в оборот термин «геноцид», Лемкин имел в виду и геноцид армян турками в Османской империи, и геноцид славянского населения и евреев в оккупированных странах Европы.

Вполне закономерно, что уже в самые первые годы появления термина «геноцид» в доктрине международного права и еще до того, как он был воспринят в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в специальной литературе была отмечена правомерность его применения к факту физического уничтожения армянского народа турецким государством. В статье «Начало геноцида», впервые опубликованной на идиш и позднее, в 1948 г., переведенной на английский язык, Дж. Гуттман пишет, что корни этого преступления восходят к геноциду армян:

«Специальный научный термин “геноцид” был изобретен для того, чтобы характеризовать организованную попытку уничтожения целой этнической группы. Кто-то мог подумать, что в новое время такого преступления еще не было, но это неправильно. Нацисты организовали массовое убийство в неслыханном масштабе с беспрецедентной “научной” жестокостью, но уже до этого в наш “просвещенный” век имела место грандиозная попытка уничтожить целую нацию. Она имела место если не прямо в Европе, то у самых ее ворот, а ее жертвами были не члены “диких племен”, а цивилизованный христианский народ. Если методы убийства, в сравнении с “научной” эффективностью нацистов, кажутся довольно примитивными (газовые камеры в то время еще не были известны), мы тем не менее видим там все элементы, которые позднее были “усовершенствованы” нацистами: был хорошо подготовленный план действий; координированные операции всей администрации, направлявшиеся партийной машиной, обладавшей сильной властью; стимулированное правительством подстрекательство толпы к насилию; убийство всех мужчин, которые могли бы оказать сопротивление; разрушение семей, отделение мужчин от женщин, детей от родителей; массовые депортации в условиях, при которых большинство депортированных погибли в пути; ликвидация оставшихся в живых в отдельных районах в концентрационных лагерях или во время “маршей смерти”. Некоторые читатели уже, конечно, догадались, что я имею в виду турецкие зверства в отношении армян тридцать лет назад»².

Примечательно, наконец, и то, что все международные акты, введшие термин «геноцид» в оборот, прямо указывали, что это определение применимо и ко всем известным случаям разрушения и уничтожения национальных групп. Так, Генеральная Ассамблея ООН уже в резолюции 96 (1), принятой на 1-й сессии 11 декабря 1946 г., отметив, что «геноцид означает отказ в признании права на

¹ 26 июля 1950 г. в письме Тельме Стивенс он писал: «Эта Конвенция — вопрос совести и испытание нашего личного отношения к злу. Я знаю, что в июле и августе слишком жарко, чтобы работать, но, не желая быть сентиментальным или прибегать к цветистым фразам, все же скажу: давайте не будем забывать, что жара этого месяца не так тяжела для нас, как жара печей Аушвица и Дахау или убийственная жара пустыни Алеппо, которая испепелила тела сотен тысяч армян-христиан — жертв геноцида 1915 г.». Выдержки опубликованы в материалах слушания в Сенате США: *Crime of genocide. Hearing before the Committee on foreign relations, United States Senate, Ninety-Ninth Congress, First Session on the prevention and punishment of the crime of genocide. March 5, 1985. Washington. 1985. P. 203—204.*

² Док. № 597.

существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ» и подтвердив, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром, и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются ли они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и независимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам», прямо и определенно относит к этой категории международных преступлений все предшествовавшие случаи. «Можно указать, — говорится в резолюции, — на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы»¹.

Сама Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, отмечая в преамбуле, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству», подтверждает правомерность квалификации в качестве геноцида всех действий, подпадающих под описанный ею состав этого преступления. То, что и до ее принятия и вступления в силу геноцид рассматривался как преступление по международному праву со всеми вытекающими из этого последствиями, следует из ясно сформулированных положений этой Конвенции. В ст. I стороны (это касается и Турции) «подтверждают» — а не устанавливают, — что геноцид «является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение»².

И в дипломатической практике, и в научной литературе сегодня термином «геноцид» квалифицируются все случаи геноцида, имевшие место до утверждения этого термина, в том числе и геноцид армян. Достаточно в этой связи сослаться на специальные доклады по вопросу о предупреждении геноцида и наказании за него, подготовленные по заданию Подкомиссии по дискриминации и защите меньшинств Комиссии ООН по правам человека Н. Рухашьянкике (Руанда) в 1973 г.³ и Б. Уайтекером (Великобритания) в 1985 г.⁴

Очевидно, что суть вопроса сводится не столько к самому термину, сколько к его правовому содержанию: с оценкой разрушения национальной группы, физического уничтожения целого народа связана юридическая квалификация этих действий как тягчайшего международного преступления против человечности и против человечества, а неизбежное следствие этого — постановка вопроса об уголовной ответственности физических лиц, совершивших эти наказуемые по международному праву деяния, и, что еще более важно, вопроса о политической и международно-правовой ответственности государства, совершившего геноцид, о восстановлении поправных прав народа, ставшего его жертвой⁵.

¹ Док. № 9.

² Док. № 13.

³ Док. № 600.

⁴ Док. № 1358.

⁵ *Graven J.* Les crimes contre l'humanité. — Académie de droit international. La Haye. Recueil des cours. 1950. Vol. 1. P. 478; *Glaser S.* Introduction à l'étude du droit international pénal. Bruxelles. Etablissement Emile Bruyant, 1954. P. 109. *Левин Д.Б.* Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966.

Вопрос о наличии международно-правовой основы ответственности за геноцид до вступления в силу Конвенции и связанный с ним вопрос о юридической природе этой Конвенции как результата кодификации действовавших обычных и договорных норм международного права имеет принципиально важное значение и в отношении наказуемости этого преступления не только до принятия, но и после принятия Конвенции.

Нормы международного права, зафиксированные в Конвенции, являются общепризнанными обычными нормами международного права. О том, что нормы международного права, содержащиеся в Конвенции, обязывают государства, независимо от участия в ней, сегодня мало кто отрицает.

На чем основана обязывающая сила норм этой Конвенции для государств, которые ее не подписали и не ратифицировали? Существует теория, согласно которой число участников позволяет считать ее универсальной в качестве норм обычного права: если оно приближается к универсальности, то это может служить подтверждением, что речь идет об общепризнанных нормах. Это, однако, не соответствует действительности. Многосторонние договоры с большим числом участников автоматически не становятся планетарными, а только приближаются к этому. Государства, которые в них не участвуют, не считают себя связанными. США, например, ратифицировавшие эту Конвенцию под сильным давлением, до этого не считали себя связанными этим международным документом.

Обязательный характер Конвенции подчеркивается скорее ее природой как результата кодификации обычных норм права.

Наличие международно-правовой основы ответственности за геноцид подтверждается не только логическими умозаключениями, но и конкретным документальным материалом.

Для установления универсальной обычной нормы международного права должна быть более широкая правовая основа. Очевидно, что та самая международно-правовая основа ответственности за геноцид, которая существовала до вступления в силу Конвенции, продолжает действовать и в настоящее время для тех государств, которые к Конвенции до сих пор не присоединились.

17. Новое название старого преступления

До введения в оборот термина «геноцид» это преступление определялось как «истребление», как «убийство целого народа», а его составным элементом была резня. Именно так на протяжении многих десятилетий квалифицировались действия турок и Турции в отношении армянского народа.

На первой стадии геноцида армян действия турок квалифицировались как «убийство целого народа». Отмечая «преднамеренное, методическое и настойчивое уничтожение одной человеческой расы — армян», всемирно-известный французский историк Альбер Вандаль еще в 1897 г. определил это как «убийство

С. 100—101 и др.; *Василенко В.А.* Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976. С. 171—173, 189—191; *Курис Л.М.* Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973. С. 131—136; *Мазов В.А.* Ответственность в международном праве. М., 1979. С. 82—90; *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 138—144; *Менжинский В.И.* Перед судом мирового сообщества. — Геноцид. М., 1985. С. 181—183, 188—191.

целого народа». Тогда же появился термин *Armeniermord*¹ — «арменоцид», т.е. истребление армян как таковых.

Определение преступления как «убийство целого народа» полностью соответствует введенному Конвенцией термину «геноцид» (от гр. *génos* — род, племя и лат. *caedo* — убиваю).

Определение поведения турок и турецкого государства в отношении армян как «убийства целого народа» содержится в ряде официальных актов государств. Так, премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Бриан в письме сенатору Л. Мартену от 14 октября 1916 г. официально подтвердил, что французское правительство «осудило преступления младотурок и вынесло на суд человеческой совести их чудовищный план уничтожения целого народа, виновного в их глазах в том, что он любил прогресс и цивилизацию»².

Такого рода примеры можно было продолжать до бесконечности, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что под «убийством целого народа» понималось преступление, которое стало определяться как «геноцид». Сам автор этого термина — д-р Лемкин, отмечая, что турками «убит целый народ», квалифицирует совершенное ими преступление как «современный пример геноцида»³.

18. Об объекте преступления

В качестве одного из новых аргументов, выдвигаемых с целью отрицания геноцида армян, турецкие юристы дают свое толкование положения ст. II Конвенции, которая гласит, что объектом действий, составляющих геноцид, является национальная, этническая, расовая или религиозная группа как таковая. Согласно же турецкому толкованию, политическая деятельность или вооруженная освободительная борьба лишают народ возможности считаться одной из человеческих групп, которые защищены от геноцида в соответствии с Конвенцией. Утверждают, что этнические группы, став (в силу освободительной борьбы) «политическими группами», перестают быть этническими группами в смысле объекта геноцида. Иначе говоря, с ними можно делать все, что определяется как геноцид, но это не должно рассматриваться как геноцид и не должно повлечь за собой ответственность государства, совершившего это преступление.

Сформулировав эту «новацию», турецкие юристы распространяют ее на армянский народ, утверждая, будто действия турецкого государства по отношению к армянам определялись не их принадлежностью к определенной национальной или религиозной группе, а только к «политической группе».

Прежде чем перейти к фактической стороне дела, которая абсолютно не соответствует тому, как это излагается турками, необходимо дать следующее пояснение.

При выработке Конвенции в условиях начавшейся «холодной войны» делались попытки включить в этот перечень и политические группы. Западные дер-

жавы имели в виду уничтожение советской властью дворянства, кулачества и других социальных групп в ходе Гражданской войны в России. Это, конечно, вызвало противодействие СССР и поддерживавших его государств. В тех условиях это предложение не было принято. Тем не менее полпотовцев Кампучии обвинили именно в геноциде, хотя часть одного народа уничтожалась другой его частью по политическим причинам.

Тенденция к включению политической группы в перечень групп, которые могут стать объектом геноцида, сохраняется и в настоящее время. Уголовные кодексы ряда государств дают весьма расширительное толкование определению объектов геноцида. Так, например, ст. 118 УК Польши к принятому перечню добавляет «политические группы и группы с определенным мировоззрением». Ст. 71 УК Латвии включала также «социальную группу, группу людей определенных общих убеждений». Ст. 127 УК Белоруссии добавляет к перечню «группы, определенные на основе любого другого произвольного критерия».

Безотносительно к вопросу о правомерности включения политических групп в число тех, на которые распространялась защита от геноцида по Конвенции, следует указать, что международное право, в том числе и Конвенция, считает преступлением совершение геноцида в отношении национальных, этнических, расовых или религиозных групп по политическим мотивам.

На практике одни национальные, этнические и религиозные группы (порабощенные народы или их части, лишенные своей государственности) разрушались другими (обладавшими государственной властью) в основном по политическим соображениям (таким, например, как предотвращение сепаратизма или присвоение территории). Политические мотивы, почти всегда присутствующие в геноциде, могли дополняться на различных уровнях и другими мотивами, но на государственном уровне были определяющими.

Наличие политических мотивов и целей геноцида не дает и не может дать каких бы то ни было оснований для отождествления разрушаемых национальных и других групп с политической группой и на этом основании служить оправданием совершаемых преступлений.

Что же касается утверждений, будто меры, принятые турецким правительством, были направлены не против армянского народа как такового, а против некой «политической группы», не подпадающей под защиту Конвенции, то они полностью опровергаются бесспорными фактами.

По словам турецкого дипломата и политика Г. Актана, задолго до принятия решения о «перемещении» (новый термин, который стали теперь использовать вместо применявшегося самим же турецким правительством термина «депортация») весь армянский народ как таковой стал «политической группой» в чистом виде (*par excellence*). Отсюда делается прямой вывод о правомерности любых мер турецкого государства против этой «политической группы»: «Решение о переселении в ходе оборонительной борьбы против политической группы, которая объединилась с врагом, т.е. с русскими оккупантами, и обратилась к оружию и систематическим террористическим действиям, равноценным крупным нарушениям права войны, не является преступлением геноцида. Преступления, если они и были совершены в ходе этой борьбы, также не подходят под определение геноцида». Понимая всю алогичность и необоснованность отнесения целого народа, включая детей, стариков и женщин, к политической группе «в чистом ви-

¹ Был введен Фридрихом Науманом, одним из ярых сторонников протурецкой политики германского кайзера (*Vahakn N. Dadrian. The history of the Armenian Genocide. Berghahn Books. Providence—Oxford. 1995. P. 92*).

² Док. № 284.

³ Док. № 595.

де», Актан утверждает, что «превентивные» меры были приняты не против всего армянского народа, т.е. не против национальной группы как таковой, а против политической группы.

В подтверждение того, что принятые меры касались не армян как таковых, а только «политической группы», ссылаются на какие-то особые отношения турецких властей к армянам — католикам и протестантам. В качестве «доказательств» этого отмечается, что депортации («передислокация») не распространялись на армян-католиков и армян-протестантов, а также на армянское население территорий вне зоны военных действий — в Константинополе и Смирне.

Даже если бы эти утверждения соответствовали действительности, то и тогда они не могли бы служить доказательством того, что объектом принятых преступных мер был не армянский народ как таковой.

Судить об отношении турецких властей к армянам — католикам и протестантам, мягко выражаясь, некорректно. Хотя бы потому, что они составляют незначительную часть армянского населения.

Турецкое правительство вынуждено было как-то считаться с тем, что армяне-католики и армяне-протестанты были под защитой либо Папы Римского, либо своих союзников — Германской и Австро-Венгерской империй, а также нейтральных США. Тем не менее документально подтверждается, что организаторы геноцида не щадили даже армян-католиков и армян-протестантов¹.

Армяне Константинополя не раз подвергались массовой резне до и после событий 1915 г. Достаточно сказать, что в 1896 г. было вырезано 6 тыс. армян. Приступив в 1915 г. к осуществлению заключительного этапа геноцида армян под видом временных мер, якобы необходимых в условиях начатой с Россией войны, турецкое правительство должно было воздержаться от массовой резни в столице, где были расположены посольства Германии и других союзных государств, а также США и других нейтральных стран.

Хотя турецкое правительство (в частности, Энвер паша и Халил бей) заверяло посла союзной Германии, что «не планируются никакие новые депортации, особенно из Константинополя», на самом деле меры, принятые правительством, коснулись и армянского населения столицы. Вот что сообщается об этом в докладной записке и.о. германского посла Меттерниха Рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу от 7 декабря 1915 г.: «Я узнал из очень достоверного источника, что по информации, предоставленной местным начальником полиции, которую я прошу Вас не разглашать, в последнее время из Константинополя было депортировано в Анатолию еще около 4000 армян; от оставшихся 80 000 армян, все еще живущих в Константинополе, будут постепенно освобождаться; 30 000 уже были депортированы в течение лета, а еще 30 000 скрылись»².

Что же касается Смирны (Измира), которая была населена в основном греками, а также армянами, то она, как известно, подверглась погрому и была полностью сожжена уже кемалистскими войсками «новой» Турции в сентябре 1922 г.³

Хотя вся эта юридическая эквилибристика представляется как толкование Конвенции, ее подлинной целью является обоснование физического уничтожения армянского народа почти на всей территории его исторической родины.

¹ Док. № 246, 249—251, 254, 271, 278, 630.

² Док. № 261.

³ *Housepian M. Smyrna 1922. The Destruction of a City. London, 1972.*

По логике турецких юристов, которая, судя по всему, отражает официальную концепцию государственного руководства современной Турцией, меры, которые были применены к армянам, с полным правом могли быть применены ко всем народам, которые встали на путь освободительной борьбы в пределах не только турецкой, но всех других, в том числе и колониальных, империй.

19. О составе преступления

При всем значении этимологического тождества общепринятого определения действий турок в отношении армян как «убийства целого народа» с термином «геноцид», с юридической точки зрения определяющим является состав преступления геноцида. Действия турок и Турции в отношении армян и нацистской Германии в отношении евреев полностью совпадают с составом преступления геноцида, как он определен в Конвенции.

Убийство членов группы, являющееся первым и основным элементом состава преступления геноцида по Конвенции, практиковалось турками и турецким государством в виде массовых убийств — резни, которая была типичным проявлением государственной политики турок в отношении армян и других поработанных народов.

В перечне состава преступления значится также создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение. И в этом турки были хотя и не единственными, но непревзойденными мастерами. Этот метод геноцида превалировал в первой фазе геноцида в виде системы государственного террора, отказа в правосудии, лишения земли, жилища, орудий труда. Однако «шедевром» турецкой политики по созданию условий, ведущих к разрушению группы, была депортация армян. Ее авторами были турки, а не немцы, как принято считать. Турецким опытом депортации воспользовались те, кто помогал геноцидному турецкому государству избежать ответственности — Сталин и Гитлер.

В геноциде армян присутствуют все предусмотренные в Конвенции элементы состава преступления. Полное совпадение действий турок и Турции в армяноциде с составом преступления в определении Конвенции объясняется и тем, что авторы Конвенции приняли «образцовый» геноцид армян в качестве модели.

Уступая своим германским последователям в таких «научных» приемах, как стерилизация с целью предотвращения деторождения в среде группы, турки в полной мере практиковали насильственное изъятие детей поработанных народов для отуречивания и исламизации. Примеры «насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую» разработчики Конвенции могли почерпнуть только из турецкой практики.

В отличие от германских расистов, не желавших портить чистоту арийской расы еврейской кровью, турки не были расистами. Только благодаря насильственному отуречиванию и исламизации пришельцы-завоеватели из меньшинства превращались в господствующее большинство.

Документы Сборника однозначно подтверждают, что действия, охваченные составом преступления геноцида в определении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, рассматривались международным

сообществом как преступление против человечности уже тогда, когда совершались ареноцид и холокост.

20. Субъективный элемент намерения в определении геноцида

Другая сфера фальсификации, предпринимаемой Турцией с целью оправдать совершенное преступление геноцида, связана с искажением положений Конвенции и фактической стороны дела, относящихся к субъективным элементам состава преступления, — намерение и мотивы.

От правильного определения места намерения в квалификации геноцида и некоторых других международных преступлений в конечном счете может зависеть не только наказание за совершение таких преступлений, но и их предотвращение.

В уголовном праве состав преступления, т.е. совокупность типичных и существенных его элементов и признаков, служит основанием квалификации по соответствующей норме и возникновения уголовной ответственности. Устанавливая наличие или отсутствие намерения, суд решает: стремился ли субъект преступления к достижению наступившего результата, или же этот результат наступил против его воли, по причине небрежности или случайности.

Правомерно ли механическое перенесение всех этих элементов субъективной стороны обычных уголовных преступлений на преступления геноцида и других преступлений против человечности без учета специфики этой категории преступлений по международному праву — особенностей их объекта и субъекта, их состава, целей и последствий? Имеет ли намерение — элемент психического состояния, относящийся к субъективной стороне преступления, — обязательное значение для решения вопроса об основаниях ответственности и для определения ее пределов в случаях преступлений против человечности и человечества? Какой смысл и значение может иметь «намерение» применительно к геноциду и подобным крупномасштабным преступлениям?

В доктрине международного права всегда высказывались сомнения в возможности механического перенесения элементов состава преступления из одной категории преступлений в другую — из области национального уголовного права в область международного права или в область уголовных преступлений, посягающих на сами устои человеческого общества. Даже те авторы, которые допускают такую возможность, ограничивают ее определенными пределами.

Геноцид — единственное из всех преступлений против человечности и даже из более широкой категории преступлений против мира и безопасности человечества, в определении которого фигурирует элемент «намерения». Этим, очевидно, объясняется то обстоятельство, что почти вся дискуссия по вопросу о намерении в доктрине международного права вращается вокруг определения геноцида, данного в Конвенции.

Для выяснения причин появления элемента намерения в Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него и для должной юридической оценки его значения и содержания в общем контексте этого документа и в целом применительно к составу особой категории преступлений против человечности, было бы целесообразно прибегнуть к методу исторического толкова-

ния, обратившись к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения Конвенции.

Начнем с того, что в самом раннем определении этого преступления, данном автором термина «геноцид» д-ром Р. Лемкиным, понятия намерения не было. «Под геноцидом мы понимаем разрушение нации или этнической группы», — писал он еще в 1944 г.¹ Одним из первых международных документов, в которых содержится констатация того, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром», служит резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея, излагая существовавшее в международном праве понимание геноцида, прямо исключила из состава преступления мотив и не говорила о намерении как элементе состава этого преступления. В первоначальном проекте Конвенции, подготовленном Секретариатом ООН и представленном Генеральным секретарем Генеральной Ассамблеи², геноцид определялся как «преступный акт, направленный против любой из указанных выше групп людей с целью разрушить полностью или частично или не допустить ее сохранения и развития». Таким образом, ни в самом определении геноцида, ни в определении состава этого преступления элемент «намерения» изначально не фигурировал.

Детерминант с намерением впервые был введен в определение геноцида Подкомитетом *ad hoc*, который определял геноцид как акты, совершенные с намерением разрушить соответствующие группы. Подготовленный им текст был принят 6-м (юридическим) Комитетом Генеральной Ассамблеи ООН, который выработал окончательный проект Конвенции без передачи в Комиссию международного права.

В ходе дискуссий по проекту Конвенции в 6-м Комитете и на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН мнения относительно места и значения намерения в составе преступления геноцида резко разошлись, а борьба из сферы права перешла в сферу политики. То, что геноцид отличается от простого человекоубийства как уголовного преступления и от военных преступлений по международному праву именно тем, что его целью и результатом является уничтожение национальной, этнической или религиозной группы как таковой, никто не отрицал. Разница в подходах заключалась в значении, которое придавалось этому субъективному критерию в доказательстве факта разрушения национальной или иной человеческой группы.

Сторонники одного подхода к определению преступления геноцида, отнюдь не исключая того, что геноцид имеет целью и, следовательно, совершается с намерением уничтожить группу как таковую, исходили из того, что соответствующее намерение присутствует и проявляется в объективно констатируемых действиях и фактах, что совершение геноцида без умысла, по небрежности или неосторожности просто невозможно. Обращая внимание на то, что в некоторых случаях лица, совершившие акты геноцида, могли бы утверждать, что они не виновны в геноциде, поскольку у них не было намерения уничтожить полностью или частично какую-либо группу, они добивались такого определения геноцида,

¹ Lemkin R. Axis rule in occupied Europe. Washington, 1944. P. 49.

² Проект Конвенции вместе с пояснительными замечаниями был разослан государствам — членам ООН как документ E/477 (Robinson N. The Genocide Convention. Its Origins and Interpretation. A Commentary. New York. Institute of Jewish Affairs. World Jewish Congress. 1960. P. 62—63).

при котором ссылки на отсутствие «намерения» не могли бы использоваться для освобождения от ответственности. Считая, что объективная констатация факта уничтожения группы как таковой была бы более эффективным средством доказательства, нежели признание субъективного стремления достичь этого результата, сторонники такого подхода предлагали заменить в определении выражение «совершенные с намерением уничтожить» словами «направленные на физическое уничтожение» групп¹.

Представители другого подхода, соглашаясь с тем, что первичным и настоящим объектом преступного умысла в геноциде является не отдельная личность, а национальная или иная человеческая группа, тем не менее придавали намерению доминирующее значение, утверждая, что геноцид характеризуется прежде всего субъективным намерением уничтожить данную группу как таковую. Ввиду специфики объекта преступления и признавая, что *dolus generalis* не характеризует в достаточной мере элемент намерения в геноциде, сторонники абсолютизации субъективного элемента намерения в определении геноцида обращались к *dolus specialis* — намерению особого рода, которое отличается от обычного понятия и заключается именно в воле разрушить полностью или частично расовую, религиозную или национальную группу². Они утверждали, что такое специальное намерение должно рассматриваться как главный элемент в определении состава этого преступления. Их позиция предполагала, что само по себе фактическое уничтожение группы может быть квалифицировано как геноцид и наказуемо только в том случае, если субъективное намерение уничтожить соответствующую группу людей может быть доказано независимо от результатов этого деяния³.

В юридическом и, как оказалось, в политическом плане контрверза с намерением в составе преступления геноцида связана с особенностью объекта этого преступления. Первичным и основным объектом геноцида является народ в целом или другая человеческая группа как таковая. Результат — уничтожение или разрушение народа или другой человеческой группы как таковой — достигается действиями, перечисленными в Конвенции. Наиболее характерные для геноцида и наиболее радикальные для достижения результата действия заключаются в физическом уничтожении народа путем убийств членов этой группы как таковой. Убийства, даже массовые, состоят, если только речь не идет об использовании оружия массового поражения, из отдельных убийств — одновременных или одновременных.

По своему характеру и масштабам эти действия могут осуществляться непосредственно самим государством, действующим через физических лиц, которые состоят у него на службе или являются его агентами (представителями), и народом, т.е. людьми, не имеющими прямого отношения к государству, но действующими под его руководством.

Государство является основным субъектом преступления. Оно несет политическую ответственность за действия правительства, армии, полиции и даже населения. Физические же лица — члены правительства, военнослужащие, поли-

цейские, граждане — должны нести уголовную ответственность в соответствии со своей долей участия в этом преступлении.

Когда уничтожается целый народ, то сам результат подтверждает присутствие преступного намерения, и проблемы доказательства его наличия для установления политической ответственности государства по международному публичному праву не возникает. Основанием наступления уголовной ответственности физических лиц может служить факт участия в действиях, составляющих геноцид. Бремя доказательства противного должны нести не жертвы преступления, а те, кто его совершает.

Положение осложняется, когда речь идет о частичном разрушении группы. Если при физическом уничтожении всей национальной группы, а тем более целого народа наличие намерения очевидно и доказывать, что действия, приведшие к такому результату, содержали преступный умысел, нет необходимости, то при уничтожении небольшой части, а тем более при убийствах отдельных членов группы наличие намерения не столь очевидно: для доказательства того, что небольшое число отдельных убийств было актом геноцида, необходимо установить, что эти убийства людей действительно совершались в контексте уничтожения национальной группы как таковой. Иначе говоря, нужно было бы доказать, что отдельных членов группы убили потому, что хотели уничтожить всю группу или ее части. Решить этот сложный юридический вопрос разработчикам Конвенции не удалось.

Понять исход процесса выработки Конвенции можно только с учетом политической обстановки, в которой она принималась. Это был период разгоравшейся «холодной войны» двух сверхдержав и формировавшихся вокруг них военно-политических блоков, когда правовые соображения легко приносились в жертву политическим. Вопрос о месте намерения в определении геноцида и соответственно в составе этого преступления стал центральным в столкновении двух концепций геноцида в 6-м Комитете и на самой Генеральной Ассамблее ООН.

США и западный блок, искажая характер преступления, подвели под геноцид «ликвидацию кулачества как класса» и расправу большевиков над белым движением, а СССР и восточноевропейский блок относили к этому преступлению практику индивидуальных расправ над членами определенных национальных групп — негров и индейцев в США — и репрессии колониальных держав в отношении участников национально-освободительных движений.

Советский проект основных положений Конвенции по борьбе с геноцидом от 6 апреля 1948 г., который ввиду своей полноты был единогласно принят Комитетом по разработке международной конвенции по борьбе с геноцидом за основу дальнейшей работы, исходил из того, что в качестве отличительной черты геноцида достаточно принять объективно констатируемые действия, входящие в состав этого преступления, а потому упор должен делаться на возможно более полное их описание. Однако на следующий же день после его представления государства западного военно-политического блока, располагавшие тогда большинством голосов, начали кампанию против советского проекта, включая со- державшееся в нем определение.

¹ Док. ООН. A/C.6/233.

² См.: Planzer A. Le crime de génocide. Thèse. F. Schwald Ag., St. Gallen, 1956. P. 92.

³ См.: Drost P.N. The Crime of State II. Genocide. P. 82; Robinson N. The Genocide Convention. Its Origins and Interpretation. Reprinted in: Hearings on the Genocide Convention before a Subcommittee of the Senate Committee on Foreign Relations. 81st Cong., 2d Sess., 498 (1950). P. 49.

¹ См. Официальные протоколы Генеральной Ассамблеи ООН. 3-я сессия. 6-й Комитет. Заседание 73. С. 92—97.

При обсуждении этого вопроса в 6-м Комитете представитель СССР аргументировал необходимость исключения намерения из определения геноцида¹. Представители ряда государств поддержали предложение СССР.

Представитель США выступил категорически против советского предложения на том основании, что намерение составляет существенный элемент определения преступления. Стремясь исключить возможность использования Конвенции советским блоком для обвинения США в геноциде, западное большинство в 6-м Комитете и на Генеральной Ассамблее ООН отказалось принять определение геноцида без включения в него прямого указания на намерение. Предложение СССР было отклонено: тридцать шесть голосовали против, одиннадцать — за и четыре — воздержались².

В сложившейся ситуации принятое определение, как и сама Конвенция в целом, представляли максимум достижимого. Это был определенный шаг в борьбе за искоренение геноцида из жизни человеческого общества и ликвидацию последствий совершенных уже актов геноцида.

Признавая историческое значение Конвенции, многие юристы — представители доктрины и представители практической политики уже тогда выражали опасение, что несовершенство определения создаст помехи ее эффективному применению. На несовершенство Конвенции указывали и сами защитники принятой версии определения геноцида. Сознывая, что принятое определение делает невозможным доказательство факта геноцида и соответственно привлечение к ответственности, они сразу же выступили с толкованиями своей формулы.

Центральными темами толкований оставались два взаимосвязанных вопроса: что понимать под частью и чем доказывается наличие намерения. Вопрос стоял в следующем виде: могут ли человекоубийства, совершавшиеся ввиду принадлежности к национальной группе, квалифицироваться как геноцид, если убийцы имели намерение уничтожить часть национальной группы (например, в определенном районе страны), или для этого необходимо наличие у них намерения уничтожить всю группу (например, весь народ в масштабе всей страны и даже за ее пределами).

Хотя по смыслу ст. II Конвенции составляют преступление геноцида не только акты, совершенные с намерением разрушить всю группу, но и акты, совершенные с намерением уничтожить только часть группы, в США в то время превалировала точка зрения, что независимо от масштабов действий должно быть доказано наличие намерения уничтожить всю группу. Американские авторы, следуя официальной линии США, утверждали, что убийство отдельных лиц относится к другой категории преступлений, что при геноциде речь должна идти об уничтожении значительной части группы, что «цель Конвенции состоит в том, чтобы реагировать на действие, направленное против большого числа людей»³.

Согласно комментарию Н. Робинсона, для квалификации геноцида в соответствии со ст. II Конвенции нет необходимости, чтобы цель заключалась в полном уничтожении всей группы: «геноцид характеризуется не намерением разрушить всю группу, а намерением устранить часть населения по его расовым, религиозным, национальным или этническим признакам. Определение «груп-

¹ Там же.

² Там же.

³ *Robinson N.* Op. cit. См. также: *Le Blanc J.* The Intent to Destroy Groups in the Genocide Convention: the Proposed U.S. Understanding // *AJIL*. Vol. 78, № 2 (April 1984). P. 372.

пы» как объединения лиц, рассматриваемых как целое ввиду их относительной сегрегации от других, оставило бы открытым вопрос: должна ли цель состоять в разрушении группы во всей стране, в ее части, в отдельном городе и т.д.? Добавление слова «частично» однозначно указывает, что геноцид имеет место, когда человекоубийства совершаются со связующей целью, т.е. направлены против лиц со специфическими характеристиками. Поэтому намерение уничтожить множество лиц одной и той же группы должно быть классифицировано как геноцид, даже если эти лица составляют только часть группы в стране, в регионе или в одной общине, но при условии, что число убитых значительно, так как Конвенция направлена на предотвращение действий против большого числа людей, а не отдельных личностей, даже если окажется, что они обладают одинаковыми характеристиками. Наличие такого намерения будет устанавливаться суд в каждом отдельном случае»¹.

Комментируя Конвенцию, другой американский автор констатировал, что число жертв «практически может иметь значение необходимого доказательства наличия намерения»².

Более показательна и значима реакция официальных органов власти. Свое отношение к ключевой фразе («с намерением уничтожить, полностью или частично») США вновь подтвердили в 1950 г., когда Подкомиссия сенатской комиссии по внешней политике провела слушания в ответ на просьбу Президента Г. Трумэна высказаться относительно ратификации принятой в 1948 г. Конвенции.

В том же 1950 г. помощник заместителя государственного секретаря Д. Раск от имени администрации Президента Г. Трумэна заявил, что наряду с уничтожением всей группы геноцидом должно считаться и частичное уничтожение группы при наличии у преступников намерения уничтожить всю группу³. Согласно «пониманию», предложенному Комиссией Сената по иностранным делам, правительство США трактует слова «с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» в ст. II как означающие намерение уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу путем совершения предусмотренных в ст. II действий таким образом, что этим затрагивается значительная часть группы⁴.

В докладе и.о. государственного секретаря Дж. Вебба, представленном Президенту, рассматривались как геноцид любые действия, указанные в ст. II, «если они сопровождаются намерением уничтожить полностью или частично национальную, этническую, расовую или религиозную группу»⁵.

Итог борьбы между теми, кто относил этот субъективный элемент состава преступления ко всей группе, и теми, кто считал достаточным наличие намерения уничтожить только ее часть, выразился в некоем паллиативе: «основополагающим для обвинения в геноциде должно быть намерение разрушить всю груп-

¹ *Robinson N.* The Genocide Convention. Its Origins and Interpretation. Reprinted in: *Hearings on the Genocide Convention before a Subcommittee of the Senate Committee on Foreign Relations*. 81st Cong., 2d Sess. (1950).

² «...may be of evidentiary value with respect to proving the necessary intent» (*Bunyan B.* Comment. Part I: Substantive Scope of the Convention. — 16 // *Harvard International Law Journal*. 1975. P. 686, 692).

³ *Hearings on the Genocide Convention before a Subcommittee of the Senate Committee on Foreign Relations*. 18 st Cong., 2d Sess. (1950) (at 12).

⁴ *Exec. Rep. № 23*, 94th Cong., 2d Sess., 6, 18 (1976).

⁵ *Ibid.* (at 4).

пу, ввиду того, что она составляет определенную национальную, этническую, расовую или религиозную общность таким образом, что этим затрагивается значительная часть группы»¹.

Против искажения смысла Конвенции выступил, в частности, и Р. Лемкин. Его выступление не опубликовали. Чтобы успокоить американских сенаторов, Лемкин дал такое толкование: «уничтожение части должно быть значительным... с тем, чтобы затронуть всю группу»².

Порок Конвенции заключается в том, что она, обуславливая преступный характер действий наличием намерения уничтожить национальную группу или ее часть, не выделяет случаи, когда масштабы убийств (уничтожение целого народа или значительной его части) невозможны без наличия намерения, от тех случаев, когда речь идет об убийствах отдельных членов группы или очень небольшой ее части, которые можно было бы квалифицировать как акты геноцида только при наличии намерения разрушить группу или часть группы как таковой. Конвенция не проводит различия между действиями правительства и в более широком контексте, — государства, направленными на уничтожение национальной группы как таковой, и отдельными убийствами и другими действиями, ведущими к уничтожению таких групп.

Критики указывали, что в результате гипертрофирования субъективного элемента данное в Конвенции определение геноцида «является особенно несовершенным». «Следовало дать объективное определение геноцида, а не строить его на поисках намерения...» — писал Н. Джэйкоб. Он констатировал, что «Конвенция о геноциде не достигла своей цели, поскольку в ней не содержится объективного осуждения покушений против жизни групп людей, и она никогда не сможет приобрести хотя бы малейшего авторитета и достигнуть хотя бы малейшей эффективности»³. Оценка слишком категоричная и суровая, но, к сожалению, во многом подтверждаемая последовавшей практикой. При очевидном факте эскалации геноцида никто не в состоянии привести хотя бы один случай признания намерения государством, совершившим геноцид. Опасения, высказывавшиеся противниками внесения элемента «намерения» в определение геноцида, сбылись в полной мере: организаторы геноцида действительно стали защищаться от правосудия при помощи этого элемента.

Если изучение подготовительного материала свидетельствует о наличии оппозиции против включения «намерения» как субъективного элемента, способного лишить Конвенцию эффективности, то практика применения, а точнее — неприменения Конвенции подтверждает, что установление зависимости квалификации преступления геноцида от его субъективной оценки самим автором преступления в сочетании с алогичной для данного преступления территориальной юрисдикцией существенно ослабило, если не сказать — подорвало эффективность Конвенции и вызвало необходимость ее усовершенствования.

Неудивительно поэтому, что вопрос о намерении в составе преступления геноцида стал обретать все большую актуальность в плане совершенствования и повышения эффективности Конвенции о предупреждении преступления гено-

цида и наказания за него. Проблема эта вновь вышла на первый план в рамках Комиссии по правам человека и Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств в ходе подготовки и обсуждения специальных исследований по геноциду.

Несмотря на действие силы инерции, проявившейся в подтверждении авторами этих исследований — специальными докладчиками Н. Рухашьянкике (Руанда) и Б. Уайтекером (Великобритания) — тезиса, что наличие намерения уничтожить, а не само уничтожение национальной группы характеризует геноцид как особый вид преступления¹, дискуссии вновь показали, что именно эта искусственная оговорка препятствует эффективному применению Конвенции. Автор второго из названных исследований прямо признал, что «свидетельство о наличии субъективного элемента намерения гораздо сложнее привести в качестве доказательства, чем объективный критерий. Вряд ли, — пишет он, — все преступление режимов, проводящих политику геноцида, будут настолько документально обоснованы, как нацистский».

Выход из положения Уайтекер видел в том, «чтобы суд имел возможность предполагать о существовании такого намерения, основываясь на достаточном свидетельстве»². Иначе говоря, решение вопроса о наличии намерения представлялось суду, хотя вопрос создания самого суда еще не был решен. Не было ясности и в том, как относился автор этого исследования к характеру свидетельств, на основе которых должен решаться вопрос: шла ли речь о прямых признаниях организаторами и исполнителями преступления своего субъективного намерения уничтожить национальную группу или же о подтверждении фактов совершения действий, в которых выражается намерение.

Расхождения, имевшиеся в доктрине и в практике по вопросу о значении и месте намерения в составе международных преступлений против человечества, проявились и в работе Комиссии международного права. В своем докладе Генеральной Ассамблеи ООН по итогам работы 39-й сессии над Кодексом преступлений против мира и безопасности человечества Комиссия констатировала наличие различных подходов к этой проблеме: «...следует отметить, что в данном вопросе сложились две школы. Согласно одной из них, представители которой участвуют в работе Комиссии, намерение объективно вытекает из массового или систематического характера того или иного преступления, и в случае одновременного присутствия этих элементов следует презюмировать наличие преступного намерения. Например, в том, что касается геноцида или апартеида, не требуется доказывать наличие намерения совершить эти преступления: оно объективно вытекает из самих деяний, и нет необходимости выяснять, присутствовало ли преступное намерение в сознании исполнителя. Наличие намерения презюмируется с того момента, как у деяния обнаруживаются определенные признаки. В этом случае ответственность носит объективный характер. Соглас-

¹ Комиссия по правам человека. Подкомиссия по предотвращению дискриминации и защите меньшинств. 31-я сессия, пункт 17 предварительной повестки дня. Исследование по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (E/CN.4/Sub.2/416. П. 100. С. 28 и док. E/CN.4/Sub.2/1985/6. П. 38 и 39. С. 22).

² Комиссия по правам человека. Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Обзор дальнейших событий в областях, которыми занимается Подкомиссия. Пересмотренный и обновленный доклад по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, подготовленный Б. Уайтекером (док. E/CN.4/Sub.2/1985/6. П. 38 и 39. С. 22).

¹ Exec. Rep. № 23, 94th Cong., 2d Sess., 6 (1976).

² Executive Sessions of the Senate Committee on Foreign Relations, at 37; AJIL, Vol. 78. № 2. P. 378.

³ Jacob N. A propos de la définition juridique du génocide // Etudes Internationales de psychosociologie criminelle, at 16—17 (1969). P. 56.

но другой школе, намерение должно не презюмироваться, а устанавливаться во всех случаях. Различия между данными двумя точками зрения относятся скорее к процедуре, чем к существу. Как в том, так и в другом случае преступное намерение является условием квалификации преступления. Различие заключается в том, необходимо или нет доказывать существование намерения»¹.

Для практических целей применения Конвенции в том виде, в каком она принята, необходимо обратиться к систематическому толкованию, под которым понимается анализ нормы договора на основе исследования ее связей с другими его постановлениями, а также с учетом других договоров и иных действующих норм международного права, т.е. в контексте системы целей, принципов, норм, находящихся во взаимосвязи.

Поскольку толкование использованного в Конвенции термина «намерение» в узких рамках национального уголовного права приводит к неясным и двусмысленным выводам и даже к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными, необходимо рассмотреть термин «намерение» в его международно-правовом контексте, в свете объекта и целей Конвенции.

Суть разногласия в вопросе о намерении состоит не в том, что геноцид может быть совершен без намерения, и не в том, что для квалификации некоторого небольшого количества убийств отдельных лиц как геноцида может потребоваться или даже необходимо доказательство наличия намерения уничтожить группу как таковую, а в том, что уничтожить целую национальную, этническую или религиозную группу без намерения, случайно, по небрежности, без знания, без представления о результатах действий, образующих состав преступления, невозможно. Из этого исходил и сам Р. Лемкин, из этого исходила Генеральная Ассамблея ООН, принимая упомянутую выше резолюцию, из этого исходили все те, кто предлагал ограничиться объективно констатируемыми целями и результатами этих действий. Утверждать, что определяющим в составе данного преступления является признание своего намерения разрушить национальную группу, значит лишить состав преступления главного, лишить норму права ее функции, ибо опасность геноцида прежде всего в результатах, а не в самом намерении. Вызывается ли такой подход к намерению необходимостью правильной квалификации, стремлением обеспечить объективность в оценке, обеспечить правосудие? Очевидно, что нет.

Смысл существования — *raison d'être* умысла как обязательного элемента вины в обычном уголовном праве заключается в возможности альтернативы в виде неосторожности, небрежности, когда действие, которое могло бы квалифицироваться как преступление, совершено без желания совершить его. Но можно ли по небрежности или по неосторожности уничтожить целый народ? Можно ли говорить о небрежности, когда происходит организованное убийство сотен тысяч или миллионов людей — детей, женщин, стариков, когда на дорогах гниют трупы или дымятся трубы крематориев в «цивилизованном» варианте геноцида?

При геноциде речь идет о полном или частичном уничтожении целой человеческой группы: национальной, этнической, расовой или религиозной, т.е. об уничтожении определенной группы — той, чье право на существование отрицается. Хотя тем самым отрицается и право на существование ее членов, основным

объектом и конечной целью преступления является не отдельная личность, а сама группа. Намерение совершить геноцид, т.е. разрушить национальную, этническую или религиозную группу, проявляется как в том, что убивают только членов данной группы, так и в том, что исключают людей, принадлежащих к другим человеческим группам. Это, конечно, не исключает возможность одновременного совершения геноцида нескольких народов.

При геноциде речь идет не о спонтанных действиях, а о заранее запланированных, организованных, направленных на достижение определенных преступных целей. Несмотря на то что речь идет о крупномасштабных акциях, организуемых государством, руководимых правительством, исполняемых армией, полицией, жандармерией, специальными организациями, нередко в обстановке звериного фанатизма толпы, преступная роль индивидов в совершении геноцида не исчезает.

Возникает вопрос: могут ли иметь место — наряду с умыслом, намерением, целями государства — умысел, намерение, цели физических лиц? Поскольку геноцид состоит из множества целенаправленных систематических действий, совершаемых с участием отдельных лиц в исчисляемых тысячами и миллионами убийствах, они могут иметь и свой — индивидуальный умысел. Так, помимо и наряду с общими целями и политическими мотивами правительства (например, захват территории народа, ставшего объектом геноцида), у индивидуальных субъектов преступления могут возникнуть дополнительные личные мотивы — завладеть жилищем, имуществом, скотом, землей жертв геноцида. И при этом само правительство поощряет индивидов к этому, используя инстинкты. Это часть плана организации и осуществления геноцида. Значит, индивидуальный умысел, цели физических лиц — исполнителей воли государства должны рассматриваться как придаток, как дополнение, но не как субститут общего намерения совершить преступление. В противном случае можно прийти к абсурдному выводу. Так, одно из основных средств геноцида — прямое массовое физическое истребление членов группы — будет представляться как серия изолированных обычных убийств отдельных людей, и геноцид перестанет быть геноцидом.

Опыт геноцида армян в Турции говорит о том, что для государства, организовавшего геноцид, главное даже не в том, чтобы спасти своих «героев», а в том, чтобы сохранить плоды своего преступления, не допустить постановки вопроса об ответственности государства, не позволить сделать единственно возможным вывод, что народ, ставший жертвой геноцида, и его территория должны быть выведены из-под власти государства, совершившего это преступление. Поэтому при неблагоприятном для него исходе политического развития оно может проявить готовность наказать или сделать вид, что наказывает или осуждает действия «экстремистов», представляя эти действия как индивидуальные убийства с тем, чтобы избежать политических и международно-правовых последствий квалификации своих действий как преступления геноцида (в этом был смысл предания организаторов геноцида армян военным судам, организованным в Османской империи в 1919—1920 гг.).

Состав преступления служит основанием для квалификации, т.е. установления соответствия между действиями и признаками или элементами состава преступления, предусмотренного в соответствующих нормах права. При установлении соответствия содеянного индивидами составу преступления геноцида должны полно-

¹ Док. А/CN.4/L.414/Add. I. P. 4.

стью учитываться все обстоятельства дела, к которым относится не только то, что связано с действиями, составляющими отдельные эпизоды геноцида. Иначе говоря, при определении индивидуальной ответственности отдельного лица должно учитываться место его действий в общем акте геноцида, они должны соотноситься с действиями других лиц, ответственных за данный акт геноцида.

Установление фактов тысяч отдельных убийств, если их рассматривать изолированно, как отдельные эпизоды, без существующей между ними связи, никогда не позволит квалифицировать их как геноцид. Взятые вместе, они позволят выделить общий для всех них элемент — уничтожение членов одной национальной группы.

Имея в виду эту ситуацию, практика нашла выход, введя дополнительный критерий. В качестве одного из элементов, характеризующих геноцид, Международный уголовный суд ввел определение «действий, которые совершаются в контексте явного образа поведения в отношении конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группы и которые сами по себе могут повлечь такое разрушение».

Этот критерий имеет смысл при доказательстве обвинения отдельного лица в совершении геноцида, но он по существу делает ненужным доказательство наличия намерения в случаях, когда (как это было с геноцидом армян) действия, входящие в состав этого преступления, становятся массовыми, продолжительными и систематическими, когда наличие намерения разрушить группу явствует из самого результата.

Подтверждением умысла при геноциде служит само наличие множества организованных и целенаправленных однородных действий. Это признавали уже первые исследователи преступления геноцида. Так, П. Дрост считал, что систематичность и масштабность убийств и других посягательств на членов определенной национальной группы представляют собой «составные качества намерения». Он говорил о «преднамеренности цели» геноцида¹.

Поскольку действия, охватываемые составом преступления геноцида, не могут совершаться без умысла, то наличие намерения должно допускаться с момента начала деяний, обладающих определенными признаками: например, систематических или массовых убийств членов определенной национальной группы. Установления факта совершения действий, предусмотренных составом преступления и вызвавших последствия в виде полного или частичного разрушения национальной, этнической, расовой или религиозной группы, достаточно для их квалификации как геноцида. В этих случаях наступление ответственности носит объективный характер.

В свете изложенного становится очевидной необходимость толкования определения состава преступления в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него как не требующего доказательства наличия субъективного намерения уничтожить именно данный народ, поскольку оно проявляется и в цели, объективно констатируемой на основе действий, и в самом результате преступления.

Абсолютизация намерения как элемента состава преступления геноцида и его противопоставление объективно констатируемым данным делали бы абсо-

лютно нереализуемым достижение целей Конвенции, которые заключаются в предупреждении и пресечении этого преступления и в наказании за него, а в более общем плане — в «избавлении человечества от этого отвратительного бедствия». Из этого следует, что текстуальное толкование термина «намерение» в определении геноцида подпадает именно под предусмотренный ст. 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров случай, когда такой подход приводит к «результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными в свете объекта и целей договора»¹. Напротив, если субъективный элемент намерения в определении состава преступления геноцида толковать в соответствии с требованиями ст. 31 той же Венской конвенции, т.е. в «его контексте, а также в свете объекта и целей договора», то мы неизбежно придем к выводу, что в случае геноцида решающим в квалификации должен быть факт разрушения группы.

Анализ международной и национальной судебной практики от Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками до суда над Эйхманом в Израиле, Барбье во Франции и сумгаитских головорезов в СССР подтверждает, что, когда речь идет об индивидуальной уголовной ответственности за акты геноцида, невозможно не считаться с тем обстоятельством, что инкриминируемые действия являются составной частью преступления геноцида, совершенного государством. Даже если физические лица действуют не в качестве представителей власти — министров, губернаторов, военнослужащих, полицейских и т.п., а самостоятельно, их деяния являются составной частью преступления геноцида. Участие в массовых действиях, направленных на полное или частичное истребление определенных национальных групп, должно приниматься в качестве доказательства намерения совершить геноцид.

21. Признание руководителями Турции намерения совершить геноцид армян

Намерение турок и турецкого государства разрушить армянскую национальную группу как таковую подтверждается доказательствами трех видов, а именно тем, что:

- 1) объективно констатируемые действия государства, приведшие к бесспорному результату — полному разрушению армянской национальной группы на $\frac{9}{10}$ территории ее исторической родины, не могли не быть целенаправленными и, следовательно, преднамеренными;
- 2) эти действия в свое время и в должной форме были квалифицированы всем международным сообществом как намеренное «убийство целого народа»;
- 3) турецкое правительство, руководство правившей партии, организаторы и исполнители этого преступления прямо признавались в том, что их цель и их намерение состояли в разрушении, в физическом уничтожении армянского народа.

Иными словами, правомерность квалификации действий турецкого правительства в отношении армян как геноцида подтверждается не только тем, что этими действиями охватывается весь состав преступления, но и явным наличи-

¹ Drost P.N. The Crime of State II. Genocide. P. 84—85.

¹ I.L.C. Final Draft, Art. 28; Венская конвенция о праве международных договоров. Ст. 31, 32.

ем в них субъективного элемента — намерения организаторов и исполнителей достичь преступного результата. Обратимся к бесспорным доказательствам.

После того как основная часть задуманной масштабной операции была выполнена (интеллигенция перебита, мужское население под предлогом мобилизации собрано и перебито, женщины и дети под конвоем депортированы), турецкие власти, уверовавшие в победу германо-австро-турецкой коалиции, уже не считали нужным скрывать свое намерение навсегда избавиться от Армянского вопроса, уничтожив армянский народ как таковой. Имеются документально зафиксированные прямые признания намерений организаторов и исполнителей геноцида армян — ведущих членов турецкого правительства, руководителей правившей младотурецкой партии, высших чинов армии и полиции, губернаторов вилайетов.

Такого рода признания, содержащие оценку результатов собственных преступных действий, имеют особую доказательную силу, но очень редко встречаются в мировой истории геноцида. И в случае с германскими нацистами, и в случае с турецкими организаторами геноцида армян такие признания связаны с военными условиями, когда чувство вседозволенности и полнейшей безнаказанности затмевало чувство реальности и они не опасались возможной в будущем расплаты.

Турецкие лидеры были особенно откровенны с дипломатическими и военными представителями государств, с которыми Турция состояла в тесном военно-политическом союзе, и прежде всего — Германии, которая, по существу, выступала если не как соучастница, то как пособница этого преступления. Сохранились, в частности, секретные донесения посла и консульских представителей Германии, в которых излагаются такого рода признания турок, делавшиеся на разных уровнях. Из множества прямых признаний умысла самими членами турецкого правительства приведем лишь некоторые.

В докладной записке Рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу посол Германии в Оттоманской империи Вангенгейм 17 июня 1915 г. сообщил следующее: «Стало ясно, что высылка армян вызывается не только военными соображениями. Министр внутренних дел Талаат бей недавно откровенно заявил об этом доктору Мортману, который служит сейчас в Императорском Посольстве. Талаат сказал, что “Порта намерена воспользоваться мировой войной, чтобы полностью очиститься от внутренних врагов — местных христиан — и чтобы при этом другие страны своим дипломатическим вмешательством не мешали ей сделать это”»¹.

7 июля 1915 г. посол уже сообщил Рейхсканцлеру: «Сложившееся положение и то, каким образом осуществляется это перемещение, показывают, что правительство в действительности преследует цель полного уничтожения армянской нации в пределах Турецкой империи»².

В протокольной записи о посещении германского посольства министром внутренних дел Талаат 31 августа 1915 г., подготовленной работником посольства Кеппертом, отмечено: «Одновременно Талаат бей заявил, что действия против армян в основном завершены. “Армянского вопроса больше не существует”»³. Об этом заявлении Талаата сообщается также в донесении временно исполняю-

щему обязанности посла Германии в Константинополе Гогенлоэ-Лангенбурга Рейхсканцлеру 4 сентября 1915 г.¹

Посол Австро-Венгерской империи в Турции Й. Паллавичини 7 ноября 1915 г. констатировал, что «министр иностранных дел Халил в своих высказываниях относительно намерений Талаата был очень откровенен и признал, что его коллега по правительству стремится, пока продолжается война, решить Армянский вопрос по своему разумению и поставить державы перед совершившимся фактом»².

30 июня 1916 г. сменивший Вангенгейма в должности посла Германии Меттерних сообщал Рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу: «Комитет [правившей младотурецкой партии] требует истребить последние остатки армян»³. А 10 июля 1916 г. докладывал: «Преследование армян в восточных провинциях достигло своей окончательной стадии. Турецкое правительство не отказалось от осуществления своей программы решения Армянского вопроса путем уничтожения армянского народа... Сейчас собираются расчлнить и рассеять последние группы армян, которые пережили депортацию»⁴.

Очередной германский посол в Константинополе Бернсторф также свидетельствует об откровенном признании Талаата относительно намерения уничтожить армян: «Когда я продолжал приставать к Талаату с Армянским вопросом, он однажды сказал мне с ухмылкой: “Что ты в конце концов хочешь? Вопрос решен. Нет больше армян”»⁵.

Г. Майер, высокопоставленный германский офицер в отделе здравоохранения германской военной миссии в Турции, занимавший одновременно должность заместителя начальника медицинского департамента военного министерства Турции и заместителя начальника медицинской службы турецкой армии, сообщал 2 марта 1916 г., что решение о депортации связано «с диким намерением турецкого правительства уничтожить эту нацию...», «В коридорах турецкого военного министерства услышал, как люди с циничной ухмылкой рассказывают, будто все эти тысячи (армян) умирали естественной смертью, либо в результате несчастного случая, как записывалось в официальных медицинских документах»⁶.

Особую ценность для установления субъективного элемента состава преступления представляют донесения, в которых сообщается о прямых признаниях руководителей операций на уровне вилайетов. Так, 28 июля 1915 г. консул Шойбнер-Рихтер сообщал, что сторонники эрзерумского вали Тахсин бей «откровенно признаются, что конечной целью их деятельности является полное уничтожение армян в Турции. После войны “у нас в Турции армян больше не будет” — таково дословное высказывание одного авторитетного лица. Поскольку этой цели нельзя достичь при помощи различного рода избиений, здесь надеются, что лишения за время длительного пути до Месопотамии и непривычный климат довершат все. Это “решение” Армянского вопроса кажется идеальным всем сторонникам крайнего направления, к которым принадлежат почти все военные и правительственные чиновники...»⁷.

¹ Док. № 630.

² *Turkei*. 463. № 93/P. B., November 7, 1915.

³ *Lepsius J. Deutschland und Armenien*. 1914—1918. Berlin—Potsdam, 1919. S. 277.

⁴ Док. № 278.

⁵ *Bernstorff C.J. von. Memoirs of Bernstorff*. New York. 1936. P. 374.

⁶ ВН/Каб МКр, 13841, ad. 27, March 2, 1916.

⁷ Док. № 240.

¹ Док. № 225.

² Док. № 229.

³ Эту фразу Талаат произнес по-французски: «La question arménienne n'existe» (*Lepsius J. Deutschland und Armenien*. 1914—1918. Berlin—Potsdam, 1919. S. 146).

В донесении руководству немецкой военной миссии в Константинополе полковник Станге сообщил из Эрзерума, что «решение о депортации и уничтожении армян было принято Комитетом младотурок в Константинополе; это было организовано им же и осуществлено при помощи войск и различных банд. С этой целью, кроме местной (эрзерумской) администрации — начальника полиции Хулуси бея и главнокомандующего Махмуда Кямиль паши, на местах находились также члены (центрального) комитета Хильми бей, Шакир бей, Сейфулла бей». Станге отметил также, что командующий турецкой армией в Эрзеруме Кямиль паша сказал германскому консулу: «После войны Армянского вопроса больше не будет»¹.

Откровенные до цинизма признания турецкие правители допускали и в переговорах с официальными представителями США, которые, вступив в войну с Германией, тем не менее воздержались от объявления войны Турции. Будучи уверенными, что нейтралитет этой заокеанской державы по отношению к Турции основан на ее политических и материальных интересах на Ближнем Востоке, турки рассчитывали на ее благосклонность к себе.

Посол США в Турции Г. Моргантау, непосредственно общавшийся с членами турецкого правительства, организовавшими арменоцид, свидетельствует, что они, будучи уверены в своем успехе, не считали тогда нужным скрывать или отрицать свое намерение уничтожить окончательно весь народ. В разделе своих мемуаров, озаглавленном «Талаат обосновывает “уничтожение армян”», посол отмечает, что, выполнив основную задачу по уничтожению армян и убедившись, что ничто уже не сможет помешать им реализовать вынесенный ими смертный приговор целой расе, турки в своих разговорах с послом «особенно не пытались скрыть этот факт». Посол США пишет, что сам главный организатор геноцида Талаат откровенно признавал, что целью турок было полное уничтожение армян. Талаат прямо заявлял послу США, что политика депортации и уничтожения армян «является официальной политикой»: «...он [Талаат] сказал, что у меня не должно сложиться мнение, что решение о депортации было принято поспешно; в действительности это было результатом длительного и тщательного обсуждения». «Не стоит так спорить, мы уже ликвидировали три четверти армян. Их уже нет ни в Битлисе, ни в Ване, ни в Эрзеруме, — сказал он послу, — армяне почти все теперь уже умерли»².

Наличие намерения подтверждается и тем, что турецкие руководители представляли уничтожение армян как совершившийся факт уже тогда, когда гибельные депортации продолжались и когда многих армян еще можно было спасти. Так, исходя из того, что «депортированные» армяне все должны были умереть, Талаат просил посла Моргантау содействовать передаче турецкому правительству страховых выплат, которые причитались армянам в американских компаниях.

При всей бесспорности и неоспоримости множества свидетельств, оценок и выводов, содержащихся в иностранных документах различного происхождения, особую ценность для подтверждения намерения представляют турецкие документы. Несмотря на многолетнюю тщательную «чистку», все же сохранились до-

кументально подтверждаемые бесспорные свидетельства прямого и открытого выражения членами турецкого правительства своего намерения уничтожить полностью и окончательно весь армянский народ. Прежде всего следует указать на такие сохранившиеся документы, как решения правящей тогда младотурецкой партии, протоколы и другие секретные материалы заседаний ее центральных органов, частично ставшие достоянием гласности.

Среди них следует указать на опубликованный в 1929 г. курдом Мевлан заде Рифатом текст протокола состоявшегося в конце января 1915 г. секретного совещания руководителей правящей младотурецкой партии. В ряде заявлений, сделанных на этом совещании при принятии решения об уничтожении армян, содержатся недвусмысленные признания умысла. Один из влиятельных лидеров младотурок д-р Назым так формулировал цель полного уничтожения армянского населения: «Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, а если они узнают, то будут поставлены перед совершившимся фактом и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян: необходимо уничтожить всех до единого»¹. Участвовавшие в этом заседании Энвер, Талаат, Бехаэтдин Шакир, Гасан Фехми, Джавад и другие «единогласно голосовали за полное уничтожение всех армян, не исключая ни одного человека»².

Специального рассмотрения требует вопрос о доказательствах намерения после поражения Турции и ее союзников в Первой мировой войне в связи с неизбежной постановкой вопроса не только об уголовной ответственности физических лиц, участвовавших в арменоциде, но и о политической ответственности самого турецкого государства.

Такие признания содержатся в официальных заявлениях законных властей — султанских правительств Оттоманской империи после ухода младотурок. Стремясь выгородить турецкое государство, они сводили вопрос к ответственности младотурецкого правительства. Укажем на прямые подтверждения преднамеренной резни армян в заявлениях официальных представителей турецкого государства: Саида Халима, занимавшего посты Министра иностранных дел в 1913—1915 гг. и великого визиря в 1913—1917 гг.; Али Риза паши, великого визиря в 1919—1920 гг.; Дамада Ферид паши, занимавшего пост Великого визиря пять раз в 1919—1920 гг.; Министра внутренних дел Ахмеда Решида (1912—1913, 1920); Министра внутренних дел Мустафы Арифа (1918—1919); Министра внутренних дел Джемалья (1919); Министра образования и Министра внутренних дел Али Кемала (1919); председателя палаты депутатов и Министра иностранных дел в годы войны Халила Ментеше; губернатора Сирии, Ливана и Палестины и командующего IV армией Джемаль паши; командующего армейской группой Восточного фронта Халила Кута; командующего III армией Вехиб паши и ряда других³.

Из этого списка приведем для наглядности пару высказываний. Министр внутренних дел Джемаль: «Во время депортации армян 800 000 человек были

¹ Lepsius J. Deutschland und Armenien. 1914—1918. P. 142.

² Док. № 368. См. также: Morgenthau H. Memoires de l'Ambassadeur Morgenthau (Vingt-Six Mois en Turquie). Par Henry Morgenthau, Ambassadeur des Etats-Unis à Constantinople avant et pendant la guerre mondiale. Paris, Payot, 1919, Flammarion. 1984. P. 287—288, 291.

¹ *Mevlan Zade Rifat*. Turkiye inkilabinin 19 yilii. Halep. 1929. S. 89—93 (арабск. шрифт).

² Ibid.

³ Подборку их заявлений и указание источников см.: *The Ottoman Empire: Troubled Legacy*. Compiled by Vahakn N. Dadrian for the Association of Genocide Scholars. Williamsbourg, Virginia, 1997.

действительно убиты»¹; «Правительство обязано очиститься от кровавого прошлого» (kanlı maziyi temizliyesekdir)². Министр просвещения, Министр внутренних дел Али Кемаль: «Четыре или пять лет назад было совершено уникальное в истории преступление, которое потрясло мир»³. Он же: «Давайте не будем возлагать вину на армян; мы не должны обольщаться и думать, что мир населен идиотами. Мы разграбили имущество людей, которых депортировали и вырезали; мы санкционировали это воровство в нашей Палате депутатов и в Сенате»⁴.

Имея в виду значение, которое придает судам в констатации наличия намерения, большую ценность приобретают документы, которые фигурировали в турецких судах на процессах 1919—1920 гг. Оригиналы телеграмм и других документов, представленных суду в качестве доказательств, прошли судебную экспертизу. Их подлинность была надлежащим образом установлена. Так, турецкому военному трибуналу в связи с делом одной из центральных фигур этого преступления Бехаэтдина Шакира была представлена шифрованная телеграмма следующего содержания, посланная из Эрзерума губернатору Адали Сабура Сами бею: «Армяне Эрзерума, Вана, Битлиса, Арбекира, Сиваса, Трапезунда и других районов депортируются в Мосул и Дейр эз-Зор с тем пониманием, что ни единая душа не останется в живых (bir tek Ermeni kalmamak üzere). Что вы делаете в этом отношении в Адали?»⁵

Помимо документов, содержащих прямые признания, следствие располагало многочисленными свидетельскими показаниями и другими доказательствами преднамеренности инкриминированных действий.

Как видно из обвинительных заключений и вынесенных вердиктов, у турецких судов не оставалось никаких сомнений в наличии намерения как в действиях турецкого правительства, так и в действиях отдельных исполнителей, участвовавших в этом преступлении. Констатируя, что резня и уничтожение армян были результатом решений Центрального комитета партии «Иттихад», обвинение уточняло, что процесс принятия решения состоял в «продолжительных и глубоких обсуждениях», в результате которых «был принят» соответствующий план действий. В обвинительных заключениях отмечалось также, что с целью маскировки этого плана применялась соответствующая тактика: руководство исполнением решений осуществлялось посредством устных и письменных секретных приказов и инструкций, которые подлежали уничтожению. Ссылки на необходимость массового перемещения населения по военным соображениям и на «оправданность» наказания нелояльной общины были отклонены судами: они исходили из того факта, что «депортации не были ни мерой, продиктованной военной необходимостью, ни дисциплинарным актом наказания». Был подтвержден вывод генерального прокурора Оттоманской империи о том, что депортации были «предлогом для резни» и что «этот установленный факт также очевиден, как очевидно и то, что дважды два равно четырем»: все вердикты совпадали в констатации того, что депортации были прикрытием для реализации

плана уничтожения. Подлинные цели депортаций были доказаны документами, написанными и подписанными обвиняемыми лично.

22. О мотивах геноцида (правовая и политическая оценка)

Мотив — субъективный элемент состава уголовного преступления. Мотив отвечает на вопрос: чем, какими соображениями руководствовался тот, кто совершил действие, предусмотренное составом преступления.

Для оправдания своей геноцидной политики в отношении армянского населения турки и в прошлом, и теперь ссылаются на мотивы, которыми якобы руководствовалось турецкое правительство. На мотив ссылаются либо прямо, оправдывая свои действия военной необходимостью, либо косвенно — обвиняя армян в государственной измене в период Первой мировой войны. Утверждают, что, подняв «восстание» в тылу турецкой армии, армяне обрекли ее на поражение в войне против России.

Чтобы иметь возможность ссылаться на «военную необходимость», турки ограничивают инкриминируемые им действия событиями Первой мировой войны. Навязывая удобный им стереотип 1915 года, турки утверждают, что речь шла не о геноциде, а о «временном перемещении» — депортации из районов, прилегающих к зоне военных действий у русской границы. Утверждают, будто цель перемещения армян состояла в предотвращении сотрудничества армян с русской армией и для спасения жизни турок в районах военных действий. Утверждают также, что действия эти были направлены не против армянского народа как такового, а против армян как политической группы и поэтому не могут подходить под определение геноцида.

К этому мотиву примыкает другой — утверждение, будто действия турок и Турции определялись стремлением защитить территориальную целостность турецкого государства от посягательств армянского сепаратизма и поддерживающей его России. В Турции считают, что эти выдвигаемые постфактум обвинения оправдывают поведение турок и турецкого государства в отношении всего армянского народа.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в определении геноцида полностью исключает мотив из состава этого преступления. Это означает, что перечисленные в ней действия являются преступлением геноцида независимо от соображений, которыми руководствовались те, кто их совершает. Ни высшие интересы государственной безопасности, ни военная необходимость, ни интересы сохранения территориальной целостности не могут служить оправданием для совершения действий, составляющих геноцид.

Международное право никак не связывает с мотивами юридическую квалификацию соответствующих действий как преступления геноцида. Какими бы благи и справедливыми не были бы мотивы поведения, они не имеют никакого юридического значения для квалификации определенных действий как геноцид.

Нормы международного права, подтвержденные в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, не дают Турции никакой возможности обосновать или оправдать преступление армяноцида, которое полностью подпадает под действие санкций, установленных международным правом.

¹ Le Moniteur Orientale. Mars 13, 1919.

² Gökbiçgin M. *Tayyib*. Milli Mücadele Boşlarken. Vol. I. Ankara. P. 55.

³ Sabah. Janvier 28, 1919.

⁴ Alemder. Juillet 18, 1919.

⁵ Kazarian Haigaz K. The genocide of Kharpert's Armenians: A Turkish Judicial Documents and Cipher Telegrams Pertaining to Kharpert // The Armenian Review. Vol. XIX, № 1—73 (1966). P. 19.

Тем не менее, поскольку турки до сих пор пытаются оправдать свои действия в отношении армян соображениями «военной необходимости» и высшими государственными интересами Турции и поскольку вопрос о подлинных целях и мотивах турецкого государства представляет немалый исторический и политический интерес, мы сочли целесообразным затронуть его в общем контексте событий. Мы исходили из того, что выяснение мотивов армянской политики Турции может иметь политическое значение не только для оценки прошлых отношений между геноцидным государством и народом, ставшим жертвой преступления, но и для установления новых отношений. Тем более что вопрос этот приобретает политическую актуальность в контексте современного развития турецко-армянских отношений.

Какие же были у турок и Турции подлинные мотивы для совершения геноцида?

Несостоятельность ссылок турецкой пропаганды на то, что действия правительства в отношении армянского населения якобы были предприняты в условиях военного времени в связи с восстанием армян в Ване и некоторых других населенных пунктах Западной (турецкой) Армении в 1915 г., становится очевидной не только при учете временных рамок геноцида, осуществлявшегося в 1876—1923 гг., и ареала совершенного преступления.

Противодействие геноциду в форме восстания или других проявлений неповиновения власти геноцидного государства было бы вполне естественной и правомерной реакцией. Нелепо оправдывать восстанием в Варшавском гетто геноцид евреев нацистской Германией. Точно так же нелепо объяснять геноцид армян восстанием в Ване. Это был акт самообороны обреченных на смерть людей. Ванские армяне относятся к числу тех немногих армян, которым удалось выжить.

Отметим также, что само правительство Османской империи, совершившее геноцид, вначале объясняло свои действия не как применение санкций за совершенное армянами «предательство», а как необходимость принятия **превентивных** мер, чтобы не допустить такое развитие. В копии телеграммы османского правительства провинциальным властям, представленной Великим визиером Талаатом посольству союзной Германии в качестве доказательства того, что принятые меры не имели целью уничтожение армянского населения, говорилось: «...Императорское правительство, перемещая армян из их прежнего места жительства в ранее определенные зоны, преследует исключительно одну цель — **предотвратить** антиправительственную деятельность и выступления этой национальности, а также не позволить им добиться своих националистических устремлений в плане создания армянского государства»¹.

Примечательно, что и. о. посла Германии 4 сентября 1915 г. сообщал, что за несколько дней до представления этой телеграммы тот же Талаат, имея в виду депортацию армян, сказал ему по-французски: «Армянского вопроса больше не существует»².

Утверждения турецкой пропаганды, будто отношение к армянам определялось желанием сохранить территориальную целостность государства, опровергаются уже тем, что Османская империя отвергла предложение России и других держав

¹ Док. № 630.

² Там же.

Антанты гарантировать территориальную целостность Османской империи в обмен на ее нейтралитет в Первой мировой войне. Мотивы геноцида армян не ограничивались желанием удержать территорию поработанного народа.

Подлинные причины действий турецкого правительства были не защитными, а наступательно-агрессивными. Оно заключило военно-политический союз с Германией, по которому последняя обязывалась обеспечить непосредственный контакт Османской империи с территорией России, населенной кавказскими татарами (азербайджанцами) и другими тюркскими народами. Уничтожение армянского этнического клина не только в пределах империи, но и за ее границами (прежде всего на территориях Южного Кавказа) было составной частью политической программы пантюркистской экспансии.

В действительности геноцид армян всегда имел явную политическую мотивацию. Если его цель в первой фазе — в 1876—1914 гг. — заключалась в удержании территории поработанного народа, то в 1915—1923 гг. она предусматривала территориальную экспансию — разрушение этнического и политического армянского клина, препятствовавшего осуществлению политической программы пантюркизма — отторжения от России тюркоязычных районов Закавказья, Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии и их объединения с Турцией. Эти агрессивные экспансионистские цели организаторов геноцида армян однозначно подтверждаются двумя вторжениями вооруженных сил Турции на территорию Южного Кавказа, сопровождавшимися массовым истреблением армян.

Одна из задач, поставленных перед турецкой армией в 1918 г., состояла в этнической чистке оккупированных армянских территорий — Карсской области, Сурмалинского уезда, Нахичевана, Карабаха. Турки, как отмечал Статс-секретарь Министерства иностранных дел союзной Германии фон Кюльман, «планомерно проводят политику уничтожения армян на Кавказе»¹.

Ничего нового не принесло и кемалистское правительство Турции. Враждебное отношение к армянам, стремление довершить геноцид и сохранить плоды преступления были катализатором движения турецких националистов. Об этом периоде геноцида армян, как, впрочем, и о других периодах, имеется бесчисленное множество документальных свидетельств самого различного происхождения². Приведем свидетельства самих кемалистских руководителей — Министра иностранных дел, выработавшего политику в отношении Армении, и командующего вооруженными силами Восточного фронта, который эту политику претворял в жизнь.

Считая существование Армении «позором» для турок, генерал Карабекир с мая 1919 г. по август 1920 г. неоднократно обещал «стереть», «разрушить» ее, «покончить» с нею, «задавить под турецким каблуком», «ликвидировать». «Мы должны растоптать Армению, чтобы дать жизнь Азербайджану», — писал К. Карабекир в донесении кемалистскому правительству 13 апреля 1920 г.

Кемалистское правительство определяло свою цель как «политическое и физическое уничтожение Армении». В опубликованной впоследствии в самой Турции шифрованной телеграмме Министра иностранных дел А. Мухтара от 8 ноября 1920 г. командующему армией Восточного фронта К. Карабекиру предписывалось, «обманывая армян и других европейцев» видимостью миролю-

¹ Док. № 639.

² См. подробнее в Комментарий к Разделу V (9, 14, 16).

бия, завершить подготовку к тому, чтобы «уничтожить Армению политически и физически». С этой целью предлагалось «под видом защиты прав Азербайджана оккупировать всю территорию Армении, временно установить ее границы таким образом, чтобы создать возможность «постоянного вмешательства» турок «под предлогом защиты прав мусульманских меньшинств», разоружить армян и в то же время «вооружать турок» для достижения цели — «соединения востока и запада в этом районе и превращения Азербайджана в независимое турецкое государство путем создания национальной силовой структуры».

Нормы международного права, подтвержденные в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, не дают Турции никакой возможности обосновать или оправдать преступление арменоцида, последствия которого до сих пор не устранены и который полностью подпадает под действие санкций, установленных международным правом.

Политические мотивы, которыми руководствовалась Турция в своих отношениях с армянами, не только не оправдывают или смягчают ее вину перед армянским народом, но, напротив, являются отягощающим вину обстоятельством.

Ссылка на «военную необходимость» опровергается не только ареалом так называемых депортаций западных армян, которыми турецкое правительство создавало условия для разрушения армянской национальной группы как таковой, но и тем, что и «новая» Турция, сочетая угрозу физического уничтожения и внешнеполитические средства, не допустила возвращения спасшихся от резни армянских беженцев на свою родину. Конфискованное имущество армян не было возвращено, компенсация за ущерб не выплачена. Им не позволили защищать свои имущественные права даже в турецких судах. Все это подтверждает, что цель турецкого государства заключалась в том, чтобы разрушить армянскую национальную группу как таковую.

Экспансионистские мотивы совершения геноцида армян подтверждаются и оккупацией в 1918 г. российской части Армении, население которой уничтожалось или обращалось в бегство, и попытками аннексии этих территорий по Брест-Литовскому и другим договорам, которые турки пытались навязать Армении. Эти цели и мотивы геноцида подтверждаются также захватом на основе Московского договора между кемалистской Турцией и большевистской Россией Карсской области в результате повторного вторжения в Республику Армения войск Турции, теперь уже кемалистской, также сопровождавшегося истреблением или изгнанием армянского населения.

23. Субъекты преступления геноцида

По своему содержанию (уничтожение целого народа либо разрушение иной национальной или этнической группы как таковой) геноцид — преступление политическое. Оно осуществляется главным образом в политических целях. За редким исключением (например, геноцид евреев в Германии и оккупированных ею странах в годы Второй мировой войны) целью геноцида является захват территории, населенной другим народом (национальной группой), или, как вариант, «очищение» уже захваченной у другого народа территории с целью придания однородности национальному составу «своей» государственной территории — ее

«национальной консолидации» для предотвращения постановки вопроса о самоопределении коренного населения и для обеспечения «территориальной целостности» государства. Иными словами, геноцид армян явился, как отмечалось выше, неизбежным следствием и частью политики территориальной экспансии. Геноцид армян, ставший классической моделью для последующих актов геноцида, служит примером такой связи геноцида с территориальными захватами.

Геноцид является государственным преступлением не только по целям, но и по исполнению. Уничтожить целый народ, разрушить этническую группу государство может только с помощью своего аппарата. Как правило, геноцид осуществляется под руководством правительства местной администрацией, армией, полицией, жандармерией и другими органами государственной власти. Нередко для этих целей правительство использует народ или его часть.

Осуществление геноцида государством предполагает участие людей — физических лиц. Это члены правительства, персонал вооруженных сил: армии, жандармерии, полиции; уголовники, освобожденные ради этого из заключения, и другие люди, которые совершали действия, предусмотренные составом преступления.

Физические лица, действуя в качестве членов правительства, партийных или религиозных лидеров, возглавляя силовые структуры и т.д., разрабатывают соответствующие планы и руководят операциями по их реализации. Физические же лица в качестве либо рядовых членов этих структур, либо даже обычных граждан непосредственно участвуют в исполнении этого преступления, совершая действия, которые сами по себе — вне контекста геноцида — относятся к уголовно наказуемым (убийства и другие насилия). Действуя индивидуально, вне государственных силовых и иных структур, физические лица просто не в состоянии уничтожить народ или другую национальную (этническую) группу.

Хотя физические лица — организаторы и исполнители геноцида — могут руководствоваться субъективными соображениями (например, стремлением к обогащению путем захвата имущества жертв геноцида), определяющими являются государственная воля и готовность подчиниться ей, участвовать в ее реализации, т.е. политические устремления этих лиц: они считают себя защитниками интересов своей нации и своего государства. Иначе говоря, действия физических лиц, участвующих в геноциде в рамках государства, также определяются политическими интересами государства.

Международное право, в частности Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, признает в качестве субъектов этого преступления как государство, так и физические лица.

24. Виды и содержание ответственности субъектов преступления геноцида

Международная ответственность — основное средство в усилиях международного сообщества, направленных на искоренение этого преступления из жизни человечества. Неотвратимость ответственности и соразмерность наказания содеянному — коренной элемент в системе международно-правовых средств противодействия геноциду. Без этого невозможно возмездие, а без возмездия за каждый случай геноцида невозможно предотвращение новых преступлений.

Установление международной ответственности за геноцид помимо антикриминальной функции возмездия и устрашения имеет и другую функцию — позитивную, направленную на принятие адекватных мер по возможно более полному устранению разрушительных последствий совершенного преступления.

Доктриной и практикой международного права вопрос о международной ответственности государства и физических лиц за совершение геноцида решен давно — еще до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Она выводится из общепризнанных норм международного права.

Виды и содержание ответственности субъектов преступления геноцида определяются составом преступления и его последствиями. Международным правом установлена уголовная ответственность физических лиц и политическая ответственность государств.

Интерес к вопросу о видах ответственности государства и физических лиц за геноцид и о соотношении между ними усиливается в связи с тем, что физические лица нередко стремятся уйти от ответственности за совершенные преступления ссылаясь на доктрину «акта государства», а сами геноцидные государства стремятся освободиться от ответственности, ссылаясь на то, что уголовную ответственность могут нести только физические лица, а не государство.

Квалифицируя участие физических лиц в организации и исполнении геноцида как уголовное преступление, международное право лишает их возможности сослаться на доктрину «акта государства»: их действия квалифицируются как уголовно наказуемые независимо от того, в каком качестве они участвовали в этом преступлении.

При всем значении личной уголовной ответственности ее реальные возможности угрозой неотвратимости наказания заставить потенциальных организаторов и исполнителей геноцида отказаться от своих преступных замыслов, пресечь или предотвратить повторение геноцида — весьма ограничены. Рассматривая свои действия как угодные государству, своей нации и даже самому Всевышнему, шовинистически настроенные организаторы и исполнители геноцида обычно с готовностью приносят свою жизнь на алтарь ложно понятых интересов своей нации и своего государства. Смертную казнь они принимают с готовностью, полагая, что это причислит их к сонму исторических национальных героев.

Именно так воспринимал перспективу своего наказания Талаат. Как свидетельствует турецкая писательница и общественный деятель Халиде Эдип, сам Талаат, пытаясь оправдать осуществленное под его руководством уничтожение армянского населения, говорил: «Я убежден, что если какая-нибудь нация делает все для своих интересов и это удается, то мир признает это. Я готов умереть за то, что я совершил, и я знаю, что умру за это»¹. Талаат считал, что выполняет великую историческую миссию, за которую турецкая нация будет его вечно славить. Он, как известно, не ошибся. Прах убийцы армянского народа перенесли в турецкую столицу. Палачи армян стали национальными героями Турции. В словах Талаата и в мерах турецкого правительства по увековечению его памяти содержится недвусмысленная оценка того, кто и для чего совершил геноцид армян: нация сделала «все для своих интересов».

¹ Memoirs of Halide Edip. New York; London. P. 387.

Для предотвращения геноцида и возможно более полного устранения его разрушительных последствий международная ответственность самого государства обладает несравненно большей потенциальностью. Основу политической ответственности государства, совершившего геноцид, составляют меры, направленные на пресечение геноцида, устранение последствий совершенного уже преступления и на его предотвращение в будущем.

В самой Конвенции о предупреждении преступления геноцида и соответственно о возникновении и содержании его ответственности за совершение этого преступления не разработан в деталях. Конвенция ограничивается прямым указанием в ст. IX на возможность возникновения «ответственности государства за геноцид».

В ст. IV Конвенции говорится об ответственности физических лиц, включая «ответственных по конституции правителей» или «должностных лиц». В связи с имевшими место попытками истолковать указание на эту категорию гражданских лиц как исключительную ответственность самого государства, Международный суд разъяснил, что конкретное указание в ст. IV Конвенции «ответственных по конституции правителей» или «должностных лиц» «не исключает какую бы то ни было форму ответственности государства... за действия своих органов»¹.

То обстоятельство, что государство действует через физических лиц, не лишает его качества субъекта преступления геноцида и соответственно не снимает с него ответственности. Политическое содержание преступления геноцида не меняется от того, что вопрос об ответственности физических лиц за геноцид международное право решает на основе уголовного права.

Взаимосвязь ответственности физических лиц и государства может проявляться и в обратном направлении. Хотя гипотетически наступление уголовной ответственности физических лиц за совершение действий, входящих в состав преступления геноцида, возможно и без участия государства в этом преступлении, на практике же геноцидные действия физических лиц, влекущие их уголовную ответственность, являются составной частью преступления государства. Ответственность государства становится основанием ответственности физических лиц.

Хотя принцип политической ответственности государств за «убийство целого народа», как уже указывалось, утвердился в международном праве задолго до принятия и вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, ее составители не кодифицировали сложившиеся уже принципы и нормы международного права относительно содержания ответственности государства, совершившего геноцид, равно как и содержания практических мер, направленных на восстановление права на существование народа или другой группы, ставшей жертвой геноцида.

То обстоятельство, что все предпринимавшиеся в рамках ООН попытки кодифицировать нормы международного права, определяющие содержание ответственности государства вообще и конкретно за геноцид с учетом современного

¹ I.C.J. Case concerning application of the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Bosnia — Herzegovina v. Yugoslavia). Preliminary objections. July 11. 1996. № 32.

состояния права, обобщить существующую практику и восполнить имеющиеся пробелы не увенчались успехом, а точнее — провалились, связано прежде всего со спецификой международного права как права согласительного, создаваемого самими государствами.

Принципы и нормы международного права, устанавливающие ответственность государства за преступления, вырабатываются государствами с участием и тех, которые эти же преступления совершают. В частности, и сама Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него вырабатывалась с участием государств, которые имели все основания опасаться обвинений в совершении этого преступления. То же самое имело место при попытках совершенствования Конвенции в рамках Подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств: даже простое упоминание геноцида армян в исследовании специального докладчика, которое стало моделью для всех последующих случаев и давало фактуру для совершенствования Конвенции, вызвало паническое неприятие Турции, ее союзников по НАТО и СССР, которые, забыв свои распри, дружно объединились для сохранения свободы рук геноцидных государств¹.

Отставание процесса кодификации и прогрессивного развития норм материального права в отношении ответственности за преступления против человечности от требований международной жизни повышает значение прецедентов (в том числе и прежде всего прецедента, связанного с геноцидом армян) для определения содержания соответствующих норм и принципов международного права. Именно международной практикой применительно к реальным условиям конкретных актов геноцида подтверждается значимость и эффективность принципов и норм, утвердившихся в международном праве.

Несмотря на подверженность политическому воздействию и связанную с этим непоследовательность, международная практика подтверждает принцип ответственности государства за совершение преступления геноцида, наполняет этот принцип конкретным содержанием.

Особенно велико в этом отношении значение вековой практики привлечения турецкого государства к международной ответственности за геноцид армян. Если в качестве примера успешной реализации международной уголовной юрисдикции в отношении физических лиц определяющее значение имеет практика, связанная с геноцидом евреев в годы Второй мировой войны, то для уяснения положения с ответственностью самого государства за геноцид огромное, можно сказать, определяющее значение имеет уникальная практика установления международной ответственности турецкого государства за разрушение армянской национальной группы как таковой. Она содержит ответы на ряд принципиально важных вопросов, связанных со становлением норм материального права в отношении ликвидации последствий геноцида, наступления политической и других видов ответственности государства за совершение этого преступления, и в частности — самого содержания политической ответственности.

Доставшийся весьма тяжелой ценой опыт однозначно подтверждает, что только знание того, что государство, совершившее геноцид, не получит плодов преступления в виде территории, недвижимости и другого достояния своих

жертв, более того — неотвратимость потери государственной власти над территорией, население которой стало объектом геноцида, является самым коротким и верным путем отвлечь от соблазна обращения к геноциду как средству экспансии и обогащения.

В соответствии с правовой максимой, согласно которой нарушение права не может создать право, государство, совершившее геноцид, должно лишиться всех плодов совершенного им преступления. Напротив, народ, ставший жертвой этого преступления, должен получить все необходимое для возрождения.

Наиболее радикальным средством достижения всех этих целей, т.е. как возмездия, так и устранения разрушительных последствий преступления, является лишение геноцидного государства права осуществлять территориальное верховенство над народом, ставшим объектом этого преступления. В этом состоит главное и основное содержание политической ответственности государства за совершение преступления геноцида.

Поскольку государственный суверенитет осуществляется в рамках международного права, то очевидно, что совершение международного преступления ставит государство в особое правовое положение, лишаящее его права ссылаться на равенство со всеми другими государствами, на принцип невмешательства и иные атрибуты суверенитета для освобождения от ответственности по международному праву.

Международные санкции против преступного государства неизбежно содержат элемент насильственного принуждения. Особенность международной ответственности государства состоит в том, что ее установление и реализация осуществляются политическим органом или с его санкции. Наиболее подходящей формой обеспечения реализации ответственности являются коллективные меры.

Содержание политической ответственности государства за совершение преступления геноцида включает также обязанность обеспечить уголовное наказание физических лиц — организаторов, исполнителей, соучастников и всех тех, кто причастен к совершению этого преступления, — в судах национальной юрисдикции или в международных судах. Оно обязано выдать физических лиц, в том числе членов правительства, государству, на территории которого было совершено преступление, или международной уголовной юстиции — суду *ad hoc*, или постоянному судебному органу, а также обеспечить предоставление следствию и суду всех необходимых материалов, свидетельских показаний и пр.

Освобождение от власти геноцидного государства создает предпосылки для ликвидации последствий геноцида. Политическая ответственность геноцидного государства предполагает принятие или содействие принятию ряда мер, направленных на восстановление разрушенной национальной группы — репатриацию беженцев и эмигрантов, восстановление имущественных прав в форме репарации или компенсации, возвращение жилищ и другой собственности.

Наряду с политической ответственностью международное право устанавливает и материальную ответственность в форме репарации или компенсации за причинение материального ущерба, нанесенного жертвам геноцида индивидуально и как группе в целом. Составной частью ответственности государства за совершенное преступление геноцида является и возмещение морального ущерба, нанесенного членам группы как индивидуально, так и коллективно.

¹ Док. № 600.

25. О неприменимости погасительной давности к преступлениям против человечности

В преамбуле Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности прямо указывается на то, что «ни в одной торжественной декларации, акте или Конвенции, касающихся судебного преследования или наказания за военные преступления и преступления против человечности, не содержится положения о сроке давности». Этим подтверждается, что и до принятия Конвенции к этой категории преступлений погасительная давность не применялась¹.

В силу характера этих преступлений ответственность за них наступает независимо от времени совершения преступления. Это означает не только то, что установленная ответственность может быть реализована в любое время, но и то, что она может быть установлена в любое время после совершения преступления.

26. О ретроактивной силе Конвенции о геноциде

Сознательно искажая и примитивизируя международно-правовую позицию армян, турецкие политики и юристы утверждают, будто она основана только на придании «обратной силы» Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятой в 1948 г. и вошедшей в силу в 1958 г.

Интерес турецких правительств к принципу, исключающему обратную силу закона, имеет чисто практическое объяснение. Исходя из того, что «события в Восточной Анатолии» (эвфемизм, используемый для обозначения геноцида армян) относятся к прошлому, так как имели место до принятия и вступления в силу этой Конвенции, и что она обратной силы не имеет, утверждают, будто принятие международным сообществом каких-либо мер для практического устранения последствий этого преступления имело бы характер *ex post facto* и, следовательно, было бы лишено юридической силы.

Из этого же исходили юрисконсульты, приглашенные нью-йоркским Центром справедливости переходного периода для вынесения заключения о применимости Конвенции к «событиям в Восточной Анатолии» по просьбе членов так называемой Турецко-армянской комиссии по примирению. Признав, что «события прошлого в Восточной Анатолии» могут рассматриваться как геноцид, как он определяется в Конвенции, юрисконсульты тем не менее исключили возможность возникновения ответственности физических лиц или государства на основании этой Конвенции. Выхолащивая юридическое содержание квалификации «событий» как геноцида армян, они свели ее значение к возможности ссылаться на геноцид армян как на «исторический факт», не влекущий правовых последствий.

Конвенция, по их утверждению, не содержит положений, допускающих ее ретроактивное применение: никакие правовые, финансовые или территориальные претензии, связанные с событиями, имевшими место в начале XX в., «не могут успешно выдвигаться на основе Конвенции против какого-либо физичес-

¹ Док. № 17.

кого лица или государства». Они исходят из того, будто армяне основывают свои требования о признании ответственности Турции за геноцид только на придании обратной силы Конвенции о геноциде.

Неверно утверждение, что геноцид армян — событие прошлого и неверно, во всяком случае весьма спорно, категорическое отрицание ретроактивной, т.е. обратной силы Конвенции о геноциде.

Прежде всего отметим, что эта Конвенция применима к геноциду армян независимо от решения вопроса о ее ретроактивной силе. Формулируя правило об обратной силе международных договоров, ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров связывает применение этого принципа с «любой ситуацией, которая перестала существовать до этой даты», т.е. до заключения договора.

Когда же перестает существовать ситуация, возникающая в результате геноцида? О том, что в юридическом смысле геноцид армян не может ограничиваться временем, когда совершались убийства и другие действия, входящие в состав преступления геноцида, мы говорили в части Комментария, посвященной определению времени совершения геноцида.

Поскольку в юридическом смысле геноцид армян продолжается, к нему применим весь имеющийся нормативный материал, включая и Конвенцию о геноциде. Следовательно, вопрос об обратной силе Конвенции не возникает.

Что же касается вопроса о ретроактивной силе Конвенции о геноциде, то он требует внимательного и добросовестного рассмотрения не только в связи с геноцидом армян, но и потому, что выходит далеко за пределы этого конкретного случая. Если отрицать применимость Конвенции к геноциду армян на том основании, что он относится к «событиям прошлого», тогда такой же статус должен признаваться и за геноцидом евреев, совершенным нацистской Германией в годы Второй мировой войны. Соответственно должны быть пересмотрены приговоры Нюрнбергского трибунала за совершение преступления геноцида руководителями Германии.

Более того, поскольку Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него вошла в силу только в отношении небольшой группы ратифицировавших ее государств, то ее действие может отрицаться даже для случаев геноцида, совершенных и после вступления в силу этой Конвенции, государствами, не являющимися участниками Конвенции. Вопрос об обратной силе Конвенции о геноциде приобретает принципиально важное значение.

В основе вопроса о применимости международных договоров к событиям, которые имели место до их заключения, лежит общий принцип права, гласящий, что закон обратной силы не имеет и что никто не может быть наказан за действия, которые не признавались прежде правонарушением или преступлением. Он принят в большинстве, но не во всех национальных системах права. Этот принцип нашел отражение и в п. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому «никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением». Однако, в соответствии с п. 2 той же статьи «ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения

являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом».

В международном праве с применением этого принципа положение обстоит сложнее. Ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров, на которую ссылаются в подтверждение тезиса, что «международное право вообще запрещает ретроактивное применение договоров», вовсе не исключает обратное действие договоров, а только обуславливает это наличием намерения сторон договора.

Согласно Венской конвенции, для признания обратной силы международного договора необходимо, чтобы иное намерение явствовало из самого договора или было установлено иным образом. Другими словами, ретроактивное применение договоров допускается, если такое намерение проявляется в самом договоре или если это не установлено иначе. Из этого следует, что могут быть вопросы, по которым договаривающиеся государства или даже международное сообщество может допускать обратное действие конвенционных норм. Иначе говоря, обратное действие договоров вообще не практикуется, но в принципе не отрицается.

На каком же основании отрицается ретроактивная сила Конвенции о геноциде? Содержит ли она положения, допускающие ее ретроактивное применение, или, напротив, она исходит из установления ответственности за это преступление только на будущее?

От ответа на этот вопрос зависит и ответ на конкретный вопрос о применимости Конвенции к квалификации арменоцида как международного преступления и установление ответственности турок и Турции на основе Конвенции, а не только общих норм международного права.

Утверждение, будто с точки зрения Конвенции акты геноцида, совершенные до ее принятия, не влекут ответственности и ненаказуемы, представляет покушение на сами основы человечности. Такого рода международные договоры не могут ограничиваться во времени, если ситуации, созданные прошлыми преступлениями, продолжают существовать.

Ни в Конвенции о геноциде, ни в подготовительных материалах нет ничего, что позволяло бы говорить о намерении сторон исключить ее применение к актам геноцида, которые были совершены до ее принятия, но до сих пор их преступные последствия не устранены. В отличие от Римского статута Международного уголовного суда, Конвенция не содержит временной привязки, выражающей намерение сторон ограничить ее действие только будущими преступлениями.

О понимании вопроса международным сообществом и его намерениях однозначно говорит известная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 96(I), принятая 11 декабря 1946 г. Указав на «преступления геноцида», когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые и другие человеческие группы, резолюция подтвердила, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию» и отметила, что «наказание за преступление геноцида является вопросом международного значения».

В самой Конвенции квалификация прошлых актов геноцида как преступления по международному праву сама по себе говорит о намерении придать ей ретроактивную силу.

Если многосторонняя нормоустановительная Конвенция, выработанная в результате кодификации обычных норм международного права, подтверждает, что и до ее принятия совершались преступления геноцида, это должно рассматриваться как подтверждение не только «исторических», но и юридических фактов — совершались именно преступления, подпадавшие под состав этого преступления, как он зафиксирован в Конвенции.

Конвенция не исторический трактат, а юридический документ, и его применение для оценки событий прошлого не может не иметь юридического значения. Ссылка в самой Конвенции на случаи геноцида, имевшие место до вступления в силу Конвенции, означает, что термин «геноцид», в том смысле, как он применяется в Конвенции для обозначения международного преступления геноцида, может быть применен к оценке этих событий в качестве не только и не просто «исторических фактов», но и юридических фактов или фактов преюдициального характера.

То, что действие Конвенции о геноциде не могло ограничиваться во времени, подтверждается и материалами Нюрнбергского процесса по делу главных нацистских военных преступников. Поскольку ответственность руководителей нацистской Германии за геноцид евреев имеет те же самые международно-правовые основания, что и ответственность турок и Турции за геноцид армян, позиция Нюрнбергского трибунала имеет прямое отношение и к этому преступлению.

Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс, речь которого на Нюрнбергском процессе мы уже цитировали, заметил, что если для наказания за совершение преступления геноцида требуется обращение к обратной силе закона, то это вполне оправдано: «...И если это является применением обратной силы закона, мы заявляем, что оно полностью соответствует тем высшим нормам справедливости, которые в практике всех цивилизованных стран установили определенные границы для применения обратной силы закона»¹.

Относительно применимости самой Конвенции о геноциде к установлению ответственности за преступления геноцида, совершенные до ее вступления в силу, имеется исчерпывающая судебная практика.

В этом отношении представляет особый интерес рассмотренное в Верховном суде Израиля дело «Эйхман против Генерального прокурора Правительства Израиля»². Напомним, что Эйхман, сыгравший зловещую роль в осуществлении геноцида евреев в период Второй мировой войны, был похищен израильскими специальными службами в Аргентине и осужден по израильским законам о преступлениях против еврейского народа. Защита Эйхмана заявила протест, основанный на утверждении, что отправление правосудия Судом Израиля в отношении преступлений, совершенных за пределами Израиля и до образования этого государства, является нарушением международного права. Верховный суд, заседавший в качестве Суда по рассмотрению апелляций по уголовным делам, апелляцию отклонил и оставил в силе решение израильского Суда.

Верховный суд Израиля указал, что принцип *nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege* в отношении отрицания обратного действия уголовного законодательства «еще не стал нормой обычного международного права». Отметив, что в боль-

¹ Док. № 5.

² Док. № 16.

шинстве стран этот принцип действительно был включен в тексты Конституций или уголовных кодексов и что в таких странах Суд не может отступить от этого правила, Верховный суд отметил, что такое положение дел не относится ко всем странам. Так, в Соединенном Королевстве, как и в самом Израиле, нет конституционного ограничения права законодателя принимать законы, имеющие обратную силу. В таких странах моральное значение этого принципа имеет юридическую силу только в отношении толкования законов. Суд заключил, что «если возникнет спор о том, что мы должны применять международное право как юридические нормы, а не исходя из норм морали, то следует возразить, что именно с юридической точки зрения международное право не содержит такого предписания». Исходя из этого, Суд счел, что этот принцип не может считаться частью внутреннего права Израиля на основании международного права, а сфера его применения в этой стране такая же, как и в Великобритании.

Действия государства Израиль Суд обосновывал тем, что совершенные Эйхманом преступления против человечности относятся к категории преступлений *delicta juris gentium* и подпадают под действие «всеобщей», «планетарной» юрисдикции и что государство Израиль выступало «в качестве органа международного права и действовало в целях исполнения его предписаний посредством национального права», что государство Израиль «в качестве хранителя международного права и представителя международного сообщества» обеспечивало применение его норм. Верховный суд Израиля указал, что международное право не требует распространения принципа *nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege* на эту категорию международных преступлений, поскольку, во-первых, это противоречило бы требованиям морали, а во-вторых, такие деяния всегда признавались международными преступлениями.

С юридической точки зрения нормы международного права не должны и не могут применяться без учета норм морали, т.е. общепринятых норм поведения. Безнаказанность же преступления против человечности, каким является геноцид, нанесла бы «большой ущерб моральным принципам».

Довод о том, что во время совершения инкриминируемого деяния государства Израиль не существовало, а его Закон о наказании нацистов и их пособников принят в 1950 г. и, следовательно, установил инкриминируемое преступление *ex post facto*, было отвергнуто израильским правосудием на том основании, что эти возражения «не имеют оснований даже при подходе к рассмотрению проблемы с точки зрения позитивистской концепции», так как принятие закона имело целью применить и реализовать действовавший принцип международного права.

Верховный суд Израиля отметил, что преступление против человечности, которое инкриминировалось подсудимому, признавалось преступлением по *jure gentium* на основе обычных норм международного права до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него и, следовательно, до учреждения нюрнбергского Международного военного трибунала. Ввиду принципиальной важности этих аргументов и поскольку они в полной мере применимы и к установлению международно-правовой ответственности за геноцид армян, приведем их *in extenso*.

Преступления, в совершении которых обвиняется подсудимый, «считаются международными преступлениями, совершение которых запрещено междуна-

родным правом и совершение которых влечет наступление индивидуальной уголовной ответственности». Универсальный характер юрисдикции наделяет каждое государство властью судить и наказывать любого, кто содействовал их совершению. В подтверждение Суд сослался на Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него; на Устав и на приговор Нюрнбергского трибунала.

При отсутствии высшей законодательной власти нормы международного права создаются не только международными договорами, но и на основе международной практики — устанавливаются от дела к делу по аналогии с правилами, воплощенными в международных договорах и международных обычаях, на основе общих принципов права, признаваемых цивилизованными нациями. Принцип, устанавливающий общий знаменатель для судебных систем различных государств, безусловно, следует рассматривать как «общий принцип права, признаваемый цивилизованными нациями».

Геноцид, инкриминированный подсудимому, относится к категории преступлений, составы которых «давно уже были признаны обычным международным правом...они представляют собой деяния, которые наносят вред жизненно важным международным интересам; наносят вред основам и безопасности международного сообщества; посягают на всеобщие моральные ценности и нарушают гуманитарные принципы, являющиеся первоосновой системы уголовного права, принятого цивилизованными нациями. Основной принцип международного права, которым руководствуются в отношении таких преступлений, заключается в том, что лицо, совершившее любое такое преступление и которое при его совершении может презюмироваться как полностью осознававшее его ужасный характер, должно отвечать за свое поведение». Отметив, что в международном праве еще не установлены определенные и градуированные уголовные санкции и что Международный уголовный суд или международный орган для наказания за подобные деяния еще не учрежден, Суд заявил, что международное право «уполномочивает государства планеты налагать наказания в соответствии со своими предписаниями. Они делают это, либо прямо обеспечивая применение этих правил, либо посредством включения их во внутреннее право...».

В качестве классических примеров «обычного» международного преступления как преступления по *jure gentium* Суд назвал пиратство и военные преступления. Они влекут наступление индивидуальной уголовной ответственности, так как подрывают основы международного сообщества и вызывают отвращение в сознании цивилизованных наций.

Имея в виду характерные черты международных преступлений и то, что «естественное развитие права наций» происходит «от дела к делу под воздействием общих для всех цивилизованных народов человеческих чувств», Суд заключил, что, когда был подписан Устав нюрнбергского Международного военного трибунала и были определены категории «военного преступления» и «преступления против человечности», это не было лишь актом законотворчества со стороны государств-победителей.

Если и существовало какое-либо сомнение в оценке «нюрнбергских принципов» как принципов, представляющих собой часть международного обычного права «с незапамятных времен», такое сомнение, отметил Суд, «было устранено... резолюцией ООН о подтверждении принципов международного права,

признанных Уставом и приговором Нюрнбергского трибунала... а также резолюцией ООН, подтверждавшей, что геноцид — это преступление по международному праву и, как это видно из консультативного заключения Международного суда 1951 г., ...принципы, унаследованные Конвенцией о геноциде, в отличие от установленных в ней договорных обязательств, уже были частью обычного международного права ко времени совершения ужасных преступлений, приведших... к принятию резолюции и Конвенции...

...[П]реступления, установленные Законом 1950 г. ... сегодня должны рассматриваться как деяния, которые всегда были запрещены обычным международным правом как деяния, которые носят уголовный характер «во всем мире» и влекут индивидуальную уголовную ответственность... Принятие Закона с точки зрения международного права не было законодательным актом, противоречившим принципу *nulla poena* или связанным с необходимостью признания ретроактивного действия. Скорее это был акт, посредством которого Кнесет привел в действие нормы международного права и признал его цели...»

Аргументы, подкрепляющие возможность ретроактивной силы Конвенции о геноциде, выдвигались и Международным судом ООН, который дважды давал компетентные исчерпывающие разъяснения по принципиальным, базовым вопросам применимости Конвенции, в том числе и о ее ретроактивной силе.

Первый раз Суд изложил свое понимание предмета и целей Конвенции в заключении от 28 мая 1951 г.:

«Происхождение Конвенции демонстрирует намерение ООН осудить и наказать геноцид как “преступление по международному праву”, заключающееся в отрицании права на существование целых групп людей, что потрясло сознание человечества и привело к огромным потерям и что также противоречит нормам морали, духу и целям ООН. Первое следствие из этой концепции заключается в том, что принципы, на которых основана Конвенция, признаются цивилизованными странами в качестве обязательных и даже без какого-либо договорного закрепления. Второе следствие — всеобщий характер как осуждения геноцида, так и сотрудничества, необходимого “для избавления человечества от этого отвратительного бедствия (преамбула Конвенции)”»¹.

В деле о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (по спору между Боснией—Герцоговиной и Югославией²) Международный суд ООН подтвердил и развил это заключение. Указав, что в ст. I Конвенции о геноциде стороны определили предмет и цели Конвенции, Суд раскрыл ее смысл: подтверждая, что «геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение», стороны определили, что «права и обязанности, зафиксированные в Конвенции, являются правами и обязанностями *erga omnes*», т.е. что эти права и обязанности действуют не только между участниками Конвенции, но и между всеми государствами.

¹ Док. № 15.

² I.C.J. Case Concerning Application of the Convention on the Prevention of the Crime of Genocide (Bosnia—Herzegovina v. Yugoslavia). Preliminary Objections (July 11, 1996). 1996. ICJ. № 31.

Основываясь на предмете и целях Конвенции и характере зафиксированных в ней норм международного права как норм *erga omnes*, Суд указал, что обязанность предотвращать преступление геноцида и наказывать за него связывает все государства независимо от участия в Конвенции и, следовательно, распространяется на все случаи геноцида, независимо от того, совершены ли они в период мира или войны, во время международного или внутреннего конфликта, на своей или иностранной территории.

Из этой констатации следовало также, что Конвенция распространяется и на преступления, совершенные в прошлом, но последствия которых не устранены. Суд прямо указал, что Конвенция о геноциде «не содержит какого-либо положения, цель и действие которого состояли бы в том, чтобы ограничить объем его юрисдикции *ratione temporis*».

РАЗДЕЛ II

Формы ответственности Оттоманской империи за частичное уничтожение армян как национальной группы (1876—1914) (интернационализация вопроса безопасности армян, гуманитарная интервенция и международные реформы)

1. Противоречия великих держав как определяющий политический фактор в Армянском вопросе

Как ни изощрялись турецкие деятели, какие средства ни расходовали для дезинформации, скрыть правду от великих держав и других государств мира им не удалось. Уничтожить незаметно на средоточии двух материков один из древнейших народов мира, внесший в развитие человеческой цивилизации вклад, сравнимый с вкладом Рима и других народов Античности, было практически невозможно. Обманывались лишь те, кто хотел быть обманутым и при том до тех пор, пока это им было выгодно. Для себя же в закрытых документах все они однозначно признавали, что турецкое государство осуществляет физическое истребление целого народа как такового.

Каждая из великих держав в отдельности понимала, что реальная гарантия безопасности армян заключается в отделении Армении либо, как минимум, в ограничении власти турецкого государства над нею, в возможно более широкой ее автономии под строгим международным контролем. Каждая из них знала и в своих конфиденциальных, не для публики составленных оценках прогнозировала неизбежность полного уничтожения армян как национальной группы.

Адекватные эффективные меры по предотвращению и по пресечению геноцида армян не принимались не потому, что в этом не было необходимости, и не потому, что не было для этого соответствующей международно-правовой основы, а потому, что это противоречило государственным интересам той или иной великой державы на данном конкретном отрезке времени.

Когда речь заходила об объединении усилий, о коллективном совместном выступлении с протестом против очередной резни или о выработке и представ-

лении Турции совместного проекта реформ турецкого управления, на первый план выходили корыстные политические интересы великих держав.

Турецкие правители и в целом турецкое государство за многие десятилетия научились виртуозно играть на противоречиях. На протяжении 50 лет, когда совершался геноцид армян, и последовавших десятилетий постгеноцида вплоть до наших дней менялись как фигуры «игроков», так и само существо и характер противоречий великих держав. Неизменной оставалась виртуозная и совершенствовавшаяся на этих противоречиях игра турок.

Степень негативного воздействия политического фактора в разные исторические эпохи не оставалась постоянной. Приведенные документы свидетельствуют о его влиянии в каждый из трех периодов — частичного геноцида (1876—1914), полного геноцида (1915—1923) и постгеноцида (1923 г. — по настоящее время).

Действие политического фактора предопределило как то обстоятельство, что геноцид армян мог осуществляться на глазах всего мира на протяжении почти полувека, так и то, что ответственность турок как физических лиц и Турции как государства была установлена, но до настоящего времени не реализована. Именно действием политического фактора объясняется то поразительное обстоятельство, что и сегодня, спустя десятилетия после завершения стадии физического уничтожения армянского народа на $\frac{9}{10}$ территории его исторической родины, все еще продолжается борьба за «признание», а по существу — за реализацию установленной ранее ответственности за это преступление.

Особенности каждого из трех периодов — частичного, полного геноцида, постгеноцида — соответственно отразились и в характере международного признания, и в формах ответственности.

Характер международного признания факта геноцида армян и формы международно-правовой ответственности определялись: 1) содержанием преступных действий, 2) уровнем развития международного права и 3) уровнем развития международных отношений.

2. Действие противоречий в 1876—1914 гг. «Концерт» великих держав

Если в структуре современных международных отношений наиболее подходящей инстанцией для принятия мер по предотвращению, пресечению и наказанию за геноцид является международная политическая организация планетарного масштаба — ООН и прежде всего ее Совет Безопасности, включающий пять постоянных членов — великих держав победившей во Второй мировой войне антигитлеровской коалиции, то в прошлом единственной компетентной международной инстанцией был «концерт» великих держав. Наблюдая сегодня, как разогласия великих держав — членов Совета Безопасности нередко парализуют его усилия, в частности, в предупреждении и пресечении актов геноцида, можно представить, как противоречия великих держав того времени сказывались на эффективности международных усилий по предупреждению и пресечению геноцида армян.

Описывая поведение великих держав в ходе переговоров по армянским реформам, К. Уолкер отмечает, что «по отношению друг к другу державы проявля-

ли эндемический страх и подозрительность. Подобно истеричным параноикам, каждая из них пыталась сделать что-то в ущерб другим или сорвать осуществление того, что исходило от них»¹.

Ввиду геополитического положения Османской империи на средоточии трех континентов — Европы, Азии и Африки, на путях, которые связывали европейские колониальные державы с Ираном, Индией и другими странами Востока, ослабление власти турецкого султана в пользу одной из держав неизбежно задевало военно-политические, экономические и другие интересы остальных.

Когда инициатором постановки вопроса об обеспечении безопасности армянского населения турецкой Армении выступала Россия, Великобритания была против; когда выступала Великобритания — возражала Россия. Когда Великобритания и Россия выступали совместно — противодействовала Германия, набиравшая политический капитал для вовлечения Турции в Первую мировую войну в качестве своей военно-политической союзницы. Все это предопределяло половинчатость и неэффективность реформ, чем и пользовалась Турция для подготовки «окончательного решения». Это подтверждается всей историей Армянского вопроса.

Рассматривая Османскую империю как эффективный буфер против России на подступах к Индии и другим своим колониальным владениям на Востоке и исходя из того, что всякое улучшение положения западных армян усиливает влияние России в этом стратегически важном районе, Великобритания всеми средствами поддерживала территориальную целостность Османской империи, срывая тем самым принятие наиболее эффективных радикальных мер защиты жертв геноцида. Вплоть до начала войны британский кабинет исходил из того, что «единственно надежная политика» заключается в поддержании господства турок над поработанными народами как «единственной альтернативы анархии и беспорядка»².

Германия, добиваясь установления тесных военно-политических связей с Турцией, шла дальше всех в предательстве гуманистического идеала. По оценке, данной в то время ответственным сотрудником МИД Германии Циммерманом, армяне не были нужны Германии. Поскольку армянский народ был источником слабости Турции, Армения, населенная армянами, наносила вред германским интересам. Исходя из этого, германский дипломат сформулировал положение, которое определило пособничество Германии в геноциде армян: надо «предоставить армян в полное распоряжение турок»³.

Согласно плану «решения» Армянского вопроса, изложенному одним из самых ярких идеологов германского империализма П. Рорбахом в конце 1913 г. в тесном кругу офицеров германского Генерального штаба, задача Германии состояла в том, чтобы не допустить проведения серьезных реформ в Армении. Согласно этому плану, Германия должна была способствовать переселению армян из их страны, а затем путем разных льгот и денежных субсидий расселить их вдоль трассы строительства Багдадской железной дороги. Территорию Западной Армении, по идее Рорбаха, следовало заселить турко-татарскими племенами,

¹ Walker Christopher T. Armenia. The Survival of a Nation. Groom Helm. London, 1980. P. 194.

² Nassibian Akaby. Britain and the Armenian question. 1915—1923. Groom Helm, London—Sydney. St. Martin's Press, New York, 1984. P. 67.

³ Международные отношения в эпоху империализма. М., 1931. Т. 1. Сер. 3. С. 119, примечание.

чтобы создать «стальной барьер против России». План этот получил одобрение всех присутствовавших¹.

Россия весьма ревниво воспринимала и выступления Великобритании в защиту армян и внедрение Германии в политическую жизнь Османской империи путем поддержки антиармянских акций турок. Ввиду того, что часть исторической родины армян — Восточная Армения входила в состав Российской империи, она была непосредственно заинтересована в Армянском вопросе. Россия наиболее активно и последовательно выступала за единство в осуществлении гуманитарной защиты жертвы геноцида. В то же время Россия, как абсолютная монархия, опасалась введения слишком радикальных форм автономии, которые могли бы служить примером и для подвластной ей части Армении, да и не только Армении.

Турецкая дипломатия была полностью осведомлена о противоречиях между великими державами в вопросе о реформах. Как отмечал английский посол в Константинополе Дафферин, «турки очень быстро угадывают, когда Европа перестает быть объединенной»².

В этой связи нельзя не отметить, что нередко в роли тайных наводчиков против совместных гуманитарных акций, осуществлявшихся с участием их же правительств, действовали дипломаты самих участников «концерта» великих держав.

Виртуозная игра на противоречиях позволяла организаторам геноцида армян манипулировать великими державами, сталкивать их между собой, срывать осуществление реформ и сохранять свободу рук для кровавой расправы над своей жертвой, для разрушения армянской национальной группы как таковой.

Менялся набор межгосударственных противоречий, которыми всегда пользовались турецкие правительства в качестве средства своей политики, но суть оставалась одна: каждый раз, когда создавались условия для предотвращения или пресечения резни армян путем международной гуманитарной интервенции, турки, опираясь на одну из великих держав, срывали усилия других. Умелым использованием противоречий между соперничавшими великими державами, запугиванием возможными нарушениями политического равновесия в международных отношениях и в то же время постоянными обещаниями «скорого» введения реформ в Армении, туркам удавалось убеждать великие державы сохранять территориальную целостность Османской империи.

Хотя оценка преступного поведения государства и соответственно установление его политической ответственности — функция права, которая не должна зависеть от политики, в реальной действительности ее осуществление почти всегда ставится в зависимость от капризов политики.

В отличие от второй стадии геноцида армян — повсеместного и поголовного истребления, когда преступление осуществлялось столь явно, что никто не мог ставить признание ответственности турок и турецкого государства в зависимость от каких-либо политических условий без риска быть обвиненным в укрывательстве или даже в соучастии в совершении этого преступления, на стадии частичного геноцида, в конкретных исторических условиях 1876—1914 гг., вопрос о международно-правовой оценке поведения турецкого государства и вопрос о

¹ АВПР. Ф. Политархив, 1913. Д. 3470. Л. 41.

² British documents on Ottoman Armenians. Vol. II (1880—1890). Ankara, 1983. № 93. P. 274.

мерах, которые следовало предпринять для предотвращения или пресечения арменоцида, были практически полностью детерминированы противоречиями великих держав. Поэтому применение действовавших тогда норм международного права парализовалось политическими противоречиями и соперничеством великих держав, каждая из которых ревниво следила за тем, чтобы другие не извлекли из международных акций каких-либо односторонних выгод.

В существовавших тогда политических условиях международно-правовые оценки действий турецкого государства, как и принимаемые «концертом» великих держав меры по предотвращению или пресечению арменоцида, представляли общий знаменатель их позиций, более низкий уровень международной реакции, не адекватный существовавшей ситуации.

Имея в виду это обстоятельство, документы, относящиеся к международному признанию факта частичного геноцида и соответственно ответственности за совершение этого преступления, приведены вместе с документами, касающимися политической истории Армянского вопроса.

3. Официальная международная оценка фактов, относящихся к геноциду армян

Международное сообщество в лице «концерта» великих держав оценивало положение армян как отсутствие безопасности, а действия турок и турецкого государства — как посягательство на само существование армян в составе национальной группы¹.

Установление и оценка фактов, относившихся к геноциду армян, целиком была прерогативой государств, и прежде всего великих держав.

Поскольку «концерт» великих держав, игравший роль международной директории, раздирался политическим соперничеством, то очевидно, что и оценка фактов, от которых зависело принятие решений, направленных на пресечение или предупреждение геноцида, была подвержена воздействию их политической воли.

Оценки геноцидной политики Османской империи, содержащиеся в международных договорах, коллективных нотах и других международно-правовых актах, представляли общий знаменатель позиции и, следовательно, абсолютный минимум, учитывающий позиции держав, выступавших в поддержку Османской империи.

Хотя необходимость прекращения власти геноцидного турецкого государства над поработанным армянским народом стала очевидной уже на этой стадии геноцида армян, политика международного сообщества не выходила за пределы международной гуманитарной интервенции для пресечения резни и выработки проектов реформ с целью обеспечения безопасности армянского населения при сохранении над Арменией власти турецкого султана.

Это справедливо и в отношении многосторонних международных договоров, например, таких, как трактат Берлинского конгресса 1878 г. и актов, принимавшихся для реализации возникавших на их основе международных обязательств Османской империи и участвовавших в них великих держав — Великобритании, России, Франции, Германии и других государств.

¹ Док. № 34.

Необходимость международной гуманитарной интервенции для пресечения актов геноцида и введения реформ в целях предотвращения полного геноцида путем ограничения власти геноцидного турецкого государства была столь очевидна и настоятельна, что даже острое соперничество великих держав не могло остановить процесса интернационализации Армянского вопроса. Это было отмечено видным российским юристом А. Мандельштамом: «Несмотря на сильные расхождения политических целей каждой из великих держав на Ближнем Востоке, их коллективная интервенция в защиту христианских подданных Порты смогла подняться выше этих противоречий и добиваться в качестве общей цели умиротворения Турции, необходимого для мира во всем мире. Именно по этой причине следует признать подлинно гуманный характер этой интервенции»¹.

Более того, соперничество великих держав в Армянском вопросе в какой-то мере способствовало интернационализации проблемы. Противодействуя монополизации дипломатической и политической защиты армянского населения империи одной из них, «концерт» великих держав предпринимал коллективные акции. Уже на первой стадии геноцида армян в 1876—1914 гг. мировое сообщество в лице «концерта» великих держав (Совета Безопасности того времени) добились интернационализации Армянского вопроса, установления международного обязательства турецкого государства обеспечить безопасность армян путем введения реформ и признания необходимости коллективной гуманитарной интервенции в случае резни.

4. Общественное мнение как средство воздействия на правительства

Силой, всегда последовательно выступавшей за предотвращение и пресечение актов резни армян, разоблачавшей политику попустительства и даже соучастия некоторых великих держав в этом преступлении, была мировая общественность.

Как и сам геноцид армян, международное движение протеста против этого преступления и за международное гуманитарное вмешательство с целью пресечения и предотвращения новых актов геноцида имеют свою историю, которая ждет исследователя. Это не только самый продолжительный геноцид, но и самое продолжительное движение протеста, самая длительная международная акция по борьбе с этим преступлением. Без изучения этого общественного движения невозможно правильно судить о геноциде армян и о перспективах восстановления права и справедливости.

Представление о значении общественного мнения как фактора, побуждавшего великие державы принимать меры пресечения арменоцида, можно получить из донесения английского посла в Константинополе Дафферина своему Министру 1 августа 1881 г. о посещении им Великого визиря Саида паши: «Я напомнил ему, что как ни желательны и необходимы были, по его же признанию, дружба и благожелательность Англии по отношению к Турции и как бы ни стремилось

¹ Mandelstam A. La Société des Nations et les Puissances devant le Problème Arménien. Paris. 1925. P. 307.

правительство Ее Величества поддерживать самые сердечные отношения с Блистательной Портой, подлинное взаимопонимание будет невозможно до тех пор, пока общественное сознание британской нации будет испытывать потрясение и возмущение от заслуживающих сожаления сообщений о преступлениях, убийствах, угнетении и плохом управлении (особенно в том, что касается христианского населения), которые изо дня в день поступают в изобилии в посольства европейских стран из всех консульских центров в Азии. Даже если бы их государственные деятели хотели бы этого по политическим соображениям, английский народ не позволил бы своему правительству стать близким другом Турции при этих обстоятельствах. Ныне ничего нельзя утаить; каждый акт безнравственности и жестокости, совершенный в отдаленной Армении, в глухих местах Тавра, рано или поздно наверняка попадет в газеты и через двадцать четыре часа сообщение будет читаться в каждой деревушке и каждом доме Великобритании. Таким образом порождается враждебность общественного мнения к оттоманскому правительству, которую не могут сдержать ни политика, ни эгоистический подход. Поэтому, — сказал я, — ваши будущие отношения с Англией зависят от вашей решимости и вашей способности ввести эти реформы, которые вы сами обязались осуществить, а их провал может привести к событиям, никем не предсказуемым»¹. Эти же соображения посол изложил в беседе с Великим визирем 22 августа 1881 г.: «С развитием в последние годы демократии в Англии общественное мнение стало очень чувствительным к человеческим страданиям», — сказал он².

Хотя влияние общественного мнения на формирование государственной политики великих держав вообще и конкретно в отношении Армянского вопроса было различно и зависело от степени развития демократии, государственного устройства, национальных традиций и других факторов, его в той или иной мере и в том или ином виде вынуждены были учитывать все державы.

Как ни велико значение общественного мнения, приходится, однако, считаться с тем реальным фактом, что с точки зрения права решающими были само поведение государств, их официальная позиция, межгосударственные соглашения.

5. Договорная основа международного вмешательства

Помимо общих норм международного права, обязательных для цивилизованных государств, правовая основа международной гуманитарной интервенции с целью пресечения резни и других массовых злодеяний над армянским населением Оттоманской империи определялась конкретными договорными предписаниями, содержащимися в международных конвенциях и соглашениях.

Принцип коллективного вмешательства великих держав для обеспечения безопасности поработанных народов Оттоманской империи был заложен уже в Парижском мирном договоре 1856 г., заключенном в результате победы коалиции Великобритании, Франции, Турции и Сардинии в Крымской войне против России. В международной практике этот принцип применялся в отношении От-

¹ The Earl of Dufferin to Earl Granville. Therapia. August 1. 1881. № 635 // British documents on Ottoman Armenians. Vol. II (1880—1890). Ankara. 1983. № 84. P. 262.

² Ibid. № 93. P. 273.

томанской империи для защиты населения не только Армении, но и Греции, Крита, Ливана, Боснии, Герцеговины, Болгарии и др.

Впервые вопрос об обеспечении безопасности западных армян стал предметом международно-правового соглашения в русско-турецком Прелиминарном мирном договоре, заключенном в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. По первоначальной редакции ст. 16 этого договора «султан обязывается перед царем российским создать автономное административное правление в населенных армянами провинциях: Эрзеруме, Муше, Ване, Себасте, Диарбекире и пр.», а введение этих реформ султан обеспечивает «реальной гарантией». Для действительного проведения реформ и обеспечения безопасности армян предусматривалась международная гарантия: русские войска должны были оставаться в Армении до полного осуществления соответствующих мер турецким правительством.

В результате военно-политического противодействия Англии в окончательной редакции ст. 16 формула административной автономии была заменена обязательством турецкого правительства «осуществить, без замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами», и оградить безопасность последних от курдов и черкесов, использовавшихся турецким государством в качестве орудия геноцида армян.

Возвращение оккупированной русскими войсками Армении под турецкое управление обуславливалось проведением реформ и обеспечением безопасности армян. С принятием Турцией международного обязательства по обеспечению безопасности армян вопрос о судьбе коренного населения Западной Армении с правовой и политической точек зрения приобрел международно-правовой характер и значение.

Решение, предусмотренное в русско-турецком Прелиминарном мирном договоре, позволяло реально предотвратить геноцид армян, но Великобритания и другие великие державы, не желая, чтобы «реформы и улучшения» в Армении превратились в дело одной России, и опасаясь, что административно-территориальная автономия Армении усилит национально-освободительное движение армян и приведет к ее отделению от Оттоманской империи, стали добиваться расширения договорной основы международного обеспечения безопасности армянского народа.

Само же турецкое правительство, стремясь снять вопрос об отделении Армении как закономерное следствие отсутствия безопасности армянского народа, соглашалось на интернационализацию вопроса об обеспечении безопасности армян, на перевод армянских реформ в более широкие международные рамки многостороннего договора. В этом оно не без оснований усматривало возможность исключения международной гуманитарной интервенции, осуществляемой только Россией.

Последовавшие события подтвердили, что те же политические факторы, а именно противоречия между великими державами, которые способствовали интернационализации международной гуманитарной интервенции, обусловили ее непоследовательность, половинчатость, неэффективность. Эта тенденция определилась уже в процессе формирования ее общей договорной основы.

Международные рамки обязательств турецкого государства по обеспечению безопасности коренного населения армянских областей были расширены рядом международных соглашений, в частности, русско-английским соглашением

18/30 мая 1878 г., англо-турецкой конвенцией 4 июня 1878 г. — так называемым договором об «оборонительном союзе», которым Англия гарантировала Турции ее границу с Россией при условии выполнения султаном обязательства «провести необходимые реформы, которые должны быть согласованы позже между обеими Державами, касающиеся органов управления и защиты христиан и других подданных Порты на этих территориях»¹.

Добавив ссылку на «других подданных», Англия поддержала попытки Султана изменить характер обязательства, но эту идею не принял Берлинский конгресс, расширивший круг государств, перед которыми подтверждалось обязательство Османской империи «осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность...». Международный контроль за проведением этих реформ передавался «концерту» шести великих держав. Порте вменялось «периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением»².

Комментируя положения ст. 61 Берлинского трактата, известный бельгийский юрист-международник М.Г. Ролен-Жекмен отмечал, что «материальная обеспеченность и нормальные условия политического существования, так же как и гражданская и религиозная свобода турецких армян», поставлены под положительную защиту международного договорного права и под контроль великих держав. Иначе говоря, вопрос о безопасности турецких армян, их право «на жизнь и неприкосновенность их личности и имущества» перестали быть внутренним делом Турции и стали международными. Коллективные права великих держав на гуманитарное вмешательство, надзор и совместные действия, а в случае необходимости и обеспечение исполнения обещанных реформ основывались не только на конвенционном праве — положении ст. 61 Берлинского трактата, но и на более общих основаниях — нормах общего международного права. По словам бельгийского юриста, эти коллективные права великих держав находили свое политическое оправдание и правовое обоснование в том, что «великие европейские державы могли смотреть на себя как на представителей цивилизации и гуманности»³.

Проведение международных гуманитарных акций, выработка и претворение в жизнь предусмотренных Берлинским трактатом улучшений и реформ с целью обеспечения безопасности армян оказались в политическом плане еще более сложным и трудным делом, чем договорное закрепление самого принципа международного гуманитарного вмешательства.

6. Политико-правовая оценка гуманитарной интервенции

Турецкое государство, используя все имевшиеся у него политические и дипломатические средства, стремилось создать благоприятные международные условия для продолжения и завершения своей политики геноцида армян. Ссылаясь на суверенитет и не считаясь со своими международными обязательствами, ту-

¹ Док. № 28.

² Док. № 30.

³ Док. № 585.

рецкое правительство старалось не допустить разработки сколько-нибудь эффективной системы мер, способной исключить или хотя бы ограничить возможность геноцида армян. И в юридическом, и в политическом плане его усилия были направлены на то, чтобы обосновать свое право на расправу с объектом геноцида и не допустить коллективного гуманитарного вмешательства великих держав.

Прикрываясь суверенитетом, как это стали делать и другие государства во всех без исключения известных истории случаях геноцида, турецкое правительство представляло свои отношения с поработенными народами Османской империи как внутреннее дело и утверждало, что вопрос о безопасности армян относится к компетенции турецкого государства. Отрицая права поработенных народов, султанское правительство рассчитывало на понимание колониальных держав, опасавшихся самоопределения народов. Современные турецкие политики и юристы продолжают представлять международную гуманитарную интервенцию, предпринимавшуюся с целью спасения армян от резни, как империалистическое вмешательство во внутренние дела Турции.

К оценке значения международной гуманитарной интервенции как для пресечения геноцида армян, так и в более широком контексте развития международного права следует подходить конкретно исторически. То обстоятельство, что в рассматриваемую эпоху гуманитарная коллективная интервенция осуществлялась в рамках империалистических отношений, не дает никаких политических или правовых оснований отвергать сам институт как средство международной защиты жертв геноцида. Против такого упрощения говорит и вся история Армянского вопроса. О значении международной гуманитарной интервенции свидетельствует само поведение турецкого государства, пытавшегося всеми средствами сорвать ее осуществление или ослабить действие. Не случаен, конечно, и тот факт, что к завершающей стадии полного физического истребления армянского народа турецкое государство приступило с началом Первой мировой войны, когда возможность международной гуманитарной интервенции исчезла полностью и турецкое правительство обрело, наконец, свободу рук. На этот счет имеются прямые признания Талаата и других организаторов преступления.

Есть определенная логика в том, что в эпоху, когда начала проявляться тенденция к укреплению международной нравственности и законности, все настойчивее стала выдвигаться идея международной гуманитарной интервенции для пресечения и предупреждения таких тяжких международных преступлений, как геноцид и апартеид. В этом плане трагический опыт гуманитарной интервенции с целью пресечения и предотвращения геноцида армян имеет непреходящее международное значение.

Поводом для международной гуманитарной интервенции служат действия, составляющие преступление против человечности. При всей непоследовательности и половинчатости действий «концерта» великих держав в случае с геноцидом армян человечество тем не менее на протяжении нескольких десятилетий отвергало тезис правительства Турции о том, что положение армянского населения в пределах Османской империи является ее внутренним делом, и настаивало на необходимости обеспечения его безопасности, подтверждая тем самым, что ответственность турецкого государства за совершившиеся преступления относится к международно-правовым вопросам. Несостоятельность ссылок турецкого государства на принцип невмешательства во внутренние дела опреде-

лялась самым фактом его прямого и непосредственного участия в организации и осуществлении актов геноцида. Действия турецкого правительства, противоречащие букве и духу положений международных договоров об обеспечении безопасности армян, могли рассматриваться как международно-правовое основание для международных протестов и гуманитарного вмешательства.

Об отношении международного сообщества к гуманитарной интервенции, рассматривавшейся в качестве необходимой меры защиты поработанных народов, свидетельствуют как стремление великих держав путем реформы турецкого правления обеспечить безопасность армянского народа, так и прямые оценки, данные государственными деятелями великих держав.

7. Проект реформ 1880 г.

11 июня 1880 г. великие державы направили правительству Османской империи тождественные ноты протеста, настаивая, в частности, на выполнении международного обязательства Османской империи в отношении обеспечения безопасности в соответствии со ст. 61 Берлинского трактата:

«...Насколько известно... правительству, Высокая Порта никогда не сообщала о мерах, принимаемых ею, сообразно с требованиями ст. 61 Берлинского трактата. Кроме того, до сих пор не сделано никаких распоряжений в видах осуществления надзора со стороны держав.

Все донесения, присылаемые агентами держав, доказывают, что положение этих провинций крайне плачевно, и... правительство не может допустить, чтобы пункты Берлинского трактата, касающиеся реформ, оставались лишь мертвой буквой. Уверенные при этом, что лишь совместная деятельность держав может принудить Высокую Порта исполнить обязательства... правительство, в качестве подписавшего Берлинский трактат, считает себя вынужденным потребовать **полного и немедленного** выполнения ст. 61 этого акта и приглашает правительство Его Величества Султана, в силу условий трактата, представить отчет о принятых им мерах».

Великие державы обратили «серьезное внимание» правительства империи на «ту ответственность, которую принимает на себя Высокая Порта замедлением приведения в исполнение тех мер, которые державы считают необходимыми как для интересов самой империи, так и для интересов всей Европы»¹.

Ответ правительствам великих держав, данный нотой турецкого Министра иностранных дел Абедина паши от 5 июля 1880 г., представляет собой образчик турецкого «дипломатического искусства» — сочетание выражения внешней готовности сотрудничать с полным ее отрицанием на деле. После перечисления мер, которые либо не имели места, либо не относились к положению армян, сохранилось то ли полупризнание, то ли полуотрицание готовности к проведению «армянских реформ». При этом турецкий министр пытался исказить характер насилий, совершаемых против армянского народа: «Как мне ни тяжело, но должен признать тот факт, что при каждом преступлении против общего права, естественном в каждой стране, фанатики считают необходимым в местностях, на-

селенных армянами, к совершенным преступлениям присоединять еще небывалые и в таком искаженном виде представлять их Европе и местным консулам».

Сообщая результаты «официальной переписи» армянского населения в Ване, Диарбекире, Битлисе, Эрзеруме, Сивасе, сфабрикованные турецким правительством специально для отрицания необходимости реформ, нота завершалась обещанием правительства империи информировать державы, подписавшие Берлинский трактат, о мерах, принятых турецким правительством, для «постепенного», а не «незамедлительного», как того требовал трактат, проведения реформ, и не в «вилаятах, населенных армянами», а в «Курдистане и Анатолии, также населенных армянами»¹.

Иначе говоря, преступления в армянских вилайетах совершаются, но они «естественны» для каждой страны, а вообще-то армян уже нет в Армении, их всего 17%, а мусульман — 79%, да и Армения уже не Армения, а Курдистан или Анатолия. Об армянах не стоит заботиться, но Высокая Порта все же осуществит реформы.

Как реагировало международное сообщество на эту попытку Османской империи уйти от ответственности за свои действия?

Получив ответ Порты, Министр иностранных дел Великобритании Грэнвилль разослал его для проверки английским консулам, дислоцированным в этих провинциях. Восемь подробных ответов полностью совпали в своей оценке действительного положения: реформы, о которых говорит турецкое правительство, не проводятся. Нет никаких улучшений в отправлении правосудия, организации жандармерии, сборе податей. Преступления, совершаемые против армян, доказаны².

На эту попытку турецкого правительства пренебречь своими международными обязательствами по обеспечению безопасности армян великие державы ответили уже коллективной нотой, датированной 7 сентября и врученной их посланниками правительству Османской империи 11 сентября 1880 г.³ Она содержала общую оценку положения по выполнению ст. 61 Берлинского трактата как неудовлетворительную: «Внимательное изучение этого документа (ноты турецкого Министра иностранных дел) доказало им, что предложения, сформулированные османским правительством, не отвечают ни по духу, ни по существу этому параграфу».

В подтверждение оценки приводится конкретное описание существующего положения в тех областях, где ожидалось незамедлительные изменения с целью обеспечения безопасности армян. В частности, в ноте указывалось, что отсутствуют улучшения в отправлении правосудия, нет никаких свидетельств того, что правительство собирается улучшить работу полиции, не принимаются меры, чтобы «предупредить» или «положить конец насилиям, которые в армянских вилайетах составляют постоянную опасность для чести, имущества и жизни армян».

Великие державы пришли к выводу, что Порта «не дает себе ясного представления о положении и о тех обязательствах, которые налагает на нее Берлинский трактат. Самые выражения, в каких Высокая Порта сочла себя вправе говорить о преступлениях, совершенных в провинциях, населенных армянами, доказывают, что она не признает... серьезность положения вещей, продолжение которых

¹ Полный текст см.: *Ролан-Жекмен М. Г.* Армения, армяне и трактаты // Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г. М., 1896. С. 92—94.

² Тексты ответов английских консулов опубликованы в *Blue Book Series on Turkey*. № 6 (1881).

³ Док. № 34.

¹ British Foreign Office, *Blue Book Series on Turkey*. № 9 (1880).

может повлечь за собой, по всей вероятности, уничтожение всего христианского населения в этих обширных дистриктах»¹.

Можно себе представить, какой была реальная ситуация, чтобы все шесть держав, включая и политических покровителей Османской империи, в официальном международном акте столь однозначно признали реальную опасность «уничтожения всего христианского населения» — геноцида армян. Перед такой оценкой отходит на второй план даже такой дипломатический эвфемизм, как воздержание от прямого обвинения самого турецкого государства в совершении этих преступлений. Тем не менее такое обвинение зримо присутствует при изложении практически любого обстоятельства, идет ли речь о действиях полиции, жандармерии, суда или губернаторов — т.е. действиях самого государства.

«Концерт» великих держав, отметив «крайне неопределенный» характер обещанных реформ, потребовал от Турции выполнить обязательства, принятые ею по международному акту. Великие державы указали, что для реализации прав, созданных ст. 61 Берлинского трактата, необходимо принять во внимание преобладание армянского населения в известных провинциях, учесть местные нужды этих армянских провинций, дать более широкое развитие принципам равенства и децентрализации и удовлетворить законные требования армянского народа, предоставив ему соответствующее участие в управлении армянскими территориями. Державы отметили необходимость отделить армян в административном отношении от курдов и турок. Имея в виду цели и последствия произвольной перекройки административных границ армянских провинций, великие державы указали, что для удовлетворения всех местных потребностей необходимо будет произвести пересмотр существующих географических границ вилайетов, населенных армянами.

Раскрывая содержание реформ, которые предполагалось ввести в армянских вилайетах на основании ст. 61 Берлинского трактата, коллективная нота великих держав указывала, что реформа полиции и жандармерии должна обеспечить охрану общественной безопасности, что при реформе правосудия «необходимо принять во внимание преобладание армянского элемента в известных провинциях и дать этому элементу соответствующее участие в организации правосудия», что следует правильно решить вопрос о применимом праве и об обеспечении его исполнения, что «все повинности», налагаемые на армян и основывающиеся не на принципе права, а на укоренившемся злоупотреблении, должны быть уничтожены.

Не имея возможности предотвратить обсуждение вопроса о реформах в Армении, способных обеспечить безопасность армянского населения, султан Абдул Гамид стремился утопить эту проблему постановкой вопроса о проведении реформ во всей империи, якобы с целью совершенствования системы управления страной в целом. Выражая удивление «узостью» требований, предъявляемых великими державами на основании ст. 61 Берлинского трактата, Абдул Гамид пытался подменить их общими реформами, ссылаясь на то, что система управления страдает крупными недостатками не только в Армении, но и в других провинциях Турции, а поэтому реформы, которые требует Европа для Армении, должны быть осуществлены по всей империи.

¹ Там же.

Поэтому коллективная нота шести великих держав полностью отвергла попытки Османской империи освободиться от обязанности осуществить предписания ст. 61 Берлинского трактата путем растворения специфических мер, направленных на обеспечение безопасности, жизни и имущества армян, в общих преобразованиях во всей империи. Державы настаивают на полном исполнении ст. 61 Берлинского трактата, по которой Порты обязалась «исполнить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, требуемые местными потребностями провинций, населенных армянами». Они «не могут допустить, чтобы Порты смотрела на себя как на освобожденную от обязательств, принятых ею этой статьей, предлагая реорганизацию, в которую бы не входили реформы, специально выговоренные в пользу провинций, упоминаемых в трактате, так как отличительная черта этих провинций — преобладание христианского элемента в наибольших дистриктах, то ни одна реформа, которая не примет этого обстоятельства в соображение, не может привести к благоприятным результатам».

Была дана оценка попыткам турецкого государства использовать фальсифицированную статистику народонаселения: «Порты старается уменьшить значение этого параграфа (ст. 61 Берлинского трактата), ссылаясь на численность как армянского, так и христианского населения, по сравнению с общей численностью всего народа. Таблица, представленная при ноте (турецкого правительства от 5 июля), до такой степени отличается от всех других, что державы не могут считать ее как совершенно точную». Державы указали на недопустимость включения в статистическую таблицу народонаселения армянских вилайетов «бродячего курдского элемента, живущего в горах и спускающегося в населенные армянами долины лишь для того, чтобы произвести там беспорядок».

Великие державы указали на необходимость проведения объективной переписи населения армянских вилайетов беспристрастной комиссией, особо отметив, что Порты должна признать результаты этой переписи, «несомненно беспристрастной», и соотносываться с ней «при организации вышеуказанных провинций».

Великие державы единодушно констатировали, что «необходимы более широкие меры, чем те, которые предлагает нота османского правительства, для того, чтобы признать Порты исполнившей обязательства, принятые ею в Берлине. Недостаточность предложенных реформ так очевидна, что бесполезно обсуждать недостатки проекта Порты».

Державы подчеркнули неотложный характер мер, предусматривавшихся реформами. «Крайне необходимо... выполнить, не теряя времени, реформы, обеспечивающие жизнь и собственность армян», — говорилось в ноте. Они вновь указали на международно-правовой характер предусмотренных реформ: «Нижеподписавшиеся в заключение еще раз просят Высокую Порты обратить внимание на тот существенный факт, что реформы, вводимые в провинциях, населенных армянами, согласно обязательству, принятому ею международным актом, должны согласоваться с местными потребностями и производиться под наблюдением держав».

Придя к единому мнению относительно мер, необходимых для обеспечения безопасности армянского населения, великие державы, однако, не смогли договориться о мерах принуждения.

Зная о противоречиях держав, турецкое правительство по существу игнорировало коллективную ноту держав. 3 октября 1880 г. оно заявило о введении «ре-

форм» в своем понимании. Кроме ссылки на ст. 61 Берлинского трактата в турецком заявлении ничего не указывало на международный характер обещанных Османской империей реформ — ни по форме, ни тем более по содержанию. Турецкое правительство сознательно не упомянуло даже коллективную ноту великих держав.

В начале 1881 г. английское правительство предприняло попытку организовать коллективный протест держав против турецкой политики срыва реформ в Армении. Циркуляром от 12 января 1881 г. английский Министр иностранных дел лорд Грэнвилль поручил послам в Париже, Вене, Петербурге и Риме обратить внимание соответствующих правительств на уклонение Турции от своих международных обязательств и призвать их сделать «совместное представление по этому предмету Высокой Порте»¹.

20 января/1 февраля 1881 г. Россия ответила, что готова участвовать в совместной акции, если она встретит согласие со стороны всех держав, подписавших Берлинский трактат². Правительство Италии также выразило согласие и сообщило о посылке соответствующих инструкций своему послу в Константинополь³. Представителю Австрии в Константинополе поручили вступить в контакт со своими коллегами и согласованно с ними, но не коллективно «обратить внимание Порты на этот вопрос»⁴. Министр иностранных дел Франции Бартеlemi Сент-Илер, подчеркнув важное значение английского предложения, выразил мнение, что «соглашение между кабинетами по этому поводу трудно достижимо». Сославшись на то, что при получении английского предложения Канцлер Германии Отто Бисмарк «выразил мнение, что теперь крайне неуместно поднимать Армянский вопрос до того, как будет окончательно разрешен греческий», французская сторона просила информировать ее, «продолжает ли правительство Ее Величества, несмотря на возражения германского правительства, рассматривать предложенные меры как «не терпящие отлагательства»⁵.

Ввиду того, что правительства Германии и Франции считали, будто обсуждение вопроса о положении армян помешает переговорам по урегулированию вопроса о греческой границе, английское правительство «согласилось отложить представление Порте в отношении невыполнения ст. 61 Берлинского трактата»⁶.

Новое коллективное вмешательство великих держав с целью обеспечения безопасности армян было отложено на неопределенное время. Затягивая исполнение ст. 24 Берлинского трактата относительно новых границ Греции, Турция могла бесконечно откладывать исполнение ст. 61.

Новый английский посол Дафферин, получив указание своего правительства «обратить самое пристальное внимание на этот важный вопрос» и в сотрудничестве с другими державами «принудить Порту исполнить обязательства, принятые на себя в отношении Армении по Берлинскому договору»⁷, начал с бесед с

¹ British Foreign Office, *Blue Book Series on Turkey*. № 6 (1881). P. 290.

² Ibid. P. 320; *British documents on Ottoman Armenians*. Vol. II. (1880—1890). Ankara. 1983. Inclosure in № 55. P. 184.

³ Ibid. P. 321; Ibid., № 57. P. 187.

⁴ Ibid. P. 313; Ibid., № 51. P. 180.

⁵ Нота Бартеlemi Сент-Илера лорду Лайонсу от 29 января 1881 г. см.: *Blue Book Series on Turkey*. № 6 (1881). P. 314—315. *British documents...* Vol. II. № 54. P. 182—183.

⁶ *British documents...* Vol. II. № 60. P. 194; № 61. P. 195.

⁷ Ibid., № 98. P. 284.

Султаном, Премьер-министром, Министром иностранных дел Османской империи.

Из сообщения посла¹ следует, что 23 августа 1881 г. он посетил Премьер-министра Саид пашу. Информировав премьера, что он ранее уже обратил внимание Султана «в общих чертах на необходимость безотлагательно приступить к армянским реформам в соответствии с условиями Берлинского трактата», посол сообщил, что имеет «прямое предписание своего правительства обратить внимание на вопиюще неправомерное поведение и неспособность различных высокопоставленных турецких официальных лиц в обеих (Малой и Великой) Армении». Посол указал конкретно на жестокости и злоупотребления вали (губернатора) Сиваса Исмаила Хакки паша, прокурора Сиваса Мехмет эффенди, мютессарифа Мараша Мюниф паша, и изложил обстоятельный перечень их действий, «тщательно подготовленный» на основе консульских донесений. Посол сообщил, что по указанию его правительства турецкий перевод консульских донесений будет вручен лично Султану. Заявив, что «только их смещение и замена другими соответствовали бы существующей ситуации», посол «снова перешел к более широкому вопросу об общих реформах в Малой Азии и особенно в Армении».

Говоря о мотивах своего демарша, Дафферин подчеркнул, что «беспримерные страдания христиан в Армении привлекли особое внимание Европы», и изложил турецкому Премьер-министру политические мотивы Англии: она настаивает на реформах в интересах Султана и Турции, и не стремится к созданию армянского государства и его отделению от империи, как это имело место с Грецией и Болгарией. Если был использован термин «Армения», сказал он, то это скорее в географическом, нежели в этническом смысле. Порта заблуждается, если исходит из представления, будто Европа или Англия стремятся создать враждебное или агрессивное армянское государство — *imperim* в Османской империи.

Материальные условия, говорил посол, ведут к другому решению. Было бы полнейшим безрассудством, если бы из ревности или опасения политических притязаний армян как национальности Порта отказала бы им в хорошем управлении или в равенстве перед законом. Не в этом направлении нужно ждать опасности. В интересах османского правительства улучшить положение армян, расположить их к себе и связать с судьбами империи, использовать их природный ум и их способность к государственной службе. Излагая «свою личную оценку ситуации», посол сказал: «Если господствующая раса избавится от упорства в заблуждениях, основанных на религиозном фанатизме, армяне могут стать сильным оплотом восточных владений Султана». Материальному благосостоянию армян в России посол рекомендовал противопоставить хотя бы «терпимое *modus vivendi*» под властью Султана, и тогда, по его словам, для армян будет создано более привлекательное будущее, чем «быть поглощенным деспотической империей, в которой они будут составлять всего лишь незначительную провинцию».

Уговаривая турок отказаться от своей армянской политики, посол обратил внимание на неизбежные негативные последствия ее продолжения: если нынешнее положение армян турецкой Армении не изменится, если контраст между положением армян под турецкой и русской властью будет сохранен, то это неизбежно приведет к освобождению армян Россией. Тогда Турция не сможет уже

¹ Ibid., № 93. P. 270—274.

рассчитывать на помощь англичан. «Придет день, — предсказывал посол, — когда Великобритания, чье терпение истощают постоянно повторяющиеся сообщения об анархии и убийствах, изнасилованиях и плохом управлении, делающие человеческую жизнь в Армении невыносимой, станет беспристрастно наблюдать, как держава-освободитель (т.е. Россия. — Ю.Б.) спасает ее население от коррумпированной и тиранической власти ваших пашей».

Руководствуясь желанием не допустить выхода России в район, имевший решающее значение для сохранения британской колониальной империи, Англия проводила в Армянском вопросе половинчатую, непоследовательную линию. Ее позиция в отношении армянских реформ была встречена в Константинополе с признательностью. Великий визирь Саид паша уверил, что «полностью ощутил значение сказанного», и обещал передать Султану «каждое слово». О том, как он воспринял откровения английского посла, имеется подтверждение из первых уст: «Мы и Англия не признаем имя “Армения”, и челюсти человека, который произносит это слово, следует размозжить».

Другим державам «концерта» английское правительство представило несколько иную версию своих сепаратных действий. Сославшись на невозможность организации совместной акции из-за отсутствия в Константинополе российского и двух других послов, оно объяснило демарши своего посла как направленные на то, «чтобы держать Армянский вопрос в поле внимания Порты», «чтобы Султан и его министры помнили о необходимости решения вопроса»¹. Лондон информировал, что в качестве «первоначального защитного шага» посол настаивал на удалении должностных лиц, с которыми связаны «наиболее вопиющие случаи притеснений и дурного управления», с тем, чтобы добиться установления какого-то порядка в ожидании решения вопроса о реформах в Армении.

Российское правительство поддержало действия английского посла, считая, что его демарши направлены на осуществление реформ². Германское правительство также поддержало эту гуманитарную акцию, но с учетом оговорок, сделанных «железным канцлером» в ходе консультаций относительно возможности совместных демаршей. Бисмарк дал понять, что германское правительство не расположено играть ведущую роль в этой акции, но рекомендовал английскому правительству действовать совместно с Россией, уточнив, что германский представитель будет готов поддержать любую дипломатическую акцию, которая может стать предметом договоренности между Англией и Россией³.

23 августа 1881 г. английский посол в Константинополе поставил перед своим министерством вопрос о необходимости потребовать у Турции ответа на коллективную ноту держав от 7 сентября 1880 г. В августе же английским консулам подполковнику Вильсону и майору Троттеру, «лучше всех знающим страну», было поручено разработать схему провинциальной администрации для обеих Армений — Великой и Малой, которая может послужить основой для консультаций послов⁴.

24 августа 1881 г. в Петербурге на встрече английского посла Х. Виндхэма с Министром иностранных дел России М. Гирсом обсуждался вопрос о совместной акции великих держав по Армянскому вопросу. Россия вновь обратила вни-

мание на важность совместных действий как единственного средства обеспечения безопасности армянского населения.

Как следует из отчета об этой встрече, российский Министр, доказывая «абсолютную необходимость» совместной акции «для достижения результата в решении Армянского вопроса», подчеркнул, что «турки, как показывает опыт, уступают тогда, когда давление на них оказывается всеми державами одновременно... Как только они видят, что какая-либо из держав подходит к тому или иному вопросу не особенно ревностно или прохладно, они делают все возможное, чтобы уклониться». Сославшись на опыт решения великими державами черногорского и греческого вопросов, Гирс сказал, что их совместная акция «абсолютно необходима для достижения результата в решении Армянского вопроса»¹.

Вместе с тем, учитывая возросшие противоречия между державами, российский Министр отметил, что «по многим причинам для обеспечения совместной акции держав по Армянскому вопросу нельзя найти лучшей основы для представления Порте, чем коллективная нота, которая была направлена ими год или полтора тому назад и на которую последовал неудовлетворительный ответ. Поскольку все державы подписались под ней, они не могли бы сейчас выдвинуть какие-либо серьезные возражения против принятия ее в качестве основы или отправного пункта»².

Независимо от Великобритании Россия также сделала аналогичные представления оттоманскому правительству о смещении представителей власти, непосредственно виновных в создании невыносимой ситуации в армянских вилайетах, и назначении в качестве предварительной меры верховного комиссара³.

Что же касается Германии, то 26 августа исполняющий обязанности ее министра иностранных дел Буш вновь подтвердил, что германское правительство не расположено проявить инициативу в давлении на Порту по Армянскому вопросу, но Канцлер Бисмарк «готов вновь дать инструкции германскому представителю в Константинополе поддержать любое представление, о котором могли бы договориться Англия и Россия — две державы, непосредственно заинтересованные в Армянском вопросе»⁴.

На встречах послов великих держав в Константинополе 29 августа 1881 г. английский посол Дафферин обещал подготовить к следующей встрече основы коллективной ноты, обращающей внимание Порты на то обстоятельство, что державы не получили прямого ответа на предыдущую коллективную ноту послов от 7 сентября 1880 г.

Предвидя, что коллективная нота «будет встречена обычными просьбами об отсрочке» для рассмотрения и изучения, посол предложил, чтобы в таком случае державы настояли на немедленном назначении временного верховного комиссара с правом смещать губернаторов, пресекать злоупотребления и управлять страной так, чтобы «сразу остановить существующую анархию». В подтверждение необходимости таких мер посол обещал «снабдить коллег перечнем жестокостей, преступлений, грабежей и убийств, совершенных в различных городах и селах Армении в течение последних двух лет», содержащим абсолютно достовер-

¹ British documents... Vol. II. № 88. P. 267; № 89. P. 268; № 90. P. 268; № 91. P. 269.

² Ibid., № 88—90. P. 267—268.

³ Ibid., № 91. P. 269.

⁴ Ibid., № 93. P. 274.

¹ British documents... Vol. II. № 94. P. 279.

² Ibid.

³ Ibid., № 96. P. 280—282.

⁴ Ibid., № 97. P. 282—283.

ные примеры коррупции и некомпетентности многих представителей турецких властей, на немедленном смещении которых послы должны настоять. В качестве «подходящей основы и отправного пункта для обсуждений» лорд Дафферин обязался представить «краткий набросок главных практических реформ», подготовленный подполковником Вильсоном и майором Троттером, «хорошо знающим нужды провинции, страдания и чаяния ее жителей»¹.

Столкнувшись с решимостью держав, Премьер-министр Оттоманской империи сообщил о смещении мютессарифа Баязеда и о возможном смещении других².

Для определения политических пределов гуманитарной интервенции немалый интерес представляет взаимный зондаж позиций по Армянскому вопросу двух держав — Англии и Германии, которые более откровенно подчиняли свои гуманитарные обязательства политическим интересам.

В конфиденциальном отчете о беседе с германским поверенным в делах Хиршфелдом английский посол сообщал, что на вопрос об отношении к идее коллективной ноты, обсуждавшейся на встрече послов 29 августа 1881 г., германский представитель ответил, что «должен воздержаться от ведущей роли в любых обсуждениях Армянского вопроса, которые могут быть начаты английским или русским послами, так как Германия непосредственно не заинтересована в этом вопросе». Тем не менее он выразил уверенность, что ему разрешат поддержать любую акцию или любой план реформ, о котором могут договориться его коллеги для представления Порте³.

В свою очередь, германский поверенный в делах спросил у английского посла, «какие мотивы движут политикой Англии в Малой Азии». По его мнению, это не мог быть только гуманитарный мотив, потому что «в действительности ни одной страной не движут такие импульсы». Германский дипломат просил разъяснить, не определяются ли действия англичан опасением русского вторжения? Намерена ли Англия «создать армянскую автономию как оплот против этой державы»?

О своем ответе на эти вопросы английский посол сообщает в отчете: «Я сказал, что он очень сильно ошибается, если думает, что интерес, проявленный Англией к страданиям населения в Турции, вызван не чувствами гуманности. Английское общественное мнение очень чувствительно к таким вопросам, и наше сотрудничество в освобождении Болгарии, Восточной Румелии и Фессалии от турецкого правления в большой мере было вызвано нашим сочувствием страданиям населения этих провинций. Но и помимо этих соображений мы убеждены, что лучшей гарантией мира в Европе является реформирование внутренней администрации оттоманского правительства».

Последовал новый вопрос поверенного в делах Германии: «Вы, конечно, не думаете, что урегулирование или неурегулирование Армянского вопроса может поставить под угрозу мир в Европе?» Ответ английского дипломата был весьма расплывчатым. Дафферин, по существу, поддержал попытку Турции подменить армянские реформы общетурецкими. «На это я ответил, — сообщил посол, — что Армянский вопрос неизбежно связал себя с общим вопросом о турецкой реорганизации. Совокупность различных обстоятельств обостряет существующие

в Армении пороки и недостатки турецкого правления. Тот факт, что Армения была специально указана в Берлинском договоре, дал нам особое право требовать от турок начать их реформы в этой части империи. Но мы ни в коей мере не хотим, чтобы эти реформы были бы ограничены только Арменией. Мы не имеем также намерения использовать армянский народ как политический инструмент против России или любой другой державы».

Эта политическая линия на выхолащивание смысла и содержания идеи реформ в Армении сознательно игнорировала признававшееся ранее обстоятельство, что содержание Армянского вопроса своими корнями связано с национальным порабощением. В институциональном аспекте новая английская линия вела к отрицанию всякой возможности автономии, более того — к отрицанию конституционного характера армянских реформ. Посол Дафферин так объяснил свою позицию: «Я подумал, что мы сделали бы большую ошибку, если позволили бы таким словам, как “автономия”, “конституция” или тому подобным, появиться в нашей программе, так как они сразу же вызвали бы ревность и враждебность Порты против любых планов реформ, которые мы могли бы предложить. Напротив, мы должны показать, что выступаем скорее за административные, чем конституционные, реформы. В противном случае Султан забьет тревогу и подумает, что мы склоняемся либо к дальнейшему расчленению его империи, либо к демократической революции. Поэтому мы должны убедить его, что, следуя нашим советам, он будет следовать курсом, ведущим к укреплению его власти и консолидации его империи»¹.

Английский проект реформ исходил из того, что вопрос об административном делении страны, населенной армянами, должен рассматриваться «на политической основе».

Разрабатывая проект реформ, прежде всего надо было решить вопрос о пространственной сфере его применения. Поэтому «Предложения о Конституции для провинций, населенных армянами», подготовленные генеральным консулом Великобритании, начинаются с рассмотрения этого вопроса: «Территориальный вопрос должен быть рассмотрен прежде всего. Грубо говоря, Армянская страна приблизительно тянется от русской границы до Сиваса и от Черного моря до южных склонов Тавра. Порты, без сомнения, окажет сопротивление сформированию этого большого района в единую провинцию со специальными привилегиями и под управлением генерал-губернатора с широкими полномочиями»².

Авторы проекта осторожно подошли к названию страны: «Вопрос о том, чтобы именовать одну из провинций Арменией почти наверняка приведет к большому спорам и недовольству, если только он не будет предварительно и окончательно урегулирован державами».

Отмечая, что границы турецких вилайетов, а также санджаков, каз и нахиз были проведены без учета не только средств коммуникаций, торговых интересов, осуществления полицейских и административных функций, но и расселения различных национальных и религиозных общин, авторы проекта не сомневались в необходимости перераспределения территорий ради достижения большего национального единства: «Некоторый пересмотр деления крайне не-

¹ British documents... Vol. II. № 99. P. 284—286.

² Ibid., № 100. P. 286—287.

³ Ibid., № 101. P. 287.

¹ British documents... Vol. II. № 101. P. 287—288.

² Ibid. Vol. II. Inclosure 2 in № 104. P. 291—297.

обходим, но возникают вопросы: следует ли эту задачу оставить турецким властям, которые сформируют округа так, чтобы обеспечить во всех из них перевес мусульман; должно ли устройство провинций осуществляться под европейским контролем в какой-либо форме или должно быть признано существующее деление, следует ли наделить генеральные советы вилайетов властью определить границы санджаков, каз и нахиэ после проведения переписи»¹.

Разработанные предложения по реформам были «основаны на предположении, что границы вилайетов будут намечены и предложены Порте державами, а территориальные пределы меньших единиц будут оставлены на усмотрение генеральных советов (вилайетов)»².

Понимая ограниченность предложенных ими реформ, Вильсон и Троттер в письме послу Дафферину от 23 августа 1881 г. указывали на необходимость более эффективных мер: «Считая, что введение радикальных реформ абсолютно необходимо для прочного устройства страны и для устранения предлога для дальнейшего выдвигания русской границы в западном направлении, мы убеждены, что можно достичь больших усовершенствований путем избрания двух добропорядочных людей в качестве комиссаров, назначения в качестве вали (губернаторов) компетентных должностных лиц и организации эффективных смешанных полицейских сил или жандармерии»³.

Авторы проекта реформ понимали и то, что для обеспечения их эффективности нужен международный контроль: «Если речь идет о проведении радикальных реформ, то мы считаем, что на ограниченный срок европейскими державами должны быть назначены два или более комиссара. Такие комиссары должны быть официально аккредитованы при турецких комиссарах для наблюдения над осуществлением реформ от имени держав».

В представленном Вильсоном и Троттером Меморандуме о реформах, которые должны быть введены в стране, населенной армянами, п. 1 и 2 посвящены определению района реформ: «Грубо говоря, эта страна включает вилайеты Эрзерум, Ван, Битлис, Хаккиари, Харпут, Дерсим и Диарбекир, исключая, вероятно, из последнего санджак Малатия; санджаки Сивас, Карахиссар и Токат вилайета Сивас, санджак Мараш вилайета Алеппо и часть санджака Сис вилайета Адана».

Важнейший элемент интернационализации Армянского вопроса содержится в п. 3 английского проекта: «Два комиссара должны быть назначены с одобрения держав на срок, по крайней мере, в три года для надзора над введением реформ. Они должны быть наделены полной исполнительной властью, включая право, с определенными ограничениями, смещать коррумпированных и неспособных должностных лиц, вплоть до мютессарифов включительно. Юрисдикция одного комиссара может распространяться на вилайеты Эрзерум, Ван, Битлис и Хаккиари, другого — на остающуюся часть упомянутого выше района».

Если отнесение назначения и смещения вали (губернаторов) вилайетов к компетенции Султана должно было подтвердить его суверенитет над Арменией, то признание права комиссаров, назначаемых иностранными державами, смещать всех нижестоящих должностных лиц резко сужало возможность использования

¹ British documents... Vol. II. Inclosure 2 in № 104. P. 291.

² Ibid. Inclosure 2 in № 104. P. 291.

³ Ibid. Inclosure I in № 105. P. 298.

административного аппарата для проведения политики геноцида армян. Существенно важно и то обстоятельство, что комиссары, назначаемые с одобрения великих держав, имели бы право, после консультаций с губернаторами (вали) и генеральными советами вилайетов, «пересматривать территориальные границы».

Хотя принцип национального (точнее — религиозного) представительства при назначении должностных лиц допускался только на уровне каймакамов каз, это также сокращало возможности использования административного аппарата для проведения политики геноцида.

Имея в виду особую роль судебных органов в проведении политики государства, можно было ожидать, что в проекте этому вопросу будет уделено должное внимание. В Меморандуме признавалось, что «реформа судов, действующих по нормам статутного и общего права и в системе процессуального права, очень необходима». Важное значение имело признание принципа, согласно которому «все оттоманские подданные должны быть равны перед законом и христиане должны получить справедливую долю публичных должностей». На ограничение безнаказанности действий должностных лиц государства было направлено положение о том, что они, в случае их обвинения в совершении преступления, «должны во всех случаях предаваться суду в обычных судах».

В целях нейтрализации антиармянской направленности действий полиции и жандармерии положение предусматривало, что «порядок должен поддерживаться в вилайетах смешанной полицией или жандармерией, в которых должна отводиться справедливая доля офицерам-христианам. Полицейские силы должны быть эффективно организованы и набираться из христиан и мусульман на основе фиксированной пропорции на каждую тысячу населения».

Положения о «пересмотре налогообложения, земельной собственности и домовладения (недвижимости)» было явно недостаточно для пресечения или предотвращения насильственного лишения армян земли и жилищ. Ничего не было предусмотрено для возвращения незаконно захваченных у армян земель.

Особо отмечалась необходимость проведения в возможно более короткие сроки переписи населения «со специальной целью такого пересмотра территориальных границ, который обеспечил бы адекватное представительство каждой общины в различных советах вилайетов».

Для предотвращения грабежей и убийств армян, совершавшихся курдами, предлагалось назначить высокое должностное лицо, наделенное полномочием совершать по своему усмотрению арест и наказание грабителей и других злоумышленников. Ему должен был быть придан оперативный эскорт. Он должен был иметь компетентных помощников, также наделенных судебной властью.

9 сентября 1881 г. по инициативе Великобритании в Константинополе состоялась конференция представителей великих держав «для рассмотрения Армянского вопроса». Открывая конференцию, английский посол констатировал, что «на коллективную ноту от 7 сентября 1880 г. Порта не дала ответа, хотя в ней прямо выражалось недовольство держав невыполнением реформ, которые оттоманское правительство по Берлинскому трактату обязано было осуществить в армянских провинциях, и довольно подробно излагался характер необходимых улучшений». «Правда, — сказал посол, — Порта в дошедшей до послов ноте от 3 октября объявила в неопределенных и общих выражениях о своем намерении реорганизовать свою администрацию в Армении, но два или три посвященных этой теме парагра-

фа оказались такими же бесполезными, как и все предшествовавшие...». В этих условиях, отметил посол, было бы правильно направить оттоманскому правительству новую ноту, «подкрепляющую предложения и требования», содержащиеся в ноте от 7 сентября 1880 г., и указать, что «державы все еще ожидают определенно-го выражения намерений Порты» осуществить армянские реформы. Посол, однако, предложил конференции новый подход, сводивший реформы к еще менее действенным передвижкам в административном аппарате¹.

На конференции было единодушно решено вербально информировать Порту о том, что, хотя правительства великих держав, как никогда, твердо настаивают на требованиях, содержащихся в ноте 7 сентября 1880 г., тем не менее, стремясь облегчить нынешние страдания населения армянских вилайетов, настаивают на необходимости срочного принятия частичных мер, а именно, немедленной посылки в армянские вилайеты высокого должностного лица, наделенного достаточной властью, чтобы положить конец существующему там положению, отстранить коррумпированных и некомпетентных должностных лиц и «установить удовлетворительное правление».

Смысл нового английского подхода состоял в подмене идеи реформ бесперспективным соглашательством. Для оправдания этого политического курса Великобритании стала искажать и само содержание проблемы: вместо преднамеренных действий турецкого государства английские дипломаты начали говорить о «нетерпимой анархии», о неспособности оттоманского правительства навести твердый порядок в Армении, «где ни жизнь, ни собственность не находятся в безопасности, где народ изнывает под тяжестью самого чудовищного гнета коррумпированных и некомпетентных должностных лиц и где жестокие и не признающие закона кочевники постоянно разоряют дома и хозяйства производительного христианского населения».

Обосновывая английский подход, посол Дафферин убеждал участников конференции в том, что, несмотря на бесспорную необходимость осуществления реформ в будущем, в интересах самого же армянского народа надо безотлагательно добиваться изменения существующего положения в Армении при помощи легко осуществимых «практических и быстрых» мер: «Даже если турки изменили свои намерения и готовы пойти по пути реформ, чему в настоящее время нет никаких подтверждений, должно пройти какое-то время, пока хорошо продуманный план будет выработан и применен. Тем временем убийства, грабежи, кражи, плохое управление и официальная коррупция будут продолжаться, как всегда».

Представив проект участникам конференции «конфиденциально», в качестве основы для обсуждения, английский посол тут же сообщил о готовности отступить и от этого куцега проекта: «Как бы ни были хороши эти предложения, некоторые из них могут быть политически неприемлемы или несвоевременны, чтобы настаивать на их принятии Портой в настоящий момент». Выработка окончательного текста ставилась в зависимость от «политического опыта» представителей великих держав, а в действительности речь шла о необходимости учета противоречий между ними.

Переходя к вопросу о «выработке самой конференцией хорошо продуманного и практического проекта основательных реформ, принятия которого нужно

¹ British documents... Vol. II. № 110. P. 308.

будет добиваться объединенными усилиями Европы, если оттоманское правительство откажется действовать или попытается отделаться каким-либо обманчивым или неадекватным проектом», английский посол нацелил конференцию на умеренную программу. «Я уверен, — сказал он, — что может быть выработан план, который в достаточной мере удовлетворит все законные нужды и чаяния армянской и других христианских общин без ущерба интересам или достоинству Турции. В представленном мною проекте нет указаний на автономию или полунезависимое положение. Напротив, такие термины должны тщательно исключаться из нашей программы, так как они сразу побудят Порту косо смотреть на наши предложения».

Идея убедить Порту и Султана немедленно послать верховного комиссара в «дезорганизованные округа Малой Азии» была принята единодушно, хотя и с оговоркой некоторых представителей о необходимости получения последующего одобрения своих правительств.

Что же касается предложения направить оттоманскому правительству новую коллективную ноту, то ее целесообразность английский посол обосновывал необходимостью «разбудить оттоманское правительство, которое, очевидно, заснуло на Армянском вопросе», и в особенности необходимостью «дать им понять, что они не должны рассматривать наше предложение по верховному комиссару как субститут требований радикальных реформ, сформулированным в ноте держав от 7 сентября», и что державы «настаивают на требованиях, изложенных в этом документе, так же твердо, как и раньше».

Эту идею не поддержала прежде всего Россия, которая усматривала в этом антирусский замысел англичан. Поэтому коллективной ноте под эгидой Великобритании русский посол отдал предпочтение индивидуальным вербальным заявлениям. Стороны должны будут лишь придерживаться общего согласованного направления этого представления. За такой подход высказалась и Франция.

Английскому послу пришлось отступить. Он сказал, что представление коллективной ноты не рассматривалось как обязательная часть его программы. Устное представление, как это предложил русский посол, будет «почти таким же эффективным» и наверняка даст меньше поводов к обиде.

Участники конференции договорились сделать представление Султану не в «коллективной форме», а индивидуально, чтобы «при помощи скоординированной, но не единой акции прийти к желаемому результату»¹. Они решили, что, делая согласованные индивидуальные представления, послы будут пользоваться выработанным текстом *pro-memoria*, в котором в качестве отправного пункта указывалась коллективная нота 7 сентября 1880 г. и констатировалось, что нота Турции от 3 октября содержит очень неопределенный ответ, а ситуация осталась прежней, если не ухудшилась².

Участники конференции пришли также к общему мнению относительно того, что «если в будущем того потребуют обстоятельства» представители держав «должны быть в состоянии пересмотреть дело и обратиться к Порте в более официальной манере, чем предложено теперь»³.

¹ British documents... Vol. II. P. 307.

² Ibid. Inclosure in № 110. P. 311.

³ Ibid., № 110. P. 310.

Обеспечение выполнения этих мер поручалось «концерту» великих держав, которые соперничали между собой и поэтому не могли справиться с решением этой задачи. На словах даже Канцлер Германии Бисмарк признавал гуманитарное содержание вопроса об армянских реформах. Казалось бы, из признания гуманитарного характера вопроса должно было следовать согласие на совместные международные акции. На самом же деле Бисмарк добивался исключения из этой акции России. Когда при встрече на императорской яхте в бухте Данцига Министр иностранных дел России М. Гирс спросил мнение Канцлера об Армянском вопросе, Бисмарк прервал его и сказал: «Это не политический, а чисто гуманитарный вопрос и как таковой должен быть оставлен для решения одной Англии»¹.

8. Международные обязательства по реформам 1895 г.

Очередные усилия по обеспечению безопасности армянского населения Османской империи были предприняты международным сообществом в условиях, когда началась новая волна массовых избиений армян. По приказу Абдул Гамида во второй половине августа 1894 г. была учинена кровавая резня армянского населения в горной области Сасун. В 1895 г. были организованы новые погромы в Эрзеруме, Трапезунде, Битлисе, Диарбекире, Харпуте, Урфе, а в 1896 г. и в столице империи — Стамбуле. За два года (1894—1896) были убиты десятки тысяч армян и сожжены тысячи сел².

Во всем мире поднялась волна протестов, с которой не могли не считаться правительства великих держав. Информировав об этом Министерство иностранных дел России, советник посольства в Константинополе Жадовский направил 10/22 ноября 1894 г. следующую депешу:

«Подробности возмутительных военных мер против армян проникли в европейскую печать и подняли повсеместную бурю обличительных статей против зверских приемов турецких войск по отношению к христианскому населению Армении. Бесстыдно ложное опровержение этих нареканий, посланное на днях по телеграфу для возможной огласки всем турецким представителям за границей по личному приказанию Абдул Гамида, не могло произвести желаемого впечатления на общественное мнение в Европе и не остановило потока обвинений и разоблачений, заставившего Порту запретить за последние дни доступ в страну почти всех иностранных газет.

В этих условиях трудно определить последствия, которых можно ожидать от всеобщего негодования, охватившего общественную совесть Европы, не исключая и стран, где доселе из политического расчета или корыстных видов закрывали глаза пред вопиющим варварством обхождения турецких властей с христианским населением в некоторых отдаленных областях...»³.

Оправдывая массовые избиения населения с участием армии, жандармерии и полиции, Абдул Гамид утверждал, что это были законные меры, примененные к повстанцам, взбунтовавшимся против власти монарха.

¹ British documents... Vol. II. № 115. P. 316.

² См.: Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948. С. 106—107; Арутюнян Г. М. Англия и армянский вопрос в середине 90-х годов XIX века // Новая и новейшая история. 1959. № 6. С. 82—83.

³ Док. № 38.

В сложившихся условиях установление фактов приобретало принципиально важное значение для принятия великими державами мер по пресечению резни и определению характера и содержания реформ турецкого управления Арменией. Взаимосвязанные процессы установления фактов и выработки нового проекта реформ стали развиваться параллельно.

Поскольку выявление правды о резне, официальная констатация международным органом факта осуществления массового физического уничтожения армянского населения армией, жандармерией и полицией под руководством самого султанского правительства, т.е. именно турецким государством, неизбежно вели бы к принципиально иным оценкам роли, к необходимости принятия соответствующих мер пресечения и изменения самой философии реформ государственного управления турецкой Арменией, различия в политических позициях держав в отношении к гуманитарной интервенции, к мерам пресечения и к реформам турецкого управления Арменией стали проявляться и в их подходах к учреждению международного следственного механизма на основании положений Парижского и Берлинского договоров.

В этот период наиболее последовательную позицию занимало правительство Великобритании, подвергавшееся все более усиливающемуся давлению общественного мнения. Уже 21 марта 1893 г. британский Министр иностранных дел лорд Розбери направил послу в Турции телеграмму, предписывавшую, «ввиду того, что преследования христиан вызывают необходимость применения энергичного языка», предупредить Порту, что «если она не среагирует немедленно, то английское правительство организует расследование по собственной инициативе»¹.

В конце ноября 1894 г. английское посольство в Константинополе приступило к переговорам с иностранными посольствами о совместном воздействии на Порту с тем, чтобы добиться ее согласия на отправку в Сасун особой международной комиссии без участия турецких представителей. Получив от Порты решительный отказ, Англия была вынуждена согласиться на предложение Абдул Гамида о посылке одного из своих консулов в Малой Азии в турецкую следственную комиссию для расследования событий в Сасуне.

Действия Англии сильно встревожили французскую и российскую дипломатию. Россия считала, что единоличное вмешательство Англии в Армянский вопрос приведет в конечном счете к тому, что Англия, обретя славу спасителя угнетенных Турцией народов, использует ее в своих политических интересах. Кроме того, русское правительство не желало, чтобы без него решался вопрос о Западной Армении. Поэтому русское, а вслед за ним и французское правительства приняли участие в расследовании сасунских событий. Из-за отказа Германии, Австро-Венгрии и Италии послать своих представителей в турецкую комиссию членами комиссии были назначены консульские представители Англии, Франции и России в Эрзеруме.

Для установления фактов, связанных с начавшейся в Османской империи новой волной массовой резни армян, в 1895 г., по предложению четырех держав — Франции, Великобритании, Италии и России — была сформирована первая и единственная во всей мировой истории Международная следственная комиссия. Международно-правовым основанием для ее учреждения служили

¹ Док. № 36.

международные обязательства, принятые Османской империей по Парижскому и Берлинскому договорам.

На этот единственный в своем роде армянский казус ссылался один из творцов Гаагской конвенции о мирном разрешении международных споров 1899 г. известный русский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс, комментируя ее положения о международных следственных комиссиях и раскрывая юридическую природу этого института.

Следственная комиссия, по определению современника — видного политического деятеля Великобритании В. Гладстона, представляла «механизм беспристрастного исследования». На нее было возложено определение причин избиений армян, установление фактов, относившихся к их убийствам и разрушению их имущества и связанной с этим ответственности. Ее создание имело целью воспрепятствовать использованию султанским правительством традиционного средства — дезинформации. «Отрицание фактов, — говорил Гладстон в речи в Честере 26 июля 1895 г., — было оружием турецкого правительства, и оно пользовалось им очень усердно. Но державы знали, с кем они имели дело: Франция, Англия и Россия назначили беспристрастных делегатов, и расследование, произведенное ими, вполне подтвердило обвинение. Но османское правительство было воодушевлено только одним желанием — скрыть истину ложью, обманом, проволочками»¹.

В течение 1895 г. Комиссия провела 107 заседаний и заслушала 190 свидетелей. Несмотря на все ухищрения турецких членов комиссии, не желавших сотрудничать в выявлении обстоятельств дела², представители великих держав активно участвовали в следствии. Посетив район Сасуна, члены Комиссии выявили множество фактов, позволявших хотя бы частично установить картину массовой резни армян. Так, по словам британского представителя Шипли, наблюдавшего за событиями в течение трех недель, «за армянами охотились, как за зверьми, убивая их там, где их встречали». Он убедился, что речь шла не об аресте «агитатора» Мурада и «не о подавлении псевдовосстания», как это утверждало турецкое правительство, а «о самом настоящем уничтожении (армян) районов Гилигузан и Талори»³.

Следственная комиссия однозначно подтвердила факт непосредственного участия турецкого государства в арменоциде и преднамеренность его преступных действий уже на этом — первом этапе. В докладе, принятом 20 июня 1895 г., представители трех великих держав отметили, что в августе и сентябре 1894 г. в районе Сасуна было убито около 900 человек. Кроме этого, они установили, что определенное число армянских беженцев было убито без различия возраста и пола турецкими солдатами, полицейскими и курдами. Три представителя констатировали также разрушение в больших размерах имущества в армянских районах⁴.

На этом «готовность» турецкого правительства участвовать в международном расследовании обстоятельств, связанных с геноцидом армян, заглохла раз и навсегда.

¹ Док. № 41.

² Один из них, в знак протеста против попыток своих коллег скрыть правду о преступлении, вскоре вышел из состава Комиссии.

³ British Foreign Office. *Blue Book Series on Turkey*. № 1 (1895). Part I. P. 206.

⁴ Command papers (Great Britain) 7894, № 252. Enclosure Report of the Consular Delegates Attached to the Commission Appointed to inquire into the Events at Sassoon. P. 161—189.

Установив факты, подтверждавшие действительную политику турецкого правительства в отношении армянского населения, расследование заставило правительства всех великих держав, несмотря на противоречия, предпринять совместную дипломатическую акцию с целью добиться осуществления административных реформ в армянских вилайетах империи¹. Однако выводы Международной следственной комиссии, к сожалению, не оказали должного влияния на процесс выработки проекта реформ великими державами.

В феврале 1895 г. английское правительство через свои посольства в Санкт-Петербурге, Париже и Константинополе официально поставило перед Россией и Францией вопрос о необходимости разработки и проведения реформ в Западной Армении. Россия, считая нежелательным такое обсуждение, которое в той обстановке, как полагали в Санкт-Петербурге, было бы более всего выгодно Англии, посоветовала Абдул Гамиду провести в жизнь необходимые административные реформы, обеспечивающие хотя бы минимум порядка и безопасности для христианских подданных Порты. Но Абдул Гамид, надеясь (и не без основания) на разногласия среди великих держав и рассчитывая на невозможность согласованных действий Англии и России, не последовал этому совету.

С двадцатых чисел февраля 1895 г. послы России, Франции и Великобритании в Константинополе по поручению своих правительств приступили к выработке проекта реформ для шести вилайетов Западной Армении. Несмотря на выявившиеся расхождения в подходах Великобритании, России и Франции, в марте—апреле 1895 г. на основе меморандума послов трех держав удалось выработать компромиссный проект административных реформ, подлежащих осуществлению в армянских провинциях².

11 мая 1895 г. послы Франции, России и Великобритании вручили Порте выработанный ими проект реформ для армянских провинций и сопроводительный меморандум, адресованный непосредственно Порте³. Эта программа самими ее составителями рассматривалась как «минимум мер и реформ, которые необходимо осуществить в провинциях, пострадавших в результате недавних происшествий»⁴.

Проект этот носил умеренный характер, базируясь в основном на ст. 61 Берлинского трактата. Пункт 1 меморандума послов говорит о пользе «сокращения числа вилайетов». Большое значение имели п. 2 и 7 меморандума. Они устанавливали необходимость полуофициальной санкции держав в выборе губернаторов шести турецких вилайетов и турецкого верховного комиссара по наблюдению за проведением реформ в Армении. Эти два пункта были той крайней точкой, до которой Россия и Франция в тот период считали возможным идти во вмешательстве в дела Турции⁵.

Султан, конечно, пытался противопоставить международному проекту свой план реформ, с тем чтобы придать им внутренний характер. Но результаты рас-

¹ Bar-Yaacov, Nissim. *The Handling of international disputes by means of inquiry*. The Royal Institute of International Affairs. London; New York; Toronto, 1974. P. 36.

² Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. — 10 мая 1914 г. Петроград, 1915. № 50, приложение.

³ Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques. Affaires Arméniennes. Projets de réformes dans l'Empire Ottoman. 1893—1897, Paris, 1897. P. 48.

⁴ British Foreign Office. *Blue Book Series on Turkey*. № 1 (1896). P. 64.

⁵ См.: Арутюнян Г.М. Англия и армянский вопрос в середине 90-х годов XIX века. С. 84—92.

следования, а также давление мирового общественного мнения в сочетании с дипломатическим вмешательством великих держав, поддержанным военно-морской демонстрацией в Константинополе, вынудили его посчитаться в какой-то мере с мнением международного сообщества. Положение об армянских реформах, составленное на основании соглашения между послами великих держав, с одной стороны, и Портой — с другой, было санкционировано султанским ираде 5 октября 1895 г., а 20 октября Великий визирь официально представил декрет Султана «О реформах в Армении» великим державам, сопроводив его вербальной нотой.

Эта была еще более ослабленная версия и без того слабого компромиссного майского проекта¹. Тем не менее предусматривались реорганизация жандармерии и полиции, улучшение административных и судебных служб в населенных армянами вилайетах². Принципиально важное значение имело то обстоятельство, что Султан официально признал необходимость назначения для всех шести армянских вилайетов одного верховного комиссара со «специальной миссией наблюдать за проведением реформ и направлять их применение».

Об этом говорилось в ноте и в преамбуле декрета (приказе Великого визиря), где определялась территория, на которой должны были проводиться эти реформы — вилайеты Эрзерум, Сивас, Ван, Диарбекир, Битлис и Маамурет-уль-Азиз, а также казы Зейтун и Хаджин. Турция вновь признала отличное от турецких вилайетов положение армянских вилайетов и необходимость для них как особых «армянских» реформ, так и особой власти.

Издавая декрет о реформах в Армении, Абдул Гамид, как всегда, не собирался его исполнять. Его цель, очевидно, состояла в том, чтобы устранить непосредственную угрозу коллективной гуманитарной интервенции и успокоить возмущенное турецкими зверствами в Армении мировое общественное мнение в расчете на то, что разгоравшиеся противоречия между великими державами не позволят им вновь объединиться и Турция сможет продолжить политику уничтожения армянского народа.

Султан имел для этого все основания. Он знал о разногласиях держав в подходах к принятому ими проекту реформ и рассчитывал, что эти противоречия позволят ему пренебречь принятым обязательством.

Британский посол в Константинополе Филипп Кэрри «все больше и больше» настаивал на публичном осуждении Султана, считая, что это «позволит державам сдержать его и не допустить совершения новых зол». «Негодяй, который уже вырезал почти 100 000 человек и не насытился еще, должен быть, наконец, обезврежен во всеобщих интересах гуманности», — говорил он. Сообщая о позиции посла Великобритании, германский посол Заурма 16 декабря 1895 г. доносил Рейхсканцлеру, что «единство, которое до сих пор существовало, по крайней мере внешне, между представителями великих держав здесь в их отношениях с Султаном, вызывает все большее сомнение». Заурма отмечал, что теперь именно посол России Нелидов отвергал «все предложения, направленные на прямое осуждение Султана и на ограничение его административных прав»³.

¹ British Foreign Office. *Blue Book Series on Turkey*. № 1 (1896). P. 60.

² Chronique des faits internationaux: Turquie, La question arménienne. *Intervention européenne // Revue générale de droit international public*. 1896. № 3. P. 88—128.

³ Док. № 42.

Почему Россия именно в этот период, когда нужны были срочные и эффективные меры пресечения, решила занять крайне деструктивную позицию?

Россия оказывала противодействие английским инициативам, опасаясь, что заступничество Великобритании усилит ее позиции в регионе и что слишком далеко идущие требования реформ в Османской империи поощрят армянских «революционеров» и приведут к дестабилизации ситуации в российской части Армении. Проводником этой политики был известный своим армянофобством Министр иностранных дел России князь А. Лобанов-Ростовский. Политические мотивы отношения Лобанова-Ростовского к Армянскому вопросу и к английским инициативам по обеспечению безопасности армян изложены в письме, направленном им 9 ноября 1895 г. российскому послу в Великобритании Е. Стаалю:

«Все поведение лондонского кабинета в течение армянского кризиса находит свое объяснение скорее в раздраженности сбитого с толку общественного мнения, чем в ясном и четко сформулированном политическом замысле. Если, как Вы заявляете, мы не можем выдвинуть каких-либо обвинений в адрес Англии, то мы не в состоянии и похвастаться откровенностью ее методов или подлинно лояльным содействием с ее стороны. Манера действий лорда Солсбери, бесспорно, не относится к таким, которые внушают полное доверие. Более того, его действия и высказывания неоднократно были способны вызвать лишь вполне законные опасения. С самого начала армянских осложнений нашей единственной целью было получение гарантий безопасности и благополучия для армян без подрыва при этом существования Османской империи. После ряда трудностей согласие между державами привело в конце концов к принятию Султаном проекта реформ, признанных необходимыми; однако в тот самый момент, когда становился возможным проведение реформ в жизнь, лорд Солсбери, вместо того чтобы ободрять Абдул Гамида и поддерживать его власть над подданными, видимо, считает предпочтительным умножить угрозы и предсказывать фатальный исход. Публичные угрозы непосредственно в адрес Султана можно обнаружить даже в последней речи английского министра в Гилдхолле; они не могут рассматриваться в Константинополе иначе, кроме как поощрение сеятелей смуты. По правде говоря, если бы преследуемая лордом Солсбери цель заключалась в полном развале Турции, то он не мог бы действовать иначе. Мошь любого правительства не основывается лишь на его материальной силе, она заключается прежде всего в том престиже, которым окружено правительство. Совершать систематические покушения на престиж, притом в такой момент, когда правительство больше всего в нем нуждается, — разве это не наилучшее средство заранее свести на нет его усилия и подготовить его падение? Нам хотелось бы верить, что грозная перспектива распада Османской империи не входит в комбинации лорда Солсбери. Все правительства, озабоченные сохранением мира на земном шаре, весьма заинтересованы в том, чтобы предотвратить подобную возможность, поскольку она стала бы исходной точкой всеобщего столкновения. Со своей стороны, мы, более чем когда-либо, желаем поддержания искреннего согласия между всеми державами не столько для того, чтобы применять к Турции меры запугивания и принудительного давления, сколько для того, чтобы избежать подобных крайностей и найти наиболее практичные способы облегчить Османскому правительству проведение согласованных реформ и восстановление внутреннего спокойствия. Придерживаясь указанного образа мыслей, мы не со-

чили возможным присоединиться к предложениям, выдвинутым графом Голуховски¹, но мы будем, как и раньше, неизменно готовы поддержать любые действия, направленные на общее умиротворение, которое продолжает составлять предмет наших самых искренних чаяний. Примите и пр.»².

Не ограничиваясь воздействием на своего молодого государя, Лобанов-Ростовский добивался поддержки и в Германии. В качестве иллюстрации приведем выдержку из письма германского императора Вильгельма, посланного 25 октября 1895 г. Николаю II: «Другой интересной новостью, сообщенной мне Лобановым, было известие о Турции — о том, что у него есть основание подозревать Англию в желании овладеть Дарданеллами! Этим объясняется и оживление Армянского вопроса. Сознаюсь, я был крайне поражен подобной новостью. Конечно, со времени прихода Солсбери внешняя политика Англии стала очень таинственной и малопонятной, а упорство, с которым английский флот бродит около Дарданелл, показывает, что там что-то затевается. Однако, если англичане сделают это, то они нарушат Берлинский трактат, а они не могут рассчитывать, что им позволят это без разрешения всех других подписавших трактат держав, а те никогда не дадут такого разрешения»³.

Германские дипломаты с иронией отмечали, что единство держав в Константинополе оказалось нарушенным, а авторитет их заявления — поколебленным «не из-за поведения германского, а из-за поведения русского посла»⁴.

Из общения с российским Министром иностранные дипломаты вынесли убеждение, что «единственное стремление князя Лобанова — предотвратить раздел Турции в течение возможно более длительного срока»⁵. Эта линия на сохранение статус-кво была принята Николаем II, о чем свидетельствует, в частности, его собственноручная помета: «Я согласен с этим взглядом».

Отмечая временный отход России от своей традиционной роли защитницы поработанных христианских народов Османской империи, видный российский дипломат В.Н. Ламздорф писал в дневнике: «У Лобанова все еще доминирует идея поддержания статус-кво и оттяжки падения Османской империи. Остается под вопросом, являются ли наилучшими выбранные для этой цели средства»⁶.

Дипломатия Лобанова и лично сам Николай II ради такой оттяжки падения геноцидной Османской империи отказывались делать адекватные политические выводы из поступавшей информации о нарастании процесса массовых избиений армян и других поработанных народов. Все попытки Англии сдвинуть Россию с занятой ею позиции результатов не давали⁷. Когда английский поверенный в делах вручил Министру иностранных дел России Лобанову-Ростовскому ноту, содержащую предложение Солсбери разрешить послам в Констан-

¹ Граф Голуховски — Министр иностранных дел Австро-Венгерской империи.

² Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. М., 1991. С. 309—310.

³ Там же. С. 275.

⁴ См. текст перлюстрированной телеграммы барона Маршала князю Радолину, отправленной из Берлина в С.-Петербург 24 ноября/6 декабря 1895 г. // Ламздорф В.Н. Там же. С. 330.

⁵ См. телеграмму британского премьера и Министра иностранных дел Солсбери послу в России Н. О'Конору 20 августа/1 сентября 1896 г. с изложением беседы Министра иностранных дел Австро-Венгерской империи Голуховски с Лобановым-Ростовским. // Ламздорф В.Н. Там же. С. 391.

⁶ Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. С. 16.

⁷ Documents diplomatiques français. I série. Paris, 1951. Т. XIII. P. 444—446.

тинополе провести консультации по общему положению Османской империи в связи с грозившим ей обвалом, это вызвало неадекватную реакцию. В парафированном царем 4 января 1896 г. проекте секретного циркуляра, подготовленного для «ориентировки» послов, утверждалось даже, что обращение Англии к державам, вызванное современным положением в Турции, представляет «нарушение Парижского и Берлинского трактатов, которые запрещают вмешательство во внутренние дела Османской империи»¹.

Стремясь, видимо, нейтрализовать «почти агрессивную роль» британского посла и противодействовать английским предложениям, как направленным против «жизненных интересов России», российский царь считал даже возможным в период массовой резни армян направить приветы Абдул Гамиду.

В сложившихся условиях с инициативой давления на турецкое правительство выступила Франция. Вызвав турецкого посла, Министр иностранных дел Франции Г. Аното «разговаривал с ним очень сурово, заявив, что дружеское долготерпение Франции исчерпано; отныне она твердо решила не терпеть ни одного лишнего дня двойственной игры турецкого правительства; он лично не намерен больше давать водить себя за нос. Чаша терпения переполнена, и при любой попытке поставить под угрозу безопасность подданных Франции или ее подзащитных будут безотлагательно приняты меры для предотвращения беспорядков или подавления их вне зависимости от мнения других держав, даже если при этом пришлось бы бомбардировать Константинополь и стереть с лица земли турецкий квартал города». Аното сказал, что, «поскольку реформы в Армении проведены не были, Порты взяла на себя всю ответственность за пролитую с тех пор кровь в этом районе и других местах. Беспорядки в Константинополе показывают со всей очевидностью царящую в Османской империи анархию, на которую больше невозможно закрывать глаза перед лицом надвигающейся окончательной катастрофы».

Министр иностранных дел Франции предупредил, что «если в самое ближайшее время не будут предприняты энергичные и четкие действия для прекращения беспорядков в Константинополе, для немедленного умиротворения Крита путем подчинения военных властей авторитету губернатора, а также эффективные меры в Армении по проведению обещанных реформ, то он, Аното, официально поручит представителю султана заявить своему властителю, что Франция оставляет за собой полную свободу действий в отношении Османской империи, не будучи более связанной правовыми принципами, потерявшими всякую силу».

Анот просил российского посла А. Моренгейма довести изложенную информацию до российского монарха «в надежде, что государь соизволит признать уместность сделанных *in extremis* спасительных предупреждений» и выскажет им свое одобрение. Тогда «вынужденная обстановкой позиция Франции, совпав с собственными намерениями Его величества, установила и подтвердила бы полное согласие наших обоих правительств во время наиболее острого и, быть может, самого решающего из всех кризисов, когда-либо переживавшихся Востоком»².

¹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. С. 368, 373.

² Док. № 43.

9. Последний проект реформ: Акт 26 января 1914 г.

Изданный 20 октября 1895 г. султанский декрет о реформах в Армении не был претворен в жизнь. Положение армянского населения не изменилось. Оно по-прежнему оставалось объектом геноцидной политики турецкого правительства.

Третья крупная международная попытка спасти армянский народ от физического уничтожения при помощи реформ началась в последние годы перед Первой мировой войной. Правительство России, «сознавая необходимость коренных преобразований турецкого правления в Армении», внесло на обсуждение великих держав проект реформ, основанный на принципах, выработанных в 1895 г. послами России, Франции и Англии.

В условиях, когда объектом геноцида был небольшой поработанный народ, безоружный и беспомощный, а его субъектом — правительство обширной империи, использовавшее для этой цели всю силу государства — армию, полицию, жандармерию, административные и судебные органы, — обеспечение безопасности жертвы преступления, его права на жизнь предполагало необходимость, как минимум, ограничения власти турецкого государства в форме гарантированной автономии армянских областей. Поэтому при разработке этого проекта реформ особое значение придавалось таким изменениям в государственном управлении армянскими областями, которые сделали бы невозможным использование правительством государственного аппарата в целях геноцида.

В качестве ключевого элемента реформы рассматривалось выделение армянских областей в одну административную автономную единицу, назначение Султаном с согласия великих держав генерал-губернатора этой области и наделение последнего широкими полномочиями; учреждение областного собрания с обширной компетенцией, в котором мусульманам и немусульманам предоставлялось одинаковое количество мест; проведение того же принципа равенства при распределении всех должностей, включая полицию и жандармерию; равноправие языков; упразднение курдской кавалерии — Гамидие и т.д.

Хотя первейшая задача реформ заключалась в обеспечении физического существования армянского населения, немаловажное значение имело сохранение его языка, культуры и других форм национального существования, которые были объектом политики геноцида. Проект предполагал, в частности, предоставление свободы школьного образования и права самообложения на школьные нужды. Имея в виду роль применявшихся турецким правительством внеэкономических средств пауперизации армянского крестьянства для создания условий, ведущих к разрушению армян как национальной группы, в проектах реформ предусматривались меры, направленные на возвращение армянам незаконно отнятых у них земель, пресечение или предотвращение насильственного лишения армян земли и жилищ.

Обсуждение русского проекта проходило на совещаниях представителей посольств великих держав в Ени-Кейе с 3 по 24 июля 1913 г. и с сентября 1913-го до января 1914 г. в обстановке резко обострившихся противоречий. Закладывая накануне Первой мировой войны политическую основу военно-политического союза с Османской империей, германская дипломатия продолжала активно помогать ей в «решении» Армянского вопроса. Германия, при негласной поддержке Великобритании, стремилась сорвать или максимально ослабить проект, разработанный российским дипломатом А. Мандельштамом. При этом германский посол

Вангенгейм проявлял даже большую непримиримость, чем представители самой Османской империи. В ходе обсуждения этого проекта ему удалось добиться внесения в него ряда поправок, существенно снижавших действенность реформ.

Германия настаивала, чтобы в основу разрабатываемой программы реформ были положены турецкие законы, в частности, дополнение к закону о вилайетах и инструкции, сообщенные посольствам нотой Порты от 1 июля 1913 г. Этими актами, спешно составленными турецким правительством под влиянием советов из Берлина, турецкая Армения делилась на два сектора, во главе которых ставились генеральные инспекторы из иностранцев, назначаемые Султаном без согласия держав; сохранялась вся прежняя организация вилайетов, а инспекторам предоставлялось только право контроля управления и увольнения чиновников. Российская сторона не согласилась принять в качестве основы реформ в Армении крайне отрывочные и несовершенные турецкие уставы и настояла на обсуждении послами в Ени-Кейе русского проекта.

Обсуждение привело к установлению согласия между посольствами только по некоторым вопросам, как-то: школьному, аграрному, о равноправии языков. Что же касается коренных основ реформ — образования одной Армянской области, назначения генерал-губернатора с согласия держав, одного областного собрания и применения принципа равенства при распределении мест в этом собрании, а также должностей, — то по ним четко определилось полное расхождение между представителями держав Антанты, с одной стороны, и Тройственного союза — с другой. В отношении русского проекта Германия заняла непримиримую бескомпромиссную позицию.

Россия исходила из того, что объединение населенных армянами вилайетов в одну область было не только необходимо, но и признано Берлинским трактатом и декретом Порты 1895 г. Тем не менее, желая рассеять опасения держав, рассматривавших такое объединение как шаг к созданию в Османской империи автономных провинций, она согласилась на разделение территории реформ на два сектора с генерал-губернатором во главе каждого из них, но при обязательном соблюдении следующих условий: 1) чтобы делению на эти два сектора подлежала лишь территория, находившаяся в границах, которые были намечены в русском проекте реформ, т.е. с исключением тех территорий с мусульманским большинством, которые по новому турецкому закону были присоединены к армянским вилайетам с целью низведения армян до положения меньшинства в обоих секторах; 2) чтобы оба генерал-губернатора назначались с согласия держав и были независимы в вопросах назначения и смещения чинов администрации подведомственного им края.

Настаивая на исключении из зоны армянских реформ искусственно присоединенных к армянским вилайетам территорий с мусульманским большинством, Россия стремилась устранить последствия турецких манипуляций с распределением армянских вилайетов между этими двумя секторами. Цель турок, как писал посол России в Турции М. Гирс Министру иностранных дел С. Сазонову, состояла в расчете «разобщить армян и растворить их в мусульманском большинстве»¹.

Участие Европы в назначении генерал-губернатора Россия рассматривала как «единственный способ гарантировать практическое осуществление реформ»².

¹ Док. № 103.

² Док. № 113.

Еще один важный вопрос, возникший в связи с распределением мест в генеральных советах и других органах местной власти, был связан с соотношением национальностей. По разъяснению Министра иностранных дел России С. Сазонова, отрицательное отношение России к утверждению принципа пропорциональности и предпочтение, оказывавшееся закреплению определенного соотношения представителей национальностей в генеральных советах, диктовалось «опасением стремления Турецкого правительства путем переселения создать в Армении мусульманское большинство». Констатируя, что существующее соотношение является «результатом многолетней политики искоренения армян», Сазонов связывал с принятием проекта реформ, обеспечивающих безопасность, перспективу изменения соотношения в пользу армян, которые «только теперь получили бы возможность вернуться на места»¹.

Ввиду того, что работа послов в Ени-Кейе из-за непримиримой позиции Германии зашла в тупик, российский посол по указанию своего правительства считал нужным «обеспечить осуществление преобразований в Армении» путем заключения с посольствами Тройственного союза компромисса, обеспечивающего их содействие при предъявлении Оттоманской империи проекта реформ, «хотя и не столь широких, как ранее намеченные, но все же способных временно удовлетворить армянское население Анатолии».

Результатом переговоров российского посла Гирса с германским послом Вангенгеймом стал сентябрьский (1913) проект из шести пунктов. Признавая деление Восточной Анатолии на два сектора, этот проект предлагал: назначение генеральных инспекторов этих секторов правительством Оттоманской империи по рекомендации великих держав; предоставление инспекторам права увольнять всех чиновников, назначать низших и высших, а также представлять всех судей на утверждение Султана; учреждение собраний для двух секторов, составленных из равного числа мусульман и христиан; равномерное распределение всех должностей между мусульманами и христианами; предоставление державам права контролировать применение реформ через послов в Константинополе и консулов в провинции.

Русско-германские пункты, получившие одобрение правительств других великих держав, были представлены турецкому правительству. Компромиссный проект, согласованный с послами всех великих держав, содержал тот минимум, который все они вместе и каждая в отдельности считали абсолютно необходимым для обеспечения безопасности армянского народа в пределах Оттоманской империи.

После письменного заявления самого общего характера о желании Турции провести реформы при нравственной и материальной поддержке держав (12 октября 1913 г.) правительство Оттоманской империи сделало попытку избежать назначения генеральных инспекторов по рекомендации держав. С этой целью Великий визирь в беседе с послом России предложил создать при *турецких инспекторах* должности *иностраных советников*, в руках которых фактически была бы сосредоточена вся власть. Однако представленный 25 октября 1913 г. турецкий проект о советниках не наделял их почти никакими существенными правами. Ввиду этого российский посол после длительных переговоров с Великим визирем подверг ту-

¹ Док. № 189.

рецкий проект коренной переработке, внося в него целый ряд поправок и новых статей, обеспечивавших действительное подчинение турецких генеральных инспекторов иностранным советникам. Переделанный проект о советниках был опять-таки вручен послом Гирсом Саиду Халим паше 9/22 ноября 1913 г. В проект, кроме определения объема совместной власти инспекторов и советников и способа разрешения возникающих между ними споров, входили также постановления о соблюдении принципа равенства при распределении должностей и мест в генеральных советах, о равноправии языков, отбывании воинской повинности на местах, школах, юстиции и земельном вопросе.

Увидав, что его замысел свести на нет реформу созданием института советников потерпел неудачу, турецкий Совет министров предпочел от него вовсе отказаться. Впервые явившимся к нему вместе российскому и германскому послам Великий визирь пожаловался на неудобства предложенного способа разрешения споров между инспекторами и советниками, обеспечивавшего почти всегда торжество мнения последних, а когда послы ответили, что можно было бы вернуться к первоначальному предложению о назначении европейских генеральных инспекторов, Саид Халим паша дал согласие на такое решение.

16 декабря Великий визирь предложил российскому послу следующий способ назначения генеральных инспекторов: Великий визирь, договорившись неофициально с представителями великих держав относительно объема власти этих лиц, обратится неофициально к представителям великих держав с просьбой указать кандидатов, а затем уже официально уведомит державы о их назначении и объеме их власти. На этой основе между российским послом и Великим визирем начались переговоры, в ходе которых Гирс стремился включить в новый проект главные принципы реформ, а турецкий Совет министров старался ограничить все дело исключительно назначением и полномочиями инспекторов. 23 декабря Великий визирь передал послу текст полномочий, а Гирс со своей стороны вручил Саиду Халиму проект ноты, которую турецкое правительство должно было направить державам при назначении инспекторов. Переговоры между послом и Великим визирем относительно окончательной редакции этих текстов, слитых впоследствии в один, завершились 5 января 1914 г., когда в результате обоюдных уступок было достигнуто соглашение по всем пунктам, кроме трех следующих: о школах; о распределении мест в полиции и жандармерии между мусульманами и немусульманами; о численном соотношении мусульман и немусульман в генеральных советах.

По первым двум вопросам удалось найти формулы, удовлетворившие как армян, так и турок. По вопросу же о составе генеральных советов потребовалось энергичное личное воздействие российского Министра иностранных дел.

26 января 1914 г. Великий визирь и российский поверенный в делах в Турции К. Гулькевич скрепили своими подписями Акт, по которому турецкое правительство обязалось обратиться к державам с выработанной посольством России совместно с турецким правительством нотой об армянских реформах, как только держава сообщат Турции имена двух генеральных инспекторов секторов Восточной Анатолии.

Этим Актом были завершены подготовительные работы по проведению в Армении реформ, инициированных обращением российского правительства к другим великим державам 24 мая 1913 г. В результате почти сорокалетних переговоров между великими державами и турецким государством было заключено это

единственное в мировой практике соглашение, направленное на предотвращение дальнейших актов геноцида.

Акт от 26 января 1914 г. не предоставлял армянам широких прав самоуправления, которые хотел закрепить за ними первоначальный русский проект. Вместо предполагавшегося соединения всех местностей, населенных армянами, в одну провинцию с одним генерал-губернатором во главе, шесть армянских вилайетов сводились в два административных района, которые должны были управляться двумя европейскими генеральными инспекторами, назначаемыми турецким правительством и утверждаемыми великими державами. Не удалось добиться исключения из этих секторов частей вилайетов, населенных исключительно мусульманами. Не удалось добиться ни учреждения одного собрания для всей турецкой Армении, ни расширения компетенции генеральных советов вилайетов до масштабов, предложенных Международной комиссией 1880 г. для вилайетов европейской части Османской империи. Пришлось отказаться и от некоторых других, второстепенных, пунктов русского проекта.

Хотя в тексте ноты, с которой Порты должна была обратиться к великим державам, не говорилось, что генеральные инспекторы назначаются ею по их рекомендации, согласно устной договоренности она была обязана назначить на эти должности лиц, предложенных ей державами. Кроме того, в ноте уже прямо указывалось, что Порта «рассчитывает на благосклонное содействие великих Держав» при выборе генеральных инспекторов, если в течение ближайших десяти лет эти должности окажутся вакантными.

Таким образом, управление армянскими вилайетами было поставлено под контроль иностранцев, назначаемых по рекомендации великих держав. В их обязанности входило наблюдение за деятельностью администрации, обеспечение правосудия, равноправия армян в межнациональных отношениях. Предполагалось упорядочить налогообложение. Фактически для этих вилайетов было создано положение, приближавшее их к положению Ливана, с тем, однако, преимуществом, что генеральные инспектора, назначавшиеся в армянские вилайеты, были иностранцы, тогда как генерал-губернатор Ливана был турецкий подданный. Установленный для армянских вилайетов порядок знаменовал также большой шаг вперед по сравнению с султанским декретом о реформах в Армении от 8/20 октября 1895 г. Этот декрет, учреждавший должность «верховного комиссара для проведения реформ», совершенно не упоминал о согласии великих держав.

Оценивая положения Акта от 26 января о полномочиях генеральных инспекторов, подписавший этот документ с российской стороны поверенный в делах К. Гулькевич отмечал, что предоставленные инспекторам права делали их не только «контролерами» администрации, суда, полиции и жандармерии края, но и «высшими его управителями». Генеральные инспекторы должны были назначать всех низших должностных лиц и входить в правительство Османской империи с представлениями о назначении высших чинов; они могли увольнять за неспособность или дурное поведение всех чиновников администрации, кроме валиев (генерал-губернаторов); они имели право даже устранять от должности несменяемых судей, известив об этом Министерство юстиции. Что касается валиев, то генеральные инспекторы в случае недовольства их образом действий должны были извещать Порту по телеграфу, причем Совет министров должен был в 4-дневный срок выносить решение. Это решение не могло расходиться с мнением генераль-

ного инспектора, так как могло бы вызвать отставку последнего, что, согласно вышеприведенному пункту Акта от 26 января, привело бы к новому вмешательству великих держав при замещении инспекторской вакансии.

Вооруженные силы секторов должны были находиться в распоряжении генеральных инспекторов для исполнения принимаемых ими в пределах их компетенции мер.

Разрешение земельных споров и производство переписи были поставлены под прямое наблюдение генеральных инспекторов. Это ограничивало возможности турецкого правительства обезземелить армян и фальсифицировать переписи населения. Но и во всех других областях управления и судопроизводства осуществление права контроля в связи с правом назначения и увольнения чиновников позволяло сосредоточивать в руках инспекторов всю фактическую власть над Арменией. Помимо этого, Акт от 26 января предусматривал выработку более подробных инструкций инспекторам относительно их прав и обязанностей, что позволило бы развить их в направлении повышения эффективности реформ.

В Акт удалось также включить, как общее правило, постановление об отбывании воинской повинности в мирное время на местах — постановление, не содержавшееся в султанском декрете 1895 г. Курдские нерегулярные полки Гамидие не упразднились, их реорганизовывали в резервные кавалерийские полки, подчиненные во время маневров или мобилизации общим дисциплинарным правилам, но лишенные оружия во все остальное время.

Большое значение для сохранения самобытности армян имело постановление, обеспечивавшее в бюджетах вилайетов школам каждой национальности часть, пропорциональную размеру уплачивавшихся ею школьных налогов. До этого правительство обычно расходовало все доходы с этих налогов на турецкие школы. Кроме того, османское правительство обязывалась не препятствовать участию единоверцев в расходах по содержанию общинных школ. Таких постановлений не было в султанском декрете 1895 г.

Новшеством было и положение об обнародовании законов, указов и официальных извещений на всех местных языках. Решения судов выносились на турецком языке, но, по возможности, должны были переводиться на язык сторон. Генеральные инспекторы могли также допустить употребление сторонами родного языка в сношениях с судом и администрацией.

Был решен чрезвычайно важный вопрос о распределении должностей между мусульманами и немусульманами. Если декрет султана 1895 г. исходил из принципа пропорциональности, то Акт от 26 января 1914 г. установил, что принцип равенства между мусульманами и немусульманами будет положен в основу распределения должностей в полиции и жандармерии по мере открытия вакансий и поскольку генеральные инспекторы не усмотрят в таком порядке неудобств. Ко всем другим должностям принцип равенства должен был применяться по возможности, т.е. опять-таки по усмотрению генеральных инспекторов.

Армянскому (христианскому) населению, впредь до производства переписи под контролем генеральных инспекторов, обеспечивалась половина мест в генеральных советах двух вилайетов — Ванского и Битлисского, а также Эрзерумского, если в последнем перепись не будет окончена в течение ближайшего года. В остальных вилайетах члены генеральных советов уже до проведения переписи должны были избираться по пропорциональной системе. Для предупреждения

возможных злоупотреблений со стороны турецких властей было решено определять число немусульманских избирателей по спискам, представляемым немусульманскими общинами, а мусульманских — по спискам, служившим для последних выборов в парламент. Если бы генеральные инспекторы нашли эту систему избрания советников непрактичной, они могли вносить предложения об ее изменении. Удалось также добиться представительства меньшинства в управах (энджуменах) генеральных советов вилайетов.

По оценке российского Министерства иностранных дел, это был «первый шаг к спасению» армянского народа. Реализация Акта от 26 января 1914 г. действительно могла бы иметь огромное значение для дальнейших исторических судеб армянского народа. Это могло бы предотвратить геноцид армян.

Акт был парафирован Великим визирем и представителем России и содержал обязательство Турции перед Россией обратиться к великим державам с нотой точно определенного содержания. Этим официально подчеркивалась руководящая роль России в Армянском вопросе и подтверждалась связь со ст. 16 Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора.

Назначенные в апреле 1914 г. генеральными инспекторами норвежец Гофф уже прибыл в Ван, а голландец Вестенек направлялся в Эрзерум, когда Турция, вступив в войну с Россией, сорвала выполнение реформ в Армении и приступила к полному и повсеместному уничтожению армян.

10. Политические и правовые результаты первой фазы геноцида армян, 1876—1914 гг.

Цели турецкого государства были настолько ясны, а действия столь самоочевидны, что вынуждали международное сообщество к принятию согласованных или коллективных гуманитарных мер для пресечения и предотвращения новых проявлений геноцида. В соответствии с международно-правовыми актами, участником которых было само турецкое государство, Россия и другие великие державы неоднократно ставили вопрос об обеспечении безопасности армянского населения.

На первой стадии геноцида армян вопрос об ответственности фигурировал в специфической форме права «концерта» великих держав на гуманитарную интервенцию и обязательств Оттоманской империи ввести в армянских вилайетах реформы управления в виде фактической автономии в рамках границ империи (при сохранении территориальной целостности Оттоманской империи).

Турецкое правительство, будучи связано международным обязательством осуществить «улучшения и реформы», направленные на обеспечение безопасности армянского населения, время от времени сообщало о том, что разрабатывает собственные проекты реформ, которые противопоставлялись им международным проектам. Оно хотело придать реформам характер дискреционных национальных мер, не связанных непосредственно с устранением нависшей над армянами угрозы уничтожения, и тем самым лишить их всякого смысла и значения. Когда же оно присоединялось к международному процессу выработки армянских реформ, свое участие в нем сводило к чисто негативной, деструктивной роли. Если не удавалось добиться отказа от самой идеи реформ, оно делало все, чтобы затянуть их принятие, обкорнать, выхолостить из них реальное содержание.

Помимо общих норм и принципов международного права, устанавливавших ответственность государства за преступления против человечности, международно-правовую основу интернационализации Армянского вопроса и гуманитарной интервенции составляли также международные договорные нормы.

На протяжении десятилетий, с 1876-го по 1914 г., политика турецкого правительства заключалась в том, чтобы, создавая видимость процесса выработки реформ, усыпляя бесконечными переговорами бдительность международной общественности, играя на противоречиях великих держав, парализовать их коллективные гуманитарные усилия. Когда же в результате компромиссов удавалось выработать приемлемый для всех проект и турецкое правительство было вынуждено официально принять международное обязательство по их претворению, оно просто срывало осуществление этих реформ и все повторялось с начала. Обманывая мировое сообщество обещаниями скорых «улучшений и реформ», турецкое правительство продолжало планомерно и систематически проводить политику геноцида, сокращая численность армянского населения, готовя условия для последнего, заключительного удара. Оно ждало лишь подходящей политической ситуации, которая позволила бы безнаказанно реализовать тщательно разработанный план полного и повсеместного физического уничтожения армянского народа. Осуществление этой цели турецкого государства облегчалось непримиримыми противоречиями великих держав, шедших полным ходом к мировой войне.

Политическим результатом соперничества была неадекватная реакция на совершаемые преступления: попытки обеспечения безопасности армян посредством гуманитарной интервенции и введения реформ и улучшений при сохранении территориальной целостности империи, созданной путем завоеваний и поддерживаемой перманентной резней поработанных народов.

Неспособность международного сообщества пресечь истребление целого народа на первой стадии частичного геноцида создала предпосылки для неизбежного перехода ко второй, завершающей стадии — повсеместного физического уничтожения армян.

Документы подтверждают ответственность великих держав (прежде всего Германии и Великобритании) за последствия их политики — сохранения целостности геноцидной Оттоманской империи и создания предпосылок и условий для перехода к заключительной стадии полного и повсеместного физического уничтожения армянского народа.

РАЗДЕЛ III

Международное признание ответственности Турции за полное уничтожение армян как национальной группы (1915—1923) и обязательства мирового сообщества

Это центральный раздел Сборника. Представленные в нем документы показывают, как на основе действовавших тогда международно-правовых норм и принципов международное сообщество признало факт совершения Оттоманской империей геноцида армян — «убийства целого народа» и установило международную ответственность за совершение этого преступления: политическую — турецкого государства и уголовную — для физических лиц.

Этот сложный процесс проходил путем преодоления противодействия турецкого государства, пользовавшегося поддержкой вначале своей союзницы в Первой мировой войне — Германии, а потом — большевистской России. Непросто формировалась и позиция международного сообщества.

В целях наиболее полного восприятия этого процесса и правильной оценки его результата материал изложен в хронологическом порядке. основополагающим документам, отражающим позицию мирового сообщества, таким, как материалы Парижской мирной конференции и Лиги Наций, предшествуют материалы, свидетельствующие о попытках турецкого правительства создать видимость примирения армян с ситуацией, сложившейся в результате турецкой агрессии и геноцида.

1. Декларация великих держав Антанты об ответственности турецкого правительства за новые преступления арменоцида

Перед началом Первой мировой войны, когда две военно-политические группировки — Антанта и центральноевропейский (германский) блок пытались привлечь Оттоманскую империю на свою сторону, турки могли получить от Великобритании, России и Франции гарантию территориальной целостности своей империи в обмен на нейтралитет в войне. Однако младотурецкие правители Оттоманской империи предпочли заключить наступательный военно-политический союз с Германией, обещавшей свою поддержку в реализации планов пантюркистской экспансии на Кавказе. С этой целью Турция приняла участие в Первой

мировой войне и, пользуясь созданными войной условиями, приступила к ликвидации армянского этнического клина как части этих планов.

Отказ Оттоманской империи от предложенной гарантии территориальной целостности устранил политические препятствия для адекватной реакции Великобритании, России и Франции на геноцид армян. Международное сообщество, естественно, должно было реагировать на геноцид, осуществлявшийся турецким государством. Первый акт, в котором действиям турецкого правительства была дана международно-правовая оценка, появился в виде согласованных идентичных деклараций держав Антанты — России, Великобритании и Франции 24 мая 1915 г. Действия турецкого правительства квалифицировались ими как «новые преступления Турции против человечности». Иначе говоря, великие державы относили эту квалификацию не только к начатой в 1915 г. заключительной стадии арменоцида, но и к предыдущей геноцидной практике турецкого государства, выразившейся, в частности, в убийстве 300 тыс. армян в актах резни 1876—1914 гг.

Декларация 1915 г. воплотила принцип наказуемости за «преступления против человечности и цивилизации» как признанную в международном праве основу отношений в обществе. Три великие державы прямо и однозначно установили личную уголовную ответственность членов турецкого правительства — организаторов и исполнителей преступления против человечности.

2. Вопрос об отделении Армении в секретных соглашениях великих держав Антанты о разделе нетурецких частей Оттоманской империи

Вторая стадия геноцида армян, т.е. повсеместное поголовное уничтожение армян, проходила в эпоху коренных изменений принципов и норм международного права. Начиналась она, когда применение силы и территориальные аннексии еще признавались правомерными, а завершалась — когда в международном праве стал утверждаться принцип самоопределения народов.

Злоупотребление властью, которое выражалось в резне и других преступлениях против человечности, признавалось в международном праве достаточным основанием для лишения соответствующего государства власти над народом — жертвой этих преступлений.

Начавшееся повсеместное физическое уничтожение армян давало идеальную аргументацию в пользу отделения от Оттоманской империи не только Армении, но и всех поработанных ею народов. Отказ от предложенной Антантой гарантии территориальной целостности, неспровоцированное нападение на Россию, вступление в войну с державами Антанты на стороне Германии с целью реализации пантюркистской программы захвата населенных тюркскими народностями территорий России и других стран устранили препятствия для реализации давно назревшей идеи освобождения нетурецких народов империи. Освободившись от необходимости поддержания территориальной целостности геноцидной Оттоманской империи, союзные державы Антанты приступили к переговорам о разделе отторгаемых инациональных частей «лоскутной» империи.

В международных условиях той эпохи и на том уровне развития международного права политическая ответственность турецкого государства за геноцид ар-

мян и других народов в виде прекращения власти геноцидного государства могла реализоваться только через раздел ее нетурецких частей с соблюдением баланса сил между соперничавшими друг с другом великими державами. Соперничество великих держав и связанное с ним стремление сохранить существующее равновесие влекли за собой неизбежный раздел не только Османской империи, но и территорий самих освобождавшихся народов и установление новых форм зависимости от держав-освободительниц.

Инициативу в этом проявили Великобритания и Франция. Переговоры вели бывший французский генеральный консул в Бейруте Франсуа Жорж Пико и постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Артур Никольсон, которого затем сменил в качестве чрезвычайного уполномоченного правительства эксперт по ближневосточным делам Марк Сайкс.

Они стали разрабатывать проект раздела территорий, населенных арабами, курдами, армянами, в качестве своих владений, зон влияния и международного управления (Сирия, Ливан, Палестина, Трансиордания, Мосул, Киликия и др.).

Отношение России к решению Армянского вопроса при послевоенном урегулировании было известно союзникам по Антанте. Ее позиция была однозначно изложена в докладной записке Министра иностранных дел С. Сазонова Совету министров России¹.

Имея в виду традиционную заинтересованность России в политической судьбе турецкой Армении и учитывая, что большая часть ее, включая Эрзерум, Ван и Битлис, уже была освобождена русскими войсками при активном участии армянских добровольцев, Великобритания и Франция согласились на передачу ей территории армянских вилайетов Османской империи.

Однако, видя в России соперника, ее союзники по Антанте выступили против воссоединения под ее контролем всей исторической Армении, так как это привело бы к выходу российского государства в Средиземное море и к нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Добиваясь перехода под свой контроль богатых нефтью территорий, Великобритания предпочитала, чтобы компактно населенные армянами средиземноморская Киликийская Армения и прилегающие к ней части Малой и Великой Армении перешли под власть Франции. Тем более что ее надо было компенсировать чем-то за согласие на предложенную схему раздела.

Россия, заинтересованная в обещанном ей по англо-франко-русскому секретному соглашению 1916 г. решении вопроса о Константинополе и проливах, не могла активно выступать против передачи Франции части турецкой Армении.

3/16 июня 1915 г. российский Министр иностранных дел Сазонов информировал посла в Париже, что «если... армянским делегатам удастся склонить парижский кабинет ко включению Киликии в состав будущей Армянской области, то Императорское правительство может только сочувствовать исполнению желания турецких армян, которым оно искони покровительствовало»². Россия завладевала «Арменией посредством армян». Поддерживая их право на воссоединение, она могла осуществить заветную мечту — выйти в Средиземное море.

¹ Док. № 213.

² Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., Литиздат. НКВД, 1924. XXVII. С. 128.

9 марта 1916 г. прибывшие в Петроград М. Сайкс и Ф.Ж. Пико вручили Министру иностранных дел России Сазонову меморандум с изложением своего проекта раздела. В качестве условия признания их притязаний на освобождавшиеся от власти турок арабские и другие инонациональные области Оттоманской империи российский министр выдвинул свои требования.

В ходе начавшихся переговоров уполномоченный английского правительства Сайкс добивался отказа России от идеи объединения под своей властью всей Армении. Великобритания, говорил он, считает «нежизненным» план учреждения армянского государства под турецким сюзеренитетом, но она отказывается и от плана создания армянского правительства под международным контролем с нейтральными администраторами. Она дает согласие на аннексию Россией армянских территорий Эрзерума, Вана и Битлиса при условии, что остальные части исторической армянской территории, т.е. «Армения как Армения», будут находиться во французской зоне.

В качестве «основания» для раздела самой Армении между Россией и Францией Сайкс выдвинул оригинальный «принцип» — заботу об освобождении России от надуманной угрозы армянских «анархо-социалистов»: так как «полная передача Армении» под власть России повлечет за собой включение в русскую политическую систему страны с революционными обществами, находящимися в постоянных сношениях с существующими революционными организациями на Кавказе и Персии, то он предлагает России только Эрзерум, Битлис и Ван «с минимальным количеством армянского населения», а «бывшую римскую, или Малую, Армению» предлагает передать Франции. Таким образом, «французская зона включает исторические армянские города Зейтун, Хаджин, Диарбекир, Мейафаркин, Сивас и область, которая управлялась последним армянским королем, которому суждено было умереть в Париже, а также графство Эдесское эпохи Крестовых походов, где царствовал Ги Лузиньян». Это, говорил Сайкс, «имеет значение в качестве отправного пункта для армянского исторического национализма, который забыл народные песни и традиции Вана и Эрзерума, являющиеся идейной базой для армянской анархо-социалистической пропаганды». Кроме того, «лично» Сайкс считает, что «было бы хорошо, если только это возможно, включить Мушскую равнину во французскую зону, так как это избавило бы Россию от рассадника революционных идей и отрезало бы одну из самых пригодных для пропагандистских целей кавказских революционеров областей от сферы их деятельности».

В итоге французская зона будет средоточием армянских национальных чаяний. Это крайне выгодно для России, утверждал Сайкс, так как армяне Малой Армении настроены клерикально и консервативно в противоположность кавказским армянам и армянам восточным, анархо-социалистам. Если бы фокусом армянских национальных чаяний был Эрзерум, анархо-социалисты забрали бы в свои руки весь армянский политический механизм и укрепили бы его; при этом же положении умеренные элементы подчинят себе армянские национальные стремления под французской опекой, исходящей из Малой Армении»¹.

¹ Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. XXVI. С. 158.

Спекулируя на страхе Российской империи перед революцией, Великобритания и Франция раскалывали Армению на две части, противопоставляя одну другой. При этом английская дипломатия явно рассчитывала на то, что Франция, опираясь на Киликийскую и Малую Армению, будет стремиться распространить сферу своего влияния в пределы Российской империи, «способствуя развитию автономных стремлений, главным образом в армянской части населения»¹. Было известно, что французские миссионерские организации, наряду с американскими, уже давно работали над отдалением «армянских симпатий и армянских идеалов от России и русской государственности»².

Более того, английские «доброжелатели», руководствуясь своими политическими соображениями, убеждали Россию, будто ее интересам отвечало бы приобретение не компактно населенной армянской, а неоднородной в этническом отношении территории. Они утверждали, будто присоединением «некоторого количества турок-османов» можно было бы нейтрализовать стремление к воссоединению турецкой и российской частей Армении и самоопределению армянского народа, «в жилах которого течет особенно беспокойная кровь»³.

По соглашению 13/26 апреля 1916 г. «взамен» предоставленных Франции территорий римской и византийской Малой Армении между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Варой, Эгином и Харпутом к России отходили примыкающая к Армении часть южного побережья Черного моря до подлежащего определению пункта к западу от Трапезунда. Кроме этого, Россия дополнительно получала населенную курдами область Хакяри к югу от Вана и Битлиса⁴.

Оценивая результаты заключенного под воздействием его страны соглашения, Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж отмечал, что «половина Армении должна была перейти под русский контроль, а другая, южная, половина — под французский»⁵.

На замечание, сделанное на Особом совещании, о том, что «разделение Армении на две части, из которых одна отойдет к России, а другая — к Франции, вызовет неудовольствие и протесты армян и агитацию на Кавказе», Министр иностранных дел России сказал, что «такое разделение соответствует топографическим особенностям местности и вероисповедной группировке армян. Кроме этого, если невозможно создать единую Армению, то для самих армян лучше, чтобы часть их, остающаяся вне России, принадлежала культурной Франции, а не Турции, причинившей им столько несчастий»⁶.

Соглашения Союзных держав Антанты, лишая Оттоманскую империю ее нетурецких частей, не предоставляли независимость освобожденным от турецкой тирании народам подобно тому, как это было сделано в XIX в. с греками, румынами, сербами и болгарами, хотя систематические преступления турецких захватчиков, являясь выражением преступного существа всей турецкой государственной системы, представляли достаточное правовое основание для полного и абсолют-

¹ Там же. XCIX. С. 181.

² Там же.

³ Там же, XCVIII. С. 176.

⁴ Там же. Протокол Особого совещания, XCVI. С. 172—174.

⁵ *Lloyd George D. The truth about the peace treaties.* London. 1938. Vol. II. P. 1258.

⁶ Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. Протокол Особого совещания. XCVI. С. 172—174.

ного отрицания суверенитета турецкого государства и его территориального верховенства в отношении народов, ставших объектом его геноцидной политики.

«Секретные соглашения Союзных держав, — писал российский дипломат А. Мандельштам, — представляли явный отход от методов довоенной гуманитарной интервенции... ибо они заменяли независимость народов, освобожденных от турецкого господства, их более или менее замаскированной аннексией освободителями»¹.

Секретное соглашение о разделе нанесло существенный ущерб идее гуманитарной интервенции, а тем самым и эффективности международных усилий по недопущению и пресечению геноцида и других аналогичных преступлений. Импералистическим характером раздела нетурецких частей Оттоманской империи впоследствии воспользовались большевики в своих доктринарских целях мировой революции. Содержание этих тайных договоров В. Ленин характеризовал как «дележ Турции... Армении», как грабеж «Армении... Турции»².

Порвав насильственные «связи» между Оттоманской империей и Арменией, русская армия создала условия для осуществления Россией де-факто суверенитета и в турецкой части Армении.

В соответствии с соглашениями держав Антанты о разделе нетурецких частей Оттоманской империи, российское правительство имело все возможности аннексировать Армению, которой Россия уже владела в силу приобретенного по праву войны территориального верховенства. «Так называемая “Турецкая Армения” — единственная, кажется, страна, занятая Россией “по праву войны”», — писал И. Сталин 31 декабря 1917 г.³

Оккупация Армении русскими войсками имела неизмеримо больше правовых и моральных оснований, чем противоправная, противная человеческой совести кровавая и варварская тирания турок. Распространение государственного верховенства России и на турецкие части исторической Великой Армении означало гарантию физического существования армянской нации.

Несмотря на отрицательные последствия раздела армянских территорий Оттоманской империи между Францией и Россией, передача последней большей части Западной Армении отвечала жизненным интересам армянского народа. Поскольку Карсская область и другие территории Восточной Армении уже входили в состав Российской империи, появилась реальная перспектива воссоединения и возрождения армянского народа.

3. Освобождение Армении от тирании турок как цель Первой мировой войны

О том, что освобождение Армении от власти геноцидного турецкого государства является одной из целей Первой мировой войны, Союзные державы Антанты стали говорить сразу же после того, как Турция, вступив в войну, занялась полным физическим уничтожением армян.

¹ *Mandelstam A. La Société des Nations et les Puissances devant le Problème Arménien.* Paris, 1925. P. 309.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 163, 327, 300.

³ *Сталин И.В.* Соч. Т. 2. С. 25.

В своей знаменитой речи, произнесенной в мэрии лондонского Сити — Гилдхолле в ноябре 1916 г., Премьер-министр Г.Г. Асквит заявил под аплодисменты, что британское правительство полно решимости добиваться, чтобы после войны настала эра свободы и спасения этого древнего народа¹. Когда же Президент США В. Вильсон обратился к воюющим державам с призывом объявить об условиях, на которых можно было бы прекратить войну, союзные державы 10 января 1917 г. назвали среди своих целей освобождение порабожденных народов от «кровавой тирании турок»².

Тем не менее дипломатия держав Антанты, сообразовываясь со своими великодержавными интересами, все еще действовала осторожно, не уточняя содержание международно-правового статуса Армении и других нетурецких территорий Оттоманской империи. В то время правительства Союзных держав воздерживались говорить о независимости этих территорий не столько потому, что не могли предвосхитить результаты мирной конференции, сколько ввиду заключенных ими секретных договоров о разделе нетурецких частей Оттоманской империи.

Само освобождение от турецкого порабощения виделось в политико-правовых представлениях уходящей эпохи. Это отразилось, в частности, в следующей реакции лорда Гардинга в декабре 1917 г. на требования широкой общественности определить отношение к судьбе армян в послевоенном устройстве мира: «Освобождение от турецкого ига предполагает либо аннексию другим государством, либо какую-то форму самоуправления. Я думаю, что осторожное применение подобного термина можно было бы допустить в ответе на дружественный вопрос в Палате общин».

Освобождение Армении как цель Первой мировой войны обрело особое звучание после обнародования советским правительством России секретных документов Министерства иностранных дел Российской империи. О готовившемся разделе и аннексии Армении стала писать пресса, вопрос стал обсуждаться в парламентах. Возмущение мировой общественности подогревалось российскими большевиками.

В этих условиях освобождение Армении от турецкой тирании державы Антанты провозгласили как высокую гуманистическую цель, оправдывавшую Первую мировую войну, повлекшую большие жертвы.

В ответ на требования пацифистов об «эвакуации всех оккупированных территорий» и критику планов раздела территории Оттоманской империи Министр иностранных дел А. Бальфур, выступая 6 января 1917 г. в парламенте, обвинил их в крайней узости интерпретации. «Разве не было бы проявлением безразличия с нашей стороны, если бы Армения вновь вернулась под турецкое правление?» — заявил Министр. Он провозгласил «обязанностью и долгом» Великобритании «вывести из-под турецкого правления людей, которые не являются турками, над которыми турки тиранствовали, развитие которых турки приостановили...». «Что же империалистического в желании видеть Армению свободной от Турции?» — спросил Министр³.

Выступая 29 июня 1917 г. в Глазго, Премьер-министр Великобритании сказал, что мирная конференция должна будет решить, что делать с Месопотамией, но од-

¹ The Times. 10 November 1916. P. 10.

² Taylor A.J. War Aims of the Allies in the First World War // R. Pares and A. J. Taylors (eds.). Essays Presented to Sir Lewis Namier. London 1956. P. 491.

³ Док. № 307.

но «никогда не случится. Она никогда не будет возвращена под гибельную тиранию турок». Опека должна быть передана в более компетентные и справедливые руки по выбору конференции. Этот же подход должен быть применен и к Армении — земле, пропитанной насквозь кровью вырезанных турками невинных людей, и это сделали люди, которые обязаны были защищать их¹. Обосновывая общий тезис, что оккупированные в ходе войны территории не обязательно должны быть возвращены их владельцам, Ллойд Джордж сослался на судьбу армян. В заявлении, сделанном в Палате общин уже 20 декабря, британский Премьер напомнил членам парламента сказанное им в Глазго об Армении. Он вновь говорил о земле, пропитанной насквозь кровью вырезанных турками невинных людей. Затем Ллойд Джордж перешел к критике идеи возвращения всех оккупированных в ходе войны территорий тем, кому они принадлежали до этого. Нужно ли, заметил он, чтобы Великобритания сказала армянам, которые прошли «через ужас резни», «в интересах международной морали — возвращайтесь назад»?

Комментируя заявления британского правительства и конкретно Премьер-министра Ллойд Джорджа, западные исследователи британской политики отмечают воздействие на нее новых идей того периода: британский Премьер должен был соревноваться в идеализме как с русскими, так и с Президентом Вильсоном².

Об освобождении Армении, Аравии, Сирии, Палестины и других порабожденных турками народов говорилось и в других официальных заявлениях о целях Великобритании и Союзных держав в Первой мировой войне.

В оглашенной Премьер-министром 5 января 1918 г. декларации английского правительства о целях войны — документе, который должен был иметь национальный характер и представлять все части общественного мнения, указывалось, что Армения, Аравия, Месопотамия, Сирия и Палестина «имеют право на признание их отдельного национального существования» и что восстановление «прежнего суверенитета» Турции над этими территориями «невозможно»³.

4. Западная Армения под управлением России

Даже в условиях продолжавшейся войны процесс восстановления и консолидации Армении шел быстрыми темпами. Уже 5 июня 1916 г. было введено в действие Временное положение об управлении областями Турции, занятыми по праву войны. Было учреждено временное Военное генерал-губернаторство. Цели этого мероприятия заключались в поддержании спокойствия и порядка, охране жизни, чести, имущества, религиозной и гражданской свободы населения⁴.

Занявшись вопросом о будущем устройстве присоединяемых к Российской империи территорий Западной Армении, российский государь и его правительство рассматривали возможность установления в Армении формы автономии. Сохранился соответствующий документ с собственноручными пометами Нико-

¹ Док. № 310.

² Taylor A.J. The War Aims of the Allies in the First World War. P. 499, 497.

³ Док. № 316.

⁴ Док. № 277. См. также: Арутюнян А.О. Кавказский фронт. 1914—1917. Ереван. 1917. С. 358; Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. Ереван. 1994. С. 5 и др.

лая П. Судя по примеру Польши и Финляндии, это могло быть довольно продвинутое самоуправление. Следует, однако, отметить и то, что в России было и другое политическое течение, предлагавшее заселить турецкую Армению казаками.

Правда, со временем правительство стало склоняться к мысли, что в границах России вопрос об автономии Армении, «по всем вероятностям, к жизни пока еще не будет призван».

Гуманизм армянской политики России определялся не одними политическими мотивами. Он имел глубокие корни в духовности русского народа, его интеллигенции, выражавшейся в армянофильской деятельности таких людей, как Лев Толстой, Валерий Брюсов, Юрий Веселовский, Сергей Городецкий и др. И все же на государственном уровне определяющими были интересы, которые формировались под воздействием устойчивых геополитических факторов.

О непреходящем характере складывавшейся с эпохи Петра Великого проармянской политики России говорит и то обстоятельство, что эта политика была воспринята и молодой российской демократией. Весьма красноречива в этом отношении оценка, данная лидером партии кадетов П. Милюковым: «Можно по-разному относиться к российским социалистам, кадетам и другим, но нельзя не видеть, что если бы развитие пошло под их воздействием, то это была бы демократия в общечеловеческом смысле не только во внутренней жизни России, но и в ее внешних сношениях. В частности, есть основания полагать, что сохранилась бы преемственность в армянской политике России, в гуманистическом содержании этой политики».

После упразднения в России монархии идея автономии Армении в составе России получила полную поддержку Временного правительства. Оно приступило к восстановлению опустошенной геноцидом страны.

Временное правительство 26 апреля/9 мая приняло постановление «Об устройстве областей турецкой Армении, занятых по праву войны». Действуя на основании ст. 42 и 43 Гаагской конвенции 5/18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, правительство России постановило изъять эту территорию из ведения кавказских властей и Кавказского фронта и передать в непосредственное подчинение российского правительства «впредь до окончательного определения мирным трактатом положения турецкой Армении»¹.

В соответствии с этим постановлением управление территорией турецкой Армении стало осуществляться на основании особых положений, издававшихся Временным правительством России. Гражданское управление осуществлял Генеральный комиссар турецкой Армении, назначенный непосредственно Временным правительством. В обязанности Генерального комиссара входило определение числа областей и округов и установление их границ, восстановление и поддержание спокойствия и порядка, охрана жизни, чести, имущества, религиозной и гражданской свободы, обеспечение полного равенства всех народностей. Признавались право на выборы путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, полная свобода совести, религии и вероисповедания без всякой дискриминации.

По представлению Министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко 15 мая 1917 г. правительство дало Генеральному комиссару сле-

дующие «руководящие указания: 1. Не предвещая вопроса о будущих географических и политических границах Армении, Временное правительство из занятых ныне в Азиатской Турции по праву войны областей считает искони армянскими вилайеты: Ванский, Битлисский и Эрзерумский. 2. В интересах поднятия хозяйства страны, а также во имя справедливости и для восстановления прав армян, резней и выселением погранных Турцией, надлежит принять теперь же меры к обратному заселению этих областей армянами, переселившимися в пределы России в течение текущей войны и в прежние годы. Равным образом не должно ставить препятствий к заселению этих областей вообще желающими вернуться армянами из бывших турецких подданных. Ввиду неоконченности войны, возможных колебаний фронта и продовольственных и транспортных затруднений предлагается Генеральному комиссару производить заселение постепенно и по плану, заранее выработанному с представителями армянских организаций. 3. Что касается турок, курдов и лазов, то, не имея целью создавать каких-либо затруднений для оставшихся в названных областях или ушедших в пределы России, оказывая им законное содействие и покровительство, надлежит тем не менее в целях военного обеспечения армии и для предотвращения возможных национальных осложнений не допускать, впредь до особого распоряжения, обратное водворение тех из них, кои ушли вместе с турецкими войсками»¹.

По приказу Генерального комиссара турецкой Армении П. Аверьянова были образованы три района с соответствующими уездами: 1) Эрзерумский — Эрзерум, Держан (Мамахатун), Аш-Кала, Масур, Асан-Кала; 2) Хнысский — Алашкерт, Каракилиса, Диалин, Хныс, Маназкерт, Баязет; 3) Ванский — Беркри, Арчеш, Сарай, Баш-Кала, Хошеб. Комиссарами районов были назначены соответственно Я. Готов, К. Амбарцумов, Н. Николенко с помощниками-армянами.

В места своего жительства возвратились 140 тыс. армян. Создавались органы самоуправления. Началось восстановление хозяйства и культурной жизни, открывались школы и детские приюты².

Курс российской демократии в решении Армянского вопроса основывался на гуманитарной традиции Российского государства и исходил из того, что ликвидация последствий геноцида, восстановление разрушенной турками армянской национальной группы соответствует внешнеполитическим интересам российского государства.

Публикуемые в Сборнике документы о позиции Временного правительства в Армянском вопросе представляют особый интерес. Выступая за продолжение войны до близкой уже победы держав Антанты, оно имело все возможности — международно-правовые и политические — для сохранения занятой «по праву войны» Западной (турецкой) Армении и полноценного участия России в решении ее судьбы на мирной конференции.

Значение практики Временного правительства, как связующего звена российской традиции по Армянскому вопросу, подтверждается принципиальной позицией, которую отстаивали уже в изгнании представители свергнутой большевистским переворотом власти России³.

¹ Док. № 301.

² Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. С. 6—7.

³ Док. № 387.

От дилетантского и беспринципного подхода большевистского правительства России принципиально отличается и позиция руководителя белого движения генерала Деникина¹.

5. «Романтический» период армянской политики советской России

Октябрьский переворот 1917 г. в России сломал исторический ход развития страны и внес кардинальные изменения в процесс послевоенного урегулирования. Выступая за превращение мировой («империалистической») войны в «мировую революцию» во имя победы социализма, В. Ленин выдвинул программу «мира без аннексий», понимая под аннексией не только насильственное присоединение, но и насильственное удержание государствами чуженациональных территорий.

Внешнеполитическая концепция большевиков строилась на признании права всех народов на самоопределение вплоть до отделения. Принцип «мира без аннексий», положенный в основу большевистской программы послевоенного устройства мира, понимался «не в том неправильном смысле, что воюющие стороны возвращают занятые в ходе военных действий территории, а в том единственно правильном смысле, что каждая народность, без единого исключения... получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство или входит в состав любого иного государства»².

Ленин обещал, что «великороссы не будут насильственно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное. Великороссы обязуются по условиям такого мира немедленно вывести войска и из Галиции, и из Армении, и из Польши, предоставляя как этим народам, так и вообще народам без изъятия решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно»³.

Получив доступ к секретным документам царского правительства о разделе нетурецких частей территории Османской империи, большевики первым делом опубликовали их, противопоставив политике раздела концепцию «мира без аннексий», основанную на праве народов на самоопределение вплоть до отделения. Советская Россия нанесла сильнейший удар по отживавшей свой век системе международных отношений.

Отказ правительства РСФСР от раздела нетурецких частей Османской империи и выдвигание им новой, «революционной» программы послевоенного устройства мира при всей ее утопичности имели огромное международное значение. Большевистская революция, при всей ее односторонности и доктринерстве, по-своему отражала происходившие в мире процессы демократизации межгосу-

дарственных отношений. В создавшейся в мире политической ситуации игнорировать эти императивы было невозможно.

Принцип самоопределения народов, ставший впоследствии одной из основ ликвидации колониальной системы, а позже и распада самой советской империи, был выдвинут обеими противоборствовавшими системами. Ее апостолами выступили, с одной стороны, основатель советского государства В. Ленин, а с другой — Президент США В. Вильсон. Право народов на самоопределение стало не только политическим императивом, но и нормой международного права.

Происходившие в мире динамичные процессы, формирование нового правосознания, выдвигание принципа самоопределения народов оказывали существенное влияние на процесс послевоенного устройства мира. По словам известного английского дипломата той эпохи Г. Никольсона, «русская революция изменила весь аспект Армянского вопроса»¹.

Хотя позиция большевиков и советской России по Армянскому вопросу вызвала противодействие Запада и, в конечном итоге, имела губительные последствия для армянского народа, политическое противоборство большевизма и либерального Запада, превратившись в решающий фактор мирового значения, способствовало изменению характера послевоенного урегулирования, в том числе (и прежде всего) в связи с отношением к Османской империи. Вместо раздела нетурецких частей империи мирное урегулирование пошло по пути постепенного признания национальной государственности народов аннексированных территорий.

В том же направлении на развитие вопроса воздействовали и США, которые не участвовали в соглашениях о разделе Османской империи и в лице своего выдающегося Президента Вудро Вильсона выдвинули и активно добивались претворения в жизнь принципа самоопределения народов.

Аннексия Россией турецкой Армении, даже оформленная соглашениями великих держав о разделе нетурецких частей Османской империи, не укладывалась в рамки провозглашенной Лениным политической философии большевизма.

Отказ от тайных договоров о разделе территории Османской империи, провозглашение лозунга «мира без аннексий», признание права народов на самоопределение как высшее основание владения и распоряжения территорией прямо и непосредственно отразились на Армянском вопросе.

Ленин и его последователи провозгласили в качестве одной из целей Октябрьского переворота новое, по их утверждению, подлинно демократическое решение Армянского вопроса на основе «свободы самоопределения Армении»², исключающее всякую аннексию, «т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей»³.

Провозглашенный советским правительством России лозунг «мира без аннексий» не означал возврата оккупированных в ходе войны территорий. Это прямо относилось и к занятой по праву войны турецкой Армении. «Турция потеряла Армению», — констатировал и сам Ленин в январе 1917 г.⁴

¹ Док. 656.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 41.

³ Там же. Т. 24. С. 320—321.

¹ FO 371/3062/227539, H. Nicolson, min., 17 Nov. 1917.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 386.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. Т. 23. С. 170.

В соответствии с выдвинутой Лениным программой послевоенного устройства мира вопрос о политическом статусе территорий, приобретенных «по праву войны», должен был решаться на основе свободного самоопределения их населения. «Мы заявляем, — говорилось в обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока, — что Договор о разделе Турции и «отнятии» у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу»¹.

Осудив «тайную дипломатию» и отказавшись от участия в разделе территории Османской империи и «отнятии» у нее Армении, советское правительство России, в соответствии с провозглашенными им принципами устройства мира, официально декларировало признание им права на свободное самоопределение «всей Армении» — как российской (Восточной), так и турецкой (Западной).

11 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР в специальном Декрете за подписями В. Ленина и И. Сталина провозгласил независимость турецкой Армении как проявление права ее коренного армянского населения на независимость.

С точки зрения международного права Декрет примечателен как один из ранних государственных актов, который впервые в мировой практике предлагал решение вопроса о последствиях геноцида. Декрет предполагал признание противоправности турецкой власти в Армении и соответственно непризнание последствий геноцида армян. По смыслу и прямым словам Декрета, резня, вынужденное бегство и эмиграция не могли и не должны были влиять на реализацию права армян на самоопределение.

Объявив армянскому народу, что правительство России «поддерживает право армян оккупированной Россией “Турецкой Армении” на свободное самоопределение вплоть до полной независимости», Совет Народных Комиссаров определил ряд предварительных гарантий, «абсолютно необходимых» для осуществления этого права.

Таковыми гарантиями Совет Народных Комиссаров считал: 1) вывод войск из пределов турецкой Армении и немедленное образование армянской народной милиции в целях обеспечения личной и имущественной безопасности жителей турецкой Армении; 2) беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных в различных странах, в пределы турецкой Армении; 3) беспрепятственное возвращение в пределы турецкой Армении насильственно выселенных во время войны турецкими властями вглубь Турции армян. Совет Народных Комиссаров обещал, что будет настаивать на этом при мирных переговорах с турецкими властями².

В содержании выдвинутых в Декрете трех требований прослеживается влияние гуманистических традиций России в Армянском вопросе. Вместе с тем Декрет был явно политически ориентирован, приспособлен к коммунистической

¹ Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 134—137. Историк А.Н. Хейфец отмечал, что взятыми в кавычки слова «отнятии» — подчеркивалось отсутствие у Турции прав на турецкую Армению. Поэтому об «отнятии» ее у Турции можно было говорить только условно (Хейфец А.Н. Советско-турецкие отношения и вопрос об Армении в 1918—1921 гг.//МГПИ им. В.П. Потемкина. Ученые записки. М., 1951. Т. XIV. Вып. 1. С. 286).

² Док. № 314.

идеологии. Реализацию Декрета советское правительство России связывало с интересами «социалистической революции». Об этом прямо писал И. Сталин 31 декабря 1917 г. в «Правде» в статье «О “Турецкой Армении”»: «Сыны Армении, героические защитники своей родины, но далеко не дальновидные политики, не раз поддававшиеся обману со стороны хищников империалистической дипломатии, не могут теперь не видеть, что старый путь дипломатических комбинаций не представляет путь освобождения Армении. Становится ясным, что путь освобождения угнетенных народов лежит через рабочую революцию, начатую в России в Октябре. Теперь ясно для всех, что судьба народов России, особенно же судьбы армянского народа, тесно связаны с судьбами Октябрьской революции»¹.

Говоря об органах власти, которые предполагалось создать в турецкой Армении, Декрет прямо предусматривал ее советизацию: «Образование Временного Народного Правления “Турецкой Армении” в виде Совета Депутатов армянского народа, избранного на демократических началах». Практическое осуществление положений Декрета поручалось Чрезвычайному временному комиссару по делам Кавказа С. Шаумяну.

Границы турецкой Армении должны были определяться демократически избранными представителями воссоединенного таким образом на своей земле армянского народа с демократически же избранными представителями смежных и спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным временным комиссаром по делам Кавказа².

В Декрете были предвосхищены принципиально важные вопросы территориального урегулирования на основе самоопределения народа, ставшего жертвой геноцида.

Проблема турецкой Армении разрешалась на совершенно иных, в корне отличных правовых основаниях, чем это имело место в предшествовавшей практике. Россия, которая по праву войны и в соответствии с ранее заключенными международными соглашениями имела с точки зрения господствовавших тогда норм международного права все формальные основания удержать территории турецкой Армении, оставляла их, чтобы, как указывалось в Декрете, предоставить суверенному армянскому народу возможность самому определить свою судьбу на основе права на самоопределение.

III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа России подтвердил необходимость справедливого разрешения Армянского вопроса на основе права армянского народа на самоопределение.

Правовой принцип самоопределения Армении был еще раз торжественно подтвержден 10 июля 1918 г. V съездом Советов в первой Конституции Советского государства, став ее составной частью³.

Декрет советского правительства России о независимости турецкой Армении имел значение международного акта. В нем фиксировалось обязательство России по разрешению Армянского вопроса и, следовательно, по определению судьбы армянских национальных территорий. Передавая территориальное вер-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 25—26.

² Док. № 314.

³ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1918 г. Разд. I. Гл. 3. П. 6. С. 7.

ховенство над турецкой Арменией суверенному армянскому народу, правительство РСФСР признавало, что судьба этой территории должна решаться самим армянским народом.

В последующей борьбе за национальное освобождение армянского народа и воссоединение в границах единого армянского государства Декрет СНК должен был служить правовым барьером против аннексионистских посягательств турецких захватчиков. И. Сталин в цитированной выше статье «О “Турецкой Армении”» специально разъяснил, что само издание Декрета о свободном самоопределении турецкой Армении «особенно необходимо теперь, когда германо-турецкие власти, верные своей империалистической природе, не скрывают своего желания насильственно удержать под своей властью оккупированные области... Империалистической политике национального угнетения Совет Народных Комиссаров противопоставляет политику полного освобождения угнетенных народов»¹.

Декрет СНК РСФСР открывал перед Турцией возможность выхода из Первой мировой войны с сохранением за собой собственно турецких национальных территорий и заключения справедливого мира. Но не этого хотело младотурецкое правительство Османской империи. Оно решило воспользоваться ситуацией, возникшей в результате Октябрьского переворота в России, для осуществления давно вынашивавшихся планов пантюркистских захватов.

Турция продолжала агрессивную войну и приняла участие в грабительском походе германского империализма на Россию. Военным успехам Германии и Турции содействовала отстаивавшаяся Лениным и Сталиным линия на вывод войск воюющих государств из оккупированных ими районов.

6. Брест-Литовский договор и Армения

Результатами большевистского переворота, развалом российского государства, односторонним его выходом из войны и выводом российских войск из турецкой Армении в полной мере воспользовались государства Четверного союза и в особенности Османская империя.

28 ноября 1917 г. был создан Закавказский комиссариат, который не признал власть Совета Народных Комиссаров РСФСР, а последний, в свою очередь, не признавал власть комиссариата.

Уже 30 ноября командующий турецкими войсками Вехиб паша предложил Закавказскому комиссариату начать переговоры о перемирии. Одновременно Османская империя в составе государств германского блока участвовала в Брест-Литовске в переговорах с советским правительством России. 15 декабря 1917 г. было подписано соглашение о перемирии между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией — с другой. В соответствии с п. 2 этого соглашения его условия распространялись и на русско-турецкий театр войны. В развитие этого соглашения 18 декабря в Эрзинджане (Ерзнка) командованием русской Кавказской армии и 3-й Турецкой армии были подписаны условия перемирия, на основании которых на Кавказском фронте устанавливалась демаркационная линия от Трапезунда через Пюмюшхане, Эр-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 26.

зинджан, Хныс, Хасан-Кале до озера Ван. Стороны обязались предупреждать о возобновлении боевых действий за 14 суток.

Переговоры о заключении мира между РСФСР и государствами Четверного союза — Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, которые начались в Брест-Литовске 22 декабря 1917 г., велись в три этапа: с 22 по 28 декабря 1917 г., с 9 января 1918 г. по 10 февраля 1918 г. и с 1 по 3 марта 1918 г. Армянский вопрос ставился на всех этапах этих переговоров — на пленарных заседаниях и в политических комиссиях.

Основываясь на провозглашенных в Декрете о мире, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Обращении СНК РСФСР к трудящимся-мусульманам России и Востока и других актах советской власти, делегация РСФСР на первом же заседании Брест-Литовской конференции выдвинула в качестве общей основы послевоенного урегулирования следующие принципы: отказ от насильственного присоединения (аннексии) занятых во время войны территорий и вывод оттуда оккупационных войск; восстановление политической самостоятельности народов, лишенных ее в ходе войны; гарантирование национальным группам, не пользовавшимся до войны политической самостоятельностью, возможности решить путем референдума вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или созданию своей государственности.

25 декабря руководитель делегации Германии Министр иностранных дел Р. Кюльман от имени Четверного союза заявил о согласии с основными положениями Декларации РСФСР, но при условии присоединения к ней правительств стран Антанты. Однако это было невозможно, так как советская Декларация предусматривала распространение провозглашенных принципов, в том числе и самоопределения народов, на колониальные владения Великобритании и Франции.

27 декабря 1917 г. делегация РСФСР внесла проект ст. 1 мирного договора, по которому, «в полном соответствии с открытым заявлением обеих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий», Россия обязывалась вывести войска из занятых ею областей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а государства Четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России. Населению этих областей предоставлялась возможность «в ближайший и точно определенный срок» решить «вполне свободно» «вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства». При этом оговаривалось, что в самоопределяющихся областях «недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции», а управление этими областями должно было находиться в руках представителей самого местного населения¹.

На следующий день, на первом заседании Политической комиссии в составе русской и турецкой делегаций, турки представили свой проект «условий мира», противопоставленный советскому. Турецкий проект был основан на утверждении, что Армянского вопроса не существует, а предоставление народам права на самоопределение — внутреннее дело государства. Руководители германской и австро-венгерской дипломатии присоединились к турецкому пониманию самоопределения, отстаивавшемуся Талаат пашой и Энвером.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9/22 декабря 1917 г. по 18 февраля/3 марта 1918 г. Пленарные заседания, заседания Политической комиссии. М., 1920. Т. 1. С. 28—29.

Страны Четверного союза, опираясь на свое военно-политическое преимущество, стремились ограничить право на самоопределение только населением оккупированных ими частей бывшей Российской империи — Польши, Литвы, Курляндии и части Эстляндии и Лифляндии. Соглашаясь с предоставлением права на самоопределение народам Российской империи, они отказывались распространить этот принцип на Германскую, Австро-Венгерскую и Османскую империи. Советское предложение о самоопределении армян турецкой Армении игнорировалось.

После возобновления переговоров (9 января 1918 г.) глава советской делегации Л. Троцкий стал настаивать на необходимости решения политических вопросов, и прежде всего вопроса о самоопределении народов. На утреннем пленарном заседании конференции 10 января Троцкий в качестве подтверждения искренности стремления правительства РСФСР к миру сказал, что его отношение к делу было проявлено «в вопросах о Финляндии, Армении и Украине» и призвал противную сторону «показать свое отношение, хотя бы только на оккупированных областях»¹. На вечернем заседании он уточнил, что «основной вопрос, который нас сейчас так остро разделяет, это вопрос о судьбе Польши, Литвы, Курляндии и Армении»².

Р. Кюльман настаивал на временном исключении Армянского вопроса из переговоров: «Господин Председатель Русской делегации включил в число вопросов, которые он причислил к национальным, также и Армянский вопрос. Армянский вопрос во время обсуждения на последних заседаниях, насколько я помню и насколько это следует из протоколов, не играл существенной роли. Я поэтому предлагаю исключить пока из работ комиссий этот вопрос и ограничиться только темами, затронутыми 27/14-го декабря. При этом я считаю нужным оговориться, что мы Армянский вопрос сможем считать вопросом только тогда, когда будем знать, как его формулирует Русская делегация». Аргументируя свою позицию, Кюльман заявил, что он руководствуется тем, что если удастся добиться соглашения по остальным вопросам, то «разрыв переговоров из-за Армянского вопроса» ему представляется «маловероятным»³.

Возражая главе делегации Германии, Троцкий указал: «Этот вопрос не является новым в данной стадии переговоров, так как до рождественского перерыва переговоры велись одновременно и с Турецкой делегацией; в этих переговорах Армянский вопрос играл крупнейшую роль. Руководствуясь этими соображениями, я сослался на Армению, в отношении которой были нами выдвинуты те же принципы, как и в отношении областей Российского государства, пострадавших от настоящей войны»⁴.

Позиции Османской империи и советской России были подтверждены в ходе переговоров турецкого Министра иностранных дел Ахмеда Несими и Народного комиссара иностранных дел РСФСР Л. Троцкого 18 января 1918 г. Отчет об этих переговорах был изложен в телеграмме, посланной Порте Талаатом⁵.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске... С. 57.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ В освещении этого эпизода, как и ряда других, связанных с переговорами советской и османской делегаций на Брест-Литовской конференции, пользуемся специальным исследованием Г. Аветисяна (Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. Ереван, 1994).

Как явствует из сообщения Талаата, Троцкий заявил, что он друг Турции, но от принципов революции отказаться не может. Он обосновывал необходимость вооружения армян турецкой Армении для защиты от вооруженных мусульман. Турецкий же представитель возражал против поддержки армян советской Россией, утверждая, будто ситуация в Анатолии изменилась, что курды уже не притесняют армян, а турецкое правительство намерено вести в отношении армян политику, «преисполненную большими намерениями».

Из телеграммы Талаата следует, что Троцкий отвел ссылки турок на наличие на Кавказе новых правительств, заявив, что они не признаны, а Кавказская армия подчиняется Совнаркому РСФСР. Свой отчет об этих переговорах Талаат заключил рекомендацией: «После вооружения армян русские должны отойти. Надо быть готовыми к этому»¹.

В последующих переговорах русской и турецкой делегаций 3 и 8 февраля 1918 г. представитель Османской империи Хакки паша утверждал, что территории, оккупированные Россией в ходе войны, должны быть возвращены туркам, так как «никто не имеет права оставлять, передавать территорию в другие руки, чем в те, в которых находились, т.е. в турецкие руки». Исходя из этой посылки, он протестовал против того, чтобы русские войска, оставляя эти территории, передавали их в руки тех, «которые имеют на эти территории претензии»².

Понимая, что вывод русских войск необратим, и протестуя против занятия освобождавшихся ими позиций армянскими частями, турецкая сторона представляла это как нарушение условий перемирия. Таким образом велась подготовка к занятию освобождавшихся территорий турецкой армией. С этой же целью османское правительство продолжало параллельные переговоры с закавказским правительством, оправдывая это тем, что турецкое правительство якобы не понимает, кому принадлежит Кавказ³.

В ответ на заявление Троцкого, что «Кавказ принадлежит прежде всего кавказским народам», что «своим прошлым он связан с Россией», и что «до тех пор, пока народы Кавказа не заявили о своем желании отделиться от России, он останется частью Федеративной Российской Республики», турецкий представитель вновь утверждал, что вывод русских войск не может сопровождаться передачей этой территории армянам. Право на самоопределение, сказал Хакки паша, не может применяться по отношению к народам, входящим в состав других государств. «Мы отвергали право вмешательства в эти дела и рассматривали вопрос о судьбе отдельных народов как вопрос внутреннего управления».

Чтобы не допустить решения вопроса о судьбе территории Западной Армении на основе международной ответственности турецкого правительства за совершенное преступление, Хакки паша искажил всю историю Армянского вопроса. Он представил его возникновение как результат злонамеренной деятельности тех, кто «ухудшил хорошие взаимоотношения между армянами и турками».

Реагируя на попытки Хакки паши исказить историю и представить армян как источник зла, Народный комиссар иностранных дел РСФСР заявил: «Раз здесь выставляется обвинение против армян в такой общей форме, то я считаю необходимым со всей ясностью и категоричностью сказать, что каждый из нас доста-

¹ Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 34.

² Там же.

³ Там же. С. 35.

точно знает историю Турции, чтобы иметь право утверждать, что курды вооружены, что османское правительство отнюдь не брало на себя обязательства их разоружить и что при помощи своего оружия они не всегда творили добро...»¹

На очередном заседании русской и турецкой делегаций 8 февраля 1918 г. в ответ на требование Талаата подтвердить желание советской делегации вести переговоры о мире Троцкий заявил о желании вести переговоры о мире «в самом практическом смысле этого слова», разъяснив при этом, что советская делегация «будет руководствоваться именно теми принципами, которые были сформулированы 25 декабря. Мы выдвинули принцип права наций на самоопределение по отношению ко всем народам»².

В ответ на поставленные вопросы относительно разоружения армянских частей и обвинений в совершении армянами насилий над мусульманским населением Троцкий, опираясь на официальную справку Ставки Верховного главнокомандования, указал на отсутствие фактов, которые подтверждали бы действия, инкриминировавшиеся армянским вооруженным отрядам, и выразил несогласие с утверждением турок, что образование этих частей представляло нарушение перемирия³.

Отведя утверждение Хакки паши, будто принцип самоопределения — внутреннее дело и не дает России права вводить в оккупированные области Османской империи «части и отряды, состоящие из местного населения», Троцкий доказывал, что вооружение мирного армянского населения проводится в интересах поддержания порядка и поэтому «никоим образом не может рассматриваться как нарушение условий перемирия или увеличение военных сил».

На этом же заседании русской и турецкой делегаций генерал Иззет паша привел турецкие аргументы против Декрета Совета Народных Комиссаров о «Турецкой Армении»: «Наши оккупированные провинции ныне находятся на сохранении в руках русского правительства. Русское правительство не имеет права самораспорядиться каким бы то ни было образом, русское правительство не может ни национализировать армию, ни национализировать административные учреждения страны, как оно это понимает. Русское правительство не может также снабжать оружием местное население. Русское правительство должно отдать нам эти края по мирному договору в том виде, в каком они были»⁴.

Хакки паша заявил, что оккупированная Россией территория «не является русской территорией» и потому русское правительство не имеет права давать турецким провинциям особый национальный статус, исходя из своих представлений, и вводить в действие свою теорию национализации этих областей и проведения там референдума⁵.

Поскольку турецкую позицию Хакки паша мотивировал историей, Троцкий дал оценку истории турецкого государства. История говорит не в пользу Османской империи, в ее прошлом было много кровавых страниц, завоеваний, разбоев, насилия, сказал он. Возвращение к истории Турции отняло бы слишком много времени, а дело идет о семи веках, и «мы должны бы были рассматривать

¹ Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 36.

² Там же. С. 37.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 40.

вопрос — в какой мере история Турции является аргументом за или против возможного расчленения государства»¹.

Ввиду слабости позиции своей союзницы, совершившей геноцид и потерявшей право управлять Арменией, Германия пришла ей на помощь. 9 февраля 1918 г. на заседании русской, германской и австро-венгерской делегаций (Политическая комиссия) в связи с обсуждением территориального вопроса Министр иностранных дел Германии Кюльман прямо заявил, что державы Четверного союза не примут мирный договор, если он не будет содержать дипломатические гарантии очищения оккупированных Россией провинций союзных государств: «Нами было обещано очищение некоторых областей под условием, что, одновременно, будут очищены и области, занятые у наших Союзников...» — заявил он².

В этом вопросе руководитель внешнеполитического ведомства РСФСР занял довольно четкую позицию, подняв принципиально важный вопрос, имевший отношение к турецкой политике уничтожения местного населения Западной Армении. «Что касается очищения турецких областей, — подчеркнул он, — то у нас имеются достаточно веские принципиальные соображения, не позволяющие нам смотреть на очищение армянской территории как на обмен за очищение той или иной части Российской территории». Троцкий отметил при этом, что Россия уже приступила к выводу своих войск из Армении и что об этом будет заявлено «в самой ясной и отчетливой форме» в договоре России с Османской империей, «если только мы заключим с нею мирный договор»³.

10 февраля на заседании Политической комиссии Троцкий, опираясь на решения III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, выступил с заявлением, что Россия выходит из войны и отдает приказ о полной демобилизации всех своих армий, противостоящих войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, но мира не подписывает. Информировав об этом Высокую Порту, Талаат добавил, что Троцкий устно сообщил делегации Османской империи, что «Восточная Анатолия будет очищена»⁴.

Германия заявила, что неподписание мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия и что 18 февраля она возобновит военные действия. Одновременно с переходом австро-германских войск в наступление по всему фронту 18 февраля перешли в наступление и турки, нарушив тем самым условия Брестского и Эрзинджанского перемирий. В качестве предлога командующий турецкими армиями Кавказского фронта Вехиб паша ссылался на необходимость защиты турецкого населения от насилий, якобы чинимых армянскими частями, которые сменяли уходившие русские войска. Отмечая, будто «эта операция предпринимается лишь в силу необходимости и долга гуманности и цивилизации»⁵, турки утверждали, что наступление турецкой армии не нарушает условий перемирия и что военные действия направлены только против армянских войск, которые не относятся к русским регулярным войскам.

Для наступления турки выделили пять дивизий, усилив их курдскими и местными мусульманскими отрядами. Им противостояли части 1-го армянского ар-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске... С. 40.

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 186.

⁴ Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 42.

⁵ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 49.

мейского корпуса в составе трех малочисленных пехотных дивизий и одной бригады, находившихся в стадии формирования, и отдельные партизанские отряды¹.

Командующий русской Кавказской армией генерал Одишелидзе приказал в случае наступления турок не вступать с ними в бой и «постепенно отходить», но не далее Чарборской позиции, Ахтала и Вана.

Совместное с турками наступление Германия подкрепила политическим наступлением. Хотя 19 февраля Ленин сообщил в Берлин, что Совнарком согласен подписать немецкие условия, Германия предъявила 21 февраля новые, еще более тяжелые условия мира. На их принятие давалось 48 часов, и при этом наступление не приостанавливалось.

Пятый пункт предъявленного ультиматума касался турецкой Армении: «Россия всеми имеющимися в ее распоряжении средствами будет способствовать наискорейшему и планомерному возвращению Турции ее анатолийских провинций... Пункт ба гласил: «Полная демобилизация русских армий, включая и вновь образованные нынешним Правительством части, должна быть проведена незамедлительно»².

Настояя на «возвращении» туркам территории Западной Армении и выступив против создания армянских формирований для защиты армян на этой территории, Германия оказала прямую поддержку туркам в довершении геноцида в пределах государственных границ и переносе этого преступления в Карсскую область и другие оккупированные территории российской части Армении.

Подыгрывая своим турецким союзникам, Министр иностранных дел Германии Кюльман писал оттоманскому Министру иностранных дел Хакки паше: «Ответ русских делегатов и внутренний беспорядок в России сделали невозможным возврат Турции посредством дипломатических переговоров восточных провинций, находящихся под русской властью. То обстоятельство, что русскими эти места покинуты и оставлены на произвол армянских банд, делает необходимым турецкое вооруженное вмешательство»³.

Обвинения в «насилиях», якобы чинимых армянскими войсками, заменившими уходящие русские части, нужны были туркам для оправдания нарушений перемирия и якобы «вынужденного» перехода в наступление с целью «спасения» мусульман, во имя «человечности и цивилизации».

Обращает на себя внимание, что терминологически это утверждение сознательно воспроизводило характеристику, данную Великобританией, Россией и Францией 24 мая 1915 г. действиям турецкого правительства в отношении армянского населения как преступлений «против человечности и цивилизации».

Обвинения в адрес армян были опровергнуты Командующим Кавказской армией генералом Одишелидзе и Главнокомандующим войсками Кавказского фронта генералом Лебединским. Командующий армией на основе достоверных фактов показал, что эти обвинения совершенно не отвечают действительному положению вещей. Командующий фронтом отмечал, что нападения курдов и других мусульман вынуждают армян к самообороне, что, «по проверенным данным», сведения о насилиях «сильно преувеличены», что армянские части, остав-

шиеся после отхода русских войск, должны рассматриваться как российские войска и что продвижение турецких войск за демаркационную линию будет мешать поддержанию порядка и защите мирного населения.

Армянский национальный совет в воззвании «Ко всем армянским воинским частям» призвал не допустить, чтобы «эксцессы хотя бы одного безответственного армянина послужили основанием для оправдания того великого и потрясающего злодеяния, которое совершили в отношении турецких армян курдские и турецкие банды и за которые они должны будут отвечать перед возмущенной совестью культурного человечества»¹.

24 февраля Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет подтвердил принятие ультимативных условий мира германского правительства и его союзников и сообщил о направлении в Брест-Литовск делегации с соответствующими полномочиями. Несмотря на это, новый глава германской делегации посланник Розенберг в ходе заседания предъявил советской делегации еще одно «минимальное» требование, поддержав (говоря словами политического консультанта делегации России А. Иоффе) притязания «зарвавшихся турецких империалистов» на области Карс, Ардаган и Батум².

Стремясь как-то оправдать выдвижение новых территориальных претензий в Армении в пользу турок, глава германской делегации прибег к откровенному мошенничеству, представляя ранее навязанное ультиматумом требование об «очищении» от русских войск оккупированных в ходе войны армянских вилайетов Оттоманской империи — Карс, Ардаган и Батум — как подразумевавшее и уступку государственной территории России. Говоря на пленарном заседании 1 марта 1918 г. о «различиях», существовавших между п. 5 принятого Россией германского ультиматума и п. 4 предложенного текста договора, Розенберг сказал: «Мы в пункте 5-м говорили не о турецких областях, занятых в ходе войны, но именно о восточноанатолийских провинциях. Это обстоятельство вызвано тем, что мы хотели пойти навстречу населению округов Ардаган, Карс и Батум, — областей, которые турецкое правительство должно было уступить в 1878 г. России».

В качестве основания для передачи части государственной территории России своей союзнице в Первой мировой войне Розенберг ссылаясь на просьбу мусульманского населения о помощи против насилий, якобы чинимых русскими войсковыми частями, и о «предоставлении ему возможности вновь присоединиться к Турции».

По словам Розенберга, Германия и ее союзники «во избежание упреков в аннексионистских стремлениях» воздержались от простого решения путем «присоединения» к тексту об очищении оккупированных областей слов «с включением округов Ардаган, Карс и Батум» и сформулировали в ст. 4 отдельный абзац с изложением «минимума наших требований», а именно, что округа Ардаган, Карс и Батум будут немедленно очищены русскими войсками, что Россия не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь и международное положение данных областей и предоставит их населению право на свободное государственное строительство путем соглашения с соседними государствами, в особенности — с Тур-

¹ Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат, 1960. С. 43.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске... Т. I. С. 264.

³ Документы и материалы... Док. № 30. С. 46—47; Док. № 33. С. 50—51; Док. № 35. С. 52—57.

¹ Кавказское слово, 1918, 18 февраля; цит. по: Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 55.

² См. примечания А. Иоффе к изданному МИД РСФСР стенографическому отчету о переговорах: Переговоры в Брест-Литовске... С. 268.

цией. «Первое условие, — разъяснял Розенберг, — имеет целью по возможности гарантировать население от дальнейших насилий; второе же, в соответствии с провозглашенным российским правительством принципом самоопределения народов, имеет целью дать населению этих областей возможность высказаться самому по поводу своей будущей судьбы»¹.

Пытаясь нейтрализовать обвинение в противоправной аннексии, Розенберг заявил, что положения п. 4 договора говорят не о турецком протекторате или о присоединении этой территории к Турции, а о «праве населения на самостоятельное решение вопросов о государственно-правовых и международно-правовых отношениях». Утверждая, что «новый порядок» вводится с согласия населения, Розенберг сказал, что соседние государства будут иметь «возможность высказаться по поводу своих желаний»².

Хакки паша, действуя в качестве руководителя делегации Оттоманской империи, также говорил о «возвращении» ранее аннексированных Россией провинций Оттоманской империи. Претендуя на «особые права и интересы» империи, он сослался на историю, заявив, что Турция обладала ими «в продолжение четырех веков», с того времени, когда «Россия называлась еще Московским княжеством». Эти области, по словам Хакки паши, «находились на расстоянии более 200 километров от России, причем на всем этом протяжении не было ни одного русского». В качестве обоснования Хакки паша сказал, что население этих областей имеет право распоряжаться своей судьбой и может просить о присоединении к Турции. Какое государство имеет больше прав на эти области, как не Турция, которая обладала этими странами в течение четырех веков и против которой не было никаких революций в этих областях. Турцию связывает с этими областями общая национальность. Если население этих областей должно с кем-нибудь вступить в соглашение, то только с Турцией. «Обо всем этом и говорит наш договор».

Дав свое толкование положениям Брест-Литовского договора, относящимся к армянским территориям, Хакки паша представил их как акт справедливости. «Мы делаем здесь историческое дело, мы работаем для осуществления принципов справедливости, — утверждал он. — Здесь нет ни победителей, ни побежденных. Мы все победители, потому что мы все враги свергнутого Россией правительства. Вот почему я надеюсь, что этот мирный договор будет действительно делом мира, а не делом мести. Я говорю: аминь»³.

Окончательный текст диктата был сформулирован в ст. IV договора: «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции».

Округа Ардаган, Карс и Батум также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией»⁴.

Делегация РСФСР приняла турецкое требование, равно как и ультимативные требования Германии. Чтобы показать миру, что мирный договор навязывается

¹ Переговоры в Брест-Литовске... С. 235.

² Там же.

³ Там же. С. 232—234.

⁴ МИД СССР. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 121.

силой, советская делегация демонстративно отказалась от обсуждения его условий: «Мир, подлежащий заключению, не является плодом соглашения обеих сторон. Этот мир... диктуется нам с оружием в руках. Мы лишены возможности обсудить условия этого мира», — заявил глава делегации РСФСР Г. Сокольников перед подписанием.

Подчеркнув грабительский характер договора в целом, руководитель делегации квалифицировал территориальные статьи, относящиеся к Турции, как «самые откровенные и насильственные территориальные захваты», совершаемые Германией в пользу Турции: «На Кавказе, явно нарушая сформулированные германским же правительством условия ультиматума от 21/8-го февраля и не сообразуясь с подлинной волей населения областей Ардаган, Карс и Батум, Германия отторгает в пользу Турции эти области, ни разу не завоеванные турецкими войсками»¹.

Глава германской делегации Розенберг, по существу, подтвердил оценку договора как акта насилия, заявляя, что Россия вольна согласиться или отвергнуть предложенные ей условия.

Вопрос о ратификации Брест-Литовского мирного договора решался на IV чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в острой дискуссии. Противники ратификации указывали, в частности, что прямым следствием передачи Карсской области под власть турецкого государства будет распространение политики арменоцида и на эту территорию.

В проекте резолюции, представленной съезду фракцией социал-демократической партии (объединенной), отмечалось: «Брестский мирный договор тем своим пунктом, который отторгает от Кавказа Батум, Карс и Ардаган, обрекает грузинское и армянское население этих местностей на физическое истребление. Эта отдача культурных народов, столько крови проливших под знаменем Российской революции, на истребление варварского правительства, представляет собой неслыханный акт вероломства, пятнающий несмываемым позором революционную Россию»².

Выступая от имени меньшевистской фракции, Ю. Мартов заявил, что передача Карсской области Турции равнозначна «отдаче армян... туркам на поголовное истребление»³. Протест против заключения Брестского договора был представлен съезду и московским Армянским национальным советом. Видимо, опасаясь его возможного эффекта, сторонники ратификации не позволили его огласить⁴.

Перспектива геноцида армянского населения Карсской области не остановила сторонников В. Ленина. Разрушив до основания российское государство, они уже не могли (даже если захотели бы) предотвратить территориальное разграбление русского и других народов, входивших в состав империи. 15 марта 1918 г. Всероссийский съезд Советов большинством, состоявшим из сторонников Ленина, ратифицировал договор.

Выступая на съезде с отчетом о деятельности советской делегации, член делегации Г. Чичерин объяснил причины принятия ультиматума без его обсуждения:

¹ Переговоры в Брест-Литовске... С. 230.

² Стенографический отчет IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 57; Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 73.

³ Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 73—74.

⁴ Об этом сообщал Аршак Джамалян в письме Аветису Агароняну 28 марта 1918 г. из Петрограда//Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 74.

«Какое могло быть обсуждение в то время, когда наступление германских войск продолжалось в беззащитную страну и когда переговоры могли создать лишь фикцию, иллюзию соглашения, лишь иллюзию того, будто мы можем иметь какое-либо влияние на исход переговоров, будто между народами России, Австрии и Германии происходит какое бы то ни было соглашение»¹.

Комментируя положение Брест-Литовского договора, относящееся к Карсу, Ардагану и Батуму, заместитель Народного комиссара иностранных дел Г. Чичерин в своем докладе съезду заявил: «Другая категория — это есть Карс, Ардаган и Батум. Относительно этих областей договор не высказывает ясно, что эти области от России отходят, — эти области очищаются от русских войск, Россия не будет вмешиваться в их новую организацию. Новый строй будет установлен в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией. В данном случае аннексия имеет несколько более прикрытый вид, чем в первом случае [Курляндия, Лифляндия, Литва, Польша. — Ю.Б.], но сущность ее, разумеется, остается той же»².

С точки зрения старого международного права, признававшего правомерность применения силы для приобретения территории и соответственно дебелиацию (покорение) в качестве основания приобретения территории, эти заявления не имели смысла, но с точки зрения нарождавшегося нового правосознания человечества, а тем более в условиях неотвратимого военного поражения Оттоманской империи и ее союзницы — Германии, они приобретали в определенной мере реальный смысл. Поэтому турецкое правительство на случай нежелательного для турок исхода Первой мировой войны стремилось получить для сохранения приобретаемых насилем территорий международно-правовые основания в виде согласия самих армян.

7. Трапезундские переговоры

Не довольствуясь условиями, которые навязывались России на переговорах в Брест-Литовске, турки принялись создавать ситуации, которые, по их замыслу, должны были породить дополнительные и не зависевшие от судьбы Брест-Литовского договора основания не только для определения государственно-правовых и международно-правовых отношений территорий, отторгаемых по этому договору, но и для приобретения новых. Для этого туркам нужен был еще более слабый, чем Россия, партнер, которому они могли бы диктовать свои условия.

Поощряя сепаратизм на Южном Кавказе, турки хотели существенно ослабить Россию, сделать невозможным ее возвращение на Кавказ. С этой целью турецкое правительство использовало возникновение в Закавказье органа власти, который не признавал ни власть Совета Народных Комиссаров, ни подписанный им Брестский договор в части, касавшейся Кавказа.

14 января 1918 г., уже во время переговоров в Брест-Литовске с советским правительством России, командующий оттоманскими войсками на Кавказском фронте Вехиб паша от имени главного командования армии предложил Зака-

¹ Стенографический отчет IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. С. 10—11.

² МИД СССР. Документы внешней политики СССР. Приложение, № 17. С. 667.

вказскому комиссариату начать переговоры о заключении мира. 28 января Закавказский комиссариат сообщил о своем согласии вести переговоры.

Стремясь к захвату возможно большей территории, младотурецкое правительство Оттоманской империи стало участвовать в двух политически противопоставленных друг другу, но взаимосвязанных переговорных процессах — как с РСФСР, так и с закавказским государственным образованием.

В Брест-Литовских переговорах с советской Россией Оттоманская империя участвовала в качестве слабого партнера государств Четверного союза, пользующегося выгодами военно-политических успехов Германии, но вынужденного подчиняться ее правилам игры. Переговоры непосредственно с закавказскими властями давали туркам то преимущество, что они здесь могли, используя результаты Брест-Литовских переговоров, самостоятельно развивать успех в сторону увеличения территориальных приобретений. Турки при этом опирались не только на свое военное преимущество, но и на своего «троянского коня» в закавказском государственном образовании в лице кавказских татар, которые стали теперь именоваться азербайджанцами.

На начальной стадии цель завязывания параллельных переговоров с более слабым противником — закавказским правительством, по всей видимости, ограничивалась желанием оказать давление на Россию с тем, чтобы добиться больших уступок на Брест-Литовских переговорах.

10 февраля, в день первого заседания Закавказского сейма, была получена телеграмма, в которой турецкое правительство предложило начать мирные переговоры. Закавказский комиссариат, отказавшийся участвовать в переговорах в Брест-Литовске и не признавший относящиеся к Закавказью положения этого договора, принял решение начать переговоры о мире с правительством Оттоманской империи.

О готовности начать переговоры о мире Закавказский комиссариат известил Вехиб пашу 19 февраля, а 1 марта 1918 г. сейм, созданный Закавказским комиссариатом, вынес решение приступить к мирным переговорам для заключения «окончательного» мира с Оттоманской империей. Принятыми тогда же «основными положениями» о мире предусматривалось, что в основу мирного договора должно лечь «восстановление государственных границ России с Турцией», существовавших до объявления войны в 1914 г., а для «Восточной Анатолии» делегация «должна была добиваться права на самоопределение ... в частности, автономии Турецкой Армении в границах Оттоманской империи»¹. Ведение переговоров было поручено делегации сейма во главе с грузинским меньшевиком А. Чхенкели.

После подписания Брест-Литовского договора с Россией правительство Закавказья направило министрам иностранных дел воюющих держав протест против заключения этого договора в части, касающейся Закавказья. Оно заявило, что всякий договор, касающийся Закавказья и его границ, заключенный без его ведома и одобрения, не будет иметь обязательной силы².

Переговоры представителей Оттоманской империи с делегацией Закавказского сейма начались в Трапезунде 14 марта 1918 г. Оттоманская империя требовала от закавказского правительства признать Брест-Литовский договор и пере-

¹ Документы и материалы... № 46. С. 83—84.

² НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 9; Документы и материалы... № 48. С. 85—86.

дать ей Карс, Ардаган и Батум. В то же время, опираясь на существовавшее военно-политическое положение и на поддержку своей азербайджанской агентуры, она добивалась отделения Закавказья от России с последующим его разделением на национальные государства.

Ввиду того, что переговоры с никем не признанным государственным образованием, созданным на территории России, могли означать посягательство на территориальную целостность государства, с которым Турция и другие члены Четвертого союза заключили мирный договор, свое участие в этой конференции правительство Оттоманской империи объясняло стремлением добиться признания Закавказским сеймом заключенного с РСФСР мирного договора.

Турецкому правительству нужно было создать видимость «верности» заключенному с Россией договору не только потому, что Россия считала переговоры с Закавказским правительством нарушением своей территориальной целостности, но и потому, что Германия, опасаясь обвинений в нарушении Брест-Литовского договора, не хотела дать советской России основания для его расторжения. Для успокоения Германии турки представляли свои переговоры как «ознакомительные», предпринятые якобы только для получения информации о направлении развития Закавказья и для решения вопроса о признании нового государственно-образования, если это будет соответствовать международному праву.

В контексте решения двуединой задачи — обеспечения выполнения территориальных условий Брест-Литовского договора и создания условий для последующего приобретения новых территорий — турки действительно настаивали на признании ими условий Брестского договора и в то же время поощряли сепаратизм Закавказья, чтобы получить возможность заключить с «обретающей» независимость Закавказской республикой новые «договоры», оформляющие дополнительные уступки.

На Трапезундской конференции турецкие представители говорили об «исторической» роли турок и призывали использовать исторический шанс — «падение царизма» для возвращения народов Закавказья «в лоно Турецкой империи», выражали готовность заключить «братский и продолжительный мир», установить «добрососедские отношения» с Закавказской республикой, «находящейся в процессе образования»¹.

Турки знали, что в действительности никакой единой политики Закавказья не существует, что коалиционное правительство раздирали глубокие противоречия. Грузинский, Азербайджанский и Армянский национальные советы преследовали свои интересы. Если армяне и в определенной мере грузины были заинтересованы в отстаивании территориальных прав Закавказья от посягательств турок, то азербайджанцы поддерживали притязания турок и, в свою очередь, рассчитывали на поддержку ими своих притязаний к соседям, «вели сепаратные переговоры с турками, всячески им содействовали и только ждали прихода турок, чтобы с их помощью установить свое господство в Закавказье»².

Обосновывая необходимость признания Закавказским сеймом Брест-Литовского договора, делегация Оттоманской империи ссылаясь на нормы международного права: поскольку юридически Закавказье еще является частью России,

оно должно признать и выполнять условия Брест-Литовского мира и эвакуировать Карсскую область до Арпачая. Не отрицая, что договоры, заключенные между двумя государствами, не должны иметь никакой силы в отношении третьего государства, т.е. Закавказья, турецкая делегация подчеркнула, что это третье государство, для того, чтобы воспользоваться этим правилом международного права, должно «принять меры к признанию со стороны всех других держав»¹.

Сославшись на то, что правительство Закавказья не было конституировано во время Брест-Литовских переговоров, турецкая делегация предупредила, что признание, когда оно будет получено, все равно «не может иметь обратной силы». Иначе говоря, независимость Закавказья нельзя будет использовать для отклонения Брестского договора, которым устанавливались границы Закавказья без его участия, но может быть использована турками для ревизии положений этого договора с целью отторжения не предусмотренных договором территорий.

Играя на отсутствии внутри закавказской делегации единства по вопросам отношений с Турцией, турецкая делегация настойчиво требовала официально определить статус Закавказья и его позицию по отношению к Оттоманской империи.

В ответ на аргументы турецкой делегации закавказская делегация в подтверждение своей независимости ссылаясь на то, что турецкое командование и оттоманское правительство сами инициировали переговоры, исходя из статуса независимости.

Сообщая о том, что сейм принял решение, которым признал провозглашение независимости принципиально допустимым «при известных условиях», которые находятся в прямой зависимости от заключения прочного мира на приемлемых для сторон началах, закавказская делегация подтверждала, что таковыми сейм считает, в частности, восстановление государственной границы России с Турцией 1914 г. и право на самоопределение для народов Восточной Анатолии, в частности автономии турецкой Армении в рамках турецкой государственности².

Турки же заявляли, что предложение Оттоманской империи вступить в мирные отношения не имеет юридических последствий, поскольку закавказское правительство не признается официально Оттоманской империей. Положения Брест-Литовского договора не могут быть ни отклонены, ни опротестованы вновь образуемым государственным организмом, который не вошел еще в число государств. Его протесты против обязательств по международному договору не могут иметь никакой юридической силы независимо от времени их представления³. Положения этого договора делегация Оттоманской империи представляла как «приобретенное право», а в качестве условия признания Закавказской республики ставила предварительный отказ «от каких бы то ни было претензий на Батумский, Ардаганский и Карсский санджаки»⁴.

Турецкая делегация категорически отвергала положение о самоопределении Восточной Анатолии и, в частности, автономии турецкой Армении даже в рамках турецкой государственности, расценивая это как «намерение вмешательства во внутренние дела» Оттоманской империи⁵.

¹ Документы и материалы... № 54. С. 109—110.

² Там же. № 67. С. 67—68.

³ Там же. № 54. С. 111.

⁴ Там же. № 68. С. 138—139.

⁵ Там же. № 54. С. 111; № 68. С. 138—139.

¹ Документы и материалы... № 55 и 56. С. 113—116.

² *Кадиев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 45.

5 апреля 1918 г. турецкая делегация ультимативно потребовала признания Брест-Литовского договора в отношении Карса, Ардагана и Батума и вновь подняла вопрос о независимости Закавказской республики. На этом заседании делегация сейма ввиду ухудшения военно-политической обстановки изложила свои новые условия, допускавшие возможность изменения довоенной границы. Вместо автономии турецкой Армении А. Чхенкели предложил такое «решение» Армянского вопроса, которое сводилось к возвращению на родину «всех турецких подданных», оказавшихся на территории Закавказской республики, с предоставлением им определенных гарантий безопасности.

Делегация Оттоманской империи отвергла и эти предложения. Она ультимативно потребовала в течение 48 часов признать Брест-Литовский договор в отношении Карса, Ардагана и Батума. В категорической форме был поставлен также вопрос о независимости: если Закавказская республика желает установить договорные отношения с Оттоманской империей, она должна объявить себя независимым государством.

Председатель закавказской делегации Чхенкели 8 апреля потребовал от закавказского правительства принять ультиматум и признать Брест-Литовский договор, так как страна воевать не может. Не получив ответа, делегация 10 апреля заявила, что принимает Брест-Литовский договор за основу для дальнейших переговоров.

Разногласия в закавказской делегации обострились до предела. В отличие от армян и грузин, которые предлагали вести переговоры с турками «на основе» Брест-Литовского договора, азербайджанцы поддерживали турок в их требованиях полностью признать этот договор.

13 апреля глава турецкой делегации снова поставил вопрос о независимости Закавказья. Однако армяне продолжали выступать против объявления независимости Закавказья, предупреждая, что этим воспользуется Турция, которая для реализации своей пантюркистской программы стремится выйти за границы, установленные Брестским миром, превратить Закавказье в турецкую провинцию, а Армению полностью уничтожить.

На заседании Закавказского сейма 13 апреля все политические партии, кроме азербайджанского «Мусавата» и Мусульманского блока, выступили в защиту Кавказа от турецкого нашествия. Сейм отверг Брест-Литовский договор, прервал переговоры и отозвал свою делегацию из Трапезунда. Турецкие войска тотчас возобновили наступление, а азербайджанские мусаватисты отказались участвовать в войне против Турции.

Если армяне и грузины выступали за продолжение войны против Турции, а азербайджанцы — против, то в вопросе о независимости сложился иной расклад: азербайджанцы и грузины были за независимость, а армяне предупреждали о последствиях такого шага.

В связи с дальнейшим ухудшением военной ситуации закавказское правительство решило возобновить переговоры с Турцией. Для этого нужно было принять турецкие условия: признать Брест-Литовский договор и провозгласить независимость Закавказья.

22 апреля 1918 г. сейм объявил Закавказье независимой федеративной республикой. Новому правительству, которое возглавил сторонник соглашения с турками грузинский меньшевик Чхенкели, сейм поручил возобновить перегово-

ры на основе Брестского мира. Правительство приняло все условия турецкого командования, в том числе и очищение Карсской области до р. Арпачай. Однако признание Брест-Литовского договора уже не удовлетворяло турок. Они были намерены получить новые территориальные приращения за счет независимой Закавказской республики, прежде всего за счет армян.

8. Батумская конференция и Батумский мирный договор

28 апреля 1918 г. командующий турецкими войсками Вехиб паша сообщил закавказскому правительству, что Оттоманская империя признала независимость Закавказья и информировала об этом своих союзников. 11 мая 1918 г. в Батуме в присутствии германской делегации во главе с генерал-майором Отто Лоссовом возобновились прерванные в Трапезунде переговоры о заключении мира между Оттоманской империей и Закавказской федерацией.

Согласно разъяснению А. Чхенкели, причиной приостановки начатых в Трапезунде переговоров было получение закавказской делегацией декларации турецкой делегации от 13 апреля, согласно которой «необходимо было прервать переговоры в ожидании объявления независимости»¹.

Провозглашение независимости не только не предотвратило распространение условий Брест-Литовского договора на Кавказ, но, напротив, дало туркам возможность расширить территориальную экспансию. Турки исходили из того, что провозглашение независимости Закавказской республики освобождает их от необходимости соблюдать условия Брест-Литовского договора. Отказавшись от принципов, выдвинутых ими же на трапезундских переговорах, турки выступили за пересмотр границ, установленных Брест-Литовским договором.

Теперь уже закавказская делегация стала настаивать, чтобы в основу переговоров был положен Брест-Литовский договор с Россией, но турки не хотели ограничиваться территориальными приобретениями, предусмотренными этим договором. Затягивая переговоры, они продолжали наступление, предъявляя все больше требований. Они стали открыто говорить, что их целью является Баку, создание восточно-кавказского тюркского государства, тесно связанного с Турцией. «Турецкие взоры устремились на Баку и Владикавказ, на захват всего Кавказа», — доносил в Берлин представитель Германии на Батумской конференции генерал Лоссов².

Возобновление военных действий глава турецкой делегации на Батумской конференции Халил объяснял тем, что делегация Закавказского сейма была отозвана с трапезундских переговоров, что там договор не был заключен, что «характер отношений между правительствами изменился». В качестве основания для предъявления новых территориальных претензий на значительную часть Эриванской губернии он ссылаясь на «сообщения» о насилиях, якобы чинимых армянами над мусульманами в Баку и в Эриванской губернии.

Представитель Германии генерал Лоссов заявил, что принимает к сведению различие точек зрения турецкого и закавказского делегатов в отношении Брест-

¹ Документы и материалы ... № 131. С. 312—313.

² С. Mühlmann. Das Deutsch — Türkische Waffenbündnis. Leipzig, 1940. S. 199.

Литовского договора, что он «готов изучить оттоманский проект» и принять участие в его обсуждении.

14 мая делегация Оттоманской империи специальной нотой потребовала от закавказского правительства предоставить железнодорожную линию Александрополь — Джульфа для продвижения турецких войск в направлении Тавриза якобы для противодействия операциям англичан. В действительности же Оттоманская империя имела пантюркистские виды на населенные тюрками территории северо-восточной части Персии. Контроль над этой железнодорожной линией нужен был туркам и для взятия Баку.

15 мая турки потребовали от командования войсками закавказского правительства оставить Александрополь и в течение трех часов начать отвод войск на 25 км от линии железной дороги Александрополь—Джульфа, передав Александрополь и железную дорогу в распоряжение турецкого командования на все время войны.

На встрече с А. Хатисяном и О. Качазуни, организованной по совету генерала Лоссова 13 мая 1918 г.¹, Халил заявил, что «армяне побеждены и должны повиноваться». 15 мая турецкие войска заняли Александрополь, а 16 мая турецкое командование потребовало в течение одного часа предоставить им железную дорогу на Джульфу. Оно предупредило Армянский национальный совет, что, если армяне не пропустят турецкую армию добровольно, дорога будет занята войсками и что «полное спокойствие жителей со стороны продвигающихся войск» не может быть обеспечено².

Для обеспечения безопасности своих войск турки потребовали «очистить» населенные пункты вдоль железной дороги в полосе шириной 25 км, что означало бы необходимость выселения сотен тысяч жителей Араратской и Ширакской долин. Докладывая об этом Кайзеру, генерал Лоссов сообщал, что турки требовали эту полосу «с намерением никогда ее не возвратить»³.

Подкрепив свои требования захватом Александрополя, турецкие войска стали развивать наступление в направлении Еревана, а 26 мая делегация Оттоманской империи предъявила новый ультиматум с требованием «исправить границы» — передать империи Нахичеванский уезд (кроме Ордубада), половину Шаруро-Даралагезского уезда, половину Эриванского уезда (кроме Эривани), весь Сурмалинский уезд, почти весь Эчмиадзинский уезд, часть Александропольского уезда с г. Александрополем и весь Ахалкалакский уезд⁴. Турки вновь потребовали предоставить в их распоряжение все железные дороги Закавказья, открыто заявив, что их целью является помощь «сотням тысяч тюрков и мусульман», которые «терпят в Баку и окрестностях кровавое ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров»⁵.

26 мая стало последним днем существования Закавказской федерации. Турки при поддержке азербайджанцев спровоцировали ее распад. «Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружилось коренное расхождение между народами, создававшими Закавказскую независимую республику, и потому стало невоз-

можно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья», сейм сложил с себя полномочия¹.

В тот же день Грузинский национальный совет объявил о независимости Грузии. Грузинские представители на Батумской конференции заранее тайно договорились с Германией об установлении протектората. В соответствии с соглашением, подписанным в Потти 28 мая, немецкие войска оккупировали Грузию, гарантировав тем самым ее безопасность и нерушимость границ от посягательств турок. По предложению германского командования Грузинский национальный совет принял ультиматум турок, и 26 мая была провозглашена независимость Грузии. 4 июня 1918 г. между Турцией и Грузией был подписан «договор мира и дружбы», ст. 2 которого устанавливала границы также для Армении и Азербайджана.

Азербайджанский национальный совет, тесно взаимодействовавший с Оттоманской империей, 28 мая объявил о независимости Азербайджанской республики. Азербайджанское государство родилось с территориальными претензиями к Армении. На самой Батумской конференции член Мусульманского национального совета Уссубеков выступил 20 мая с требованием передать Нахичеван Азербайджану «для установления постоянной непосредственной связи с Турцией»².

Армения оказалась в очень сложной в политическом и военном отношениях ситуации. Территориальная экспансия турок была направлена против армян. Продвижение турецкой армии повсеместно сопровождалось резней армян. Особую жестокость турки проявляли к беженцам из Западной Армении. Не щадили никого.

По предложению турок и германского генерала Лоссова, Армянский национальный совет, который находился в Тифлисе, также объявил Армению «независимой» республикой. По инициативе турок 29 мая в Батуме было подписано перемирие с Арменией. 30 мая армянская делегация приняла турецкий ультиматум и 4 июня 1918 г., на седьмой день после провозглашения независимости, Оттоманская империя первой признала армянское государство.

Условием признания было принятие армянским правительством ряда требований турок, оформленных в подписанном в тот же день — 4 июня 1918 г. — «договоре о мире и дружбе» между Армянской республикой и Оттоманской империей³.

Турки отвергли требование армянской делегации о включении в состав Армянского государства территории Эриванской губернии, южной части Тифлиской губернии и юго-восточных районов Елизаветпольской губернии общей площадью 54 тыс. кв. км и с населением 1 млн 972 тыс. человек, из коих армяне составляли 68%.

По Батумскому договору территория Армянской республики должна была составить 10 тыс. кв. км, включая Ново-Баязетский уезд (за исключением Басаргечара и части Эриванского, Эчмиадзинского и Александропольского уездов). Население республики составляло 310 тыс. человек, из коих армян было 230 тыс., т.е. 1/8 часть армянского населения Кавказа⁴.

¹ Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. С. 113—114.

² Документы и материалы... С. 287.

³ НАА. Ф. 222. Оп. 1. Д. 120. Л. 28—29, 36—37.

⁴ См. Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1944. Т. I (1917—1920). С. 79.

⁵ Документы и материалы... С. 309—310.

¹ Документы и материалы... С. 330.

² Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 116.

³ НАА. Ф. 222. Оп. 1. Д. 24. Ч. 1. Лл. 332—333 об. Типографский экземпляр договора между Арменией и Турцией.

⁴ Аветисян Г. Как это было. Закавказье в 1918—1920 годах. — Коммунист, 26 августа 1989 г.; Аветисян Г. Брест-Литовск... С. 120.

Таким образом, сверх территорий, которые она получала по Брест-Литовскому договору (25 тыс. кв. км с населением 600 тыс. человек), по мирным договорам, заключенным турками в Батуме с Грузией и Арменией, к Турции переходили еще 20 тыс. кв. км с населением 650 тыс. человек (Ахалкалакский и Ахалцихский уезды — по договору с Грузией, Сурмалинский и значительная часть Александропольского, Эчмиадзинского, Эриванского и Шаруро-Даралагезского уездов — всего 13 250 кв. км с населением 655 тыс. человек). На этих территориях проживало: грузин — 14 200 человек, мусульман — 218 470, армян — 404 000, русских — 12 400, прочих — 4 150 человек. Иначе говоря, на этой территории мусульмане составляли 30% населения, армяне и грузины — 67% (армяне — почти 62%). Если же учесть, что на этой территории к тому времени осело около 300 тыс. беженцев из турецкой Армении, то доли соответственно будут равны 15 и 83%¹.

Не ограничившись территориальным ограблением страны, Батумский договор предписывал Армении разоружиться. Над всеми железными дорогами (кроме 6 км отрезка — ветки на Эривань) устанавливался турецкий контроль. Армения не должна была поддерживать дипломатические отношения с государствами, находившимися в состоянии войны с Турцией.

Для армянского народа, веками боровшегося за свое национальное освобождение и восстановление своей государственности, провозглашение независимости в существовавших тогда условиях было, как это ни парадоксально, мерой вынужденной, продиктованной политической необходимостью. «Независимость была навязана Армении», — пишет английский исследователь новой истории армянского народа К. Волкер². Она была навязана развалом российского государства и активными действиями ее соседей: урезанная со всех сторон, обескровленная геноцидом, разоренная, нищая, голодная, безоружная страна оказалась лицом к лицу с Оттоманской империей, с ее от мобилизованной и вооруженной для Первой мировой войны армией.

Различные военно-политические, дипломатические и международно-правовые факторы определили тот парадоксальный на первый взгляд факт, что турки отказались от намерения добиться полной дебелизации (покорения) и, говоря словами Министра иностранных дел кемалистского правительства Бекира Сами, «первыми признали существование армянского правительства и определенных границ»³. Турки обязались даже установить с этим армянским государством «дружественные и добрососедские отношения».

Талаат и другие руководители Турции стали представлять признание этой карликовой республики как принципиальное изменение отношения к Армении. В Турции и сегодня говорят о том, что она первой признала Армению.

Чем же в действительности объяснялась эта «смена курса», выразившаяся в признании Армении в качестве независимого субъекта международных отношений? Почему Турция признала Армению?

Прежде всего это результат действия военного фактора. Армения была «конституирована» в независимое государство в результате успешных сражений ар-

¹ *Кадисев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 64—65. См. также указанные выше работы Г. Аветисяна.

² *Walker Ch.J.* Armenia. The Survival of a Nation. London. 1980. P. 257.

³ Док. № 714.

мянского народа с превосходящими силами турок 22—29 мая 1918 г. под Сарда-рапатом, Баш-Апараном и Каракилисой. Сражаясь с отчаянной решимостью обреченных на гибель людей, проявив мужество и несгибаемость духа, армяне сумели в неравной борьбе защитить последний клочок своей родины, отстоять свое право на физическое и государственное существование. Продвижение турок в Араратскую долину было остановлено.

Получив сообщение об исходе этих сражений, турецкие дипломаты сочли даже целесообразным поздравить армянскую делегацию на Батумской конференции. Стало очевидно, что полностью стереть Армению с лица земли не удастся. Значит, нужно было сделать Армению нежизнеспособной, лишив условий для нормального независимого существования. Как говорили тогда, турки оставили армянам достаточно территории для того, чтобы она стала кладбищем для погибающего народа¹. Следует сказать, что, по некоторым данным, в первые же месяцы существования республики от голода и болезней погибло более 200 тыс. беженцев из турецкой Армении, среди которых было много сирот.

Не сумев преодолеть сопротивление армян силой, турки решили обеспечить свой тыл политическими средствами, заключив мирный договор с Арменией и получив доступ к железной дороге.

Определенную, если не решающую, роль мог сыграть политико-правовой фактор. Наличие не способного на самостоятельное существование армянского государства могло дать Турции больше политических выгод, чем его полное уничтожение. Идя на признание Армянской республики, турецкие политики руководствовались своими политическими интересами в двух сферах межгосударственных отношений: 1) с союзницей Германией и 2) с противниками — державами Антанты.

Хотя поражение Германии вырисовывалось все более отчетливо, в то время осуществление экспансионистских целей Турции все еще зависело от нее. Только военная сила Германии создала возможность не только возвращения потерянной уже турецкой Армении, но и захвата Карсской области, входившей до войны в состав Российской империи.

Для Турции признание правосубъектности Армении было особенно важно еще и потому, что Батумский договор, которым она хотела узаконить захват новых территорий, противоречил даже грабительскому Брест-Литовскому договору. Прямой захват этих территорий, в нарушение Брест-Литовского договора, мог вызвать не только протест со стороны РСФСР, но и денонсацию самого договора. Германия не могла допустить этого по той причине, что получала от договора большие выгоды, но также и потому, что, будучи уже на грани военного краха, она не могла допустить открытия вновь второго фронта на востоке. Явно опасаясь, что советская Россия обвинит ее в нарушении Брестского договора, Германия не признавала Батумский договор. Чтобы согласие Армении с территориальными захватами по этому договору имело значение, нужно было, чтобы его признала и Германия, военной силой которой и был навязан Брест-Литовский договор.

Поэтому, стремясь создать правовые основания для противопоставления Батумского договора Брестскому, турецкая дипломатия настойчиво добивалась,

¹ *Hovannisian R.* Armenia on the Road to Independence 1918. Berkeley — L. A., 1967. P. 210—211.

чтобы Германия признала Армянскую республику. Неудивительно, что в роли ходатая выступил организатор геноцида армян Талаат. В Армении понимали, что «Талаат добивался признания Армении Германией не из любви к армянам, а потому, что это позволило бы Турции удержать все территории, приобретенные Батумским договором 4 июня, и низвести оставшуюся часть Армении в зависимое от нее владение»¹.

В результате миссии Талаата в Берлине 23 сентября 1918 г. был подписан протокол Великим визирем и Статс-секретарем МИД Германии фон Хинтце. Это последнее германо-турецкое соглашение устанавливало, в частности, следующую договоренность относительно признания закавказских республик:

1. Османская империя готова признать Азербайджан, Грузию и Армению.
2. Германия готова признать Грузию, но, к сожалению, не может признать Армению и Азербайджан.
3. В случае, если возникнет русско-турецкий конфликт из-за турецкого признания двух закавказских государств, Германия постарается урегулировать спор.
4. Турция выводит все военные части из Азербайджана и Армении, после чего правительство Кайзера постарается побудить правительство советской России снять свои возражения против турецкого признания этих двух республик.
5. Османское правительство заявляет о своем намерении создать отдельные государства на Северном Кавказе и в Туркестане и установить с ними союзные отношения, но понимает, что Германия не сможет помочь ей в этом предприятии.
6. Германия признает интересы Турции в Крыму. Турция обязуется воздействовать на Азербайджан, чтобы он благожелательно относился к германским колонистам в этой республике².

Пункты 5 и 6 этой договоренности подтверждают, что турецкая политика признания Армении служила интересам реализации пантюркистских планов расчленения Российской империи.

Германо-турецкое соглашение рассматривалось как определенный успех армянской дипломатии. Турки должны были освободить армянские территории до границ Карсской области. Это означало, что республика сохранила бы уступленную ей половину Эриванской губернии. Германия, хотя сама и не признавала статус Армении, обещала содействовать предоставлению советской Россией ковенного признания республики.

Поскольку победа держав Антанты в Первой мировой войне становилась все более вероятной, турецкие политики стали искать пути закрепления результатов преступления геноцида армян в новых условиях послевоенного мира. Они понимали, конечно, что державы Антанты не будут считаться с сепаратным мирным договором, заключенным большевиками с государствами Четверного союза, и что он будет ими отвергнут при первой же возможности.

Общественное мнение Европы, Америки, всего мира, потрясенное чудовишным преступлением турецкого государства, требовало прекращения его преступной власти над Арменией и привлечения к международной уголовной ответственности турецких правителей. Учитывая эту перспективу, даже немцы —

¹ *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence 1918. P. 224.*

² *Mühlmann C. Das Deutsch — Türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig, 1940. S. 212—213; Jaschke G. Der Turanismus der Jungtürken: Zur osmanischen Aussenpolitik im Weltkrieg. — Die Welt des Islams, XXIII. Bd. 1—2. 1941. P. 45—47.*

военно-политические союзники турок — вынуждены были дистанцироваться от них.

Младотурецкие правители Османской империи, сознавая неизбежность наступления международной ответственности за совершенное преступление геноцида армян, стали делать ставку на послевоенное «мирное урегулирование» отношений непосредственно с жертвой своего преступления. Турецкое государство стремилось создать дополнительные «правовые» основания незыблемости новых границ с помощью договора, который оно навязало Армянской республике, считая, что при наличии «договора о мире и дружбе» между Турцией и Арменией остальному миру не оставалось бы ничего другого, кроме как признать совершившийся факт. Задача состояла в том, чтобы добиться примирения армян с фактической ситуацией. Нужно было принудить самих армян в обмен на признание их карликового государства отказаться от своих территорий в пользу Турции. Почти полная дефляция (покорение) и аннексия могли, таким образом, представляться как цессия — добровольная уступка территорий, а геноцид армянского населения этих территорий — как достойные сожаления события прошлого.

Помимо указанных выше политических соображений были и другие, связанные с Россией. Сохранение небольшого армянского государства, не мешающего осуществлению планов создания Великого Турана, вписывалось в более широкий турецко-германский план послевоенного устройства этого региона. Чтобы отгородиться от вероятного в будущем восстановления российской государственности в советской или иной форме, младотурки разработали план создания на Северном Кавказе и в Закавказье ряда буферных государств. Превращение в такое буферное государство Армении — страны с традиционно пророссийской ориентацией — приобретало особое значение.

Признание Османской империей «карликовой» Армянской республики отнюдь не означало, что турки согласны с ее существованием даже в навязанных ей границах. В соответствии с «разделением труда» со своим младшим партнером — Азербайджаном на эту часть Армении заявляли претензии «азербайджанские братья». Сравнивая территориальные претензии Турции и Азербайджана, нетрудно заметить, что они практически отрицали право Армении на существование.

Турки проявили немалую дипломатическую изощренность и прозорливость, создавая видимость самостоятельного существования созданного ими же «азербайджанского» государства. Хотя сами мусаватисты стремились к полному слиянию с турецким государством, турки дали им понять, что из политических соображений с этим спешить не следует и пока лучше прикрываться лозунгом «независимого Азербайджана». Об этом прямо говорится в письме мусаватской делегации на Батумской конференции турецкому военному министру Энверу паше: «Несмотря на нашу просьбу о полном присоединении мусульманской части Закавказья к Турции, нам мотивированно объяснили, что большая политика Турции требует, чтобы мы пока были независимы и сильны... Мы приняли эти указания, сознательно согласившись с ними»¹.

Дальновидность этой игры в независимость Азербайджана в полной мере выявилась после поражения Османской империи в Первой мировой войне, когда Азербайджан взял на себя представительство турецких интересов. Забегая

¹ Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ. Т. VIII. С. 80.

вперед, отметим, что то же самое имело место и после вступления в регион советской России.

При подписании выработанного в Батуме договора были произнесены дипломатические речи о «новых» отношениях между двумя народами. Организатор геноцида армян Талаат, выражая «сожаление» по поводу постигших армян бед, винил во всем курдов и местные власти. Не преминул он упрекнуть и самих армян: «Наши враги были русские, и, когда они стреляли в наших солдат, их пули могли поразить наши ноги, но когда армяне, которые были турецкими подданными, начали стрелять и предали свою родину, тогда их пули стали поражать сердца наших солдат»¹. Глава Армянской республики А. Хатисян говорил о восхождении «новой звезды дружбы».

О том, что турецкое государство, заключая с Арменией «договор о мире и дружбе», не отказывалось от своей политики геноцида, подтверждается массовым истреблением армянского населения на всем пути турецких войск в Баку, завершившимся там в сентябре 1918 г. резней 30 тыс. армян — мирных жителей города. Этот акт геноцида был совершен, как отмечалось в нотах правительства РСФСР, турецкими войсками совместно с татарскими бандами². Турецкое правительство, которое вину за резню армян в турецкой Армении возлагало на курдов и местные власти, теперь вину за бакинское преступление полностью переложило на татар, т.е. азербайджанцев. «Турецкие солдаты, — говорили они, — слишком устали, чтобы сдерживать татарские банды»³. На самом же деле такой огромной ценой армяне Баку — эти политические заложники пантюркизма — заплатили свой, как теперь мы уже знаем, первый «взнос» за национальную свободу всего армянского народа.

Рассматривая Батумский договор в конкретных условиях тогдашних реалий, нужно отметить, что признание международной правосубъектности Армении в практически безвыходной ситуации давало армянской дипломатии хоть какую-то возможность, используя возникшие противоречия между Османской империей и Германией, защитить армян от произвола турок.

Используя германо-турецкие разногласия, связанные, в частности, с тем, что Германия не признавала Батумский договор, армянская дипломатия добивалась ослабления турецкого давления с помощью Германии.

Дипломатические маневры стали возможны благодаря героической освободительной борьбе армянского народа и в особенности карабахцев. В сложившихся политических условиях, когда армянское государство под воздействием Османской империи должно было воздержаться от вооруженной борьбы с захватчиками, карабахские армяне самостоятельно продолжали национальное сопротивление⁴, задержавшее продвижение турецкой армии и захват ею Баку, а в конечном счете приведшее к поражению Турции в Первой мировой войне⁵.

¹ *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence* 1918. P. 231.

² Док. № 319, 342 и др.

³ *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence* 1918. P. 232.

⁴ Требования Турции, чтобы армянское правительство усмирило карабахцев, отклоняли на том основании, что эта область была отрезана от Армении самой турецкой армией.

⁵ Имеются авторитетные свидетельства высших германских военачальников, руководивших военными операциями турок в Первой мировой войне, о решающей роли армянского сопротивления в ее исходе: бросив основные силы против армян, Турция потерпела общее поражение в Первой мировой войне, когда, казалось, была уже у цели, заняв Баку.

В ожидании наметившегося в ходе войны изменения политической ситуации в мире Армянская республика отклонила сделанное в день ее признания предложение турок заключить военный пакт и помочь военному походу турок на Баку. Она воздержалась также от ратификации самого Батумского договора в предусматривавшийся им шестимесячный срок, начав длившиеся четыре месяца переговоры в Константинополе.

9. Как Германия оценивала действия своей союзницы в Армении

В связи с вторжением турецких войск на армянские территории за пределами государственной границы Османской империи и распространением политики геноцида на армянское население этих районов особый интерес представляют документы Сборника, которые относятся к оценке положения на Южном Кавказе со стороны Германии — союзницы Османской империи по Четвертому союзу, создавшей военно-политические условия для турецкой экспансии. Документы эти свидетельствуют о том, что в Германии были полностью информированы о характере и масштабах преступления, и о том, что реакция Германии на геноцид армян на территории Османской империи была неадекватна.

Укажем на документ, содержащий оценку действий Османской империи фельдмаршалом Гинденбургом: «Участие Турции в войне вскрыло самые мрачные стороны турецкого правления, т.е. отношение турок к армянам. Армянский вопрос <...> был связан с пантюркистской, а также с панисламской идеологией. Попытка решить этот вопрос сопровождалась расовой ненавистью и религиозной враждебностью <...> Турция проводила политику уничтожения армян»¹.

Генерал Отто Лоссов, состоявший на военной службе в Турецкой империи с 1911-й по 1914 г., бывший военным представителем Германии в Турции в 1916 — 1918 гг. и представлявший Германию на Батумской конференции в мае 1918 г., подтверждал 15 мая, что «турки приступили к полному уничтожению армян и в Закавказье»².

23 мая посол Германии в Османской империи Бернсторф телеграфировал в МИД Германии:

«<...> Как я сообщаю все время, цель турецкой политики — это постоянная оккупация армянских областей и уничтожение армян. Все заверения Талаата и Энвера об обратном — ложь. В Константинополе взял верх крайне антиармянский курс. Сегодня турецкий план очевиден: они считают, что получают мусульманский округ Ахалцих; скрывая факты, они пытаются представить, будто полностью населенный армянами округ Ахалкалаки входит в округ Ахалцих. Они заняли город Александрополь. Они хотят захватить железнодорожную ветку на Джульфу, в том числе полосу территории протяженностью 25 км восточнее железной дороги, и никогда не возвращать ее.

Аннексия турками Елизаветпольской и Бакинской провинций с согласия татарского населения уже совершилась; одновременно турки продвинулись в сторону Баку, чтобы изгнать оттуда большевиков, и заняли там позиции. Турецкие

¹ Док. № 334.

² Док. № 322.

войска находятся на фронте южнее Ахалкалаки, продвигаясь в направлении Тифлиса и Эривани. Курдские и татарские добровольцы сопровождают турецкую армию, совершая грабежи и убийства в армянских городах. Всех мужчин увозят. Чтобы избежать столкновений, армянские войска отходят на восток. Армянское население спешно уходит на восток и должно скоро столкнуться с татарами, что приведет к резне. Турецкая политика свидетельствует о том, что Турция не будет предъявлять ультимативного требования и добьется *fait accompli* в отношении владения территорией. Армянскому населению не останется для проживания ни клочка земли. <...> Я подозреваю, что таково намерение турок»¹.

Вопрос о положении на Кавказе и поведении Германии обсуждался на совещании у Рейхсканцлера Германии 3 июня 1918 г. В нем участвовали главы германской делегации на Брест-Литовской конференции Кюльман и Розенберг, представитель Германии на Батумской конференции генерал Лоссов и др.

Лоссов говорил о том, что Турция хочет «захватить весь Кавказ», что правящая партия Талаата хочет «истребить всех армян не только в Турции, но и за ее пределами»; турецкое правительство уже не согласно с тем, чтобы Брестский договор был основой для мира с Кавказом, а глава турецкой делегации на Трапезундских переговорах «умеренный» Халил считает, что «установление мира между Закавказьем и Турцией... даст Турции всю Армению вплоть до подступов к Эривани и Эчмиадзину». «Турецкие требования возросли вплоть даже до притязаний на Северный Кавказ». Кюльман сообщил, что эти сведения подтверждаются и информацией германского посла в Константинополе Бернсторфа — «турки планируют новую резню армян»².

В тот же день Статс-секретарь Р. Кюльман телеграфировал германскому послу в Турции: «Полностью игнорируя свои обещания, турки добиваются своей цели — уничтожения армян на Кавказе, либо своим пассивным одобрением позволяют, чтобы это произошло»³.

В телеграмме генерала Лоссова Верховному командованию Германии 6 июля 1918 г. выражалась обеспокоенность по поводу вероятного возложения на Германию ответственности за продолжение арменоцида: «То, что Турция желает терпеть лишь маленькую Армению, понятно. Сможет ли Германия согласиться с дальнейшим истреблением российских армян после всех упреков, которые были нам сделаны из-за истребления турецких армян, это должны решить политические инстанции»⁴.

Тот же генерал Лоссов 11 июля 1918 г. телеграфировал, что «турки систематически нацеливаются на <...> уничтожение тех нескольких сотен тысяч армян, которых они оставили пока в живых»⁵.

¹ Док. № 323.

² Док. № 325.

³ Док. № 326.

⁴ Док. № 328.

⁵ Док. № 330.

10. Почему необходима политическая и международно-правовая оценка Брест-Литовского договора с Россией и Батумского — с Арменией

Необходимость политической и международно-правовой оценки Брест-Литовского и Батумского договоров вызывается грубой фальсификацией их статуса и содержания Турцией и ее защитниками.

Для международно-правового обоснования существующих ныне границ с Арменией турки всегда ссылались и сейчас ссылаются на Брест-Литовский договор с советской Россией и на Батумский договор, заключенный Оттоманской империей с Армянской республикой в 1918 г. Этим договорам до сих пор придается юридический смысл и значение, которых они не имели и не имеют.

Не только младотурецкое правительство Оттоманской империи, но и кемалистская Турция, стремясь сохранить территориальные последствия геноцида, совершенного в отношении армянского народа, ссылались на Брест-Литовский и Батумский договоры в качестве основания легитимности границ, навязанных Армении.

В ноте Комиссара по иностранным делам правительства ВНСТ Бекира Сами бея Министру иностранных дел Республики Армении от 8 июля 1920 г. утверждалось, будто Батумский договор «юридически действует» между Турцией и Республикой Армении, которая была якобы признана Брест-Литовским договором¹.

Особенно грубо и цинично этот ложный аргумент использовался после окончания Второй мировой войны, когда был поставлен вопрос об исправлении исторической несправедливости в отношении армянского народа. Так, Премьер-министр Турции Сараджоглу в своем выступлении 6 января 1946 г. «обосновывал» права Турции на районы Карса и Ардагана ссылкой на плебисцит, который будто бы имел место в соответствии с Брест-Литовским договором.

Официальные представители и государственные учреждения тех стран, которые эти договоры никогда не признавали и объявляли их юридически ничтожными, позже, руководствуясь союзническими интересами, стали утверждать, будто турки в Брест-Литовске получили законные титулы (*legal titles*) на Карс, Батум и Ардаган, будто «уступка» этих трех округов была одним из условий Брест-Литовского договора, который между националистами и большевиками никогда не терял законной силы².

Они цинично игнорировали то обстоятельство, что навязанный силой Брест-Литовский договор был аннулирован советской Россией, а Батумский никогда не был ратифицирован Арменией и юридическую силу не обрел.

11. О юридической ничтожности Брест-Литовского и Батумского договоров

Вопиющие правонарушения, полнейшее пренебрежение к международным обязательствам, взятым на себя Турцией, были своевременно зафиксированы и

¹ Док. № 721.

² Док. № 1326 и № 1327. См. Комментарий к Разделу V (40, 43).

опротестованы правительством РСФСР в соответствующих дипломатических актах, направленных правительствам Германии и Османской империи.

Правительство РСФСР заявило официальный протест правительству Германии, на которую возлагалась ответственность за неоднократные нарушения Турцией Брест-Литовского договора — территориальные захваты и резню армян, осуществлявшиеся турецкими войсками совместно с татарскими, т.е. азербайджанскими, бандами.

В ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Министерству иностранных дел Германии, переданной по радио 12 апреля 1918 г., указывалось, что «наступление турецких войск и курдов на Кавказском фронте сопровождается массовым истреблением армянского населения; мирное население, женщины и дети вырезаются тысячами, имущество их предается разграблению и огню». Отметив, что договор, подписанный в Бресте под принуждением Германии, «предоставлял судьбу населения Ардаганского, Карсского и Батумского округов волеизъявлению самого населения», Народный комиссариат иностранных дел РСФСР подчеркнул: «Происходящее в этих округах свидетельствует, что десятками лет применявшаяся политика истребления армянского народа продолжается и ныне». Ответственность за продолжение истребления армянского населения правительство РСФСР возложило на Германию: «Ответственность за ужасы, которым подвергается армянское население в занимаемых ныне турецкими войсками областях, ложится на Германское правительство, при прямой помощи которого Турция выговорила себе эти области».

Народный комиссариат иностранных дел решительно протестовал «против того употребления, которое было сделано из права самоопределения населения Ардагана, Карса и Батума», и потребовал «быстрого и решительного вмешательства» Германии «с целью предотвращения дальнейшего уничтожения и вырезания мирного населения...»¹.

Нотой Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина Министерству иностранных дел Османской империи от 20 сентября 1918 г. Брестский договор был расторгнут в отношении Турции². В качестве основания для аннулирования Брест-Литовского договора правительство РСФСР указало на «непрерывные нарушения» Турцией его условий.

Нарушения договора выражались в следующих действиях Османской империи: 1) аннексия Карсской области без выявления воли ее населения; 2) использование Брест-Литовского договора для распространения на Карсскую область политики геноцида армян; 3) территориальная экспансия за пределами установленных договором границ, сопровождавшаяся резней армян.

Как прямое нарушение соответствующих положений Брест-Литовского договора квалифицировалось несоблюдение условий свободного волеизъявления: «Население, свободным выражением воли которого должен был быть установлен новый строй, было заранее терроризировано и поставлено в условия, при которых право, предоставленное населению трех округов, превращалось в открытые издевательства над ним...»

Считая такое насилие над населением отторгнутых от России округов существенным нарушением ст. 4 Договора, советское правительство России заявило,

¹ Док. № 319.

² Док. № 644.

что «оно не может согласиться с результатом так называемого волеизъявления населения округов Карса, Ардагана и Батума и считает право этого населения установить новый строй своих областей неиспользованным и вопрос о новом строе указанных округов открытым».

В ноте отмечалось, что, хотя мирный договор предписывал прекращение всех военных действий, «сейчас же после заключения договора военные действия со стороны Турции были возобновлены и продолжаются до настоящего момента. Турецкие регулярные войска в союзе с разбойничьими бандами занимают территорию Советской Республики, подвергая города и деревни разгрому и разграблению, расстреливая или подвергая всевозможным насилиям христианское население, не исключая женщин и детей».

Напомним, что правительство РСФСР «неоднократно протестовало против продолжавшихся военных действий со стороны Турции» и что «все эти протесты оставались без результата», нота указывала, что предпринятый в июле поход турецкой армии на Баку сопровождался резней армян: «Теперь, когда город Баку уже взят и турецкие войска находятся в самом городе, когда беззащитное население и весь город в продолжение нескольких дней подвергаются всем ужасам разгрома и разграбления со стороны турецких войск вместе с примкнувшими к ним татарскими бандами, ссылка турецких представителей на то, [что] якобы в наступлении на Баку принимали участие лишь местные разбойники, является несогласным с фактами прикрытия насильственных действий Турции, под покровом которого произошли и происходят систематическое нарушение Брест-Литовского договора и прямой захват и грабеж территорий Российской Республики».

Указав, что «Османское правительство в течение истекшего полугодия непрерывно нарушало Брест-Литовский договор, несмотря на все протесты Советского правительства», нота заключала: своими действиями турецкое правительство показало, что Брест-Литовский договор между Россией и Турцией уже не существует. «Правительство Российской Федеративной Советской Республики принуждено признать, что действия Османского правительства фактически отменили устанавливавший мирные отношения между Россией и Турцией Брест-Литовский договор между этими двумя государствами»¹.

Положение этой ноты о «прекращении мирных отношений между Россией и Турцией» было подтверждено и в ноте Полномочного представителя РСФСР в Германии турецкому послу в Германии Рифаат паше, переданной адресату 3 октября 1918 г.²

В ноте Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина Министерству иностранных дел Турции Несими бею от 10 октября 1918 г. отмечалось, что «турецкие военные силы, не сообразуясь ни с какими договорными постановлениями, начали преждевременно вторгаться помимо каких бы то ни было установленных сроков и без всякого соглашения с русскими властями в области Карса, Батума и Ардагана, в которых они самым зверским образом стали расправляться с местным населением»³.

В ноте давалась однозначная оценка действий Турции: «как образ действия турецких властей в этих местностях, так и политическая деятельность и военные

¹ Док. № 644.

² Док. № 645.

³ Док. № 342.

действия турок во всем Закавказье являлись одним сплошным нарушением Брестского договора».

Воспользовавшись победой держав Антанты над Германией, правительство РСФСР 13 ноября 1918 г. аннулировало мирный договор и с самой Германией.

Обращаясь в этой связи ко «всем народам России», к «населению всех оккупированных областей и земель», Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет торжественно заявил, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся... уступки территорий и областей, объявляются недействительными». ВЦИК подтвердил, что за всеми народами признается «в полной мере» право на самоопределение¹.

Закавказское правительство также заявляло протесты против наступления турецких войск и чинимых ими насилий. Так, 23 мая оно обратило внимание правительства Турецкой империи на гонения, которым подвергалось армянское население в занимавшихся турками районах.

Что же касается Батумского договора с Арменией, то он не был признан ни Россией, ни Германией. Он не был ратифицирован и самой Арменией и, следовательно, не обрел никакой юридической силы.

12. Мудросское перемирие и его последствия

Турецкая империя потерпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне. «В тот самый момент, когда турки достигли на Кавказе той самой цели, ради которой они пошли на такой риск и запятнали себя преступлениями и резней, рухнули все их государство и вся социальная организация Турции», — свидетельствует Черчилль².

Турция капитулировала перед союзными державами. Своим упорным сопротивлением турецкому нашествию армяне в значительной мере способствовали поражению Турции в войне. Это признавали и германские военные, отговаривавшие турок от военной авантюры на Кавказе. Это отмечали и державы Антанты, рассматривавшие Армению как своего «шестого союзника».

Военные действия между державами Антанты и Османской империей завершились соглашением о перемирии, заключенным в Мудросе 30 октября 1918 г.³ От имени Союзных держав соглашение было подписано Великобританией, узурпировавшей процесс выработки и заключения перемирия.

Поражение Турции и последовавшая вскоре капитуляция Германии открывали возможность решения Армянского вопроса как части послевоенного урегулирования. Это, естественно, предполагало аннулирование всех грабительских захватнических договоров, навязанных Турцией и ее союзницей Германией.

¹ Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора // МИД СССР. Документы внешней политики СССР. Т. 1. № 398. С. 565—567.

² Черчилль У. Мировой кризис. М.—Л., 1932. С. 278.

³ Док. № 348.

Прежде всего это относилось к грабительскому Брест-Литовскому договору. Союзные державы, никогда не признававшие договор, заключенный между враждебной коалицией и дезертировавшей из Антанты советской Россией, зафиксировали его юридическую ничтожность в актах перемирия вначале с Османской империей, а потом и с самой Германией.

Согласившись с условиями Мудросского перемирия, Османская империя официально признала, что Брест-Литовский договор со всеми дополнительными к нему соглашениями не имеет никакой юридической силы. Турецкое государство тем самым отказалось от права ссылаться на Брест-Литовский и другие навязанные им захватнические «договоры» в качестве оснований для каких-либо территориальных претензий. Оно приняло на себя обязательство подчиниться решениям мирной конференции, которую должны были созвать Союзные и Объединившиеся державы.

В соответствии с п. 15 Соглашения о перемирии, заключенного державами Антанты с Германией 11 ноября 1918 г., она также признала Брест-Литовский договор со всеми дополнительными к нему соглашениями не имеющим силы.

Для Армянского вопроса естественным следствием признания Брест-Литовского договора не имеющим силы было, как минимум, восстановление юридического статус-кво.

В соответствии с положением ст. 11 Мудросского перемирия Турция «очищала» оккупированные ее войсками части Закавказья. Армения как правопреемница Российской империи вновь получила свои довоенные территории в границах 1914 г., включая Карсскую область.

В отношении Западной (турецкой) Армении вступало в действие принятое Союзными державами обязательство освободить армян от власти геноцидного турецкого государства.

В условиях Мудросского перемирия Союзные державы ограничились констатацией бесспорного исторического факта: территория Западной (турецкой) Армении является армянской территорией. Эти государства официально подтвердили свое отношение к их статусу, исключив «шесть армянских вилайетов» из состава «турецких частей Османской империи».

С победой в Первой мировой войне Союзных и Объединившихся держав Антанты окончательное определение статуса Западной (турецкой) Армении полностью переходило в компетенцию мирной конференции, которой предстояло принять решения по послевоенному устройству мира.

Поэтому естественно было ожидать, что уже по условиям перемирия армянские вилайеты де-факто будут отделены от турецкого государства. Так был решен вопрос в отношении территорий всех других народов, которым державы Антанты обещали не возвращать под власть турецкого государства. Союзные державы оккупировали все предназначавшиеся им территории Османской империи, включая и Киликийскую Армению, отходившую, по условиям раздела османского наследства, к Франции. Вывод турецких войск из Киликии был предусмотрен ст. 16 Соглашения о перемирии.

Основная же часть территории Армении — «шесть армянских вилайетов», которые должны были отойти под управление вышедшей из «игры» России, — не была оккупирована союзными войсками, хотя для этого было неизмеримо больше моральных и правовых оснований, чем для оккупации других нетурецких ча-

стей Оттоманской империи. На турецкие войска, занявшие эти территории Западной Армении по условиям не признававшегося ими же Брест-Литовского договора, англичане возложили «ответственность за поддержание порядка» впредь до окончательного определения ее статуса мирной конференцией. Ст. 24 Соглашения о перемирии оговорила лишь право Союзных держав на оккупацию этих шести армянских вилайетов «в случае беспорядков» в одном из них.

Английское правительство оправдывало наделение турецких войск полицейскими функциями сомнительным доводом. «Если бы Армения была отделена от Турции, турецкие войска были бы выведены, тогда армяне были бы оставлены на милость курдов» — так объяснял этот бесчестный поступок Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж на заседании Совета четырех 25 июня 1919 г.¹

Англичане лучше, чем кто-либо, знали, что курды были слепым орудием турецкой политики геноцида армян и первым условием прекращения их бесчинств было незамедлительное устранение турецкого государственного суверенитета в Армении. Оправдание передачи Армении на «попечение» турецкой армии оказалось настолько нелепым, фарисейский характер «заступничества» настолько очевиден, что даже в английском парламенте отмечались многочисленные интерpellации, в которых выражалось беспокойство по поводу того, что условия перемирия не гарантируют безопасность армян и ставят под угрозу территориальную целостность Армении.

Подлинный смысл этого решения англичан заключался в том, что Россия, к которой должна была отойти турецкая Армения, превратилась в источник большевистской опасности. Перед Антантой встала задача отвести большевистскую угрозу от Индии и других колониальных владений, не допустить советскую Россию в турецкую Армению, расположенную на стыке трех континентов, геополитически нависавшую над богатыми нефтью странами Ближнего и Среднего Востока. Турецкие войска были оставлены в армянских вилайетах в качестве полицейской силы, чтобы не допустить решения Армянского вопроса на основе советского Декрета о независимости турецкой Армении и экспансии большевизма в этом стратегически важном районе мира. Державы Антанты не гнушались использовать турецкие войска для борьбы против советской власти в Армении.

Это был первый практический шаг английской дипломатии в осуществлении формировавшегося политического курса, направленного на противопоставление агрессивного турецкого национализма большевистской России. Вдохновителями этого курса были спецслужбы и колониальное ведомство Великобритании.

Именно поэтому, вопреки принятым обязательствам, под предлогом «поддержания порядка» в армянских вилайетах было сохранено турецкое присутствие. Туркам позволили не расформировывать шесть дивизий на Кавказском фронте, т.е. ту самую армию, которая совершила в 1918 г. первое вооруженное вторжение в Восточную Армению и участвовала в геноциде армян в Нахичеване, Карабахе, Баку. Теперь она должна была «заботиться» об армянах, «защищать» их. Английский разведчик полковник Раулинсон «не смог» выполнить свою

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. VI. P. 675—676.

миссию и, как свидетельствует Уинстон Черчилль, «горы собранного военного снаряжения в какую-нибудь неделю перешли из британских рук к туркам»¹. Впоследствии в развитие этого шага при попустительстве англичан в восточные провинции с весьма широкими полномочиями был послан генерал Мустафа Кемаль паша², который и возглавил движение турецких националистов.

В результате, как отмечалось в отчете американской миссии генерала Харборда, «армянин, лишенный оружия со времен избиений и высылки, — храбрый солдат армий России, Франции и Америки в течение всех войн, теперь остается безоружным в стране, где все, кроме него, вооружены»³.

Забегая вперед, отметим, что Мудросским перемирием были созданы предпосылки для саботажа и разрушения основанного на международном праве послевоенного урегулирования Армянского вопроса. Эти неразоруженные части турецкой армии стали основой кемалистского движения турецких националистов.

13. Международные обязательства в односторонних актах государств

Великие державы и другие государства мира выражали свое отношение к Армянскому вопросу, принимая в одностороннем порядке вполне определенные международно-правовые обязательства по освобождению Армении от кровавой тирании геноцидного турецкого государства.

Подобные заявления делались официально на уровне глав государств, правительств, ведомств иностранных дел. По форме это были весьма различные акты — заявления о целях войны, ответы на парламентские интерpellации и др. Часть из них была прямо адресована армянам и имела целью создание международно-правовых отношений между соответствующей страной и Арменией. Обязательная сила такого рода односторонних актов опирается не только на требования международной морали, но имеет и юридические основания.

Все они основывались на безоговорочном признании факта арменоцида и ответственности турецкого государства и турок за содеянное преступление.

Предметом конкретных международно-правовых обязательств были: 1) освобождение армянского народа от власти турецкого государства; 2) признание международной правосубъектности и территориальных прав армянского государства на основе воссоединения двух частей страны.

Такого рода заявления преюдициального значения, в частности, сделали: 9 ноября 1916 г. Премьер-министр Великобритании Г.Г. Асквит; 10 января 1917 г. Премьер-министр Франции А. Бриан; 20 марта 1917 г. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж; в мае и 6 ноября 1917 г. Министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур; 19 декабря 1917 г. Председатель Палаты депутатов Франции П. Дешанель; 20 декабря 1917 г. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж; 27 декабря 1917 г. Министр иностранных дел Франции

¹ Черчилль У. Мировой кризис. С. 252.

² Nicolson H. Curzon: the last phase 1919—1925. London 1939. P. 117.

³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919... Vol. II. P. 851.

С. Пишон; в конце 1917 г. Президент США В. Вильсон; 5 января 1918 г. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж; 8 января 1918 г. Президент США В. Вильсон; 23 января 1918 г. Премьер-министр Франции Ж. Клемансо; 11 июля 1918 г. Министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур; 23 июля 1918 г. Премьер-министр Франции Ж. Клемансо; 17 августа 1918 г. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж; 30 сентября 1918 г. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Сесиль; 13 октября 1918 г. Министр иностранных дел Италии С. Соннино; 6 ноября 1918 г. Министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур; 13 ноября 1918 г. от имени Правительства Великобритании Кроуфорд; 18 ноября 1918 г. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Сесиль; 21 ноября 1918 г. Министр иностранных дел Франции С. Пишон; 21 ноября 1918 г. Президент США В. Вильсон; 26 ноября 1918 г. Премьер-министр Италии В.Э. Орландо; 4 февраля 1919 г. Премьер-министр Греции Э. Венизелос; 6 февраля 1919 г. Министр иностранных дел Италии С. Соннино; 16 февраля 1919 г. Президент Франции Р. Пуанкаре; в июле 1919 г. Министр иностранных дел Франции С. Пишон; 26 августа 1919 г. Государственный секретарь США Р. Лансинг; 21 ноября 1919 г. Министр иностранных дел Франции С. Пишон; 11 января 1920 г. Генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертелло; 1 и 12 марта 1920 г. Министр иностранных дел Великобритании Дж.Н. Керзон; 24 марта 1920 г. Государственный секретарь США Б. Колби; 16 июля 1920 г. Премьер-министр Франции А. Мильеран от имени Верховного совета Союзных держав; 26 февраля 1921 г. Министр иностранных дел Великобритании Дж.Н. Керзон и др.

В меморандуме Президента США В. Вильсона правительству Оттоманской империи, врученном 22 августа 1919 г. Верховным комиссаром США в Константинополе Бристолом, указывалось на прямую связь вопроса об отделении Армении с политикой геноцида¹.

Позиции, занятые государствами, и принятые ими в одностороннем порядке обязательства добиваться справедливого решения вопроса о будущем политическом устройстве Армении обрели самостоятельное значение, не зависящее от судьбы Севрского договора. На эти односторонние международные акты государств распространяется принцип добросовестного соблюдения международных обязательств².

14. Послевоенное устройство мира — компетенция мирных конференций

Практика показывает, что после мировых войн функции послевоенного устройства мира берут на себя мирные конференции, руководимые великими державами победившей военно-политической коалиции и создаваемые ими международные политические организации планетарного масштаба — соответственно Лига Наций и Организация Объединенных Наций.

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. VII. P. 858.

² Rubin A.P. The International Legal Effect of Unilateral Declarations // The American Journal of International Law. 1977. Vol. 71. № 1. P. 1—30.

После Первой мировой войны вопросы послевоенного урегулирования решались Парижской мирной конференцией в новых политических условиях, наступивших после поражения Четверного союза.

В рамках Парижской мирной конференции шел процесс формирования общей позиции международного сообщества по всем вопросам ответственности турок и турецкого государства за геноцид армян.

Материалы Парижской мирной конференции имеют огромное значение не только для понимания выработанного ею и принятого в Севре мирного договора с Турцией. Эти материалы — протоколы заседаний различных органов (Совета десяти, Совета министров иностранных дел и др.) несут самостоятельную правовую нагрузку, так как в них зафиксированы индивидуальные и общие позиции великих держав и других государств практически по всем аспектам признания ответственности Турции как государства и турок как физических лиц за совершение преступления против человечности — «убийства целого народа».

Несомненную историческую и правовую ценность имеют не только подтверждаемый этими документами общий принцип международно-правовой ответственности за геноцид, но и определение содержания всех видов такой ответственности: политической, уголовной, материальной, моральной.

Выражая позицию своих правительств в форме коллективных решений по этим вопросам, их представители — главы государств и правительств, руководители внешнеполитических ведомств и др., — формировали обязательства международного сообщества перед Арменией, друг перед другом и перед человечеством в целом.

В качестве таких коллективных решений можно было бы назвать решения о признании Армении, заявления об ответственности турецкого государства за арменоцид, решение о передаче вопроса об определении армяно-турецкой границы на арбитражное решение Президента США и т.д.

Анализируя решения различных органов Союзных держав по Армянскому вопросу, включая те, которые относятся к восстановлению международной правосубъектности Армении и к территориальному разграничению двух государств, необходимо уяснить, какова их международно-правовая природа, какова их обязательная сила.

Практика мирного урегулирования территориальных вопросов после двух мировых войн выдвинула международный институциональный механизм и международные процедуры распоряжения территориями по совместному решению главных союзных держав. Так было в отношении территорий и территориальных владений, отошедших от центральных держав после Первой мировой войны и держав оси после Второй мировой войны. В 1919—1920 гг. соответствующие решения принимались Верховным Советом Союзных и Объединившихся держав, а в 1943—1944 гг. — совещаниями руководителей трех держав в Тегеране, Ялте и Потсдаме, и позднее — Совещаниями министров иностранных дел. Несмотря на определенные политические различия в характере этих форумов, их юридическая природа была идентична. Руководители ведущих держав победивших коалиций, иногда совместно с другими государствами, посредством мирных конференций брали на себя функции представителей мирового сообщества. Действовал принцип подразумеваемых полномочий, которыми затем наделялись и создаваемые победившими коали-

циями международные организации — Лига Наций в меньшей мере, ООН — в большей.

При послевоенном урегулировании в 1919—1920 гг. за Главными Союзными державами, участвовавшими в мирных договорах Версальской системы, формально признавалось право распоряжения частью территорий, обычно чужденациональными областями государства-агрессора, на том основании, что оно злоупотребляло властью над управляемыми им народами (арабские, армянские, курдские территории Оттоманской империи; распределение территории распавшейся Австро-Венгерской империи между вновь обретшими независимость государствами), или с целью лишения агрессора потенциала для новых актов агрессии (передача Франции Рурской области Германии). Речь идет, конечно, о формально-правовых основаниях, и мы не касаемся политических мотивов и других соображений, с которыми обычно связаны такого рода вопросы по распоряжению территориями.

В практике урегулирования после Второй мировой войны Союзные державы также исходили из того, что обладают правом на отчуждение и распоряжение обширными территориями агрессора. В этой связи следовало бы указать, в частности, на решения, принятые в 1945 г. Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференциями Союзных держав — СССР, США и Великобритании. Решениями последней предусматривались передача Советскому Союзу города Кёнигсберга (ныне Калининград) с прилегающим к нему районом Восточной Пруссии, и включение в состав Польши другой части Восточной Пруссии, а также города Данцига (Гданьск), установление западной границы Польши по линии рек Одер и Западная Нейсе (Ниса Лужицка).

На признании такого права Главных Союзных держав были основаны создание после Первой мировой войны мандатной системы управления определенными территориями бывших вражеских государств и заменившей ее системы опеки после Второй мировой войны. Так, после завершения Первой мировой войны Германия должна была отказаться от суверенитета над рядом территорий в пользу пяти Главных Союзных держав и присоединившихся к ним государств, которые в качестве носителей коллективного права на эти территории передали их под управление государств-мандатариев. Аналогичен был и статус территорий, изъятых у Оттоманской империи, для которых предусматривалась мандатная система управления, — Ирака, Сирии, Ливана и др. Как уже говорилось, в идентичном положении первоначально была и Западная (турецкая) Армения, которую предполагалось объединить с возникшей в Восточной Армении республикой либо под опекой США, либо на основе полной независимости.

Результаты распоряжения территориями Главными Союзными и Объединившимися державами были приняты Международным судом ООН в консультативных заключениях о статусе Юго-Западной Африки и в решениях по делам о Юго-Западной Африке¹.

Ту же по существу правовую основу имели резолюции, принятые в ООН в 1947 г. о разделе Палестины между еврейским и арабским государствами и в 1952 г. о передаче Эритреи Эфиопии.

¹ I.C.J. Reports (1962). P. 319. См. также совместное особое мнение судей Спендера и Фицмориса. Ibid. P. 4802; I.C.J. Reports (1966). P. 6.

Во всех этих случаях территориальные изменения происходили либо без согласия территориального суверена, либо такое согласие давалось постфактум: отсутствие одного из элементов процедуры цессии территории компенсировалось последующим заключением многосторонних мирных договоров, санкционировавших принятое решение.

Как бы исправляя допускаявшееся отступление от правила, предполагающего участие в соглашении территориального суверена, государства, терявшие территории в результате такого рода решений, могли заявлять об отказе от своего титула на соответствующие районы. Но, как отмечается в юридической литературе, принятые решения о распоряжении территориями считались действительными независимо от такого отказа, и те страны, к которым переходили соответствующие территории, обычно вступали во владение ими, прежде чем мирный договор обретал силу.

В качестве примера перехода территории до вступления в силу мирного договора можно указать на расчленение Австро-Венгрии и разделение ее территории между семью государствами до заключения Сен-Жерменского и Трианонского договоров.

В отличие от оставления или передачи территории по договорам цессии, отказы от нее рассматривались как признание того, что титул принадлежал отныне другому государству либо как признание или соглашение о предоставлении права распоряжения территорией другому государству или группе государств. В этом отношении можно было бы указать, например, на ст. 89—91 Сен-Жерменского договора от 10 сентября 1919 г. или на отказ Италии от всех прав и титулов на итальянские территории в Африке по ст. 13 Мирного договора с Италией 1947 г. или на ст. 2 Мирного договора с Японией от 8 сентября 1951 г.

Эта процедура территориальных подвижек нашла признание и в ряде судебных решений послевоенного периода.

Хотя право на отчуждение и распоряжение территориями, отходящими от потерпевших поражение в мировых войнах агрессивных держав, довольно широко признается и в специальной литературе, авторы нередко расходятся во мнениях относительно правового основания этого права. Одни авторы, как отмечает Я. Броунли, «переводят политическую реальность в правовые формы», исходя из презумпции, что сообщество государств делегировало такое право «главным», или «великим», державам. Другие исходят из признания права применять по отношению к агрессору меры безопасности, которые могут включать изменение границ¹.

Такого обоснования распоряжения территорией бывших вражеских государств придерживалась советская доктрина международного права применительно к решениям Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференций руководителей трех Союзных держав (СССР, США, Великобритании) относительно послевоенного урегулирования, в том числе и вопросов установления границы по Одере—Нейсе и передачи Советскому Союзу и Польше территорий бывшей Восточной Пруссии.

Г. Тункин и другие советские юристы считали правомерными территориальные изменения, произведенные при послевоенном урегулировании в результате

¹ Броунли Я. Международное право. М., 1977. Кн. 1. С. 214—215.

лишения государства-агрессора части его территории в качестве санкции за агрессию и как исключительной меры, направленной против повторения агрессии. «Такие территории отторгаются обычно в случаях, когда они использовались агрессором в качестве удобного плацдарма для нападения. Именно поэтому были проведены определенные территориальные изменения после Второй мировой войны, коснувшиеся главным образом Германии и Японии»¹.

Именно этот международный характер решений верховных органов союзных держав в сочетании с принципом ответственности за агрессию и соответствием праву на самоопределение даже для побежденных устраняет возможность их сравнения с признававшимися ранее «правом победителя» и институтом завоевания.

По существу, из признания правомерности послевоенного урегулирования, основанного на решениях союзных держав, исходит и концепция незыблемости «объективных реальностей» послевоенного мира, заложенная в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

С точки зрения современного международного права основной элемент противоправности такого распоряжения территорией может быть вызван несовместимостью с волеизъявлением населения, если и когда население не желает передачи. Чаше, однако, такие передачи соответствуют воле населения. Например, отделение от Османской империи чужденациональных территорий — Ирака, Сирии, Ливана, Палестины, Иордании, Армении, Курдистана. Возможна раздвоенность — отделение соответствует воле, а устанавливаемый новый статус не соответствует.

Элемент политико-правовой санкции не только за агрессию, но и за геноцид армян содержало и решение Главных Союзных держав об изъятии Армении из-под власти турецкого государства. Речь шла о политической и публично-правовой ответственности турецкого государства за совершенное им тяжчайшее международное преступление — геноцид армян.

В случаях, когда распоряжение территорией потерпевшего поражение государства связано с совершенным им преступлением, речь идет не о передаче титула (цессии), а о лишении (отчуждении) титула, его разрушении союзными державами от имени международного сообщества.

15. Восстановление международной правосубъектности Армении как форма политической ответственности Турции

Признание мирной конференцией политической ответственности Османской империи выражалось в основном в двух взаимосвязанных формах:

- 1) отделении Армении от Турции в качестве национального государства;
- 2) территориальном разграничении турецкого и армянского государств.

Обосновывая необходимость политической санкции за геноцид армян, заместитель Верховного комиссара Великобритании в Константинополе Вэбб в теле-

грамме, направленной 3 апреля 1919 г. Парижской мирной конференции, писал: «Чтобы наказать всех лиц, виновных в зверствах над армянами, возникла бы необходимость подвергнуть казни всех турок поголовно, и поэтому я предлагаю, чтобы наказание скорее приняло бы форму расчленения по национальному признаку прежней Турецкой империи и в индивидуальном порядке — форму суда над высшими должностными лицами, теми, кто значится в моем списке, чья судьба будет служить примером для других»¹.

Такую позицию занимали все великие державы, участвовавшие в работе Парижской мирной конференции, и в том числе США, которые не вели войну с Турцией. В меморандуме Президента США В. Вильсона правительству Османской империи, врученном 22 августа 1919 г. Верховным комиссаром США в Константинополе Бристолом, подчеркивалась прямая связь вопроса об отделении Армении с политикой геноцида².

Вопрос о политических и правовых основаниях прекращения суверенитета турецкого государства над Арменией изучался специальной назначенной Президентом Вильсоном правительственной комиссией Кинга—Крейна. В докладе, представленном ею 28 августа 1919 г., американская точка зрения была изложена с исчерпывающей полнотой: «Основаниями для отделения Армении могут быть следующие факты: проявившаяся неспособность турок править другими <...>; усвоение повторяющихся избиений в качестве обдуманной государственной политики; едва ли не полное отсутствие раскаяния за избиения или намерения осудить это преступление — скорее они пытаются оправдать его; практически ничего не сделано турками для репатриации армян и возмещения им ущерба — обстоятельство, которое, естественно, не внушает мысли повторить опыт турецкого правления; наоборот, очевидна продолжающаяся существовать крайняя враждебность к армянам и постоянная угроза резни; наличие достаточных доказательств того, что эти две расы не могут жить вместе мирно и хорошо, а поэтому для обеих лучше иметь свои отдельные государства; полный неуспех статей договора 1878 г. защитить армян; самая элементарная справедливость требует, по крайней мере, выделения из Турции страны, где бы армяне могли сосредоточиться, не будучи вынуждены жить под турецкой властью; ничего кроме этого не может дать армянам сколько-нибудь достаточной гарантии безопасности; ничто другое не удовлетворит совесть мира в этом вопросе... В интересах армян, в интересах турок, равно как и в интересах мира во всем мире, необходимо настаивать на образовании отдельного армянского государства»³.

Обязательство Союзных держав Антанты признать армянское государство, объединяющее обе части Армении — турецкую и российскую, подтверждается и в специальном меморандуме по Закавказью, подготовленном Форин-офисом по поручению британского кабинета 24 декабря 1919 г.: «Необходимо сразу же признать, что в этом отношении Армения находится в ином положении, чем Грузия и Азербайджан. Ибо все Союзные державы во время войны в более или менее прямой форме связали себя обязательством создать независимое Армянское государство под европейским или американским мандатом. Единственный во-

¹ Док. № 382.

² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. VII. p. 858.

³ Док. № 392.

¹ Международное право // Под ред. Г.И. Тункина. М., 1982. С. 401. См. также: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 469; Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974. С. 95—97.

прос, который остается решить в случае с Арменией, это размер турецкой территории, которая должна быть добавлена к Эриванской республике, чтобы создать новое государство»¹.

Большое значение для установления политической ответственности турецкого государства на основе международного права имела коллективная позиция Главных Союзных держав в качестве международного органа, осуществлявшего функцию послевоенного устройства мира. В решениях Парижской мирной конференции индивидуальные мотивы в значительной мере отступали перед императивами международного права и международной морали.

Приводимые в Сборнике документы позволяют проследить за процессом установления политической ответственности турецкого государства за геноцид армян на основе международного права. В этом вопросе позиции Главных Союзных держав и всех других государств отличались исключительным единодушием, немыслимым в условиях существовавших в мире противоречий.

Квалифицировав действия турецкого правительства как «убийство целого народа» и, следовательно, как преступление против человечности, международное сообщество на Парижской мирной конференции установило политическую ответственность геноцидного турецкого государства и ввиду его «неспособности» управлять другими народами решило прекратить действие его суверенитета над территориями, населенными нетурецкими народами.

В справочнике МИД Великобритании, изданном в 1919 г., указывалось на необходимость отделения Армении от Турции как следствие политики геноцида последней: «То, что армяне должны быть освобождены от прямого турецкого правления и оказаться под протекторатом какой-то державы или группы держав, это, вероятно, бесспорный принцип. Неясно, будет ли когда-либо Россия способствовать этой задаче»².

Характеризуя официальную позицию государств—участников мирной конференции в отношении ответственности Турции за совершенное ею преступление и в вопросе послевоенного урегулирования Армянского вопроса, один из активных участников переговоров Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж отмечал: «Армения была для нас проблемой совершенно другого порядка. Поколением раньше жители Армении и по расовому и по религиозному признаку резко отличались от господствующей турецкой нации. По вере они были христиане. Недоброй памяти Абдул Гамид проводил политику изгнания этого древнего народа из населяемых им долин. Этот дикий метод превращения армянского большинства в жалкое запуганное меньшинство был осуществлен в большинстве плодородных районов Армении. Союзные державы единогласно придерживались того мнения, что нельзя позволить туркам воспользоваться плодами их зверств, а армянскому народу должно быть полностью возвращено наследие предков и предоставлена возможность восстановить свое бывшее могущество»³.

30 января 1919 г. Верховный совет Парижской мирной конференции признал необходимость восстановления международной правосубъектности Армении. В принятом им постановлении было указано, что по многим основаниям и «в осо-

¹ Опубликована только часть текста меморандума: Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. First Series. Vol. III. 1919 (London, 1949). Doc. № 613. Note 1. P. 700—702.

² Док. № 397.

³ Док. № 308.

бенности вследствие исторического злоупотребления турками властью над покоренными народами и ужасных избиений армян в предыдущие годы, Союзные и Объединившиеся державы согласились, что Армения, Сирия, Месопотамия, Палестина и Аравия должны быть полностью отделены от Турецкой империи»¹.

Совет десяти Союзных и Объединившихся держав отверг все представленные 17 июня 1919 г. в заявлении нового султанского правительства Оттоманской империи доводы, направленные на то, чтобы снять с турецкого государства ответственность за уничтожение армянского народа и свести все к уголовной ответственности членов младотурецкого правительства и, таким образом, удержать за собой территорию Армении. Совет сформулировал свой вывод о необходимости ограничить власть турецкого государства только в отношении турок и, соответственно, определить судьбу различных народов разноплеменной Турецкой империи и заявил о своем намерении выполнить этот долг в максимальном соответствии с желаниями и постоянными интересами этих народов².

В ноте, адресованной 11 января 1920 г. представителем Франции Бертело Министру иностранных дел Великобритании Керзону, излагалось намечавшееся решение вопроса о правосубъектности Армении и ее территориальном составе:

«Армения будет создана как полностью независимая республика под высокой защитой Лиги Наций.

В значительной степени она будет создана на основе объединения Республики российской Армении (в которой проживает около 1 500 000 армян) и бывшей турецкой Армении, куда необходимо будет вернуть как можно большее число людей из тех 500 000 армян, которые проживают сейчас в Малой Азии, Константинополе, США, Персии, Болгарии и т.д. Таким путем будет восстановлено в разумных пределах то, что прежде было царством Великой Армении. Можно заметить, что из всех примыкающих к границам России государств, которые пытаются добиться независимости, независимая Армения является тем государством, которое русские в большей степени готовы признать.

1. Территория Республики Армении будет включать:

1) существующую территорию Эриванской Армянской республики, включая районы Борчали, Верхний Памбак и Зангезур, на которые в настоящее время предъявляют претензии Грузия и Азербайджан;

2) часть Турецкой империи: восточную часть вилайета Эрзерум, включая город и округ Эрзерум, равнину Муша, округ Битлис и район озера Ван до персидской границы. Границы Армении с республиками Грузия и Азербайджан, с Турцией, французской зоной и Курдистаном будут определены на месте Межсоюзнической комиссией»³.

19 января 1920 г. премьер-министр и министры иностранных дел Союзных держав приняли решение «признать Правительство Армянского государства как правительство *де-факто* с условием, что признание никоим образом не предвещает вопрос о будущих границах этого государства»⁴. Армянская республика признавалась на основе воссоединения исторической родины — Западной и

¹ Док. № 372.

² Док. № 385. См. также: Documents on British Foreign Policy, 1919—1939 First Series. Vol. IV. 1919. London. 1952. P. 645—647.

³ Док. № 398.

⁴ Док. № 400.

Восточной Армении. Действие этого акта признания распространялось не только на все пять великих держав, представленных в Верховном совете, но в определенной мере и на саму мирную конференцию.

Посол США во Франции Уоллес сообщил телеграммой Государственному секретарю об этом решении Верховного совета Союзных и Объединившихся держав¹. В телеграмме, посланной 24 января 1920 г. исполняющим обязанности Государственного секретаря США Полком послу во Франции Уоллесу, сообщалось, что «правительство США соглашается с принятым Советом решением признать правительство армянского государства как правительство де-факто при условии, что это признание никоим образом не предпрещает вопрос о будущих границах» и что Государственный секретарь поставит об этом в известность армянского представителя в Вашингтоне².

Согласно полученной инструкции посол США во Франции Уоллес выступил на Совещании министров иностранных дел и послов союзных держав 26 января с заявлением о согласии его правительства с решением Совета глав правительств признать де-факто Республику Армения. Он информировал, что армянский представитель в Вашингтоне «соответственно ставится в известность об этом».

Однако в отношении признания Грузии и Азербайджана правительство США сделало серьезные оговорки: «оно не может не учитывать, что вопрос о признании этих правительств де-факто порождает проблемы огромного масштаба и большой важности. Возможная реакция русских, дружественно относящихся до сих пор к Союзным и Объединившимся правительствам, на такое признание, которое может быть представлено Московским правительством как начало попытки расчленив Россию, требует дальнейшего и очень серьезного изучения американским правительством»³.

Связь признания международной правосубъектности Армении и условий территориального разграничения с турецким государством была вновь подтверждена Парижской мирной конференцией при передаче турецкой делегации условий мирного урегулирования.

Конференция Союзных держав, которая проходила в Спа с 7 по 11 июля 1920 г., отвергла турецкие контрпредложения. В ноте Союзных держав за подписью Премьер-министра Франции Мильерана, направленной правительству Оттоманской империи 17 июля 1920 г., вновь указывалось, что единственно возможным юридическим следствием совершенного преступления должно быть отделение Армении от Турции: «В течение последних двадцати лет армяне подвергались резне в обстановке беспримерного варварства, а во время войны масштабы совершенных Турецким правительством резни, депортаций и дурного обращения с военнопленными неизмеримо превзошли даже его собственные предыдущие деяния. Подсчитано, что с 1914 г. оно подвергло резне, под лживым предлогом мнимого восстания, 800 000 армян, включая женщин и детей, и выслало или депортировало более 200 000 греков и 200 000 армян из их мест проживания. Турецкое правительство не только не защитило своих подданных, принадлежащих другим расам, от грабежей, зверств и убийств, но имеется множество доказательств

¹ Док. № 399.

² Док. № 403.

³ Док. № 404.

того, что оно несет ответственность за то, что руководило и организовывало зверства против народа, который оно обязано было защитить». По этой причине Союзные державы «не могут внести никаких изменений в положения, которые предусматривают создание свободной Армении с границами, которые Президент Соединенных Штатов определит как справедливые и обоснованные»¹.

Вручив правительству Турецкой империи условия мирного договора, предусматривавшие существование армянского государства как субъекта международного права, Союзные державы подтвердили, что признают Армению де-юре. Само турецкое государство, приняв условия послевоенного устройства мира от Союзных держав, тем самым признало Армению как сторону и, следовательно, как суверенное государство.

Армения была приглашена на Парижскую мирную конференцию как союзная, де-юре признанная, держава и в качестве таковой подписала Севрский мирный договор².

То, что официальное признание Армении де-юре имело место до и независимо от подписания Севрского договора и что оно никоим образом не могло зависеть от его ратификации или нератификации, подтверждается текстом ст. 88 того же договора: «Турция заявляет, что она признает Армению, как то уже сделали Союзные Державы, в качестве свободного и независимого Государства»³.

Сам акт подписания Арменией многостороннего мирного договора лишь подтвердил признание Армении де-юре до и независимо от Севрского договора и, следовательно, от его судьбы не зависящее.

Признание Армении де-юре подтверждается и международным договором о меньшинствах, подписанным 10 августа 1920 г. Арменией как суверенным государством. Преамбула договора начинается словами:

**«ГЛАВНЫЕ СОЮЗНЫЕ ДЕРЖАВЫ
БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ФРАНЦИЯ, ИТАЛИЯ И ЯПОНИЯ, с одной стороны; АРМЕНИЯ, с другой стороны.**

Поскольку Главные Союзные Державы признают Армению как суверенное и независимое государство...»⁴

Это признается и в ответе держав на просьбу правительства Республики Армения в изгнании допустить его на Лозаннскую мирную конференцию. Так, Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре писал Министру иностранных дел Армении А. Агароняну 17 ноября 1922 г.:

«...Имею честь сообщить Вам, что ввиду принятия советской формы Армянской республикой, государством, независимость которого была уже признана де-юре, французское правительство сожалеет, что оно не в состоянии поддержать просьбу Армении участвовать в работе будущей мирной конференции или подписать мирный договор...»

Материалы обсуждения Армянского вопроса в Лиге Наций, включая и вопрос о приеме Армении в эту международную организацию, показывают, что от-

¹ Док. № 443. Приложение 1.

² См.: *Fauchille. Traité de droit international public. Tome I-er, première partie. Paris, 1922. P. 329—330. № 213*; *Toynbee A.J. Survey of International Affairs. 1920—1923. British Royal Institute of International Affairs. London, 1925. P. 367.*

³ Док. № 446.

⁴ Док. № 447.

деление Армении от власти геноцидного турецкого государства, как форма его политической ответственности, было общей позицией не только Союзных и Объединившихся держав, но и всего мирового сообщества¹.

Кроме Союзных и Объединившихся держав Армению официально признали также Аргентина, Бразилия и США².

Единственная сложность в проблеме полного восстановления международной правосубъектности Армении была связана с решением вопроса о принятии Соединенными Штатами мандата на временное управление Арменией, с одной стороны, и с вопросом о целостности России — с другой. Вызванная этим заминка с заменой признания Армении де-факто на признание де-юре разрешалась с отпадением вопроса о мандате.

Вопрос о территориальной целостности России был связан с принятым решением о воссоединении территории Западной (турецкой) Армении с территорией Восточной (российской) Армении. Воссоединение территорий Западной и Восточной Армении и признание единой Армянской республики затрагивало не только турецко-армянские отношения, но и отношения Армении с Россией — ее вековой покровительницей.

Признание Соединенными Штатами Америки и другими великими державами международной правосубъектности Армении в границах воссоединенной исторической родины армян облегчалось тем, что советская Россия сама ушла из Закавказья, оставив армян один на один с турками и их азербайджанскими союзниками. Весной 1920 г. РСФСР вступила в переговоры с Арменией как с суверенным государством. Советское правительство официально заявляло, что в своих взаимоотношениях с ней оно исходило из того, что жизненные интересы советской России требовали, чтобы Армения была «действительно самостоятельной и независимой страной и не являлась ни орудием и игрушкой в руках Антанты, ни провинцией Турции, хотя бы и Турции Кемаля»³.

Поскольку США исходили из принципа территориальной целостности Российской империи и признавали независимость только тех ее частей, отделение которых признавалось самой Россией, объяснение ими признания международной правосубъектности Армении представляет особый интерес.

Вопреки утверждениям советских историков США выступали за территориальную целостность российского государства и поэтому отказывались признавать независимость государств Прибалтики и Закавказья, образовавшихся после Октябрьского переворота. Государственный секретарь США Бейнбридж Колби в ноте, адресованной 10 августа 1920 г. послу Италии Авеццоне, объяснил позицию своей страны в отношении непризнания государств, образовавшихся на территории Российской империи, необходимостью уважения ее территориальной целостности. Исключение допускалось лишь для Финляндии, этнической Польши и территории российской Армении, которая должна была стать частью территории восстанавливавшегося армянского государства: «Стремление этих народов к независимости является законным. Каждый из них был насильственно аннексирован, и их освобождение от угнетения и чужеземного правления не означает аг-

рессию в отношении территориальных прав России и пользуется поддержкой общественного мнения всех свободных народов»¹.

Возражение советского правительства России по поводу признания Армении Соединенными Штатами сводилось к тому, что они должны были признать также и независимость Азербайджана.

10 августа 1920 г., т.е. в тот самый день, когда был подписан Севрский мирный договор, РСФСР также подписала с Арменией Соглашение о мире².

16. Вопрос об армяно-турецком разграничении на Парижской мирной конференции

Признав международную правосубъектность воссоединенного армянского государства, Союзные и Объединившиеся державы должны были договориться о территориальном разграничении нового государства с турецким с учетом необходимости возможно более полного устранения последствий геноцида армян.

Как и в отношении признания международной правосубъектности, так и в отношении официально декларировавшихся критериев или принципов разграничения Армении и Турции разногласий не было.

Все публично признавали, что совершенное турецким государством преступление не может лишить жертву геноцида своей территории или сократить ее. Так, отвечая на парламентские интерpellации, в которых указывалось, что избиения армян нельзя признать «основанием для сокращения территории Армении» и что «сделать это значило бы дать премию за избиение», лорд Сессил от имени правительства Великобритании сформулировал следующий принцип урегулирования Армянского вопроса: «Мы не должны позволить туркам своими злодеяниями сократить территорию армян. Это общий принцип <...> не должно быть никакого раздела Армении, и с ней нужно обращаться как с единым целым»³.

Об освобождении армян от турецкого произвола неоднократно заявляли в британской Палате общин Министр иностранных дел А. Бальфур и другие члены правительства⁴. Недопустимость сокращения территории Армении в результате резни была отмечена и членом британской делегации на Парижской мирной конференции Э. Кроу в письме от 1 декабря 1919 г. Дж. Кидстону (МИД): «Рассматривать и решать Армянский вопрос только лишь на основе нынешней численности [армян] было бы, конечно, равносильно одобрению и поощрению примененному турками в прошлом методу решения проблемы находящихся в их подчинении народов»⁵.

Аналогичную позицию занимали и другие великие державы, участвовавшие в работе Парижской мирной конференции, в том числе США, которые не вели войну с Турцией.

Хотя все признавали, что переход подвластных Турции армянских территорий под власть армянского государства был продиктован необходимостью обеспечить

¹ Док. № 449—450.

² Док. № 762.

³ Док. № 358.

⁴ Док. № 351, 352, 355, 359.

⁵ Док. № 395.

¹ Об этом см. Раздел V (35) Комментария.

² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. P. 778.

³ Правда, 5 декабря 1920 г.

условия для восстановления народа, ставшего жертвой преступления, практическое решение этой сложной проблемы армяно-турецкого разграничения в рамках мирной конференции наталкивалось на острейшие противоречия ее участников, вызванные их корыстными политическими интересами, не имевшими ничего общего с соображениями международного права и справедливости.

С окончанием войны в Армении на коммуникациях, способных сыграть решающую роль в борьбе за передел мира, столкнулись интересы великих держав. Решающими в Армении были противоречия между США и Англией, которая всегда считала, что «граница Индии расположена на Евфрате» (Керзон). Франция, оберегавшая свои «интересы» в Киликии и в Сирии, также считала, что «опасно вводить США в Малую Азию» (Клемансо).

К колониальным интересам держав Антанты прибавился новый фактор политики: использование турецкого национализма и пантюркизма как силы, способной «выгнать красных из Баку». Направлением территориальной экспансии турок по «естественному» пути — в Азербайджан и Среднюю Азию англичане добивались и другой цели: компенсировали этим потерю богатых нефтью арабских владений Османской империи.

США, в которых геноцид армян вызвал особенно сильную реакцию общества, первоначально выступали за восстановление «исторических границ» Армении. Впоследствии, отказавшись под воздействием Союзных держав от концепции «исторических границ», они стали опираться на этнические основания, сосредоточив свои усилия на достижении выхода армянского государства к Средиземному морю в Киликии.

Вопрос о воссоединении Киликии с Арменией был поднят Президентом США Вудро Вильсоном на заседании Совета четырех 20 марта 1919 г. Выступая против передачи Киликии под французский мандат, Президент обосновывал позицию США тем, что «Киликия, например, по своему географическому положению отсекает Армению от Средиземного моря. Если один мандатарий будет на юге, а другой на севере Армении, то возникнет большая опасность трений, поскольку на юге проживает население, создающее проблемы. В силу этого разногласие переросло в проблему, ставящую в этом регионе под угрозу мир во всем мире»¹.

Президент США вновь поднял этот вопрос на заседании 14 мая 1919 г., предложив Совету четырех карту Армении, изготовленную американскими экспертами. Президент заявил, что в ней предусмотрены подходящие границы, обеспечивающие Армении выход к Средиземному морю.

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж передал, в свою очередь, карту, изготовленную английскими экспертами. Было решено, что границы Армении должны быть определены делегациями США, Великобритании, Франции и Италии. В случае единогласия решение принималось без последующей передачи вопроса на рассмотрение Совета, но предопределялось, что «предложенные границы Армении не выходят к Средиземному морю».

На процесс армяно-турецкого разграничения оказывала влияние и перспектива установления мандата США на временное управление Арменией. Заинтересованность мандатария в получении выхода Армении к Средиземному морю

¹ Док. № 381.

в Киликии для Великобритании стала дополнительным соображением, побуждавшим ее ограничить территорию Армении. В этом она встречала поддержку Франции, которая, как уже отмечалось, прямо претендовала на армянскую Киликию.

Кемалисты, стремясь смягчить позицию США в отношении армяно-турецкого территориального разграничения, стали заинтересовывать американцев перспективой установления мандата США над всей территорией Турции.

Воздействие политического фактора в виде стремления США к сговору с турецкими националистами и интересов нефтяных и иных компаний проявилось в выдвижении альтернативных подходов, обоснованных в докладе Кинга — Крейна¹ и миссией генерала Харборда².

Чтобы иметь возможность договориться с кемалистами, стремившимися сохранить территориальную целостность империи под мандатом США, комиссия Кинга—Крейна проявляла готовность отказаться от варианта «бóльшей по размерам турецкой Армении» («Larger Turkish Armenia»), включавшей все исторические земли Великой и Малой Армении и Киликии, и принять вариант «меньшей по размерам турецкой Армении» («Smaller Turkish Armenia») с «предельно ограниченной территорией» — частью бывшей коренной Великой Армении. Мнение членов комиссии о границах армянского государства было выражено генеральным советником д-ром Либьером.

Констатировалось, что воссоединение армянского народа предполагает необходимость воссоединения территорий российской и турецкой Армении, поскольку «войны XIX в. разделили собственно армянские земли между этими двумя империями». При определении турецкой части армянских территорий по этническому принципу «армяне имеют право на такую часть турецкой территории, которая принимает во внимание их потери от резни 1894—1896, 1908—1909 и 1915—1916 гг. Эти потери могут быть оценены в один миллион». Комиссия констатировала, что «справедливость на основе принципа большинства» требует, чтобы потери армян во время войны — один миллион — были бы «прибавлены к численности армян». Комиссия установила, что «турецкая территория, которую русские оккупировали в 1917 г., может быть приблизительно принята как турецкая часть этой «меньшей по размерам турецкой Армении», а теперешняя территория русской Армении — как остальная часть». Отмечалось, что эти части Армении имели армянское большинство до войны и что в результате репатриации на этой территории «армяне могли фактически стать большинством населения в течение нескольких лет»³.

При выборе другого варианта оставшиеся территории исторической Малой Армении, часть территории Великой Армении, а также Киликия могли бы быть поставлены под мандат США в пределах Турции, хотя комиссия делала многозначительную оговорку: «...нет оснований, почему бы вопрос о присоединении Киликии к Армении не поставить вновь позднее».

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. XII. P. 749—863. См. док. № 392.

² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Vol. II. P. 841—874.

³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. XII. P. 821, 822.

Переговоры с кемалистами об американском мандате на Турцию вел, в частности, генерал Харборд — глава специальной «американской военной миссии для Армении», посланной Президентом Вильсоном с целью исследовать «политические, военные, географические, административные, экономические и другие условия, которые могли бы иметь действительный интерес для Америки».

Миссия пришла к выводу, что «Армянский вопрос не может быть решен иначе как путем единого мандата полномочной державы, права которой должны быть распространены на Константинополь, Анатолию, турецкую Армению и Закавказье». Миссия выразила также пожелание «от имени американцев, играющих на Ближнем Востоке значительную роль»: они «единодушно заявляют, что вопрос об Армении, Анатолии, Закавказье и Константинополе должен быть принят в соображение как вопрос о едином целом». Исходя из политических и экономических соображений, миссия высказалась за предоставление такого мандата США, а чтобы не вызывать осложнений, рекомендовала временно воздержаться от определения границ между Арменией и Турцией¹.

Американская делегация на Парижской мирной конференции с помощью Герберта Гувера еще более расширительно истолковала этот вывод Харборда, сообщив Государственному департаменту США, что, так как мандат на Армению приведет только к большим невосполнимым расходам, то единственный выход — «объять тем же мандатом область Месопотамии, где больше возможностей экономического развития и где найдется применение для коммерческих способностей армян».

Вопреки позиции США, которые, аргументируя «справедливыми» и «законными» правами и интересами армянского народа, добивались реализации плана «большой» Армении с удобным и свободным выходом в Средиземное море через Киликийскую Армению, Великобритания и другие члены Верховного совета Союзных держав армяно-турецкую пограничную линию замкнули пределами вилайетов Ван, Битлис, Эрзерум и Трапезунд. Англо-французская договоренность по Армянскому вопросу выражалась общей формулой «признания независимости Армении в пределах границ, определенных историей, справедливостью и благоразумием»².

Отклонив выдвигавшийся Соединенными Штатами «исторический» принцип, Великобритания и Франция приняли в качестве основы для переговоров первую часть ноты Бертелло от 11 января 1920 г. лорду Керзону с комментариями политического отдела британской мирной делегации: «Более благоразумно выделить армянам только те районы, в которых они были в большинстве до 1895 или 1914 г., и некоторые соседние районы, в которых они представляли значительную часть всего населения».

Таким образом устанавливались границы, которыми Армении передавались только те исторически армянские территории, которые сохраняли этнический армянский облик и были абсолютно необходимы для репатриации избежавших гибели жертв геноцида.

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Vol. II. P. 824.

² Нота Клемансо Ллойд Джорджу от 12 декабря 1919 г. См.: *Lloyd George D. The Truth about the Peace Treaties*. Vol. II. London, 1938. P. 1101.

В результате англо-французских переговоров в декабре 1919-го — январе 1920 г. было достигнуто соглашение о том, что к существовавшей кавказской Армении, включавшей тогда и Карсскую область, должны быть присоединены восточная часть вилайета Эрзерум, включая город и округ Эрзерум, равнина Муша, округ Битлис и район озера Ван до персидской границы¹.

Однако, поскольку Министерство по делам Индии и Генеральный штаб Великобритании считали, что Эрзерум необходим Турции для борьбы против «своего традиционного врага России», в проекте, изготовленном Монтегю по просьбе Премьер-министра, указывалось, что в этом случае «граница может быть проведена в нескольких милях восточнее Эрзерума, близко следуя по границе существующей казы и оставляя... долину [Аракса] Армении». Такую программу территориального урегулирования Англия и Франция представили на Конференции министров иностранных дел и послов Союзных держав, которая проходила в Лондоне с 4 марта по 7 апреля 1920 г.

На Лондонской конференции США не были представлены. После негативного голосования в Сенате 19 марта 1920 г. США вышли из Верховного совета Союзных держав и отстранились от участия в подготовке мирных договоров.

Для определения границ Армении при конференции была создана особая комиссия в составе представителей Великобритании, Франции, Италии и Японии. О результатах, к которым пришли государства, представленные на конференции, посол Франции Жюссеран 12 марта 1920 г. сообщил Государственному департаменту США. В частности, указывалось, что «независимость Армении... будет признана. Специальные права на Лазистан обеспечат ей выход к морю». Это означало, что представленные на конференции государства воздерживаются от воссоединения Киликии с Арменией, хотя она и оставалась вне границ Турции под опекой Франции.

Хотя США официально уже не участвовали в выработке мирного договора с Османской империей, эта страна и ее прикованный уже к постели Президент-идеалист продолжали добиваться возможно более справедливого решения Армянского вопроса. Союзные державы убедились в этом, получив адресованное им 24 марта 1920 г. послание Государственного секретаря США Б. Колби, продиктованное самим В. Вильсоном².

Этот факт отмечен в мемуарах британского премьер-министра того времени Ллойд Джорджа: «Но беспокойный дух Вудро Вильсона был не так слаб, как его тело, жизнь в котором едва теплилась. Когда союзные державы взялись за разработку условий Мирного договора с Турцией без участия Америки, к нашему удивлению, пришло длинное послание, продиктованное парализованным, но все еще неукротимым идеалистом из Белого дома, послание, показывавшее, что интерес его к угнетенному христианскому населению Турецкой империи несколько не ослабел»³.

Это послание подтверждало официальную позицию США по разрешению Армянского вопроса: «В подлинном интересе Правительства Соединенных Штатов к плану, касающемуся Армении, не приходится сомневаться, и Правительство уверено, что цивилизованный мир ожидает и требует самого благожела-

¹ Док. № 398.

² Док. № 415.

³ *Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах*. М. 1957. Т. II. С. 418.

тельного обращения с этой страной». Государственный департамент заявлял, что границы Армении «должны быть установлены таким образом, чтобы удовлетворить все законные требования армянского народа и, в частности, обеспечить армянам удобный и свободный выход к морю». Заявив, что «специальные права на Лазистан едва ли обеспечат Армении этот выход к морю, необходимый для ее существования», США выразили, однако, надежду, что «Державы, принимая во внимание тот факт, что Трапезунд всегда был конечным пунктом торгового пути через Армению... решат уступить Трапезунд Армении»¹.

Обсуждение вопроса о границах Армении продолжалось на конференции в Сан-Ремо 18—26 апреля 1920 г.² Оно проходило в условиях дальнейшего обострения противоречий. Несмотря на все старания США добиться выхода Армении к Средиземному морю, ссылаясь на «права» и «справедливые интересы» армянского народа, конференция обсуждала вопрос об армянских границах на основе предложений Лондонской конференции.

В это время английская дипломатия уже активно заигрывала с кемалистами, чтобы добиться их согласия на уступку арабских владений и использовать турецкий национализм для борьбы против большевистской России. Стремясь, очевидно, расстроить стовор большевиков с кемалистами о совместном выступлении против «мирового империализма», Ллойд Джордж поставил под сомнение целесообразность передачи Армении района Эрзерума³. Как основной военно-административный центр турецкого господства в Армении он должен был служить опорой турецкого национализма и военно-стратегической базой для пантюркистского проникновения в Азербайджан, где к этому времени была установлена советская власть, и Среднюю Азию.

Конференция не приняла предложение английского премьера. Генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертелло отметил: «Какими бы вескими, возможно, ни были бы аргументы в пользу оставления Эрзерума в руках турок, он считает, что доводы против этого являются гораздо более убедительными. Он может легко понять точку зрения г-на Ллойд Джорджа, что желательно сделать какие-то уступки, чтобы умиротворить турок и побудить их подписать договор, но считает, что союзники связаны своим торжественным обязательством включить Эрзерум в состав нового Армянского государства».

Премьер-министр Франции А. Мильеран сказал, что ничего из услышанного им на конференции не противоречит необходимости передать Эрзерум Армении. Оставить Армению без Эрзерума — «значит ничего не решить». Мильеран выступил за принятие Верховным советом вывода Лондонской конференции министров иностранных дел и послов, т.е. «передать Эрзерум Армении и предусмотреть в договоре необходимые условия».

¹ Док. № 415.

² Док. № 424.

³ Предложения об исключении Эрзерума из состава передававшихся Армении территорий Ллойд Джордж обосновывал тем, что уже до резни 1915 г. армяне в Эрзеруме составляли меньшинство. Он просто игнорировал то, что это было результатом исторически аттестованных многовековых преследований армян. Известно, в частности, что, когда Эрзерум, взятый в 1829 г. графом Паскевичем, потом был возвращен Турции по Александропольскому мирному договору, 60 тыс. армян, опасаясь резни, ушли в пределы России. Город, насчитывавший в 20-х гг. XIX в. 100 и даже 130 тыс., в середине 30-х гг. насчитывал только 15 тыс. (Русские ведомости, 6 февраля 1916 г.).

Подведя итоги работы конференции, Верховный совет Союзных держав информировал Президента США об отношении к муссировавшемуся Соединенными Штатами плану «большой» Армении:

«При всех происходивших дискуссиях не было проблемы, подвергавшейся более тщательному обсуждению и более трудной для разрешения, чем вопрос о границах, наилучшим образом соответствующих интересам Армянского государства. Президент Соединенных Штатов неоднократно выступал в защиту большей по размерам Армении; соображения, хорошо известные Президенту, всякий раз неминуемо заставляли частично сокращать эти пожелания, и перспективы создания Армении, в которую входила бы Киликия и которая простиралась бы до Средиземного моря, были оставлены как неосуществимые.

Остался, однако, вопрос, какие части вилайетов Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис, которые все еще находятся в руках турецких властей, могли бы быть спокойно и по праву присоединены к существующему Армянскому государству в Эривани и какой выход к морю мог бы обеспечить удовлетворительное существование новой Армении. Иначе говоря, осталось разрешить, какие границы на западе и на юге следует определить в Мирном договоре с Турцией»¹.

Определение армяно-турецкой границы Верховный совет Союзных держав вынес на арбитраж Президента США. Идеалистический образ Вудро Вильсона, притягательность его программы послевоенного урегулирования и особенно то обстоятельство, что США не вступили в войну с Турцией и находились в контакте не только с законным правительством Османской империи, но и с турецкими националистами, делали кандидатуру Президента США наиболее подходящей для роли арбитра в территориальном разграничении Армении и Турции.

Арбитр был связан ограничительным условием в пользу Турции: граница должна была проходить внутри вилайетов Ван, Битлис, Эрзерум и Трапезунд. Стороны согласились принять любые меры, которые президент мог предписать относительно выхода Армении к морю.

Условия арбитража исключали Киликию, а также три из семи вилайетов, признававшихся «армянскими» последним проектом реформ и русско-турецким соглашением от 8 февраля 1914 г., а именно — вилайеты Сивас, Харпут и Диарбекир. Исключались два из «шести армянских вилайетов», которые признавались таковыми Турцией и Союзными державами в акте Мудросского перемирия. Площадь этих «шести армянских вилайетов» составляла 96 000 кв. миль. По точному смыслу условий арбитража, армяно-турецкая граница не должна была выходить за пределы вилайетов Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис, вся площадь которых составляла 54 000 кв. миль.

Конференция в Сан-Ремо сделала Соединенным Штатам официальное предложение принять мандат на временное управление Арменией, хотя заранее знала, что в указанных пределах мандат они не примут. 1 июня 1920 г. Сенат США 52 голосами против 23 «почтительно» отклонил предложение Верховного совета Союзных держав принять мандат.

Разоблачая политические интриги держав Антанты, и особенно Англии, стремившихся возложить моральное и финансовое бремя на США и в то же время де-

¹ Док. № 428.

лавших невозможным принятие мандата, американский журнал «Нью рипаблик» сетовал: «Однако они не желали определить границы территории, которую мы должны были защищать, и не признавали открыто и честно, что Армения должна была состоять из бывших турецких вилайетов Эрзерум, Ван, Битлис, Харпут, Диарбекир, Сивас и Адан вместе с бывшими российскими губерниями — Карсской и Эриванской и частями Джеванширского, Шушинского и Зангезурского уездов Елизаветпольской губернии или хотя бы частью этих территорий, которые в большей степени являются армянскими, чем Фракия и Смирна греческими, Далмация — итальянской или Познань и Данциг — польскими»¹.

Условия мирного урегулирования были переданы турецкой делегации заблаговременно — еще 11 мая 1920 г., а в июле 1920 г. Конференция Союзных держав в Спа отвергла турецкие контрпредложения.

22 июля 1920 г. в Константинополе Совет Султана в полном составе за одним исключением проголосовал за подписание мирного договора и 10 августа Турция официально подписала Севрский мирный договор, признав тем самым свою ответственность за геноцид армян.

17. Арбитражное решение Президента США В. Вильсона о территориальном разграничении Турции и Армении

Предложение об арбитраже было сделано Президенту США Вильсону и принято им до подписания Севрского мирного договора. О том, что, кроме территориального ограничения объема третейской компетенции, арбитраж не был обусловлен другими требованиями и что он, в частности, не был поставлен в какую-либо связь с подписанием будущего мирного договора, говорит сам арбитр. В послании Конгрессу 24 мая 1920 г. Президент констатировал, что до подписания Севрского договора «было решено просить Президента Соединенных Штатов взять на себя арбитраж в сложном вопросе о границе между Турцией и Арменией в провинциях Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис и принять его решение на этой основе, так же как и любое условие, которое он может порекомендовать относительно выхода к морю для независимого государства Армения»².

В сопроводительном письме к арбитражному решению, адресованном Председателю Верховного совета Союзных держав арбитр констатирует: «По решению Верховного совета от 26 апреля этого года мне было направлено приглашение выступить арбитром по вопросу о границах между Турцией и новым государством Армения»³.

В преамбуле самого решения арбитр указывает на приглашение Верховного совета как на законное основание арбитража:

«Поскольку 26 апреля 1920 г. Верховный совет Союзных Держав на конференции в Сан-Ремо обратился к Президенту Соединенных Штатов Америки с приглашением выступить в качестве арбитра в вопросе о границе между Турци-

¹ What about Armenia? The New Republic. March 31, 1920.

² Док. № 436.

³ Док. № 472.

ей и Арменией, которая должна быть установлена в четырех вилайетах — Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис;

И поскольку 17 мая 1920 г. о моем согласии с этим предложением было сообщено телеграммой американскому Послу в Париже для передачи Державам, представленным в Верховном совете;

«...» Поэтому я, Вудро Вильсон, Президент Соединенных Штатов Америки, на которого таким образом возложили полномочия арбитра...» и т.д.¹

17 мая 1920 г., т.е. опять-таки до подписания Севрского договора, Президент США сообщил державам о принятии им обязанностей «арбитра армянских границ».

Таким образом, компромисс представлял собой самостоятельное и от Севрского договора не зависящее соглашение об арбитраже между правительствами Великобритании, Франции, Италии и Японии, действовавшими в качестве членов Верховного совета Союзных держав, и Вудро Вильсоном, действовавшим в качестве Президента США.

Тем самым эти державы согласились, что предписания арбитра будут окончательными, поскольку это касается их.

Обязывающую силу арбитража Президента США признали все участники компромисса. Она была однозначно подтверждена, в частности, Премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем на заседании Верховного совета в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г., проходившем в присутствии представителей США. Приведем соответствующее место из протокола заседания:

«Г-н Ллойд Джордж подчеркнул, что необходимо только заявить, что каким бы ни было решение Президента Соединенных Штатов, т.е. решит ли он, что вся территория или часть ее должны быть переданы или Армении или Турции, или будет ли Армения иметь доступ к морю, — оно будет принято Союзными Державами, а также Турцией. Сам он не испытывает особых трудностей в этом деле, и была бы большая польза, если бы Соединенные Штаты проявили определенный интерес к будущему Армении»².

Поэтому в США отмечали, что «постольку, поскольку это касается Америки и Союзников, отказ или аннулирование Севрского договора не может повлиять на арбитражное решение Вильсона, так как решение Президента покоится не на Севрском договоре от 10 августа 1920 г., а на приглашении Верховного совета Союзников от 26 апреля 1920 г. Приглашение Совета и Севрский договор не связаны друг с другом и независимы друг от друга. В приглашении Президенту не было поставлено никаких условий»³.

Специфика этого арбитража состояла в том, что сторонами в нем выступали прежде всего державы, ответственные за послевоенное мирное урегулирование. Что же касается правительств разграничиваемых сторон, а именно Армянской республики и Оттоманской империи — в то время единственного турецкого правительства, признававшегося международным сообществом — то они вместе с рядом других государств присоединялись к компромиссу, подписав 10 августа 1920 г. Севрский мирный договор. Ст. 89 договора фиксировала, что «Турция и Армения, а также другие Высокие Договаривающиеся Стороны со-

¹ Док. № 473.

² Док. № 424. Протокол № 15.

³ См.: Lausanne Treaty, Turkey and Armenia. N.Y., 1926. P. 166.

глашаются представить на третейское решение Президента Соединенных Штатов Америки определение границы между Турцией и Арменией в вилайетах Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис и принять его, а также любые меры, которые он может предписать относительно выхода Армении к морю и относительно демилитаризации любой части оттоманской территории, прилегающей к названной границе».

Абзац 1 ст. 90 дополнительно разъяснял, что «в случае, если установление границы в силу статьи 89 повлечет за собой передачу Армении всей или части территории названных вилайетов, Турция ныне же заявляет, что она отказывается со дня решения от всяких прав и правооснований на переданную территорию. Постановления настоящего Договора, применяемые к отделенным от Турции территориям, будут с этого момента применяться и к этой территории»¹.

В связи с тем, что Турция и Армения, а также государства, иные чем первоначальные участники компромисса, присоединились к его условиям через подписание Севрского мирного договора, который не был ратифицирован и юридическую силу не обрел, может возникнуть вопрос об обязательной силе арбитража в отношении этих государств.

Передача Турцией и Арменией вопроса на третейское решение была совершена в соответствии с действовавшими законами этих стран в качестве национальных, государственных, а не межгосударственных актов и, следовательно, от ратификации международного договора не зависела.

По самой природе арбитража решение арбитра принимается сторонами априорно, оно обязательно для них и в ратификации, естественно, не нуждается. Арбитражное решение, после того как оно вынесено, становится обязательным для сторон и должно добросовестно выполняться. Турция и Армения, обратившись к арбитражу, согласились, что предписания арбитра, поскольку это касается их, будут окончательными. Они обязались признавать и соблюдать это правооформляющее международное соглашение.

В соответствии с правом международных договоров пересмотр обязательств, вытекающих из арбитража, возможен только с согласия всех сторон соглашения и в особенности стороны, в пользу которой вынесено арбитражное решение.

Арбитражное решение Президента США было вынесено 22 ноября 1920 г. Решением арбитра устанавливалось, что «от персидской границы юго-западнее города Котур пограничная линия Армении определена массивным естественным барьером большой высоты, который простирается южнее озера Ван и юго-западнее армянских городов Битлис и Муш. Эта пограничная линия оставляет, как часть турецкого государства, весь санджак Хаккиари или около половины вилайета Ван и почти весь санджак Сиирт». Это обосновывалось «разумным географическим соображением» и подкреплялось тем, что Хаккиари и Сиирт «преимущественно курдские по составу своего населения и экономическим отношениям». Из армянской территории исключалась также верхняя долина р. Большой Заб, по составу населения в значительной степени курдская и несторианско-христианская, а в экономическом отношении являвшаяся частью большой ирригационной системы р. Тигр в турецком Курдистане и в Месопотамии. Далее «граница западнее Битлиса и Муша, идущая в северном направлении не-

¹ Док. № 446.

далеко от Эрзинжана», была проложена по «естественному географическому барьеру, который обеспечивает Армении полную безопасность и оставляет Турецкому государству район, курдский в значительной мере». Армянские села и сельские центры, такие, как Киги и Темран, связанные экономическими и церковными отношениями с Харпутом, остаются турецкими как неизбежное последствие оставления за Турцией Харпута в силу условий арбитража. «От северного края Дерсима решение о характере и направлении границы было в первую очередь подчинено жизненно важному вопросу предоставления государству Армении подходящего выхода к морю»¹.

По официальному заявлению Президента США, такое решение основано на «рассмотрении вопроса в свете относящейся к делу наиболее заслуживающей доверия информации и с осознанием высших интересов справедливости»².

Армянская республика, которая тогда включала территории Карсской области и Нахичевана в пределах довоенной российско-турецкой границы, получала приращение, равное примерно половине вилайетов Ван, Битлис, Эрзерум и Трапезунд общей площадью 40 000 кв. миль. По американским подсчетам, это составляло около 40% территории исторической Армении в Оттоманской империи.

18. Дипломатические маневры вокруг арбитражного решения Президента США

Арбитражное решение Президента США, определившее принадлежность Армении части вилайетов Ван, Битлис, Эрзерум и выход к морю в вилайете Трапезунд, было вынесено 22 ноября 1920 г., за семь дней до официального провозглашения советизации Армении.

Опасаясь, что территориальными правами Армении, подтвержденными арбитражем Президента США, воспользуется советская Россия, правительства Великобритании и Франции приняли ряд политических мер, чтобы предотвратить такую возможность.

Получив через американского посла во Франции сообщение и. о. Государственного секретаря от 13 декабря 1920 г. о том, что решение Президента о границе 17 декабря будет передано для опубликования в прессе, британский Форин офис настоятельно просил Государственный департамент повременить «с опубликованием решения Президента относительно границ Армении» до тех пор, пока им не будет предоставлена возможность высказать «некоторые соображения», которые через посла будут немедленно сообщены Государственному секретарю³.

17 декабря 1920 г. и. о. Государственного секретаря США сообщил, что, удовлетворяя просьбу Форин офис, «Государственный Департамент воздержится пока от опубликования решения Президента»⁴.

¹ См. Послание Президента США В. Вильсона Председателю Верховного Совета Союзных держав (Док. № 472) и текст арбитражного решения — Док. № 473, а также Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. P. 790—804.

² См. текст арбитражного решения: Ibid.

³ Док. № 523, 527.

⁴ Док. № 529. Подробнее см. Раздел III (17, 18).

Проявив высокую принципиальность и уважение к правам народа, ставшего объектом геноцида, Президент Вильсон через неделю опубликовал свое решение.

19. Политико-правовая оценка Севрского мирного договора

Севрский мирный договор с Османской империей был подписан 10 августа 1920 г. всеми участниками Парижской мирной конференции: с турецкой стороны — представителями законного правительства Османской империи.

Мирный договор отражал оценку международным сообществом действий турецкого государства с позиций норм и принципов международного права.

То обстоятельство, что Севрский мирный договор не был ратифицирован и не вошел в силу, является следствием действия политических факторов¹ и никак не колеблет международно-правовую основу ответственности Турции за геноцид армян.

Положения Севрского мирного договора опирались на существовавшую международно-правовую основу и представляли конкретное, практическое воплощение действовавших норм. Тот факт, что Севрский мирный договор не был ратифицирован, не дает оснований пренебрегать им как источником права. Нельзя игнорировать его значение для определения содержания, которое вкладывали государства в действовавшее международное право. Как отметил Международный суд, подписанные, но не ратифицированные соглашения могут точно выражать общее понимание сторонами положения, существовавшего во время подписания².

Севрский мирный договор адекватно и однозначно показывает, как реагировало международное сообщество государств на геноцид армян, каким ему представлялось послевоенное устройство в целях возможно более полной ликвидации последствий совершенного преступления. Поэтому невозможно рассматривать армянскую проблему в свете международного права без учета положений Севрского мирного договора.

Севрский договор подтвердил политическую ответственность турецкого государства за геноцид армян в форме отделения части армянских вилайетов от Турции. Это нашло выражение в признании Армении «в качестве свободного и независимого государства», созданного на территории российской Армении,

¹ Документы, относящиеся к политической истории Армянского вопроса, приводятся в Разделе V Сборника и комментируются в соответствующей части Комментария.

² Суд высказал свое мнение в связи с определением значения подписанной, но не ратифицированной англо-османской Конвенции 1913 г. для признания суверенитета Катара в отношении спорной территории полуострова Катар. Судья Торрес Бернардес в своем особом мнении также отметил, что хотя англо-османская Конвенция 1913 г. не была ратифицирована, «тем не менее ее текст содержит неоспоримое доказательство относительно того, что две главные державы региона — Великобритания и Османская империя признавали, что представляли собой политически и территориально Катар и Бахрейн во время заключения Конвенции, а именно в июле 1913 г.» (п. 255). Более того, судья Торрес Бернардес считал, что ст. 11 этой Конвенции должна рассматриваться как юридически обязывающая, поскольку ст. III ратифицированной сторонами англо-турецкой Конвенции относительно границ Адена от 9 марта 1914 г. содержит ссылку на ст. 11 Конвенции 1913 г. (п. 255). Аналогичной точки зрения придерживались в своем совместном особом мнении судьи Беджауи, Ранжева и Коррома (п. 125—128) (International Court of Justice. Case concerning maritime delimitation and territorial questions between Qatar and Bahrain) (Qatar V. Bahrain). 16 March 2001. General List № 87).

включавшей тогда Карсскую область, и на территории Османской империи в границах, определенных арбитражным решением Президента США Вудро Вильсона (ст. 88—91).

Помимо самого договора большое значение для определения содержания политической ответственности турецкого государства за геноцид армян имеют такие международно-правовые акты, как признание международной правосубъектности армянского государства, арбитражное решение Президента США о территориальном разграничении Турции и Армении и другие атрибуты решения Армянского вопроса.

Севским мирным договором была предусмотрена реализация провозглашенного в Декларациях России, Франции и Великобритании от 24 мая 1915 г. принципа уголовной ответственности физических лиц — членов турецкого правительства и других организаторов и исполнителей этого преступления против человечности и цивилизации. Была установлена также личная уголовная ответственность членов турецкого правительства и других организаторов и исполнителей этого преступления против человечности и человечества.

Турецкое правительство признало за Союзными державами право привлечения к уголовной ответственности организаторов и исполнителей армяноцида. Оно обязывалось «выдать Союзным державам лиц, требуемых ими в качестве ответственных за те зверства, которые во время состояния войны совершались на любой территории, составлявшей к 1 августа 1914 г. часть Османской империи».

Союзные державы оставляли за собой «право указать тот суд, которому будет поручено судить обвиняемых таким образом лиц», а османское правительство обязалось признать этот суд. При этом впервые в истории международных отношений предусматривалась возможность учреждения специального международного уголовного суда: «В случае если Лига Наций создала бы в нужное время суд, компетентный судить названные зверства, Союзные державы сохраняют за собою право передать названных обвиняемых в этот суд, а османское правительство равным образом обязуется признать этот суд» (ст. 230).

На эту категорию преступлений также распространялось положение ст. 228, обязывавшей османское правительство «доставить всякие документы и сведения какого бы то ни было рода, представление которых было бы сочтено необходимым для полного выяснения инкриминируемых фактов, розыска виновных и точной оценки ответственности».

Был принят принцип «исправления в наиболее широкой мере зла, причиненного лицам зверствами, совершавшимися в Турции во время войны». С этой целью предусматривалось создание смешанных комиссий, которые должны были назначаться Советом Лиги Наций с тем, чтобы «принимать жалобы самих жертв, их семейств и их близких, производить необходимые расследования и выносить в окончательной форме постановления об освобождении лиц, о которых идет речь». Османское правительство обязывалось «заставлять уважать решения этих комиссий и обеспечивать безопасность и свободу лиц, восстановленных таким образом во всех своих правах» (ст. 142).

Договор обязывал турецкое правительство сделать все возможное для возвращения к своим очагам армян, «насильственно изгнанных после 1 января 1914 г. из своих домов либо страхом перед зверствами, либо в силу всякого иного способа принуждения». Были предусмотрены конкретные меры для реституции

реквизированного имущества армян. Оттоманское правительство признавало несправедливость закона 1915 г. об «оставленной собственности», а также дополнительных к нему постановлений, и объявило их «ничтожными и не имеющими силы как в прошлом, так и в будущем». Оно признало, что недвижимое и движимое имущество, которое может быть разыскано и которое составляло собственность этих граждан или общин, к которым принадлежат эти граждане, должно быть возвращено «насколько возможно скоро, в чьих бы руках оно ни оказалось» (ст. 144).

Для рассмотрения и разрешения в порядке ускоренного производства связанных с этим претензий оттоманское правительство согласилось с назначением Советом Лиги Наций третейских комиссий в составе одного представителя оттоманского правительства, одного представителя общины, которая считает себя потерпевшей, или лица, которое считает себя потерпевшим, и председателя, назначенного Советом Лиги Наций.

Эти третейские комиссии наделялись правомочием отдавать приказы, в частности об удалении лиц, которые в результате расследования признавались принимавшими активное участие в зверствах или депортациях; о передаче имущества и собственности, принадлежавшей членам общины, «скончавшимся или исчезнувшим после 1 января 1914 г., не оставив наследников», не государству, а общине; об аннулировании всех актов продажи или установления прав на недвижимую собственность, заключенных после 1 января 1914 г., причем вознаграждение держателей будет возложено на оттоманское правительство и не будет служить предлогом для задержки реституции.

Оттоманское правительство обязалось облегчить в пределах возможностей функционирование этих комиссий и обеспечить исполнение их решений, которым не могло быть противопоставлено никакое решение оттоманских властей — судебных или административных (ст. 144).

Определение мер, необходимых для гарантии выполнения этих постановлений, возлагалось на Главные Союзные державы и Совет Лиги Наций. Оттоманское правительство обязывалось исполнять все решения, которые принимались бы по этому предмету.

Севрский мирный договор имеет большое значение не только для определения подходов международного сообщества государств к поиску путей решения Армянского вопроса на основе международного права. Намеченные в нем решения, выходя за пределы Армянского вопроса, имеют непреходящее значение и для успешной борьбы за искоренение такого вида преступлений из жизни человеческого общества. Это первый и пока единственный многосторонний договор, в котором международное сообщество государств дало адекватный ответ на многие, если не на все вопросы, возникающие в результате совершения преступления геноцида — от ответственности государств и физических лиц до устранения последствий для народа, ставшего его жертвой.

Об этом свидетельствует, в частности, и то, что некоторые положения Севрского мирного договора были использованы в качестве прецедента и подтверждения существовавших норм международного права. Так, Комиссия ООН по военным преступлениям в своем докладе от 28 мая 1948 г., отметив, что Декларация Союзных держав от 24 мая 1915 г., осуждавшая резню армян в пределах Оттоманской империи как «преступление против человечности и цивилизации»,

стала основой для ст. 230 Севрского мирного договора, — указала, что эта статья создала прецедент для ст. 6с и 5с Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов и служит примером одной из категорий «преступлений против человечности» в том понимании, которое дается применением этих статей.

Если бы эти положения Севрского мирного договора были реализованы, то это не только означало бы торжество права и справедливости в отношении народа, ставшего жертвой первого широкомасштабного геноцида, но отбило бы также охоту как у гитлеровцев, так и у других организаторов геноцида использовать турецкий опыт.

РАЗДЕЛ IV

Мнения экспертов по международному праву и геноциду, заключения юридических органов, судебные решения, относящиеся к ответственности за геноцид армян

1. Почему необходимо определить общую международно-правовую основу ответственности за геноцид

Документы и материалы этого Раздела, так же как и документы предыдущего, подтверждают факт совершения геноцида армян и установления международной ответственности Турции как государства и турок как физических лиц. Однако, в отличие от документов предыдущего Раздела, представляющих международно-правовую оценку государств как субъектов международного права и межгосударственных органов и организаций как производных субъектов международного права, в настоящий Раздел включены документы и материалы, которые относятся к вспомогательным средствам для определения международно-правовых позиций государств и межгосударственных организаций.

При определении этих вспомогательных средств мы опирались на ст. 38 Статута Международного суда ООН, которая относит к ним судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций.

2. Доктрины специалистов по международному праву

Ввиду ограниченности объема в Сборник не могли быть включены мнения всех юристов-международников по оценке тех или иных правовых аспектов геноцида армян. Приведенный список неизбежно является репрезентативным, а не исчерпывающим. Вместе с тем, учитывая хронологические рамки и периодизацию геноцида армян, мы стремились показать мнения юристов-международников различных эпох.

Представление об оценке действий Турции на первой стадии частичного геноцида можно получить по высказываниям бельгийского юриста-международника

М. Ролен-Жекмена (док. № 585), российских — профессора графа Л. Комаровского (док. № 586) и Ф.Ф. Мартенса (док. № 3). Полнее доктрина международного права представлена в отношении стадии «окончательного решения» — повсеместного уничтожения армян как национальной группы. Адекватная оценка дана профессором международного права Петроградского университета и ассоциированным членом Института международного права А. Мандельштамом (док. № 587). В Сборнике также приводятся оценки таких представителей доктрины международного права, как Шериф Бассиуни — профессор, президент Международного института по правам человека Университета Де Пола, президент Международной ассоциации уголовного права (док. № 599); Джо Верховен — профессор Католического университета Лувэна (док. № 605), юристы-международники из США — Ричард Фалк (док. № 612), Джозеф Кунц (док. № 598), Томас Фрэнк и Найджел Родли (док. № 601), Джеймс Рассел — профессор Гарвардского университета (док. № 610).

Следует выделить документы, в которых выражается оценка геноцида армян юристами, имевшими отношение к деятельности различных юридических органов: лорда А. Райта, председателя Комиссии ООН по военным преступлениям (док. № 593); Р. Кемпнера, бывшего заместителя председателя Совета США по военным преступлениям, эксперта по правовым вопросам при Главном обвинителе от США на Нюрнбергском процессе (док. № 594); Р. Лемке — эксперта по геноциду, инициатора и активного участника разработки Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (док. № 595); Дж. Литавского — юридического консультанта Комиссии ООН по правам человека (док. № 596); Тео ван Бовена — директора управления ООН по правам человека (док. № 600); Феликса Эрмакора — профессора международного права Венского университета, члена Подкомиссии Комиссии ООН по правам человека в 1970-х гг. (док. № 609).

К этому списку, очевидно, следовало бы также добавить имена специальных докладчиков Подкомиссии по защите меньшинств Комиссии ООН по правам человека Н. Рухашьянкике и Бена Уайтэкера, хотя их доклады были выполнены по поручению межгосударственного органа.

Кроме того, мы сочли необходимым включить в представленную группу не только наиболее квалифицированных специалистов публичного международного права и международного уголовного права, но и наиболее авторитетных специалистов в области теории и практики геноцида — Джозефа Гутмана (док. № 597), Израэла Чарни (док. № 623, 624, 626), Элен Фейн (док. № 602), Роберта Мелсона (док. № 604), Иегуда Бауэра (док. № 608), Эрвина Стауба (док. № 611), Мордехая Нисана (док. № 614), Эрика Маркусена (док. № 615), Бат Йе'ор (док. № 616), Сола Гиттлмэна (док. № 617), Генри Хаттенбаха (док. № 618), Люси Давидовиц (док. № 619), профессора Фрэнка Чалка и профессора Курта Джонассона, директора Монреальского института исследований геноцида и прав человека (док. № 621) и др. Эти и другие специалисты по геноциду однозначно подтверждают правомерность квалификации армяноцида как преступления геноцида по международному праву. Об этом убедительно свидетельствуют приведенная в Сборнике резолюция Ассоциации исследователей геноцида от 13 июня 1997 г. (док. № 613) и принятое на Конференции в Филадельфии 3—7 марта 2000 г. Заявление 126 специалистов по холокосту из США, Израиля, Британии и других стран, возглавляющих университетские кафедры и научно-исследовательские центры по холокосту (док. № 622). Подписавшие это Заявление подтверждают, что геноцид армян «является неоспо-

римым историческим фактом», и обращаются к правительствам демократических стран Запада также признать его таковым и призвать правительство и парламент Турции признать геноцид армян.

3. Решение Постоянного Трибунала Народов как отражение мнения представителей доктрины признания геноцида

Из документов этого Раздела Сборника особо следует остановиться на вердикте Постоянного Трибунала Народов (док. № 606). Речь идет о решении, хотя и международного, но не межгосударственного судебного органа — общественного субститута не существовавшего еще международного уголовного суда.

Постоянный Трибунал Народов был сформирован из безупречных в смысле гражданской честности и объективности юристов, дипломатов, общественных деятелей различных стран. В его состав входили видные юристы-международники: профессор международного права Алжирского университета Маджид Беншик (Алжир); профессор международного права Принстонского университета Ричард Фалк (США); профессор международного права Римского университета Андреа Джордина (Италия); лауреат Нобелевской премии Ш. Макбрайд (Ирландия); лауреат Нобелевской премии Адольф Перес Эскивель (Аргентина); профессор факультета права Католического университета Лувэна Франсуа Риго (Бельгия).

Руководствуясь буквальным толкованием текста Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него относительно намерения как субъективного элемента состава этого преступления и рассмотрев с должным вниманием турецкий тезис о неприменимости квалификации геноцида к событиям 1915 г. и последующих лет, Трибунал пришел к заключению, что «нет сомнений в отношении реальности физических актов, составляющих геноцид» и что «наличие конкретного намерения уничтожить группу как таковую ... является особым элементом состава преступления геноцида». Из полученных свидетельств и документов следует, что политика «методического уничтожения армянского народа... подтверждает наличие конкретного намерения, о котором говорится в статье II Конвенции [о предупреждении преступления геноцида и наказания за него] от 9 декабря 1948 года»¹.

Представление о фактическом материале, которому была дана эта юридическая квалификация, можно получить из показания, представленного французским историком Ивом Терноном: «Геноцид армян в Османской империи был задуман и осуществлен османским правительством и партией “Единение и прогресс”. Доказательство умысла представляется совокупностью документов, опубликованных в период Первой мировой войны и в последующие годы, правительственных документов различных архивов, собранием свидетельств и протоколами двух процессов: процессом юнионистов [лидеров партии «Единение и прогресс»] и Тейлириана». Эти документы, как отмечает французский исследователь, «устанавливают без малейшего сомнения стремление младотурецкого правительства истребить армян и его ответственность за совершенные зверства». В частности, Ив Тернон указывает на то, что «после февраля 1915 г. наличие

¹ Док. № 606. С. 778.

умысла основывается на зашифрованных, а затем декодированных телеграммах, посланных Министерством внутренних дел в провинции и из провинций в Министерство внутренних дел»¹.

Примечательно, что наличие умысла в геноциде армян и правомерность квалификации турецкой политики истребления армян как геноцида, согласно определению Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, признали члены Трибунала, которые, подобно профессору Католического университета Лувэна Дж. Верховена, придерживались буквального, т.е. ограничительного, толкования определения геноцида и исходили из того, что «одного фактического акта само по себе недостаточно для установления геноцида» и что для этого требуется наличие особого элемента субъективного характера, а именно «намерение нанести удар через членов группы по самой этой группе»².

Подходя с этих строго формальных позиций к оценке геноцида армян, профессор Дж. Верховен констатировал, что имеющийся материал позволял раньше и позволяет теперь признавать преднамеренность проводившейся турецким государством политики уничтожения армянского народа как во время имевших место в XIX в. актов массовой резни, так и во время поголовного уничтожения армян в 1915—1917 гг.

Знакомство с обширной и постоянно возрастающей литературой по геноциду показывает, что наличие умысла в действиях турецкого государства и, следовательно, правомерность их квалификации как геноцида армян, в соответствии с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, признают практически все специалисты по проблеме геноцида, начиная с идейного творца этой Конвенции Р. Лемке, а именно: Лео Купер, Самюэл Филдинг, Антонио Планцер, Пиетер Дрост, Юджин Аронеану, Исраэл Чарни, Ирвинг Луис Горовиц, Джеймс Рид, Тесса Хофман и др. Отрицать преступный умысел и, следовательно, квалификацию действий турецкого государства как геноцид невозможно.

Судебный процесс был организован профессионально, с соблюдением всех процессуальных норм. Позиция Турции и выдвигавшиеся ею аргументы были объективно рассмотрены.

Отвечая на поставленные вопросы, Трибунал пришел к однозначному заключению, что:

«— армянское население составляло и составляет народ, фундаментальные права которого, как индивидуальные, так и коллективные, должны и будут уважаться в соответствии с международным правом;

— уничтожение групп армянского населения посредством депортации и резни составляет преступление геноцида, которое не имеет срока давности по определению Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Что касается осуждения этого преступления, то выше-

¹ Tribunal Permanent des Peuples. Le crime de silence. Le génocide des Arméniens. Flammarion. Paris, 1984. P. 188—189, 191.

² Согласно изложенному Трибуналу мнению профессора Католического университета Лувэна Дж. Верховена, действия, составляющие преступление по общему уголовному праву, могут стать геноцидом только тогда, когда через индивида, который является непосредственной жертвой, стремятся «к посягательству на представляемый им коллектив» (Verhoeven J. Le peuple arménien et le droit international // Tribunal Permanent des Peuples. Le crime de silence. Le génocide des Arméniens. Flammarion, Paris, 1984. P. 272).

указанная Конвенция декларирует существующее право и включает нормы, которые уже действовали в то время, когда инкриминировались эти акты;

— младотурецкое правительство повинно в этом геноциде, в том, что касается действий, совершенных в период между 1915 и 1917 гг.;

— геноцид армян является также «международным преступлением», за совершение которого турецкое государство должно нести ответственность и не ссылаться на нарушение континуитета как предлог, чтобы избежать этой ответственности;

— эта ответственность турецкого государства подразумевает прежде всего обязательство признать официально факт этого геноцида и ущерб, который в результате него понес армянский народ;

— ООН и каждый из ее членов имеют право требовать этого признания и помочь армянскому народу в этом отношении»¹.

Решения Постоянного Трибунала Народов не имеют юридической силы, но обладают огромной моральной силой весьма авторитетного и беспристрастного общественного органа. Они включены в Сборник по той причине, что вынесенный Трибуналом вердикт и аргументы в его обоснование представляют консолидированное выражение доктрины по конкретному вопросу о правомерности квалификаций действий турок и турецкого государства как преступления по международному праву и о связанной с этим ответственности.

4. Вопрос о создании международного уголовного суда в рамках Парижской мирной конференции. Комиссия пятнадцати

Наибольшей авторитетной силой в качестве вспомогательного источника международного права обладают решения международных судов, которые основываются на нормах действующего международного права и поэтому помогают установлению его содержания.

В то время когда совершались действия по физическому уничтожению армянского народа, ни международного суда с обязательной юрисдикцией, ни тем более международного уголовного суда не существовало.

Создание международного уголовного суда для наказания членов турецкого правительства и других организаторов и исполнителей геноцида армян предполагалось уже в Декларациях трех великих держав от 24 мая 1915 г.

Для понимания процесса установления ответственности за геноцид армян в Севрском мирном договоре и для истории становления международного уголовного правосудия немалый интерес представляет Доклад Комиссии об ответственности за развязывание войны и о реализации наказаний, внесенный на рассмотрение Прелиминарной мирной конференции 29 марта 1919 г.² Материалы Комиссии позволяют установить уровень правосознания и состояние нормативной основы международного права того времени.

Комиссия была учреждена на пленарной сессии Конференции 25 января 1919 г.³ В ее задачу входило расследование и составление доклада о нарушениях междуна-

¹ Док. № 606.

² Док. № 589.

³ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. First Series. Vol. IV. 1919. London, 1952. P. 699—703.

родного права Германией и ее союзниками, включая Турцию, в период войны. Комиссия должна была изучить вопрос о виновниках войны, о нарушениях законов и обычаях ведения войны и о создании международного трибунала для суда над обвиняемыми в совершении этих преступлений.

В Комиссию входили видные юристы-международники по два от пяти больших держав (США, Франции, Британской империи, Италии, Японии) и по одному от пяти менее крупных (Бельгии, Греции, Польши, Румынии, Сербии). В ее состав вошли члены Института международного права Эдуард Ролен-Жекмен (Бельгия), Джеймс Браун Скотт (США), Николас Политис (Греция). В состав комиссии входили также Фернан Ларно (Франция), Андрэ Мардье (Франция), Эрнст Поллок (Англия). Председателем был Роберт Лансинг (США), часто приглашавшийся в качестве арбитра. Генеральным секретарем Комиссии стал Альбер де Лапрадель (Франция). О высоком уровне Комиссии говорит и тот факт, что в ее составе были издатели трех наиболее авторитетных в мире журналов международного права.

Заседания проходили в обстановке острых дискуссий, отражавших различное отношение европейцев и американцев к проблеме уголовной юрисдикции.

Р. Лансинг, проявляя характерный для США того времени синдром невмешательства во внутренние дела, исходил из того, что «суть суверенитета заключается в свободе от ответственности»¹. Так, когда Поллок, при полной поддержке других членов Комиссии, предложил рассмотреть вопрос о мерах по предупреждению бегства обвиняемых и уничтожения документов, Лансинг объявил это предложение выходящим за пределы полномочий Комиссии. Аналогичные ситуации возникали в Совете десяти, а потом и в Лиге Наций.

Столкнувшись с непреодолимыми противоречиями, Комиссия разделила свою работу на три подкомиссии, которые более успешно справились со своими ограниченными задачами. В частности, первая подкомиссия под председательством новозеландского Премьер-министра Уильяма Ф. Масси собрала материалы, относившиеся к обвинениям по зверствам². Она пришла к выводу, что Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция вели войну «варварскими и противоправными методами».

Был подготовлен перечень 32 категорий военных преступлений. В списке совершенных преступлений значились: убийства и резня; систематический терроризм; пытки гражданских лиц; сознательное предание гражданского населения голодной смерти; изнасилования; похищение девушек и женщин с целью принуждения к проституции; депортации гражданского населения; интернирование гражданских лиц при бесчеловечных условиях; ограбление; конфискация имущества; применение коллективных наказаний.

Содержащиеся в перечне военные преступления не позволяли дать адекватную оценку преступлениям турок и турецкого государства. В отличие от Германии и других ее союзников, Османской империи, кроме обычных военных преступлений, предъявлялось также обвинение в совершении особой категории преступлений, ассоциировавшейся с убийством целого народа и выразившейся

¹ Протокол четвертого заседания 13 марта 1919 г. (Commission on Responsibility: Minutes. P. 38. Polk Papers).

² La Documentation International. La Paix de Versailles. Vol. 3: Responsabilités des auteurs de la guerre et sanctions / Ed. Albert de Lapradelle, 12 vols. Paris. Les Editions International 1929—1939. P. 235—260.

прежде всего и главным образом в резне — массовых убийствах части своего же населения по причине принадлежности к другой национальной группе.

14 марта 1919 г. греческая делегация представила Комиссии Армянский меморандум¹. Сама Комиссия констатировала, что резня армян была организована и велась систематически турками при соучастии Германии. В приложении к ее докладу указывалось, что между 1914 и 1918 гг. были убиты сотни тысяч армян².

Возникла необходимость констатации наличия особой категории преступлений по международному праву. Имея в виду резню армян, один из разработчиков международного уголовного права Политис настаивал на выделении особой категории преступлений, которые «технически» не попадали под положения уголовного права того времени, но, без сомнения, представляли такой вызов цивилизации, что нарушали «то, что может называться правом гуманности или морали».

Большинство членов Комиссии, соглашаясь с подходом Политиса, исходили из деклараций Гагских конвенций о том, что в тех случаях, когда писаных правил международного права оказывается недостаточно, население тем не менее остается под охраной и действием положений международного права, которые вытекают «из установившихся между цивилизованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»³.

Европейцы, в частности, предлагали учредить международный орган из судей Союзных государств для суда над любыми физическими лицами, включая глав государств, по обвинению как в том, что они отдавали приказы, так и в том, что не предотвращали нарушения законов и обычаев войны и законов человечности⁴. Американцы отвергали, как не имевшее прецедента, создание международного суда, возможность привлечения к ответственности глав государств и, наконец, сами законы человечности.

Хотя действия турок и Турции попадали под уже принятое в международном праве определение как нарушение «законов человечности», представители США в Комиссии выступили против выделения категории «преступлений против человечности», считая, что это имело бы характер *ex post facto* и что содержание этой категории преступлений еще не зафиксировано и потому может варьировать в зависимости от сознания и обстоятельств.

Американские члены Комиссии утверждали, что «война по самой своей сути негуманна». Концепция «законов человечности» очень неопределенна, чтобы иметь характер правовой нормы. Нет четко зафиксированных стандартов гуманности: они варьируют в зависимости от места и обстоятельств. Если бы применение «законов человечности» было бы предоставлено суду, оно неизбежно отражало бы личное, субъективное сознание судьи. Поэтому и любой суд, который

¹ Текст воспроизведен в: *Schweb E. Crimes Against Humanity // British Year Book of International Law, 23 (1946). P. 178, 181.*

² *Summary of Examples of Offences of the Central Empires and Their Allies... // Commission on Responsibility: Minutes. P. 131. См. также: Annex I. P. 30.*

³ *Commission on Responsibility. Meeting of 7 February 1919. P. 19; Meeting of 8 February 1919. P. 81—82.*

⁴ Комиссия установила, что лица, виновные в совершении рассматривавшейся категории военных преступлений (включавших убийства и резню, депортации, сознательную организацию голода, содержание в нечеловеческих условиях и т. д.), подлежат уголовному преследованию, какое бы высокое положение они ни занимали, в том числе главы государств. Комиссия считала, что эти преступления подсудны национальным судам, а также высшему межгосударственному суду.

займется нарушениями существующих норм, должен будет предоставить оценку нарушений морального права другому форуму¹.

Полагая, что новая категория преступлений, в особенности те, которые совершаются правительством против своих же подданных, еще не нашла отражения в материальном праве, представители США в Комиссии проводили различие между двумя видами ответственности — юридического и морального характера. Если преступления, влекущие юридическую ответственность, подлежали судебному преследованию в надлежащих судах, то преступления против морали, какими бы ужасными ни были их последствия, оказывались вне досягаемости судебного преследования и подлежали только моральным санкциям. Более того, даже в отношении лиц, совершивших чисто военные преступления, США в то время еще не были готовы к признанию международной уголовной юрисдикции.

Анализируя сложившуюся ситуацию, Джеймс Виллис писал: «Для обеспечения судебного преследования за зверства в отношении армян и другие насилия, которые не были охвачены четко нормами права войны, европейцы, предвосхищая идею преступлений против человечности и геноцида, добивались ссылки на законы человечности, которые были указаны в преамбуле Гагской конвенции 1907 г., и дополнения состава преступлений, предусмотренных правом войны. Американцы, однако, заявили, что принятие такого неопределенного стандарта, как законы человечности, было бы произвольным, так как этот стандарт может варьироваться в зависимости от «индивидуального восприятия»².

Мирная конференция приняла идею уголовной ответственности физических лиц не только в отношении военных преступлений, но и в отношении преступлений против человечности, совершенных турецким правительством против армянского населения Османской империи.

Севрский мирный договор предусматривал полное решение как вопроса о политической ответственности турецкого государства, так и вопроса о международной уголовной ответственности физических лиц³.

Протоколы Конференции Союзных держав дают представление о позициях государств и о том, как вырабатывались соответствующие положения Севрского мирного договора в целом.

На Совещании министров иностранных дел и послов Союзных держав, состоявшемся в Лондоне 23 марта 1920 г., решался вопрос о создании компетентного международного уголовного суда и о подсудности ему преступлений, совершенных государством против своего же населения, а именно «резни армян». Устанавливавшиеся временные рамки и пространственные пределы преступлений, попадавших под юрисдикцию создававшегося суда⁴, включали все преступления, совершенные и которые могли быть совершены до ратификации мирного договора с Турцией не только «на бывшей турецкой территории», но и на всей территории, которая составляла часть Турецкой империи на 1 августа 1914 г.

Статьей 230 Севрского мирного договора турецкому правительству предписывалось выдать лиц, ответственных за зверства. Союзные державы резервиро-

¹ См. Annex II, 14, 58—59, 73.

² *Willis J.F. Prologue to Nuremberg. The politics and diplomacy of punishing war criminals of the First World War ... P. 75.*

³ См. документы и Комментарий к Разделу III.

⁴ Док. № 407, протокол № 69.

вали право указать тот суд, которому будет поручено судить обвиняемых в таких преступлениях лиц. Союзные державы предполагали передать проблему уголовного преследования лиц, виновных в резне армян, Лиге Наций и поэтому обязали Турцию, «если Лига Наций создала бы в нужное время суд, компетентный судить названные зверства», признать юрисдикцию этого суда¹.

Под воздействием политических факторов ратификация Севрского договора была сорвана и предусмотренный им судебный механизм не был создан. Члены турецкого правительства и другие лица, интернированные на Мальте по обвинению в преднамеренном уничтожении армян, были обменены англичанами на заложников — генерала Раулинсона и других британских военнослужащих, которые именно с этой целью были захвачены турецкими националистами (кемалистами).

Попытки современной турецкой пропаганды представить это обстоятельство как отсутствие правовой основы для судебного преследования и как «доказательство» невиновности палачей армянского народа в совершении преступления геноцида опровергается не только фактом международного признания ответственности Турции как государства и турок как физических лиц, но и приведенными в Разделе V Сборника документами о политической истории Армянского вопроса.

Главная и основная причина того, что международный суд не был создан и реализация предусмотренной Севским мирным договором ответственности турок на основе международной уголовной юстиции не состоялась, как будет показано в следующем разделе Комментария, находится в сфере политики, а не права. Безнаказанность никак не может подкреплять ложный тезис турецкой пропаганды об отсутствии вины турок за совершение преступления геноцида. Понадобились два десятилетия и миллионы новых жертв, чтобы США и другие государства смогли договориться о создании Нюрнбергского трибунала. Как отмечал Дж. Виллис, признание государствами международной уголовной юрисдикции и предложения о создании международного уголовного суда для преследования лиц, обвинявшихся в резне армян, предвосхитили установление в Уставе Нюрнбергского трибунала международной уголовной ответственности за преступление геноцида, совершенное нацистами Германии в годы Второй мировой войны².

5. Решение национальных судов как вспомогательный источник международного права

В качестве вспомогательного источника международного права в практике признаются и решения национальных судов, поскольку они основываются на нормах международного права либо прямо, либо опосредованно через национальные законы.

Решения национальных судебных органов представляют интерес своими оценками действий турецких государственных органов, должностных лиц государства и

¹ О ходе выработки положений ст. 230 см.: Протоколы Конференции Союзных держав 21 февраля 1920 г. (Documents on British Foreign Policy. First series. Vol. 7. P. 173, 191) и Конференции министров иностранных дел и послов Союзных держав (Documents on British Foreign Policy. First series. Vol. 7. P. 593—596).

² Willis J. Prologue to Nuremberg... P. 157. Историю развития вопроса см.: Shwelb E. Crimes Against Humanity / The British Year Book of International Law, 23 (1946). P. 178—226.

простых исполнителей этого преступления на основе национального и международного права по состоянию на то время, когда они осуществлялись.

По делам, связанным с геноцидом армян, мы располагаем решениями национальных судов двух категорий: 1) турецких и 2) иностранных.

Особый интерес в этом отношении представляют приговоры турецких трибуналов.

6. Судебные процессы в Османской империи¹

После поражения Османской империи в Первой мировой войне и аннулирования всех договоров, которыми младотурецкое правительство пыталось снять с турецкого государства ответственность за геноцид армян, новое султанское правительство добивалось этой же цели путем сведения ответственности государства к ответственности ушедшего в отставку правительства.

Стремясь предотвратить международное расследование фактов и учреждение международного суда и ориентировать правосудие в нужном ему направлении, турецкое правительство объявило миру о начале расследования массовой резни и поголовных высылки армян с целью привлечения к ответственности виновников.

Уже 23 октября 1918 г., т.е. за неделю до заключения Мудросского перемирия, открывшего путь для международных расследований и международного правосудия, в «Journal d'Orient» была опубликована статья «Виновники», в которой сообщалось, что Министр внутренних дел Османской империи Фетхи бей дал указание компетентным должностным лицам приступить к «справедливому и беспристрастному» расследованию поведения всех имевших отношение к преследованиям армян должностных лиц, безотносительно к занимаемым ими постам или чинам².

Сразу после подписания перемирия Султан Мехмет VI выступил с обещанием предать военному суду лиц, ответственных за резню армян и другие совершенные зверства. В ноябре турецкое правительство вынесло решение о привлечении к судебной ответственности руководителей младотурецкой партии. Кабинет Тевфик-паши 17 ноября 1918 г. поставил вопрос о предании суду иттихадистских министров, которых обвиняли в совершении зверств над армянами. В декабре 1918 г. для разбора этих дел был образован Высший военный трибунал. Объявляя об этом, Министр внутренних дел Турции Мустафа Ариф бей заявил: «Прискорбно, что наши тогдашние правители, вдохновленные разбойничьими идеями, провели депортацию такими методами, что даже самые наглые и кровожадные разбойники не смогли бы это так осуществить... Какова же была цель правительства? К сожалению, невозможно игнорировать этот вопрос. Захотели уничтожить [армян] и уничтожили. Нельзя скрыть и то, что распоряжение об истреблении было дано влиятельными членами центрального комитета партии и осуществлено правительством...» Выступая позже в парламенте, Министр сказал: «Проливается свет на изуверство против армян, изуверство, вызвавшее отвращение всего человечества. Нам досталась страна, превращенная в громадную бойню».

¹ Материалы турецких судов приводятся в док. № 590, 591. Наиболее полно они исследованы В. Дадряном, работами которого мы пользовались.

² Journal d'Orient. 23 Octobre 1918; Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914—1918) Publications de la Sorbonne. Paris, 1983, № 711. P. 690—691.

Султан Мехмет VI в интервью британскому корреспонденту в декабре 1918 г., осудив политику младотурок в отношении армян, заявил, что он, став Султаном, распорядился провести расследование и строго наказать подстрекателей. Сославшись на то, что «различные обстоятельства помешали полному осуществлению» его приказов, Султан обещал, что положение будет исправлено: «Дело теперь тщательно изучается. Правосудие скоро скажет свое слово, и мы никогда не увидим повторения таких ужасных событий»¹.

Предание членов младотурецкого правительства турецкому суду должно было подтвердить, что турецкое государство не причастно к проводившейся правительством политике резни армян.

Взяв в свои руки расследование обстоятельств резни армян, турецкие политические деятели соглашались на создание международных следственных органов. Так, «Нью-Йорк таймс» сообщала, что Великий визирь Тевфик паша в интервью итальянской газете признал необходимость создания специальной международной комиссии по расследованию для установления фактов уничтожения армян: «Только этим путем Европа может узнать правду. Мы не только не отрицаем тяжкие факты, имевшие место в Армении, но и глубоко сожалеем о них. Мы сейчас судим тех, кто несет за это ответственность»².

Его преемник Великий визирь Дамад Ферид, чтобы успокоить критиков, предложил передать функцию правосудия международному суду, состоящему из двух представителей от каждой из следующих нейтральных стран: Швеции, Дании, Испании, Швейцарии и Нидерландов³.

Для выяснения фактических обстоятельств массовой резни и условий депортаций армян правительство создало специальные следственные комиссии, которые собирали документы, опрашивали пострадавших и свидетелей, допрашивали самих обвиняемых. Этим непосредственно стали заниматься и созданные военные трибуналы. Они, в частности, направляли запросы в различные правительственные учреждения — местные и специальные, которые присылали им сохранившиеся секретные документы или их официально заверенные копии.

Начались поиски скрываемых младотурецкими главарями официальных правительственных документов, в том числе зашифрованных телеграмм, приказов и инструкций. Велся сбор доказательств обвинения, включая свидетельства непосредственных участников событий, очевидцев совершенных преступлений. На основании материалов следствия были возбуждены судебные дела.

Какие цели преследовало турецкое правительство, организуя судебные процессы? Это отчетливо видно из заявления Великого визиря Дамада Фериды, которое он сделал 17 июня 1919 г. на Парижской мирной конференции, куда был приглашен для изложения турецкой позиции⁴. Он сослался на судебный процесс над младотурецкими лидерами в подтверждение необходимости реабилитации «оттоманской нации». Признав, что резня армян «заставила содрогнуться от ужаса все человечество», он сообщил, что «большой судебный процесс иттихадистов в Константинополе доказал ответственность лидеров Комитета», и за-

¹ The New York Times, December 7, 1918.

² The New York Times, March 13, 1919.

³ Foreign Office to Law Officers, 10 July 1919. FO 371/5091 (E 15109/37/44).

⁴ Док. № 384. См. также: Council of ten meeting, 17 June 1919. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference 1919. Vol. 4. P. 508—512.

явил, что Турция, «очистив» себя, должна быть вновь допущена в международное сообщество без наказания за трагедию прошлого. Выступая перед всем миром с «чистосердечным» осуждением преступлений младотурецкого правительства империи, отмежевываясь от него, власти надеялись убедить человечество, что геноцид армян связан только с антиконституционной заговорщической деятельностью безответственной группы «революционеров». Утверждалось, что новое правительство принимает меры для устранения последствий совершенного преступления, что депортированное население уже возвращается в свои дома. Выражалась готовность выдать пострадавшим армянам соответствующее возмещение и сообщалось о выделении значительных фондов. Все это делалось с целью не допустить отделения Армении, создать впечатление, что армян можно вернуть под власть турецкого государства.

Предавая суду членов младотурецкого правительства и лидеров правившей партии, власти хотели внешне отгородиться от них, возложить на них всю вину за совершенное преступление, избавить от ответственности народ и государство и тем самым сохранить последствия преступления турецкого государства — удержать армянские территории, сохранить целостность империи.

Турецкий суд представлял дело таким образом, будто партия «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») подменила правительство. Партию обвиняли в попрании конституции. На самом же деле это была правящая партия. Ее лидеры в соответствии с установленным в государстве порядком составляли правительство турецкого Султана.

Сообщения об организации в Оттоманской империи военных трибуналов для наказания высокопоставленных лиц, ответственных за истребление армян, были встречены мировой прессой с определенной долей оптимизма¹.

На самом же деле оснований для оптимизма, даже умеренного, не было, ибо цель этого показательного представления заключалась не в наказании преступления и устранении его последствий, а, наоборот, в оправдании основного виновника преступления — турецкого государства с целью сохранения результатов преступления. Неудивительно поэтому, что с самого начала механизм турецкой Фемиды начал буксовать. Следствие, инициированное турецким правительством, искусственно затягивалось. Становилось очевидным, что целью его было «самое минимальное правосудие»².

Только в апреле 1919 г. были проведены аресты некоторых иттихадистов. Практически всем членам младотурецкого правительства и его представителям на местах, участвовавшим в организации и осуществлении геноцида армян, была дана возможность уехать за границу (главным образом, в союзную Германию), либо скрыться в Анатолии для организации сопротивления отделению Армении. Правительство не только способствовало бегству в восточные вилайеты империи многих участников этого преступления — генералов и офицеров армии и полиции, губернаторов и других должностных лиц государства, но стало сотрудничать с созданным М. Кемалем движением в совместном противодействии урегулированию Армянского вопроса на основе решений Парижской мирной конференции.

¹ The New York Times, December 27, 1918; April 14, 1919; July 13, 1919.

² FO 371/4174. 88761 / Walker C.J. Armenia. The Survival of a Nation. London 1980. P. 343—344.

О подлинном отношении к правосудию правительства Тевфик паши, находившегося у власти с 9 ноября 1918 г., и правительства Дамада Ферид паши, пришедшего ему на смену в марте 1919 г., убедительно свидетельствовал тот факт, что, по имеющимся сведениям, было арестовано только 63 высокопоставленных руководителя самораспустившейся партии «Единение и прогресс»¹. По другим данным, число арестованных и подлежащих преданию суду впоследствии дошло до сотни. Как это ни парадоксально, но за убийство 1,5 млн армян было арестовано всего лишь около 100 человек, а к судебной ответственности привлечено и того меньше — 33 человека, из коих 11 — заочно.

Список арестованных и преданных суду был опубликован стамбульской газетой «Сабах» 31 января 1919 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что за отдельными исключениями не были ни арестованы, ни привлечены к судебной ответственности многочисленные исполнители этого преступления на местах. Действуя выборочно, турецкая Немезида ограничивалась лишь главарями младотурок, занимавшими ответственные посты как в самой партии, так и в правительстве, хотя было известно, что правительство, выступая в роли организатора геноцида армян, опиралось на армию, жандармерию, полицию, на специально созданные отряды уголовников, на тысячи и тысячи своих единомышленников. Сознательно сужая круг лиц, предаваемых правосудию, правительство стремилось ограничить ответственность за преступления только младотурецкой партией. Создавая видимость подлинного правосудия, оно лишь частично приоткрывало занавес, за которым скрывалось беспрецедентно жестокое преступление турецкого государства.

Отражая общее направление турецкого правосудия, пресса прямо писала, что принятые правительством меры должны ограничиваться выявлением личной ответственности только отдельных членов правительства, но не «турецкой нации». Так, газета «Акшам», разъясняя принимаемые меры, заявляла: «Сегодня правительство исправляет старую ошибку. Мы говорим “правительство”, ибо турецкая нация не несет никакой вины, не совершила никакого преступления, не запятнала себя в прошлом. Поэтому она не должна отчитываться перед великим трибуналом, который сейчас учреждают народы [мира]. Если в недалеком прошлом очаги части наших соотечественников были разрушены, нация не принимала участия в принятии этих решений. Пусть те, кто совершил эти действия, объяснят свои мотивы и попытаются оправдаться, если этого пожелают. Но сейчас, когда происходит исправление, когда предпринимаются усилия для восстановления справедливости, пусть не упоминают имя турецкой нации». Сетую на то, что «сегодня... на турецкую нацию возлагают моральную и материальную ответственность за преступления, совершенные бандами», газета писала: «Наша невинная нация готова доказать, что она не преступница, ибо очень легко выявить авторов этих преступлений». Взваливая всю вину на правительство, газета утверждала, что «во время изгнания армян турки плакали вместе с ними»².

Наиболее полно турецкое правительство изложило свою позицию в опубликованной в начале 1919 г. на английском языке специальной книге «Турецко-ар-

мянский вопрос: турецкая точка зрения». В этом официальном издании прежде всего содержалось, хотя и половинчатое, признание факта массовых истреблений и изгнания армян. Признавалось и то, что для защиты государственных интересов империи не было необходимости в этих насилиях. «Турецкий народ склоняет свою голову перед трагедией армянского народа. Он это делает в печали за армянский народ и в стыде за себя. Он признается в этом и выполняет обязанности, которые возникли в результате этой ситуации».

Ответственность за данное преступление возлагалась целиком и полностью на младотурецких руководителей страны: «Вина организации “Иттихад”, которая разрабатывала и обдуманно осуществляла эту внутреннюю политику истребления и грабежей, очевидна. Его главари попадают в один ряд с самыми большими преступниками человечества»¹. Утверждалось далее, что «за все это все должностные лица, которые действовали как представители организации “Иттихад” в кампании уничтожения и грабежа армян, уже арестованы и преданы суду». И, чтобы не оставалось никаких сомнений, добавлялось: «Одним словом, правосудие в полном ходу».

Публично «осуждая» преступников и выражая «сочувствие» их жертве, турецкое правительство сделало маленькую оговорку, сводящую на нет всю моральную ценность своих широковещательных заявлений. Турецкий народ, говорилось в правительственной публикации, «отвергает какую-либо моральную ответственность, связанную с действиями своих недостойных лидеров, которых он не признает»².

Как видно из четвертого протокола переговоров кемалистов с представителем султанского правительства морским Министром Салих пашой, уже в октябре 1919 г. кемалисты прямо добивались «изменения или аннулирования некоторых султанских ираде относительно... предания ряда офицеров военному суду»³.

В соответствии с «волей Его величества Султана, который намерен наказать убийц без различия расы и религии», по указу Мехмета VI, были созданы военные трибуналы в самом Стамбуле для суда над членами правительства и центрального руководства младотурецкой партии и ее преступных организаций, и в ряде вилайетов — для суда над местными представителями партии, правительства и государственного аппарата.

Учрежденный в Константинополе чрезвычайный военный суд начал свою работу в апреле 1919 г. с разбора дела бывшего мютессарифа Токата Кямиля Махмуд паши, обвинявшегося в участии в зверствах над армянами.

Вслед за этим процессом в конце апреля 1919 г. состоялся суд над целой группой бывших младотурецких деятелей. Среди обвинявшихся в зверствах над армянами и в других преступлениях были бывший Великий визирь Саид Халил паша, председатель сената Халил бей, бывший Министр иностранных дел Халил паша, бывший депутат палаты от Ангоры Атиф бей, бывший Министр юстиции и председатель Государственного совета Ибрагим бей, бывший генеральный секретарь партии «Единение и прогресс» Мидхат Шюкри бей, бывший военный комендант Константинополя Джевад бей, профессор Константинопольского

¹ *Rifat Mevlan Zade*. Türkiye inkilabının iç yüzü. Halep, 1929 (в переводе на арм. яз.). С. 320—322.

² *Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914—1918)*. Réunis et présentés par A. Beylerian. Publications de la Sorbonne. Paris, 1983, № 711. P. 691.

¹ *The Turco-Armenian Question. The Turkish Point of View*. Constantinople, 1919. P. 83—85.

² *Ibid.* P. 83—85.

³ *Кемаль М.* Путь новой Турции. М., 1932. Т. II. С. 58.

университета Зия Гёкальп, бывший Министр продовольствия Кара Кемаль бей, бывший Министр просвещения Ахмед Шюкри бей, бывшие члены Центрального комитета партии Риза бей и Кючюк Талаат бей и др.

Однако в действительности из всех обвиняемых в Стамбуле на скамье подсудимых оказались лишь бывший Великий визирь Саид Халил паша, председатель сената Халил бей, Ахмед Нессими бей, Зия Гёкальп, Мидхат Шюкри бей, Ахмед Шюкри бей, Джевад Кемаль Ибрагим, Юсуф Риза, Атиф и Риза беи. Остальных судили заочно, *in absentia*.

Третий крупный процесс был начат 8 июля 1919 г. По этому процессу были привлечены к ответственности виднейшие иттихадистские деятели во главе с членами правившего триумvirата.

В апреле 1919-го — январе 1920 г. чрезвычайный военный трибунал рассматривал дела ответственных секретарей партии «Единение и прогресс» в провинциях и других должностных лиц, организовавших массовые убийства и грабежи армян в Йозгате, Трапезунде, Харпуте.

В деле по депортациям и резне в санджаке Йозгат перед судом предстали заместитель мютессарифа Йозгата и каймакам Богазлыяна Кемаль бей и командир батальона жандармерии Йозгата Тевфик бей. По делу о депортациях и резне армян в Трапезунде к суду были привлечены начальник управления по сбору налогов Мехмет Али бей; начальник полиции Нури бей; владельцы гостиниц Мустафа эффенди и Ниязи эффенди; каймакам и заместитель начальника жандармерии Талаат бей; начальник службы здравоохранения Али Саиб бей. Кроме того, заочно судили вали (губернатора) Трапезунда Джемала Азми бея, сумевшего к тому времени сбежать. По делу о резне в вилайете Харпут (Харберд) проходили бывший депутат от Дерсима Хаджи Балюс заде Мехмет Нури, бывший начальник службы образования Ферид бей. Заочно к судебной ответственности были привлечены член Центрального комитета партии «Единение и прогресс» и глава «Специальной организации» («Тешкилат-и Махсуссие») д-р Бехаэтдин Шакир бей и ответственный секретарь харпутского отделения партии «Единение и прогресс» Реснели Назым бей.

Весь состав турецких судов, рассматривавших дела по обвинению в геноциде армян, состоял из турок по национальности, имевших высокие воинские звания, поэтому никаких сомнений в отношении объективности к обвиняемым, а тем более в проявлении какого-либо сочувствия к армянам быть не могло. В одном из них председательствовал курд Мустафа паша, прозванный Немвродом по имени легендарного изверга.

Один из пяти пунктов обвинения, предъявленного главарям младотурок, касался депортации и массовой резни армян. Как следует из обвинительного акта от 12 апреля 1919 г., «принимая во внимание собранные... доказательства и свидетельства об участии в резне» обвиняемых — членов Генерального совета партии «Единение и прогресс», бывшего министра внутренних дел и великого визиря Талаата, военного Министра Энвера, морского Министра и командовавшего войсками в Сирии Джемала, членов центрального аппарата преступной партийно-правительственной «Специальной организации» («Тешкилат-и Махсуссие») Бехаэтдина Шакира, д-ра Назыма и Атиф и Риза беев, а также бывшего начальника общей охраны Азиз бея и бывшего коменданта столицы Джевад бея, их дела были переданы в столичный военный суд в Константинополе по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 170 Уголовного кодекса.

Что же касается председателя Генерального совета партии «Единение и прогресс» бывшего великого визиря Саида Халил паши; членов Генерального совета председателя сената Халил бея, Шюкри бея, Ибрагим бея и Ахмеда Нессими бея; генерального секретаря партии Мидхата Шюкри бея; членов Центрального комитета депутата от Константинополя Кемаль бея, д-ра Рузухи, Кючюк Талаата и идеолога пантюркизма Зия Гёкальпа, то они, как отмечалось в обвинительном акте, «хотя непосредственно не участвовали, но все же сознательно содействовали преступлениям и, таким образом, являются соучастниками преступлений, предусмотренных § 2 ст. 45 того же Кодекса, также они являются виновниками преступлений», и на этом основании их дела были направлены в суд.

Благодаря копии протоколов судебного процесса по делу руководителей младотурецкого правительства и членов ЦК партии «Иттихад ве теракки», сохранившейся в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, сегодня весь мир знает, как проходил судебный процесс, какие обвинения были предъявлены и доказаны.

Все судебные процессы, в том числе и над лидерами младотурок, были гласными. Как сообщалось в печати, «плотная толпа хлынула в маленький зал военного трибунала. Турецкие женщины, высокопоставленные чиновники поспешили сюда, чтобы присутствовать на этом процессе».

Вначале устанавливалась личность обвиняемых. Потом зачитывались обвинительные акты. Затем слово предоставлялось прокурору. Далее рассматривался вопрос о компетенции суда. Слово по этому вопросу предоставлялось защите и прокурору. После этого сам трибунал выносил решение. Были соблюдены все процессуальные гарантии. Всех обвиняемых обеспечили защитой. Так, число адвокатов Саида Халил паши и других обвиняемых министров превышало восемнадцать.

В начале судебного процесса Саид Халил паша и другие обвиняемые министры через своих адвокатов поставили вопрос о компетентности суда рассматривать их дела на том основании, что военному трибуналу «не дано право судить высших сановников» государства, что таким правом обладает только Верховный суд.

Стремление обвиняемых и их адвокатов обосновать некомпетентность военных судов на том основании, что инкриминируемые им действия должны рассматриваться не как уголовные, а как политические акты, представляло собой, по сути, первую попытку обращения к доктрине «акта государства», неподсудного суду. Спустя четверть века на это же ссылались гитлеровские преступники и их адвокаты. Турецкий суд отклонил эту апелляцию о некомпетентности на том основании, что ст. 92 Конституционной хартии, на которую они ссылаются, касается только преступлений политического характера, совершенных при исполнении своих обязанностей в качестве министров или членов Совета министров и, согласно оговорке в ст. 33 этой Хартии, министры не пользуются никакими привилегиями в отношении обыкновенных уголовных преступлений, которые ими совершены или участниками которых они являются.

Генеральный прокурор отклонил жалобу на том основании, что подсудимые обвиняются в уголовных преступлениях, рассмотрение которых повсюду находится в компетенции обыкновенных военных судов. В местностях, где объявлено осадное положение, гражданские суды заменяются военными трибуналами¹.

¹ Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е, доп. Док. № 55. С. 255, 567—568.

В данном конкретном случае рассмотрение таких дел, как депортации и присвоение имущества, в соответствии с последними карарнамэ, входит в компетенцию военного суда. Исходя из этого, на специальном заседании трибунала жалоба была признана необоснованной и отклонена. Утверждение уголовного характера преступления геноцида представляет первый в судебной практике прецедент: в оценке актов геноцида как уголовно наказуемых преступлений турецкие суды, можно сказать, предвосхитили и Устав Нюрнбергского трибунала, и Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. И сделали они это, как ни парадоксально, отнюдь не потому, что по-настоящему стремились наказать за это преступление, а, напротив, потому, что, как уже указывалось, стремились сохранить его последствия. Признавая личную уголовную ответственность младотурецких лидеров, суды рассчитывали снять политическую ответственность с самого государства. Руководствуясь политическими соображениями, турецкое правосудие желало придать массовым избиениям армян и их изгнанию не политическое, а уголовное объяснение. Именно поэтому турецкие суды рассматривали дела организаторов и исполнителей массовых убийств и изгнания армян как чисто уголовные действия.

Во всех процессах обвиняемые заявляли о своей невинности и, поддерживаемые своими адвокатами, просили суд оправдать их. Однако в свете представленных доказательств эти просьбы, за редкими исключениями, не были удовлетворены. Так, в приговоре по делу о резне армян в Йозгате, вынесенном военным трибуналом, отмечалось, что «возражения, представленные указанными обвиняемыми и их адвокатами, полностью отвергнуты ввиду наличия исчерпывающих свидетельств и неоспоримых доказательств».

Судили не только физических, но и юридических лиц — партию, Центральный комитет и ее организации: «Имеются доказательства, подтверждающие, что юридическое лицо — Комитет — виновно в совершении ряда избиений, грабежей и беззаконий». При этом указывалось, что Комитет партии «Единение и прогресс» состоял из двух специальных организаций, одна из которых была гласной и выступала официально, другая же «действовала на основе секретных инструкций, будучи структурой секретного характера».

В обвинительном заключении отмечалось, что «ответственность вышеуказанных влиятельных руководителей комитетов установлена» и что «преступления, в которых они обвиняются, подтверждаются приводимыми в обвинении фактами».

Особое внимание обращалось на преднамеренный характер преступления, на тщательный выбор времени и на создание соответствующих политических условий: «...влиятельные члены — Энвер, Джемал и Талаат... пользуясь тем, что внимание в Европе занято мировой войной, пытались решить при помощи грубой силы нерешенные вопросы, которые следовало решать мягко, не торопясь и в соответствии с логической необходимостью». Для осуществления инкриминируемых им преступлений «они втянули Империю в мировую войну, поставив ее с помощью определенных ухищрений перед свершившимся фактом».

Действия обвиняемых носили планомерный характер: были заранее созданы организации, предоставлены материальные средства, продуманы вопросы секретной связи. Об этом в обвинительном акте говорится: «Чтобы осуществить свои секретные планы, они сразу же после военных приготовлений оживили тайную деятельность секретных комитетов. Они создали «Специальную организацию»,

состоявшую из выпущенных из тюрем преступников, которые образовали ядро банд, действовавших по особым инструкциям и приказам. Штабом этой организации руководили начальник общей охраны Азиз бей, Атиф бей и д-р Назым бей, а военный комендант Константинополя Джевад бей утверждал его постановления и приводил их в исполнение. Были розданы большие суммы денег агентам и личному составу, находившемуся в распоряжении указанных лиц, а также переведены деньги в районы их деятельности. Было установлено, в частности, что Бехаэтдин Шакир передал участникам преступления ключи к шифрам, предоставил в их распоряжение значительные суммы денег, автомобили и средства разрушения и таким образом тайно содействовал целям главарей партии «Единение и прогресс». Из обвинительного акта следует, что эти и другие подготовительные меры были проведены для реализации преступного плана уничтожения армянского населения при помощи резни или так называемых депортаций.

Отметив, что от действий партии «Единение и прогресс» и местных партийных организаций «в наибольшей степени пострадали армяне», обвинительный акт делает основной вывод, позволяющий квалифицировать эти действия, выражаясь современной терминологией, как геноцид: «Главное, что вытекает из предпринятого следствия, состоит в том, что преступления, совершенные со времени высылки армян в разные места и в разные периоды, не являются изолированными или локальными действиями. Они были заранее продуманы и осуществлены по распоряжению центрального органа, состоявшего из вышеуказанных лиц, либо посредством секретных приказов и устных инструкций».

В обвинительном акте на основе сохранившихся секретных документов (телеграммы № 59, 67 и 68, ряд других шифрованных телеграмм) подчеркивается, что тайной организацией «Тешкилат-и Махсуссие», специально созданной для осуществления плана уничтожения армян, руководила правившая тогда младотурецкая партия. «Установлено, что организованная главарями «Единения и прогресса» тайная сеть под названием «Тешкилат-и Махсуссие» («Специальная организация») управлялась д-ром Назымом, Бехаэтдином Шакиром, Атиф беем и Риза беем от Центрального правления и Азиз беем, бывшим начальником общей охраны. Бехаэтдин Шакир отправился в Эрзерум, чтобы оттуда управлять силами восточных вилайетов; Риза бей объезжал районы Трапезунда, в то время как Азиз бей, Атиф бей и Назым бей действовали в Константинополе, причем на военного коменданта города Джевад бея было возложено выполнение решений последних».

Обвинения в отношении как отдельных физических лиц, так и юридических, подкреплялись собранными в результате расследования документами и свидетельскими показаниями. Произведенным расследованием было установлено, что «значительная часть документов, принадлежавших «Специальной организации», и все документы и дела Центрального комитета партии были похищены. Основываясь на телеграмме Министерства внутренних дел (серия 31) и свидетельских показаниях, «достойных доверия», отмечалось, что досье с важными сведениями и перепиской, изъятыми из организации бывшим начальником общей охраны Азиз беем перед увольнением Талаата, не были возвращены.

Проведена большая работа по выявлению сохранившихся документов не только в центральных ведомствах, но и на местах. С этой целью были посланы запросы в провинции. Собранные в результате расследования изобличающие документы позволили обосновать обвинения. Следующий отрывок из обвини-

тельного акта по делу лидеров младотурок с соответствующими комментариями обвинения показывает, что обвинения подтверждались документами:

«Тот факт, что резня и зверства в Диарбекире совершались по подстрекательству Талаата, подтверждается шифрованной телеграммой, адресованной губернатором Зора Алди Суад беем упомянутому Талаату...»

Указывалось также, что губернатор Болу Муфид бей отправил 11 сентября 1915 г. шифрованную телеграмму в Министерство внутренних дел, в которой сообщал, что д-р Мидхат бей, ответственный секретарь отделения партии в Бруссе, в бытность свою ответственным секретарем в Болу, отправил телеграмму из Зангры в Болу, с сообщением, что число людей, подлежащих высылке из вилайета Ангоры, достигает 61 тыс. и что высылка эта будет полезна для обеспечения благополучия Болу в будущем. Это, по мнению обвинения, свидетельствовало о том, что высылка из Болу, местности, не входящей в зону военных действий, являлась не военной или полицейской мерой, а прямым осуществлением намерения руководства партии и была внушена Мидхат беем вышестоящей властью.

Приводится текст шифрованной телеграммы губернатора вилайета Эрзерум от 15 июля 1915 г., в которой сообщается об агрессивных действиях «Специальной организации» и некоторых жандармов, состоявших в этой организации, против армян в округах указанного вилайета.

Губернатор вилайета Харпут сообщал, со своей стороны, что все дороги усеяны трупами женщин и детей и что их не удастся похоронить (серия 8, документ 8). Эта телеграмма находилась в деле, заведенном на Талаата, и хранилась в Пятом комитете Парламента. Упомянутая выше шифрованная телеграмма губернатора Зора, подлежащая уничтожению, подтверждается вышеуказанной телеграммой.

Сохранился (в серии 9) текст шифрованной телеграммы от 4 мая 1915 г., которую председатель «Специальной организации» Бехаэтдин Шакир направил вали (губернатору) Харпута для передачи ответственному секретарю отделения партии «Единение и прогресс» в Харпуте Реснели Назым беем. В телеграмме говорилось: «Нельзя ли устранить депортированных оттуда армян? Вы мне дали знать, что жестокие люди мучили их. Уничтожены они или высланы дальше? Брат мой, информируйте нас об этом точно».

В обвинительном акте по делу младотурецких лидеров отмечается, что данный документ подтверждает наличие связи упомянутого Назым бея из Ресне, находившегося тогда в качестве инспектора Центрального комитета партии «Единение и прогресс» в Харпуте, с другими членами партии; кроме того, этот документ свидетельствует о том, что целью «Специальной организации» было истребление армян.

В указанном обвинительном акте имеется ссылка на еще одну телеграмму, которую ответственный секретарь отделения партии в Самсуне Рушди адресовал в Центральный комитет и которая 16 декабря 1915 г. была передана Мидхатом Шюкри беем д-ру Назыму. В этой телеграмме сообщалось об отправке на моторной барже пятой по счету банды, состоявшей из 55 человек под командой Туфан аги, и сообщалось о деятельности «Тешкилат-и Махсуссие» и партийного комитета, которым было поручено организовать банды.

В письме, отправленном 20 ноября 1915 г. инспектором партии «Единение и прогресс» в Балыкесире Мусой на имя Мидхата Шюкри и сообщенном Назыму, указывалось, что Министерство внутренних дел и правящая партия направляли деятельность этих банд.

Из телеграммы, отправленной 20 ноября 1915 г. представителем иттихадистов в Бруссе в Центральный комитет партии «Единение и прогресс», стало известно, что преступники и бандиты были кадрами «Специальной организации».

Установлено, что в начале войны был пущен слух, будто эти бандитские формирования должны принять участие в военных действиях. Обвинение располагало доказательствами и соответствующими документами, из которых следовало, что в действительности эти банды предназначались для резни и истребления высланных армян¹.

Тот факт, что убийства совершались по приказу и с ведома Талаата, Джемала и Энвера, подтверждался шифрованной телеграммой, адресованной мутессарифам Диабеккира, Харпута, Урфы и Дейр эз-Зора и содержавшей приказ зарывать оставленные на дорогах трупы, а не бросать их в овраги и реки, а также сжигать вещи, брошенные депортированными в пути. В другой телеграмме с пометкой «срочно» и «лично», отправленной 1 июля 1915 г. командиром 4-го армейского корпуса Джемалом на имя вали Диарбекира, говорилось, что трупы, которые воды Евфрата несли к югу, вероятно, являются телами армян, «упавших» в реку во время восстания (?). При этом предписывалось закапывать их на месте, не оставляя ни одного трупа непогребенным. В ответной шифрованной телеграмме с пометкой «лично» Джемалу говорилось: «Евфрат мало связан с нашим вилайетом. Трупы прибывают, вероятно, со стороны вилайетов Эрзерум и Харпут. Тех, которые умирают здесь, бросают или в глубокие заброшенные пещеры, или, как это делается чаще всего, сжигают. Их редко закапывают». Бывший губернатор Дейр эз-Зора Али Суад бей, информируя о судьбе армян, отправленных в этот округ, сообщал, что он слышал от Агиях бея, бывшего сотрудника «Тасфири эфкяр» и бывшего редактора телеграфного агентства в Алеппо, что на слова, адресованные губернатору Дейр эз-Зора Салиху Зеки беем: «Про тебя говорят, что ты истребил десять тысяч армян», губернатор ответил Агиях беем: «Я имел честь. Я не удовлетворился десятью тысячами, бери выше. Вот так!»

В приказе губернатора Харпута, переданном шифрованной телеграммой губернатору Малатии, говорилось: «Несмотря на повторные приказания, на дорогах все еще остается большое количество трупов. Нет надобности объяснять, какие неприятности могут возникнуть из-за этого. Министерство внутренних дел дало знать, что чиновники, пренебрегающие этим приказом, будут строго наказаны и что все трупы, находящиеся в пределах вашей территории, должны быть тщательно закопаны. Необходимо поручить это дело достаточному числу жандармов и чиновников, направив их немедленно по всем направлениям».

Телеграмма, подписанная командиром 3-го армейского корпуса Махмудом Кямилем, предупреждала, что всякий мусульманин, который попытается защитить хоть одного армянина, будет повешен перед своим жилищем, а дом его будет сожжен.

В приговоре по делу об избиениях в вилайете Харпут отмечалось, что среди документов, составляющих досье членов ЦК «Единение и прогресс», находится шифрованная телеграмма вали Эрзерума Мюнир бея, в которой отмечается: «Караван, состоящий из богатых лиц, насильственно высланных из Эрзерума, подвергся нападению банд (чете) Бехаэтдина Шакир бея, а также отрядов из Дерсима и таким образом уничтожен, а имущество разграблено».

¹ Takvimi Vekayi, 12.IV.1919, № 3604.

В деле младотурецких лидеров, как и в других делах, имелся ряд свидетельских показаний турецких государственных деятелей о резне армян. Так, в деле лидеров имеется показание бывшего депутата от Трапезунда Хафиза Мехмет бей, «касающееся деталей потопления в Черном море армян, посаженных на суда», где говорится, что, когда весть об этой трагедии дошла до Талаата, против губернатора Джемала Азми не было принято никаких мер. Это, по мнению обвинения, «усиливает степень виновности Талаат бей».

Имелось также письменное показание Джемала Ассаф бей о том, каким образом часть высланных армян была убита бандой курда Ало, сформированной бывшим ответственным представителем партии в Гангры Джемалом Огуз беем. В деле имелись также «обстоятельные сведения» полковника Халила Реджеб бей, согласно которым члены Центрального комитета партии Мехмет Шевкет бей и его брат Рефет бей во время изгнания армян из Аданы «нажили себе там состояние». В обвинительном акте отмечалось, что «эти сведения, содержащие детали высылки [армян] из Ангоры, указывают на степень виновности ответственного представителя комитета Неджати бей и на деятельность бывшего начальника полиции этого вилайета Бехаэтдин бей из Монастыря, игравшего видную роль в этих делах». В показаниях полковника Халила Реджеб бей приводились «фамилии свидетелей, которые в состоянии дать соответствующие показания».

Губернатор вилайета Кастамону Решид паша заявил (серия 2, с. 13), что он получил шифрованную телеграмму от Бехаэтдина Шакир бей о необходимости депортации армянского населения и о действиях Хасана Фехми эффенди, ответственного секретаря партии «Единение и прогресс» в этой провинции. На заседании ЦК этой партии он подал председателю Талаат бей докладную записку, в которой сообщал о зверствах, совершенных в провинции в отношении армян, и требовал расследования действий всех ответственных секретарей партии, а также д-ра Решиды, Джемала Азми, Сабита, Моаммера Атифа и начальника тюрьмы Ибрагим бей. Талаат проигнорировал эту записку, приобшив ее к «делу». Он заявил ему в спортивном клубе в Смирне: «Я поступил бы со здешними так же, как и с прочими».

При слушании дела младотурецких лидеров и дела об избиениях в вилайете Харпут ссылались на свидетельство командующего северной группой войск турецкой армии, а позже — Кавказского фронта генерала Вехиб паши о том, что резня и истребление армян, равно как и ограбление и захват их имущества, были преднамеренными акциями и совершались для достижения заранее поставленной цели в соответствии с решением Центрального комитета партии «Единение и прогресс» и что в районе расположения его армии живодерами в человеческом облике руководил сам Бехаэтдин Шакир¹.

¹ Когда весной 1916 г. командующий северной группой войск генерал Вехиб прибыл к месту назначения, он обнаружил, что в провинции уже нет армянского населения. Он выявил и повесил одного из исполнителей резни. Установив, что резня совершена по приказу губернатора Сиваса, он попытался арестовать и губернатора. За это Талаат снял Вехиб пашу с поста командующего. В письменном показании, представленном следствию 5 декабря 1918 г., генерал Вехиб свидетельствовал: «Резня и уничтожение армянского населения и ограбление их имущества совершались по приказу младотурок». В показаниях Вехиб использовал турецкое слово, означающее «умысел» или «преднамеренность». На суде в Трапезунде эти показания были оглашены 29 марта 1919 г., на суде в Харпите этот документ был подшит к материалам слушания.

Следствие располагало документами и свидетельствами о реакции правительства на несогласие губернатора вилайета Кония Джемал бей с директивами в отношении армян. В обвинительном акте при изложении содержания этих документов и свидетельств отмечается: «Так как упомянутый губернатор защищал армян Конии, депутат Али Риза эффенди был послан д-ром Назымом, чтобы порекомендовать ему не упорствовать в этом вопросе, который был заранее основательно проработан и решен в центральном аппарате. Когда же Джемал бей заявил в Константинополе Талаату и Назыму о неуместности депортации, они ответили, что убеждены в ее необходимости и пользе. Д-р Назым бей договорился до того, что заявил, что эта мера решит восточный вопрос».

Следствие располагало также аналогичными показаниями других должностных лиц, которые свидетельствовали, что правительство смешало с занимаемых должностей или физически устраняло всех, кто проявлял колебания в проведении предписаний правительства в отношении армян, не выполняя приказы об уничтожении женщин, детей, стариков. В частности, следствие располагало показаниями, что губернатор Ангоры «был смещен, потому что не выполнил приказа о высылке и истреблении» и что двух своих помощников губернатор Диарбекира «велел убить, потому что они не согласились учинить зверскую расправу над арабами и выслать их»¹.

В судебном деле имелось заявление генерального директора по доходам Министерства финансов о зверствах в Трапезунде, о тех, кто их совершал, и, в частности, об ответственном секретаре младотурецкой партии в этой провинции Навил бее.

В материалах по делу лидеров младотурок и по делу об избиениях в вилайете Харберт фигурировало заявление мютессарифа Анталы Сабюра Сами бей, который показал, что из Эрзерума им была получена шифрованная телеграмма Бехаэтдина Шакира следующего содержания: «Армяне из районов Эрзерума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Сиваса и Трапезунда высланы в районы Мосула и Дейр эз-Зора. Что делаете вы в вашей области?» Копию этого телеграфного запроса мютессариф послал Талаату, но ответа не последовало.

В деле содержались сведения о депортации армян из Ангоры, полученные, в частности, от ответственного секретаря партии в этой провинции Неджати бей. Показания в суде в качестве свидетеля давал и бывший министр юстиции Саид Молла бей.

Французские, а также армянские источники сообщали, что 27 января 1919 г. показания в военном трибунале в качестве свидетеля давал и генерал Мустафа Кемаль². «Наши соотечественники совершили ужасные преступления, прибега-

¹ Каймакам Лисе, как свидетельствует его сын Абиндин Несими, запросил у губернатора Диарбекира д-ра Решиды письменный приказ относительно резни армян. Он был незамедлительно смещен, отозван в Диарбекир и убит по дороге. По приказу этого же губернатора был убит и каймакам Мидята, потому что он воспротивился резне в своем округе. Такая же участь постигла губернатора Басры Фериды, каймакама Мюнтефака Беди Нури, заместителя каймакама Бешира Сабида, журналиста Исмаила Мештана. «Причина совершенно очевидна, — указывает турецкий исследователь Танер Акчам. — Не было иного выбора, кроме как уничтожить администраторов, которые выступали против геноцида». — *Taner Akçam. Dialogue Across an International Divide: Essays Towards a Turkish — Armenian dialogue*. Zoryan Institute. Toronto. 2001. P. 63.

² *Véou P. du. Le désastre d'Alexandrette*. Paris, 1938. P. 121—122.

ли ко всем мыслимым формам деспотизма, организовали депортации и истребления, сжигали живьем облитых керосином младенцев, насиловали женщин и девушек на глазах родителей, захватили их движимое и недвижимое имущество, обрекли на ужасные условия в Месопотамии, обращаясь с ними в пути бесчеловечно... Они поставили армян в такие невыносимые условия, каких не знал ни один народ во всей истории»¹. Позднее, в 1926 г., в интервью, данном газете «Лос-Анжелес экзаминар» в связи с организованным против него младотурецким заговором, Президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль, говоря о необходимости «уничтожить» всех иттихадистов, сказал: «Из-за достойной сожаления политики этой партии был уничтожен и выслан один миллион христиан».

Судебный процесс над бывшими деятелями младотурецкой партии и правительства, начатый в Стамбуле в январе 1919 г., завершился 16 июня того же года.

Представленные трибуналу письменные показания высших должностных лиц, шифрованные телеграммы, приказы о депортации, письма и другие документы, которые исходили от руководителей партии «Единение и прогресс», свидетельствовали о преступном заговоре с целью физического уничтожения армянского населения и подтверждали прямое участие в организации и осуществлении этого преступления Военного министерства, Министерства внутренних дел, органов безопасности, полиции и армии. Доказательства были столь очевидны, что ни один голос не был поднят в защиту обвиняемых.

После длительного судебного разбирательства военный трибунал Стамбула 6 июля 1919 г. вынес решение: за вовлечение Турции в мировую войну и организацию массовой депортации и резни армян заочно приговорить к смертной казни главных преступников — бывшего Великого визиря и Министра внутренних дел Талаата, военного Министра Энвера, члена правившего триумvirата и командующего войсками в Сирии Джемала, министра просвещения и генерального секретаря младотурецкой партии Назыма.

Один из основателей младотурецкой партии Решид бей, специально назначенный на время истребления армян на пост губернатора Диарбекира, а также бывший Министр финансов Джавид, Мустафа Шереф и даже сам шейх-уль-ислам Муса Кязим были приговорены к 15 годам тюремного заключения.

Приговор военного трибунала по делу об убийствах армян в санджаке Йозгат был вынесен 8 апреля 1919 г. «после исчерпывающего рассмотрения всех заявлений и документов дела».

Рассматривая обвинения в отношении каймакама Богазлыяна Кемаль бея и командира батальона жандармерии Йозгата Тевфик бея, трибунал установил не только факт ограбления ими депортированных армян, но и то, что они в соответствии с заранее принятым решением лишили депортируемых возможности самозащиты. «Таким образом, — говорилось в приговоре суда, — действия обвиняемых были первопричиной убийств, ограблений и изнасилований, что абсолютно несовместимо с представлениями цивилизованного человечества». Этот вывод, как отмечалось в приговоре, подкреплялся «убедительными заявлениями многочисленных свидетелей, содержанием официальных телеграфных переговоров, как и ответов самих обвиняемых, которые не противоречили свидетель-

¹ *Véou P. du. La Passion de la Cilicie, 1919—1922. Paris, 1954. P. 54, Paris. 1937. P. 121—122; Ternon Y. La cause arménienne. Paris. 1983; Jeune Afrique. Novembre 1983. P. 95.*

ским показаниям».

Суд отверг попытки обвиняемых оправдать свои действия мнимым бунтом или мятежом армян. В приговоре по делу об убийствах армян в Йозгате говорится: «...обвиняемые и их адвокаты утверждали, что в районах, где происходили военные операции, и конкретно на территориях противника или в оккупированных им районах некоторые армяне по подстрекательству определенных революционных комитетов участвовали в восстании».

Реакция турецкого военного трибунала на этот «аргумент» примечательна не только с фактической, но и с правовой точки зрения. Суд установил, что этот довод обвиняемых и их адвокатов «не может служить доказательством того, что их соотечественники, населяющие другие оттоманские территории, вели себя не лояльно. Только незначительная часть армянской нации приняла участие в имевших место время от времени подстрекательствах к мятежу. Другие армяне часто проявляли свою лояльность».

Указав, в частности, что Кемаль бей в оправдание своих действий утверждал, будто армяне позволили себе проявлять враждебность в отношении мусульман в Эрзеруме, Ване и Битлисе, суд в вынесенном им приговоре прямо признал, что «ответственность за эти акты не может ни юридически, ни морально быть возложена на армян, проживающих в Йозгате, которые никак не участвовали в серьезных революционных выступлениях». Более того, суд счел, что Кемаль, приведя этот аргумент, тем самым «выразил свое стремление мстить и свою личную ненависть». Суд вменил ему в вину ведение пропаганды этих идей не только среди населения санджака, но и «всех мусульман вообще».

Рассмотрев все обстоятельства дела в связи с резней в санджаке Йозгат, военный трибунал установил, что Кемаль бей и Тевфик бей участвовали в заговоре, и признал каждого из них виновным в совершении уголовного преступления. Кемаль был приговорен к смертной казни, а Тевфик бей — к 15 годам каторжных работ.

Приговор по делу о депортациях и убийствах армян в вилайете Трапезунд был вынесен 22 мая 1919 г. В ходе судебного процесса по этому делу было установлено, что обвиняемый вали Трапезунда Джемал Азми бей давал секретные директивы о резне армян, а секретарь партии «Единение и прогресс» в этом вилайете Наил бей участвовал вместе с ним в выполнении этих секретных инструкций. Было также установлено, что они осуществляли меры по уничтожению армян под видом исполнения законов о депортации. Включая в состав конвоев, сопровождавших колонны депортируемых, уголовных преступников и жандармов, готовых сотрудничать с ними, Азми бей лишал депортируемых армян защиты. Как только караваны удалялись на достаточное расстояние от города, в безлюдных местах мужчин и женщин отделяли друг от друга. Затем группы бандитов, состоявшие из лиц этой же категории, нападали на армян. Мужчин грабили, пытали и убивали; женщин уводили в другие места и там, отобрав у них украшения, деньги и одежду, насиловали. Затем они заставляли караваны идти месяцами по таким маршрутам, которые окончательно изнуряли депортированных. Таким образом, большое число депортируемых армян умирало от голода, жажды и истощения.

Во многих местах женщин и даже девочек собирали в группы, грузили на баржи под предлогом транспортировки морем, а когда баржи оказывались в открытом море за пределами видимости с берега, этих женщин и детей бросали в море и топили.

Изучив имевшиеся материалы, суд пришел к выводу, что осуществление всех этих преступлений с ограблениями и убийствами было предусмотрено решениями, принятыми заранее не в самом Трапезунде, а за его пределами.

Было установлено также непосредственное участие полиции и жандармерии на всех уровнях, от конвоев до вилайетского начальства, в ограблении армян. Начальник полиции вилайета Трапезунд Нури эффенди «не препятствовал полицейским и жандармам увозить женщин и детей на баржах с целью топить их в море»¹.

Суд приговорил заочно вали Трапезунда Джемала Азми и партийного секретаря вилайета Наила к смертной казни и конфискации их имущества, а других обвиняемых — к разным срокам тюремного заключения: Мехмета Али — к 10 годам, Мустафу и Нури — к 1 году тюрьмы.

В приговоре, вынесенном 13 января 1920 г. военным трибуналом по делу о резне в вилайете Харпут, говорится, что д-р Бехаэтдин Шакир, член ЦК партии «Единение и прогресс», в качестве руководителя «Специальной организации», состоявшей из банд чете (нерегулярных войск и освобожденных из тюрем уголовников), «был автором трагических актов групповых убийств и ограблений, совершенных в разное время и в разных местах во время депортации армян». Осуществляя «свои гнусные проекты», он «действовал сознательно и одобрял действия тех, кому давал поручения устно, либо посредством зашифрованной корреспонденции; для уничтожения армян он использовал членов местного отделения «Специальной организации»².

«Глубоко» и «исчерпывающим образом» изучив заявления и документы «в соответствии с требованиями закона», суд установил, что член Центрального комитета партии «Единение и прогресс» д-р Бехаэтдин Шакир направился в Трапезунд, Эрзерум и в другие вилайеты в качестве руководителя «Специальной организации» и, приняв руководство этими бандами чете, осуществил свои «чудовищные планы», совершая «при депортации армян групповые убийства и ограбления в разное время и в различных местах». Для уничтожения армян он использовал членов «Специальной организации», которые выполняли его устные или зашифрованные указания в силу «слепой веры или неведения, либо движимые ненавистью или стремлением к наживе».

В приговоре по этому делу отмечалось также, что, помимо изложенных в нем документов и показаний других свидетелей, в судебном деле имеются «дополнительные доказательства» виновности Бехаэтдина Шакира и его сообщников в «совершении вмененных им действий».

Бехаэтдин Шакир был приговорен к смертной казни заочно, а другой обвиняемый, Реснели Назым, — к 15 годам каторжных работ.

Остальные подсудимые были освобождены за отсутствием доказательств их вины, в том числе Мехмет Нури, который, согласно показаниям свидетелей, «спас жизни» многих жителей деревни Холеванк, пряча их в своем поместье, несмотря (как отметил суд) на риск быть приговоренным к смертной казни в соответствии с постановлением правительства.

¹ См. Постановление военного трибунала от 22 мая 1919 г.

² Takvim-i Vakayi, 1919—1920. Французский перевод приговора см.: Carzou J. M. Un génocide éxemplaire: Arménie. 1915. Annexes. P. 236—246. Русский текст см.: Геноцид армян в Османской империи. Док. № 256. С. 572—575.

В заключение следовало бы указать, что были признаны виновными в физическом уничтожении армян правящая младотурецкая партия «Единение и прогресс» и ее Центральный комитет. В обвинительном акте от 12 апреля 1919 г. говорится: «Имеются доказательства, подтверждающие, что Комитет в качестве юридического лица виновен в совершении целой серии избиений и злоупотреблений и что таким образом ответственность указанных влиятельных руководителей этого Комитета установлена».

Преступной была признана и организация, созданная для физического уничтожения армян — «Специальная организация», состоявшая из банд, «действовавших по особым приказам и заданиям».

Политической ролью турецкой Фемиды объясняется тот парадоксальный факт, что Талаат и другие главные организаторы геноцида армян были признаны виновными и приговорены к смертной казни *in absentia* — после того, как они бежали либо за границу, либо в Анатолию, где осуществлялась перегруппировка сил турецких националистов, причастных к геноциду армян.

Давая оценку судебных процессов в Константинополе, новый британский Верховный комиссар Г. Румболд сказал, что судебное разбирательство проводилось все время с торможением и почти всегда оно было неискренним. В подтверждение он сослался на материалы судопроизводства, показывающие, что «только два человека, занимавших весьма низкое положение», были приговорены к высшей мере наказания¹.

Приговоры, вынесенные турецкими военными трибуналами, не были обеспечены исполнением. Не была проявлена необходимая настойчивость, чтобы добиться экстрадиции организаторов и исполнителей преступления не только со стороны турецкого правительства², но и со стороны победивших в войне Союзных держав Антанты. Когда Великий визирь Дамад Ферид, стремясь снять обвинения в заранее разработанной политической инсценировке правосудия, обратился к Союзным державам с просьбой принудить Германию к экстрадиции Энвера, Талаата и Джемала, они не вняли его призыву³.

Объясняя отношение западных держав к просьбе турецкого правительства об экстрадиции турецких лидеров, авторитетный исследователь процесса формирования международно-правовой ответственности нацистских руководителей Германии за совершенные ими преступления Джеймс Виллис отмечает два взаимосвязанных фактора.

Один из них — скептицизм в отношении турецкого правосудия. «...Британцы, — пишет Виллис, — никогда не считали возможным принять эти разочаро-

¹ Rumbold to Curzon, 27 April 1921. Turkey: Annual Report, 1920. FO 371/6469 (E 5233/1/44), Confidential Print 11705.

² 9 декабря 1918 г. оттоманское посольство в Берлине потребовало от германского правительства выдачи Талаата, Бехаэтдина Шакира, Назыма и некоторых других членов прежних иттихадистских кабинетов для предания их суду. Германское правительство отказало в экстрадиции нашедших там убежище младотурецких руководителей на том основании, что они политические, а не уголовные преступники. Разрыв отношений между Германией и Оттоманской империей 24 декабря 1918 г. положил конец дипломатическим переговорам по этому вопросу.

³ Damad Ferid to Clemenceau, 30 June 1919. — FO 371/4174 (98910/1270/44); The New York Times, 16 July 1919. P. 1; Helmreich. From Paris to Sevres. P. 109—110.

ывающие результаты как завершающие и планировали организацию судебного преследования от имени Союзных держав»¹.

Для такого скептицизма у них были все основания. После отставки правительства Дамада Фериды новое правительство стало еще более открыто вести дело к соглашательству с кемалистами, большая часть которых непосредственно участвовала в геноциде армян и считала суд предательством национальных интересов. Оно даже арестовало четырех членов главного военного трибунала по обвинению «в нарушении юридической процедуры»².

Другой основной фактор заключался в том, что тогда Союзные державы еще надеялись на урегулирование отношений между Арменией и Турцией в рамках послевоенного устройства мира и не хотели способствовать подмене ответственности турецкого государства фарсом правосудия: «Турция должна была платить за преступления младотурок через мирное урегулирование»³.

7. Дело Киркора Гулгуляна в российском суде присяжных (1899)

Дела, рассматривавшиеся в иностранных судах, возникали в связи с отказом в правосудии вначале на «национальном» уровне (в рамках Османской империи), а после и на международном (в результате разрушения системы послевоенного устройства мира усилиями советского правительства России).

Отказ в правосудии естественно порождает феномен самосуда: жертвы геноцида стали сами наказывать организаторов и исполнителей преступления.

В нормальных условиях самосуд не может быть и не является субститутом правосудия. Последнее является функцией судебных органов — международных и национальных. Как оценивалась практика самосуда в условиях отказа в правосудии? Ответ можно найти в решениях судов по делам армян, совершавших убийства тех, кто организовал геноцид армянского населения. Для этого достаточно сравнить решения трех разных судов — России, Германии и Франции, охватывающие три различных периода истории геноцида армян.

Малоизвестное дело Киркора Гулгуляна, рассматривавшееся Симферопольским окружным судом с участием присяжных заседателей 22 сентября 1899 г., представляет интерес тем, что содержит оценку, данную российским судом событиям начальной стадии геноцида⁴.

Турецкая судебная система изначально была частью государственного аппарата Османской империи, задействованного в реализации политики геноцида армян. В условиях организованного турецким государством массового террора, возведенных в политическую систему насилий и убийств армян, их массового ограбления роль турецкого суда состояла в том, чтобы отказом в правосудии вынудить армянское население к массовой эмиграции со своей родины.

¹ Willis J.F. Prologue to Nuremberg. The politics and diplomacy of punishing war criminals of the First World War. Greenwood Press (Westport, Connecticut — London, England). 1982. P. 156.

² Rumbold to Curzon, 31 December 1920. Documents on British Foreign Policy. First series. Vol. 13. P. 213—214.

³ Ibid.

⁴ Материалы этого дела, относящиеся к Разделу IV Сборника документов, были обнаружены уже после выхода 1-го тома и поэтому публикуются в разделе «Документы. Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника».

Турецкоподданный армянин из Байбурты Киркор Манук Абаджи Гулгулян обвинялся в том, что он 29 апреля 1899 г. убил турецкого подданного турка Хассана, сына Батана, Милий оглы.

Обвиняемого защищал известный русский адвокат Н.П. Карабчевский. Защита строилась на том, что турок, убитый Гулгуляном, был непосредственным участником массовой резни армян в Байбурте в 1896 г.

Присяжный поверенный показал, что дело Гулгуляна должно рассматриваться в контексте имевших место событий — резни в Байбурте как части организованного правительством арменоцида: «Суд отказал мне в праве ссылаться на специальные исторические сочинения по вопросу об армянской резне в Турции в 1894—1896 годах. Я вынужден подчиниться такому распоряжению суда, хотя, да простится мне, никак не могу взять в толк, каким образом именно этим путем может быть достигнуто “неизращение судебной перспективы”».

«Когда у нас вводилось гласное и публичное судопроизводство, — продолжал адвокат, — мы, конечно, ликовали не от усиления уголовной репрессии, а от ожидания того, что только при таких условиях суд сумеет и сможет ярко осветить истинным правосудным светом не только верхушку печального явления, но и самую почву, на которой оно выросло. Всякое иное освещение общественного явления (каким всегда является преступление) представляется освещением искусственным, и тогда действительно может идти речь о перспективах... и об их извращении. Возьмем настоящее дело. При искусственном или малом освещении его оно кажется только происшествием фантастичным и романтическим, даже маловероятным. Кровавое преступление Киркора Гулгуляна, неожиданное, быстрое, дерзкое, совершенное на улице, словно сиянием молнии среди абсолютной тьмы ярко освещает только маленькую, невзрачную одинокую фигурку какого-то неведомого нам человека. Но разве при том же мимолетном освещении мы не разглядели ничего больше? Разве мы не увидели, что эта человеческая фигурка стоит над пропастью, вырытой веками, пропастью, почти бездонной... Ужели это не должно привлечь нашего внимания? Ужели мы можем пройти мимо явления исторического характера, не пояснив себе даже его значения, не попытавшись даже понять его как отдельное звено в общей цепи человеческих страданий, именуемой дипломатично и кратко историей: положение армян в Турции. Мы вместе с христианином армянином и турецким подданным Киркором Гулгуляном, обвиняемым в преднамеренном, из мести, убийстве мусульманина, природного турка из Малой Азии Хассана Милий оглы, стоим на самом краю исторической пропасти и не можем не заглянуть в нее...»¹

Раскрывая историческую основу политики резни армян, адвокат подзащитного отметил, что «в состав Османской империи, со времени вторжения турок в Европу, вошли многие народности, исповедующие христианскую религию, ставшие по отношению к завоевателям-победителям побежденными. Таковы: греки, сербы, болгары, босняки и армяне *par excellence*, ибо Малая Азия с Арменией во власти турок уже шесть веков. <...>

¹ Защитительная речь Н. Карабчевского в Симферопольском суде по делу Киркора Гулгуляна, обвиненного в убийстве турка — участника резни армян в турецком городе Байбурте и оправданном судом после слушания дела. (См. «Документы. Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника». Док. № 1, или *Карабчевский Н.П.* Около правосудия: Статьи, речи, очерки / Сост. И.В. Потапчук. Тула, 2001. С. 339—349.)

Status quo азиатской культуры, фанатизм ислама, деспотический образ правления, во главе которого стоит султан-калиф, т.е. глава мусульманской церкви, причем на знамени пророка ревнивые хранители заветов Магомета до сих пор не прочь читать «смерть гяурам», создали то, нечто особенное, маловероятное с точки зрения европейской культуры, с чем целая Европа, ради политических соображений, терпеливо считается, однако, уже многие века. <...>

Из числа подвластных Турции христианских народов больше и безнадежнее всех ей подвластен армянский народ. У подножия его ветхозаветного Арарата, в некогда цветущей Армении, он стоически претерпевал и претерпевает все унижения рабства. Привязанный к своей родине упрямым инстинктом земледельца, крепкий чистотой семейных уз и духовных начал, привитых ему христианством, каковое, как народ, он первый же и воспринял, армянский народ, подвластный туркам, в мирных добродетелях черпал неистощимый запас терпения».

Перейдя к событиям, непосредственно предшествовавшим резне, в которой активно участвовал убитый турок, адвокат сказал:

«Затем, в 1894, 1895 и 1896 годах, как раз в то время, когда, после шестнадцати лет бесплодного ожидания, стали торопить Турцию с реформами для армянских провинций, которые желала облагодетельствовать Европа, совершилось нечто столь дикое и неслыханное, чему не хотели сперва верить и чему с содроганием вынуждены были наконец поверить. Я говорю о массовых избиениях армян в Сассуне (1894), а затем последовательно и во всех округах Малой Азии, наконец, и в самом Константинополе.

Избиение в городе Байбурте, родине Киркора Гулгуляна, где от ударов убитого им здесь Хассана Милий оглы пали его отец и два брата, совершилось 27 октября 1895 года. По официальным данным (донесения консулов, английская «Синяя» и французская «Желтая» книги и т. п.), установлено, что в Байбурте все армяне мужского пола были перебиты или заключены в тюрьму. Эти данные вполне совпадают с тем, что мы слышали здесь. Разграблено было четыреста домов, число убитых достигало тысячи. В окрестностях Байбурта совершенно разграблено и разрушено сто шестьдесят пять деревень. <...>

По сведениям, собранным представителями великих держав, до начала 1896 года в Малой Азии убито 37 085 душ, разорено и сожжено домов 39 749, насильственно обращено в магометанство 40 950 человек, пущено по миру 290 300 человек... Но самой ужасной стороной этого исторического события явилось то, что вся эта резня оказалась, по-видимому, не случайным взрывом племенной или религиозной вражды, а прямо-таки организованным, систематическим массовым избиением армян на пространстве всей Малой Азии. Это был по-своему изготовленный Востоком суррогат так долго и терпеливо ожидаемых Европой реформ для Армении.

Вот на какой исторической почве выросло событие, которое вы неожиданно призваны рассудить сегодня...»

Адвокат показал, что как политика турецкого правительства по истреблению армян, так и участие в этом турка Хассана были преступлением, совершенным преднамеренно:

«Где-то, не так далеко от нас, на территории Блистательной Порты, всего три с половиной года назад, не в кровавой глубине прошедших веков, среди мирных жителей городских кварталов, населенных армянами, невозбранно и безнаказанно носятся шайки вооруженных людей — турок. Они грабят и превращают живых

людей в трупы. Никто не в состоянии дать себе надлежащего отчета в том, что происходит. В городе есть войско, есть стражи полицейские, но они сначала бездействуют, а затем смешиваются с разбойничьими шайками и «усмиряют» собственными ударами тех из армян, которые пытаются спастись. Целый день идет резня.

Отдельные шайки вооруженных турок, под предводительством наиболее видных по своему служебному или общественному положению лиц города Байбурта и его уезда, перерывают до основания каждый армянский дом, извлекают из него все ценности, набивают ими себе карманы, предоставляя черни грабить остальное. Скрывшихся в домах армян безжалостно извлекают из их похоронок, выволакивают за ноги на улицы и тут же убивают на глазах обезумевших от ужаса женщин и детей.

Во главе одной из таких неистовствующих банд носится по городу Хассан Милий оглы, убитый в Симферополе 29 апреля 1899 года ударом кинжала армянина Киркора Гулгуляна. Этот Хассан, по словам бежавших во время резни армян, «порезал» много армян, в том числе несколько семейств очень богатых людей, деньгами которых завладел. В числе других мирных армян он собственноручно зарезал Манука Гулгуляна, старика, отца подсудимого, и двух его братьев, Саркиза и Хагадура»¹.

Спустя три года после резни армян в Байбурте Киркор Гулгулян и Хассан Милий оглы случайно встретились в Симферополе. Гулгулян — один из сотен тысяч беженцев, покинувших свою родину, спасая свою жизнь. Турок Хассан прибыл в Россию как ростовщик для сбора дани с армян, у которых оставались родственники в Байбурте.

Не считаясь с тем, что Хассана сопровождали пять человек, Гулгулян бросился на него и заколол кинжалом. Это было преднамеренное убийство, предусмотренное ч. 3, ст. 1453 российского Уложения о наказаниях.

Суд должен был решить, подпадает ли убийство турка Хассана под действие этой статьи. «Теперь, — сказал адвокат в заключение, — остается еще один вопрос: виновен ли Киркор Гулгулян? Русские законы, в том числе и тяжкая статья уголовного закона, карающего за преднамеренное убийство, рассчитаны вообще на людские отношения, нормируемые законами. Вы знаете, из какой пучины бесправия и беззакония вынырнул несчастный Гулгулян. Убийца его отца и братьев, которого он увидел теперь перед собой, не подлежал и не мог подлежать никакому законному возмездию. Стало быть, несчастному оставалось бы только «забыть» о том, что его старик отец и два брата на его же глазах безжалостно зарезаны Хассаном. Но разве это забыть возможно? Разве подобные вещи забываются? От человека мы вправе требовать лишь человеческого. Забыть, простить Хассану мог бы разве «сверхчеловек». Не ищите его в несчастном, жалком Гулгуляне. Ваш суд также только суд человеческий. Что сверх человека, то уже Божье, и нам остается только посторониться... Посторонимся!»²

После двух минут совещания присяжные заседатели вынесли подсудимому оправдательный приговор.

¹ Защитительная речь Н. Карабчевского... С. 1 / Документы. Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника. Док. № 1.

² Док. № 1. *Карабчевский Н.П.* Около правосудия: Статьи, речи, очерки. С. 339—349.

8. Судебный процесс по делу об убийстве Талаата в Германии¹

Безнаказанность организаторов и исполнителей «окончательного решения» в виде полного и повсеместного физического уничтожения армянского народа придавала «отказу в правосудии» особый смысл и значение.

Циничный вызов турецких националистов, аннулировавших приговоры турецких же судов и добившихся в результате политического давления освобождения интернированных на Мальте палачей армянского народа, в сочетании с провалом обещанного Союзными и Объединившимися державами правосудия как части послевоенного урегулирования Армянского вопроса убедили армян-жертв геноцида в том, что международное сообщество не способно обеспечить реализацию признанной им ответственности Турции как государства и турок как физических лиц за совершенное преступление против человечности. Отказ в правосудии привел к появлению плеяды «народных мстителей», совершавших индивидуальные акты самосуда.

Решения турецких судов, вынесших смертные приговоры Талаату и другим организаторам поголовной резни армян, и приговоры, которые должен был вынести международный трибунал, если бы он был создан, были приведены в исполнение армянскими мстителями, осуществлявшими функцию возмездия в странах, которые предоставили убежище палачам.

За исключением Решат бея, покончившего с собой, возмездие настигло Многих высокопоставленных преступников: Министр внутренних дел, а потом великий визирь, Талаат был убит в Берлине 15 марта 1921 г.; Великий визирь Саид Халим убит в Риме 6 декабря 1921 г.; один из активных организаторов геноцида армян Бехаэтдин Шакир и вали Трапезунда Джемал Азми — в Берлине 17 апреля 1922 г.; член правившего триумвирата Джемал — в Тифлисе 25 июня 1922 г. Военный министр генерал Энвер, продолжавший свою пантюркистскую деятельность вначале в Азербайджане (где под видом «трудящегося Востока» участвовал в работе «Съезда народов Востока» в Баку), а потом в Средней Азии (где он, возглавив басмачей, провозгласил «Турецкую республику Средней Азии»), был убит 4 августа 1922 г. советским военнослужащим армянского происхождения при попытке перейти в Афганистан. Только «доктор» Назым был вторично судим и повешен кемалистами в 1926 г., но не за массовые убийства армян, а по обвинению в покушении на Мустафу Кемалю.

Сегодня турецкая пропаганда пытается представить армянских мстителей, казавших палачей своего народа, «террористами», но тогда этим действиям мир давал принципиально иную правовую оценку. Ни одно государство, на территории которого были совершены эти политические убийства турецких правителей, не осудило мстителей.

Процесс С. Тейлиряна интересен не только тем, что был связан с убийством главного организатора геноцида армян — Талаата, но и тем, что дело рассматривалось в суде Германии — страны, которая была союзницей Турции в Первой мировой войне, а потом предоставила убежище Талаату.

¹ Док. № 592. — Выдержки из стенограммы судебного процесса, проходившего в Окружном суде Берлина по делу С. Тейлиряна (2—3 июня 1921 г.). См. также: Baldwin O. *The Questing Beast*. London, 1932. P. 201—204.

Дело рассматривалось в суде первой инстанции в Берлине 2-го и 3 июня 1921 г. Суд из 12 присяжных должен был ответить на вопрос: виновен ли Тейлирян в убийстве Талаата. Вопрос этот потребовал ответа на другой, первичный вопрос: является ли Талаат главным организатором геноцида армян.

Прокурор, не отрицая совершенных против армян преступлений, ставил под сомнение вопрос об ответственности Талаата, как Министра внутренних дел, за все действия, которые совершались по его приказу. Иначе говоря, предпринимался обратный юридический трюк: в отличие от тех, кто утверждал, что виновны члены правительства, а не народ, здесь пытались доказать, что преступления, совершенные против армян, были делом рук многочисленных исполнителей, но не входили в намерение тех, кто дал приказ о депортациях.

Учитывая явные симпатии германского правительства к своим союзникам — младотуркам, а также то, что германское правительство позволяло Талаату использовать Берлин в качестве центра интриг турецких националистов, все ждали, что германский суд быстро осудит и казнит убийцу Талаата. Однако процесс, начавшийся с обвинения армянского студента в убийстве Великого визиря союзной Оттоманской империи, вылился в осуждение геноцида армян и роли в этом самой Германии.

Армянского студента защищали самые известные адвокаты и среди них один из авторитетных юристов-международников Германии д-р Нимейер.

Было приглашено множество свидетелей, среди которых глава военной миссии Германии в Турции в 1913—1918 гг. генерал Лиман фон Сандерс¹, д-р Иоганнес Лепсиус, опубликовавший объемистые сборники германских документов о геноциде армян².

Сообщая о процессе, американский журнал «Каррент истори мэгэзин» писал, что «...самым важным этапом этого драматического судебного процесса было представление профессором Лепсиусом официальных турецких документов, которые подтверждали, что руководители турецкого правительства в Константинополе — в особенности сам Талаат — несли прямую ответственность за превращение депортации в бойню. Прежде защитники турецкого правительства утверждали, что резня не входила в его планы, а была результатом жестокости тех, кто выполнял инструкции о депортации. На суде по делу Тейлиряна были представлены факсимильные копии и переводы подписанных приказов, которые подтверждают, что инструкции относительно резни исходили из Константинополя. Занятие британскими войсками Алеппо, где находилась штаб-квартира Комитета по депортации, позволило извлечь из архивов и сохранить эти официальные документы. Эти свидетельства, прямо

¹ С февраля по август 1919 г. фон Сандерс был интернирован англичанами на Мальте по обвинению в участии в заговоре, имевшем целью уничтожение армян. Только в результате многих прошений Министерства иностранных дел Германии, вмешательства Швейцарии и даже рассмотрения вопроса Парижской мирной конференцией его удалось освободить. (Lesner to Foreign Ministry, Mar. 30, 1919, A.A. *Turkei* № 139, Bd. 48, NA 10010; Hammertein to Haking, May 1931, 1919. Ibid.; Weber F.G. *Eagles on the Crescent. Germany, Austria and the diplomacy of the Turkish alliance 1914—1918*. Cornell University Press, Ithaca and London, 1970. P. 255).

² Сборник документов «Армения и Европа» был посвящен массовой резне армян в 1894—1896 гг. Сборник «Германия и армяне» состоял из донесений послов, консулов, дипломатических и военных представителей союзной туркам Германии по событиям периода Первой мировой войны.

связывающие убитого Талаата с бесчеловечными деяниями, которые определялись общим термином «депортация», были бесспорными и убедительными. Документы раз и навсегда установили, что целью турецких властей была не депортация, а уничтожение»¹.

Один документ, исходивший от возглавлявшегося Талаатом младотурецкого Комитета, был написан 25 марта 1915 г., т.е. до начала избиений армян, и показывал, что истребление армян являлось намерением политики правительства. Ссылка на этот же документ содержится и в приказе от 3 сентября 1915 г., подписанном Талаатом и направленном губернатору Аданы Джемалу. Этот приказ подтверждал, что мерами по истреблению армян предусматривалось охватить также женщин и детей.

Попытки воздействовать на турецкое правительство, предпринятые послом США Моргентау, привели к появлению телеграммы от 18 ноября 1915 г., в которой говорилось о необходимости соблюдения мер предосторожности. Суду были представлены также телеграммы от 5 ноября 1915 г. и от 15 января 1916 г. — о детях, от 8 октября 1915 г. — о поощрении преступных действий населения и запрете судебного преследования за такие действия².

Как сообщала пресса, свидетели показали, что они видели телеграмму, посланную Талаатом высокопоставленному должностному лицу, в которой говорилось: «Телеграфируйте мне, сколько уже умерло и сколько еще осталось в живых».

Суду были представлены пять распоряжений, подписанных Талаатом. В одном из них предписывалось «изъять детей из сиротских домов для того, чтобы устранить в будущем угрозу со стороны антагонистических элементов»³.

Показания свидетелей и представленные документы подтвердили факт преднамеренного массового истребления армян по решению турецкого правительства и открыли народу Германии тщательно скрывавшуюся правду об истинной роли их страны.

Вопреки сопротивлению реакционных милитаристских кругов Германии и пользовавшихся их покровительством турецких шовинистов, процесс этот превратился в суд над самим Талаатом и другими правителями Турции. Рассмотрев все обстоятельства дела, германский суд признал виновность Талаата и других организаторов заговора с целью уничтожения армянского народа. То, что при других обстоятельствах рассматривалось бы как убийство, суд оценил как наказание за преступление одного из ведущих членов турецкого правительства. Тейлирян был оправдан и освобожден.

«Самый красочный и сенсационный за многие годы уголовный процесс в Берлине в действительности представляет судебное дело подвергнувшегося резне армянского народа против турецких и германских руководителей военного времени, которые поощряли, приказали и осуществили резню», — писала «Нью-Йорк таймс»⁴. «Суд над армянином превратился в суд над убитым Талаатом как величайшим преступником войны», — подытожил журнал «Каррент истори мэгэзин»⁵.

¹ *Montgomery G.R. Why Talaat's assassin was acquitted / Current History Magazine, July 1921.*

² *Ibid.*

³ *The New York Times, June 4, 1921.*

⁴ *The New York Times, June 3, 1921.*

⁵ *Current History Magazine, July 1921.*

В результате, как отмечалось в прессе, «в глазах Германии освобождение армянина от обвинения в убийстве превратилось в осуждение турка на смертную казнь»¹.

Современник событий, Уинстон Черчилль, хорошо знавший «суть армянской проблемы»², указывал на общественную функцию убийства Талаата армянским мстителем. «Талаат, — писал он, — должен был быть застрелен в Берлине армянином, который имел все основания для отмщения»³.

«Нью-Йорк таймс», сообщая о том, что германский суд оправдал убийцу Талаата, писала, что суд своим решением «практически дал не только этому молодому человеку, но и многим другим, которые, как и он, имеют подобные основания, разрешение убивать по своему усмотрению всякое должностное лицо Турции, которое они могут найти в Германии. Это, конечно, чересчур. Разумеется, смерть была почти самым меньшим наказанием, которое заслуживал Талаат паша за свои бесчисленные и самые зверские преступления.

Сейчас, когда его нет, атмосфера в мире стала более безопасной и приятной и едва ли кто будет сожалеть об этой потере. Остается, однако, фактом, что он был убит, а не предан смертной казни с соблюдением судебных формальностей, на которое имеет право даже такой, как он. Позиция германского суда присяжных, подтверждающая, что его умерщвление было «морально оправдано», обнаруживает сомнительный взгляд на моральную правоту и открывает путь для других убийств, которые могут быть менее оправданы, чем убийство Талаата или даже вовсе не оправданы.

Тем не менее какой же иной вердикт был возможен? Неизбежно возникает дилемма: все убийцы должны быть наказаны; этот убийца не должен быть наказан. Вот и пришли! Решение надо искать в далеком прошлом, когда находившиеся в Турции должностные лица Германии позволили совершить резню армян, хотя они в состоянии были предотвратить это»⁴.

Правосудие, осуществленное народными мстителями, было неизбежным результатом отказа в правосудии. И в этом повинна не только турецкая Фемида. Дело не только в том, что турецкие националисты, воплотившие «новое» правосознание турецкого народа, объявили об аннулировании решений даже военных судов султанской Оттоманской империи. Турок, интернированных на Мальте в ожидании суда за совершение этого тяжкого преступления, освободили сами англичане, но не за отсутствием вины, а, как будет показано в разделе V Комментария, по политическим соображениям.

Это обстоятельство не только не умаляет, а, напротив, повышает значение берлинского судебного процесса, которое выходит за рамки геноцида армян. Исход этого процесса весьма знаменателен с точки зрения развития идеи наказания лиц, совершивших преступление геноцида. Как справедливо отмечали исследователи, его более отдаленные последствия имеют «большое общеисторическое значение»⁵.

¹ *Montgomery G.R. Why Talaat's assassin was acquitted / Current History Magazine, July 1921.*

² См. док. № 584.

³ *Churchill W.S. The World Crisis. Vol. 5. New York. P. 391.*

⁴ *The New York Times. June 3, 1921.*

⁵ *Герман Г. Большой друг армянского народа (В связи с вновь найденными документами И. Лепсиуса) // Историко-филологический журнал, 1982, № 4. С. 134.*

Присутствовавший на этом «процессе века» Роберт М.В. Кемпнер, сыгравший впоследствии на Нюрнбергском процессе важную роль как заместитель главного обвинителя от США, засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что процесс по делу С. Тейлиряна был первым случаем суда над преступлениями против человечности, послужившим примером не только для Нюрнбергского трибунала, но и для борьбы со всеми подобными преступлениями.

9. Дело Макса Килинджяна

После Второй мировой войны на фоне реакции США и других великих держав на геноцид евреев, когда главные нацистские преступники были казнены, несправедливость в отношении армянского народа стала особенно вопиющей. Стремление разбудить совесть международного сообщества породило в 1970—1980 гг. серию убийств турецких дипломатов и других представителей турецкого государства, совершенных членами Секретной армии освобождения Армении и других организаций.

Для получения более полной картины опишем еще один судебный процесс — в Экс-ан-Провансе (департамент Буш-дю-Рон) на юге Франции, проходивший 22—23 января 1982 г. по делу французского гражданина Макса Грайра Килинджяна, обвинявшегося в соучастии в посягательстве на убийство посла Турции в Берне Догана Тюркмена 6 февраля 1980 г.

Материалы этого и других судебных процессов, связанных с этими актами, в Сборник не включены по той причине, что они по своим целям существенно отличались от дел, связанных с самосудом¹.

В отличие от случаев самосуда, объектом которого были непосредственные организаторы и исполнители геноцида армян, эти убийства представителей турецкого государства рассматривались как акты «войны против турецкого государства», отказывающегося признать совершенное преступление геноцида армян.

Турецкая пропаганда стала представлять эти убийства как террористические акты. Хотя они уже не могли рассматриваться как самосуды над непосредственными организаторами и исполнителями геноцида армян, вместе с тем существенно отличались и от обычных террористических актов — сознательных убийств как можно большего числа невинных людей, совершаемых с особой жестокостью с целью устрашения. Обосновывались эти действия намерением вынудить Турцию признать факт геноцида армян и желанием обратить внима-

¹ Перечень убийств представителей Турции, имевших место до судебного рассмотрения дела Макса Килинджяна:

февраль 1977 г. — в Риме убит посол в Ватикане,
июнь 1978 г. — в Мадриде погибли жена и брат посла,
октябрь 1979 г. — в г. Ай убит сын посла,
декабрь 1979 г. — в Париже убит советник по туризму,
в апреле 1980 г. — покушение на посла в Ватикане,
в июле 1980 г. — убиты атташе посольства и его дочь,
в сентябре 1980 г. — в Париже тяжело ранен пресс-атташе,
декабрь 1980 г. — в Сиднее убит генеральный консул и его телохранитель.

Убийства турецких дипломатов имели место и в последующем. В частности, 4 марта 1981 г. во Франции были убиты два советника посольства Турции.

ние международного сообщества на необходимость решения Армянского вопроса.

Защита М. Килинджяна строилась на разоблачении преемственного отношения современной Турции к геноциду армян. Французская пресса отмечала, что «воспоминания о геноциде армян в 1915 году доминируют на процессе по делу Макса Килинджяна» и что насильственные действия направлены против представителей государства, отказывающегося признать совершенное преступление. Газета «Монд» приводила слова самого подсудимого: «Мои родители — одни из немногих уцелевших от геноцида. Они надеялись услышать слово сожаления от турецкого правительства. Оно не было произнесено. Вот почему я согласился помогать тем, кто борется»¹.

Мать Макса Килинджяна сообщала, что ей было 6 лет, когда турки ворвались в деревню около Анкары, подожгли их дом, сожгли заживо бабушку, а остальных депортировали. Брат обвиняемого передавал рассказ отца, которому тогда было 15 лет: у него на глазах задушили деда, топором обезглавили других мужчин, а женщин и детей депортировали.

Защита привлекла ряд экспертов — знатоков истории геноцида армян: Ив Тернона, Жана Мари Гарзу, Жерара Шалиана, Анри Ногера, Альфреда Гроссера. Подкрепляя свои показания документами, свидетельствами дипломатов, работавших в Турции, и другими доказательствами, они раскрыли преступную сущность политики Турции в отношении армян. Они показали, какие средства давления использует турецкое правительство, чтобы скрыть правду о совершенном преступлении. Жерар Шалиан призвал Президента Франции принять меры к тому, чтобы был услышан голос Франции: «Если сегодня мир знает о геноциде, то этим мы обязаны терроризму армян, независимо от того, одобряем мы его или нет»².

Защитник подсудимого Анри Леклерк говорил о неправомерности обвинения армян в терроризме. Ссылаясь на воспетую в произведениях Виктора Гюго справедливую борьбу поработенных народов против кровавой тирании турок, он завершил свое выступление вопросом: «Осмелимся ли мы сегодня назвать терроризмом все то, что нам представляется таким прекрасным в стихах великого поэта?»³

За время пребывания в тюрьме Килинджян получил 5 тыс. писем, 40 тыс. подписей было собрано в его поддержку. Было создано 11 комитетов поддержки Килинджяна: в США — 4, в Иране — 2, по одному — в Аргентине, Австралии, Ливане, Великобритании и Канаде⁴.

Адвокат турецкого посла Алан Видаль, так же как это делали защитники турецкой стороны в других случаях, пытался не допустить рассмотрения этого дела в общем контексте геноцида армян. Он утверждал, что суд присяжных не компетентен и не имеет возможности для того, чтобы начать обвинительный процесс над историей. Суд должен судить Килинджяна, а не страну, т.е. Турцию. Зная о преступлении, совершенном турецким правительством в отношении армян, он благоразумно отмежевался от необходимости оценки этих действий. Ви-

¹ Mond, 25 Janvier 1982.

² Monde 26 Janvier 1982.

³ Monde 23—24 Janvier 1982.

⁴ Monde, 23—24 Janvier 1982.

даль отказался от защиты турецкого государства, заявив, что выступает в качестве адвоката человека, ставшего жертвой, а не адвоката турецкого государства¹.

Представитель прокуратуры Поль Паскаль выразил удивление в связи с резонансом, который получило это дело, а также отметил, что и само французское правительство не проявило благожелательности в отношении Турции. В подтверждение этого он привел слова Министра иностранных дел Франции Клода Шейсона, сказанные им 13 июня 1981 г.: «Правительство сожалеет о позиции нынешних турецких властей, которые упорствуют, рассматривая события 1915 года не как геноцид, имевший целью истребление армянского населения Анатолии, а как репрессии в ответ на бунт, сопутствовавший наступлению русской армии»².

Процесс М. Килинджяна закончился вердиктом, предусматривавшим два года тюремного заключения, т.е. срока, который он отсидел, пока велось следствие.

Французская пресса отмечала, что на решение суда повлияли ужасающие картины геноцида армян, которые постоянно присутствовали во время дебатов. Сам обвинитель, потребовавший 8 лет заключения, признал: «Этот пистолетный выстрел представляется пустяком по сравнению с такой резней»³.

Выступавший на суде президент Лиги прав человека Анри Ногер, к которому председательствующий обратился с вопросом: «Считаете ли вы насилие справедливым актом в определенных условиях?», ответил: «Меня в свое время наградили орденом за это. Я не признаю насилие как таковое, но в определенных обстоятельствах я за него. В демократической стране оно сопряжено с риском дестабилизации, но в стране с диктаторскими структурами это законное проявление гнева и защиты»⁴.

Хотя объектом этой «частной войны» были должностные лица Турции, в числе пострадавших оказывались и люди, не входившие в эту категорию: жена и брат посла (июнь 1978), дочь атташе посольства (июль 1980) и др. Особенно трагические последствия имела акция в аэропорту Орли. Такой метод борьбы за признание геноцида армян, хотя и давал определенные результаты, не отвечал моральным устоям армянского народа.

Восстановление международной правосубъектности Армянской республики и появление возможности политического воздействия показали несостоятельность и даже контрпродуктивность методов, продиктованных актами отчаяния. Защитники и покровители организаторов армяноцида использовали эти стихийные акты для обвинений армян в терроризме и создания неблагоприятной для решения Армянского вопроса политической атмосферы. Практика эта вскоре прекратилась, уступив место политическим средствам борьбы.

¹ Monde, 21 Janvier 1982.

² Monde, 26 Janvier 1982.

³ Matin, 25 Janvier 1982.

⁴ Matin, 25 Janvier 1982.

РАЗДЕЛ V

Политическая история Армянского вопроса: покровители, пособники и соучастники преступления

1. Политическая история Армянского вопроса после Первой мировой войны

В Армянском вопросе политический фактор традиционно проявлялся в соперничестве великих держав за главенствующие позиции в регионе Ближнего Востока. Было уже отмечено, как и в чем выражалась традиционно протурецкая политика Германии в процессе выработки реформ в Армении до Первой мировой войны. Апогеем этой политики после Октябрьского переворота в России стали Брест-Литовский договор и сопутствовавшие ему попытки младотурецкого правительства Оттоманской империи навязать Армении свои условия на двусторонней армяно-турецкой основе¹.

Поражение стран Четверного союза открывало совершенно новые политические возможности. Союзница Оттоманской империи — Германия, помогавшая ей в осуществлении пантюркистской программы территориальной экспансии, потерпела поражение и вышла из игры. Созданная с ее помощью «договорная» структура была признана юридически ничтожной. Победила коалиция, провозглашавшая одной из официальных целей войны освобождение Армении от кровавого турецкого ига и личную уголовную ответственность членов турецкого правительства и других организаторов геноцида армян.

Оттоманская империя оказалась перед реальной перспективой реализации ответственности за совершенное турецким государством тягчайшее международное преступление. Если во времена кровавого султана Абдул Гамида турки обосновывали свое право резать армян тем, что отношения с подданными турецкого султана относятся к внутренним делам империи, то в новых условиях послевоенного устройства мира, когда освобождение турецкой Армении от власти государства, осуществившего преступление геноцида, было провозглашено одной из целей победившей в войне коалиции, новое султанское правительство Оттоманской империи попыталось выгородить турецкое государство, возложив всю ответственность за совершенное в отношении армян преступление только

¹ См. Раздел III (6—11) Комментария.

на младотурецкое правительство. Младотурецким лидерам, выполнившим свою «историческую миссию» разрушения армянского этнического клина, позволили бежать, а потом предали их суду турецких военных трибуналов *in absentia*. Новое «правительство мира» попыталось отмежеваться от прежнего, младотурецкого, правительства, совершившего это преступление, и уговорить армян согласиться на заключение сепаратного мирного договора, ограничившись независимостью в пределах российской Армении в довоенных границах с присоединением минимальной территории Западной Армении.

В середине октября 1918 г., незадолго до перемирия, новый Великий визирь Иззет паша принял главу находившейся в Константинополе последние пять месяцев делегации Республики Армении Ав. Агароняна и просил его информировать Союзные державы, что отныне между турками и армянами существует взаимопонимание. Он обещал немедленно вывести турецкие войска и вернуть всех армян, насильственно изгнанных из оккупированных территорий, а также разрешить возвращение всех беженцев, включая и насильственно обращенных в ислам женщин и детей. Когда же 27 октября 1918 г. армянская делегация информировала о намерении вернуться в Армению, чтобы помочь своему правительству вести послевоенные переговоры, турки проявили еще большую готовность к уступкам. Рауф бей, который в Трапезунде в апреле—мае как победитель надсмехался над армянами, теперь в роли турецкого представителя обещал не только освободить Карс и Ардаган, но также вернуть армянам Алашкертскую долину. Оттоманские власти предлагали армянам решить все спорные вопросы без вмешательства Союзных держав¹.

Армянские представители отказались последовать вместе с турецкой делегацией на о. Лемнос, где предстояло подписание перемирия. Армяне не верили в обещание дружбы со стороны турок. Тем более что на Кавказе в новых условиях реализацию программы пантюркизма взял на себя Азербайджан. Эти предложения повисли в воздухе не только из-за их половинчатости, но также из-за того, что весь долгий опыт армян исключал всякую возможность доверия.

После окончания войны, когда решались вопросы послевоенного урегулирования, эгоистические национальные интересы отдельных держав-победительниц стали превалировать над общими союзническими целями.

В то же время появился новый фактор, объединявший весь западный мир. Это была возраставшая угроза российского большевизма, его фанатичная ненависть к «буржуазному» Западу, его агрессивный социал-империализм. Всемирно-историческое противостояние Запада и советской России, которая бросила вызов всему цивилизованному человечеству, стало определяющим фактором международных отношений. Воздействие на исход послевоенного урегулирования этого фактора — социал-империализма большевиков в сочетании с политической противодействием ему западных держав — проявилось уже в акте Мудросского перемирия с Оттоманской империей, подписанного 30 октября 1918 г. от имени держав Антанты английским адмиралом Кальторпом на борту английского крейсера «Агамемнон»².

¹ Lanne P. Armenia. The First genocide of the XX century. Translated from the German Original. P. 173. München, 1977.

² Док. № 348.

Узурпировав процесс заключения перемирия, Великобритания стремилась предусмотреть в нем прежде всего условия, обеспечивающие ее колониальные интересы в Индии и ее господствующее положение на всем Ближнем Востоке.

Не признав условия Брест-Литовского договора, заключенного советской Россией с Германией и ее союзниками, а также сопутствовавшие ему соглашения, которые Оттоманская империя пыталась навязать Армении, державы Антанты расчистили поле для устройства послевоенного мира на конференции Союзных держав и присоединившихся к ним государств.

Выход России из Первой мировой войны и заключение ею сепаратного мира с Германией и ее союзницей — Оттоманской империей осложняли положение бывших союзников по Антанте. Отказавшись от доли победителя, Россия противостояла Антанте своими принципами послевоенного устройства мира. Поэтому державы Антанты свою задачу видели в сдерживании, в том, чтобы не дать распространиться «большевистской заразе».

Это отразилось уже на содержании Мудросского перемирия. Одержав полную победу над Оттоманской империей и оккупировав предназначенные для себя ее бывшие арабские владения, англичане стали делать ставку на использование турецкой армии в качестве полицейской силы против распространения большевизма под прикрытием Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР о независимости турецкой Армении. Шесть армянских вилайетов были оставлены на попечение турецкой армии под предлогом «поддержания порядка» — «защиты» уже вырезанных и изгнанных самими турками армян от курдов, которых использовали в качестве слепого орудия турецкой политики геноцида. Власть турецкого государства на этой территории должна была сохраниться до решения вопроса о статусе этой территории на мирной конференции.

Воздержавшись от разоружения турецкой армии, принимавшей непосредственное участие в геноциде армян, англичане сохранили за Союзными державами лишь право на оккупацию шести армянских вилайетов «в случае беспорядков в одном из них» (ст. 24 Мудросского перемирия).

С точки зрения практической защиты армянского населения это положение было лишено смысла, поскольку к тому времени там не оставалось армян: реэмигранты покинули данную территорию вместе с уходом русской армии и отступлением армянской в 1918 г. Это положение имело только символическое значение как напоминание об ответственности турок за судьбу армян в армянских вилайетах.

Несмотря на то что в соответствии с международным правом турецкие войска в принципе подлежали выводу из пределов довоенной российской территории, перешедшей по праву преемства к созданным там государствам, турки протестовали против проекта ст. 11, предусматривавшей эвакуацию турецких войск из Карса, Ардагана и Батума. Хотя адмирал Кальторп мог игнорировать турецкий протест, он с готовностью удовлетворился требованием эвакуации турецких войск только из «части Закавказья». В результате в акте перемирия указывалось, что «турецким войскам уже приказано покинуть часть Закавказья, оставшаяся часть будет освобождена по требованию союзников, после того как они изучат создавшееся там положение». Не встретив должного отпора англичан, турецкое правительство объявило, что оно разрешает своим военнослужащим поступить на службу Азербайджанской Республике, созданной в 1918 г. при помощи турец-

ких же войск¹. Это было в русле английской политики сдерживания советской экспансии. Британского адмирала и британские оккупационные силы на Кавказе мало волновало то, что Халил паша, Нури паша и другие турецкие военачальники, командуя переодетыми в азербайджанскую форму аскерами и татарскими бандами, воевали в Карабахе и в долине р. Аракса на стороне азербайджанских властей, добиваясь насильственного присоединения этой и других армянских территорий к Азербайджану.

Забегая вперед, укажем, что прямым следствием воплощенной в Мудросском перемирии британской политики попустительства пантюркистской экспансии было то, что шесть дивизий Кавказской армии Турецкой империи, оккупировавшие в 1918 г. Закавказье, были сохранены, а «собранные горы военного снаряжения за какую-то неделю перешли из британских рук к туркам»².

Так была создана ситуация, которую вскоре констатировала миссия генерала Харборда, направленная в Армению Президентом США: «Армянин, лишенный оружия со времен избиений и высылки, — храбрый солдат армий России, Франции и Америки в течение всех войн, теперь остается безоружным в стране, где все, кроме него, вооружены»³.

Позднее в армянские вилайеты, в Восточную Анатолию, в качестве генерал-губернатора Оттоманской империи с весьма широкими полномочиями был послан один из лучших генералов турецкой армии — М. Кемаль, который впоследствии возглавил правительство турецких националистов.

Будучи хорошо информированы о политической ситуации в Турции и имея немалые возможности воздействия на султанское правительство Оттоманской империи, англичане, по крайней мере, могли бы предотвратить назначение Кемалья на должность губернатора. Существует мнение, что Кемаль появился в Анатолии с ведома и даже с тайного одобрения английских оккупационных властей, стремившихся направить турецкий национализм против большевистской России⁴.

Официальная турецкая пропаганда утверждает: тот факт, что Турция как государство фактически не понесла политической ответственности, а турки как физические лица — уголовной, якобы служит доказательством того, что геноцида армян не было. Это откровенная ложь, опирающаяся на фальсификацию истории и произвольное толкование норм международного права.

В действительности же попытки турецкого правительства выгородить турецкое государство от обвинений в геноциде армян были отвергнуты международным сообществом. Парижская мирная конференция, как отмечалось выше, установила, что физические лица, включая членов правительства, должны нести уголовную ответственность через международный суд, а само турецкое государство — политическую ответственность через лишение права на осуществление власти над Арменией. Этот подход был зафиксирован в Севрском мирном договоре⁵.

Поскольку Парижская мирная конференция установила политическую ответственность турецкого государства в форме освобождения территории, населенной народом — жертвой этого преступления, от власти геноцидного государ-

ства, туркам, чтобы удержать утраченные территории Западной (турецкой) Армении, нужно было сорвать мирное урегулирование в рамках послевоенного устройства.

Документальный материал однозначно свидетельствует, что «освобождение» Турции и турок от официально установленной и однозначно признававшейся всем миром ответственности за геноцид армян стало возможным из-за неспособности международного сообщества добиться ее фактической реализации. «Освобождение» от ответственности за совершенное преступление ни в коем случае не было результатом правовой оценки ситуации в пользу Турции и турок. «Освобождение» от ответственности — результат действия не правовых, а, точнее, противоправных политических факторов.

Адекватная международно-правовая оценка действия этих факторов имеет принципиально важное значение для определения перспектив дальнейшей борьбы за урегулирование нерешенных проблем, для подведения черты под этим преступлением на основе международного права. Только четкое представление о причинах нерешенности Армянского вопроса позволяет понять смысл и значение поступательного движения за «признание» уже признанного юридического факта совершения геноцида.

Турецкое государство на протяжении десятилетий со времени совершения преступления геноцида и по сегодняшний день систематически и целенаправленно добивалось и продолжает добиваться закрепления военно-политическими средствами созданного де-факто состояния.

Эта противоправная деятельность турецкого государства, а также поддерживавших и поддерживающих его и поныне по политическим соображениям различных влиятельных сил видоизменялась, обретала различные формы. Менялись и государства, которые по политическим же соображениям помогали Турции уйти от ответственности за совершенное преступление и тем самым становились причастными к совершенному преступлению.

Документы Раздела V Сборника однозначно подтверждают, что правосудие было сорвано, что уголовная ответственность физических лиц — организаторов и исполнителей этого преступления и политическая ответственность турецкого государства за совершение тягчайшего международного преступления не была реализована не потому, что преступление не было совершено или ответственность за его совершение не была предусмотрена международным правом того времени, а только и исключительно в результате действия политических факторов.

Геноцид армян и в этом отношении, т.е. в отношении реализации международной ответственности, является почти уникальным примером того, как геноцидное государство, используя политический фактор, сумело не только сорвать выполнение принятого Мирной конференцией и зафиксированного в мирном договоре решения об освобождении той части подвластной ему территории, которая была населена народом — жертвой этого преступления, но добились даже «премии» за совершенное преступление в виде существенного приращения своей государственной территории за счет российской части Армении.

Приведенный в этом разделе материал показывает, как турецкие националисты, использовав политический раскол мира, вызванный большевистским переворотом в России, сорвали реализацию Севрского мирного договора и Арбитражного решения Президента США Вудро Вильсона о территориальном

¹ Lanne P. Armenia. The First Genocide of the XX Century. P. 173—174.

² Черчилль У. Мировой кризис. М.: Л., 1932. С. 252.

³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Vol. II. P. 851.

⁴ Nicolson H. Curzon: The Last Phase 1919—1925. London, 1939 P. 117.

⁵ См. документы и Комментарий к Разделу IV.

разграничении Армении и Турции. Они не только удержали потерянные армянские территории, но добились существенного приращения за счет народа—жертвы геноцида. Документально раскрывается подлинная роль в геноциде армян не только кемалистов, но и их тогдашних военно-политических союзников — российских большевиков.

Документы комментируемого раздела показывают не только как это произошло, но и кто несет ответственность за то, что это преступление до сих пор остается ненаказанным. Включение в Сборник обширного массива документов, показывающих роль последовательно сменявших друг друга защитников геноцидного государства, привело к некоторому нарушению пропорций по отношению к основной теме Сборника, а именно к документальному подтверждению установленной международным сообществом ответственности турецкого государства за геноцид армян. Составитель Сборника считает это оправданным, поскольку борьба за торжество права, за реализацию ответственности за совершенное преступление против человечности и против человечества продолжается.

2. Всемирно-исторический катаклизм как политический фактор в Армянском вопросе

Негласно взаимодействуя как с бежавшими из страны младотурецкими лидерами, так и с самим султанским правительством, кемалисты виртуозно использовали вековые навыки игры на противоречиях великих держав.

Чем острее и непримиримее проявлялись противоречия между великими державами, тем больше было шансов на их успешное использование. Поэтому кемалисты не только играли на противоречиях между советской Россией и державами Антанты, но и способствовали их углублению.

Октябрьский переворот большевиков, приведший к всемирно-историческому противостоянию большевистской России цивилизованному миру, создал идеальные условия для освобождения геноцидного государства от ответственности. Противоречия вышли за рамки обычного геополитического соперничества великих держав. Мир раскололся по отношению к коренным, основополагающим началам международной политики, по отношению к самой человечности.

Бывшие союзники России — державы Антанты, в чьи руки переходила функция послевоенного устройства мира, стали восприниматься Кремлем как главные враги советской власти. В своем противостоянии Антанте советские власти стали рассматривать государство, вступившее в Первую мировую войну с целью разрушения Российской империи и захвата ее территорий, как своего естественного союзника.

Запад не мог не принять вызова большевиков. Соответствующие изменения стали происходить и в политике Антанты в отношении теперь уже советской России. Особенно ярко это проявилось во внешней политике Великобритании. Острые противоречия между Англией и Россией на Востоке, едва не приведшие к конфликту между ними накануне Первой мировой войны, обрели не только новую окраску, но и новый смысл.

Определяющим фактором мировой истории стало противостояние двух социально-политических систем. Это, конечно, не исключало возможности проявлений прежнего соперничества между самими великими державами Запада в

сфере политики и дипломатии. Более того, большевики активно и безуспешно использовали эти противоречия для насильственного установления советского строя во всемирном масштабе. Когда же стало очевидно, что прорыв на Запад невозможен, большевики сосредоточили свои усилия на восточном направлении. Армяне оказались в эпицентре этого катаклизма.

3. Формирование армянской политики советского правительства России

Для российских большевиков изначальным и основным побудительным мотивом отношений с Арменией был социал-империализм — стремление установить советскую власть во всех странах мира.

Политическое устройство мира российским большевикам представлялось как всемирный «союз советских социалистических республик», как воплощение «диктатуры пролетариата» во всемирном масштабе. Ради этого они стремились разрушить «буржуазные» государства и создавать по своему усмотрению новые, «социалистические». Начав этот процесс с разрушения Российской империи, они создали на ее месте РСФСР.

«Революционные войны» за советизацию велись, в первую очередь, в соседних государствах, как тех, которые ранее входили в состав Российской империи — Финляндия, Польша, прибалтийские государства, Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, Средняя Азия, так и тех, которые в нее не входили — Германия, Турция, Иран, Афганистан.

До Октябрьского переворота и захвата власти в России Ленин много раз выступал с идеей самоопределения «всей Армении» — как российской, так и турецкой. Эта линия выработывалась как часть общей большевистской концепции устройства мира в противовес позиции Временного правительства. Апофеозом этого этапа — «романтического периода» развития большевизма стал Декрет СНК РСФСР о независимости турецкой Армении¹.

Этот период завершился брест-литовской эпопеей, которая сопровождалась сперва стремлением противопоставить турецкому нашествию борьбу армян за свое существование, а затем уступкой туркам территориальных прав Армении². Так, впервые территориальные права армянского народа были использованы большевистским правительством России с целью отстоять существование в стране коммунистического режима.

К весне 1920 г., после советизации Азербайджана, РСФСР вошла в непосредственное соприкосновение с Республикой Арменией, и отношения между ними перешли в плоскость практической политики.

Новая фаза развития армянской политики большевистского правительства России была связана с установкой на союз с турецкими националистами в борьбе против держав Антанты.

¹ См. док. № 314 и Комментарий к Разделу III (5).

² См. документы и Комментарий к Разделу III (6, 7, 8).

4. Большевистские принципы международных отношений

Политика советской России, сыгравшая катастрофическую роль в Армянском вопросе, сформировалась под воздействием доктринерских идей Ленина и его последователей. Курс нарождавшейся российской демократии был противопоставлен курс Российской коммунистической партии большевиков, которая подчиняла жизненные интересы народов, в том числе и армянского, своим сектантским интересам.

Для политики российских большевиков всегда было характерно, с одной стороны, широковещательное, по существу демагогическое, провозглашение самых прогрессивных принципов международных отношений, а с другой — полное их подчинение партийным интересам — насильственному захвату и удержанию своей власти.

Еще до захвата власти были сформулированы такие принципы международных отношений, как отказ от тайной дипломатии, мир без аннексий, право народов на самоопределение вплоть до отделения, вывод войск из оккупированных в ходе войны территорий и др.

В начальный, «романтический», период советского правления, когда упор делался на разоблачение «мирового империализма», его «политики аннексий» и, в частности, «раздела Армении», отношение российских большевиков к Армянскому вопросу определилось провозглашенными «новыми» принципами международных отношений.

В этот период еще проявлялось в определенной мере и воздействие гуманистических традиций России в Армянском вопросе, а общественное мнение как мнение «трудящихся масс» еще не сбрасывалось со счетов. Сказывалось и то, что Османская империя, будучи участницей грабительского Брест-Литовского договора, все еще рассматривалась как противник России.

Некоторым из выдвинутых принципов, соответствовавшим демократическому правосознанию народов, придавался вполне определенный политический смысл, отвечавший интересам «социалистической революции». Так, например, право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения создавало условия для разрушения державшихся на насилии многонациональных империй.

Вместе с тем, в отличие от распространенного в XIX в. принципа национальности, принцип самоопределения допускал создание или сохранение многонациональных государств на основе свободного волеизъявления народов. Эта возможность резервировалась для будущего союза социалистических республик.

Подтвердив закономерность создания государств на национальной основе, Ленин признавал право разделенных народов на воссоединение на основе свободного самоопределения, что также имело целью привлечь на свою сторону национально-освободительные движения.

Большое значение для теории и практики ликвидации последствий геноцида имело выдвижение в качестве обязательного условия самоопределения народов непризнание последствий изменения демографического состава территории. Это условие, выдвинутое в ряде официальных документов в качестве позиции РСФСР на международных переговорах, нашло конкретное воплощение в Декрете СНК «о независимости Турецкой Армении».

Вместе с тем, как будет показано при анализе конкретного материала, РСФСР по политическим соображениям отошла от этого принципа при установлении армяно-турецкой границы по Московскому договору 1921 г. с правительством турецких националистов.

С выдвинутыми принципами самоопределения было связано требование вывода войск воевавших стран с оккупированных ими территорий как условия «мира без аннексий». Оно также имело свою политическую подоплеку: вывода русские войска из турецкой Армении, РСФСР требовала вывода войск из районов, оккупированных Германией и Австро-Венгрией. При этом интересы конкретного народа (в данном случае — армянского) во внимание не принимались.

Полемизируя с главой Временного правительства Керенским и с другими своими оппонентами относительно условий послевоенного мира, Ленин требовал вывода российской армии с оккупированных территорий и предоставления населению этих территорий права свободного определения своего политического статуса. «Вот, если завтра Совет возьмет власть в свои руки, — говорил Ленин, — мы скажем тогда... Россия, долой войска из Армении, — иначе это обман»¹. И еще: «Великороссы обязуются... немедленно вывести войска... из Армении», предоставляя самому армянскому народу решить вполне свободно, хочет ли он жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно².

Отвечая на этот откровенно демагогический лозунг, Керенский сказал: «Мы не можем уйти из Армении, поскольку тогда от Армении ничего не останется. Она погибнет от огня и меча курдов и турок»³. В этом ответе четко проявлялась принципиальная разница позиций молодой российской демократии и большевизма в Армянском вопросе.

Провозглашая новые принципы международных отношений, отдельные из которых опережали процесс их прогрессивного развития, советское государство одновременно давало им толкование, подчинявшее их реализацию интересам «социалистической революции» и «первого в мире социалистического государства». Так, выдвинув принцип самоопределения народов, большевики утверждали, что под народом надо понимать «трудящиеся массы» и, следовательно, «партию рабочего класса» как выразителя интересов народа в целом.

Не ограничиваясь партийно-большевистской трактовкой этого и других принципов международного права, Ленин и его последователи прямо утверждали, что подчиняют саму возможность их реализации интересам «демократического» развития, отождествлявшимся с интересами советского государства.

Помимо «общедемократических» были провозглашены и «высшие» принципы, якобы присущие высшей форме демократии — советской, а на деле подменявшие принципы международного права.

Один из них — принцип пролетарской солидарности. Стремясь поощрять принятие советской формы власти народами, ставшими объектом политики социалистического империализма, партийно-правительственное руководство России открыто поддерживало «советскую» республику против «буржуазной». Игнорируя нормы

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 268.

² Там же. С. 320—321.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 10 июня 1917 г.

«буржуазного» международного права, правительство РСФСР распространяло этот политический подход и на территориальные споры соседних государств. О стойкости этого маккиавелистского принципа, о приверженности к нему Сталина говорит и аналогичная практика установления режимов «народной демократии» в освобожденных от германской оккупации странах в период Второй мировой войны. Преимуществом поддержки советского правительства пользовалось государство, которое, по своему географическому положению, первым подверглось советской оккупации. Впервые этим принципом, как будет показано ниже, воспользовался советский Азербайджан против «буржуазной» Армении.

5. Кто и как формировал политику большевистского государства в Армянском вопросе

Антигуманное содержание внешней политики большевиков стало проявляться на практике, когда советское правительство, справившись с «внутренними врагами», приступило к переустройству мира на основе своих доктринарских принципов. Одной из первых жертв, если не первой, стал многострадальный армянский народ.

Армянская политика советского государства — явление особого рода. Она противоречила не только традиционной политике российского государства, но и самым элементарным правовым и моральным представлениям о международных отношениях.

Только поняв ее суть и возможности воздействия на ход мировых событий, можно представить картину ее деструктивного влияния на решение Армянского вопроса.

В «анатомии» армянской политики большевистского правительства РСФСР нужно различать два разных, но взаимосвязанных фактора, а именно: 1) общие основы этой политики и 2) субъективные — кто и как ее формировал и осуществлял на практике.

Армянская политика советской России формировалась прежде всего в недрах правящей большевистской партии под воздействием ее доктринарских идей и сектантских интересов, противоречивших геополитическим интересам российского государства. Поскольку коммунистическая партия монополично правила страной, то ее политическая линия автоматически становилась политической линией советского государства.

Провозглашенные советской властью принципы международных отношений, в том числе и право народов на самоопределение, как это ни парадоксально, в большей степени повлияли на общее развитие международных отношений и международного права, чем на позиции и поведение самого советского правительства России. Они никогда не были самоцелью. Их осуществление Ленин и его последователи открыто подчиняли доктринарской идее «мировой революции» в понимании небольшой группы «вождей» пролетариата.

Захват и удержание власти были главной политической целью, достижению которой подчинялось все — интересы народов, в том числе и русского народа, любые соображения права, справедливости, морали. Цель оправдывала любые средства. Никто и никогда в истории не реализовывал этот принцип столь по-

следовательно и масштабно, как российские большевики, и прежде всего Ленин и Сталин.

Большевики открыто признавали, что если провозглашавшиеся принципы входят в противоречие с политическими интересами советского государства, т.е. правящей коммунистической партии, то с ними можно не считаться. Вся история международных отношений советского государства и, в частности и в особенности, его политическая линия в Армянском вопросе полностью подтверждают, что внешняя политика советской России всегда строилась на основе этого руководящего принципа большевизма, сформулированного Лениным¹ и почти дословно повторенного Сталиным². Интересы народов были для большевиков разменной монетой в их борьбе за достижение своих политических целей, в частности и в армяно-турецком конфликте.

Идеологической основой военно-политического союза изгоев международных отношений — большевистского правительства России и правительства турецких националистов во главе с М. Кемалем — были провозглашенные большевиками цели «мировой революции».

Убедившись, что надежды на поддержку советской России «пролетариатом» Запада не оправдались, большевики стали делать ставку на «революционный Восток» — на зарождавшееся антиколониальное, национально-освободительное движение мусульманских и других колониальных стран.

Большевистские правители, устранив Россию от участия в послевоенном устройстве мира, лишили ее политических плодов победы над совершившими агрессию Германией и Турцией. Пренебрегая геополитическими императивами и руководствуясь доктринарскими иллюзиями о победе мировой пролетарской революции, большевики сделали ставку на «революционный Восток» в лице турецких националистов, а Армению, веками ориентировавшуюся на Россию в отчаянной борьбе за выживание, стали рассматривать как «форпост империализма» и добивались совместно с Турцией и Азербайджаном срыва мирного урегулирования, которое предусматривало политическую ответственность турок и турецкого государства за совершенное преступление и создание условий, необходимых для реабилитации народа, ставшего жертвой этого преступления.

Хотя турецкое порабощение с присущей ему политикой резни подвластных народов было несравненно худшим злом, чем европейский колониализм, сам факт противостояния западным странам — Великобритании и Франции рассматривался колониальными странами как благо.

Поняв это, большевистские лидеры сделали ставку сначала на младотурецких, а потом и на их преемников — турецких националистов. Имея в виду «значение восточного вопроса в данный момент» и «роль, которую играет Турция на Востоке», советская дипломатия исходила из того, что центр кемалистского движения и будущая столица новой Турции — Ангора стала одним из главнейших узлов мировой политики³. Наряду с политическим фактором — узкими партийными интересами большевистского партийно-государственного руководства страны немалое значение имело и духовное родство большевизма и турецкого национализма.

¹ См. док. № 1086.

² См. док. № 1087.

³ Док. № 659—660.

Большевиков, не останавливавшихся перед массовым уничтожением русских, украинцев и других народов своей страны во имя победы партии, несколько не смущало то обстоятельство, что их союзники-турки резали подвластные им народы. По меткому выражению Э. Хемингуэя, турецкие националисты и российские большевики подходили друг к другу «как перчатка к руке»¹.

Хотя выработка армянской политики советского правительства России, как и формирование его внешней политики в целом, предопределялась установками коммунистической партии, основанными на ее узкопартийных доктринарских интересах, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в Армянском вопросе общие принципы и установки преломлялись не только с учетом политических соображений партийно-государственного характера, но и под воздействием деятелей, выражавших отношение к нему определенных групп интересов. Наряду с общими партийными установками существенную роль в процессе формирования и реализации армянской политики советской России играл субъективистский фактор в виде воздействия на этот процесс отдельных партийно-государственных комиссаров и их группировок, прикрывавшихся партийной ширмой.

В этом отношении четко выделяются три такие группы: еврейская (Парвус, Троцкий, Радек, Ганецкий и др.), опиравшаяся на самого Ленина; грузинская группа Сталина (С. Орджоникидзе, Ш. Элиава, П. Мдивани и др.); азербайджанские национал-коммунисты во главе с Н. Наримановым, опиравшиеся на турок и использовавшиеся Сталиным. Каждая из этих трех групп имела свои особые побудительные мотивы для проведения линии на разрушение армянского государства.

Негативное воздействие еврейской группы на Армянский вопрос сильнее всего проявлялось на начальной стадии — в агрессии германо-турецкого союза и в отказе советского правительства от традиционной гуманистической политики России в Армянском вопросе.

В дальнейшем разрушительное воздействие советской России в Армянском вопросе ассоциировалось в основном с именем Сталина.

В советской внешней политике на Ближнем Востоке и, в частности, в вопросе армяно-турецких отношений обозначились две линии. Сталину и его группе противостоял в пределах, допускавшихся партийными интересами и партийной иерархией, Народный комиссариат иностранных дел и лично его руководитель Г. Чичерин — единственный профессионал в сфере внешней политики, отпрыск дворянского рода. Его поведение, очевидно, мотивировалось, во-первых, пониманием опасности пантюркизма и, во-вторых, пониманием необходимости хоть как-то считаться с реакцией мирового сообщества, с Союзными державами и с создававшейся тогда Лигой Наций.

Наркоминдел занимал в этих вопросах более взвешенную позицию, ориентирующуюся не столько на слова, сколько на дела турецких националистов. Не исключая применения силы в интересах «победы социализма» в мировом масштабе, Наркоминдел стремился к достижению целей советской внешней политики в Армении преимущественно политическими средствами. Он выступал если не за соблюдение прав армян, то, по крайней мере, за видимость соблюдения общепринятых правовых и моральных норм.

¹ Хемингуэй Э. В ожидании оргий // Ной. 1993. № 6. С. 125.

Хотя Наркоминдел был в полном подчинении Ленина и его партийного аппарата, невозможно судить о содержании позиции советского правительства РСФСР по Армянскому вопросу только на основании заявлений самого Чичерина.

Установленная в советской России партийно-государственная система управления — «диктатура пролетариата», полностью исключала демократизм принятия решения и сводилась к диктатуре партии, диктатура партии — к диктатуре Политбюро, диктатура Политбюро — к диктатуре генерального секретаря.

Тенденция сосредоточения власти в руках Сталина, обозначившаяся еще до болезни Ленина, стала реальностью уже во время его болезни. Система, созданная большевиками, позволила в полной мере раскрыться таким личным качествам будущего вождя «всех времен и народов», как авторитарность, властолюбие, карьеризм.

По мере усиления власти Сталина реальная политика на Кавказе и в прилегающем регионе все в большей мере сосредоточивалась в возглавлявшемся им параллельном центре. Свою антиармянскую линию в восточной политике страны Сталин заблаговременно и целенаправленно обеспечивал преданными ему кадрами. Понятно, что в первую очередь он стремился избавиться от заместителя народного комиссара иностранных дел армянина Л. Карахана. Уже в августе 1919 г. Сталин выдвигает свое «старое предложение» о замене на этом посту армянина Карахана на азербайджанца Нариманова. В письме Чичерину Сталин заявляет о «полном несоответствии состава ответственных работников Наркоминдела с нашей, так сказать, «мусульманской» политикой»¹.

В качестве аргумента Сталин утверждает, что «наличие Карахана в Наркоминделе, армянина по национальности, единственного «восточного человека», призванного для внешнего мира представлять народы Востока, — режет слух и нарушает гармонию в нашей восточной политике, ослабляет силу и эффект нашей политики в глазах народов Востока и прежде всего мусульман».

Предложив Ленину «возбудить вопрос в ЦК о замене Карахана кем-либо из мусульман, хотя бы со средней партийной подготовкой», Сталин настаивает на кандидатуре азербайджанского национал-коммуниста Нариманова: «Нариманов для меня один из многих таких мусульман...» Сталин не считал существенным ни то, что «у него отсутствует широкая политическая перспектива», ни то, что назначение Нариманова могло бы вызвать отрицательную реакцию в Индии: «Если неприязненные отношения между мусульманами Индии (меньшинство) и остальным населением последней (большинство) в самом деле играют или могут играть роль, то это обстоятельство говорит не против Нариманова или другого какого-нибудь мусульманина (личность Нариманова не имеет для меня решающего значения), а за то, что кроме Нариманова и рядом с ним необходимо еще иметь одного или двух русских или вообще «восточных» работников (ни в коем случае не армян)».

Сталин принимал меры, чтобы лишить армян всякой возможности представлять или защищать свое правое дело и указывать на подлинные интересы России в вопросах армяно-турецких отношений. В конце концов он добился исключения из состава советской делегации на Московской конференции заместителя Наркома иностранных дел РСФСР Л. Карахана. Ни один политический деятель

¹ Док. № 651.

армянского происхождения не допускался к процессу принятия решений по Армянскому вопросу. Защищать интересы армянского народа поручалось националистически настроенным грузинским или азербайджанским деятелям¹. На местном же уровне он терпел только тех армян, которые по его указаниям защищали интересы турок и турко-азербайджанцев.

То, что Сталин представлял как «полное и нужное для нас соответствие между направлением нашей политики и персональным составом ее проводников», на самом деле было планомерным занятием руководящих позиций в восточной политике РСФСР своими земляками — грузинами, которые не были мусульманами, но его это, понятно, не смущало.

Сталин все больше оттеснял Чичерина от участия в определении восточной и, в частности, армянской политики советского государства. Руководство переговорами с кемалистами сосредоточивалось в неразборчивых руках Сталина и его земляков.

Попытки Г. Чичерина и возглавлявшегося им Наркоминдела придать восточной политике большевистского правительства в Армянском вопросе элементы реализма и хотя бы минимум человеческой морали и справедливости, видимость ее соответствия нормам международного права наталкивались на противодействие Сталина и его группы. Политика Чичерина стала одной из первых мишеней злых нападок Сталина и его подголосков. В то же время Наркоминдел, игравший временами роль сдерживающего фактора, в определенной мере использовался как ширма, прикрывавшая грязную деятельность сталинистов.

Позиция Сталина в Армянском вопросе определялась не только его большевистским мировоззрением и его неумным карьеризмом, стремлением прибрать к рукам сферу межнациональных отношений и внешнюю политику. Другим определяющим элементом субъективизма Сталина в подходах к восточной политике и особенно армяно-турецким отношениям был банальный национализм.

Мало кто знал, что Сталин, представлявшийся образцом советского интернационализма, на самом деле в глубине души был заурядным националистом. Иосиф Джугашвили, до того как он стал Сталиным, избрал своим партийным псевдонимом имя абрека Коба. Он автор стихотворного гимна «Грузия», превзошедшего по выраженному в нем чувству национализма стихотворение «Люби Украину», за которое его автор Сосюра был подвергнут им репрессиям.

Особенно сильно национализм Сталина проявлялся в армянофобстве, хотя трудно найти в мире два народа, которые были так тесно связаны и будущее которых так настоятельно требовало их единения. И тем не менее, а быть может, именно поэтому заурядному грузинскому национализму присущ антиармянский синдром.

Бытуют различные объяснения армянофобства Сталина — от мести за «эксплуатацию» отца-пьяницы армянским фабрикантом Адельхановым до неразделенной любви. Нет смысла искать корни. Достаточно выявить конкретные проявления.

Макиавеллизм Сталина, его вероломство и жестокость, его безразличие к судьбам народов, его готовность жертвовать всем, что стояло на его пути, впер-

¹ Док. № 859 и др.

вые во всей полноте проявились в его отношении к Армянскому вопросу, к трагедии армянского народа.

Приводимые в Сборнике документы, в том числе и впервые вводимые в научный оборот, рисуют труднообразимую картину циничного попрания большевистскими правителями России, в первую очередь Сталиным и группой его земляков, не только основополагающих норм международного права, но и самых элементарных норм человеческой морали. Документы свидетельствуют о роковой роли этого фактора в трагической судьбе армянского народа. Как и в чем проявлялась деструктивная политическая линия Сталина в Армянском вопросе, будет показано на конкретном материале.

Сосредоточивая в своих руках решение восточной политики РСФСР, включая все вопросы, касавшиеся отношений с Азербайджаном, Турцией, Арменией, Грузией и Кавказа в целом, Сталин опирался прежде всего на так называемую кавказскую группу деятелей, состоявшую из лично преданных ему земляков и азербайджанских национал-коммунистов — Нариманова и др.

Выиграв «кадровую войну» с Наркоминделом, Сталин отстоял и укрепил позиции своих сторонников. Его «наместником» на Кавказе оставался С. Орджоникидзе, занимавший ключевые партийно-государственные и военные посты в качестве члена Кавказского бюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта.

8 июня 1920 г. в качестве дипломатического и военного представителя РСФСР при кемалистском правительстве Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) был назначен Элиава¹. Впоследствии вместо него на этот пост был назначен вопреки противодействию Чичерина другой земляк Сталина — Мдивани. «Мы против Мдивани...» — телеграфировал Чичерин Сталину в Баку 6 ноября 1920 г.² Объясняя самому Сталину отрицательное отношение к назначению Мдивани, Чичерин сообщал, что он «для этой цели недостаточен и слишком мало знаком с нашей общей политикой»³. Сталин добился его назначения, указывая, что Мдивани «с достоинством выполнит возложенную миссию»⁴.

Мдивани, как будет показано, поставлял Сталину информацию, нужную тому для проведения своей протурецкой политики. Давая объективную оценку деятельности этого ставленника Сталина, Чичерин отмечал, что «он чрезвычайно легко поддается туркам и за последнее время сделал по этой причине ряд бесптактностей». Чичерин указывал, что если бы в Ангоре был посол, способный противостоять «клеветам и всяческим махинациям наших врагов», то «многое сложилось бы иначе»⁵.

Основной фигурой турецких агентов влияния был выдвиженец Сталина, председатель Ревкома Азербайджанской ССР Н. Нариманов. В своих подметных письмах Ленину Нариманов поддерживал турецкую экспансию в Армению, воспроизводя почти дословно аргументы, выдвигавшиеся Турцией и поддерживавшиеся Сталиным.

¹ Док. № 694.

² Док. № 875.

³ Док. № 899.

⁴ Док. № 902.

⁵ Док. № 1093.

6. Первое проявление армянофобства Сталина — вывод российских войск из турецкой Армении

Сталин в качестве Народного комиссара по делам национальностей подписал 29 декабря 1917 г./11 января 1918 г. вместе с Лениным Декрет Совета Народных Комиссаров о независимости турецкой Армении. В качестве гарантии свободного самоопределения армян Декрет предусматривал вывод российских войск¹ с занятых в ходе Первой мировой войны территорий турецкой Армении.

Вывода российских солдат из оккупированных по праву войны областей турецкой Армении большевики добивались упорно и последовательно — вначале как требование к Временному правительству, а потом, после прихода к власти, как вопроса практической политики.

Выдвигая требование о выводе войск с оккупированных территорий как общее требование ко всем воюющим странам, сама Россия могла вывести свои войска только из турецкой Армении — единственной области, занятой Россией в ходе Первой мировой войны. Выводя свои войска из турецкой Армении, советское правительство, очевидно, рассчитывало, что Германия и ее союзники последуют ее примеру и также выведут свои войска из оккупированных стран Европы. В этом был определенный политический смысл, поскольку там создавались бы условия для советизации.

Как ни заманчиво было это с точки зрения распространения «мировой революции», в реальности же перспективы вывода германских войск не существовало. Лозунг был обречен на то, чтобы остаться односторонней акцией с тягчайшими политическими последствиями. Германия свои войска не только не вывела, но стала расширять зону оккупации. Турки также воспользовались представившейся возможностью для территориальной экспансии — реализации политической программы пантюркизма.

В результате этой политически наивной, а в моральном отношении позорной акции Россия вынуждена была подписать «грабительский» и «похабный» (по ленинским же определениям) «мирный» договор, потеряв дополнительно Прибалтику, Украину и значительную часть европейской России. Турция не только захватила освобожденные территории турецкой Армении, но и значительную часть подвластной России территории Армении, включая и те, которые перешли к Республике Армении и в качестве правопреемницы.

Не оправдались и надежды большевиков на использование солдат выводимых из турецкой Армении частей в качестве революционной силы на Кавказе. Многие русские солдаты до России так и не доехали: на станции Шамхор в Азербайджане они были перебиты. Очевидно, что это было сделано не только с целью захвата оружия для азербайджанских сепаратистов², но и для того, чтобы не допустить русских солдат в Баку, через который пролегал их путь.

Об этом злодеянии в отношении российских солдат, которые в течение трех лет самоотверженно защищали границы Кавказа, имеется свидетельство Чрезвычайного комиссара по делам Кавказа С. Шаумяна. В первой половине января 1918 г. при попустительстве меньшевистских руководителей Закавказского комиссариата

¹ Док. № 314.

² Было отобрано 15 тыс. ружей, до 70 пулеметов и 2 десятка пушек.

та Елизаветпольский (ныне г. Гянджа) мусульманский национальный комитет, возглавив тысячные банды вооруженных азербайджанцев, совершил, как писал Шаумян, «тягчайшее преступление»: были убиты и искалечены тысячи русских солдат, трупами которых была усеяна железнодорожная линия¹. Информацию о трагической судьбе русских солдат, выведенных по настоянию Сталина из турецкой Армении, можно найти и в сталинском «Кратком курсе ВКП(б)».

Вывод русских войск из турецкой Армении имел трагические последствия и для армянского народа. В условиях, когда часть армянского населения турецкой Армении была вырезана, другая — депортирована в «лагеря смерти» в пустыне Месопотамии, когда спасшиеся от резни и «депортации» начали возвращаться на свою родину, вывод российских войск, единственного гаранта безопасности уцелевших армян, объективно означал предательство. Тем более что геноцид был организован турецким правительством под тем предлогом, что армяне помогали или могли помочь войскам России в Первой мировой войне.

Утверждение, будто вывод войск необходим для обеспечения «свободного волеизъявления» армян, в существовавших тогда условиях было циничной ложью. Советское правительство информировало, что за выводом русских войск неизбежно последует резня армян. Его представитель — Чрезвычайный комиссар по делам Кавказа С. Шаумян 20 декабря 1917 г. писал в «Кавказском рабочем», что «внезапный отход русских войск создаст крайне тяжелое положение в Турецкой Армении. Мы уже знаем о сотнях тысяч жертв, принесенных армянами за время этой проклятой войны... Зная положение вещей в этой несчастной стране, мы должны быть уверены, что там создается новый ад, прольются новые реки крови невинного мирного населения. Наша революционная армия не может остаться безучастной к судьбе этого населения»².

Сохранение русских войск в турецкой Армении было единственной гарантией безопасности возвращавшихся туда армянских беженцев. По свидетельству поэта Вагана Терьяна, который вел в Москве эти переговоры, даже Ленин соглашался удовлетворить просьбу армян и не выводить войска, но Сталин был категорически против. В результате большевистское правительство не вняло просьбам армян оставить русские войска в Армении. Есть все основания утверждать, что продолжение арменоцида было не только неизбежным результатом вывода русских войск, но и целью самого Сталина.

Чем можно объяснить эту позицию Сталина? «Принципиальными» соображениями провозглашенной Лениным политики мира без аннексий с выводом войск и предоставлением права населению решать судьбу территории на основе права на самоопределение? Вряд ли Сталин был большим католиком, чем сам Папа Римский. Были ли у него свои соображения? Был ли сознательный развал турецкого фронта России следствием армянофобства Сталина или проявлением большевистского доктринерства?

Независимо от мотивов, вывод российских войск оголил фронт и тем самым создал условия не только для продолжения геноцида в турецкой Армении, но

¹ Шаумян Ст. К разоружению войск Совета народных комиссаров в Закавказье // Бакинский рабочий. № 28. 19(6) февраля 1918; Шаумян Ст. Закавказский комиссариат и революция в Закавказье // Бакинский рабочий. № 44. 9 марта (24 февраля) 1918 г.; Шаумян С. Г. Избранные произведения. М., 1958. С. 185—186, 196—200.

² Док. № 636.

также и для переноса политики геноцида в Восточную (российскую) Армению. Вывод российских войск из турецкой Армении, создав возможности для реализации захватнических пантюркистских планов, нанес сильнейший удар по государственным интересам самой России, способствуя ее расчленению.

Армяне должны были одни отстаивать территорию, свое право на физическое существование против вооруженных сил Оттоманской империи, которые пользовались военной поддержкой Германии. Положение армян осложнялось не только общей слабостью народа, лишенного на протяжении многих веков своей государственности и своих вооруженных сил. Почти все мужское население турецкой Армении было перебито. В российской Армении около 300 тыс. армян были призваны в армию и направлены преимущественно на Западный фронт, где они воевали против Германии и Австро-Венгрии¹.

Тем более примечателен факт, что из солидарности с армянами и понимая, что речь идет о защите интересов и самой России, 300 верных долгу русских офицеров остались защищать Армению вместе со своими армянскими соратниками². Сталин и советское правительство России покинули армян в беде, оставили их одних лицом к лицу с рвавшейся к Баку и сметавшей все на своем пути турецкой армией.

7. Функция кемализма в Армянском вопросе: довершение геноцида и сохранение последствий преступления

После того как провалились усилия младотурецкого правительства Оттоманской империи, стремившегося, опираясь на Брест-Литовский договор, предотвратить военным путем наступление ответственности за совершенное преступление геноцида³, вопрос этот перешел в ведение Парижской мирной конференции и султанское правительство признало содержащийся в мирном договоре вердикт мирового сообщества⁴. В этих условиях политическую функцию освобождения турок и турецкого государства от неотвратимого возмездия взяли на себя турецкие националисты под предводительством генерала М. Кемаля.

Кемализм идейно сформировался как антиармянская сила, имевшая целью довершить геноцид армян и сохранить результаты этого преступления. Документы Сборника прямо показывают, что турецкие националисты пользовались не только опытом, но и поддержкой осужденных турецкими судами за совершенные преступления и укрывшихся в Германии членов распущенного младотурецкого правительства и руководителей их партии.

Цели турецких националистов были изложены в так называемом Национальном обете — программной декларации, разработанной турецкими националистами на Эрзерумском и Сивасском конгрессах в 1919 г. и одобренной созданной под давлением М. Кемаля оттоманской палатой депутатов 28 января 1920 г. незадолго до ее разгона.

¹ Арутюнян А.О. Кавказский фронт. 1914—1917 гг. Ереван. 1971. С. 317, 176.

² Lanne P. Armenia. The First Genocide of the XX Century. Translated from the German Original. München 1977. P. 163.

³ См. Комментарий к Разделу III (11, 12).

⁴ См. Комментарий к Разделу III (14, 15, 16).

Политическая функция кемалистского режима в истории турецкого государства состояла в том, чтобы:

- 1) довершить геноцид армянского народа;
- 2) освободить организаторов и исполнителей геноцида армян от международной уголовной ответственности;
- 3) закрепить создавшееся в результате преступления положение — оставить за собой территорию коренного народа, не допустив реализацию политической ответственности турецкого государства за совершенное преступление — «убийство целого народа»;

4) стереть с политической карты мира возрожденное на территории бывшей Российской империи армянское государство и аннексировать его территории.

В условиях, когда международное сообщество в лице Парижской мирной конференции признало юридический факт совершения преступления и связанную с этим ответственность, уничтожение независимого армянского государства стало основным средством разрушения послевоенного урегулирования.

Отношение турецких националистов к геноциду армян определялось не только тем, что душой и основой кемалистского движения были младотурецкие и все другие организаторы и исполнители геноцида армян, т.е. все те, кто боялся возмездия или возврата награбленного имущества армян. Кемалисты не просто политические преемники тех, кто совершил геноцид армян, но и прямые его продолжатели: они завершили этническую чистку не только на турецкой территории в границах Оттоманской империи, но и на большей части российской Армении. Они сумели не только сохранить преступные результаты геноцида, но добились также «премии» за это преступление.

В отличие от младотурецкого правительства Оттоманской империи, надеявшегося на то, что после победы Германии ему удастся навязать выгодные ему условия послевоенного урегулирования, не допустив постановки вопроса об ответственности за геноцид армян, и потому первым признавшего «независимость» карликовой Первой республики, турецкие националисты должны были считаться с тем, что в условиях победы Союзных держав им уже не удастся навязать свои условия Армении и всему миру. Поэтому они стремились лишить армянский народ международной правосубъектности, полностью разрушив армянскую государственность.

Избежать политической ответственности, когда весь мир однозначно и единогласно признавал ответственность турецкого государства за совершенное преступление — «убийство целого народа», — было немислимо. Переложить ответственность на членов младотурецкого правительства и на правившую тогда младотурецкую партию было невозможно, так как правившая партия действовала как часть государства и осуществляла свой замысел с помощью армии, полиции, местной администрации.

Чтобы уйти от ответственности, нужно было создать видимость «нового» турецкого государства, не признающего международные обязательства законного султанского правительства Оттоманской империи и разрушить само послевоенное устройство, зафиксированное в Севрском мирном договоре.

Решить столь амбициозную задачу можно было только при поддержке силы, способной на акции мирового масштаба. Судьба оказалась милостива к организаторам первого в истории преступления геноцида. Она осчастливила турок рождением большевистского «государства диктатуры пролетариата».

Для турецкой дипломатии, мастерски владевшей искусством игры на противоречиях, появление советского социалистического государства, вознамерившего перевернуть весь мир, противопоставившего себя всему остальному миру, открыло безграничные возможности маневрирования. Турки воспользовались всемирно-историческим катаклизмом — противостоянием российского большевизма и западного мира. Опираясь на вынашивавшуюся большевиками навязчивую идею мировой революции и их фанатичную ненависть к державам Антанты, кемалисты противопоставили им советскую Россию.

8. Установление политических связей между советской Россией и турецкими националистами

После поражения Османской империи и аннулирования Брест-Литовского договора большевики поддерживали тесные политические контакты со сбежавшими в Германию организаторами и исполнителями геноцида армян — членами правившего триумvirата — Талаатом, Энвером, Джемалом и с другими палачами армянского народа, приговоренными в 1919 г. турецкими же трибуналами к смертной казни за депортацию и резню армянских подданных империи. В Германии они вели переговоры с советскими эмиссарами как представители турецких националистов-кемалистов.

Секретарь Исполкома Коминтерна и член ЦК РКП(б) Карл Радек (Собельсон) в докладе IV Конгрессу Коминтерна сообщал: «...еще в 1919 году, когда мы были отделены от Турции фронтами: Деникинским, Закавказским, Грузинским, мусаватистами и дашнаками, правительство Кемала и турецкие эмигранты начали искать связей с советской Россией... В сентябре 1919 г. начались переговоры с представителем Турции и советскими представителями в Берлине»¹.

Установив с помощью беглых младотурецких лидеров союзнические отношения с их преемниками — кемалистским правительством Турции, советские руководители продолжали поддерживать с ними политические связи в расчете воздействовать тем самым на кемалистов, либо иметь возможную альтернативу. Бросая вызов человечеству, в Москве к этим преступникам проявляли заботу и внимание даже на официальном, и притом высшем уровне.

По сообщениям британской разведки, советские агенты активно налаживали связи с оставшимися в Константинополе младотурецкими лидерами. Через младотурок, примкнувших к движению националистов, большевики выходили на самого Кемала. Как сообщал из Константинополя британский разведчик майор Хэй директору военной разведки Великобритании, советское правительство России в декабре 1919 г. через своих людей в османской столице пыталось установить контакт с Мустафой Кемалем. В еженедельном обзоре разведанных от 14 января 1920 г. MI Ic (позже переименованной в Secret Intelligence Service) сообщалось, что большевистским агентам в Турции поручено вести работу, руководствуясь только националистическими и панисламистскими лозунгами².

¹ Радек К. Пять лет Коминтерна. Ч. II. М., 1924. С. 209—210. См.: Казанджян Р. Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920—1922). М., 1996. С. 4—5.

² British Intelligence and the Turkish National Movement, 1919—20. Middle Eastern Studies. London. January 2001; A. L. Macfie. Volume 37.

Информация о существовании тайной договоренности относительно раздела стран Кавказского региона была зафиксирована вездесущими спецслужбами держав Антанты. О существовании тайного соглашения между кемалистами и советским правительством России английские власти были информированы уже в марте 1920 г.

В посланной 12 марта 1920 г. из Тифлиса в Лондон секретной депеше Верховного комиссара Великобритании в Закавказье Уордропа лорду Керзону отмечается существование тайного соглашения советского правительства России с ангорским правительством кемалистов. В депеше указывалось, что бывший заместитель военного министра Османской империи Фуад бей сообщил 7 марта британскому временному политическому представителю в Баку майору Деннису Дэйли, исполнявшему обязанности политического представителя в отсутствие полковника Стоукса, что «Мустафа Кемаль имеет соглашение с Лениным, которое предоставляет большевикам свободу рук на Северном Кавказе и в Азербайджане с целью обеспечить свободный провоз оружия для него. Мустафа Кемаль согласился допустить британцам в Месопотамии. Турки предлагают вскоре совершить государственный переворот, используя так называемые добровольные рабочие вооруженные отряды; большевики тратят огромные суммы на подкуп турецких офицеров»¹.

Судя по всему, речь могла идти об устных договоренностях, которые не были оформлены в виде официального межгосударственного акта. Два никем не признанных режима, естественно, стремились к оформлению своих межгосударственных договорных отношений.

Основным центром «стыковки» был Азербайджан — вначале мусаватистский, а потом и советский. В годовом отчете Наркоминдела РСФСР за лето—осень 1920 г.² прямо указывалось, что кемалисты установили и поддерживали политические связи с советским правительством России через Азербайджан. «Кемалисты, — говорится в этом документе, — вступили с нами в сношения через Азербайджан...». Инициаторами этих контактов советских властей с представителями младотурок и кемалистов были «кавказские» деятели — земляки Сталина и азербайджанские национал-коммунисты.

Чичерин и его ведомство, в отличие от Сталина и его группы, представляли реальную суть кемализма и потенциальную угрозу пантюркизма для России. Еще до получения послания Кемала Ленину Нарком Чичерин выступил против договора Кавказского краевого комитета РКП(б) с младотурками и в письме В. Ленину, Н. Крестинскому, Е. Стасовой и Н. Нариманову от 1 марта 1920 г. поставил под сомнение перспективы союза с младотурками и панисламистами: «Мы не можем рассчитывать на длительный союз с силою, по существу, нам враждебною, и мы себя можем только компрометировать попытками таких союзов, при которых мы политически всегда окажемся обманутой стороною и принципиально придадим силы реакционной идеологии»³. Чичерин, как руководитель Наркоминдела, допускал выдвигание идеи «о нашей роли в освобождении Востока от европейского империализма, поскольку нас не будут ограничивать дипломатические соображения»⁴.

¹ Док. № 662—663.

² Док. № 961.

³ Док. № 659—660.

⁴ Там же.

В середине апреля, еще до того как было отправлено письмо лидера турецких националистов Кемаля Ленину, Орджоникидзе рекомендовал командованию Красной армии пользоваться при советизации Азербайджана услугами генерала Халил паша и Нури паша, которые имели предписание от самого Кемаля «впредь относиться к советской республике как к дружественной державе»¹.

Нури паша — брат члена младотурецкого триумвирата Энвера, идеолог пан-туркизма, участник захвата Баку в 1918 г. и войны против армян в Карабахе. Другой представитель кемалистов, устанавливавший связи с российскими властями — генерал Халил паша, одержавший победу над английской армией при Кут-эль-Амаре и взявший в плен генерала Тоунсенда. Но подвиги Халила этим не ограничивались. Он вместе с Бехаэтдином Шакиром и другими младотурецкими организаторами геноцида армян в Османской империи помогал в осуществлении геноцида армян и в Азербайджане; активный участник турецко-азербайджанской геноцидной войны против армян Карабаха. В опубликованных после Первой мировой войны мемуарах Халил паша хвастал, что убил «300 000 армян», и добавлял, что «может быть, больше или меньше. Я не считал». В другом случае он заявил: «Я стремился уничтожить с лица земли армянскую нацию до последнего человека»². Он был осужден турецким трибуналом *in absentia* и был арестован Союзными державами, но сбежал из тюрьмы и, как и многие другие младотурецкие деятели, примкнул к руководимому Кемалем движению турецких националистов. Именно Халил, по признанию Наркоминдела РСФСР, «впервые ознакомил нас со стремлениями новой Турции и с переживаемыми ею тяжелыми испытаниями»³.

Выполняя миссию, порученную ему Кемалем, генерал Халил установил в Баку связи с местными коммунистами и через них вышел на Москву. Вот как сам Кемаль объяснял свой выбор и определял поставленную задачу: «Мы решили воспользоваться вашим опытом в восточных делах, касающихся, в частности, установления отношений с большевиками, а позднее и в поставках оружия, снаряжения и денег. Вы руководили в 1918 году операциями нашей армии на Кавказе и вы установили в это время тесные связи с большевиками. Поэтому помощь, которую вы сможете оказать Анатолии в этом отношении, будет более ценной, чем любая другая услуга. Выполняя порученную вам миссию, вы сможете прояснить нам положение на Востоке и в случае успеха обеспечить нам помощь самого большого значения»⁴.

Параллельно с Халилом в Баку действовал прибывший туда в середине октября 1919 г. турецкий коммунист д-р Фуат Сабит. После поражения Деникина группы Халил паша и Фуата Сабита объединились и определили свои задачи следующим образом:

1. Сместить мусаватистское правительство и создать кабинет, который договорится с большевиками.

2. Создать общий комитет действия с тремя секциями, занимающимися военными, разведывательными и пропагандистскими операциями.

¹ РЦХИДНИ, ф. 85, оп. 13, д. 3, лл. 1—3. Приводится по: Казанджян Р. Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях. (1920—1922 гг.). С. 5.

² Dadrian V. Documentation of the Armenian Genocide in Turkish sources. P. 116—117.

³ Док. № 961.

⁴ Orient. 2e Trimestre 1963. № 26. P. 33.

3. Просить Красную армию не занимать Баку без просьбы турецкой коммунистической партии¹.

Кязым Карабекир, командовавший группой войск, сформированных для вторжения на территорию Республики Армении, положил эту программу в основу инструкции, составленной 18 апреля 1920 г. для военной миссии, направляемой в Москву²:

1. Мы согласны сотрудничать с большевиками для операций против империалистических правительств для освобождения угнетенных ими народов.

2. В случае, если военные силы большевиков предпримут операции против Грузии или если политическими средствами или влиянием они принудят Грузию принять полностью большевистское управление и, заключив союз с большевиками, предпринять действия против английских сил для их изгнания из страны, турецкое правительство обязуется, в свою очередь, предпринять военные операции против империалистического армянского правительства и побудить правительство Азербайджана полностью принять принципы и цели большевиков и примкнуть к группе большевистских правительств. Именно поэтому мы не считаем необходимыми русско-большевистские операции против Азербайджана.

3. Турецкие военные силы оккупируют преимущественно исламские районы территории, ныне управляемой армянским правительством, и при помощи сильной военной организации установят административную систему управления.

4. Для обеспечения операции против империалистических правительств в соответствии с принципами и программой большевиков Турция просит большевистское правительство предоставить минимум возможной помощи в отношении финансов, продовольствия и снаряжения.

Эти положения инструкции в несколько измененном виде были изложены в письме, направленном 26 апреля 1920 г. Председателем ВНСТ М. Кемалем Председателю Совнаркома В. Ленину³.

9. Программа кемалистско-большевистского взаимодействия в послании М. Кемаля В. Ленину

Письмо, направленное 26 апреля 1920 г. председателем ВНСТ М. Кемалем главе советского правительства В. Ленину, официально называлось «Первое предложение Большого Национального Собрания Турции российскому Советскому правительству в Москве»⁴. Предлагая придать отношениям двух отверженных миром режимов межгосударственный статус — установить между ними дипломатические отношения, М. Кемаль изложил программу политического взаимодействия между двумя государствами.

Ни дата обращения, ни его содержание не были случайными. В начале 1920 г. возглавляемый М. Кемалем так называемый Представительный комитет принял решение «на Восточном фронте провести официальную или неофициальную мобилизацию и начать концентрацию войск для ликвидации с тыла Кавказской

¹ Karabekir K. Istiklal Harbimiz. Istanbul, 1960. P. 610.

² Ibid. P. 633—634.

³ Die Welt der Islams, N. S. Vol. VI. P. 205. См. также док. № 668, 669.

⁴ Док. № 669.

преграды». Об этом решении М. Кемаль писал 6 февраля 1920 г. командующему Восточным фронтом Кязиму Карабекиру¹.

В середине апреля, закончив мобилизацию и вооружение войск, Кязим Карабекир телеграфировал кемалистскому руководству: «В ближайшие дни я должен известить о том, что Армения стерта с карты мира»². 30 апреля 1920 г. представитель Великобритании в Грузии Люк сообщал о вероятности совместного турко-большевистского нападения на Армению³.

В самый день обращения Кемалья к Ленину — 26 апреля 1920 г. завершила работу Конференция Союзных держав в Сан-Ремо, на которой было окончательно решено подписать мирный договор с Османской империей. Стало очевидным, что военно-политическое сотрудничество с большевистским правительством России — необходимая предпосылка для нападения турок на Армению и ее уничтожения.

В письме правительства ВНСТ изложена целая программа политического взаимодействия двух никем еще не признанных государств. В первом пункте правительства ВНСТ принимало на себя общее обязательство «соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти...».

Второй, основной, пункт, который содержал условия раздела между кемалистской Турцией и советской Россией трех стран в худших традициях империалистической политики, гласит: «Если советские силы предполагают военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, Турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую республику войти в круг советских государств»⁴.

Обещая содействовать советизации — «вхождению в круг советских государств» Азербайджана и Грузии, правительство ВНСТ в обмен добивалось предоставления туркам права завоевать всю Армению — не только турецкую часть, потерянную Османской империей в ходе войны, но и никогда ей не принадлежавшую российскую.

Возникает вопрос: почему турки, которые ввязались в Первую мировую войну для реализации пантюркистской программы территориальной экспансии, обещали содействовать в советизации Азербайджана?

Турки понимали неизбежность вступления Красной армии в Баку. В условиях, когда речь шла о существовании самого турецкого государства, кемалисты как прагматичные политики, трезво оценивая положение Турции и понимая неизбежность занятия Азербайджана Красной армией, на время решили отказаться от программы пантюркистской экспансии и даже от непосредственной цели, столь близкой к реализации в Азербайджане, и ограничились сохранением созданного ими в 1918 г. государства хотя бы в советской форме.

¹ См.: Кемаль М. Путь новой Турции. М., 1934. Т. III. С. 313.

² Cemal Kutay. Karabekir Ermenistan nasil yok etti? Istanbul. 1936. S. 36.

³ См. док. № 672.

⁴ Док. № 669.

Прежде всего надо было спасти само турецкое государство в границах, которые позволили бы при благоприятных условиях возобновить реализацию политической программы пантюркистской экспансии. Для этого надо было удержать армянский плацдарм, без которого исключалась всякая возможность реализации каких бы то ни было планов. Поэтому главной целью стали удержание потерянной уже Западной (турецкой) Армении, возвращение Карсской области и завладение некоторыми другими территориями, которые Турции никогда не принадлежали.

Привлекая советскую Россию к саботажу мирного урегулирования, осуществлявшегося под эгидой держав Антанты, и стремясь захватить Армению, кемалисты готовы были временно пожертвовать Азербайджаном, тем более что ее советизация подошедшей Красной армией была уже неотвратима. При этом, имея в виду временный характер этой уступки, они добивались от советской России щадящего отношения к азербайджанским пантюркистам-мусаватистам.

Под «силами империализма», с которыми должна была вестись совместная борьба для «освобождения всех угнетенных народов», подразумевались не только государства Антанты, но и народы, стремившиеся освободиться от геноцидной власти Турецкой империи. Прежде всего это была Армения, которую кемалистское правительство, так же как и младотурецкое, стремилось уничтожить.

Изложив программу военно-политического взаимодействия, М. Кемаль просил советское правительство оказать туркам всестороннюю помощь в их борьбе против общего врага: «Чтобы, во-первых, изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию, населенную нашим народом, и, во-вторых, чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения нашей общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое должны выяснить при переговорах и, кроме того, некоторые военно-технические средства и санитарный материал, а также продовольствие для наших войск, которые, согласно требованию Советской власти, должны будут оперировать на востоке»¹.

Обращаем внимание на слова этого параграфа о «требовании Советской власти», чтобы турецкие войска «оперировали на востоке». Если державы Антанты стремились направить военные усилия турок на восток и столкнуть их с советской Россией, то последняя была заинтересована в том, чтобы турецкие войска оперировали на западе — против держав Антанты, интересы которых обеспечивались греческими войсками. Сами же турки, напротив, упор делали на военные действия на востоке, где выступали только против Армении. Требование советского правительства, чтобы турецкие войска «оперировали на востоке», означает, что оно также желало использовать турок для разрушения армянского государства. Это желание советского правительства реализовалось, как будет показано, в период войны против Армении, начатой турками осенью 1920 г.

Несмотря на то что с этого политического акта новой власти Турции стал вестись официальный отчет истории дипломатических отношений между Турецкой Республикой и РСФСР (СССР), несмотря на то, что по этому поводу прово-

¹ Док. № 669. Выделено нами. — Ю.Б.

дились официальные торжества, содержание этого послания и в особенности его третьего параграфа советский режим держал в строжайшем секрете как государственную тайну особой важности. Содержание этого пункта письма рассекречено только недавно, уже после того, как СССР перестал существовать.

То обстоятельство, что события опередили предложенную в письме Кемаля программу совместных действий и раздела территорий в части обязательства содействовать советизации Азербайджана (через пару дней после написания письма 11-я Красная армия заняла Баку), говорит о том, что предложенная Кемалем программа начала претворяться в жизнь еще до отправки послания и фактической советизации Азербайджана. Это обстоятельство признается и в цитированном выше годовом отчете Наркоминдела за лето — осень 1920 г.: «...группа их [кемалистов] приверженцев содействовала перевороту и приглашению российских красных войск революционным азербайджанским правительством».

Апологеты большевистской политики в отношении Армении утверждают, что в послании М. Кемаля речь шла лишь об одностороннем подходе кемалистов, к которому советское правительство якобы отношения не имело, что в ответе советского правительства, который исходил от Чичерина, а не от Ленина, эти положения отсутствуют, а потому речь не может идти о межправительственном соглашении.

То обстоятельство, что большевистский режим держал в секрете часть послания, в которой излагалась основа взаимоотношений двух государств, апологеты большевизма представляют как подтверждение того, что большевистская Россия не была согласна с изложенной в послании Кемаля программой политических акций или, во всяком случае, не была к ней причастна. Однако более логичен прямо противоположный вывод: если бы советское правительство не было причастно к предложенной Кемалем программе отношений между турецкими националистами и российскими большевиками, если бы в его послании речь шла только об одностороннем представлении турок об основах этих отношений, то не было бы необходимости делать из этого послания государственную тайну особой важности, ревностно утаивать этот документ от советской и мировой общественности, а тем более публиковать его фальсифицированные тексты¹.

10. Ответ советского правительства России на предложение ВНСТ

Согласно официальной истории советско-турецких отношений, письмо М. Кемаля дошло до В. Ленина только 1 июня 1920 г., и по его распоряжению Наркоминдел Г. Чичерин ответил 4 июня².

Документально установлено, что письмо было получено в Баку 24 мая. Об этом Орджоникидзе в тот же день сообщил Ленину, Сталину и Карахану: «Сегодня получено письмо от Комил-паши, в котором он просит помощи и предлагает союз»³. Не может быть сомнения, что речь шла именно о послании Кемаля Ленину от 26 апреля и что его содержание тут же было сообщено в Москву.

¹ См. док. № 668.

² См. док. № 692.

³ Док. № 684.

Тот факт, что Кемалю ответил Народный комиссар иностранных дел, а не сам Ленин, и ввиду того, что в ответном послании изложение письма Кемаля явно расходится с его действительным содержанием, армянские апологеты политики большевистского правительства в отношении Армении (как это ни парадоксально, есть и такие) представляют как «доказательство» принципиального расхождения в подходах кемалистов и российских большевиков к решению Армянского вопроса. Утверждают, что в послании Кемаля речь идет только о турецком подходе, к которому советское правительство России было непричастно и даже относилось отрицательно. Утверждают также, будто и само содержание «ответного» послания говорит о принципиально ином подходе советского правительства к решению Армянского вопроса.

К сожалению (и не только для апологетов), элементарная логика и факты заставляют думать иначе. Правильнее было бы предположить (только предположить), что расхождение по форме изложения было связано с тем, что советское правительство, при всем его пренебрежении к мировому общественному мнению, не могло официально и открыто солидаризироваться со столь одиозным документом, отличавшимся от торжественно декларированных ими «новых» принципов международных соглашений.

В письме Чичерина сообщалось, что «советское правительство с удовлетворением приняло к сведению основные принципы внешней политики нового Турецкого Правительства, возглавляемого Большим Национальным Собранием в Ангоре».

Наряду с провозглашением независимости Турции в качестве основного принципа указывалось на «включение в состав турецкого государства бесспорно турецких территорий». В качестве принципа внешней политики кемалистов упоминалось решение, якобы принятое Великим Национальным Собранием, «о предоставлении Турецкой Армении, Курдистану, Лазистану, Батумской области, Восточной Фракии и населению в пределах территорий со смешанным турецко-арабским элементом высказаться самим о своей собственной судьбе». В комментарии Чичерина к этому положению говорилось: «Само собой разумеется, что свободный референдум в этих местностях будет проведен при участии беженцев и эмигрантов, вынужденных в свое время оставить свою родину по причинам, от них не зависевшим, и по их возвращению на родину».

Этот комментарий почти дословно воспроизводил соответствующее положение Декрета СНК о независимости турецкой Армении. Кроме того, в письме Наркоминдела говорилось, что «Советское Правительство надеется, что дипломатические переговоры позволят Большому Национальному Собранию Турции, с одной стороны, и Армении и Персии, с другой стороны, установить точные границы на основах справедливости и самоопределения народов».

Правительство РСФСР предложило «немедленно установить» дипломатические отношения между Россией и Турцией, принимая к сведению «решение Большого Национального Собрания» образовывать свою деятельность и свои «военные операции против империалистических правительств с возвышенным идеалом освобождения угнетенных народов»¹. Оно изъявило также готовность принять на себя, по приглашению заинтересованных сторон, обязанности посредника.

¹ Док. № 692. См. также. Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. № 372. С. 554—555.

Подробное перечисление в письме Чичерина «основных принципов внешней политики» нового турецкого правительства и сопровождение их своими комментариями, видимо, должно было зафиксировать общее понимание сторонами «возвышенных идеалов освобождения угнетенных народов» либо создать видимость такого общего понимания.

Советское правительство не возражало против предложенного плана совместных действий кемалистской Турции и большевистской России, что, очевидно, предполагало согласие.

Что касается советизации Азербайджана, предложение Кемаля реализовалось буквально сразу же после отправки его письма в Москву — 29 апреля 11-я Красная армия установила в Баку советскую власть. Возникает вопрос: какой же практический смысл имело включение в письмо этого обязательства, с которым явно связывались ответные уступки советской Россией туркам в отношении Армении? Ответ очевиден: фиксация обещания служила напоминанием, что советская власть в Азербайджане была установлена при содействии кемалистов. Это обстоятельство подтверждается и официальными документами советского правительства России.

Что касается Грузии, то турки не только не противодействовали ее советизации, но даже предлагали провести совместную акцию. Как советизация Азербайджана при содействии кемалистов, так и их поведение в отношении советизации Грузии в феврале 1920 г. предполагают наличие пакетной сделки: мы вам Азербайджан и Грузию, вы нам — Армению.

Получили ли турки согласие России на захват Армении? Ведь именно сохранение последствий геноцида армян — захват и удержание территории Армении было основой кемалистского движения. Письмо Г. Чичерина Кемалю сформулировано столь витиевато, что прямого ответа на это не дает. Правительство ВНСТ, как и правительство РСФСР, ссылались на принцип самоопределения. Но турки под «самоопределением» понимали право турок, совершивших этническую чистку в форме геноцида, свободно распоряжаться территорией истребленного народа.

Если судить по письму Г. Чичерина, Наркоминдел в то время все еще исходил из понимания самоопределения армян турецкой Армении в том виде, в каком это право было зафиксировано в Декрете СНК РСФСР о независимости турецкой Армении.

Упоминание в письме Чичерина самоопределения турецкой Армении, повторение условий свободного референдума, изложенных в Декрете СНК о независимости Турции, и предложение посредничества дают возможность апологетам большевизма в Армянском вопросе утверждать, что сделки с турками в Армянском вопросе РСФСР не заключала и добровольно от защиты территориальных прав Армении не отказывалась.

Этот довод как будто подтверждается и позицией, занятой Наркоминделом РСФСР в вопросах территориального разграничения Армении и Турции на переговорах с турецкой делегацией Бекир Сами бея в ходе первой Московской конференции¹ и предложением посредничества, содержащимся в самом ответе Наркоминдела Кемалю.

Неизбежно возникает вопрос: могли ли быть установлены столь тесные военно-политические союзные отношения между кемалистской Турцией и больше-

¹ См. Раздел V (13) Комментария.

вистской Россией, если бы они придерживались столь противоположных, взаимоисключающих подходов к главному для турок территориальному вопросу, ставшему основой всего националистического движения?

Поскольку такая возможность исключается, остается предположить, что в какой-то форме существовала договоренность, основывавшаяся на предложенной Кемалем программе согласованных действий. В пользу этого предположения говорит целый ряд фактов и аргументов.

Не правильно ли предположить, что письмо Кемаля было написано при наличии если не письменных, то устных договоренностей, а письмо Чичерина отражало изменившиеся условия и было рассчитано на дезориентацию мировой общественности накануне тройственной агрессии против Республики Армении? Есть все основания считать, что линия Наркоминдела использовалась большевистскими ястребами для прикрытия своей политики, для обмана мирового общественного мнения.

11. Практическая деятельность как доказательство сговора

Главным аргументом, подтверждающим существование согласованной программы действий вообще и в отношении Армении, в частности, является не форма обращения с письмом М. Кемаля как с сверхсекретным документом и даже не указания на процесс согласования предлагавшейся основы взаимодействия.

Решающим должно быть поведение сторон — практическое военно-политическое взаимодействие кемалистского правительства Турции и большевистской России. Оно полностью совпадало с программой, изложенной в послании Кемаля Ленину. О существовании согласованной основы отношений между кемалистским правительством ВНСТ и СНК РСФСР говорит вся их совместная практическая деятельность.

Кемалисты, считая, что прежде всего надо спасти Турцию, действительно содействовали советизации Азербайджана, что никак не согласуется ни с прежним, ни с последующим отношением Турции к Азербайджану. Не последовало с их стороны никаких протестов и в связи с советизацией Грузии.

Особенно разительно совпадение поведения (именно поведения, а не слов) большевистского правительства России и правительства турецких националистов в Армянском вопросе в период вторжения турецкой армии в Армению и ее советизация совместными усилиями кемалистов и советской России. Об этом же, как будет показано, говорит и полное совпадение положений заключенного в Москве в марте 1921 г. советско-турецкого договора с изложенной в послании Кемаля программой совместных действий.

Единственный серьезный аргумент в пользу того, что предложенная основа отношений не была согласована заранее, состоит в том, что война против Армении была предпринята не сразу после отправки письма Кемаля Ленину, не в мае, а только в конце сентября 1920 г., и что в этот промежуток времени Наркоминдел возражал против войны и советизации Армении и предлагал свое посредничество в отношениях между правительством ВНСТ и Республикой Арменией.

Для того чтобы правильно оценить этот аргумент, необходимо уяснить: 1) общие основы внешней политики советского правительства РСФСР; 2) кто опре-

делял политику РСФСР в отношении Армении и Турции и 3) как шло согласование действий кемалистской Турции и большевистской России.

12. Как согласовывалась политика правительств ВНСТ и РСФСР (от послания Кемалю до ответного письма правительства РСФСР)

Согласование политических основ взаимодействия правительств ВНСТ и РСФСР после письма Кемалю Ленину осуществлялось путем постоянных контактов их представителей.

От имени кемалистов в этот период переговоры с правительством РСФСР вели переместившиеся из Баку в Москву Халил паша и Фуат Сабит. Их принимали как соратников в борьбе против мирового империализма.

О методах, которыми посланцы Кемалю добивались расположения большевиков, говорят их публичные выступления. Так, например, Фуат Сабит, выступая в Большом театре по случаю приема делегации профсоюзов, произнес речь от «имени турецких крестьян и рабочих». «Товарищи, — говорил он, — самая ужасная трагедия постигла крестьян и рабочих Анатолии. Европейские капиталисты видят, что в результате пробуждения общественного мнения и рабочих своих же стран настал их конец. Поэтому они пытаются заставить работать на них турецкий пролетариат. Они разделили Турцию на зоны в соответствии с интересами своего капитала и оккупировали их для того, чтобы скрыть свои подлинные цели видимостью права, они выдвигают в качестве предлога вопросы об армянах и греках, которые являются всего лишь агентами мирового капитала. Турецкие рабочие и крестьяне ожидают, что рабочие всего мира и особенно рабочие России не откажут им в братской помощи в их борьбе за независимость»¹. Фуат Сабит обещал усиление классовой борьбы, но только после победы над внешним врагом².

Генерал Халил действовал в Москве в качестве «представителя» главы правительства ВНСТ Кемалю, что подтверждается и сообщением Г. Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. о том, что находящийся в Москве «известный турецкий деятель Халил-паша» представляет «турецкое революционное правительство Малой Азии»³. У Халила действительно были конкретные задачи и широкие полномочия, данные самим Кемалем. Фуат Сабит также представлялся как «делегат» турецкого Национального собрания.

Заслушав вопрос «О Халил-паше», Политбюро ЦК РКП(б) при участии Ленина и Сталина 15 мая 1920 г. утвердило «все практические предложения» в отношении Турции и постановило «считать возможным прием Халил-паши у т. Ленина»⁴.

После «предварительного прощупывания почвы» и принятия директив Политбюро ЦК РКП(б) по турецкому вопросу Народный комиссар иностранных дел Чичерин имел трехчасовую беседу с Халилом и Фуат Сабитом.

¹ Karabekir K. Istiklal Harbimiz. Cikaran: Turkiye Yayınevi. Istanbul. 1964. S. 789, 793.

² Ibid. S. 790—792.

³ Док. № 695.

⁴ Док. № 678.

Проявляя некоторую осторожность, Наркоминдел высказался за «сближение» с кемалистами. Сообщая об этом Ленину 16 мая 1920 г., Чичерин писал: «Мы не должны увлечься слишком широкими перспективами и начать авантюры, превышая свои силы, но с этой оговоркой я все же должен сказать, что сближение с Турецким национальным центром может вести к громадному усилению нашей политики на востоке»¹.

Халил в соответствии с поручением Кемалю «просил амуниции и денег», а в обмен он обещал свободу пропаганды в Турции и даже «введение там Советской республики». Столь же щедрые обещания давал он и в отношении того, будто турки «вполне признают самоопределение всех национальностей и готовы на отделения и на автономии». Халил даже просил Чичерина «ввиду сложных отношений с Арменией» послать вместе с ним в Ангору «армянских товарищей».

4 июня 1920 г. Халил докладывал Кемалю о проделанной работе: «Мы имели беседы с Караханом, Чичериным и Каменевым о вас и вашем положении. Совнарком принял решение помогать турецкому Национальному движению, но не сообщая публично об оказании помощи. Народный комиссариат по военным делам, т.е. Троцкий, получил приказ о немедленной отправке оружия и боеприпасов. Нас предупредили, что мы должны воздержаться от операций против Армении ввиду их положения и нашего. С нетерпением ждут прибытия делегации Великого национального собрания. Ваше правительство затем будет признано, и большевистская делегация будет послана в Анкару»².

13. Первая Московская конференция представителей правительств ВНСТ и РСФСР

Для урегулирования отношений между Россией и Турцией и заключения между ними договора еще до получения ответного письма Чичерина от 4 июня 1920 г. правительство ВНСТ направило в Москву официальную делегацию, которую возглавлял Наркоминдел Бекир Сами бей.

В радиотелеграмме, полученной в Москве 4 июля, он от имени Великого Национального Собрания выразил «живейшую радость» по поводу письма «товарища Чичерина» и изъявил готовность принять посредничество России для установления границ с Арменией и Персией. Он сообщал также, что ввиду «насильственных действий дашнакского правительства против мусульман в Армении» турецкое правительство уже объявило мобилизацию на восточном фронте для занятия необходимых стратегических пунктов, но по получении письма отсрочило выполнение этого плана.

Переговоры Наркоминдела РСФСР с делегацией правительства ВНСТ проходили в Москве в июле—августе 1920 г. В турецкую делегацию входил также депутат Юсуф Кемаль. Этой первой Московской конференцией в июле—августе 1920 г. были выработаны основы русско-турецкого договора, проект которого, датированный 24 августа, турецкая делегация повезла в Ангору для доклада своему правительству.

¹ Док. № 679.

² Karabekir K. Istiklal Harbimiz... S. 799—800.

Судя по документам, между советской Россией и делегацией ангорского правительства было полное единодушие в отношении непризнания Севрского договора. Помимо первого абзаца статьи, отвергающего в принципе «мирные договоры или иные международные акты», к принятию которых понуждалась бы силой одна из двух сторон, второй абзац содержит прямое обязательство РСФСР «не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием».

Главным препятствием для достижения полного соглашения был вопрос об установлении границ между Турцией и Арменией. Ведя переговоры, с одной стороны, с делегацией армянского дашнакского правительства, возглавляемой поэтом Леоном Шантом, а с другой — с турецкой делегацией, советское правительство оказалось перед необходимостью поиска способов согласования территориальных притязаний обоих правительств.

Стремясь найти приемлемое для обеих сторон компромиссное решение, советское правительство выдвинуло на этих переговорах в качестве основы территориального разграничения между Турцией и Арменией принцип этнографической границы по состоянию до начала этапа повсеместной и полной ликвидации армянского населения. Предлагалось провести «ректификацию старой турецкой границы» с тем, чтобы земли с преобладающим мусульманским населением перешли бы к Турции, а земли, где до 1914 г. было армянское большинство, перешли бы к Армении. Делегация ангорского правительства не только не соглашалась на воссоединение с Арменией хотя бы части территории турецкой Армении, но и требовала включения в состав Турции Карсской области в соответствии с Национальным пактом¹.

Результаты работы специальной комиссии сторон над проектом ст. 11 договора Чичерин и Бекир Сами обсуждали вечером 25 августа. По утверждению Бекира Сами, члены этой комиссии признали, что к Турции относятся территории, обозначенные в Национальном пакте. По его словам, на первом заседании этой комиссии советские представители заявили, что передадут турецкое предложение на рассмотрение правительства, а на втором заседании текст статьи был принят. «С моей точки зрения, — писал Бекир Сами Чичерину, — подписанная таким образом статья естественно включает в себя признание ее правительством Российской Советской Республики»².

В помещенном в Сборник архивном документе предложенный турками абзац, определявший состав территории Турции на основе «Национального Турецкого Пакта», перечеркнут и рукой Народного комиссара иностранных дел Г. Чичерина сбоку написано: «Отвергаем»³.

В связи с тем, что при обсуждении этой статьи Чичерин высказал возражение, руководитель делегации кемалистского правительства заявил, что его коллега Юсуф Кемаль намерен выехать 27 августа в Трапезунд с целью сообщить ту-

¹ Абзац этот гласил: «Под понятием Турции в настоящем договоре подразумеваются территории, включенные в Национальный Турецкий Пакт, выработанный и провозглашенный Оттоманской Палатой Депутатов в Константинополе и сообщенный прессе и всем государствам в феврале 1920 года».

² Док. № 801.

³ Док. № 797.

рецкому правительству об этом решении и получить по этому поводу новые инструкции¹.

В конечном документе, излагавшем согласованные положения договора, абзац, посвященный определению состава территории Турции, не дописан («под понятием Турции в настоящем договоре подразумеваются территории, включенные в Национальный Турецкий Акт от ...»), что подтверждает наличие расхождений в толковании исходных положений о территориальном разграничении и признании права народов на самоопределение².

Исходя из того, что на первой Московской конференции вопрос о территориальном разграничении не был решен, Чичерин считал, что довоенная граница существует, и даже ставил вопрос о выделении для турецких армян части территории Западной Армении, а именно — Вана, Муша и Битлиса.

Объясняя свою позицию одному из доверенных лиц Сталина — Ш. Элиаве, Чичерин посылает ему «выработанный здесь с Бекиром Сами проект» советско-кемалистского договора с объяснением расхождений с турками: «У нас расхождение по двум пунктам: мы не принимаем определения турецких границ по Национальному пакту, который почти воспроизводит Брест-Литовские границы, и мы требуем принципиального признания независимости хотя бы некоторой части Турецкой Армении, достаточной для проживания армянского населения, происходящего из Турецкой Армении»³.

Для решения вопроса территориального разграничения Наркоминдел предложил свое посредничество между Турцией и Арменией. В ноте, направленной Чичерину 26 августа, руководитель делегации правительства ВНСТ Бекир Сами подтвердил принятие предложения правительства РСФСР относительно ее посредничества «для проведения пограничной линии на границе Армении на основах справедливости и законности». В то же время он попытался поставить под сомнение возможность посредничества России, сообщив, что, по информации, полученной им от своего правительства, в ответном письме комиссариату иностранных дел правительства ВНСТ правительство Армении сообщило, что вопрос о границе решен мирным договором, подписанным Союзными державами и правительством Оттоманской империи, что линия границы будет установлена Президентом США и что Армения «намерена всецело подчиниться» постановлению «великого посредника».

Отношение правительства Армении к Севрскому мирному договору и к арбитражу Президента США Бекир Сами представляет как исключющее посредничество советского правительства России: «...мое правительство с полной готовностью принимает принцип сотрудничества русской Советской Республики, имеющего целью установить между Арменией и Турцией добрососедские и искренние дружеские отношения, тогда как армянское правительство стремится грубо навязать империалистический договор и признает судьей в этом вопросе единственно Соединенные Штаты, что влечет за собой решительный отказ от русского неимпериалистического посредничества»⁴.

¹ См. док. № 801.

² См. док. № 798.

³ Док. № 985.

⁴ Док. № 802.

14. Необъявленная война советской России и кемалистской Турции против Армении

Выйдя из Первой мировой войны и оказавшись, по существу, в стане своих противников — Германии и Турции, советское правительство России стало рассматривать своих бывших союзников по Антанте как врагов своего режима. Отказавшись от участия в послевоенном устройстве на стороне победителей, Россия превратилась в оплот потерпевших поражение государств.

Армения, потеряв традиционную поддержку России, сохранила верность державам Антанты, взявшим на себя функцию по послевоенному устройству. Это делало ее в глазах большевистских комиссаров частью враждебного лагеря Антанты. Помимо социал-империализма, как общей основы внешней политики большевистской России, отношение ее правительства к Республике Армении определялось противодействием послевоенному устройству Ближнего Востока в рамках Парижской мирной конференции и в более широком плане — курсом на использование стран Востока во «всемирной социалистической революции».

Вопрос о межгосударственных отношениях между РСФСР и Республикой Арменией перешел в практическую плоскость после победы Красной армии над Белой армией Деникина и советизации Азербайджана в апреле 1920 г. Поскольку армяне в силу своей пророссийской ориентации поддерживали отношения с Деникиным и Врангелем, уже одно это создавало предпосылки для враждебного отношения большевистского правительства России к Республике Армении.

Другое обстоятельство, предопределявшее враждебное отношение партийно-государственного руководства РСФСР к Республике Армении, было связано с тем, что армянские политики, потеряв поддержку России, сохранили верность ее союзникам — державам Антанты, воевавшим с Оттоманской империей под знаком защиты армян как жертвы турецких преступлений.

То обстоятельство, что к власти в стране пришла Армянская Революционная Федерация (Дашнакцутюн), которая придерживалась социалистической ориентации¹, не облегчало, а усложняло положение Армении: большевики-ленинцы, отстаивая «чистоту» своего сектантского учения, относились к сторонникам социализма с человеческим лицом более враждебно, чем к своим «буржуазным» противникам.

РСФСР вошла в непосредственное соприкосновение с Республикой Арменией когда Азербайджан, как советская республика, превратился в составную часть советского государства. Юридическое же положение Азербайджана колебалось между автономией в составе РСФСР в соответствии со сталинской концепцией «автономизации» и статусом «независимого» советского государства. Эта фикция «независимости» была рассчитана на внешнее потребление и на облегчение советизации других республик.

Советский Азербайджан возник вместе с территориальными претензиями к Республике Армении. В новой политической ситуации азербайджанские пантюркисты прибегли к очередной мимикрии: нацепив красные банты, они превратились в «трудящихся Востока», готовых помогать Красной армии в распространении «светлых идеалов» коммунизма в Карабахе, Зангезуре, Нахичеване.

¹ АРФ стала участником II (социалистического) Интернационала.

Руководствуясь принципом «пролетарской солидарности», советская Россия должна была поддержать «братскую социалистическую страну» против «буржуазной», а потому «империалистической» Армении¹. При советизации Азербайджана Орджоникидзе и прочие организаторы этой военной операции использовали в качестве приманки обещание поддержать его территориальные претензии на Карабах и другие армянские земли. Большевистских комиссаров не смущало ни то, что их поддержка претензий советского Азербайджана в корне противоречила провозглашаемому ими же принципу самоопределения народов, ни то, что они становились преемниками британских политиков, делавших ставку на поддержку пантюркистских амбиций турок и азербайджанцев для привлечения их на свою сторону в борьбе против советской экспансии.

Купив азербайджанских национал-коммунистов обещаниями поддержать неумные пантюркистские амбиции, российские большевики начали использовать территориальную экспансию для реализации своих социал-империалистических целей. Поддержка ими территориальных претензий Азербайджана к Армении стала частью необъявленной «революционной» войны против «буржуазного» государства — Республики Армении.

Воинственные нападки национал-коммунистов Азербайджанской ССР на Республику Армению не случайно последовали за предложением лидера турецких националистов Кемаля Ленину начать войну против нее. Вопрос об отношении к Армении большевистские правители РСФСР увязали с поддержкой турецких националистов в их противостоянии державам Антанты.

Сразу после установления политических контактов с представителем правительства ВНСТ Халилом и постановкой в практическом плане вопроса о помощи турецким националистам возник вопрос о непосредственной связи РСФСР с ними. Установлению прямой территориальной связи властей РСФСР с турецкими националистами препятствовали армянские территории Карабаха, Зангезура и Нахичевана, которые мусаватистским правительством Азербайджанской Республики были признаны спорными территориями, статус которых подлежал решению мирными средствами.

Если дореволюционная Россия, исходившая из необходимости сохранения целостности полиэтнической империи, геополитическое значение Армении связывала с защитой ее армянского населения, с сохранением армянского этнического клина, препятствовавшего осуществлению программы пантюркистской экспансии, то для захвативших власть в России большевиков, проводивших курс на военно-политический союз с ее традиционным противником — совершившими геноцид армян турецкими пантюркистами и их агентурой — азербайджанскими национал-коммунистами, геополитическое значение российской части Армении — Республики Армении заключалось прежде в том, чтобы получить через ее территорию свободный доступ к кемалистским союзникам.

Наиболее простой путь, отвечавший социал-империалистической идеологии большевизма, состоял в немедленной советизации Армении. Эта позиция определялась не только соображениями социал-империализма советского прави-

¹ О принципе «пролетарской солидарности» и его применении к отношениям РСФСР с Азербайджаном и Арменией см. Раздел V(4).

тельства, но и, как уже отмечалось, националистическими вожделями Сталина и группы его земляков — организаторов советизации Азербайджана, а также действовавших под их опекой и руководством азербайджанских национал-коммунистов. Исходя из необходимости вторжения в Армению, они санкционировали наступление Красной армии. Заняв Евлах, части Красной армии направились по Шушинскому шоссе в Карабах с целью соединиться с армией турецких националистов.

Нариманов и другие азербайджанские национал-коммунисты под видом обеспечения территориальной связи с турецкими националистами рассчитывали с помощью Красной армии реализовать свои экспансионистские замыслы. 1 мая по радио из Баку было передано требование «очистить от армянских войск территорию Карабаха и Зангезура, отойти к своим границам... В противном случае Революционный комитет Азербайджанской ССР будет считать себя находящимся в состоянии войны с правительством Армянской республики».

Провокационные требования азербайджанских национал-коммунистов подкреплялись российскими комиссарами и командованием Красной армии. В тот же день, 1 мая, от имени Орджоникидзе, Кирова, Мехонишина и Левандовского по радио было передано ультимативное требование «в течение 24 часов вывести свои [армянские] войска из пределов Советского Азербайджана». Указывалось, что «неисполнение будет рассматриваться как вызов армянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республике» и что «предложенное же будет выполнено силами российской Красной Армии»¹.

В обоснование этого требования заявлялось, что «все спорные вопросы о границе между Азербайджаном и Арменией могут быть разрешены только волей трудящихся и самоопределяющихся народов. Советский Азербайджан не может поддерживать никаких шовинистических, националистических агрессивных действий»².

В это время представитель Великобритании в Грузии Люк, сообщая о сложившейся ситуации, докладывал руководителю внешнеполитического ведомства Великобритании Керзону, что «российские Советы готовятся послать войска через территорию Азербайджана, чтобы соединиться с позициями турок в Зангезурском районе. Совместное турко-большевистское нападение на Армению кажется вероятным, если дашнаки не смогут добиться соглашения с большевиками, что до сих пор выглядит сомнительным делом»³.

Чтобы остановить вторжение Красной армии, правительство Республики Армении обратилось к советским властям на Кавказе. Уже 29 апреля, на следующий день после установления советской власти в Азербайджане, оно потребовало остановить движение войск и прекратить военные действия в Карабахе и Зангезуре, отозвав оттуда войска. Оценивая политический смысл «азербайджанского переворота», МИД Армении в ноте от 12 мая 1920 г. указывал, что «переворот, якобы сменивший хано-бекское мусаватистское правительство революционным социалистическим правительством, по существу не внес никаких изменений в государственную и политическую жизнь Азербайджана. Первый же шаг этого якобы со-

¹ Док. № 687.

² Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First series. Vol. XII. P. 601.

³ Док. № 672.

циалистического правительства был направлен в сторону насильственного порабощения властью...»¹.

В ответ на ультиматум военных властей РСФСР Министр иностранных дел Армении Оганджян 1 мая направил члену Кавказского бюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта Орджоникидзе ноту с просьбой способствовать выводу азербайджанских войск из Нагорного Карабаха, не допускать насилия над армянским народом и создать условия для самоопределения населения².

4 мая Министр иностранных дел Армении обращается уже прямо к Ленину. Сославшись на документы, в которых РСФСР признала право Армении на самоопределение, армянский МИД от имени «независимой объединенной демократической Республики Армении» предложил правительству РСФСР «вступить с ней в переговоры по установлению договора между двумя Республиками на основах признания независимости и [с]уверенности Республики Армении»³.

В Баку протесты армянского правительства игнорировали. Российские комиссары и их азербайджанские друзья, готовя при помощи созданной в Баку «армянской коммунистической партии» майское восстание в Армении, надеялись развалить армянское государство.

В Наркоминделе же РСФСР рассуждали иначе. В письме Ленину, написанном в самый день советизации Азербайджана — 28 апреля, Чичерин писал: «Перед нами встанет также вопрос об Армении. Она как раз у нас на пути, и надо будет добиться того, чтобы она *хотя бы* не мешала нам. ... Надо будет добиться хотя бы такого отношения к нам Армении, чтобы она нам не противодействовала. <...> *Вопрос о договоре с Арменией встанет таким образом очень скоро*»⁴.

Такое решение вопроса Чичерин выдвинул и в письме Ленину от 16 мая 1920 г.: «Необходимость непосредственного контакта с Турцией ведет к тому, что мы должны будем использовать железные дороги Армении, а для этого *мы должны заключить договор с Арменией*»⁵.

Не отказываясь от идеи советизации как конечной цели (программа максимум), Наркоминдел исходил из существовавших внешнеполитических и внутривнутриполитических реалий. Сознывая угрозу, которую пантюркизм представлял для советской же России, он стал проводить курс на достижение поставленных целей политическими средствами, добиваясь соглашения с Республикой Арменией.

Таким образом, он рассчитывал оказывать военную помощь турецким националистам в их борьбе против «буржуазного мира» — держав Антанты и в то же время оградить себя от угрозы турецкой экспансии — повторения кемалистскими «союзниками» опыта своих непосредственных предшественников — младотурок, осуществивших в 1918 г. захват Баку и других частей Закавказья.

В послании Ленина, направленном Орджоникидзе через Наркоминдел в начале мая (не позднее 11 мая) 1920 г., изложены мотивы отказа поддержать провокационный ультиматум советского Азербайджана «буржуазной» Армении: «Ильич поручил передать Вам, что торопиться с распространением нашим не следует,

¹ Док. № 677.

² Док. № 673.

³ Док. № 674.

⁴ Док. № 671. Выделено нами. — Ю. Б.

⁵ Док. № 679. Выделено нами. — Ю. Б.

во-первых, чтобы закрепить Азербайджан, а с другой стороны, *расширение, не вызываемое немедленной необходимостью, лучше отложить ввиду серьезных задач на Западном фронте и необходимостью соблюдать осторожность, считаясь с нашим международным положением*¹.

Вторая часть послания скорее представляет толкование мнения Ленина Наркоминделом: «...Армения не представляет для нас интереса ближайшего, между тем беспокойства она принесет много. Следует не переходить границ, установленных с ней старым Азербайджаном, спорные же территории не занимать в порядке ультиматума, а разрешать спорные вопросы мирным путем, например, смешанная комиссия обоих государств под нашим председательством. Вы ближе знаете сложность отношений, опасности новой взаимной резни плюс турецкие взаимоотношения. Если бы результатом нашего продвижения были бы новые взаимные избиения, это серьезно повредило бы нам в Англии и Америке, поэтому мы предлагаем ограничиться Азербайджаном. Завяжите отношения с Турцией и добейтесь у них ответственных и полномочных представителей для переговоров с нами»².

Предлагая не переходить границ, установленных с Арменией «старым Азербайджаном», Ленин, по существу, санкционировал территориальные претензии азербайджанских национал-коммунистов, поскольку в действительности никаких границ «установленных» межгосударственным соглашением старого [т.е. досоветского — мусаватистского] Азербайджана с Арменией, не было; то, что азербайджанские национал-коммунисты представляли как государственную границу, в действительности были ничем не обоснованные территориальные претензии.

Границы государств устанавливаются в соответствии с нормами международного права по соглашению сторон или, в отдельных случаях, многосторонними мирными договорами с участием государств, чьи территории разграничиваются. Таких двусторонних или многосторонних международных договоров между Азербайджанской Республикой и Республикой Арменией никогда не существовало.

С самого начала создания Азербайджанской Республики и восстановления независимости Армении между ними возник вопрос о территориальном разграничении, который сразу же вылился в межгосударственный территориальный спор из-за Карабаха. Мусаватистское правительство Азербайджана как до, так и после своего свержения признавало статус Карабаха как спорной территории.

Игнорируя международные обязательства мусаватистского правительства Азербайджанской Республики, азербайджанские национал-коммунисты под видом установленных международных границ с Арменией представляли карабахским армянам навязанное британскими оккупационными властями «временное соглашение» о назначении губернатором Карабаха курда Салтанова. Оно не было межгосударственным соглашением и никогда не признавалось Республикой Арменией. Более того, оно было нарушено самим азербайджанским правительством и после резни 20 тыс. армян Шуши в апреле 1920 г. признано несуществующим. Тем не менее азербайджанские национал-коммунисты намеревались реализовать свои захватнические замыслы, используя теперь вместо сипаев Красную армию — «освободительницу народов Востока».

¹ Док. № 676. Выделено нами. — Ю.Б.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

Из переписки Наркоминдела с представителями советской власти в Баку следует, что Орджоникидзе, Мдивани, Енукидзе и другие проводники сталинской линии на советизацию Армении поддерживали территориальные притязания Азербайджана, рассматривая это и советизацию Армении как часть организации военно-политического взаимодействия кемалистской Турции и большевистской России против держав Антанты. Командование Кавказского фронта и особенно дислоцированная в Азербайджане 11-я Красная армия, находившиеся под политическим влиянием Сталина и его группы, благосклонно относились к прикрывавшимся коммунистической фразеологией откровенно националистическим претензиям азербайджанских коммунистов на армянские области, отделявшие их от «революционных» турецких братьев.

Сообщая Орджоникидзе, что представитель Кемаля Халил выдвинул две просьбы — предоставить турецким националистам оружие и обеспечить им тыл на Кавказе со стороны Армении, установив контакт Красной армии с турецкой, Чичерин рассматривает возможные варианты: занятие Армении войсками РСФСР «в порядке советизации»¹ и принуждение Армении к принятию определенных условий под турецким давлением. Судя по всему, Чичерин в то время отвергал не только вариант советизации, но и вариант турецкого давления, так как он был сопряжен с опасностью резни: «только наши русские войска могут быть гарантией и против взаимной резни». Оставалась возможность занятия по договору РСФСР с Республикой Арменией, во-первых, спорных мест с Азербайджаном и, во-вторых, занятия русскими войсками спорных мест между Арменией и кемалистской Турцией².

Обсуждая предлагавшиеся решения, Орджоникидзе 24 мая сообщает Ленину, Сталину и Карахану, что «Армению можно взорвать», хотя это связано с определенными трудностями³. Предложение Москвы «открыто» потребовать от Армении пропускать через свою территорию советские войска и вооружение для Турции, по словам Орджоникидзе, «вызвало бы негодование среди армянских масс». Он выразил также сомнение в том, «чтобы дашнаки согласились на пропуск наших войска и вооружения для Турции», и отдал предпочтение настойчиво муссировавшемуся им же и азербайджанскими коммунистами варианту решения: «пока займем район Нахичеван, Ордубат, Джульфу, а там видно будет».

На заседании 25 мая Политбюро ЦК РКП(б), заслушав вопрос «об Армении», одобрило «в общем» политику Наркоминдела, предлагавшего «оказывать поддержку освободительному движению народов Востока». Политбюро постановило «продолжать переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войска». Это означало, что «немедленная советизация» была отложена, но не исключалась советизация по инициативе «армянских товарищей». Еще более «каучуковым» было постановление относительно вторжения турецких войска в Нахичеван: «Принять меры к обеспечению Нахичевани от воздействия старого турецкого правительства и Антанты»⁴. Политбюро не могло не знать, что в Армению вторгались войска не султанского правительства, а войска турецких националистов.

¹ Док. № 682. Подчеркнуто в архивном документе. — Ю.Б.

² Там же.

³ Док. № 684.

⁴ Док. № 685.

От советизации Армении кавалерийским наскоком сразу после занятия Азербайджана пришлось отказаться по ряду внутривосточных и внешнеполитических причин. Внутривосточные мотивы определялись положением на фронтах гражданской войны в России — сначала борьбой с Деникиным, потом — с Врангелем и войной с «панской» Польшей. Внешнеполитические мотивы были связаны с опасением войны с державами Антанты. В указанном выше постановлении Политбюро прямо предусматривалось принятие мер по «широкому оповещению [Западной] Европы о том, что советская власть готова дать серьезные и действительные гарантии своего величайшего миролюбия по отношению к Англии на Востоке и готова на всякого рода далеко идущие договоры»¹.

В этот период Ленин поддерживает линию Наркоминдела, считая, что следует «задержать советизацию Армении»². Возобладала линия на достижение целей советского правительства в Армении политическими средствами, путем переговоров с правительством Республики Армении.

Миссия правительства Республики Армении в составе Л. Шанта, А. Тертеряна и Л. Зарафяна, направленная для ведения переговоров об урегулировании отношений и заключения договора с правительством РСФСР, прибыла в Москву в конце мая 1920 г. Цель миссии заключалась в том, чтобы добиться признания Республики Армении и невмешательства в ее внутренние дела, а также признания права проживавших в РСФСР армян на переселение в Армению и др.

Армения была заинтересована прежде всего в урегулировании армяно-русских отношений и связанных с ними армяно-азербайджанских, включая благоприятное решение вопроса о спорных с Азербайджаном территориях. Имея все шансы на благоприятное решение территориального вопроса на Парижской мирной конференции, правительство Армении не уполномочивало делегацию Шанта на ведение переговоров о Западной Армении.

Курс Наркоминдела, напротив, заключался в том, чтобы вывести Республику Армению из орбиты послевоенного урегулирования в рамках Парижской мирной конференции, оторвать Армению от Антанты, создать условия для советско-кемалистского военно-политического взаимодействия, добиться принятия ею посредничества РСФСР в решении территориальных споров как с советским Азербайджаном, так и с кемалистским правительством ВНСТ, а также добиться от нее договорного права доставлять через территорию Армении оружие кемалистам для борьбы с державами Антанты.

В ходе переговоров на первый план, естественно, вышел вопрос армяно-турецких отношений. Чичерин потребовал, чтобы Армения отказалась от урегулирования армяно-турецких отношений в рамках Парижской мирной конференции, передав это посредничеству правительства РСФСР. Он предложил положить в основу территориального разграничения между Турцией и Арменией принцип этнографической границы с взаимным переселением населения для создания с обеих сторон однородной в национальном отношении территории³.

¹ Док. № 682. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 760.

³ Док. № 1019. См. также Документы Внешней политики СССР. Т. II. С. 726—727.

Делегация Армении, стремившаяся добиться подтверждения условий территориального урегулирования с Турцией, принятых Парижской мирной конференцией, тем не менее согласилась с попыткой Наркоминдела конкретизировать этот принцип, но достичь приемлемого определения границ Армении не удалось.

Территориальное урегулирование, принятое Парижской мирной конференцией, предусматривало передачу Армении Вана, Эрзерума и части других армянских вилайетов с выходом к Черному морю в Трапезунде. Делегация же ВНСТ во главе с Народным комиссаром иностранных дел Бекиром Сами, с которой Чичерин вел переговоры в это же самое время, вообще не приняла принцип этнографической границы. Она настаивала на признании границы, установленной Брест-Литовским и Батумским договорами. Бекир Сами, в соответствии с положениями, содержащимися в послании Кемаля Ленину, настаивал на необходимости военных операций против Армении.

Такою же наступательную позицию занимали и национал-коммунистические деятели советского Азербайджана, требовавшие расширения зоны советской оккупации армянских территорий с целью их присоединения к Азербайджану и заявлявшие, что считают излишними любые переговоры с правительством Армении.

2 июня 1920 г., сообщая Орджоникидзе о том, что советское руководство начало переговоры с кемалистами, Чичерин говорит о необходимости установления с турками территориальной связи: «Нам необходим территориальный контакт, а для этого мы должны заключить договор с Арменией, чтобы иметь возможность через нее производить такой контакт. <...> Считаю договор с нею единственным средством обеспечить нам возможность влияния на малоазиатские дела. С вечными пограничными столкновениями между Вами и Грузией, и Вами и Арменией надо поскорее покончить, чего лучше всего достигнуть скорейшей отправкой нашей смешанной комиссии и занятием нашими частями по соглашению со всеми заинтересованными правительствами тех спорных местностей между ними, из-за которых ведется борьба. *В общеполитических интересах мы должны сейчас воздержаться от авантюры. Во что бы то ни стало удерживайте Ваши части от всякого наступления. Снесясь с Грузией и Арменией, мы потребуем занятия нашими частями определенных спорных местностей. Это должно быть сделано. Настоятельная необходимость договора с Арменией заставляет приступить [к] этому безотлагательно»*¹.

19 июня Орджоникидзе сообщил Чичерину свою откровенно предвзятую проазербайджанскую позицию в отношении территориальных споров: «Азербайджан претендует на Карабах, Зангезур, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезд. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть, и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской Советской Республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев-мусульман. Относительно Шаруро-Даралагезского уезда у меня сведений нет.

Азербайджан без Карабаха и Зангезура обойтись ни в коем случае не может. Вообще, по моему мнению, следовало вызвать в Москву представителя Азербай-

¹ Док. № 690. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 696.

джана и вместе с ним разрешить все вопросы, касающиеся Азербайджана и Армении. Это надо сделать до подписания договора с Арменией...»¹

Для обуздания «кавказской группы деятелей», которые открыто вели линию против Армении и срывали достижение договора с ней, Чичерин вынужден был обратиться 22 июня с письмом в Политбюро ЦК РКП(б): «Недисциплинированность бакинских т.т. и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией заставляют принять меры для их обуздания. Такою мерою должно быть назначение отсюда авторитетного товарища, не связанного с кавказской группой деятелей, с полномочиями от Совнаркома в качестве представителя в Баку. *В то время как ЦК постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путем вырывать там почву из-под ног Антанты и отверг советизацию Армении, считая несвоевременным отвлекать в этом направлении больше наших сил, бакинские т.т. своими действиями срывают компромиссы, отвергают требуемое ЦК заключение соглашения с Арменией, способствуют восстаниям, настаивают на присоединении к Азербайджану тех спорных территорий, которые постановлено занять нашими силами и присоединение которых к Азербайджану сделает совершенно невозможным соглашение с Арменией. Вся эта боевая политика бакинских т.т. идет коренным образом [в разрез] с линией, уже установленной ЦК»².*

В этот же день, 22 июня, Политбюро ЦК РКП(б) вновь поддержало линию Наркоминдела, предложив ему «формулировать совершенно точно инструкцию нашим наиболее ответственным работникам на Востоке на основании имеющихся до сих пор постановлений Политбюро и вытекающих из них выводов». Подчеркивалось, что все ответственные военные работники обязаны «все свои действия строжайшим образом сообразовать с этими указаниями». Было решено «такие же указания дать всем членам Кавказского бюро ЦК»³. Это решение явно имело в виду самого Орджоникидзе, выступавшего в роли рупора азербайджанских агрессоров.

26 июня Чичерин вновь предписывает Орджоникидзе добиваться подчинения «бакинских товарищей» указаниям Центрального Комитета партии: «Настаивайте категорически, чтобы спорные местности между Арменией и Азербайджаном занимались российскими частями, а не азербайджанскими. Вопрос о принадлежности этих спорных местностей должен быть отсрочен до создания более благоприятной политической обстановки. <...> Надеемся на Вас, чтобы удерживать бакинских товарищей от нарушения политики, предписанной Центральным комитетом»⁴.

Надеяться, что вдохновитель антиармянской политики «бакинских товарищей» — Орджоникидзе будет удерживать их от нарушения предписаний, было, конечно, верхом наивности. Уже на следующий день, 27 июня, из Баку было направлено Ленину очередное подметное письмо Нариманова: «Дорогой тов. Ленин, из телеграммы тов. Чичерина видно, что информация Центра односторонняя. Центр поддался влиянию тех, которые и доньше действуют совместно с деникинцами против Советской власти Азербайджана. Если Центр[у] угодно

принести Азербайджан [в] жертву и оставить только за собой Баку, нефть и отказываться совершенно от восточной политики, то пусть это делает, но предупреждаю: Баку нельзя удержать за собой без целого Азербайджана в соседстве с изменниками дашнаками и грузинскими меньшевиками. С другой стороны, я хотел бы узнать, как центр смотрит на нас — мусульман-коммунистов и как он мог решить такие важные вопросы без нас? Центр мог к нам относиться недоверчиво, но ведь с решением центра не согласны [такие] ответственные работники, как Орджоникидзе и Мдивани. Я прямо скажу: центр отнял у нас орудие из рук и своим решением о Карабахе усилил, обосновал провокацию Мусавата, который все время говорит, якобы мусульмане-коммунисты продали Азербайджан России, той России, которая признает одновременно самостоятельность Армении и Грузии и считает почему[-то], до установления Советской власти [в] Азербайджане бесспорные области теперь спорными»¹.

Обратим внимание на то, что Нариманов продолжает нагло лгать, утверждая, будто мусаватисты обвинят азербайджанских коммунистов в том, что они «не могут закрепить за Азербайджаном совершенно бесспорные территории»².

Этой вылазке Нариманова Чичерин дал решительный отпор. В «отзыве», подготовленном по просьбе Ленина, Чичерин пишет: «Никто ничего не отнимает у Азербайджана. Карабах и т.н. спорные местности занимаются временно российскими советскими войсками, и мы их временно не отдаем ни Армении, ни Азербайджану. Это не обирает ни тех, ни других. *Всякое иное решение поставило бы нас на ложный путь потворствования одним во вред другим.* <...> *Наше решение есть единственно возможное.* Карабах есть исконно армянская местность, но после избияния армян в долинах поселились татары, а в горах остались армяне. Мы теперь *не отдаем этот округ армянам*, чтобы не обидеть татар. Но мы не отдаем его татарам, что было бы глубоко ложным шагом, противоречащим нашей необходимой политике *миротворцев*. Но Нариманов хочет угодить завоевательным

¹ Док. № 701.

² Имеются документы, подтверждающие, что мусаватистское правительство Азербайджана в изгнании придерживалось статуса «спорных территорий». Так, 27 февраля 1920 г. делегация Азербайджана направила государствам—членам Лиги Наций письмо за подписью А.М. Топчибашева с признанием территориальных споров с соседними государствами, подтверждением готовности к их мирному урегулированию и выражением надежды, что «Лига Наций скажет свое веское слово по их территориальным спорам в случае, если они не будут урегулированы его сторонами» (League of Nations. Registry. Section № 28. Document № 9726. Dossier № 8466. Société des Nations. Document de L'Assemblée 206. République d'Azerbaïdjan. Lettre du Président de la Delegation de paix de la République d'Azerbaïdjan (20/48/206). В письмах, адресованных делегациям государств—членов Лиги, азербайджанская делегация вновь и вновь заявляла о ее готовности к мирному урегулированию своих территориальных споров с соседними государствами. Так, в письме председателю делегации Чили от 27 ноября 1920 г. председатель азербайджанской делегации Топчибашев выражал надежду, что Лига Наций с ее «высокой моралью и справедливостью» «скажет свое веское слово об их (т.е. республик Закавказья) территориальных спорах в случае, если они не будут урегулированы на месте» (Société des Nations. 1920. Registry. Section № 28. Doc. № 9726, dossier № 8466). В ноте, представленной Председателю Первой Ассамблеи Лиги Наций Полю Гимансу, глава делегации правительства Демократической Республики Азербайджан заявил: «Азербайджанская республика всегда считала, что эти пограничные споры с соседними республиками — Грузией и Арменией были делом самих этих республик и что заинтересованные правительства найдут решение этих споров на основе взаимных уступок (Société des Nations. Document de L'Assemblée. République d'Azerbaïdjan. Lettre du Président de la Delegation de paix de la République d'Azerbaïdjan (20/48/206).

¹ Док. № 696.

² Док. № 697. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 698.

⁴ Док. № 700.

поползновениям бакинских татар. Это недопустимо. Но Нариманов идет дальше, он против нашей политики компромисса с буржуазной Грузией и буржуазной Арменией. Но советизация Грузии и Армении потому отвергнута ЦК-ом, что превышает наши нынешние силы. Меншевики и дашнаки не сдадутся без ожесточенного боя. Мы избрали путь их постепенного разложения, что уже проявляется»¹.

Указывая на поддержку сталинской группой территориальных притязаний советского Азербайджана, Чичерин писал: «Наримановская политика потворствования мусульманским тенденциям, с которой соединяется наступательная политика Орджоникидзе и Мдивани, ведет к усилению дашнаков, к кровавым конфликтам, к обострению кризисов. Халил-паша говорил там нашим, что, если армяне на нашем пути, их можно вырезать. К этим кровавым обострениям ведет политика потворствования мусульманским вожделям. Один выход — наша роль объективного третьего. Наступит момент для советизации Грузии и Армении, тогда и это все будет изжито»².

Расширение зоны оккупации Орджоникидзе и другие члены группы Сталина мотивировали необходимостью установления непосредственного территориального контакта Красной армии с вооруженными силами правительства турецких националистов.

Азербайджанские национал-коммунисты во главе со ставленником Сталина — Наримановым добивались удовлетворения своих пантюркистских территориальных амбиций под видом поддержки «революционной» Турции.

Не одобряя территориальную экспансию азербайджанских национал-коммунистов в Карабах, Зангезур и Нахичеван, Чичерин в письме Ленину 29 июня 1920 г. высказал свою особую обеспокоенность и встречным «движением турок по направлению к Азербайджану», проявившимся в «появлении турецких частей у Нахичевана». В этой связи Чичерин вновь настаивает на необходимости «еще осторожнее относиться к наступательным планам т.т. Орджоникидзе, Мдивани, Нариманова и др. Эти товарищи первоначально стремились к введению Советского строя с оружием в руках и в Грузии, и в Армении и были крайне разочарованы, когда наш ЦК это отверг. До сих пор тов. Нариманов в своих телеграммах возвращается к мысли о якобы необходимости советизировать немедленно всю Грузию и Армению. Когда бакинским товарищам пришлось от этого плана отказаться, у них тем не менее сохранилась тактика наступательных действий против Грузии и Армении. Нам пришлось потратить много энергии на почти ежедневные вмешательства с целью удержания наших товарищей от наступательных действий. Последний фазис этого конфликта есть заявление Азербайджаном претензии на громадные округа, принадлежавшие постоянно к Армении и находящиеся фактически в руках Армянской республики. Азербайджанское правительство заявило претензию на Карабах, Зангезур и Шаруро-Даралагязский уезд вместе с Нахичеванью, Ордубадам и Джульфой»³.

Под видом расширения зоны советской оккупации «спорных территорий» азербайджанские национал-коммунисты и их сталинские покровители добива-

¹ Док. № 701. Подчеркнуто в документе. — Ю.Б.

² Там же.

³ Док. № 703. Выделено нами. — Ю.Б.

лись их передачи Азербайджану. Отметив, что «большая часть этих местностей находится в руках Армянской республики» и что «Азербайджан для отнятия этих местностей должен был послать свои мусульманские части», Чичерин прямо указывал, что «[п]осылка татарских частей против армян абсолютно неприемлема и была бы величайшим преступлением. Она тем более недопустима теперь, когда на эти именно области наступают с юга турки, которым сейчас же подадут руки азербайджанские мусульманские части, если их туда послать. <...> Во всяком случае, и речи быть не может о посылке азербайджанских аскеров против армян для отнятия у последних тех областей, на которые Азербайджану вздумалось заявить претензию»¹.

Чичерин дает также оценку муссировавшемуся Наримановым другому пути «к удовлетворению Азербайджана», а именно занятию «всех поименованных местностей нашими частями для передачи их в качестве подарка Азербайджану. Именно эту комбинацию имеет в виду Нариманов». Чичерин отмечает, что «Бакинское советское правительство <...> хочет создать компенсацию и подкупить националистически настроенные элементы путем приобретения для Азербайджана тех местностей, которые оно объявляет спорными. Прodelать эту комбинацию руками российских частей совершенно недопустимо. Наша роль должна быть абсолютно объективной и строго беспристрастной. Было бы роковой ошибкой для всей нашей политики на Востоке, если бы мы начали базироваться на одном национальном элементе против другого национального элемента. Отнять у Армении какие-либо части и нашими руками передать их Азербайджану — это означало бы придать совершенно ложный колорит всей нашей политике на Востоке. Это подорвало бы представление о нашей политике как чисто бескорыстной и объективной»².

Положение Наркоминдела России как посредника требовало проявления хотя бы минимума объективности и было абсолютно несовместимо с политикой аннексий армянских территорий при помощи или поддержке России. Чичерин поясняет, что решение временно занять «спорные местности» Шуши и Джебраила российскими частями «с подчинением их российской оккупационной власти» было обусловлено обязательством, «чтобы эти местности не были присуждены ни Азербайджану, ни Армении впредь до того момента, когда наступит более благоприятная политическая конъюнктура и удастся найти мирный и удовлетворительный для всех исход».

Обосновывая необходимость отказаться от «дальнейшего проведения... плана» расширения зоны российской оккупации, Чичерин представляет военные и политические соображения: «Реввоенсовет республики категорически заявляет о невозможности занятия каких-либо новых местностей там нашими войсками. Турецкая опасность заставляет нас ограничиться защитой уже имеющихся, имея в виду главным образом защиту Баку. Наши силы там недостаточны, чтобы занимать новые местности и продвигаться в глубь Армении. Итак, ясно, что нам приходится ограничиться оккупацией уже занятых нами местностей и отказаться от занятия каких-либо новых частей Армении, хотя бы обозначаемых в качестве спорных»³.

¹ Док. № 703. Выделено нами. — Ю.Б.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

Чичерин обосновывает отказ от дальнейшего осуществления плана расширения зоны оккупации не только военными, но и политическими соображениями: «Воздержание от дальнейшей оккупации местностей, находящихся во власти Армении, облегчит заключение с последней договора. Армянская делегация ни за что не хотела согласиться на добровольную передачу российской оккупации находящихся во власти Армении местностей, кроме Карабахского округа. Только на почве военного статус-кво можно надеяться на договор с Арменией, который необходим ради проведения в Закавказье нашей мирной политики. И так, все говорит за то, что мы должны отказаться от занятия каких-либо других местностей там, кроме уже занятых. С Армянской республикой мы должны стараться возможно скорее заключить договор»¹.

Возможность заключения договора между Республикой Арменией и РСФСР осложнялась тем, что последняя, будучи заинтересована в продолжении оккупации «спорных» или «нейтральных» территорий, не могла проявить свое отношение к территориальному спору между «буржуазной» Арменией и советским Азербайджаном. Опасаясь перехода кемалистских союзников в лагерь Антанты и восстановления пантюркистских связей Азербайджана с турками (Нариманов постоянно запугивал этой перспективой), Наркоминдел и в целом советское правительство России вынуждены были ублажать национал-коммунистов Азербайджана, как и турецких националистов, территориальными подачками за счет Армении.

Чичерин признавал, что даже «воздержание от дальнейшей оккупации не устранит всех препятствий на пути его заключения, так как армянская делегация добивается того, чтобы мы определили, где проходит граница между Арменией и Азербайджаном, что означало бы необходимость для нас немедленно уступить всякую местность там или Азербайджану, или Армении. Мы сейчас не можем это сделать, не нанося величайшего вреда нашей политике по отношению или к тому, или к другому. Поэтому нам придется всячески отбояриваться от обязанности установить границы между Арменией и Азербайджаном»².

Политбюро ЦК РКП(б) поддержало позицию Чичерина, приняв 30 июня 1920 г. решение приостановить движение русских войск в Армению. Наркоминделу было поручено «дать директиву о том, чтобы русские войсковые части не двигались дальше в Армению». Было решено «внушить кавказским товарищам сугубую осторожность», чтобы не провоцировать турецкого наступления³.

В депеше Чичерина, направленной Орджоникидзе 2 июля 1920 г., Наркоминдел указывает, что необоснованные претензии Азербайджана на армянские территории мешают достижению договоренности РСФСР с Республикой Арменией: «Нам необходимо достигнуть компромисса с армянским дашнакским правительством. Между тем азербайджанское правительство объявляет спорным не только Карабах и Зангезур, но и Шаруро-Даралагезский уезд. Последний никогда никем не объявлялся спорным, и даже мусаватистское правительство всегда признавало его за Арменией. Без него от Армении почти ничего не остается. Армянская мирная делегация после долгого сопротивления согласилась признать спорными Карабах и Зангезур, надеясь, что в конце концов значительная часть этих местностей будет

¹ Док. № 703. Выделено нами. — Ю.Б.

² Там же.

³ Док. № 706.

присуждена Армении, но она ни в коем случае не соглашается признать спорным Шаруро-Даралагезский уезд. Нам необходимо, с другой стороны, достигнуть соглашения с азербайджанским правительством, чтобы наш договор с Арменией не был в противоречии с требованиями Азербайджана». Чичерин просит Орджоникидзе использовать свое «громадное влияние» в Баку, чтобы добиться согласия советского правительства Азербайджана на признание спорными только Карабах и Зангезур, но не Шаруро-Даралагезского уезда¹.

Чичерин объясняет, почему Наркоминдел не может поддержать расширение зоны оккупации за счет территорий, находящихся под властью Республики Армения: «Недостаточность наших военных сил и появление угрожающих нам турецких отрядов у Нахичевани заставило и нас отказаться от мысли о занятии нашими частями каких-либо новых местностей, занятых Армянской республикой. Наши войска занимают Шушу и Джебраил, и нам пришлось отказаться от занятия нами Нахичевани и Джульфы. Укажите азербайджанскому правительству, что мы вынуждены необходимостью ограничиться занятием Шуши и Джебраила и не имеем фактически возможности продвигать наши войска дальше. Это неоспоримо установлено Реввоенсоветом Республики. Пожалуйста, сообщите Бакинскому правительству о невозможности для нас в настоящее время занимать Нахичевань и Джульфу и укажите на объективные причины, принуждающие нас ограничиться военным статус-кво»².

На следующий день, 3 июля 1920 г., Чичерин вновь настоятельно требует ответа на вопрос о спорных местностях между Арменией и Азербайджаном, так как необходимо «во что бы то ни стало найти компромисс». «Армянская делегация соглашается признать спорными Карабах и Зангезур, но категорически отказывается признать спорными Шаруро-Даралагезский уезд, Нахичевань и Ордубад и Джульфу. Еще раз повторяю свою просьбу употребить все Ваше влияние, чтобы убедить бакинских товарищей признать спорными Карабах и Зангезур и не касаться названных местностей. Нам во что бы то ни стало необходимо выйти из этого конфликта, так как заключить мир с Арменией мы должны». Необходимость заключения мира Наркоминдел мотивирует «мировой политической конъюнктурой», а приказ Реввоенсовета Красной армии «не идти дальше занятых армянами местностей» — тем, что для этого «слишком мало сил»³.

Отвечая на запросы Наркоминдела о возможностях урегулирования территориального спора между Азербайджаном и Арменией, Орджоникидзе продолжает поддерживать территориальные претензии Азербайджана, но не столь прямолинейно, а с ссылкой на согласие армянского коммуниста Тер-Габриеляна и с привлечением турецкого фактора — угрозой резни армян вторгшейся на территорию Армении турецкой дивизией. В этой связи представляют интерес аргументы, выдвигавшиеся им в обоснование своей позиции. Это не только фальсифицированные статистические и исторические данные. Основной «аргумент» заключался в турецкой интервенции: «Дело обстоит так: Азербайджан настаивает на немедленном и безоговорочном присоединении Карабаха и Зангезура. По-моему, это не-

¹ Док. № 708.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 709.

обходимо проделать, так как *оба уезда экономически тяготеют к Баку и совершенно отрезаны от Эривани, в особенности теперь, когда Баязетская дивизия клином врезывается*¹. В случае оставления их спорными, они будут заняты безусловно турками и все армянское население будет вырезано. Предотвратить это ничем не можем. Присоединение их к Азербайджану дало бы в руки азербайджанским коммунистам сильнейший козырь и открыло бы путь для кочевников».

Обратим внимание на то, что передачу Азербайджану Карабаха и Зангезура Орджоникидзе обуславливает отказом в пользу Армении от претензий на Нахичеван и другие территории. «При таком решении вопроса Азербайджан можно заставить отказаться от остальных областей. Мое мнение: Карабах, Зангезур немедленно присоединить к Азербайджану. Я заставлю Азербайджан объявить автономию этих областей, но это должно исходить от Азербайджана, но ни в коем случае не должно быть упомянуто в договоре»².

7 июля Политбюро ЦК РКП(б) утвердило представленный Чичериным проект инструкции членам Реввоенсовета Кавказского фронта и дипломатическим представителям в Грузии, Армении и Турции³. В ней указывалось, что «РСФСР будет соблюдать мирные и добрососедские отношения с буржуазными государствами — Грузией, Арменией и Турцией. Советские власти должны воздерживаться от всяких вызывающих или недружелюбных действий по отношению к этим республикам, могущим повести к нарушению добрососедских отношений с ними. Ни в коем случае не следует делать попыток введения в настоящее время Советской власти в Грузии и Армении. Должен быть установлен практически осуществимый модус вивенди с правительствами этих республик»⁴.

Предписывая «воздержаться от попыток вызывать восстание против правительств Грузии, Армении и Турции», Политбюро потребовало «разъяснять тем элементам в этих республиках, которые стремятся к перевороту, что *по общеполитическим соображениям, ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения, они не должны в настоящее время приступать к осуществлению своей цели*. Они должны оставаться в пределах договора».

Инструкция Политбюро содержала разъяснение относительно предпринимавшихся попыток расширить зону оккупации: «*Так как наше военное положение не допускает занятия русскими частями Карабаха, Зангезурского уезда, Нахичевани, Джульфы, Шарур-Даралагязского уезда, российские военные власти должны ограничиться занятием тех спорных между Арменией и Азербайджаном местностей, которые ими теперь заняты, т.е. Шуши и Джебраила, с устранением вмешательства войск тех или других соседних республик*, как и было уже постановлено российским правительством и передано Советским властям на Кавказе. Никакие азербайджанские ни армянские власти в указанных местностях допущены быть не могут. В задачи российских воинских частей в этих местностях должно вхо-

¹ В телеграмме, датированной 29 июня, Мдивани сообщал Орджоникидзе, что в «районе Нахичевана появились части до 3000 штыков, ожидается прибытие до 9000. Это Баязетская дивизия, насчитывающая до 15 500. Турки могут выставить еще до 6000 человек местного вооруженного населения». Отмечалось, что перед дивизией поставлена задача «оккупации Нахичеванского района, Джульфы и Ордубада» (док. № 705).

² Док. № 710.

³ Док. № 712 и 715.

⁴ Док. № 712.

дить: а) поддержание общего порядка; б) недопущение столкновения между татарами и армянами, причем особенное внимание должно быть уделено районам со смешанным населением, где одна из указанных народностей является меньшинством. Российское военное командование не должно, однако, вмешиваться во внутреннее гражданское правление этих местностей и должно предоставить местному населению создание администрации на началах, которые местным населением без участия, прямого или косвенного, нашего командования будут приняты».

Инструкцией предписывалось разъяснить местному населению, что «русские войска занимают эти территории с целью предотвращения межнациональной резни, что занятие этих местностей является *временным, впредь до разрешения вопроса о принадлежности занимаемых территорий к той или другой республике* и что эти территориальные конфликты будут разрешены смешанной комиссией под председательством представителя России, причем смешанная комиссия будет руководствоваться *этнографическим составом населения и его волей*»¹.

Ввиду применявшейся Орджоникидзе тактики игнорирования Наркоминдела («продолжительные неотвечания»), Чичерин обращается 4 июля к посредничеству полномочного представителя РСФСР в Грузии С. Кирова. Указав, что армянская делегация на переговорах в Москве согласна признать спорными Карабах и Зангезур, но «абсолютно отказывается признать спорными Шаруро-Даралагезский [уезд], Нахичевань, Ордубад и Джульфу», и что Наркоминделу необходимо добиться соглашения в этом вопросе и с Арменией, и с Азербайджаном, Чичерин жалуется, что Орджоникидзе не отвечает на шифровки. Чичерин просит содействия Кирова: «Вы с Орджоникидзе в контакте, пожалуйста, передайте ему нашу просьбу. При нынешнем состоянии наших военных сил мы ни в коем случае не можем идти в глубь занятых армянами местностей, дальше уже занимаемых нами пунктов. *Бакинские товарищи должны считаться с соотношением сил данного момента и мировой конъюнктурой. Вообще кавказским товарищам надо постоянно указывать на первичный характер соображений мировой политики и основных потребностей существования Российской Республики*, а по сравнению с первичными требованиями другие второстепенные могут осуществляться лишь по мере удовлетворения первых. Укажите Орджоникидзе, что его продолжительные неотвечания создают иногда трагические положения»².

В это время по просьбе Орджоникидзе Сталин сформулировал свою однозначную установку на поддержку Турции и Азербайджана против Армении. Охарактеризовав политику Наркоминдела в отношении территориальных споров как политику «лабирирования между сторонами», Сталин открыто выступил за политическую поддержку одной стороны: «Мое мнение таково, что нельзя без конца лавировать между сторонами, нужно поддержать одну из сторон определенно, в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией». Ленин, как следует из сообщения самого Сталина, принял эту установку: «Я говорил с Лениным, он не возражает»³.

¹ Док. № 712. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 713. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 718 и 720.

Время победы сталинского подхода к решению вопросов армяно-турецких и армяно-азербайджанских территориальных споров точно определяется датой телеграфного сообщения, направленного им Орджоникидзе — 8 июля 1920 г.

Ленин и Сталин, однозначно поддержав Турцию и Азербайджан против Армении, не только знали об экспансионистских намерениях своих кемалистских союзников и азербайджанских национал-коммунистов в отношении Армении, но и использовали это в своей игре. Документы проливают свет на военно-политическое взаимодействие группы Сталина, азербайджанских национал-коммунистов и правительства турецких националистов.

Установка на безоговорочную поддержку «Азербайджана с Турцией» отнюдь не случайно совпала по времени с активизацией военных действий турецких националистов против Армении. В речи М. Кемалья в ангорском Национальном собрании, опубликованной в газете «Ени Гюн», сообщалось, что турецкие националисты решили занять Сарыкамышское и Соганлукское ущелья как предупредительную меру, исходя из предположения, что «армяне задались целью при первой возможности занять Эрзерум»¹.

6 июля был отдан приказ о приготовлениях к наступлению. В это время прибывший из Москвы один из турецких «делегатов» привез с собой письма от Чичерина, адресованные министрам и Национальному собранию. В этих письмах сообщалось, что, так как вопрос о границах Персии, Армении и Турции возможно разрешить дипломатическим путем при содействии Советроссии, то советская Россия не хотела бы, чтобы эти вопросы разрешались турками с помощью оружия. «Однако, — заявил Кемаль, — мы, считая, что наши действия в трех губерниях (Карсской, Ольтынской и Ардаганской) не могут считаться агрессивными в отношении Армении и не находя никакого противоречия в уже сделанном нами постановлении, приказали нашему восточному командованию продолжать наступление»².

В это же время Комиссар иностранных дел ВНСТ Бекир Сами вновь потребовал от правительства Республики Армении «безотлагательно» вывести армянские войска из Олти под тем предлогом, что нарушаются Брест-Литовский и основанный на нем Батумский договоры. В нарушение условий Мудросского перемирия, заключенного между законным правительством Оттоманской империи и Союзными державами, кемалистское правительство заявляло о своем праве на захваченные в 1918 г. армянские территории. Оно утверждало, будто Батумский договор «связывает» Армению и Турцию и «действует юридически». «Вам известно, — писал Бекир Сами, — что отношения, существующие между двумя правительствами, основываются на Брест-Литовском договоре, официально признающем Республику Армения³, и на дополнении к нему — Батумском договоре, — который, будучи подписанным уполномоченными делегатами, был подписан и ратифицирован обоими правительствами»⁴. По утверждению кемалистского «Наркома», округ Олти «в соответствии с плебисцитом, свободно проведенным народом, является личной собственностью Оттоманской империи», и «если в силу определенных причин оттоманская ад-

¹ Док. № 936.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Брест-Литовский договор к признанию Армении отношения не имел. Говоря о признании Армении, правительство ВНСТ, видимо, имело в виду Батумский договор.

⁴ Док. № 721.

министрация либо вооруженные силы не оказались временно в вышеупомянутых округах¹, то это не может привести де-факто или де-юре к ликвидации там оттоманского правления».

Воодушевленная поддержкой Сталина, «бакинская группа товарищей» стала продвигать «решение» вопроса о спорных территориях Карабаха и Зангезура в пользу Азербайджана. Согласовывая действия в отношении Зангезура и Карабаха в разговоре по прямому проводу с еще одним участником грузинской команды — Квиркелием, Орджоникидзе и его собеседник, переходя на грузинский язык, доверительно обменивались информацией о позициях Москвы по этому вопросу и решали, кто будет представлять население Зангезура — Мдивани или Квиркелия².

Ввиду того, что признание статуса Карабаха и Зангезура в качестве «спорных» территорий «бакинская группа товарищей» пыталась представить как согласие на передачу Карабаха и Зангезура Азербайджанской ССР, Чичерин вынужден был разъяснить в телеграмме Орджоникидзе от 9 июля, что «речь шла о признании спорности, но не о немедленной и полной передаче» и что в этом вопросе РСФСР, чьи войска заняли эти спорные территории с обязательством содействовать в качестве посредника урегулированию мирными средствами, не должна стать на позицию одной — азербайджанской стороны: «Наша цель быть объективной высшей силой, именно потому было принято решение о занятии спорных местностей нашими частями»³.

Несмотря на достигнутое соглашение о созыве в июле в Казахе армяно-азербайджанской конференции для разрешения всех спорных вопросов между Азербайджаном и Арменией⁴, советские войска продолжали боевые действия в Карабахе и Зангезуре. Правительство Армении 13 июля направило советскому правительству очередную ноту с требованием «распорядиться о прекращении всяких враждебных действий» на этих территориях и вывести части Красной армии «из пределов Армении и спорных районов Карабаха, вопрос о которых является предметом обсуждения предстоящей армяно-азербайджанской конференции»⁵.

15 июля ЦК Компартии Азербайджана, в который помимо азербайджанских национал-коммунистов входили ставленники Сталина — Орджоникидзе, Нонейшвили и Микоян, заслушав и обсудив «вопрос мира с Арменией», постановил, что «Карабах и Зангезур должны быть присоединены к Азербайджану», от Нахичевана «и других» отказаться, но «предложить оккупировать русскими войсками», а представителю РСФСР в Армении Леграну предложить до получения «полной информации о положении в Армении» мира с нею не подписывать.

На следующий день, 16 июля 1920 г., Орджоникидзе направляет Ленину, Сталину, а также Чичерину записку с призывом без согласия Азербайджанской ССР мира с Республикой Арменией не заключать, так как это «сильно нервнрует здешних

¹ Под «определенными причинами», по которым турецкая администрация «не оказалась временно на этой территории», Бекир Сами понимает требование вывода турецких войск на основании Мудросского перемирия.

² «[Мдивани] не может быть назначен, так как ему больше придется оставаться в Пятигорске. Волей-неволей придется ввести тебя Зангезурским представителем» (док. № 719).

³ Док. № 723. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Док. № 724.

⁵ Док. № 725.

товарищей». Одновременно Орджоникидзе подбрасывает довод в пользу занятия Красной армией района Нахичевана: здесь «неизбежна резня между армянами и татарами. Можно избежать этого только нашим продвижением и оккупированием Нахичеванского района. <...> Курьеры турецкой дивизии нас осаждают и просят допустить резню. Повторяю: резня неизбежна. Сил для оккупации достаточно»¹.

17 июля Чичерин через представителя РСФСР в Грузии С. Кирова просит Орджоникидзе «склонить азербайджанских товарищей умерить их претензии в армянском вопросе»². В другой телеграмме он опровергает утверждение Орджоникидзе, будто Наркоминдел препятствует дальнейшему продвижению Красной армии по территории Армении: «Орджоникидзе напрасно думает, будто существовавший одно время запрет для наших частей идти дальше уже занятых местностей в глубь Армении является результатом настоящих Наркоминдела. Это исходило вовсе не от нас, а от военных. Уже в первый момент, когда Наркоминдел начал настаивать через Центральный Комитет, чтобы мы заняли Карабах, Зангезур, Нахичевань, Ордубад, Джульфу и Шаруро-Даралагезский уезд, члены Реввоенсовета выражали опасения, что не хватит сил, а когда затем появились в Нахичевани турецкие части, именно Реввоенсовет категорически заявил, что мы не можем занимать больше того, что уже занято. *Теперь что-то изменилось, и Реввоенсовет согласен на занятие нами Нахичевани, Ордубада и Джульфы, как Наркоминдел все время считал это весьма желательным, и его якобы оппозиция против этого есть чистейший миф*»³.

Чичерин сообщает, что после получения в Москве телеграмм Орджоникидзе по этому вопросу «по настоянию Наркоминдела» Реввоенсовет уже дал «приказ, каким частям занять Нахичевань, Ордубад и Джульфу. Дан также приказ, чтобы наши части защищали Азербайджан от дашнаков»⁴.

Объясняя, почему «переговоры с армянской делегацией остановились на мертвой точке», Чичерин сообщал Ляграну 19 июля 1920 г., что требования Азербайджана неприемлемы для армянской делегации. Действительно, непосредственной причиной провала переговоров в Москве стало то, что стороны не смогли найти приемлемое решение территориальных вопросов. Армянская делегация отвергла вариант решения территориального спора с Азербайджанской ССР, который навязал Орджоникидзе, а именно, что Карабах переходит к Азербайджану, Зангезур признается спорным, а «остальное», т.е. Нахичеван и другие территории, которые Армения никогда не признавала спорными — остаются в составе Армении. Армянская делегация в Москве заявила, что она не уполномочена на ведение переговоров, предполагающих «такие серьезные территориальные уступки»⁵.

Перевод предмета переговоров с российско-армянских отношений в плоскость отношений с кемалистской Турцией и советским Азербайджаном обрек их на неизбежный провал. Ведя переговоры с Арменией, исходя из установки Сталина на решение всех спорных вопросов в пользу Турции и Азербайджана, нельзя было надеяться на достижение реальных договоренностей. Армянское правительство, рассчитывая на благоприятный исход Парижской мирной кон-

¹ Док. № 728, 729.

² Док. № 731.

³ Док. № 732. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Там же.

⁵ Док. № 734.

ференции, отказывалось принять турецко-азербайджанские условия урегулирования отношений с РСФСР.

Рассчитывая добиться перелома в отношениях с армянским правительством в Ереване, Наркоминдел взял курс на свертывание переговоров с делегацией Шанта в Москве и организацию новых переговоров в Ереване. С этой целью решено было направить в Армению полномочное представительство. Наркоминдел поручил эту сложную и деликатную миссию Б. Ляграну. «Мы должны добиться всего в Армении», — писал ему Чичерин.

Излагая официальную версию целей правительства РСФСР и миссии его представителя, Народный комиссар иностранных дел России в обращении к Министру иностранных дел Армении Оганджаняну от 19 июля утверждал, что «все действия советской России на Кавказе имеют целью оказание дружественного содействия дальнейшему спокойному мирному развитию армянского народа, так же как и других с ним соседних народов, с другими народами Ближнего Востока». Чичерин оправдывал «занятие российскими частями тех местностей, которые в процессе борьбы между соседними народами получили характер спорных между Арменией и Азербайджаном». Занятие этих территорий, по словам Наркома, имело целью «предотвращение кровавых конфликтов, могущих иметь необозримые бедственные результаты для всех участников», и «создание условий, делающих возможным спокойное и беспристрастное обсуждение спорных территориальных вопросов»¹.

Обходя молчанием факт совместной советско-турецкой агрессии в Нахичеване, Чичерин утверждал, что отношения советского правительства с турецкими националистами «используются им для того, между прочим, чтобы обеспечить армянскому народу возможность приобретения достаточной для его развития территории в Малой Азии и выйти, наконец, из вечной роковой вражды с соседним мусульманским населением».

Заверив правительство Республики Армении в том, что «армянский народ может твердо рассчитывать на его неизменное дружеское отношение, на его помощь в пределах его сил для предотвращения армянского народа от новых грозящих ему кровавых бедствий», Чичерин изложил конкретную цель советской дипломатической миссии: «советское правительство надеется, что в процессе обмена мнений с его представителем Ляграном Армянское правительство убедится в правоте пути, по которому следует советское правительство, и найдет возможным заключить с ним по всем вопросам длительное и окончательное соглашение и подписать с ним договор о мирных дружественных отношениях»².

Отвечая на обращение Чичерина, Министр иностранных дел Армении Оганджанян 27 июля благодарил российское правительство «за выраженные им чувства дружбы и стремление содействовать дальнейшему спокойному и мирному развитию свободной Армении», но в то же время заявил, что его правительство «с сожалением констатирует», что в действительности дружественные заверения правительства РСФСР в действиях местных советских властей и командного состава советских войск в Азербайджане «претворяются [в] форму непрерывных враждебных против Армении военных действий в районах Казаха, Карабаха,

¹ Док. № 733.

² Там же.

Зангезура». Вследствие этого Армения вынуждена «постоянно держать значительное количество войск на границе Армении с Азербайджаном в интересах защиты ее территории от захватных попыток Азербайджана», пользующегося в этих делах помощью российских советских войск.

Правительство Армении заявило, что «пребывание российских советских войск [в] спорных, а в данном случае — бесспорных, как, например, Зангезур, районах Армении не только [не] способствует предотвращению кровавых между Арменией и Азербайджаном конфликтов, а, скорее, содействует [их] развитию»¹. Поскольку, по инициативе армянского правительства все спорные с Азербайджаном вопросы должны быть предметом мирного обсуждения на предстоящей армяно-азербайджанской конференции, дальнейшее пребывание советских войск в указанных районах «может только пагубно отражаться на создании условий, делающих возможным спокойное и беспристрастное обсуждение конференцией спорных территориальных вопросов». Ввиду этого правительство Армении выражает уверенность, что будут приняты «все меры к срочному прекращению всяких враждебных в отношении Армении действий со стороны Ваших войск» и к выводу их из этих районов².

Министр иностранных дел Армении отметил также, что заявление Народного комиссара иностранных дел РСФСР о стремлении советского правительства «использовать дружественные с турецким национальным правительством отношения в целях обеспечения армянскому народу достаточной для его развития территории [в] Малой Азии, также не совпадает с действиями турецкого национального правительства, предъявившего на днях Армении требования очистить от армянских войск бесспорную часть Республики Армения — Ольтинский район — и базирующегося в своих требованиях на постановлении Брест-Литовского договора, который в корне подрывает возможность всякого существования, жизнеспособности Армении».

В связи с выраженным Наркоминделом РСФСР желанием перенести переговоры по заключению договора о мирных дружественных отношениях между Россией и Арменией из Москвы в Армению армянское правительство «с глубоким сожалением» констатировало, что, «несмотря на искреннее свое желание и усилия способствовать быстрому и успешному заключению дружественного с советской Россией договора», двухмесячные переговоры между армянской делегацией и советским правительством в Москве «не дали тех результатов, на которые мог рассчитывать армянский народ, опираясь на дружеские уверения Москвы». Тем не менее, идя навстречу желаниям правительства РСФСР, правительство Армении заявило, что «не имеет ничего против перемещения указанных переговоров из Москвы в Армению». По прибытии из Москвы армянской делегации и представления ею подробного доклада правительство Армении изъявляло готовность «принять у себя для дальнейших переговоров делегатов российского советского правительства»³.

Наркоминдел РСФСР, ссылаясь на то, что при сложившейся обстановке на границах Армении всякий перерыв мирных переговоров мог бы вызвать ослож-

нения в отношениях между обеими республиками, настаивал на скорейшем возобновлении мирных переговоров в Ереване, не дожидаясь возвращения из Москвы делегации Шанта. Наркоминдел считал, что заключения договора с Арменией «повелительно требует мировое положение», что это — «абсолютная» необходимость¹.

28 июля Леграну были выданы полномочия на «ведение переговоров о заключении перемирия и мира» с Арменией². На следующий день Легран обратился к Министру иностранных дел Армении А. Оганджянчу с предложением начать переговоры, не дожидаясь возвращения в Ереван миссии Шанта³.

Предметом особых забот Наркоминдела и самого правительства РСФСР были прежде всего интересы кемалистских союзников. Это подтверждается документально письмом Народного комиссара иностранных дел РСФСР Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 28 июля 1920 г., в котором он настаивает на немедленном выполнении постановления Политбюро «оказать помощь оружием и золотом правительству Мустафы Кемаля в Турции», так как это имело бы «и практически, и морально большое значение»⁴.

Это подтверждается также запиской Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б), направленной 30 июля 1920 г. Нарком говорит о необходимости «воспользоваться присутствием тов. Серго, чтобы *решить вопрос об Армении в связи с положением кемалистов*. Последние близки к гибели вследствие недостатка вооружения. Люди у них есть, вожди есть, но вооружение на исходе, патронов мало. Это делает их положение критическим. Послать им вооружение можно только транзитом через Армению. Три месяца тому назад армяне соглашались на свободу транзита для нас, но, из-за упрямства Азербайджана в пограничных спорах, договор застрял. Теперь армяне бьют турок и сильно обнаглели».

Чичерин соглашается, что для обеспечения военной помощи турецким союзникам нужна советизация Армении: «По словам тов. Серго, пытаться получить от дашнаков право провоза без всякого контроля через Армению теперь безнадежно. Тов. Серго утверждает, что для советизации Армении требуется не так уж много войска. Он говорил с Главкомом и выяснил, что эти войска можно достать. *В таком случае советизация Армении настоятельно необходима. Без нее у нас нет настоящего контакта с Турцией. Гибель кемалистов нанесла бы нам сильнейший удар на Востоке*»⁵.

Руководствуясь этим пессимистическим прогнозом и не дожидаясь результатов переговоров с Арменией, кавказские ястребы, взаимодействуя со своими турецкими союзниками, силой создавали ситуации де-факто. Предприняв давно запланированное наступление, турки взяли Нахичеван, а чтобы скрыть свои пантюркистские цели, они объявили об установлении там «советской власти» и предложили, чтобы туда вошли и советские войска, которые продолжали боевые действия против Республики Армении⁶.

¹ Док. № 748.

² Док. № 741.

³ Док. № 744.

⁴ Док. № 743.

⁵ Док. № 745. Выделено нами. — Ю.Б.

⁶ Док. № 740 и 742.

¹ Док. № 739.

² Там же.

³ Там же.

Роль Орджоникидзе в организации советско-турецкой акции против Армении подтверждается, в частности, его разговором по прямому проводу с командующим 11-й Красной армией Василенко. В ответ на сообщение, что армяне не желают примириться с продвижением частей 11-й Красной армии в сторону Нахичевани, Орджоникидзе дает распоряжение «быстрым и стремительным ударом покончить с дашнаками [в] Нахичеванском уезде», «как можно быстро ликвидировать Нахичеванский район».

Василенко просил дать «точные инструкции относительно Армении, т.е. ограничиваться ли обороной в районе Нахичевани, ликвидации там нахичеванских банд, что может затянуться, или же можно одновременным ударом [в] направлении на Эривань со стороны Нахичевани и Дилижана заставить армянское правительство прекратить враждебные действия против Красной армии в Нахичеванском районе? Это сильно облегчило бы и задачу»¹.

30 июля 1920 г. «во избежание недоразумения и бесцельного пролития крови, могущих повлечь за собой последствия государственной важности», от имени «командующего объединенными войсками РСФСР и красной Турции» армянским военным властям в Шахтахты было направлено извещение о том, что 28 июля «красные войска РСФСР, а также союзные нам войска красной Турции в силу данного приказа» вступили... в город Нахичеван и его район².

1 августа турецкие аскеры и красноармейцы торжественно отметили свою «встречу» в Нахичеване. 2 августа Реввоенсовет 11-й армии за подписью командующего армией Василенко предъявил главному командованию армянских войск ультимативное требование прекратить противодействие вторгшимся в Зангезурский и Нахичеванский уезды Армении войскам Красной армии: «...если Вами не будут приняты немедленные меры к прекращению активных действий против наших войск, мы принуждены будем принять направленный против наших войск удар, на который мы ответим рядом сокрушительных ударов»³.

В отличие от Орджоникидзе и действовавшего под его диктовку военного командования, Наркоминдел понимал, что эта акция, направленная против Армении, представляет опасность для самой РСФСР, и поэтому сдержанно отнесся к требованию, чтобы Армения прекратила противодействие агрессии. В письме Леграну от 27 июля Чичерин признавал, что «при создавшемся положении и начавшемся наступлении турок» Москва не может «односторонне ... требовать от Армении одной приостановления военных действий». И еще: «Вопрос о приостановлении военных действий не так прост, ибо нельзя же связывать руки одному, когда другой на него нападает»⁴.

В телеграмме полномочного представителя РСФСР в Армении Леграна Реввоенсовету Кавказского фронта 6 августа 1920 г. отмечается, что командование 11-й Красной армии, имея «прямое задание» обеспечить «прочное занятие» Нахичевана и тракта Шуша—Герюсы—Энгеляурт—Кармелиновка—Нахичеван, «предъявляет ультимативные требования непосредственно армянскому командованию, не согласованные с нашей общей политической линией, причем со-

¹ Док. № 753.

² Док. № 751.

³ Док. № 756.

⁴ Док. № 740.

провождает их угрозами, приведение в исполнение которых выходит за пределы его компетенции и фактической возможности». Легран сообщает, что командование 11-й Армии «договаривается до решительного намерения перейти в наступление и ликвидировать “Арагатскую республику”»¹.

Признавая необходимым «принятие решительных мер [к] прочному занятию Нахичевани и указанного тракта», представитель РСФСР в Армении возражает только против того, чтобы армейское командование «вместо выполнения прямых указаний полученной им директивы выступало с самостоятельной политикой», и требует, чтобы всякие сношения с армянским правительством осуществлялись через полномочного представителя РСФСР в Армении.

Стремясь нейтрализовать антиармянскую направленность возглавлявшегося советской Россией военно-политического блока, армянское правительство добивалось заключения мирного договора РСФСР с Республикой Арменией как официально признанным государством. Поэтому оно, отказавшись признавать полномочия Леграна как представителя РСФСР в Армении до подписания такого договора советской Россией, выразило готовность принять его в качестве руководителя делегации².

Ввиду этого было предложено изменить статус миссии Леграна, представляя ее «не в качестве Полномочного представительства и не как мирную делегацию, но в качестве Полномочной миссии советского правительства, имеющей целью путем непосредственных сношений с армянским правительством выяснить основные предварительные вопросы, отсутствие согласия по которым препятствует успешному ходу переговоров с делегацией Шанта в Москве»³.

Выдача Леграну мандата с полномочиями на «заключение перемирия и мира» с Арменией служит еще одним подтверждением того очевидного факта, что РСФСР находилась в состоянии необъявленной «революционной» войны с государством, не имевшим с нею общих границ⁴.

В Тифлис (Тбилиси), где решено было продолжать переговоры между РСФСР и Республикой Арменией, была направлена делегация в составе А. Джамаляна, А. Бабаляна и Р. Юзбашяна.

Переговоры начались 6 августа. Исходя из необходимости переговоров со всеми заинтересованными сторонами, Нарком Чичерин указывал, что в переговорах о мире Легран должен был отстаивать в качестве одного из основных требований, если не основного, обеспечение беспрепятственного транзита в Турцию: «Надо особенно настаивать на праве для нас транзита через Армению без какого-либо чужого контроля, надо, чтобы мы могли в наших вагонах, нами запечатанных, сами перевозить наши товары».

В противовес односторонним требованиям правительства РСФСР делегация Армении изложила, «как понимаются» армянским правительством условия, необходимые «для заключения договора и установления прочных и дружественных отношений» между РСФСР и Республикой Арменией. Заключению договора должно было предшествовать «установление сторонами» следующих условий:

¹ Док. № 757.

² Док. № 737.

³ Там же.

⁴ Док. № 741.

РСФСР должна признать Республику Армению и не вмешиваться в ее внутренние дела; должны быть прекращены всякие военные операции и действия сторон друг против друга: советские войска должны быть отведены из занятых ими районов и восстановлено территориальное статус-кво-анте (по состоянию до введения советских войск в Карабах и Инджеванский уезд); армянские войска, в свою очередь, не должны быть введены в пределы Карабаха и нагорную часть Елизаветпольского уезда; армянское правительство разрешит вступившим в Нахичеван советским войскам свободно перейти в Азербайджан, советские войска не должны сосредоточиваться на границах Армении и др.¹

Сообщая Наркоминделу Чичерину о том, что «Армянское правительство надеется получить согласие советского правительства на отвод красных войск из так называемых спорных областей, усматривая в этом необходимое условие для возможности начатия мирных переговоров», Лигран информирует, что в ответ на переданное через армянскую делегацию официальное предложение «будет предложено изъявить свое согласие на временное занятие красными войсками спорных районов Карабаха, Зангезура, Нахичевани»².

Лигран отмечает, что положение осложняется «неудачным ходом операции XI армии», которая *«легкомысленно отнеслась к выполнению полученной директивы о занятии Зангезура и Нахичевани»*, выдвинув в Нахичевань небольшой кавалерийский отряд — около 120 сабель — и не приняв мер к прочному занятию тракта Герюсы — Энгеляурт — Нахичевань. В результате наш отряд в Нахичевани оказался отрезанным, а наша турецкая миссия в районе Энгеляурта подверглась нападению, причем золото стало добычей неприятеля». Информировав Наркоминдел о том, что армейское командование вместо выполнения прямых указаний полученной директивы выступает с «самостоятельной политикой, противоречащей ... общей политической линии», Лигран просил Чичерина оказать ему решительную и немедленную поддержку через Реввоенсовет Республики. В противном случае, сообщил Лигран, «дело мира с Арменией будет сорвано».

Зная, что подлинными инициаторами действий армейского командования являются базировавшиеся в Баку ставленники Сталина, Лигран говорит о необходимости прекратить их провокационную деятельность: «Для того, чтобы мы могли тут работать с надеждой на успех, должна быть уверенность, что Москва железной рукой *положит конец азербайджанской партизанщине* и поможет нам создать условия, при которых можно рассчитывать на соглашение с Армянским правительством о прекращении военных действий...» Лигран выражает надежду, что при энергичной поддержке Наркоминдела и при условии, что «правительство по-прежнему оценивает положение на Кавказе и наши задания в отношении к Армении», удастся довести дело до конца и что, когда «соглашение о прекращении военных действий» будет достигнуто, оно станет «практически обязательным и для нашего командования в Азербайджане, которое в настоящее время всячески срывает нашу работу»³.

¹ Док. № 754.

² Док. № 759.

³ Там же. Выделено нами. — Ю. Б.

15. Временное соглашение о прекращении войны между РСФСР и Республикой Арменией — повод для нового раунда тройственной агрессии

10 августа 1920 г., в тот самый день, когда в Париже был подписан Севрский мирный договор, было подписано и временное Соглашение о прекращении состояния войны — «предварительный мир» между РСФСР и Республикой Арменией¹.

РСФСР в лице полномочного представителя Б. Лиграна, с одной стороны, и представители Республики Армении А. Джамалян и А. Бабалян — с другой, «исходя из признания независимости и полной самостоятельности Республики Армении», заключили соглашение, которым устанавливалось, что с 12 час. 10 августа 1920 г. военные действия между войсками РСФСР и Республики Армении «считаются прекращенными» (ст. 1).

Таким образом, с Арменией в этот день были заключены два мирных договора. Один — двусторонний и притом только временный, «предварительный», предусматривал прекращение военных действий между РСФСР и Республикой Арменией. Другой — многосторонний, подготовленный Мирной конференцией, отвечал на все вопросы, связанные с ответственностью Турции за геноцид, с ликвидацией последствий этого преступления.

Воевать с РСФСР Армения не могла в принципе, поскольку у них не было общих границ. Очевидно, что речь шла о необъявленной «революционной» войне, которую вела советская Россия против «буржуазной» Армении в интересах своего турецкого союзника и советского Азербайджана.

Соглашением устанавливалось, что войска Республики Армении занимают линию: Шахтахты — Хок — Азнабют — Султанбек и далее линию севернее Куки и западнее Базарчая (Базаркенд), а в Казахском уезде — линию, которую они занимали 30 июля 1920 г. Войска РСФСР занимают спорные области: Карабах, Зангезур и Нахичевань, за исключением полосы, определенной в соглашении для расположения войск Республики Армении (ст. 2).

Занятие советскими войсками спорных территорий не предвещает вопрос о правах на эти территории Республики Армении или Азербайджанской ССР. Этим временным занятием РСФСР имеет в виду «создать благоприятные условия для мирного разрешения территориальных споров между Арменией и Азербайджаном на тех основах, которые будут установлены мирным договором, имеющим быть заключенным между РСФСР и Республикой Арменией в скорейшем будущем» (ст. 3). Договаривающиеся стороны обязались с прекращением военных действий прекратить концентрацию военных сил как в спорных, так и пограничных территориях (ст. 4).

Пойдя на уступки в вопросе расширения зоны временной оккупации советскими войсками «спорных» с Азербайджаном территорий, Армения, в соответствии со ст. 5 Соглашения с РСФСР, сохраняла за собой Шахтахты, связывавший Нахичеван с подвластной туркам территорией узкоколейной железной дорогой. Согласно положениям этой статьи, «впредь до заключения договора между РСФСР и Республикой Арменией эксплуатация железной дороги на участке

¹ Док. № 762.

Шахтамы — Джульфа предоставляется управлению железных дорог Армении, с тем, однако, что она не может быть использована для военных целей». Это позволяло осуществлять какой-то контроль над транзитными перевозками через армянскую территорию в Турцию и, кроме того, давало возможность поддерживать экономические связи с богатым сельскохозяйственной продукцией Макинским ханством.

Перед подписанием Соглашения Лигран дал некоторые пояснения по нему. Он сообщал, что в соответствии с его условиями армянское правительство отводит свои войска за пределы Зангезура и Нахичевана до Шахтамы, в которых останутся армянские пограничные войска. Лигран подчеркнул, что «отвод войска намечен так, чтобы весь тракт от Нахичевани через Карамалиновку — Енгаляурт был вне всякого влияния армянских войска в районе Базарчая».

На этих условиях РСФСР принимала обязательство немедленно прекратить военные действия и отвести части Красной армии из района Иджеванского уезда в пределы Азербайджанской ССР.

Подписание 10 августа временного Соглашения, создавая видимость стремления коммунистического правительства РСФСР к достижению мирного договора с Республикой Арменией, имело целью нейтрализовать результаты послевоенного урегулирования в рамках Парижской мирной конференции, сорвать реализацию подписанного в этот же день многостороннего мирного договора, парализовать усилия международного сообщества по защите Армении, поставить ее и мир перед свершившимся фактом разрушения армянской государственности, раздела страны и советизации части Армении.

Важное значение для понимания отношения Наркоминдела РСФСР к заключенному Соглашению имеет письмо Чичерина Лиграну, направленное вскоре после подписания Соглашения: «Особых инструкций Вам посылать нет оснований, потому что наша политика по отношению к Армении остается прежней, уже Вам известной. Мы ведем линию компромисса с дашнакским правительством, но настаиваем на прекращении репрессий против коммунистов и добиваемся свободы транзита через Армению. Мы откладываем разрешение вопроса о спорных местностях. Наши части продолжают занимать их, причем надо энергично настаивать на прекращении всяких безобразий со стороны наших частей или командиров. Мы *держимся твердо условий предварительного договора 10 августа, хотя он дал нам не все, чего мы желали бы, и, в частности, не предоставил нам весь Нахичеванский округ. В общем, таким образом, линия остается прежней, и надо всячески успокаивать армян относительно наших действительных намерений*»¹.

Разъяснение Чичериным смысла «действительных намерений» и «реальных отношений» правительства советской России с Арменией, к которым «надо причислять армян», позволяет понять политику Наркоминдела, уяснить, в чем она расходилась и в чем совпадала с позицией Сталина.

Указав, что если РСФСР не получит «в конце концов удовлетворения» в этом отношении, то мирное соглашение с Арменией «может лопнуть», Чичерин излагает исходную политическую основу этих «реальных отношений»: «Надо разъяснить армянам действительный характер наших отношений к ту-

¹ Док. № 767. Выделено нами. — Ю.Б.

рецким революционерам, все время искажаемых в армянской прессе. Надо подчеркивать, что предпосылкой нашего соглашения является народный характер власти ангорских революционеров и их демократическая политика по отношению к национальностям, а также их участие в общем освободительном движении Востока. Предпосылкой наших отношений с ними является территориальное размежевание в Турецкой Армении с предоставлением достаточной территории для эмиграции армянских беженцев и создание независимой армянской области»¹.

Политбюро ЦК РКП(б) заслушало Народного комиссара иностранных дел Чичерина как до, так и после заключения Соглашения. 31 июля 1920 г. оно приняло предложение Чичерина об Армении², а 13 августа, заслушав в присутствии Ленина доклад Чичерина «о Турции и Армении», Политбюро ЦК РКП(б) согласилось с ним³. Не имея протоколов заседания, невозможно сказать, что же скрывалось под этим «согласием». Некоторое представление можно получить на основе публичных высказываний самого Чичерина и подписавшего Соглашение Лиграна.

Так называемое «временное соглашение», заключенное 10 августа 1920 г. советским правительством России с Арменией, в действительности не принесло ей мира. Оно стало прелюдией к новому раунду тройственной агрессии кемалистской Турции, большевистской России и примыкавшего к ним советизированного Азербайджана против Республики Армении. Этим соглашением были недовольны и правительство ВНСТ и правительство советского Азербайджана: первое ускорило подготовку к войне, а второе усилило свою антиармянскую подрывную деятельность. В самой же РСФСР отношение к этому договору было двусмысленным. Если Наркоминдел исходил из необходимости в данный исторический момент соблюдать этот договор, ястребы в стане большевистских экстремистов встретили в штыки идею мирного договора с Арменией. Для подрыва Соглашения о мире и, в более широком плане, курса Наркоминдела в отношении армяно-турецких отношений они использовали вопрос обеспечения прямой территориальной связи с турками накануне их финального военного вторжения на территорию Республики Армении.

Мирное соглашение с Арменией, даже «временное» и «предварительное», не устраивало ни турецких захватчиков, ни большевистских экстремистов, ни их иждивенцев — азербайджанских национал-коммунистов. Они подняли вой, истерично требуя отнять у армян Шахтамы, присоединить к Азербайджану армянские территории Карабаха, Зангезура и Нахичевана, которые по Соглашению считались «нейтральными».

Уже в самый день подписания Соглашения последовала реакция эмиссара Кемала — «товарища Халила». Он выражал тревогу по поводу того, что «армяне прервали связь между Сов. Россией и Турцией, заняв гор. Шахтамы». Играя на воинственных настроениях Орджоникидзе, Халил жалуется, что «руководимые директивами от англичан дашнаки стараются не допустить соединение советских войска с турецкими». Турция, говорит он, «больше не может оставаться без-

¹ Док № 767. Подчеркнуто красным карандашом в тексте архивного экземпляра. — Ю.Б.

² Док. № 747.

³ Док. № 773.

участным зрителем этих чинимых дашнаками препятствий». Он убеждает большевистского комиссара, что «для обеспечения прочной связи между советской Россией и Революционной Турцией... настало время дать должный отпор наступательным стремлениям армян»: «Во имя великих наших принципов я прошу Вас, тов. Орджоникидзе, приложить всю силу Вашего влияния для объяснения Москве истинного положения дела»¹.

Не имея оснований открыто выступить против Соглашения, давшего международно-правовое основание для занятия советскими войсками стратегически важных территорий Карабаха, Зангезура и почти всего Нахичеванского уезда, Орджоникидзе и азербайджанские подголоски Сталина сосредоточили критику против договорного статуса Шахтахты, требуя занять его частями Красной армии, не считаясь с только что заключенным Соглашением.

В разговоре по прямому проводу с Лиграном, отстаивавшим подписанное им Соглашение с Арменией, Чичерин опровергает слухи о предполагаемом занятии Шахтахты частями Красной армии: «Дело обстоит как раз наоборот: никогда мы ни единого слова не говорили о том, чтобы мы заняли теперь сами Шахтахты. Перед нами был поставлен вопрос о том, как мы отнесемся, если турки, независимо от нас, собственными силами, без всякой связи с нами возьмут Шахтахты и Сарыкамыш. Это именно с некоторыми фактическими дополнениями было сообщено Серго. Он ответил шифровкой, которая до нас не дошла, мы просили повторения, но не получили его. Из его открытой телеграммы видно, что он считает такой оборот дела нежелательным и предпочитает, чтобы мы сами заняли эти города, так это — его предложение, а вовсе не наше предложение. Главком и Реввоенсовет Республики, безусловно, противятся всякому дальнейшему продвижению наших войск. Сообщите Серго последнее, а также, что мы до сих пор не получили его шифровку, нам необходимо получить ее скорее. Как относитесь Вы к возможности занятия указанных мест турками? Считаете ли необходимым, чтобы мы пустили в ход все наше влияние, чтобы этому помешать по мере возможности».

Вместе с тем, повторяя аргументы противников Соглашения о том, что с сохранением за Арменией этого «связующего пункта с Турцией» РСФСР и Азербайджан «абсолютно отрезаны» от турок и что «необозримые запасы провианта Макинского ханства [в]место нас пойдут [в] руки дашнаков», Чичерин начинает колебаться. Он спрашивает Лиграна: «...неужели это было неизбежно?» И тут же сам отвечает: «Мирный договор, конечно, необходим»².

14 августа Чичерин уже сам пишет Орджоникидзе, что «по поводу подписанного Лиграном предварительного мира с Арменией турки бьют тревогу, ибо передача армянам Шахтахты герметически отделяет Турцию от нас и Азербайджана. Всякий контакт делается невозможным. Турки спрашивают нашего согласия, чтобы собственными силами отнять у армян Сарыкамыш и Шахтахты. От нас требуется только устное согласие, чтобы нас не компрометировать. В таком случае турки восстановили бы контакт с нами. Сообщите, целесообразно ли»³.

¹ Док. № 765.

² Док. № 768. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 774. Выделено нами. — Ю.Б.

17 августа Чичерин кружным путем, через представителя Наркомвнешторга в Грузии, просит сообщить Орджоникидзе, что ему — Чичерину — «крайне необходимо» получить ответ на шифровку, в которой изложен «вопрос о желании турок собственными силами занять Шахтахты и Сарыкамыш без нашего [т.е. советского] участия с целью восстановления контакта с нами, абсолютно устраненного занятием Шахтахты армянами»¹.

В тот же день, не дождавшись ответа, Чичерин направил телеграмму Орджоникидзе, в которой сообщалось, что «турки ждут скорого ответа», и излагалась позиция Наркоминдела: «Мы считаем возможным согласиться, чтобы они собственными силами, независимо от нас, заняли Шахтахты и Сарыкамыш для установления контакта с нами»².

Орджоникидзе мотивирует необходимость занятия Шахтахты советскими войсками в нарушение заключенного Соглашения тем, что его занятие турками неизбежно повлечет резню: «Разрешить туркам занятие Шахтахты не следовало, вызовет резню, лучше уже зайдем сами»³. В тот же день Орджоникидзе информирует Лиграна, что «турки настаивают на занятии Шахтахты», так как «в противном случае открыта[я] дорога, проходящая через последний пункт, отрезывается». Излагая свой подход к решению этого вопроса, Орджоникидзе от себя добавляет: «Придется по ошибке занят[ь] Шахтахты»⁴.

В телеграмме Чичерину Лигран 18 августа информирует, что в Баку, где он находился 12—13 августа, Орджоникидзе сообщил ему «о новой директиве [в] отношении Армении» и что «на совещании [в] Баку было решено вопрос [об] изменении тактики [в] отношении Армении поставить в зависимость от согласия Армении на признание за нами права свободного транзита через ее территорию». Лигран сообщает также, что в Баку получено извещение о том, что «армии дан приказ занять линию, предоставленную договором армянским войскам», и что при этом ссылаются на сообщение Чичерина «о требованиях турок занять Шахтахты и директиву Главкома о занятии всего Нахичеванского уезда»⁵.

Лигран сообщает Чичерину, что 18 августа из Тифлиса он направил Орджоникидзе просьбу «приостановить отданный РВС XI [армии] приказ о занятии Шахтахты и участка Нахичеванского уезда, предоставленного по договору 10 августа для занятия армянскими частями». Лигран выражает надежду на поддержку, он уверен, что до тех пор, пока имеется возможность путем мирных переговоров добиться признания права РСФСР на свободный транзит через территорию Армении, «всякого рода военные выступления в нарушение договора от 10 августа являются неудачными», а в существующей ситуации — в частности, возможности десанта Врангеля, «могут повлечь нежелательные последствия». В случае, если Орджоникидзе будет категорически настаивать на своем плане, то Лигран даст телеграмму в Ереван «о необходимости очищения армянскими войсками Нахичеванского уезда». Лигран извещает, что при таком подходе к решению вопроса он, «считая свою миссию законченной», выедет в Россию.

¹ Док. № 777.

² Док. № 779.

³ Док. № 780.

⁴ Док. № 782.

⁵ Док. № 783.

20 августа Легран по прямому проводу обращается к Чичерину. Он расценивает согласие на занятие Шахтахты как открытое нарушение только что заключенного Соглашения: «Первое: если Вы действительно передали Серго о необходимости по настоянию турок занять Шахтахты в нарушение подписанного мною от имени советского правительства соглашения с Арменией от 10 августа — мне не остается ничего иного, как настоятельно просить Вас и ЦК о немедленном отзывании. Я полагал, что при некотором воздействии Вашем мне удалось бы упрочить то доверие, которое в последнее время стало возникать у Армянправительства в отношении нашей политики, и довести армян до признания за нами права свободного транзита через территорию Армении. Передача Нахичеванского уезда кемалистам и открытое нарушение соглашения от 10 августа занятием Шахтахты равносильно прекращению мирных сношений с Арменией и предполагает целый ряд дальнейших мероприятий [в] отношении Армении, что мне во всяком случае представляется и неуместным, и несвоевременным».

Отметив непоследовательность поведения Наркоминдела и не соглашаясь с действиями Орджоникидзе, Легран в упор ставит вопрос об авторстве этой «неуместной» политики в отношении Армении: «*Вследствие отсутствия Ваших директив по этим основным вопросам положение создается чрезвычайно запутанное, и неясно, кто именно — мы или Баку — проводит политику центра [в] отношении Армении*»¹.

Возвращаясь к этому вопросу, Легран в другой телеграмме Чичерину указывает, что «*рассчитывать на содействие местных сил — азербайджанцев и Реввоенсовета XI армии в нашей политике по отношению к Армении можно было бы только тогда, если бы речь шла о завоевательном походе в Армению*»².

Наркоминдел направил Леграну и Ревкому Армении предписание о том, что «*договор [от] 10 августа должен соблюдаться неукоснительно. Никакой разрыв отношений и военное осложнение с Арменией недопустимы. Это точка зрения правительства, твердо и решительно подтвержденная Цека партии*»³. Вместе с тем указывалось, что транзита через Армению в Турцию необходимо добиваться самым энергичным образом, но дипломатическими путями⁴.

Заключение Соглашения с Арменией обосновывалось военным положением России не только на Кавказе, но и на фронтах гражданской войны. Соответственно были отклонены попытки сталинской группы саботировать этот договор. Об этом прямо говорится в телеграмме Наркоминдела РСФСР Леграну от 22 августа: «*Десанты Врангеля, восстание кубанцев убедили нас в невозможности идти дальше договора десятого августа, поэтому решения, принятые в бытность здесь Серго о перемене линии, были отменены. Известите его*»⁵.

22 августа Чичерин направил Леграну две телеграммы. В той, которая была отправлена в 18 ч 45 мин, предписывалось, что транзита в Турцию «*надо добиваться дипломатическими путями*» и что принятое при участии Орджоникидзе решение о занятии территории Шахтахты советскими войсками в нарушение до-

¹ Док. № 785. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 789. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 791, 792.

⁴ Там же.

⁵ Док. № 792.

говора отменяется¹. В другой телеграмме, отправленной в 20 ч 25 мин, глава советского внешнеполитического ведомства вновь ставит вопрос о занятии Шахтахты без участия РСФСР: «*Мы запрашивали Серго о желании турок занять Шахтахты и Сарыкамыш помимо нас. Это не было бы нарушением договора, ибо мы не обязались защищать эти места против турок*»².

23 августа Нарком сам направил телеграмму Орджоникидзе о недопустимости нарушения Соглашения с Арменией: «*Договор 10 августа с Арменией необходимо неукоснительно соблюдать. Сообщаю Вам для полного и безусловного руководства инструкции ЦЕКА в отношении Армении: решение о советизации отменено, необходимо строго избегать всяких военных столкновений с Арменией, и это диктуется как общей военной обстановкой, так и положением на Кубани*». Предписывалось также «*дальнейшее продвижение за линию, установленную договором, в частности, на Шахтахты, немедленно приостановить*». Явно с целью пресечения своеволия Орджоникидзе его обязывали сообщить об исполнении этого указания³.

Согласившись в угоду туркам и под нажимом Сталина — Орджоникидзе отнять у Армении Шахтахты и Сарыкамыш, Наркоминдел поставил себя перед дилеммой: либо Шахтахты займет Красная армия в прямое нарушение Соглашения с Арменией, либо Шахтахты займут турецкие союзники России, и тогда резня армян будет неизбежна.

Отвечая 24 августа на запрос Чичерина, Легран пояснил, почему «*наступление турок на Шахтахты в настоящее время чрезвычайно нежелательно*»: «*Ввиду нахождения наших войск в Нахичевани, вместе с которыми находятся и некоторые турецкие части, действия турок будут восприняты как действия союзных нам войск, и волей-неволей придется нести за это ответственность*». Исходя из того, что «*самый же факт наступления турок и захвата ими армянских территорий отзовется весьма неблагоприятно на нашей общей политике*», Легран советовал «*использовать все влияние*» для того, чтобы успокоить турок⁴.

Считая, что «*в таком случае было бы проще*» занять Шахтахты советскими частями, Легран рекомендовал повременить с этим: «*...военные действия с нашей стороны считая, безусловно, преждевременными до тех пор, пока не выяснен вопрос о согласии армянского правительства на предоставление нам свободного транзита через Армению*. В частности, мы можем настаивать в первую очередь на предоставлении нам или туркам пользования узкоколейкой Шахтахты и свободного транзита на участке Нахичевань — Шахтахты. Что касается занятия Сарыкамыша, то до разрешения основного вопроса о железных дорогах Армении занятие Сарыкамыша не может иметь значения»⁵.

Советское руководство приняло установку на предоставление туркам возможности захвата и этой части территории Республики Армении по сформулированной Сталиным циничной формуле: «*не вмешиваемся, не знаем планов, не считаем возможным мешать*»⁶.

¹ Док. № 792.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 795. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Док. № 796. Выделено нами. — Ю.Б.

⁵ Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

⁶ Док. № 804. Выделено нами. — Ю.Б.

Получив партийно-государственную установку, Орджоникидзе изменил свою позицию и перестал опасаться резни армян турками. На вопрос Чичерина: «...значит, Вы не возражаете против того, чтобы мы изъявили согласие о занятии ими без нашего участия указанных мест», Орджоникидзе ответил: «Раньше и теперь мои возражения сводились [к] боязни резни, что, конечно, и теперь не исключено, но, во-первых, я думаю, что турки бравируют и ничего не займут, а если займут и начнется резня, вмешаемся мы и прекратим. Таким образом, я не возражаю»¹.

И опять Чичерин для перестраховки просит, чтобы Орджоникидзе сообщил свою «мотивировку относительно Шахтагты и Сарыкамыш»². Орджоникидзе разъясняет свою позицию: «В силу создавшейся обстановки я отказываюсь от своего прежнего предложения — занять и то, и другое. По-моему, турки своими силами не сумеют занять, у них там очень мало сил. Занятие турками этих пунктов, конечно, для армян — истребление, но так как у них сил нет, то мы ничем не рискуем»³. Поощряемая попустительством советских властей, турецкая армия на рассвете 13 сентября перешла в наступление на Ольгинском направлении⁴. Так с санкции советского правительства начался последний раунд агрессивной войны турецких националистов против Республики Армении.

В это же время Орджоникидзе требует не выполнять пункт Соглашения Армении и РСФСР о железной дороге и запретить «появление армянских частей» в расположении советских войск восточнее Шахтагты, где уже находились турецкие части⁵.

Не ограничиваясь вопросом обеспечения связи с кемалистскими союзниками путем санкционирования оккупации Шахтагты турками, Орджоникидзе продолжает подстрекать захватнические намерения азербайджанских национал-коммунистов.

В конце августа Орджоникидзе обещал Нариманову «снабдить соответствующим приложением от себя» его телеграмму в Москву о территориальных претензиях Азербайджанской ССР: «...думаю, между нами говоря, раз Карабах, Зангезур будут заняты нашими войсками, это все равно будет азербайджанское»⁶.

Нариманов недоволен содержанием телеграмм Чичерина, в частности той, в которой территория, занятая Красной армией, объявляется центром «нейтральной», так как «это уже указывает на то, что Азербайджан в данный момент теряет эту территорию». В этой связи он просит Орджоникидзе «поговорить по прямому проводу с тов. Сталиным и указать источник, откуда это все происходит»⁷.

Орджоникидзе успокаивает своего собеседника. В разговоре по прямому проводу он сообщает о поддержке агрессивных поползновений Нариманова: «Конечно, целиком согласен с Вами, что Чичерин безнадежно путает, поскольку там будет советская власть и будут там наши войска. Несмотря на формальную сторону, фактически мы сумеем закрепить эти территории за Азербайджаном. Ведь

¹ Док. № 805.

² Там же.

³ Док. № 806.

⁴ Док. № 819.

⁵ Док. № 820.

⁶ Док. № 813.

⁷ Там же.

никто в мире не в состоянии помешать нам повлиять на население указанных областей высказаться за соединение с Азербайджаном...»¹

В разговоре с Орджоникидзе, состоявшемся не позднее 1 сентября 1920 г., Нариманов сообщает, что азербайджанские руководители, не теряя времени, «постановили разогнать здесь и в центре все армянские группы дня через четыре-пять».

Другой земляк Сталина — Шалва Элиава, назначенный на пост чрезвычайного и полномочного представителя РСФСР в Турции, поддержал откровенный вымысел Карабекира, утверждавшего, что Англия «завоюет Анатолию», а султанское правительство передаст 200 тыс. аскеров «в распоряжение английского правительства для отправки их вместе с английскими войсками против большевиков» и что через месяц «революционная Турция» будет окружена и даже «не сможет... отступить в Советскую Россию и опереться на нее», а неизбежным следствием этого будет потеря Баку — «основного фактора нашей силы». 17 сентября он направил телеграмму Ленину, Троцкому и Чичерину с предложением «решительно приступить к обеспечению тесной кратчайшей связи» с Анатолией и соответственно к «советизации Армении, этого отвратительного очага кавказской контрреволюции»².

Нарушая договорный статус «спорных» территорий как «нейтрализованных», военное командование Красной армии также поддерживало меры руководителей Азербайджанской ССР по изменению этнического облика этих территорий. Более того, под видом «классовой борьбы» против «ставленников империализма» и «очага контрреволюции», части Красной армии не только поддерживали азербайджанских экспансионистов, но и сами занимались этнической чисткой в Карабахе, Зангезуре и Нахичеване. Репрессии против армянского населения оккупированных Красной армией армянских территорий явно имели целью организацию этнической чистки.

В нотах от 17, 20, 22 августа правительство Республики Армении заявляло протесты правительству РСФСР, обвиняя его в нарушении условий межгосударственного соглашения от 10 августа 1920 г. относительно временного занятия советскими войсками «нейтрализованных» территорий Карабаха и Зангезура³.

Указывалось, что аресты и расстрелы армянских общественных деятелей и должностных лиц частями Красной армии приобрели «характер массового, почти повсеместного явления». Особенно целеустремленный характер обрели преследования деятелей правившей в Армении дашнакской партии, включая членов парламента и должностных лиц. Одних расстреливали на месте, других вывозили в Баку и расстреливали там. Из пулеметов была расстреляна школьная организация партии — ученики 12—14 лет.

Войска Красной армии разгромили, в частности, 30 армянских деревень Зангезура.

Эти бесчинства совершались даже в самом центре расположения советских войск. В некоторых случаях о расстрелах армян официально оповещали в газете «Коммунист».

¹ Док. 820. Выделено нами. — Ю. Б.

² Док. № 824. Выделено нами. — Ю. Б.

³ Док. № 778, 786, 790.

О степени ожесточенности красноармейцев говорило и применение ими запрещенных международным правом разрывных пуль.

Указывая в своих нотах, что допущение азербайджанских войсковых частей на «нейтрализованную» территорию Карабаха и Зангезура представляло нарушение условий Соглашения между Республикой Арменией и РСФСР, армянское правительство требовало их удаления.

Хотя в ответных нотах Наркоминдел и Легран отрицали факты, Чичерин в телеграмме, направленной 23 августа Орджоникидзе, признал эти факты и обязал его принять меры для прекращения «преждевременных» и «не внушаемых необходимостью» действий: «В занятых нашими частями районах, в частности, Зангезуре, допущены расстрелы и насилие над армянским населением, не внушаемые необходимостью. Такие действия, помимо того, что преждевременно осложняют наши отношения с Арменией, создают к русским враждебное отношение, которое будет мешать нам в будущем в Армении. Необходимо самое строгое приказание воинским частям о тактичном отношении к населению. Что касается безобразий в Зангезуре, необходимо немедленное строгое расследование обстоятельства, и сообщите нам [в] срочном порядке»¹.

Реввоенсовет Кавказского фронта, находившийся под прямым влиянием Орджоникидзе, стал «снова возбуждать [в] настойчивой форме вопрос о нежелательности соблюдения» российско-армянского Соглашения от 10 августа 1920 г. в части, касающейся эксплуатации железных дорог Армении на участке Шахтахты — Джульфа. Не считаясь с возражениями полномочного представителя РСФСР в Армении Леграна, Реввоенсовет принял решение не выполнять это положение Соглашения.

В этой ситуации и в связи с предстоящими переговорами в Ереване Легран 23 сентября обращается к Чичерину и к самому Ленину с просьбой сообщить ему, остается ли в силе директива ЦК, переданная ему Чичериным 22 августа, о достижении дипломатическим путем соглашения с Арменией относительно предоставления свободного транзита в Турцию и в связи с этим о «безусловной обязательности заключенного нами соглашения 10/VIII»².

Легран обращает внимание Наркома «на совершенную невозможность такого порядка, когда по каждому отдельному пункту снова и снова возбуждается вопрос о несоблюдении договора. Должно быть какое-нибудь одно решение, обязательное и для нас, и для Реввоенсовета. Необходимо предпринять твердые шаги [к] тому, чтобы армейское командование отказалось от проведения самостоятельной политики [в] отношении Армении, либо освободить нас от возложенного на нас задания». Отметив, что с точки зрения «непосредственных целей» советского правительства — установления прямой железнодорожной связи с кемалистами через территорию Армении — можно было бы ограничиться одним Сарыкамышским путем, Легран сообщает, что «настойчивое стремление Азербайджана и Реввоенсовета» овладеть вторым путем через Нахичеван — Шахтахты «объясняется не чем иным, как стремлением прочно захватить занимаемые нами спорные области Зангезур и Нахичевань и добиться присоединения их [к] Азербайджану»³.

¹ Док. № 795. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 827.

³ Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

Запрашивая Чичерина, на какие территориальные уступки Армении готова идти Москва при условии предоставления транзита, Легран излагает свою точку зрения: «Полагаю, что не следует опасаться передачи Армении Зангезура и Нахичевани. Во-первых, эти области были бы нужны нам только как исходные пункты самостоятельных операций в ближней Турции и на Тавризском направлении, что, повторяю, при состоянии наших военных и советских сил [в] Азербайджане является чистой утопией. Во-вторых, Зангезур является действительно армянской областью, где наша власть [в] настоящий момент носит характер враждебной населению оккупации, что особенно проявилось во время Герусинских событий. [В]-третьих, нельзя считать [с] территориальными притязаниями Азербайджана, так как если ничего не уступить Армении, то нечего ждать с ее стороны уступок [в] вопросе транзита. Всякое решение Москвы в территориальном вопросе, обоснованное объективным политическим расчетом, несомненно, окажется приемлемым и для Азербайджана. Что касается Карабаха, можно настаивать на присоединении его [к] Азербайджану». Легран поясняет, что только при таком решении «возможность достижения мирного соглашения является более или менее вероятной. [В] противном случае я считал бы совершенно безнадежными наши попытки [к] мирному разрешению вопроса о транзите [в] Турцию»¹.

Сообщая, что «турки начали наступление на Карсском фронте» и на Сарыкамыш, Легран телеграфирует 29 сентября Наркоминделу, что «необходимо немедленное решительное обращение Советправительства [с] целью приостановки наступления турок», так как «в противном случае наше положение становится двусмысленным»². Легран не учитывал, что большевистские ястребы стремились не к мирному соглашению с Республикой Арменией. Им нужно было разрушить армянское государство с помощью турок.

Отстаивая линию Наркома иностранных дел, его заместитель Карахан 24 сентября вновь подтвердил, что «точное соблюдение договора десятого августа безусловно обязательно» и что «в этом смысле отдан приказ от Главного командования Кавфронта»³. Сам Чичерин, продолжая настаивать на сохранении видимости соблюдения Соглашения, одобряет оккупацию армянской территории турками. В промежутке между 27—29 сентября он сообщает Леграну, что «желдорога Шахтахты — Джульфа в руках турок-повстанцев. Мы ее занимать не будем, не наше дело ее осваивать для армян. Договор не требует от нас войны с турками. Раз не мы занимаем желдорогу, мы умываем руки»⁴.

О наличии договоренности между РСФСР и турками относительно занятия ими Шахтахты и Сарыкамыш в прямое нарушение Соглашения с Арменией имеется непосредственное признание Наркоминдела. В письме Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) 5 октября 1920 г. отмечается, что «с турками было условлено, что ради установления необходимого контакта с нами они займут линию Сарыкамыш — Шахтахты, совершенно независимо от нас и без всякой связи с нами»⁵.

¹ Док. № 827. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 833. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 828.

⁴ Док. № 831. Подчеркнуто красным карандашом в архивном документе. — Ю.Б.

⁵ Док. № 835. Выделено нами. — Ю.Б.

В обоснование занятой позиции Чичерин 2 октября сообщает Лиграну, что «знающие Кавказ товарищи» считают его (Лиграна) «надежды добиться через Армению транзита» для вооружения турок «совершенно иллюзорными». По словам Наркома, турецкое наступление, «поскольку оно ограничится линией Сарыкамыш — Шахтакты... ведет к установлению контакта с нами, крайне желательного».

Теперь Чичерин выражает уже сомнение даже относительно возможности заключения мирного договора с Республикой Арменией: «Надо сказать, что при изменившейся конъюнктуре с усилившейся английской оффенсивой на Востоке и ясно наметившейся ролью Армении как орудия Англии, заключение договора с Арменией представляется гораздо более трудным, чем раньше. Вопрос о границе с Турцией приходится, безусловно, оставить открытым, представив его смешанной комиссии. Вопрос о спорных местностях с Азербайджаном тоже приходится оставить открытым»¹.

5 октября, когда турецкое наступление было в разгаре, Чичерин предписывал члену Кавказского бюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта Орджоникидзе проявлять осторожность только для того, чтобы избежать возможности вмешательства Антанты: «По поводу турецкого наступления прежде всего имейте в виду: мы при нынешнем положении ни в коем случае не должны быть вовлекаемы в военные действия. Свяжитесь возможно скорее с кемалистами, укажите, мы считаем несвоевременным [и] опасным военные операции, которые могли бы спровоцировать правительства Антанты. Употребите все усилия, чтобы предотвратить возможность таких столкновений». Чичерин просит Орджоникидзе убедить «кемалистов воздержаться от военных операций, простирающихся далее предусмотренных ранее». Показательно, что Чичерин, опасаясь вмешательства Антанты, призывает убедить турок прекратить военные операции против Армении только за пределами установленной линии разграничения².

В тот же день Чичерин дал указание Лиграну не беспокоиться, «если наступление турок не пойдет дальше линии Сарыкамыш—Шахтакты и приведет к установлению контакта с нами, не затрагивая существования Армении». Чичерин заявляет, что «теперь нельзя рассчитывать мирно добиться транзита через Армению для вооружения [турок]», что «непосредственный контакт с турками более действителен. Если некоторые города заняты турками, наш договор от этого не страдает»³.

Чичерин вновь поясняет, что не выступает против вторжения турок в Армению, если оно не пойдет дальше условленной линии: «Пока турки не продвигаются в глубь Армении, пока турки остаются на линии Сарыкамыш — Шахтакты, нет особенного <...> для вмешательства, но если они пойдут дальше, придется что-нибудь сделать». Хотя, по словам Чичерина, «Армения за последнее время все больше и больше превращается в орудие наступательной политики Антанты, но мы не можем позволить ее раздавить»⁴.

Эта подвижка в позиции Чичерина объясняется возрастающей ролью Сталина и его людей в решении вопросов, связанных с отношениями между Турцией и Арменией. 9 октября, инструктируя Лиграна, назначенного полномочным пред-

¹ Док. № 834. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 836. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 837. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Док. №№ 837 и 838. Отточие документа. Выделено нами. — Ю.Б.

ставителем РСФСР в Армении, Чичерин предписывает быть «в постоянном контакте с тов. Орджоникидзе, который находится в центре кавказской политики, а в ближайшие дни туда поедет т. Сталин. С ним Вам необходимо поддерживать постоянный контакт»¹.

Не ограничиваясь враждебными действиями в оккупированных войсками Красной армии «нейтрализованных» областях Армении — Карабахе, Зангезуре и Нахичеване и поддержкой там враждебных армянам сепаратистских сил Азербайджана, советские военные власти, подстрекаемые Сталиным и его «группой кавказских деятелей», приступили к военным акциям против Республики Армении совместно с вторгшимися на ее территорию кемалистскими войсками. Представители РСФСР в Азербайджане и командование советских войск, нарушая межгосударственное соглашение, открыто поддерживали военные действия Азербайджанской ССР и кемалистской Турции против Армении.

Правительство Армении, указывая на соответствующие факты, неоднократно требовало соблюдать Соглашение, заключенное с правительством РСФСР 10 августа. Об участии советско-азербайджанских войск в войне Турции против Армении указывалось, в частности, в телеграмме Министра иностранных дел Армении Народному комиссару иностранных дел РСФСР 10 октября. В ней констатировалось, что «с самого начала оккупации российскими советскими войсками названных районов азербайджанские войска и курдо-татарские банды получили широкий доступ в пределы как Карабаха, так и Зангезура и Нахичевани. Одновременно такой же доступ был предоставлен турецким национальным силам и их деятелям во главе с Халилом пашой»².

В ноте отмечается согласованная акция получивших доступ в спорные районы Армении турецкой армии, банд азербайджанских национал-коммунистов и частей Красной армии по этнической чистке этих армянских территорий. Указывается, в частности, что получившие доступ в спорные области силы турецких националистов во главе с Халил-пашой «при объезде армянских селений Зангезура и других районов под угрозой их полного истребления принуждают армянское крестьянство давать подписки о якобы их желании присоединиться к Азербайджанской Республике, нежелающие подчиниться указанному требованию армянские села при поддержке русских советских войск и при участии азербайджанских сил и курдо-татарских банд подвергаются разгрому и сожжению, а их общественные деятели — расстрелу. Так в ближайшие дни разгромлены в Зангезуре селения Хачетак, Хверт, Чанны, Хотанан, Хивадз, Арцеваник, Уджанис, Савакта, Аладжарар, Каварт, Барабатум, Пютгом и другие. Это наступление и обстрел уцелевших армянских селений Капанского крестьянства продолжается и ныне»³.

Заявив протест против столь явного нарушения советскими властями обязательств, принятых по межгосударственному договору, правительство Армении квалифицировало поведение советской стороны как поддержку турецких войск и азербайджанских банд в их военных действиях против Республики Армении: «Ныне, когда правительство Армении ожидает прибытия Вашего полномочного представительства в Эривани для продолжения переговоров по заключению до-

¹ Док. № 841.

² Док. № 842. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Там же.

говора дружбы и когда Армения почти на всем смежном с Турцией фронте обороняется от наступающих на нее сил Мустафы Кемал паша, действия советских властей в Карабахе, Зангезуре и Нахичевани, пропускающих в нейтральные районы турецкие национальные силы и их деятелей, а также явно враждебные Республике Армении азербайджанские войска и курдо-татарские банды, могут рассматриваться Правительством Армении как способствование со стороны Советских властей в период военных действий военному противнику Армении и мало содействуют созданию условий, необходимых для установления дружественных взаимоотношений между обоими народами России и Армении.

Правительство Армении просило советское руководство «срочно распорядиться» о немедленном приостановлении дальнейшего разгрома армянских селений, прекращении всяких насилий и об удалении из районов советской оккупации «всех враждебных Республике Армении отрядов турецких и азербайджанских национальных деятелей, возглавляемых Халилом пашой»¹.

Указав в ноте от 8 ноября 1920 г., что советские войска вместе с «местными татарами» наступают на армянские войска в Шахтахтинском направлении и что в соответствии с договором от 10 августа «наблюдение за этим районом передано советскому командованию и всякие агрессивные действия из этого района должны быть прекращены силами советских войск», правительство Армении заявило протест «против такого наступления» и просило «принять меры» к его прекращению и наказанию виновных, нарушивших договор 10 августа².

История с захватом Шахтахты турками подтверждает, что РСФСР, несмотря на заключенное Соглашение, призванное положить конец состоянию необъявленной войны с Республикой Арменией, не только санкционировала осуществление своими союзниками агрессии против Республики Армении, но и сама приняла в ней участие, оккупировав территории Армении под прикрытием им же попоранного межгосударственного соглашения.

16. Общие цели участников войны против Армении

Нетрудно определить характер и цели войны кемалистской Турции против Республики Армении. Правительство турецких националистов, как это следует из послания Кемалю Ленину от 26 апреля 1920 г. и последующих официальных заявлений, никогда не скрывало своих агрессивных целей.

Они заключались не только в удержании «турецкой Армении», которой турецкое государство лишалось вследствие реализации политической ответственности за совершение тягчайшего международного преступления против человечности — геноцида («убийства целого народа»), но и в присоединении Карсской области, которая по праву преемства отошла от Российской империи к Республике Армении. Турки не скрывали, что стремятся к разрушению всякого армянского государства, в том числе и созданного на части территории, принадлежавшей Российской империи до ее распада. Эта цель однозначно была провозглашена в послании лидера турецких националистов М. Кемалю главе со-

¹ Док. № 842. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 888.

ветского правительства России В. Ленину¹. Рассматривая существование Армении как «позор» для турок, командующий вооруженными силами правительства ВНСТ на границе с Арменией Карабекир с мая 1919 г. по сентябрь 1920 г. много раз обещал «разрушить» ее, «покончить», «задавить под турецким каблуком», «ликвидировать», «стереть с карты мира». «Мы должны растоптать Армению, чтобы дать жизнь Азербайджану», — писал он².

Ликвидировав армянский этнический клин, турки стремились уйти от ответственности за совершенное ими преступление геноцида и удержать свои позиции. Для этого надо было разрушить Севрский мирный договор, принудив самих армян отказаться от него. Отношение турок к Севрскому мирному договору определялось тем, что в нем был воплощен принцип международной ответственности за геноцид. Международное сообщество зафиксировало в нем уголовную ответственность физических лиц — организаторов и исполнителей геноцида армян и политическую ответственность турецкого государства за совершенное им тягчайшее преступление против человечности. В Турции считали, что если удастся не допустить подписания или ратификации этого договора, то можно будет снять и вопрос о международной ответственности турок и самого турецкого государства за геноцид армян.

Именно значимостью Севрского мирного договора и связанных с ним международно-правовых последствий объясняются те усилия, которые предпринимались кемалистской Турцией вкуче с большевистской Россией для недопущения его реализации.

На Севрском мирном договоре с Оттоманской империей, выработанном Союзными державами в рамках Парижской мирной конференции, был сфокусирован и всемирно-исторический антагонизм между западным миром и российским большевизмом. Для большевиков, рассматривавших Первую мировую войну как империалистическую, было «империалистическим» и все, что связывалось с послевоенным урегулированием в рамках Мирной конференции, в которой верховодили державы Антанты. Большевистское правительство России, которое добивалось переустройства мира на основе большевистской догмы, в принципе не устраивал ни один из мирных договоров Версальской системы. Российских большевиков особенно не устраивал Севрский мирный договор, так как он препятствовал осуществлению мегаломанских социал-империалистических планов большевиков, их планов использования «революционного потенциала» Востока для разжигания с помощью турецких националистов «пожара мировой революции». С этим связана их политическая оценка этого договора как империалистического. Они рассматривали Севрский мирный договор с Турцией как часть политико-правовой системы послевоенного устройства буржуазного мира.

Добиваясь упразднения этого мирного договора, большевистское правительство России в обоснование своей политической линии давало ему ложную, не соответствующую действительности оценку как «самого кабального договора Версальской системы». Советское руководство уже не вспоминало, что, по определению самого же Ленина, «в рамках империалистических соотношений» была возможна справедливая национально-освободительная война такой, в частнос-

¹ См. документы и Комментарий к Разделу V (7, 9).

² *Karabekir K. Istiklal Harbimiz. Istanbul. 1964.*

ти, страны, как Армения. Забыло оно и о подписанном Лениным и Сталиным Декрете СНК о независимости турецкой Армении, который был основан на предпосылке международной ответственности турецкого государства.

Поставив перед собой задачу разрушить «буржуазный» мир «до основания» с тем, чтобы на его развалинах с помощью «диктатуры пролетариата» построить свой собственный мир, российские большевики стали рассматривать Армению — эту нищую, обездоленную, по их же определению, «страну слез, страну сирот», как часть ненавистного им «империалистического мира» и, следовательно, как «империалистическую» страну.

Расценивая бывших союзников России по Антанте — Великобританию и Францию — как воплощение мирового капитализма, как врагов, стоящих на их пути к «победе коммунизма в мировом масштабе», кремлевские комиссары полагали, что послевоенное устройство на основе Севрского мирного договора является препятствием в осуществлении их целей, и поэтому считали своей первой задачей срыв послевоенного урегулирования.

Руководствуясь своими доктринерскими идеями «мировой революции», большевистское правительство России продало законные права и жизненные интересы армянского народа за обещание турок поддержать большевизм в противостоянии с остальным миром.

Сталинская группа «кавказских деятелей», выступавшая от имени большевистского правительства России, заигрывала с турецкими националистами и азербайджанскими национал-коммунистами, попустительствовала их стремлению к территориальной экспансии и геноциду армян.

После подписания Севрского мирного договора созданное кемалистами правительство ВНСТ, подстрекаемое из Баку возглавлявшейся Сталиным группой «кавказских товарищей», решило аннексировать Армению, уничтожить любое армянское государство, каковы бы ни были его границы, и аннексировать его территории, разделив их при необходимости между «братским Азербайджаном» и РСФСР.

Для обоснования совместной с турками войны против отчаянно защищавшейся Армении выдвигается ложный тезис, будто «Армения за последнее время все больше и больше превращается в орудие наступательной политики Антанты». Эту «наступательную политику» Антанты в Армении усматривали в том, что Армения противодействовала свободному транзиту советского оружия своему смертельному противнику.

Азербайджанская ССР, выступая в роли приспешника большевистской России и кемалистской Турции, заявляла претензии на Карабах, Зангезур и Нахичеван. В политическом плане национал-коммунисты Азербайджана обосновывали свои претензии на Нахичеванский уезд, Ордубад, Джульфу, Зангезур и Карабах тем, что якобы «эти области при мусаватском правительстве принадлежали Азербайджану» и что «уступка этих областей... будет дискредитированием Советской власти не только в Азербайджане, но и в Персии и Турции»¹.

Если для реализации территориальных амбиций турок и соответственно для территориальных поправок большевиков туркам необходимо было сорвать Севрский мирный договор, то для осуществления территориальных амбиций совет-

¹ Док. № 812.

ского Азербайджана нужно было обойти международно-правовые преграды в виде территориальной целостности Республики Армении как правопреемницы территориальных прав Российской империи. Поэтому руководители Азербайджанской ССР в качестве международно-правового обоснования своих территориальных претензий на Карабах, Зангезур и Нахичеван использовали принцип самоопределения народов в той же турецкой интерпретации.

Если в Нахичеване могли сослаться на то, что в результате предшествовавших актов резни и преследований армяне были сведены к положению меньшинства в отношении всего остального населения, то в Нагорном Карабахе и Зангезуре они сохраняли положение абсолютного большинства. Поэтому здесь задача азербайджанских экспансионистов и их большевистских покровителей состояла в том, чтобы преследованиями армян как «классового врага» свести их до положения меньшинства.

Традиционная турецкая практика геноцида развивалась в Азербайджане параллельно со становлением идей пантюркизма. Этнические чистки армян в «спорных» («нейтрализованных») районах — в Карабахе, в Зангезуре и в Нахичеване входили в общие цели ориентированных на арменоцид национал-коммунистов Азербайджана и турецких националистов.

17. Идеологическое обоснование агрессивной войны и территориального ограбления Армении

Тройственная агрессия советской России, советского Азербайджана и кемалистской Турции против Армении осуществлялась по различным направлениям с использованием в том числе и базировавшегося в Баку Президиума Совета пропаганды и действия народов Востока.

Этот созданный российскими большевиками марионеточный орган подчинялся ЦК РКП(б), а фактически Сталину и его бакинской группе. Пользуясь своим положением в партии и государстве, Сталин воздействовал на его деятельность через своих ставленников. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 27 ноября 1920 г. о возложении на Орджоникидзе общего политического руководства Советом лишь подтвердило фактически существовавшее положение¹.

Приведенное в Сборнике «Заключение Президиума Совета пропаганды и действия народов Востока о политике России на Востоке», переданное 17 сентября 1920 г. на рассмотрение ЦК РКП(б), показывает, какие методы и средства использовались для подготовки войны против Армении.

В «Заключении» утверждается, будто Соглашение РСФСР с Республикой Арменией от 10 августа, квалифицировавшееся Президиумом Совета как «договор о перемирии», дало «возможность дашнакскому правительству укрепить свое положение и от оборонительных планов перейти к наступательным». В качестве доказательства «козней» армян выдвигались голословные обвинения относительно их намерений или «попытки захватить» узкоколейную дорогу на своей же территории. «В настоящий момент дашнакское правительство деятельно готовится к войне с нами, получая военное снабжение от англичан, пытается воен-

¹ См. док. № 929.

ными силами захватить отданную ему по договору Джульфинскую жел. дорогу с тем, чтобы обеспечить вывоз продуктов из Персидского Азербайджана и связь с англо-шахскими войсками, долженствующими двигаться из Тегерана к северным границам Персии. Агенты дашнакского правительства, работающие под маской коммунистов в Азербайджане, особенно в Карабахе, Зангезуре и Казахе, деятельно подготавливают почву для дашнакского наступления, захватывая Советскую власть на местах в свои руки и заботясь об обезоруживании местного мусульманского населения»¹.

Чтобы создать видимость «объективности», Президиум Совета пропаганды указывает на «некоторые ошибки советской политики» в Азербайджане, проявляющиеся «временами» в «туркофобстве», подлежавшем, понятно, исправлению. По-видимому, Совет пропаганды считал, что туркофилами должны были быть не только азербайджанцы, но и живущие в Азербайджане армяне, персы, русские и пр.

По пессимистичной оценке Совета, в Турции «национально-революционное движение замирает за истощением сил и средств». Правительство Мустафы Кемаля «с трудом продолжает боевые действия», греческие войска продвигаются в глубь Малой Азии, «почти не встречая сопротивления со стороны турецких национальных войск», влияние националистов начинает ослабевать. Их правительство «без патронов, без денег, без связи с внешним миром пробует по-прежнему поддержать падающий дух войск и населения обещанием установления скорой связи с Россией и получением скоро помощи от русских большевиков, но так как все эти обещания не исполняются, то население перестает им верить и начинает терять надежду». При таких обстоятельствах националисты будут в состоянии продолжать борьбу не более одного месяца. Если в течение этого месяца не будет установлена связь с советской Россией и не будет оказана со стороны последней материальная помощь и моральная поддержка, то «национальное движение будет подавлено, Правительство Большого Национального Собрания свергнуто, а его руководителям останется только искать спасения в бегстве в Советскую Россию»².

За этой оценкой «острокритического положения», полностью совпадавшей с оценкой турок, переданной через Элиаву и им поддержанной, следует основанный на ней «прогноз» развития событий на ближайший месяц: удар «соединенными силами англо-персидских войск, Армении, а может быть, и Грузии» под флагом освобождения Азербайджана и «с целью отнятия Баку у советской России». Согласно этому «прогнозу», вместе с армянскими войсками в Азербайджан войдет и скрывающееся в Грузии мусаватское правительство. Значительная часть азербайджанского населения, «озлобленная колонизаторской и антитуркской политикой Советской власти, встанет в ряды наступающих». Войска РСФСР, отрезанные от своего тыла местными повстанческими отрядами, не смогут оказать длительного сопротивления. Через месяц после боевых действий Баку станет осажденным городом.

«...Подавление турецкого национального движения будет вместе с тем и провалом всей революции на Востоке, — говорилось в документе. — Турция окажет-

¹ Док. № 825.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

ся вновь под властью султана, находящегося в руках Англии...» Так как для восстановления подорванного авторитета султана и компенсации Турции за потерянные территории понадобятся какие-нибудь приращения турецкой территории в других местах, то «Англия, безусловно, попытается дать Турции эти приращения за русский счет. Англия укажет Турции на ее исторические права на Азербайджан, Кавказ и Туркестан, населенные тюркским населением, стонущим под «игмом русских», и попытается весь мусульманский мир, который мы пытаемся поднять против нее, поднять против нас. Англия пытается перевернуть панисламистский поток с Запада на Восток и направить его против советской России...

И тогда начнется «священная война» мусульман не против Англии, но против советской России, на Кавказе и в Туркестане откроется новый серьезнейший фронт, который отрежет нас от источников нефти и хлопка, и мы, объявивши «священную войну» народов Востока против Англии, окажемся в смешном и глупом положении людей, помахававших картонным мечом и вызывавших бурю против себя»¹.

Чтобы избежать «этих губельных для советской России и мировой революции последствий», необходимо «предупредить соединение сил англо-шахских войск, Армении и Грузии». Предотвратить это можно «только путем наступления в союзе с националистическими турецкими войсками на Армению под флагом свержения ига дашнаков, угнетающих свой народ, и с целью соединения с революционной Турцией».

Утверждая, будто «война неизбежна» и что через две недели Армения начнет «наступление на Советский Азербайджан», которое «будет... обозначать потерю Баку», авторы этой провокационной записки настаивали на необходимости «для спасения революции на Востоке» начать «немедленное наступление советских войск на Армению и установление в Армении советского строя»².

Обосновывая свой план превентивной тройственной агрессии РСФСР, национал-коммунистического Азербайджана и кемалистской Турции против Республики Армении, его творцы убеждали, что наступление на Армению «позволит поодиночке разбить врагов», которые якобы собирались вместе напасть на советское государство. «Армения будет выведена из строя раньше, нежели подойдут англо-шахские войска, а Грузия, которую мы не будем затрагивать в этом наступлении, побоится вмешаться в борьбу. Кроме того, наступление на Армению будет намного легче, нежели обороняться от нее, ибо при нападении дашнаков на нас под флагом освобождения Азербайджана от большевиков часть азербайджанского населения будет против нас, а при нашем нападении на Армению под флагом освобождения ее от дашнаков не только все азербайджанское население, но и часть армянского будет за нас. Военные операции не потребуют никаких добавочных сил с нашей стороны, но по существу они будут проведены турецким эрзерумским корпусом; наступление с нашей стороны будет почти что демонстрационное, для которого сил у нас достаточно».

По замыслу авторов этого плана тройственной агрессии, общее руководство операцией будет осуществляться советской стороной, поскольку «революционное турецкое правительство предлагает отдать свои войска под наше командование и назначить каких угодно комиссаров».

¹ Док. № 825.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

Была предусмотрена и вероятность переноса турецкой политики геноцида армян на территорию и этой части Армении. Авторы документа, не собираясь предотвратить преступление, предлагали использовать его в целях реализации агрессивного плана разрушения армянского государства: «С дипломатической стороны для предотвращения бури общественного негодования в Западной Европе наступление на Армению должно быть произведено следующим образом: турецкие войска начнут наступать на Армению, а мы во всей нашей печати и при помощи всех наших органов гласности в Европе поднимем страшный шум о новой армяно-турецкой резне и о необходимости ее прекращения раз навсегда, и для прекращения этой резни наши войска вступят в Армению через оголенную от ее войск восточную границу <...> и национальные войны будут объявлены низложенными, а вместо них будет установлена Советская власть. Затем мы выдворим турецкие войска из пределов Армении (чему турки подчинятся беспрекословно) и для предотвращения всякой возможности дальнейших столкновений между армянами и турками займем армяно-турецкую границу своими войсками. Таким образом, мы окажемся в глазах западноевропейского пролетариата в чрезвычайно благородной роли умиротворителей, двинувшихся на Армению только с тем, чтобы положить конец резне и спасти остатки армянского народа от окончательного уничтожения»¹.

Последовавшие события развивались по разработанному в Баку сценарию. Объяснить это можно тем, что авторы «Заключения» были одновременно и исполнителями изложенного в нем плана.

Представление о политических мотивах и идеологической основе позиции большевистского руководства РСФСР в вопросах армяно-турецких отношений дают и помещенные в Сборнике статьи и выступления М. Павловича (Вельтама)² и А. Скачко.

Один из наиболее последовательных сталинистов — Скачко, оправдываясь от обвинений в том, что он в качестве члена Совета пропаганды и действия народов Востока проводил протурецкую политическую линию, выступил 18 ноября 1920 г. с заявлением, в котором признавал, что он «уже более года» отстаивал идею «вооруженного вмешательства с целью ниспровержения власти дашнаков и установления Советского строя в Армении», так как это была и линия Центра.

По словам Скачко, «наше вмешательство в дела Армении не состоялось только потому, что вооруженные силы РВСР были заняты на Западном и Врангелевском фронте и не могли быть переброшены на Кавказ. С тех пор в международном положении не произошло таких изменений, которые могли бы изменить указанную точку зрения и поставить нас в неизбежность защищать власть дашнаков и ссориться из-за них с кемалистами».

Напротив, писал он, положение России улучшилось, и это позволяет говорить о свержении правительства Армении: «...Заключение мира с Польшей и окончательная победа на Южном фронте дает нам возможность перебросить на Кавказ значительные силы, легко ликвидировать дашнаков, а в случае надобности и противостоять излишним претензиям кемалистов, если бы таковые были бы ими заявлены».

Верный себе, Скачко не хочет считаться с четко выявившейся в ноябре опасностью возрождения пантюркистского экспансионизма при поддержке Антан-

ты: «Если, несмотря на это, находить сейчас сближение с Турцией и уничтожение дашнакской власти опасным для нас, то тем более опасным следовало считать его в сентябре. Считать же в сентябре (при отсутствии у нас сил) турок для нас безопасными и поддерживать их против дашнаков, а в ноябре (при наличии сил) считать турок опасными и поддерживать против них дашнаков, это не гибкость тактики, а отсутствие определенной политической линии, беспорядочное метание из стороны в сторону, которое ничего, кроме вреда, делу мировой революции принести не может и, в конечном счете, приведет к полному краху нашей политики на Востоке».

Отстаивая сталинский курс на поддержку турецких националистов против Армении, Скачко пишет: «Я всегда считал и считаю, что для успеха революции на Востоке нам необходимо держать тесную связь и оказывать всемерную поддержку национальной революционной Турции, как единственной восточной стране, открыто борющейся с Антантой, и, вместе с тем, необходимо уничтожить власть дашнаков как очаг влияния Антанты на Кавказе.

Это не туркофильство, а единственный путь, которым можно прийти к быстрому проведению противоимпериалистической революции на Востоке, т.е. того, к чему обязан прежде всего стремиться Совет народов Востока, согласно постановления съезда о священной войне против Англии...»¹

Отвергая обвинение в том, что своими статьями он затруднял дипломатическую работу, Скачко писал: «О необходимости сближения с кемалистами и о необходимости уничтожения власти дашнаков сотни раз повторялось в нашей прессе, и мои статьи, в сто первый раз повторявшие эти положения, конечно, ничего нового к выяснению наших намерений не прибавили...»²

18. Проект мертворожденного мирного договора между РСФСР и Республикой Арменией

28 октября 1920 г. уполномоченные правительств РСФСР и Республики Армении подписали протокол заключительного постановления мирных делегаций двух стран. Протокол фиксировал, что правительства РСФСР и Республики Армении приняли на себя «обязательство подписать прилагаемый при сем протоколе проект мирного договора со всеми относящимися к нему дополнениями» при условии, что: 1) «Правительства РСФСР и АССР признают незыблемые права Республики Армении на территории спорных областей — Нахичеванского и Зангезурского уездов — и выведут из пределов этих уездов все войсковые части, находящиеся в подчинении командования РСФСР и АССР [т.е. Азербайджанской ССР]» и 2) что «Правительство Республики Армении, с одной стороны, безоговорочно откажется от всяких притязаний на области так называемого Карабаха, за исключением угла, образуемого восточной границей Ново-Баязетского уезда и частью восточной границы Шарур-Даралагезского уезда с северной границей Зангезурского уезда — по условной линии от горы Гиналдаг и горы Чичакли (карта 10 верст в дюйме)».

¹ Док. № 825. Отточие документа. Выделено нами. — Ю. Б.

² Док. № 906. См. также: Павлович М. П. Восток в борьбе за независимость. М., 1980.

¹ Док. № 906.

² Там же.

Была достигнута договоренность и относительно условий урегулирования отношений Армении с Турцией. Республика Армения, «исходя из намерений дружественного разрешения спорных территориальных вопросов в областях Турецкой Армении с Правительством Великого Национального Собрания Турции», выразила готовность принять дружеское содействие в разрешении этих вопросов правительства РСФСР после того, как правительство Великого Национального Собрания Турции: 1) ответит свои войска за бывшую русско-турецкую границу 1914 г.; 2) откажется от Брест-Литовского договора и Батумской конвенции; 3) признает безоговорочно независимость Республики Армении в границах, определенных мирным договором РСФСР с Республикой Армении.

Предусматривалось также, что после исполнения указанных условий, «при дружеском содействии РСФСР, будут дополнительно выработаны основания для мирного разрешения спорных территориальных вопросов»¹.

С точки зрения международного права это было лишь обязательством подписать мирный договор на согласованных сторонами и включенных в протокол основных положениях.

Сам проект мирного договора² устанавливал, что, исходя из провозглашенного РСФСР права всех народов на самоопределение вплоть до полного отделения, Россия «безоговорочно признает самостоятельность и независимость Государства Армении и отказывается добровольно от всех суверенных прав, которые принадлежали России в отношении к народу Армении и его территории».

В примечании к этой статье фиксировалось, что РСФСР, исходя из этого же принципа, «считает справедливым присоединение к Республике Армении областей Турецкой Армении и готово оказать свое дружеское влияние на союзные государства с целью фактического присоединения различных означенных областей или частей их к Армении».

В следующей статье II Россия принимала обязательство отказаться от «всякого рода вмешательства во внутренние дела Армении».

В статье III устанавливалось, что «государственная граница между Арменией и входящей в состав Российской Советской Федерации Азербайджанской Социалистической Советской Республикой будет определена на конференции представителей Республики Армении и Азербайджанской Социалистической Советской Республики при участии представителя РСФСР». Статья эта интересна и тем, что территория Азербайджанской ССР рассматривалась как составная часть Российской Федерации и, следовательно, РСФСР была заинтересованным посредником.

Статьей IV «Россия признает безусловно входящими в состав государства Армении нижеследующие губернии и области бывшей Российской империи: Эриванскую и Карсскую со всеми составляющими их уездами и округами, за исключением Нахичеванского уезда, а также южную часть Казахского уезда Елизаветпольской губернии с городами Караван-сарай и Дилижан. Государственная принадлежность спорных между Арменией и Азербайджаном областей — Карабаха, Зангезурского и Нахичеванского уездов — при отсутствии непосредственного соглашения определяется референдумом».

¹ Док. № 859.

² См. док. № 860.

Статья V не допускала образования и пребывания на территориях договаривающихся сторон «правительств, организаций или групп, ставящих своей целью вооруженную борьбу против другой договаривающейся стороны».

В условиях войны Турции против Республики Армении важное значение имел пункт 2 этой статьи, допускавший пребывание на территории одной из договаривающихся сторон войск дружественных государств только при условии, что эти государства «не находятся в фактическом состоянии войны с другой договаривающейся стороной». Это положение касалось кемалистской Турции, но не распространялось на Азербайджанскую ССР, поскольку она рассматривалась как часть Российской Федерации.

Статья VI предусматривала возможность оптации армянского гражданства лицами армянского происхождения, проживающими на территории России, и соответственно — российского гражданства лицами русского происхождения, проживающими на территории Армении.

Проект договора регулировал также целый ряд других вопросов — о беженцах, освобождении от заключения и от преследования лиц определенных политических категорий, торгово-экономические отношения, дипломатические и консульские сношения, вопросы публично-правового и частно-правового характера между гражданами договаривающихся сторон и между самими государствами, вопросы, касающиеся имущества церковных и научных учреждений, музеев, библиотек и т.п., вопрос об ответственности по долговым обязательствам России и др.

Вопрос, которым правительство РСФСР обуславливало заключение мирного договора и оказание мирного посредничества в разрешении турецко-армянского вооруженного конфликта, а именно вопрос о беспрепятственном транзите вооружений для правительства ВНСТ через территорию Армении, был решен в специальном дополнении, которое объявлялось «неразрывной частью» мирного договора¹.

Правительство Армении, «исходя из дружественных взаимоотношений, устанавливаемых мирным договором между РСФСР и Республикой Арменией», предоставляет правительству РСФСР «право производства всякого рода военных перевозок и транзита (всякого рода военных предметов и материалов, снарядов, продовольственных запасов и т.п.) по железным дорогам Республики Армении». При этом правительство РСФСР гарантирует, что соглашение «ни в коем случае не будет использовано во вред интересам, суверенным правам и независимости Республики Армении».

Правительство Республики Армении предоставляет правительству РСФСР также право перевозки по железным дорогам Армении войсковых частей и команд пополнения. На территории Армении они следуют без огнестрельного оружия партиями не свыше 400 человек, с условием, что на территории Армении общее количество находящегося одновременно личного состава не должно превышать 1600 человек.

25% перевозимых через Армению транзитом предметов вооружения и снаряжения, в том числе снарядов, правительство РСФСР предоставляет Республике Армении.

¹ Док. № 861.

В целях предотвращения возможности использования перевозимых правительством РСФСР транзитом через Армению военных предметов, материалов, снарядов, продовольствия и проч., а также войсковых частей против самой Армении устанавливалось, что они «должны направляться в пункты не ближе линии Трапезунд — Эрзерум — Муш — Битлис».

Правительство Армении пошло также на уступки и в вопросе использования узкоколейной железной дороги Шахтагты — Маку при том условии, что она остается на территории Армении. Эксплуатация «находящегося на территории Армении» участка этой железной дороги предоставляется правительству РСФСР «по особому соглашению».

Отдельной статьей было предусмотрено создание гарантий, «обеспечивающих военную безопасность Республики Армении со стороны Турции». Для этого оговаривалось нижеследующее обязательство: правительству ВНСТ «не допускать концентрации военных сил в районах, прилегающих к границам Армении, и, в частности, в Эрзеруме». Установление количества необходимого постоянного гарнизона Эрзерума предоставлялось смешанной комиссии, указанной в пункте 3 этой статьи. В случае особой надобности стянуть войска вопрос этот подлежал разрешению той же комиссии. Устанавливаемые ограничения не должны были стеснять военные операции в Анатолии, на Константинопольском, Месопотамском и Сирийском направлениях.

Правительство ВНСТ обязывалось в пограничной полосе сосредоточить войска лишь в количестве, необходимом для поддержания внутреннего порядка в крае и непосредственной охраны границы. Предельная численность этих войск устанавливалась смешанной комиссией, учреждаемой для выработки мер безопасности и наблюдения за точным выполнением условий договора. Комиссии эти должны были учреждаться на территории Турции в пунктах, определяемых по взаимному согласию сторон, и должны были состоять из одинакового числа членов, назначаемых Турцией и Арменией, под председательством представителя РСФСР.

Вступление в силу дополнения к мирному договору, относившегося к транзиту, правительство Армении обусловило прекращением военных действий между Арменией и Турцией, выводом турецких войск из занятых ими частей бывшей Российской империи, которые отходили на основании мирного договора между РСФСР и Республикой Арменией в состав территории последней, и отводом турецких войск за пределы государственной границы России и Турции 1914 г.

В числе условий, выполнением которых обуславливалось вступление этого договора в силу, было признание со стороны Азербайджанской ССР и РСФСР «незыблемых прав» Республики Армении на территории спорных областей — Нахичеванского и Зангезурского уездов — и вывода из пределов этих уездов всех войсковых частей, находившихся в подчинении командования РСФСР и АССР. В случае такого признания Республика Армения, со своей стороны, отказывалась от всяких притязаний на области нагорного и равнинного Карабаха.

Сообщая в двух телеграммах от 1 ноября Наркому Чичерину¹ о подписании протокола, обязывавшего стороны подписать приложенные к нему тексты мирного договора и дополнений к нему о транзите и связи, Лигран излагает полити-

¹ См. док. № 864, 865.

ческие доводы в пользу заключения мирного договора: «Считаю наше соглашение приемлемым и открывающим реальную возможность парализовать старания Антанты превратить Армению [в] свое орудие и возможность реального воздействия нашего на политику и развитие событий в Турции и Персии». Лигран выражал уверенность, что, даже «если кемалисты не проявят достаточных мирных намерений», заключение договора с Арменией «выгодно», поскольку он «расстраивает антантовскую затею создания грузино-армянского союза и укрепляет наше положение [на] Южном Кавказе, обеспечивая наше влияние [в] важном стратегическом узле, каковым является область, занимаемая Арменией»¹.

Лигран был уверен, что заключение договора диктуется развитием событий в Армении и вокруг нее: «Вам известна военная обстановка [в] Армении и участие, которое проявляет Антанта. Должно быть принято в расчет, что дашнаки [в] Армении держатся крепко, коммунисты сейчас не представляют силы, ликвидировать дашнаков могла бы только оккупация территории войсками турок или наших [и]»².

Поскольку своих сил для советизации Армении было недостаточно, а советизация Армении турками — нежелательна, оставалось одно — заключить мирный договор с Арменией. Проект мирного договора был апофеозом линии Наркоминдела в Армянском вопросе. Лигран обращает внимание Чичерина на то, что условием заключения Россией договора с Арменией было пакетное решение вопросов о транзите и территориальных правах Армении. Зная, что претензии Нариманова подпитываются поддержкой Сталина и Орджоникидзе, Лигран выражает уверенность, что, заняв «твердую позицию», удастся «склонить Азербайджан [к] желательному решению»³.

Ответы Чичерина на поступающие сообщения свидетельствуют, с одной стороны, о его согласии с принципиальной оценкой ситуации и о понимании Наркоминделом роли и значения Армении в противостоянии поддерживаемому Антантой пантюркизму, а с другой — об отсутствии единой линии поведения, о колебаниях в выборе Москвой политической линии поведения.

Это подтверждается, в частности, следующей выдержкой из письма Чичерина Лиграну, датированного 3 ноября 1920 г. «...Еще более трудная задача стоит перед нами в Армении после того, как под влиянием падения Карса она обратилась к нашему посредничеству. В момент, когда я пишу это письмо, основные, связанные с этим вопросы еще не решены. Не решено, как далеко идти в наших требованиях, если мы возьмем на себя посредничество, и как далеко идти в ответственности, которую мы можем на себя взять. Тут примешиваются и общеполитические, и специальные военные соображения. Надо выяснить, насколько мы сильны, и надо выяснить, насколько наша общая политика и роль в ней турецких националистов может осложниться решительным выступлением против последних в случае принятия Арменией наших требований. Если, например, Армения примет советизацию, на нас будет лежать ответственность и обязательство, которое мы должны будем исполнить. Именно *теперь*, когда *происходит, очевидно, глубокий поворот в политике Антанты относительно Турции и в*

¹ Док. № 865.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Там же.

политике турецких националистов относительно Антанты, приходится особенно осторожно взвешивать каждый свой шаг в этом направлении. В данный момент нам еще не ясно, наступают ли турки на почве советской ориентации с целью приближения к нам, или же они наступают на почве перемены своей политики и закулисного соглашения с Антантой, для того, чтобы начать завоевательную политику на Кавказе по образцу 1918 г. в качестве компенсации за потери на Западе. Эта неясность заставляет нас быть сугубо осмотрительными. В то же время эта опасность заставляет нас серьезно считаться с возможной ролью Армении и Грузии как партнера против возобновления наступательной политики турок»¹.

Чичерин обещает Лиграну, что тот скоро получит «результаты здешних совещаний в форме шифровок, заключающих здешнее решение»².

Ввиду того, что армянская политика РСФСР реально делалась Сталиным и Орджоникидзе в Баку, Лигран направился туда. Вопрос о мирном договоре России с Арменией должен был рассматриваться на Политбюро ЦК Азербайджанской коммунистической партии совместно с членами Кавказского бюро ЦК РКП(б) 4 ноября 1920 г.

В выступлении по первому пункту повестки дня — по докладу Шейнмана и Гусейнова «о переговорах с Турцией» Сталин заявил, что «Москва о Кемале ничего не знает», и предложил командировать к нему для «ознакомления с положением дел» Мдивани и с ним Шахтагинского и Коркмасова.

Заслушав доклад Лиграна «о положении в Армении», постановили «окончательного решения о договоре, предъявленном Армении, не выносить до переговоров по этому вопросу с ЦК РКП». Вести эти переговоры поручили Сталину. Одновременно решено было сообщить мнение Политбюро Азербайджанской компартии, что «предложенный в договоре пункт о передаче Армении Нахичевани и Зангезура не выгоден ни в политическом, ни в стратегическом отношении и может быть произведен лишь в крайнем случае». Составить мотивировку этого мнения о Нахичеване и Зангезуре поручили самому Нариманову³.

5 ноября, информируя Чичерина, что Лигран с проектом договора приехал в Баку, Сталин и Орджоникидзе в категорической форме заявляют, что проект договора «не может быть подписан немедленно и нуждается в подробном рассмотрении и существенном изменении»⁴. В другой, более развернутой телеграмме Чичерину Сталин и Орджоникидзе, констатируя отсутствие информации о Кемале и доходящие до Баку слухи о переговорах Кемала с правительством султана и Антантой, которые свидетельствуют о возможности изменения позиций Кемала, настаивают на отправке к Кемалю Прокопия Мдивани, Джелала Коркмасова и Бейбута Шахтагинского с мандатом на переговоры с правительством Кемала и с директивами «по вопросу о наступлении на Армению». Сталин и его подручный явно имели в виду согласование с Кемалем совместного наступления на Армению. «Опоздание с нашей стороны опасно. Мы и так опоздали», — заявляют они по поводу этой директивы⁵.

¹ Док. № 866. Выделено нами. — Ю.Б.

² Там же.

³ Док. № 867.

⁴ Док. № 869.

⁵ Док. № 870.

Явно с целью пополнить недостаток имеющейся у Сталина информации относительно Кемала и его правительства, Чичерин в тот же день направляет ему письмо о возможной смене ориентации кемалистов и роли Армении как барьера «против завоевательной политики» турецких националистов¹. Свое послание Нарком начинает с информации о том, что имеется масса сведений из разнообразных источников о резком и фундаментальном повороте в политике Антанты по отношению к Турции и в политике кемалистов по отношению к Антанте.

Рассматривая пять пунктов, которые кемалисты предложили константинопольскому правительству для примирения, Чичерин признает, что «совершенно неясно, есть ли это со стороны кемалистов просто компромисс с целью самосохранения или же к этому присоединяется поворот на 180 градусов против нас. Переход в антибольшевистский лагерь мировой реакции и стремление получить компенсации за наш счет по образцу турецкой политики 1918 г. Не готовил ли Бекир Сами в Северном Кавказе почву для наступательной политики переживших фронт турецких националистов, не победила ли политика Нури-паши, не стремится ли к тому Халил-паша в своей работе в Кашгаре — вот вопросы, с которыми нам приходится считаться, так как мы на них еще не можем дать ответа. Являются ли Бекир Сами и К² нашими друзьями или нашими врагами, этого мы сейчас не знаем. В наших отношениях к Армении² и Грузии не следует ни на минуту забывать, что при новом повороте колеса истории эти страны могут оказаться нужными для нас барьерами против завоевательной политики переживших фронт турецких националистов. В нашей ставке на мусульманство приходится все время считаться с тем, что в один прекрасный день антибольшевистская тенденция, как это уже имело место в Афганистане, может оказаться сильнее, чем антианглийская.

Я все время предостерегал и предостерегаю против той односторонней ставки на одно мусульманство, представителем которой был у нас Нариманов. В данный момент мы стоим за то, чтобы не менять еще наше отношение к кемалистам, чтобы не терять из рук того, что еще может быть в наших руках в этом отношении, и не толкать колеблющихся в противоположный лагерь³. Наше предложение Центральному комитету заключается поэтому в том, чтобы продолжать отправку им субсидий и даже посылать им оружие в зависимости от хода их политики, причем в последнем отношении, конечно, мы должны быть очень осторожными и осмотрительными и должны продолжать посылку оружия, лишь внимательно присматриваясь к их действиям...»

Перейдя к рассмотрению конкретной ситуации в Армении, Чичерин пишет, что здесь наступил «решающий поворот», что под влиянием потери Карса Армения обратилась к посредничеству России. «Как раз в этот момент, — информирует Чичерин, — здесь обсуждается вопрос, какие окончательно поставить условия и как далеко идти навстречу Армении. Поставленное в той или иной форме требование советизации будет означать для нас серьезную ответственность и обязательства, которые придется исполнить. Если мы поставим требование советизации и оно будет принято, нам придется решительно вмешаться против турок. Вы

¹ Док. № 868.

² Там же. Подчеркнуто в документе. — Ю.Б.

³ Там же. Подчеркнуто в документе. — Ю.Б.

помните наши дебаты по этому вопросу и понимаете, почему здесь решение об этом не может быть принято сразу ввиду сложности вопроса. Вы, несомненно, помните, как в ЦК при рассмотрении раньше этого вопроса создалось настолько неясное положение, что трудно было сформулировать определенное решение. Возможно, что под влиянием определенного обращения к нам за помощью и посредничеством со стороны Армении ЦК примет более ясную позицию. Во всяком случае, для нашего согласия на посредничество нужно будет требовать как транзита через Армению, так и отказа ее от союза с Антантой»¹.

Вечером того же дня через дежурного политконтролера Сталин направляет Ленину телеграмму, в которой искажает полностью сложившуюся из-за его же недальновидности реальную ситуацию и игнорирует опасность перехода кемалистской Турции в лагерь Антанты. Заявляя, что «положение в Турции неясно» и что оно «может стать опасным, если состоится соглашение Кемаля с Антантой, ибо нейтрализация Кемаля облегчит поход Антанты на Баку», Сталин делает прямо противоположный вывод. Он заявляет, что «без тщательной разведки и выяснения положения в Турции нельзя подписывать договора с Арменией, дающего Армении, т.е. Антанте, важнейший стратегический район с мусульманским населением и втягивающий нас в конфликт с Турцией. *С договором с Арменией пока надо тянуть, делая вид, что желаем выгодного для Армении мира, а потом видно будет*»².

Отвергая ставку на использование Армении как барьера против пантюркистской экспансии кемалистов, Сталин предлагает советизировать Грузию: «Одиннадцатая армия слаба, не выдержит натиска, если Антанта пойдет на Баку. Нужно перебросить сюда еще одну армию. Пассивная оборона недостаточна, если Антанта займет Батум и двинется на Запад (так в тексте. — *Прим. ред.*), мы должны перейти в наступление, занять Тифлис и взорвать туннель у Сурамского перевала, т.е. должны принять активную оборону; в противном случае потеряем Елизаветполь, где сядет буржуазное мусульманское правительство, и можем лишиться Баку»³.

О ходе и результатах «совещания» в Баку можно судить по радиограмме Леграна, посланной из Баку 6 ноября в советскую миссию в Ереване, и из записки, переданной Леграном по прямому проводу Народному комиссару иностранных дел Чичерину 7 ноября⁴.

6 ноября 1920 г. Легран радиограммой сообщил, что «[на] совещании [в] Баку [с] участием Сталина выяснилось отрицательное отношение [к] *нашему* договору. Во-первых, из опасения осложнения [с] турками по поводу отвода их войск к границе [19]14 года, во-вторых, из-за спорных областей, обладание которыми считают весьма важными для воздействия [на] ход событий в Персии. Вместе с тем *считают, что фактически мы ничего не можем предпринять по поводу наступления турок*, хотя наше отношение [к] этому по-прежнему резко отрицательное. Формально Турция не связана договором с нами, и *мы не можем предъявлять ей требований*. Кроме того, полагают, что турки [в] случае заключения мира [с] Арменией без труда могли бы сами добиться транзита, передача же Армении взамен транзита спорных областей является дорогой ценой»⁵.

¹ Док. № 868.

² Док. № 872. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Там же.

⁴ Док. № 874, 881.

⁵ Док. № 874. Выделено нами. — Ю.Б.

В записке, переданной Чичерину по прямому проводу, Легран повторил существо высказанных возражений против заключения договора с Арменией, уточнив лишь, что возражения по вопросу о передаче Армении спорных областей касаются Зангезура и Нахичевана¹.

Привлекает также внимание то обстоятельство, что в сообщении, посланном в Ереван, говорится не о возражениях, а об «отрицательном отношении» к договору. В нем есть еще и интересная подробность: участники совещания считают, что советская Россия не в состоянии остановить турецкую агрессию. Утверждая, будто «фактически мы ничего не можем предпринять по поводу наступления турок, хотя наше отношение [к] этому по-прежнему резко отрицательное», бакинские деятели прикрывали свой курс на поощрение турецкой экспансии в Армению.

Несмотря на «отрицательное» на словах отношение участников совещания — Сталина, Орджоникидзе, Нариманова и других к турецкому наступлению, они именно с ним связывали достижение основной в то время цели советской политики на Востоке — установления прямой территориальной связи большевистской России с кемалистской Турцией для борьбы против держав Антанты. «...Полагают, — сообщал Легран, — что турки [в] случае заключения мира [с] Арменией без труда могли бы сами добиться транзита, передача же Армении взамен транзита спорных областей является дорогой ценой»².

В этом последнем тезисе явно просматривается, что Сталин и Орджоникидзе шли на поводу азербайджанских национал-коммунистов, которые добивались передачи им всех спорных территорий — не только Карабаха, но Зангезура и Нахичевана, и в то же время потворствовали захвату турками остальной части Восточной Армении.

Участники бакинского совещания не учли лишь вероятность того, что, одержав своими силами военную победу над армянами и исполнив все свои основные цели, кемалисты смогут переметнуться в лагерь Антанты.

В обоих сообщениях Леграна отмечается, что на совещании было решено для получения информации о намерениях кемалистов командировать к ним Мдивани вместе с Шахтагинским и Коркмасовым, вопрос советской политики в армяно-турецком конфликте передать в ЦК РКП(б), а Леграну выехать для доклада в Москву.

В связи с мнением Чичерина, что в столь критический момент необходимо присутствие Леграна в Ереване, тот решительно возразил: «Мое присутствие [в] Армении было бы необходимо [в] том лишь случае, если бы у меня были точные директивы относительно подписания мира и нашей политики [в] отношении турецкого наступления. Прибыть [в] Армению без прямого ответа на эти вопросы считаю совершенно невозможным»³.

Легран, в отличие от своего Наркома, не поддался «авторитету» Сталина и настаивал на решении, предусмотренном договором: «Положение создалось чрезвычайно тяжелое, единственным приемлемым [с] точки зрения нашей политики выходом *по-прежнему считаю заключение мирного договора и наше посредничест-*

¹ Док. № 881.

² Док. № 874.

³ Док. № 881.

во [с] целью прекращения турками военных действий и очищение территории до границ [19]14 года.

Однако опасаясь, что мы опоздали [с] нашим выступлением и можем быть поставлены перед необходимостью тяжелых и неожиданных решений»¹.

Легран ждет поддержки от Чичерина, но тот все колеблется. Не давая конкретных указаний Леграну относительно дальнейших переговоров с армянским правительством по выработанному договору, Чичерин 7 ноября повторяет общие указания, касающиеся поведения турок, выполнение которых не зависит от Леграна. «Для выдачи дальнейшего оружия туркам два условия: первое — перемирие [с] Арменией, если Армения примет наше посредничество на условиях, второе — турки должны обязаться выбить Антанту из Батума, если она зайдет в Батум... Не надо говорить пока об отступлении за границу четырнадцатого года, а только о приостановке наступления и перемирии»².

Легран, подписавший по полномочию правительства РСФСР Заключительный протокол с обязательством подписать приложенный к нему договор с Арменией, оказывается в глупом положении. Поэтому 7 ноября он вновь обращается к Наркому иностранных дел с просьбой разъяснить позицию правительства РСФСР относительно разработанного договора. «В Вашей записке нет определенных директив для меня, — говорилось в телеграмме. — Ваше указание относительно устарелости договора, наряду с замечаниями, что от армян надо требовать транзита, отказа от Севрского договора и Антанты, мне не понятны. Эти требования осуществлены нашим соглашением [с] армянским правительством. Прошу дать определенно и точно задания, в противном случае нам не остается ничего делать. Имейте в виду, что требуется определенный ответ — продолжаем мы переговоры [с] армянским правительством и на каких условиях. Только при этом условии я могу вступить в сношения с армянским правительством... Прошу дать исчерпывающий ответ»³.

Не внес ясности и состоявшийся в тот же день разговор по прямому проводу. Он настолько показателен, что необходимо его воспроизвести. На просьбу Леграна ответить за записку Чичерин ссылается на то, что шифровка Сталина не расшифрована. Легран настаивает: «Товарищ Чичерин, я прошу ответа на мою записку, а не на шифровку Сталина». Чичерин снова повторяет, что шифровка Сталина еще не расшифрована... И добавляет: «Шифровки 158, 159, 160 искажены и не дают полного проекта. Ваш проект договора с Арменией устарел. События опередили, остается только посредничество, чтобы остановить наступление турок. Когда турки остановятся, остальное будем обсуждать исподволь. Надо моментально послать делегатов к туркам... У турок надо апеллировать к нашей дружбе, которая им еще пригодится. Настаиваем на приостановке наступления. Условия армянам мною затронуты подробнее в шифровке, которую еще не успели Вам передать. Вопрос о Зангезуре и Нахичевани должен оставаться открытым... Нашу будущую помощь туркам ставим в зависимость от приостановки их наступления».

Легран снова повторяет: «Товарищ Чичерин, в Вашей записке не усматривается определенных директив». Москва пережидает. Затем следует ответ: «Изви-

¹ Док. № 881. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 878.

³ Док. № 877.

няюсь. Шифровки повторим». Легран просит Чичерина остаться у аппарата. Москва отвечает: «А он уже ушел»¹.

Разговор возобновляется в том же духе в тот же день.

«Москва: Вам записка тов. Леграну. Указания о том, какие требования ставить Армении, заключаются в шифровке на имя тов. Сталина 463 до 472. Препрежний Ваш проект уже потерял силу, актуальность ввиду новых событий. Указанная шифровка заключает ответ на Вашу записку». Получив ответ, что шифровка только что снята с аппарата, Чичерин добавляет: «Далее даю — моя первая записка к Вам заключала указания на две возможности требований к Армении: минимальную и максимальную стоп. Недомолвки должны быть понятны тов. Сталину как участнику заседания ЦК. Не понимаю, как Вы спрашиваете, нужны ли переговоры с Арменией, когда я именно говорил требования, которые мы должны предъявить Армении. Мы требуем от турок приостановки военных действий только в случае, если Армения принимает наши усилия посредничества согласно вышеупомянутой шифровке... В таком случае мы требуем от турок, чтобы они остановились, и это требование им повезут Мдивани, Коркмасов, Шахтактинский. Мы продолжаем давать туркам оружие только в случае, если они, ПЕРВОЕ: прекратят наступления, но это в случае, если Армения со своей стороны приняла наши условия посредничества, и ВТОРОЕ: обязуется выгонять Антанту из Батума, если она его захватит, таковы два условия для продолжения передачи туркам оружия стоп... Итак, с Арменией надо установить условия посредничества, о чем в вышеупомянутой шифровке сообщено тов. Сталину».

Опять информация о «комиссии Мдивани»: «Турки выпустили воззвание, что они освобождают Армению от дашнаков, так, они намереваются захватить всю Армению. Чтобы этому помешать, комиссия Мдивани должна ехать к туркам немедленно и по дороге получить от Армении согласие на наши условия... Жду от Вас сообщения о том, расшифрована ли моя шифровка 463—472 и что скажет тов. Сталин. Когда и каким путем пошла шифровка тов. Сталина с изложением Вашего договора, мы ее не имеем. В 164/с ее нет, а в н[оме]р[e] 160 лишь краткие указания. Идти ли на максимальные требования зависит от того, какое положение ввиду эвентуальности завтрашнего дня»².

Неопределенность поведения Чичерина была связана не только с тем, что на совещании в Баку было решено передать решение всех вопросов, связанных с договором РСФСР с Арменией, на усмотрение ЦК РКП(б), но и с тем, что он постепенно сдавал позиции Сталину. Это видно, в частности, из их переписки.

Уже 6 ноября, сообщая со ссылкой на Троцкого, что «в военном отношении мы на Кавказе усилились» и что у него нет возражений против «посылки войск [в] Армению для советизации», Чичерин предоставляет «политическое» решение этого вопроса самому Сталину: «...мы считаем, что Вам надо решить вопрос на месте».

Сталину предоставляется выбор между «максимальным» вариантом решения и «минимальным», уже воплощенным в разработанном договоре: «Есть две возможности: максимальная — спасти Армению ценой ее советизации, хотя тут

¹ Док. № 880.

² Док. № 879. Выделено нами. — Ю.Б.

встает вопрос, не будет ли ... (не разобрано)... и армянские коммунисты начнут настаивать, пойдут восстания, мы должны будем оживать штыками¹. Другая возможность: минимально требовать за наше посредничество транзита и отказа Армении от Антанты, аннулирование ее договора. Обе возможности базируются на принятых эвентуально постановлениях, полагаем, что Вам надо принять решение немедленно».

Необходимость силового подкрепления («оживать штыками») Чичерин связывает не только с советизацией и ее последствиями в виде решения территориальных вопросов, но и с отношением турок, поддерживаемых Антантой: «Посредничество, значит послать войска, ибо если не будет войска, будут посылать любезные ответы, но делать по-своему, а если будет хоть один красноармеец, турки его не тронут, надо быстрее действовать, пока Антанта не влезла»².

Такой же новый подход Чичерин проявляет в послании Сталину, переданном через Лиграну 7 ноября: «Передайте Сталину, что *ввиду улучшения нашего положения на других фронтах, нашего усиления на Кавказе, военные больше не возражают против большей активности на Кавказе.*

Обращение к нам армянского правительства заставляет нас вмешаться, поставив условия или минимальные, или максимальные. Это вопрос политический, который надо решить при близком знании местного положения. Решение комитета открывает возможность того и другого, надо действовать быстро. *Надо считаться не только с сегодняшним днем, но и с трудностями, которые возникнут завтра.*

Минимум мы считаем транзит, откол от Антанты, отказ от Севрского договора»³.

Хотя под минимальными требованиями к Армении Чичерин понимал условия, которые были воплощены в разработанном договоре, теперь они уже не ставились в связь с решением территориальных вопросов с Турцией и Азербайджаном.

В беседе с Лиграном по прямому проводу 8 ноября Чичерин признает, что свою политическую оценку российско-армянского договора как «устарелого» он основывает на мнении Сталина и Орджоникидзе и что его содержание «расходится с нынешними предложениями»⁴.

Наркома вынудили отказаться от договора с Арменией, который отвечал на все поставленные вопросы. Позиция, занятая правительством РСФСР под воздействием Сталина, свидетельствует не просто о беспомощности, но и о коварстве большевистской внешней политики. Отказываясь от решительного использования имевшихся мер воздействия (вспомним: несколько дней назад Сталин и его группа повторяли вслед за кемалистами, что их дни сочтены, если не будет оказана необходимая помощь), партийно-государственное руководство России добивалось сохранения антизападного альянса с турками податками за счет армян.

Ряд документов подтверждает, что РСФСР, несмотря на подписанное ею соглашение о мире, продолжала совместно с турецкими войсками и азербайджанскими бандами участвовать в агрессивной войне против Республики Армении.

Смысл поведения советского правительства России однозначно раскрывается и рядом других документов, подтверждающих, что за «известной линией» разде-

¹ Док. № 875. Так в архивном документе.

² Там же.

³ Док. № 882. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Док. № 887.

ла Армении между кемалистской Турцией и большевистской Россией советскую власть в этой части Армении устанавливали штыками турок и «местных татар».

Вот как выглядит взаимодействие вооруженных сил Красной армии, азербайджанских вооруженных формирований и кемалистско-турецкой армии в донесении полномочного представителя РСФСР в Армении Лиграну Чичерину 28 ноября 1920 г.: «*В Зангезур были брошены татарские части, необдуманно были направлены также отряды турецких пленных, учинявшие разгромы деревень. [В] результате поголовное восстание населения, с коим оказалось весьма трудно справиться. Справка оперативного отдела Кавфронта — простая отписка. В Нахичевани наш отряд действовал долгое время совместно с турками также против зангезурцев в районе Ордубата. В настоящее время по настойчивым сведениям, опять совместно с турками, участвует в наступлении против Армении в районе станции Шахтахты, и это прodelывается в то самое время, когда мы выступаем в роли посредников.*

Беда в том, что командование наше поддается националистическому настроению кругов Азербайджана <...>.

Изображать всякую войну против Армении, наступление войск Карабекира как акт революционный, заслуживающий всемерной поддержки со стороны Советской власти и Коммунистической партии — стало хорошим тоном»¹.

Лигран в телеграмме 30 ноября 1920 г. категорически потребовал под угрозой сложения с себя «всякой ответственности» за ход событий приостановить продвижение Красной Армии в Армению, так как «в противном случае *наше вторжение примет характер враждебных действий против Армении совместно с турками*»².

Представляя реальную картину, полномочный представитель РСФСР в Армении не назвал, а вернее не мог назвать творцов создавшейся ситуации. «У нас нет ничего похожего на определенную линию в армяно-турецком вопросе, и мы плетемся в хвосте событий», — оценивал он существовавшее положение в донесении Чичерину³.

На самом же деле создавшаяся ситуация была результатом целенаправленной деятельности Сталина и его группы и была противопоставлена линии Наркоминдела.

Единственное, чего опасался Нарком Чичерин, — но не Сталин, который реально осуществлял политику, — так это вмешательство держав Антанты. Еще 5 октября Чичерин направил Орджоникидзе директивное указание, в котором предлагал «убедить кемалистов воздержаться от военных операций, простирающихся далее предусмотренных ранее». Нарком поясняет, что «несвоевременность и опасность военных операций» кемалистов против Армении связаны с тем, что «при нынешнем положении» военное вмешательство в Армении «могло бы спровоцировать правительства Антанты».

Апологеты большевизма представляют этот оппортунизм как заступничество за Армению. На самом же деле не заботой об армянском народе мотивировалось это указание, а политическими последствиями продолжения наступле-

¹ Док. № 933. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 946. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 933.

ния турок за «условленной линией» и опасением спровоцировать вмешательство Антанты или Лиги Наций.

19. Александропольский бумеранг

Зная, что собственной военной силы для советизации Армении будет недостаточно, Сталин и его приспешники связывали свои расчеты с наступлением турецкой армии и поражением Армении в неравной войне. Не считаясь с тем, что использование турецких войск неизбежно повлечет резню армян, Сталин и Орджоникидзе исходили из того, что это обстоятельство позволит советской России выступить в роли «спасителей» армян как в самой Армении, так и в глазах мировой общественности, пристально следившей за развитием драматических событий в Армении и вокруг нее.

«Полагаю, что продвижение турок льет воду на нашу мельницу», — цинично писал Сталин Ленину¹. В записке Ленину и Чичерину 8 ноября 1920 г. Сталин прямо признавал, что связывает советизацию Армении с ее поражением в войне против турок: «Если Александрополь будет взят, наиболее вероятной считаю комбинацию о максимальных требованиях... Все зависит от того, какую позицию займут турки в связи с переговорами с Антантой...»²

Под давлением Сталина и его «кавказской группы» Москва, как было отмечено, сама дала туркам возможность занять линию Сарыкамыш—Шахтахты. Теперь, в критические дни противодействия турецкой агрессии, посланец Сталина — Мдивани, явно выполняя его волю, побуждал турок занять и город Александрополь. О провокационном предложении Мдивани не ограничиваться границей по р. Аракс сообщает в своих воспоминаниях сам генерал Карабекир: «Когда мы вели переговоры о мире с дашнаками в Александрополе, Посол России в Анкаре товарищ Мдивани сказал мне: “Почему вы предлагаете только реку Аракс (Арпачай) как будущую границу”. Поняв его предложение, я ответил: “С точки зрения истории, справедливости, расы, экономики, короче, во всех отношениях мы проводим наши границы таким образом, что претендуем только на те территории, которые принадлежат нам. Мы не собираемся захватывать [чужие] земли»³.

По расчетам Сталина, поражение Армении в войне с турками и ее территориальное ограбление должно было принудить армян к принятию советской власти⁴. Однако турки перехитрили Сталина. Заняв Александрополь под предлогом достижения общей цели — установления в Армении советской власти, они пошли дальше и стали, как и в 1918 г., расчищать путь на Баку. В этой связи Чичерин говорит о «неприемлемом поведении турок по отношению к нам [т.е. советской власти] и их непонятном наступлении».

¹ Тарасов С., Чечевичников А. Одиссея младотурка // Век. М., 1999. № 12, 26 марта — 1 апреля. Цит. по: Казанджян Р. Советско-кемалистские отношения в 1920 г. и вопрос Армении в свете секретных документов Московских архивов. Ереван, 2002. С. 105.

² Док. № 890. Под «максимальными требованиями» к Армении в правящих кругах РСФСР понимали ее советизацию. — Ю. Б.

³ Док. № 966.

⁴ Док. № 952, 974.

Ленин, следовавший настойчивым советам «знатока Востока», принимал рекомендации Сталина и его группы. По расчетам этого большевистского «стратега», разбив Армению с помощью турок, можно было бы приступить к полюбовному разделу ее территории, с аннексией небольшой части российской Армении в форме ее советизации, что способствовало бы дальнейшему усилению борьбы с Антантой и осуществлению всех других целей революции на Востоке.

Из высказываний Сталина, а также Орджоникидзе и других его сторонников явствует, что, поддерживая агрессивную войну кемалистской Турции против Армении, строя свои планы советизации Армении при помощи кемалистской армии, большевистское правительство России не имело реального представления ни о целях политики турок, ни о последствиях союза с ними. Сталин и его приверженцы не были уверены в том, что турки останутся верны советской России.

Утверждая, будто турецкое наступление на Армению «льет воду на нашу [т.е. большевистскую] мельницу», Сталин либо заблуждался, либо сознательно дезориентировал Ленина.

На самом деле турецкое наступление на Армению отвечало желаниям британских спецслужб, их колониального и военного ведомств, стремившихся направить турецкую экспансию на Восток, возродить их пантюркистские вожеления, «выгнать» с их помощью большевиков из Баку. Сложившаяся политическая ситуация была очень похожа на воплощение формулы полковника Лоуренса: «маленькая Армения, которая поневоле сговорится с Турцией»¹.

Угроза перехода кемалистов на сторону держав Антанты и возрождения их пантюркистских амбиций стала реально вырисовываться, когда турки, одержав благодаря военно-политической поддержке советского правительства России победу над Арменией, начали проявлять свои подлинные намерения.

Теперь, когда Республика Армения была разрушена и главная цель турецких националистов достигнута, Россия им уже не была нужна. Более того, от нее исходила опасность советизации самой Турции. Турецкие националисты могли надеяться, что, принудив правительство Армении отказаться от Севрского мирного договора, удастся урегулировать отношения с Антантой и освободиться от опасной опеки большевистской России. Если бы Запад согласился санкционировать ситуацию, созданную турками при помощи большевистской России, Кемаль готов был переметнуться к Антанте и при ее поддержке реализовать отложенную на время программу пантюркизма.

У турецких националистов появилась надежда на осуществление при поддержке Антанты старых планов пантюркистской экспансии в сторону Азербайджана и дальше. Вопреки расчетам Сталина и его сторонников — Орджоникидзе, Мдивани и др., надеявшихся с помощью турецкой армии разрушить армянскую государственность и экспортировать советскую власть в предназначенную для РСФСР часть Армении, турецкие националисты, под воздействием держав Антанты, решили заключить с дашнакским правительством Республики Армении неравноправный мирный договор, который создал бы предпосылки для реализации пантюркистской программы территориальной экспансии по сценарию 1918 г., но уже под эгидой не Германии, а держав Антанты.

¹ О заигрываниях англичан и в целом держав Антанты с кемалистами см. соответствующие документы и Комментарий к Разделам III (12), V (33, 34).

В эти дни Чичерин, встревоженный опасным развитием событий, продолжает настойчиво обращать внимание на двусмысленное поведение кемалистских союзников, возрождавших экспансионистскую политику младотурецкого правительства под видом совместной борьбы за советизацию Армении.

«Турки, — по словам Чичерина, — заявляют, что хотят-де освободить Армению от дашнаков. Это жульничество»¹.

В записке Чичерина, переданной через Лиграну Сталину 8 ноября, дается оценка действий кемалистов: «В Армении турки явно играют двойную игру В обращении Карабекира к нашему командованию и в его воззвании говорится, что турки хотят освободить весь армянский народ от дашнаков, и предлагается сотрудничество с нами в этом деле, а в заявлении турецкого представителя в Тифлисе сказано, что турки не пойдут дальше условленной линии, хотя они уже перешли за нее»².

В письме Сталину 9 ноября Чичерин предупреждал: «Если турецкое наступление есть возобновление политики 1918 года, то оно, в конце концов, будет направлено против нас и против Советского Баку, оно будет иметь дальнейшим объектом соединиться с мусаватистами и с дагестанскими и чеченскими мусульманскими реакционерами...»³

В созданной Сталиным ситуации с необходимостью оккупации Армении Красной армией и ее советизации для предотвращения дальнейшей экспансии турок стал соглашаться и сам Наркоминдел. В письме Сталину 9 ноября Чичерин писал: «Занятие Эривани или даже всей Армении может, конечно, оказаться необходимым, и эта возможность предусматривалась, когда принималось решение о возможности советизации Армении в случае необходимости. Также и для предотвращения поголовной резни оно может оказаться необходимым. Действовать придется, может быть, быстро... В данный момент главное — иметь наготове некоторые силы у границ Армении, чтобы моментально их двинуть, если понадобится...»⁴

Различие в подходах Наркоминдела и Сталина с его группой состояло в том, что для Наркоминдела форсированная советизация была необходимостью, обусловленной создавшейся ситуацией, а для группы Сталина это было самоцелью, реализация которой должна была устранить опасные последствия политики Сталина — угрозу для советского Баку. Наркоминдел намеревался использовать противодействие армянского народа турецкой агрессии и возражал против ничем не ограниченной передачи территорий Армении туркам. Сталин и его группа, напротив, намеревались задобрить турок новыми подачками, преградив путь туркам узкой полосой армянской территории, оккупированной Красной армией.

Поддержав турецкую агрессию против Армении, выражая готовность подарить турецким националистам почти всю армянскую территорию, поощряя турок и азербайджанцев на занятие других армянских территорий с целью советизации оставшейся небольшой части страны, прибегая к турецкой же помощи для

¹ Док. № 885. См. также № 886 и др.

² Док. № 891. Подчеркнуто в документе. — Ю.Б.

³ Док. № 892.

⁴ Док. № 893.

советизации своей части Армении, Сталин и шедшее у него на поводу советское руководство запустили в Армению бумеранг и чуть не стали жертвой собственного коварства.

Оказавшись перед реальной перспективой дебелизации — силового подавления и физического истребления армянского населения и в этой части страны, правительство Армении вынуждено было пойти на перемирие с наступавшей турецкой армией. 7 ноября соглашение было достигнуто. Выполняя условия перемирия, армянские войска были отведены от Арпачая. Турки заняли Александрополь, но уже 9 ноября они выдвинули новые условия: армянские войска должны были отойти к востоку от линии станции Алагяз—Кирмизли—Кулиджан — станция Налбанд — Воронцовка. 11 ноября парламент Армении отверг эти требования и принял решение обратиться к РСФСР с просьбой о посредничестве.

Военные действия возобновились, но исход войны был predetermined раскладом сил — единоборством обескровленного геноцидом народа против тройственной агрессии кемалистской Турции, большевистской России и действовавшей заодно с ними Азербайджанской ССР. Хотя основная «заслуга» победоносной войны принадлежала России, предоставившей туркам вооружение и финансовую помощь для закупки оружия в Европе, отвлекшей значительные силы армян на восточный (азербайджанский) фронт и организовавшей идеологическую диверсию с помощью армянских большевиков, победителем предстали их союзники — турецкие националисты.

15 ноября правительство Армении приняло продиктованные турецким командованием условия перемирия, но с оговоркой, что часть условий не будет выполнена по техническим причинам, а 18 ноября акт перемирия был подписан: военные действия прекращались временно — до 5 декабря 1920 г.¹

Представляет интерес оценка этого события полномочным представителем РСФСР в Армении Лиграном, прибывшим в Ереван в день вступления перемирия в силу. В радиограмме, направленной Чичерину в Москву и Сталину в Баку, он сообщает, что армяне приняли предложенные турками условия перемирия «под влиянием опасений дальнейшего отступления и оставления Караклиса»².

Одержав победу над Арменией благодаря большевистской России, правительство турецких националистов, не без подсказки Антанты, решило по-своему распорядиться успехом. Опасаясь социал-империализма большевиков, не скрывавших своего намерения советизировать и «союзную» Турцию, а еще больше опасаясь возрождения России и ее гуманистической позиции в Армянском вопросе, кемалисты решили добиться своей цели — аннулировать Севрский договор без участия России и соответственно без связанных с этим политических издержек — распространения власти советского режима на часть Армении в условленных пределах и, конечно, усиления его политического давления на саму Турцию.

Воспользовавшись военно-политическими условиями, созданными Сталиным и его группой, тайно поощрявшими кемалистскую экспансию для свержения «буржуазного» правительства Армении, ангорское правительство, в соответ-

¹ Док. № 907, 913. Об условиях перемирия см. док. № 925.

² Док. № 913.

ствии с предложениями Кемалю Ленину, попыталось взять в свои руки и «мирное урегулирование» с армянами.

Вопреки своим прежним официальным заявлениям ангорское правительство отказалось от посредничества правительства РСФСР¹ и не согласилось на участие советского представителя в переговорах между турецкой и дашнакской делегациями. Прибывшему 25 ноября в Александрополь полномочному представителю советского правительства Мдивани командующий турецкими войсками Карабекир заявил, что посредничество России турки считают «излишним, так как армяне приняли все условия турок», и что он получил из Ангоры предписание «вести переговоры непосредственно с армянами».

Обосновывая отстранение России от переговоров с Арменией, Карабекир сослался на невыполнение Москвой обещания о совместной военной акции против Армении. «Турецкому командованию — сказал он — было обещано Москвой одновременное выступление советских войск со стороны Азербайджана, но, к сожалению, не было исполнено». Карабекир разъяснял посланцу Сталина — Мдивани, что отстранение России от переговоров с армянами «отнюдь не исключает возможности вести переговоры между представителями РСФСР и турками как «друзьями, стремящимися к одной цели»².

Как отреагировал Мдивани на отказ турок от посредничества России? О его поведении в духе обычного враждебного отношения группы Сталина к армянам Лигран 21 ноября сообщил Чичерину, Сталину и Орджоникидзе: «...ввиду отказа турок [от] посредничества он [Мдивани] вообще не считает нужным постановку туркам каких-либо условий относительно Армении»³.

Что могло дать Армении посредничество советского правительства, если этот посланец Сталина, настаивая на посредничестве России, в то же время подталкивал турок к дополнительным захватам армянской территории и за «условленной линией» разграничения? Вероломство Сталина полностью дискредитировало политику советской России. В свете такого рода фактов становятся понятными сообщения Лиграна о том, что само армянское правительство (дашнаки) «опасалось» советского вмешательства и стремилось добиться «самостоятельного соглашения [с] турками»⁴.

Инсценированная в Александрополе «мирная конференция» делегаций правительств ВНСТ и Республики Армении проходила 25 ноября — 3 декабря 1920 г. под председательством командующего турецкой армией генерала Карабекира.

Повторяя попытку младотурецкого правительства, кемалисты попытались навязать Армении договор, которым она официально «добровольно» отказалась бы от Севрского мирного договора. Поэтому на первом же заседании Карабекир в качестве ультимативного условия для начала мирных переговоров потребовал, чтобы правительство Армянской республики в письменной форме отказалось от Севрского договора. Армянская делегация попыталась уклониться от обсуждения этой темы до решения территориального вопроса, но турки, под угрозой

¹ См. док. № 924.

² Там же.

³ Считая это «ошибкой», Лигран просит Чичерина, Сталина и Орджоникидзе скорректировать действия советского представителя, «дать немедленно указания Мдивани относительно приемлемых условий мира с Арменией» (док. № 917).

⁴ Док. № 933.

прекращения переговоров и возобновления военных действий, настояли на своем условии. Поэтому на втором заседании — 27 ноября армянская делегация представила в письменной форме отказ от Севрского договора. В то же время делегация ВНСТ отклонила предложение армян о приглашении РСФСР в качестве посредника.

28 ноября армянская делегация представила свой проект договора, по которому территория Армении включала, помимо Восточной Армении, Ван и Муш, а также порт Ризе на Черном море общей площадью 100 тыс. кв. верст. В приложенной к карте объяснительной записке говорилось, что Армения должна принять около 800 тыс. репатриантов.

29 ноября Карабекир заявил об отказе турок обсуждать предложенные армянами условия территориального разграничения, подкрепив свой отказ заявлением, что Армения покинута всеми и не может рассчитывать на чью-либо помощь.

По турецкому проекту граница проходила по рекам Арпачай (Ахурян) и Аракс. Шарур и Нахичеван под видом автономии ставились под покровительство Турции. Число репатриантов ограничивалось 20 тыс. Армения должна была порвать все связи с Союзными державами.

На третьем заседании 1 декабря Карабекир потребовал под угрозой возобновления военных действий незамедлительно принять турецкий проект, по которому никем не признанное правительство ВНСТ признавало независимость Республики Армении и заявляло о готовности дать «реальные гарантии преуспеянию и экономическому развитию Армении». Предусматривалось, что к Турции должны были отойти Карсская область и Сурмалинский уезд (свыше 20,7 тыс. кв. км). Районы Нахичевана, Шарура и Шахтагты должны были «временно находиться под защитой Турции». Предполагалось, что в этих районах «впоследствии посредством плебисцита будет установлена особая администрация», причем «Армения обязуется не вмешиваться в порядок этой администрации независимо от того, в какую форму выльется эта администрация».

Районы Карсской области и Сурмалинского уезда, «уступленные» Турции договором, объявлялись «имеющими неоспоримую историческую, этнографическую и юридическую связь с Турцией», но признавалось «право производства плебисцита в случае, если Республика Армения пожелает производства такового».

Сверх жандармерии «при легком оружии и в количестве, достаточном для охранения порядка и безопасности страны», Армения могла содержать только отряд в 1500 штыков, при 8 горных или полевых орудиях и 20 пулеметах. Она лишалась права вводить обязательную воинскую повинность и содержать армию.

Правительство Армении соглашалось разрешать политическим представителям Турции производить инспекцию по выполнению этих условий, а Турция обязывалась предоставлять по просьбе Армении вооруженную помощь, «когда того потребует внешняя или внутренняя опасность». Предусматривалось, что правительство ВНСТ, не нарушая прав, предоставлявшихся договором Армении, будет иметь право принимать военные меры на ее территории.

Предусматривалось также «возвращение на свои места в пределах бывшей границы всех беженцев, за исключением тех, которые «в рядах противника дрались против своего правительства», и тех, которые «принимали участие в погромах». Стороны обязывались обеспечить возвратившимся на родину беженцам «права, предоставляемые меньшинству в странах наиболее цивилизованных».

Правительство ВНСТ заверяло «в искреннем своем стремлении оказать помощь и поддержку правительству Армении в развитии и укреплении его авторитета», а правительство Армении соглашалось «признать и объявить Севрский договор, который категорически отвергнут Правительством ВНСТ, аннулированным». Правительство Армении признавало аннулированными все договоры, которые могли быть заключенными и имели отношение к Турции, точно так же, как и все договоры, заключенные во вред интересам Турции. Оно принимало обязательство отозвать из Европы и Америки свои делегации, «которые политический центр империалистических правительств Антанты сделал орудием своих происков». В качестве «доказательства искренности своего желания жить в мире и своего уважения к соседским правам Турции» правительство Армении принимало обязательство «устранить от государственного управления всех лиц, провоцировавших и преследовавших империалистические задачи с целью нарушить мир между обеими странами».

Стороны принимали обязательство предоставить право свободного передвижения лиц и товаров из одной страны в другую, как по железным, так и по другим дорогам обеих стран, и отказались от транзитных прав на товары, идущие как с моря, так и из других каких-либо стран. В частности, правительство Армении обязывалось отказаться от всяких прав на транзитные пошлины в отношении товаров, повозок, вагонов, идущих транзитом из Турции в Азербайджан, Персию, Грузию и обратно, а правительство ВНСТ обязывалось предоставить Армении свободный транзит в Персию и Маку через Шарур—Нахичеван—Шахтахты и Джульфу.

Армения была поставлена перед необходимостью «выбора» между заключением грабительского мирного договора непосредственно с Турцией или капитуляцией перед требованием советского правительства России не только отказаться от Севрского мирного договора, но и согласиться с введением Красной армии в оставшуюся часть страны и передачей власти большевикам, как условия «защиты» от «дружественной» им Турции.

На запрос армянской делегации, подписывать этот договор или нет, правительство Республики, возглавлявшееся С. Врацяном, ответило, что большевистские войска уже вступили в Караван-сарай, что правительство подает в отставку и что создается коалиционное правительство большевиков с участием от дашнаков Дро (Д. Канаяна) и А. Тертеряна. Тем не менее Врацян предложил подписать договор.

2 декабря глава делегации на Александропольской конференции А. Хатисян запросил указания у генерала Дро, который оставил вопрос о подписании договора на усмотрение самой делегации. Выбирая между советизацией с фактически полной потерей национальной государственности и сохранением государственности, хотя и с существенными ограничениями в отношении обороны, внешней политики и транспорта, и считая, что территориальный состав Республики при прямой договоренности с турками будет не хуже, чем границы, установленные при посредничестве РСФСР, делегация свергнутого правительства приняла решение подписать договор на турецких условиях.

3 декабря делегация Хатисяна была лишена полномочий, но еще до этого, в ночь со 2 на 3 декабря, был подписан, хотя и без перспективы на ратификацию, договор, официально именованный Мирным договором между Турцией и Ар-

менией¹. Это был первый договор, подписанный «новой» Турцией, но по своей цели и содержанию он повторял Батумский договор, навязанный Армении младотурецким правительством.

Скрывая подлинную роль, которую большевистское правительство России сыграло в создании условий, вынудивших армян подписать Александропольский договор, советская историография обвиняла дашнакское правительство Армении, подписавшее этот кабальный договор, в «национальном предательстве». На самом деле политическую ответственность за навязанный Армении грабительский «договор» несло прежде всего советское правительство. «Только Ваши предательства заставили армянскую нацию идти в Александрополь», — писал Министр иностранных дел свергнутого правительства Армении А. Агаронян Народному комиссару иностранных дел РСФСР Чичерину².

Близорукая националистическая позиция Сталина в вопросах отношений между Арменией и Турцией, предательство интересов армянского народа поставили советскую Россию перед реальной возможностью катастрофы всей ее ближневосточной политики.

Используя стремление армянского правительства сохранить независимость хотя бы на клочке своей территории, кемалистская Турция стремилась поставить своего союзника — советскую Россию — перед свершившимся фактом создания первого из буферных государств Кавказа, которыми турки хотели отгородиться от своих большевистских благодетелей. Хотя непосредственной жертвой была Армения, в большой политической игре Александропольский договор, отвечая политическим интересам держав Антанты, был направлен прежде всего против самой советской России. Превращение Армении в турецкий протекторат не только исключало возможность советизации Армении, но и открывало дорогу для десоветизации Азербайджана. Тем самым создавалась возможность реализации старых пантюркистских амбиций, подогревавшихся теперь Антантой, и прежде всего англичанами, в качестве средства борьбы против красной угрозы.

Заключение кемалистским правительством ВНСТ Александропольского договора со свергнутым правительством Армении впервые четко обозначило брешь, существовавшую в отношениях между Россией и Турцией. Оно подтвердило эфемерность расчетов Сталина и обоснованность опасений Наркоминдела, предупреждавшего о реальной возможности перехода правительства турецких националистов в антисоветский лагерь.

Расширение территории турецкого государства и уничтожение армянской перемишки остро поставило вопрос практической политики: как будет использована прямая связь между Турцией и Азербайджаном? Так же остро был поставлен вопрос: кто такие турецкие националисты — друзья или враги?

Советское руководство было встревожено антисоветским характером навязанного Армении договора, который в Москве не без оснований расценили как попытку держав Антанты противопоставить турецких националистов советской России, вовлечь их в широкую коалицию, направленную против большевизма.

¹ См. док. № 967.

² Док. № 1325.

20. Две оценки сложившейся ситуации и две реакции на пантюркистскую угрозу

Сталин и члены его «кавказской группы» — Орджоникидзе, Мдивани и другие спровоцировали войну турок против Армении с целью или под предлогом получения возможности беспрепятственного транзита оружия в Турцию.

С поражением Армении в войне и захватом турками территорий за пределами «условленной линии» разграничения стало четко проявляться расхождение интересов советской России и кемалистской Турции. Если советизация Армении нужна была для обеспечения вооружения турок против держав Антанты, то теперь, после выявления территориальных амбиций турецких националистов, после заключения ими Александропольского договора с дашнакским правительством Армении и их закрепления на путях, ведущих к Баку, возник вопрос: против кого будет использовано советское оружие, будет ли оно использовано против держав Антанты на Западном фронте, или же будет использовано для пантюркистской экспансии на Кавказе по сценарию 1918 г.

«Опасность большой войны», которую использовали Сталин и Орджоникидзе для обоснования военной помощи и территориальных подачек кемалистским союзникам, теперь ставила новый вопрос: с кем будут турецкие националисты в этой войне? Нужна была политическая оценка развития событий и соответствующая реакция.

Для Наркоминдела, всегда обращавшего внимание на пантюркистскую угрозу и возможность развития событий по сценарию 1918 г., но уже под эгидой Антанты, поведение турецких союзников не стало неожиданностью.

Иначе оценивал политическую ситуацию, создающуюся вокруг Армении, подлинный творец «восточной», т.е. турецкой, политики большевистского правительства — Сталин. Кошмары, которыми его группа и турецкие агенты влияния в Баку запугивали правительство в Москве, если туркам не будут отданы территории Армении и им не будет оказана необходимая военная помощь, теперь стали сбываться именно потому, что благодаря Сталину и его группе и вопреки предупреждениям Наркоминдела турецкие территориальные амбиции удовлетворялись и военная помощь предоставлялась.

Признать свою вину Сталин, конечно, не мог. Творцу антигосударственной политики поддержки разрушительных сил, ориентированных на тюркский сепаратизм, было неудобно признавать ее неизбежные реалии. Верный врожденным навыкам интригана, Сталин обвинил Лиграна и представителя России в Грузии Шейнмана в неумении «подметить основное в новой позиции турок»¹, хотя именно он, Сталин, не сумел или не захотел «подметить» старое и неизменное в позиции опекаемых им турецких националистов. Преуменьшая опасность возрождения пантюркистской экспансии и соответственно угрозу существованию советского режима в Баку, исходившей от опекаемых им кемалистских союзников, Сталин стыдливо признавал лишь наличие «симптомов», говорящих о «некотором, пожалуй, сдвиге позиции кемалистов вправо»². Упор он делал не на турецкую экспансию, а на не существовавшую в то время

¹ Док. № 920 и 922.

² Сталин И. Соч. Т. 4. С. 411—412.

угрозу вторжения в Закавказье держав Антанты и прежде всего Англии. Англичане, покинувшие Закавказье в лучших для себя военно-политических условиях 1919 г., не собирались вновь втягиваться в вооруженный конфликт. Отпали и надежды на втягивание ими в борьбу с РСФСР США в качестве мандатария. Основную ставку в противодействии большевизму Антанта делала на пантюркистскую экспансию.

Тем не менее Сталин с подачи Орджоникидзе всю раскручивал угрозу «большой кавказской войны» против РСФСР с участием держав Антанты. Констатируя результаты своей же деятельности, Сталин 15 ноября сообщал Ленину, что «с Арменией уже опоздали, т.е. ее скушает Кемаль раньше, чем мы подоспеем»¹. Сообщая Ленину о заигрываниях кемалистов с мусаватистами Азербайджана, Сталин отмечает, что «назначенных подкреплений для возможных и вероятных операций в Закавказье» недостаточно, поскольку необходимо, по меньшей мере, пять дивизий «для того, чтобы обеспечить Баку от случайностей с Запада путем активной обороны».

Указания Ленина об укреплении подходов к Баку Сталин не одобрил на том основании, что «укрепления в безводном пространстве при неблагоприятных топографических условиях теряют смысл». Теперь Сталин уже не сомневался, что «противник при первом же наступлении займет Елизаветполь» и, восстановив буржуазно-национальное правительство Азербайджана, «по примеру восемнадцатого года» легко займет Баку.

Какие же меры противодействия предлагал Сталин? Несмотря на заверения представителя турецкого правительства в Тифлисе, что «между турецким [и] грузинским народом нет исторической вражды» и что «у турок нет агрессивных намерений» в отношении Грузии², Сталин предлагал ввести советские войска именно в Грузию: «Для предупреждения такого казуса существует один-единственный путь: занять Тифлис и занять Сурамский перевал и тем прочно обеспечить за собой Баку»³.

Сурамский перевал, отделяющий Западную Грузию от Восточной, никак не мог быть препятствием для продвижения турок на Баку из северной части Армении, а тем более — через Нахичеван. Поэтому в телеграмме Ленину от 16 ноября Сталин дает уже развернутую картину опасности, грозившей советской власти в Азербайджане, и соответственно рекомендует меры противодействия. Теперь он указывает, что «опасность может угрожать Баку с трех сторон». На первом месте в его перечне — это «опасность с юга со стороны Англии». На втором месте — «опасность со стороны Турции. Если Турция утвердится в Армении и получит общую границу с Азербайджаном». Для предотвращения этой опасности, говорит он, «нужно вклиниться армянским советским клином между Турцией и Азербайджаном». Говоря о третьей опасности — «со стороны Грузии, т.е. со стороны Антанты», он повторяет доводы предыдущего послания. По его утверждению, «пока буржуазная Грузия существует, эта опасность, самая серьезная из всех опасностей, будет существовать»⁴.

¹ Док. № 901.

² Док. № 905, 914.

³ Док. № 901.

⁴ Док. № 904.

Сталин, слепо веривший кемалистам, теперь предлагает Чичерину послать Орджоникидзе указания «не верить кемалистам на слово» и рекомендует: «...не ограничивайтесь пересказом заявлений Карабекира и других кемалистов»¹.

Хотя расхождения между Наркоминделом и группой Сталина в оценке сложившейся ситуации и в выборе практических средств выхода из политического тупика, в который завело потворствование турецкой агрессивности, уменьшились, они тем не менее сохранились.

Из оценки ситуации Наркоминделом следовало, что прежде всего нужно было остановить дальнейшее продвижение турок по Армении в сторону Баку. Сообщая в упомянутом уже письме Лиграну от 3 ноября об опасности возобновления завоевательной политики турок на Кавказе, Чичерин уже тогда отмечал, что это «заставляет нас быть сугубо осмотрительными», «особенно осторожно взвешивать каждый свой шаг в этом направлении»². В этой связи Чичерин прямо отмечает, что опасность перемены политики кемалистов и возобновления завоевательной политики «заставляет нас серьезно считаться с возможной ролью Армении и Грузии, как партнера против возобновления наступательной политики турок»³.

В условиях, когда наступление кемалистских войск вышло за пределы договоренностей и возникла угроза продолжения их наступления на Баку, особую остроту приобрел вопрос о передаче им вооружений. Наркоминдел предложил использовать имевшееся средство воздействия — приостановить снабжение турок оружием и золотом. 7 ноября Чичерин формулирует требование о прекращении поддержки турок: «Надо приостановить передачу им оружия, пока не заключат перемирия»⁴.

В связи с предполагавшейся встречей Министра иностранных дел ангорского правительства Бекира Сами со Сталиным Чичерин 19 ноября информировал его об «условиях выдачи» туркам советского оружия — «это употребление его на Западном фронте, но в случае занятия Батума Антантой — отмена этого первого условия и обязательство участвовать в борьбе против занявших Батум антантовцев, во всяком случае обязательство передать армяно-турецкое разграничение, также и в турецкой Армении, будущей смешанной комиссии с нашим участием, а в настоящий момент — приостановление наступления в Армении»⁵. В тот же день Сталин ответил, что «выдачу оружия туркам приостановил до выяснения позиции последних»⁶.

Факт временного приостановления поставок советского оружия туркам в ноябре 1920 г. апологеты политики советского правительства России приводят как доказательство его заботы об армянском народе. Ссылаются, в частности, на директиву, в которой дальнейшая помощь туркам ставилась в зависимость от «приостановки их наступления на Армению» и заключение «перемирия с Арменией». Утверждают, что вооружение турок возобновилось только тогда, когда Армении «уже ничто не угрожало».

¹ Док. № 910.

² Док. № 866.

³ Там же.

⁴ Док. № 885.

⁵ Док. № 908.

⁶ Док. № 909.

В действительности же временная приостановка поставок оружия была связана с возрождением пантюркистских амбиций турок, создавших угрозу советской власти в Баку, а возобновились они, когда еще предстояли переговоры о судьбе поверженной Армении и ее границах с Турцией на Московской советско-кемалистской конференции. 5 декабря, когда непосредственная опасность продвижения турок на Баку через Армению была устранена, Чичерин писал Орджоникидзе: «В Ваших руках дальнейшая выдача оружия туркам. Она была временно приостановлена в связи с неприемлемым поведением турок по отношению к нам и их непонятным наступлением. Если турки будут считаться с нашими настояниями и отступят за Арпачай, смягчат условия мира, будут вести дружественную политику по отношению к Советской Армении и не будут двигаться в глубь Грузии, за исключением двух вышеозначенных уездов, то мы будем продолжать выдавать им оружие». Иначе говоря, если турки отступят за Арпачай и откажутся от продвижения к Баку, то в этом случае можно будет тут же «возобновить выдачу им оружия». Что касается полутора миллиона рублей золотом, которые Бекир Сами вез с собою и которые «ввиду новых событий» также были «временно» задержаны, то и это золото будет постепенно им выдаваться, если «турки будут исполнять наши настояния»¹.

Помимо оружия и золота Наркоминдел всегда имел в виду и возможность использования Армении в качестве барьера, которым можно было бы преградить дальнейшую территориальную экспансию турок. Поэтому в этом же письме Чичерин писал о недопущении занятия кемалистскими войсками новых областей в Армении². Наркоминдел, который и раньше сдержанно относился к вольному распоряжению армянскими территориями со стороны Сталина и его группы, продолжал ставить вопрос о праве армян на часть своих территорий не только в Восточной, но и в Западной Армении³. В телеграмме Сталину 13 ноября 1920 г. Чичерин утверждал, что «перемирие турок с армянами совершенно изменило ситуацию. Нет более необходимости спасать физическое существование угрожаемого резней армянского народа, зато *встает вплотную вопрос об условиях мира между Турцией и Арменией*»⁴.

Исход войны, по словам Чичерина, усилил территориальные вождедения турок: «Считаем несомненным, что турки откажутся эвакуировать сейчас Карсскую область, нам неясно, как удастся примирить Турцию и Армению». В этих условиях задачи внешней политики большевистской России, по мнению Чичерина, изложенному Сталину, сводились к двум основным пунктам: первый — в целях противопоставления революционного Востока империалистическому Западу «полный», «совершенно свободный» транзит через Армению «товаров, оружия и даже войск». Второй пункт — «окончательное определение границ между Турцией и Арменией, как в бывшей Русской, так и Турецкой Армении посредством смешанной комиссии при нашем участии. Все вопросы окончательного разграничения пусть будут отсрочены до этой смешанной комиссии. С ее созывом не следует спешить»⁵.

¹ Док. № 983.

² Там же.

³ См. Раздел V (26) Комментария.

⁴ Док. № 899. Выделено нами. — Ю. Б.

⁵ Док. № 899. См. также док. № 892.

В связи с перспективой заключения «окончательного мира» между правительством ВНСТ и Республикой Арменией Наркоминдел России по-прежнему волновали два вопроса — транзит через территорию Армении и территориальное разграничение Армении и Турции. Об этом, в частности, сообщается в телеграмме Чичерина Сталину 14 ноября 1920 г.: «Когда мы получили известие о заключении мира, я сообщил Вам, что в результате мы должны влиять уже на заключение окончательного мира между Турцией и Арменией и что мы должны настаивать на транзите для нас через Армению и на предоставлении установления окончательной турецко-армянской границы смешанной комиссии с нашим участием». Наркоминдел проявлял заинтересованность РСФСР в прекращении военных действий между Арменией и Турцией на «упоминавшихся ранее условиях»¹.

По-другому реагировали на сложившуюся ситуацию Сталин и исполнители его политики из «кавказской группы». В условиях, когда четко обозначилась возможность перехода турецких националистов в лагерь Антанты и опасность рецидива их пантюркистских амбиций, Сталин и проводники его «восточной политики» оказались в сложном положении.

В ответ на выдвигавшуюся Наркоминделом концепцию противодействия пантюркистским вождениям турок и азербайджанцев сталинисты выдвинули свою концепцию. Сталин даже 15 ноября — в день подписания турками перемирия с Республикой Арменией все еще сообщал Чичерину о том, что им была дана директива Мдивани: «не ссориться с турками из-за дашнаков» (т.е. из-за территориальных прав армян), «не ставить прямо вопрос об отводе турецких частей к старой границе», «расколоть дашнаков и повести за собой левую часть в деле образования ревкома»².

В это же время (не позднее 15 ноября) за подписью «Коба, Серго» была направлена для Мдивани директива: «Ссориться с Кемалем не нужно, не нужно требовать немедленного отвода турецких войск к старой границе, пока можно ограничиться созданием смешанной комиссии с нашим большинством по вопросу об отводе турецких войск». Сталин и Орджоникидзе просят Мдивани дать ответ на ряд вопросов: «Нужно ли давать оружие туркам? Можно ли рассчитывать на советизацию Армении? Можно ли рассчитывать на раскол дашнаков? Нужно ли двинуть наши войска и когда? Не согласятся ли турки отвести войска при условии советизации Армении?»³

Сталин явно рассчитывал, что на поставленные им вопросы его ставленник при кемалистском правительстве не только ответит так, как было нужно его покровителю, но и будет способствовать проведению его линии. Сталин, Орджоникидзе и другие его сторонники из группы «кавказских деятелей» сразу же поставили вопрос об ускорении оккупации Армении. В письме Ленину 8 ноября Сталин писал: «Одно несомненно: нужно немедля двинуть воинские части к границам Армении и при необходимости войти с ними в Эривань, подготовительная работа в этом духе ведется Орджоникидзе как членом Реввоенсовет-фронта»⁴.

¹ Док. № 900.

² Док. № 902.

³ Док. № 903.

⁴ Док. № 890.

Орджоникидзе предлагает Сталину «больше не ждать и сейчас же врезаться клином», т.е. отделить кемалистскую Турцию от советского Азербайджана путем советизации Армении¹. Сталин тут же связывается со Стариком — Лениным и передает ему полученную информацию и свои оценки: «Первое... у армян войск не стало; турки при желании могут занять всю Армению без труда, представитель Кемалья в Тифлисе Кязим-бей держит себя более чем подозрительно, причем Мдивани думает, что оккупация Армении происходит не без некоторого соглашения между кемалистами и Грузией, с ведома и, может быть, согласия Антанты. Второе. По сообщению Орджоникидзе, турки уже теперь стараются завести связи с недовольными элементами Азербайджана, принимают петиции последних и стремятся иметь общую границу с Азербайджаном, что особенно опасно теперь. Третье. Переданная Вам вчера нота турецкого правительства в ответ на нашу ноту о посредничестве говорит о наличии более чем уклончивой позиции турок. Четвертое. По сообщению того же Орджоникидзе, в Персии сосредоточиваются ... несколько тысяч английских сипаев, и идет вообще большая подготовительная работа в направлении упрочения англичан в Персии... Пятое. Обобщая эти данные, Орджоникидзе думает, что мы стоим перед новой большой войной на юге Кавказа, организуемой Антантой при посредстве Грузии и, быть может, при нейтрализации Турции, в лучшем случае, а в худшем — при союзе с Турцией против нас и, прежде всего, против большевистского Азербайджана. В этом я вполне согласен с Орджоникидзе»².

Какие «практические шаги» предложил Сталин Ленину?

Выполнение предложения Орджоникидзе Сталин считал «рискованным» ввиду отсутствия достаточной военной силы и необходимых коммуникаций. Он опасался, что продвижение Красной армии в сторону Еревана в Грузии может быть расценено как казус-белли. Подчеркнув, что «с переброской частей мы опоздали до безобразия» и что «события бегут и угроза со стороны турок Азербайджану растет изо дня в день»³, Сталин тем не менее предложил Ленину «отложить операцию с Арменией до подхода новых подкреплений». Ленин, в свою очередь, дал указание Троцкому «тотчас усилить и ускорить переброску» войск, а сам Сталин выехал из Баку в Москву для обсуждения вопроса в Политбюро.

В Сборнике опубликован протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), состоявшегося 27 ноября 1920 г. По докладу Сталина «о кавказских делах» было принято постановление, обязывавшее Сталина «сговориться с т. Чичериным о дополнительных мерах к обеспечению более правильной внешней политики в пограничных с Кавказом государствах с использованием для этого т. Орджоникидзе», который должен был оставаться в Баку, осуществляя общее политическое руководство Азревкомом и Советом пропаганды и действия.

Политбюро предписало также принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии «максимально примирительную политику, т.е. направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны». Очевидно, имелась в виду не агрессивная война кемалистских союзников России против Армении, которая завер-

¹ Док. № 920.

² Док. № 920 и 922.

³ Там же. Подчеркнуто Лениным. — Ю.Б.

шилась падением армянского государства, а война с участием кемалистской Турции на стороне Антанты. Как часть этой установки предписывалось «не ставить своей задачей похода ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию»¹.

Не имея протокола выступлений членов Политбюро, трудно определить, чью линию поддержало Политбюро — Сталина или Чичерина, тем более что Сталин, как было показано, изменил, по крайней мере на словах, свою линию на немедленную советизацию Армении и Грузии. Предписывая «максимально примирительную политику» в отношении Турции и в то же время отменяя задачу «похода» на Грузию и Армению, т.е. задачу их советизации, Политбюро вместе с тем оставило все на усмотрение Орджоникидзе.

Сталин и его группа знали, что эти меры были продиктованы отнюдь не желанием уважать права Армении. Сталин по-прежнему делал ставку на стовор с турками за счет территориальных прав армянского народа, на взаимодействие с ними в насильственной советизации Армении.

Поддаваясь слухам о поддержке англичанами территориальных амбиций турецких националистов на Востоке («компенсации на Кавказе взамен жертв на Западе»), распространявшимся самими турками и их агентами влияния — Наримановым и другими азербайджанскими национал-коммунистами с целью подтолкнуть к территориальным уступкам советское правительство России, Сталин превратил внешнюю политику страны в восточный базар.

Рассчитывая удержать турецких националистов от перехода в лагерь держав Антанты щедрыми подачками все новых армянских территорий туркам и азербайджанцам, он не понимал или делал вид, что не понимает, что именно это отвечало политическим интересам самой Антанты, создавая предпосылки для перехода кемалистов на ее сторону.

В этот период, предвидя возможность перехода кемалистов в лагерь Антанты и краха всей восточной политики Сталина, его приспешники стали отрабатывать и «пессимистический» вариант развития событий. Для обоснования своего курса на всемерную военно-политическую поддержку кемалистов в условиях возрождения пантюркистской опасности они начали пропагандировать слегка прикрытую коммунистической фразеологией откровенно пантюркистскую идею разрушения России. Утверждали, что если кемалисты перейдут в лагерь Антанты, то на стороне советской России все равно останется... «Восточная Анатолия», т.е. та территория Западной (турецкой) Армении, которая в новой географической номенклатуре турок получила название Восточной Анатолии.

Азербайджанский национал-коммунист Шахтахтинский в докладе, представленном Ленину, утверждал, что с кемалистами не надо «играть в дипломатию», т.е. не нужно считаться с соображениями Наркоминдела, а нужно им непременно уступать даже при перспективе их перехода на сторону Антанты: «...становясь даже на точку зрения пессимистов и предположив, что Турция уже вошла в соглашение с Антантой или же войдет в соглашение в недалеком будущем, то и тогда мы должны предложить самые выгодные условия. И тогда при самой неблагоприятной конъюнктуре все же Восточная Анатолия и лучшие элементы Анатолийского фронта останутся с нами»².

¹ Док. № 929. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 1080.

Идею, что в случае «отпадения» ангорского правительства Восточная Анатолия «останется с нами», пропагандировали также работник сталинского Наркомата по делам национальностей и деятель бакинского Совета пропаганды и действия сталинист Скачко и другие подпевалы протурецкой политики Сталина. Если, утверждали они, в результате этой политики погибнет и сама РСФСР, зато останутся созданные советским правительством тюркские республики. В этой, судя по всему оркестрированной самим Сталиным и его последователями, концепции политического развития четко просматривается допущение возможности реализации пантюркистской программы откола от России населенных тюркоязычным населением территорий.

21. Соперничество между турецкими националистами и российскими большевиками за право на «советизацию» Армении

Кроме варианта установления прямой «договоренности» с Арменией без участия России, кемалисты имели и другой, «запасной», вариант оттеснения своих советских покровителей от армянских дел. Убедившись, что с ситуацией, созданной Александропольским договором, РСФСР не согласится, кемалисты поддержали советизацию Армении в качестве альтернативы Александропольскому соглашению с правительством республики.

Не собираясь вечно следовать в орбите российских коммунистов, кемалисты опасались, что при таком повороте в политическом развитии Турции большевистские правители России используют создаваемое ими в Армении марионеточное правительство армянских коммунистов для ограничения пантюркистской экспансии. Опыт советского Азербайджана и самой кемалистской Турции подтверждал возможность проявления советской Россией «пролетарской солидарности» и с советской Арменией в виде поддержки ее территориальных прав по политическим мотивам.

Кемалисты попытались перестраховаться. Ссылаясь на общность провозглашавшихся целей и пользуясь условиями, созданными сталинской политикой постворствования турецкой экспансии, а именно — разрушением армянской государственности, оккупацией ее территории за пределами «условленной линии» и результатами подрывной идеологической обработки армян, равно как и ограниченностью военных и политических возможностей самой РСФСР, турецкие оккупанты, опираясь на свою креатуру — членов созданного ими в Александрополе «ревкома Армении», приступили к реализации плана внедрения в государственное управление в части Армении, предназначавшейся по условиям раздела для советизации под эгидой РСФСР.

Выступая под демагогическим лозунгом совместной с РСФСР борьбы против держав Антанты и «освобождения» армянского народа от власти дашнаков, турецкие власти стали расширять зону оккупации в северо-восточном направлении — в сторону Тбилиси и Баку, формируя там свою структуру советской власти — «военно-революционные комитеты».

Рядясь в тогу сторонников российских большевиков, турецкие националисты на самом деле не разделяли коммунистических убеждений своих российских союзников. В своей стране они физически уничтожили руководителей ориенти-

рованной на РСФСР Коммунистической партии и создали свою — «официальную коммунистическую партию» Турции. То же самое они осуществляли на оккупированных территориях Армении.

Оккупировав Александрополь и другие территории северной Армении под видом союзников России в борьбе против дашнаков, турецкие националисты перестали скрывать свои намерения установить свою власть во всей Армении.

Деятельность кемалистских союзников в Армении не могла не вызвать в Москве серьезных опасений. Советское руководство не без оснований усмотрело в этом попытку турецких союзников распространить свою власть и на ту часть российской Армении, которая должна была перейти под контроль Москвы в качестве Армянской ССР.

Столкнувшись с реальностью прогнозирувавшейся Наркоминделом перспективы повторения событий 1918 г., Сталин и его приспешники, продолжая строить планы советизации Армении при помощи турецкой армии, начали сомневаться в благонадежности своих союзников.

В письме Ленину 8 ноября 1920 г. Сталин, высказываясь за «комбинацию о максимальных требованиях», т.е. за советизацию Армении, подчеркивает необходимость военного обеспечения этой операции: «Одно несомненно: нужно немедленно двинуть воинские части к границам Армении и при необходимости войти с ними в Эривань, подготовительная работа в этом духе ведется Орджоникидзе как членом Реввоенсоветфронта»¹.

7 ноября Сталин, комментируя в телеграмме Ленину и Чичерину сообщение о том, что турки заняли Карс, займут Александрополь и «будто бы не пойдут дальше линии, известной Москве», признает, что «сведения эти запоздалые, ибо турки уже перешли линию». Он признает и то, что «турки хитрят и преследуют свои собственные цели», но все еще пытается убедить Ленина и Чичерина, что «хитрость» турок направлена против Антанты, а не против советской России. Они, говорит Сталин, «видимо, хотят заставить Армению отказаться от Севрского договора и поставить Антанту перед фактом в связи с предполагаемыми переговорами кемалистов в Константинополе»².

Сталин продолжает убеждать Ленина и Чичерина, что захват турками Александрополя полезен для большевистского правительства России. «...Если армяне потеряют Александрополь», утверждает он, «не исключена возможность передачи власти дашнаками нам»³.

Для осуществления затеи с советизацией Армении при содействии турок Сталину нужно было иметь при турках доверенное лицо. В условиях резкого расхождения позиций Наркоминдела и группы Сталина особое значение приобретала кандидатура представителя России при турецком правительстве. По инициативе и под давлением Сталина полномочия «вести переговоры и заключить соглашение с представителями Турецкого национального правительства по вопросу о приостановлении военных действий между Турцией и Арменией» были даны 7 ноября от имени Наркоминдела РСФСР Мдивани, Коркмасову и Шахтактинскому⁴.

¹ Док. № 890.

² Док. № 884.

³ Там же.

⁴ Док. № 883. См. также док. № 885.

29 ноября Орджоникидзе получил от Мдивани радиogramму о том, что «в Александрополе имеется Ревком Советской Армении, поддерживаемый турками». Скрывая свои истинные намерения, «турки настаивают на вводе советских войск в Армению для утверждения советской власти», и обещают в случае такого обеспечения своего тыла перебросить войска на Запад против Антанты. Орджоникидзе одобряет созданную им же ситуацию для советизации Армении при помощи турок: «Положение становится совершенно ясным, не рискованным»¹.

Сталин и его группа выдают желаемое за действительное. На самом деле турки не собирались перебрасывать войска на Запад до решения вопроса с Арменией. На Западном фронте под давлением Антанты военные действия были приостановлены. Между союзниками в борьбе с «мировым империализмом» — турецкими националистами и российскими большевиками развернулось острое соперничество за «право» на установление в Армении советской власти. В этой подковерной борьбе кемалисты использовали реальный факт оккупации большей части территории, которая отводилась под будущую советскую Армению. Также им была выгодна и массированная пропаганда большевиков, представлявшая кемалистов как борцов против империализма и поборников новых отношений турок к Армении.

29 ноября 1920 г. представитель РСФСР в Армении Легран запрашивал представителя РСФСР в Ангоре Мдивани: «Кто входит в состав образованного турками Ревкома, местные армяне-коммунисты или он составлен иначе. Надо иметь в виду, что наши товарищи не могут быть посланы [в] тот Ревком, вообще *выдумка турок с ревкомом не заслуживает ни малейшего доверия, доколе они продолжают вести совершенно самостоятельную политику* [в] Армении и не желают признавать нашего посредничества. Это надо [в] той или иной форме [п]оставить им на вид»². Обеспеченный сообщением, что член Ревкома Армении Авис Нуридджанян ведет какие-то переговоры с «армяно-турецкой делегацией», Орджоникидзе поручает командиру советскими войсками в регионе Великанову выяснить и сообщить ему, «что за армяно-турецкая [делегация] и о чем они [неразборчиво] разговаривают»³.

Создание в Александрополе турецкого «Ревкома» Армении, обозначившееся стремление турок под видом «совместной борьбы против империализма и Антанты», занять всю северную Армению за пределами «условленной линии» и четко проглядывавшееся за этим стремление осуществить неудавшуюся в 1918 г. идею захвата Азербайджана, побудили самого Сталина выступить с призывом «спасти Армению любой ценой»⁴. Сталин, Орджоникидзе и другие организаторы переворота принимают контрмеры по форсированию советизации Армении — вторжению 11-й армии и ввоза туда своих ставленников из Баку.

Вопросы эти обсуждались в Москве. ЦК РКП(б) приняло решение о советизации Армении⁵. Хотя советизация Армении была предрешена общей политической линией РКП(б) и советского государства, выбор момента был связан с развитием политической ситуации. В сложившихся условиях советизация, ор-

¹ Док. № 941.

² Док. № 940. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 953.

⁴ Док. № 938.

⁵ См. док. № 953.

ганизованная Сталиным и Орджоникидзе, была альтернативой ее советизации турками.

Зная, что армянский народ даже в той сложной ситуации, в которую он был поставлен милостью российских большевиков, не был готов к принятию большевистского режима, Сталин и другие организаторы «советизации» Армении уже до этого занимались вопросом военного обеспечения операции. Жалуясь на упущенное время, Сталин добивался переброски дополнительной военной силы.

29 ноября, в день, когда «Армянский ревком» из Баку перешел границу со стороны Азербайджанской ССР, в переговорах Орджоникидзе с членом РВС 11-й Красной армии Трифоновым обсуждался вопрос о военной поддержке, чтобы довести дело «до логического конца» в случае «если в Армении заварится каша». Чтобы избежать нареканий Наркоминдела, было принято решение «частного характера о помощи армянскому Ревкому, не оформляя ее пока официально», т.е. представляя решение о советизации Армении как постановление Реввоенсовета Кавказского фронта¹.

Орджоникидзе прежде всего интересовала военная сторона обеспечения переворота. «...Когда выступил[а] кавбригада на Дилижан и откуда, в каком количестве сабель и штыков? Считаете ли вы их достаточным[и], чтобы завладеть Дилижаном, приняли ли во внимание вы приказ Назарбекова оказать сопротивление и отбросить от границы?» — спрашивает он военачальника Великанова. Получив сообщение, что «в овладении Караван-сараем должны участвовать три кавалерийских полка и два пехотных общей численностью до полутора тысяч», Орджоникидзе требует, чтобы не забыли «выдвинуться в сторону Караглиса и занять его, если, конечно, он турками не занимается»².

22. Советизация Армении российскими большевиками

Выполнение задачи по принуждению Армении к сдаче власти большевикам с помощью турок взяли на себя Сталин и его приверженцы — Орджоникидзе, Мдивани и другие члены «кавказской группы товарищей». Сталин осуществлял общее руководство. Орджоникидзе руководил практическим осуществлением операции. Мдивани обеспечивал совместные акции с турками. Наркоминделу же отводились побочные (технические) функции по обеспечению внешней, «дипломатической» благопристойности.

О том, как осуществлялась советизация Армении российскими большевиками, имеются признания самих организаторов переворота. В этом отношении представляют интерес переговоры Орджоникидзе с возвращенными в Баку безгласными армянскими марионетками. Авис Нуридзян, например, докладывал Орджоникидзе о том, что «все берется на учет, за все платится, денег не жалею». Заявления Ревкома предварительно согласовывались с Орджоникидзе. «Вы можете совместно с Сашей Довлатовым изменить как угодно, — говорит Авис Орджоникидзе. — Вокруг нашего ревкома надо создать благоприятную международную обстановку, политическую ситуацию, надо трубить в газетах и

¹ Док. № 941.

² Док. № 953.

по радио и всюду, чем угодно, копии всех этих радио надо передать сюда в напечатанном виде, в виде летучек, чтобы распространить среди населения»¹.

29 ноября при вступлении в Армению из советского Азербайджана Ревком обнародовал в Казахе Декларацию о провозглашении советской власти в Армении: «Мы верим в то, что освобождающаяся от империалистического ига трудовая Турция, *нашедшая в нас сочувствие в своей борьбе против Севрского договора*, ныне протянет нам братскую руку, после того, как [мы] свергли общего нашего врага и совместно с ней боремся против хищников Антанты. Мы уверены также, что не мечом победителя будет продиктован мир между Советской Арменией и трудовой Турцией, а братским соглашением свободных народов Советской Армении и революционной Турции»².

В этот же день — 29 ноября, давая указания по организации переворота в Армении, Орджоникидзе предписывает проявлять особую заботу в отношении к турецким партнерам по советизации Армении: «Встречу наших войск с турками обставьте торжественно»³.

Отнюдь не случайно и то, что в день, когда привезенный в обозе Красной армии Ревком провозгласил установление в Армении советской власти, на имя Чичерина поступает «запоздавший» ответ Кемалья на послание Наркоминдела от 2 июля 1920 г. Вождь турецких националистов «с величайшим удовольствием» сообщает о «чувстве восхищения» по отношению к русскому народу, «который, не удовлетворившись тем, что разбил свои собственные цепи, ведет уже более двух лет беспримерную борьбу за освобождение всего мира и с энтузиазмом переносит неслыханные страдания ради того, чтобы навсегда исчезло угнетение с лица земли»⁴. Выражение им уверенности в том, что «трудящиеся Запада, с одной стороны, и поработанные народы Азии и Африки — с другой» одержат победу над международным капиталом, служило идеологическим прикрытием экспансии кемалистов и в эту часть Армении под видом участия в ее советизации.

Интенсивный обмен посланиями, имевший место 30 ноября, показывает различия подходов Наркоминдела и противостоящей ему группы Сталина. Стремясь придать советизации Армении легальную форму и избежать обвинений в совместной насильственной акции Красной армии и турецких интервентов, представитель РСФСР в Армении Легран направляет телеграмму Реввоенсовету Кавказского фронта, Ревкому Армении и самому Орджоникидзе, а также Чичерину с требованием немедленного приостановления «дальнейшего продвижения Красной армии» на несколько дней с тем, чтобы при помощи генерала Дро «провести все необходимые мероприятия тому, чтобы наши войска имели возможность вступить в Армению без сопротивления стороны правительства и отдельных частей армии. Надо подчиниться этой необходимости, *не форсировать без нужды события, противном случае наше вторжение примет характер враждебных действий против Армении совместно турками*, каковом случае я категорически слагаю всякую ответственность [за] ход событий. Прошу немедленно дать соответствующие указания Ревкому и местному командованию и устранить возможность их

¹ Док. № 953.

² Док. 942. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 953.

⁴ Док. № 943.

столкновений, несогласованных действий. Получение настоящей радиограммы и принятых мерах немедленно известите»¹.

В тот же день, 30 ноября, в разговоре с Орджоникидзе по прямому проводу Лигран вновь поднимает вопрос о недопустимости враждебных действий турок против Армении со стороны Нахичевана: «Ввиду присутствия турок в Нахичевани необходимо принять все меры, чтобы сделать невозможным какое-либо нападение турок со стороны Нахичевани, которая по договору находится под охраной красных войск. Это очень важно, прошу на это обратить особое внимание XI армии»².

Имея в виду постоянные ссылки Орджоникидзе на присутствие в Нахичеване турецких частей и мусульманских банд, Лигран говорит: «Ваши опасения мне непонятны. Если турки мешают, им надо предложить удалиться из Нахичеванского уезда». В ходе беседы Лигран особо подчеркивает, что «в настоящий момент» главное состоит в том, что «теперь важнее держать в руках турецкие отряды в Нахичеване».

В ответ на жалобу Орджоникидзе, что «Москва дает нагоняй за якобы невыполнение 5-го пункта договора», и его просьбу до «сношений» с Москвой относительно Шахтахты предварительно «сговариваться» с Баку во избежание «неприятной истории», Лигран отвечает, что если нагоняй адресован Реввоенсовету XI армии, то «они его вполне заслужили»³.

Сам Чичерин пытается еще проводить линию Наркоминдела через Политбюро. В связи с получением от турок предложения о заключении формального договора Чичерин в письме в Политбюро изложил позицию Наркоминдела по содержанию временных директив представителю РСФСР в Ангоре Мдивани. «...Удерживать турок от таких действий, которые могли бы сыграть провокационную роль, и главное, удерживать их от занятия Батума и вообще от вторжения в Грузию, так как это могло бы вызвать антантовский десант, а также удерживать их от завоевания оставшейся еще незанятой части Армении, причем для того, чтобы турки не усмотрели в этом результата якобы состоявшегося у нас соглашения с Англией, в чем они могли бы нас подозревать, надо придать этим требованиям условную форму»⁴.

Что означала эта «условная форма», поясняет сам автор: «...Требовать, чтобы турки не брали Батума и вообще не шли дальше без соглашения с нами и до заключения договора с нами. Эта условная форма необходима и потому, что в случае антантовского десанта не исключена возможность того, что совместные действия с турками окажутся необходимыми»⁵.

В то время как Лигран в качестве представителя Наркоминдела стремился избежать оценки ситуации как совместной военной акции Красной армии и кемалистской армии против Армении, Сталин и его группа были заняты согласованием своих действий с турками. В директиве, направленной 30 ноября по поручению Политбюро представителю РСФСР в Ангоре Мдивани, Сталин указывает, что

¹ Док. № 945, 946, 948. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 947.

³ Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Док. № 951.

⁵ Док. № 951. Выделено нами. — Ю.Б.

«драться с кемалистами из-за Карса не следует», но нужно «выговорить у кемалистов Александрополь для Армении, которая становится советской»¹.

Вспомним, что незадолго до этого ставленник Сталина Мдивани сам же толкал турок к захвату армянской территории за Арпачаем. Отметим также, что «освобождения» Александрополя Сталин добивался не для Армении, а для сохранения Баку в связи с наметившейся угрозой возобновления пантюркистской экспансии.

Из-за отклонения посредничества и возможности участия РСФСР в мирных переговорах непосредственно между Турцией и Республикой Арменией Сталин предписывает «напомнить как туркам, так и армянам, что в таком случае вопрос о Зангезуре и Нахичеванском уезде не может быть предметом обсуждения армяно-турецкой конференции, так как обе эти области являются спорными между Арменией и Азербайджаном, в союзе с которым состоит Россия»².

Разыгрывая друг перед другом спектакль с проявлениями взаимной лояльности и доверия, турки говорили о готовности направить свои войска на Западный фронт, а Сталин — о готовности провести советизацию Армении без ввода советских войск. Сталин через Мдивани передает туркам, что, «если внутренняя советизация Армении не требует присутствия русских войск в Армении, мы не возражаем против советизации». Понятно, что это не могло не восприниматься как приглашение к советизации Армении турками.

Сталин, проявлявший до этого полное безразличие к реакции западных держав, теперь проявляет чрезмерную предупредительность. Он просит Мдивани проверить заявление Карабекира о вводе в Армению советских войск и об отправке турецких на Западный фронт: «Очень важно проверить две точки: не думает ли Карабекир своим предложением о вводе войск в Армению втянуть нас в преждевременный конфликт с Антантой и тем развязать руки Антанте для высадки в Батум. Можно ли считать, что кемалисты пока еще не отошли от нас к Антанте, считаете ли своевременным заговорить с кемалистами о военном союзе с Россией, если да, сообщите основания»³. В то же время Сталин требует «разоблачать двуличие кемалистов» и добиваться, чтобы турецкие коммунисты открыли «широкую кампанию за союз Турции с Россией против Антанты»⁴.

Хотя в условиях тройственной агрессии Наркоминдел согласился с советизацией Армении, в вопросе о передаче власти позиции расходились. В отличие от Лиграна, проводившего линию Наркоминдела на обеспечение при советизации Армении видимости легальности, руководитель этой военной операции Орджоникидзе осуществлял жесткую силовую политику. Членам «Ревкома Армении» он предписывал: «Эривани не слушаться и не торговаться с ней, а предложить сдачу на условиях, если будет добровольная, и [власть] передана без всяких криков внутри и в Европе, гарантировать им безопасность и вхождение в Ревком и на словах, а, в первое время, может быть, и на деле»⁵.

¹ Док. № 949.

² Док. № 949. Разрядка документа. — Ю.Б.

³ Док. № 949.

⁴ Там же.

⁵ Док. № 953.

2 декабря 1920 г. полномочный представитель РСФСР Б. Легран, действовавший от имени правительства РСФСР, подписал с действовавшими от имени правительства Армянской республики Дро и Тертерьяном соглашение об условиях сдачи власти Военно-революционному комитету в составе пяти членов от коммунистической партии и двух от «левых» дашнаков по согласованию с коммунистической партией¹.

Не имея необходимой внутренней поддержки, организаторы большевистского переворота прибегли к тактике, которая потом стала излюбленным методом захвата власти ставленниками Москвы в независимых государствах как при образовании СССР, так и перед Второй мировой войной (прибалтийские государства), и в дальнейшем (Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания).

Используя безвыходное положение Армении и возникший в этот критический период жизни страны раскол в правящей партии, Орджоникидзе добился образования правительства с участием «левых» дашнаков в лице генерала Дро и Тертерьяна. Тем самым создавалась видимость «передачи» власти образованному решению ЦК РКП(б) Ревкому с абсолютным коммунистическим большинством².

Армения провозглашалась «независимой Советской Социалистической Республикой». Правительство Армянской Республики отстранялось от власти. До созыва съезда Советов Армении вся полнота власти переходила к временному Военно-революционному комитету. До «прихода Ревкома из Азербайджана» власть временно переходила к военному министру генералу Дро.

Советское правительство России признавало «бесспорным» только состав территории советской Армении, совпадавшей в основном с территорией, предусмотренной в Александропольском договоре. Оно обязывалось также предпринять меры «для немедленной концентрации военных сил для защиты Социалистической Советской Республики Армении»³.

Создавалось впечатление, что Наркоминделу в лице Леграна удалось, не дожидаясь «подхода новых подкреплений», решить задачу — вклинить советскую Армению между Азербайджаном и Турцией и тем самым предотвратить реализацию реанимированной пантюркистской программы.

Предоставление генералу Дро должности командующего вооруженными силами «независимой Советской Социалистической Республики» имело не только внутреннее назначение (нейтрализация, переходный период для создания чисто большевистского правительства), но и внешнее — для демонстрации решимости препятствовать дальнейшему наступлению турецких националистов в северо-восточную часть Армении, в сторону Баку.

Отстаивавшаяся Наркоминделом видимость «легитимности» власти и «спасения» Армении предназначалась для международного общественного мнения и Лиги Наций, где в это время шло обсуждение вопроса о пресечении турецкой и советской агрессии против Армении⁴.

Турки, как и следовало ожидать, стали протестовать против включения Дро в состав советского правительства ССР Армении. Прибыв 4 декабря 1920 г. в Ере-

¹ См. док. № 964, 965.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. Раздел V (37) Комментария.

ван, Ревком Армении также не согласился с условием соглашения относительно включения в состав Военного революционного комитета представителей партии «Дашнакцутюн».

Добившись соглашения с «левыми» дашнаками об условиях передачи власти в Армении коммунистическому «правительству», Орджоникидзе, следуя пожеланиям турок и поддержанный членами марионеточного Ревкома, тут же, буквально через несколько дней, потребовал «отдать под суд» членов правительства Республики Армении, от которого коммунисты якобы мирным путем получили государственную власть, а генерала Дро, которому он гарантировал вхождение в Ревком и полную безопасность, отстранить от власти, заменив его Гаем¹.

Обосновывая это нарушение соглашения, Орджоникидзе в записке Касьяну в декабре 1920 г. писал: «Как ни полезно иметь Дро в своих рядах, но все-таки считаю политически недопустимым держать его во главе армии. Бряцать оружием против турок или демонстрировать против них присутствие Дро считаю политической близорукостью. Душа старого пр[авительства] становится душой нового. Турки и теперь говорят о том, что советская власть пока только на словах. Я думаю, в интересах не только советской власти, но и просто в интересах разрешения территориальных вопросов Дро держать на второстепенных ролях»².

Обратим внимание на откровенно циничное признание Орджоникидзе о том, что советизация Армении совершалась «просто в интересах разрешения территориальных вопросов»³. Само собой разумеется, в пользу турок, с помощью которых советская власть и была установлена там.

Сталинисту Серго и в голову не приходило, что, расправляясь с правительством, от которого большевики получили власть, и нарушая условия соглашения, они аннулируют само соглашение о «передаче» власти. Этот политический маневр, ставший затем обычным в советской практике, не может рассматриваться как добровольная передача власти и должен оцениваться как противозаконный захват, как завоевание и порабощение со всеми международно-правовыми последствиями.

23. Причины «недоверия» турок к армянским коммунистам

Орджоникидзе выполнил все турецкие требования — организовал политические репрессии против дашнаков, отстранил генерала Дро, заменил армянские вооруженные силы частями Красной армии, но турки, даже после образования стопроцентного коммунистического ревкома, продолжали выражать недоверие к армянским коммунистам, утверждая, что дашнаки примажутся к советской власти.

¹ Гай (Бжишкян) — деятель армянского национально-освободительного движения, видный советский военачальник.

² Док. № 1024.

³ Там же.

Турок особенно беспокоила перспектива изменения отношений правительства РСФСР к Армении, ставшей новой «братской» республикой. Именно этим объяснялось то обстоятельство, что армянским коммунистам, привезенным из Азербайджана в обозе 11-й Красной армии, турки стали выражать полное недоверие.

Стремясь обойти РСФСР и взять под свой контроль советизацию Армении, кемалисты выражали недоверие армянским коммунистам, поставленным у власти российскими большевиками.

Хотя насильственная советизация Армении отвечала целям азербайджанских и турецких экспансионистов и имела целью разрушить армянскую государственность и снять вопрос об ответственности Турции и турок за совершенное преступление, тем не менее вопрос о доверии турок к армянским коммунистам вышел на первый план. Турок не удовлетворяло даже то, что раболепствующие перед ними армянские коммунисты по приказу Москвы заявляли, что они, как и турки, отвергают Севрский мирный договор.

В телеграмме Орджоникидзе Чичерину 8 декабря 1920 г. вновь отмечалось, что «турки очень мало доверяют армянским коммунистам». Вначале они выражали недовольство участием в правительстве переходной фигуры генерала Дро, использованного организаторами переворота для обмана мирового общественного мнения, но сам Орджоникидзе отмечал, что «турки все равно будут говорить о недоверии, если даже мы снимем Дро»¹.

На самом деле кемалисты опасались не армянских коммунистов, которые покорно (не в пример азербайджанским) следовали указаниям Москвы, а именно самой Москвы и прежде всего Наркоминдела, который считал, что положение коренным образом изменилось.

Какое-то время после советизации Армении Чичерин продолжал придерживаться умеренной «проармянской» позиции, выступая за смягчение турецких условий с учетом «советизации».

В первые дни после советизации Армении Чичерин, будучи связан с условиями раздела, тем не менее пытался несколько смягчить условия армяно-турецкого территориального урегулирования, ссылаясь на советизацию Армении. Об этом свидетельствуют переданные через Ледрана его инструкции для Мдивани: «Советизация Армении заставляет [в] значительной мере изменить позицию. Укажите туркам, что угроза дашнакского империализма исчезла, устранены мотивы их наступления. Наоборот, желательно в их же интересах оказать поддержку Советской власти в Армении соблюдением умеренной и дружественной политической линии и по отношению к ней. Надо поэтому настаивать, чтобы турки не только не продвигались далее по территории Армении, но даже отодвинули войска до Арпачая, отделяющего Карсскую область от остальной Армении. Не возражаем против пребывания турок в Карсской области временно, впредь до разрешения территориальных вопросов с Арменией. Надо настаивать на смягчении условий мира, в частности, на отказе турок от контрибуции. Продолжаем настаивать на передаче турецко-армянского разграничения будущей смешанной комиссии с нашим участием»².

¹ Док. № 996.

² Док. № 982.

Чичерин даже связывал, как уже было отмечено, дальнейшее предоставление военной и финансовой помощи кемалистам с «исполнением турками вышеозначенных условий»¹.

Турки едва ли были озабочены тем, что армянские коммунисты по примеру азербайджанских национал-коммунистов и созданной кемалистами же турецкой компартии, также проявят стремление отстаивать национальные интересы. Зная, как армянские коммунисты слепо следуют указаниям московских большевиков, турки скорее опасались изменения политической линии самого правительства РСФСР. Поэтому они настаивали на передаче власти в советской части Армении «реввоенсовету», созданному турецким командованием.

Так, в ноте Народного комиссара ангорского правительства Турции Ахмеда Мухтара, направленной 21 декабря 1920 г. Чичерину, говорилось: «Мы не верим в искренность обращения армян к коммунизму, мы думаем, что это комедия, чтобы заручиться поддержкой России после того, как они лишились поддержки Англии. Расширение при таких условиях Армении с приближением ее к Англии, находящейся в Месопотамии, может дать правительству Москвы и Ангоры неприятные сюрпризы. С другой стороны, мы не можем допустить, чтобы обращение, хотя бы и искреннее, одного народа к коммунизму вознаграждалось дарованием этому народу турецких территорий...»

Под расширением «Армении с приближением ее к Англии, находящейся в Месопотамии» Ахмед Мухтар имел в виду идею Наркоминдела о выделении для западных армян — жертв массовых истреблений территории Вана, Муша и Битлиса. Кемалисты действительно были озабочены такой перспективой, понимая, конечно, что позиция Наркоминдела в отношении части территории турецкой Армении связана не только и не столько с желанием добиться справедливости для армянского народа, сколько с желанием создать противовес пантюркистской экспансии в будущем. Стремление кемалистов «отуречить» процесс советизации Армении — как альтернативы Александропольскому соглашению с Республикой Арменией — и их нежелание вывести свои войска из Александрополя даже после подписания Московского договора заставляло Наркоминдел возвращаться к судьбе территорий Западной Армении.

Поведение турок объяснялось именно опасением пересмотра советским правительством России протурецкой капитулянтской позиции Сталина в пользу Армянской ССР. Ссылаясь на свое недоверие к армянским коммунистам, правительство ВНСТ до самой Московской конференции настаивало на сохранении никем не ратифицированного Александропольского договора в качестве основы будущих отношений с Армянской ССР и в то же время указывало на свою особую роль в советизации Армении.

Объясняя причину этого «недоверия», Орджоникидзе с самого начала отметил, что «истинное намерение турок, по-моему, поделить с нами Армению»². Речь шла о дележе той небольшой части Армении, которая должна была отойти к РСФСР под видом советизации.

¹ Док. № 982.

² Док. № 996.

24. Ложный «принцип пролетарской солидарности» как фактор в отношениях РСФСР и советской Армении

Проявленная после советизации Армении объективность в виде добровольного отказа Азербайджанской ССР от спорных территорий затем была аннулирована сначала в отношении Нахичевана путем заключения договора РСФСР и Турции, а потом и в отношении Нагорного Карабаха решением неправомочного на то Кавказского бюро ЦК РКП(б).

Когда в результате победы кемалистской армии и угрозы возрождения пантюркистской экспансии обозначилось геополитическое значение предназначенной для советизации части Армении, естественно должен был возникнуть и вопрос об изменении, хотя бы частичном, отношения большевистского правительства России к Армении как разменной монеты для вознаграждения турецкого союзника. С установлением советского режима Армения из классового врага — «пособника» Антанты и белого движения превращалась в «братскую» советскую республику. Соответственно вопрос о «пролетарской солидарности» с Арменией переходил в практическую плоскость. «Если, например, Армения примет советизацию, на нас будет лежать ответственность и обязательство, которое мы должны будем исполнить», — писал Наркоминдел Г. Чичерин советскому представителю в Армении Б. Леграну 5 ноября 1920 г.¹

В это время советская дипломатия поощряла советизацию Армении надеждами на поддержку территориальных прав будущей советской республики. Когда же вопрос встал в практической плоскости, советская дипломатия оказалась на распутье.

РСФСР добивалась роли посредника не только как противовеса позиции США, выступавших в качестве арбитра в территориальном разграничении Армении и Турции, но и для отстаивания собственных политических интересов. Это ставило перед ней сложные задачи. «...Еще более трудная задача стоит перед нами в Армении после того, как под влиянием падения Карса она обратилась к нашему посредничеству, — писал Чичерин Леграну 5 ноября 1920 г. — В момент, когда я пишу это письмо, основные, связанные с этим вопросы еще не решены. Не решено, как далеко идти в наших требованиях, если мы возьмем на себя посредничество, и как далеко идти в ответственности, которую мы можем на себя взять. Тут примешиваются и общеполитические, и специальные военные соображения. Надо выяснить, насколько мы сильны, и надо выяснить, насколько наша общая политика и роль в ней турецких националистов может осложниться решительным выступлением против последних в случае принятия Арменией наших требований. Если, например, Армения примет советизацию, на нас будет лежать ответственность и обязательство, которое мы должны будем исполнить».

Реализация «обязательств» в отношении советизированной Армении противоречила курсу на всемерную поддержку турецких националистов, особенно в осложнившихся политических условиях. В практическом плане советская дипломатия стояла перед необходимостью выбора между защитой реальных интересов российского государства и идеологической установкой коммунистичес-

¹ Док. № 871.

кой партии на использование «потенциала Востока» для победы коммунизма «в мировом масштабе»: «Именно теперь, когда происходит, очевидно, глубокий поворот в политике Антанты относительно Турции, и в политике турецких националистов относительно Антанты, приходится особенно осторожно взвешивать каждый свой шаг в этом направлении. В данный момент, — признавался Чичерин, — нам еще не ясно, наступают ли турки на почве советской ориентации с целью приближения к нам, или же они наступают на почве перемены своей политики и закулисного соглашения с Антантой, для того, чтобы начать завоевательную политику на Кавказе по образцу 1918 г. в качестве компенсации за потери на Западе. Эта неясность заставляет нас быть сугубо осмотрительными. В то же время эта опасность заставляет нас быть серьезно считаться с возможной ролью Армении и Грузии, как партнера против возобновления наступательной политики турок»¹.

Турецкие националисты, пользовавшиеся поддержкой Сталина, выступили в качестве принципиальных противников учета фактора «пролетарской солидарности» в случае с Арменией. Сталин исходил из того, что для удержания турок от перехода во вражеский лагерь держав Антанты нужны подачки туркам в виде новых территориальных уступок за счет Армении.

В результате победы установки Сталина и его группы на продолжение поддержки турецких националистов установление в Армении советской власти никаких положительных изменений в политике советского правительства России не повлекло. Советская Россия не только не поддержала Армянскую ССР, но и пошла на прямое предательство законных прав и жизненных интересов армянского народа. Беспомощность советизированной Армении стали использовать для новых территориальных подачек туркам в интересах, чуждых и России, и Армении.

25. Почему вопрос об ответственности за геноцид армян был исключен из советско-турецких договоренностей

Международное сообщество связывало необходимость освобождения Армении от турецкой государственной власти с совершенным ею преступлением — с геноцидом армянского населения страны. Весь цивилизованный мир, требуя наказания организаторов и исполнителей геноцида армян, исходил из того, что это преступление лишило Турцию права на Западную Армению, которая должна была быть воссоединена с Армянской республикой, созданной в довоенных границах Российской империи.

Советское правительство, распорядившись этой, не принадлежавшей ему территорией, неизбежно должно было выразить свое отношение к преступлению геноцида армян. Этого требовала не только традиционная позиция России, но и позиция, выраженная самим правительством РСФСР в Декрете о независимости турецкой Армении, и ранее принятые им же обязательства по этому вопросу.

Однако, выбрав своим стратегическим союзником правительство турецких националистов, основной целью которых было довершение геноцида армян и

¹ Док. № 871. Выделено нами. — Ю.Б.

закрепление «плодов» этого преступления — удержание территории народа, ставшего его жертвой, большевистское правительство РСФСР сняло вопрос об ответственности турок и Турции в своих отношениях с ними.

Большевиком, с их иезуитским принципом «цель оправдывает средства», никогда не волновали судьбы народа — ни русского, ни тем более армянского. Большевистские правители России знали о геноцидном прошлом своих кемалистских союзников. советское правительство было осведомлено о том, что кемалисты довершают истребление армянского населения. Новый союзник турок — советская Россия (так же как и старый — Германия) имела полный доступ во внутренние области страны и получала соответствующую информацию от своих представителей. Один из ответственных советских работников того времени — Е.Ф. Лудшувейт лично говорил автору этих строк, что он сообщал в Москву о резне армян в Киликии. Возможность продолжения кемалистскими союзниками геноцида армян беспокоила только Наркоминдел и только в плане международной реакции. Сталина и поддерживавших его «бакинских товарищей» в лице земляков Сосо и азербайджанских национал-коммунистов это и все не тревожило.

Более того, они, как было уже отмечено, стремились использовать турецкую экспансию и возможность перенесения политики геноцида армян и в небольшую часть Северной Армении, предназначенную для советизации. Договариваясь с турками о разделе Армении и даже поощряя их вторжение за пределы «условленной линии» в расчете на турецкую помощь в советизации Армении, Сталин и другие большевистские правители России не задумывались о неизбежности резни армян и на этой территории. Напротив, они рассчитывали, что это даст им возможность реализовать свои планы советизации, выступив в роли «спасителей».

Иллюстрацией того, как реагировало большевистское правительство на резню армян в оккупированной турками части Армении за линией раздела, может служить показательный в этом отношении документ из Сборника — телеграмма Народного комиссара иностранных дел Г. Чичерина, посланная Орджоникидзе 2 февраля 1921 г. «Нас крайне волнуют известия из Армении о продолжающихся эксцессах турок и катастрофическом положении страны, — говорилось в этом документе. — Сообщите немедленно, говорили ли Вы об этом Турецкой миссии и имели ли об этом известия от Мдивани. Говорил ли последний с Ангорским правительством о необходимости радикально изменить тактику турок относительно Советской Армении, не губить последнюю и не наносить этим тяжелого удара делу советского строя. Относимся к этому в высшей степени серьезно, ибо гибельная политика турок [в] Советской Армении есть яркий международный акт контрреволюционного антисоветского характера»¹.

Нетрудно заметить, что в телеграмме нет международно-правовой оценки действий турецкого союзника, высказывается только опасение за репутацию «советского строя». Судя по всему, эту озабоченность Наркома не разделяли ни Ленин, ни Сталин. Советское правительство и пальцем не шевельнуло, чтобы остановить палачей целого народа: не было ни одного протеста или хотя бы официального представления. Ни одного слова осуждения не произнес и «самый гу-

¹ Док. № 1059.

манный человек» — Ленин.

Когда в конце декабря 1920 г. делегация армянских коммунистов посетила Москву, чтобы выяснить, «в каком состоянии находятся турецкие переговоры», и довести до советского руководства «ужасное положение армянского народа», Ленин ответил им, что «Россия в настоящий момент не хочет и не может воевать, особенно из-за Карса». Он сказал: «Мы временно вынуждены пожертвовать интересами армянских трудящихся ради интересов мировой революции... Но запомните, товарищи, мы не собираемся воевать из-за Армении с кем бы то ни было, особенно с Кемалем»¹.

В действительности же Россия была способна настоять хотя бы на частичной реализации ответственности турок и Турции за геноцид армян. Для этого ей надо было только отказаться от сумасбродных планов «разжигания пожара мировой революции». На это большевистские фанатики не пошли.

Настояв на передаче Турции территории жертвы ее преступления, Сталин, взявший в свои руки руководство переговорами на Московской конференции, по существу, одобрил это преступление от имени советского правительства.

Более того, Сталин не только прямо и однозначно одобрил преступления, уже совершенные турками в прошлом, но и санкционировал те, которые они собирались осуществить в будущем. Об этом сообщают сами турки, участвовавшие в переговорах. В воспоминаниях члена делегации правительства ВНСТ, первого посла кемалистской Турции в Москве генерала Али Фуад Джебесоя в специальном разделе «Сталин и армянский вопрос» излагается беседа турецкой делегации со Сталиным в ночь на 23 февраля 1921 г. На вопрос, будет ли армянская проблема обсуждаться на советско-турецкой конференции, Сталин ответил: «Вы все сами полностью решили проблему Армении. Если все еще остается какая-то проблема, действуйте и решайте ее, но абсолютно необходимо, чтобы вы информировали нас, когда это произойдет». Турки, конечно, оценили это, по их словам, как «однозначное удовлетворение, которое Сталин вселил в нас»².

Этот факт подтверждается и турецким историком Тевфиком Быйыккльюглу, который ссылается на руководителя турецкой делегации на Московской конференции Юсуфа Кемалья, заявившего: «22 февраля 1921 г., во время нашей первой встречи со Сталиным, он нам предложил оружие, деньги и помощь живой силой... “Армянский же вопрос вы уже сами разрешили”, — сказал он»³.

Обращаясь к кемалистам с провокационным призывом довести до конца «решение» Армянского вопроса, Сталин, как и все советское руководство, был, конечно, осведомлен, что именно это входило в намерение турок. Так, в корреспонденции из Стамбула газета «Гардиан» в эти самые дни сообщала, что армян, оставшихся после резни и депортаций в Анатолии, находящейся под контролем кемалистов, собирались уничтожить. По сообщению побывавшего там иностранца, кемалисты «рассматривают находящихся там армян как угрозу, но они не позволяют армянам эмигрировать, ибо если они уйдут в Армению, они усилят армянскую армию, если они уйдут в Европу или Америку, они будут вести толь-

¹ Док. № 1023.

² Док. № 1110.

³ Быйыккльюглу Т. Ататюрк в Анатолии. 1919—1921. (на тур. яз.). Стамбул, 1959. С. 21.

ко антитурецкую пропаганду. Отсюда намерение кемалистов удержать находящихся в их власти армян и уничтожить их»¹.

Вступив в союз с кемалистами, тесно сотрудничая с ними, оказывая им политическую, военную и иную помощь, разрушая послевоенное мирное урегулирование, помогая организаторам геноцида армян избежать ответственности за совершенное преступление и призывая их к продолжению геноцида армян, большевистские руководители России не только солидаризировались с этим тяжким преступлением против человечности, но и сами стали его пособниками и соучастниками. Последние акты массового физического уничтожения армян в Киликии и Смирне в 1921—1922 гг. были совершены кемалистской армией, вооруженной советским оружием и имевшей советских военных советников.

Таким образом, становится понятно, почему в Московском договоре о дружбе и братстве советской России и кемалистской Турции не нашлось места ни для одного из постановлений Севрского договора, в которых воплощался бы принцип ответственности турок и Турции за геноцид армян. Московский договор, по существу, одобрил это тяжкое преступление по международному праву.

Так была заложена преступная сталинская практика геноцидных деяний, включавшая массовые убийства отдельных групп населения и депортации целых народов СССР.

26. Когда и как был «решен» вопрос о «турецкой» Армении

По международно-правовому статусу территорий, затронутых проблемой армяно-турецкого разграничения при послевоенном устройстве мира, Парижская мирная конференция различала территорию турецкой (Западной) Армении, т.е. армянские вилайеты Оттоманской империи, и территорию российской (Восточной) Армении по довоенной границе 1914 г. Российская часть Армении состояла из территорий Восточной Армении, которые в разное время перешли от Персидской империи (Ирана) под власть Российской империи, а также из армянских территорий Карсской области, перешедших под территориальное верховенство Российской империи по Берлинскому трактату 1878 г.

В 1876—1914 гг., когда геноциду подвергалась лишь часть армянского населения турецкой Армении, международно-правовое сообщество в лице «концерта» великих держав пыталось пресечь резню армян осуществлением международной коллективной интервенции и введением в семи вилайетах Оттоманской империи реформ управления под международным контролем, сохраняя при этом территориальную целостность империи².

После того, как правительство Оттоманской империи, воспользовавшись обстановкой Первой мировой войны, приступило к полному (повсеместному и поголовному) геноциду армян, международное сообщество в согласии с общественным мнением всех стран мира поставило одной из целей войны привлечение к ответственности турок (как физических лиц) и Турции (как государства).

¹ The Literary Digest, March 19, 1921. P. 23.

² Об этом см. документы и Комментарий к Разделу II (10).

Исходя из этого, государства, представленные на Парижской мирной конференции, постановили лишить турецкое государство права осуществлять территориальное верховенство в отношении части территории исторической Армении, определенной арбитражным решением Президента США¹.

Часть территории Российской империи — Карсская область, армянское население которой в ходе турецкого нашествия 1918 г. также подверглось геноциду, продолжала рассматриваться Союзными державами победившей в Первой мировой войне коалиции как территория России, перешедшая на основании правопреемства к возникшему в 1918 г. армянскому государству. Владение этой территорией де-юре Россией и ее правопреемницей Арменией не нуждалось в дополнительном международно-правовом основании в виде решения об изъятии этой территории из-под верховенства Турецкой империи. Для этого достаточно было признание ничтожными договоров, навязанных России и Армении Германией и ее союзницей — Оттоманской империей в 1918 г. При международном признании Армении речь шла о воссоединении Армении, т.е. ее русской и турецкой частей в границах единого армянского государства.

Россия, после того как власть в стране была захвачена большевиками, стала придерживаться иного подхода к армяно-турецкому разграничению, определявшегося политикой социал-империализма и тотальной войны против всего «буржуазного» мира.

В первый, «романтический», период советской власти в России политика правительства в Армянском вопросе в значительной мере формировалась под воздействием провозглашавшихся до переворота широкообщественных заявлений Ленина о «самоопределении *всей* Армении» и с учетом гуманистических традиций России в Армянском вопросе, а также политики Временного правительства и мирового общественного мнения. «Продуктом» этого периода развития армянской политики России был Декрет СНК «О независимости Турецкой Армении». По признанию Сталина, советское правительство, принимая этот декрет, рассчитывало на сопротивление армян турецкому нашествию.

Большевистское правительство России, стремясь удержать власть, пошло на заключение Брест-Литовского договора, уступив Германии и ее союзникам обширные пространства бывшей Российской империи — русские, украинские, прибалтийские, армянские земли. Турецкий союзник Германии — Оттоманская империя не только вернула потерянные в результате ее агрессивной войны территории турецкой Армении, но и захватила Карсскую область, хотя и под условием проведения там референдума населения.

Потерпев поражение в Первой мировой войне, Оттоманская империя вынуждена была признать юридически ничтожными Брестский договор и навязанный ею Армении Батумский договор.

Вопрос о судьбе территории турецкой Армении был решен Союзными державами победившей коалиции на Парижской мирной конференции как часть вопроса об ответственности турецкого государства за совершенное им преступление против человечности — убийство целого народа.

С этого времени отношение советского правительства к Армянскому вопросу в целом стало формироваться главным образом на основе его враждебного

¹ См. документы и Комментарий к Разделу III (17).

отношения к бывшим союзникам России в Первой мировой войне — державам Антанты. Избрав в качестве новых «союзников» в этой борьбе против западного мира турецких националистов, имевших основной целью довершение геноцида армян и удержание последствий этого преступления, большевистское правительство России пошло на то, чтобы вознаградить «союзника» за счет армянских территорий.

Определяя свое отношение к проблеме статуса турецкой Армении, Наркоминдел должен был в какой-то мере считаться не только с международными обязательствами самого советского правительства, но и с международной реакцией. Однако основным фактором, определявшим курс советской внешней политики, были интересы советского правительства РСФСР и правившей коммунистической партии. В этом плане вопрос о преданности турецких националистов делу «мировой революции» всегда был предметом сомнений и обеспокоенности советского руководства.

Определяя армянскую политику Наркоминдела, Чичерин учитывал также международно-правовую и морально-политическую уязвимость навязывавшейся Сталиным линии поддержки турок и азербайджанцев против армян. Учитывая признанные международным сообществом права армян — жертв турецкого преступления, Чичерин стремился защитить РСФСР от угрозы пантюркизма, которая стала особенно наглядной после вторжения турецких националистов в Армению, заключения Александропольского договора и последовавшего отстранения от власти правительства Республики Армении. Этим объясняется его более умеренная и взвешенная позиция по территориальным вопросам в переговорах с делегацией ВНСТ, возглавлявшейся Бекиром Сами.

Как уже отмечалось, в ходе переговоров с Бекиром Сами Народный комиссар иностранных дел РСФСР Чичерин выдвинул в качестве принципа территориального урегулирования предложение, чтобы части турецкой Армении, в которых армянское население составляло большинство до начала повсеместного истребления армян, отошли бы Республике Армении.

В депеше С. Кирову от 4 сентября 1920 г., сообщая о переговорах с делегацией Бекира Сами, Чичерин писал: «Между тем мы считаем необходимым образование в соответствующих численности армян размерах самоопределяющейся Турецкой Армении, которая имела бы право присоединиться к Русской Армении. Резкая борьба Бекира против принципов самоопределения в данном случае подвергает опасности отношения Турции и России, ибо мы не можем поддерживать власть Турции над угнетенными национальностями»¹.

В отношении осведомленности Сталина, негласного руководителя всей восточной политики РСФСР, о позиции Наркоминдела по армяно-турецкому территориальному урегулированию особый интерес представляет адресованное ему письмо Чичерина от 9 ноября 1920 г.²

Указав, что постановка «интересующих нас» вопросов была основана на решениях ЦК, Чичерин излагает подходы к решению территориальных вопросов разграничения Армении, в том числе и с Турцией. Чичерин вновь подтверждает, что будущая принадлежность занятых турками областей должна быть решена по-

зднее смешанной комиссией с участием РСФСР. Эта комиссия «вообще должна произвести разграничение между армянами и турками, равным образом, и в турецкой Армении».

Отметив, что вопрос о турецкой Армении «чрезвычайно сложен и требует очень внимательного изучения», Чичерин подробно останавливается на его решении. Он напоминает Сталину об официальной позиции, которую занимали Наркоминдел и, следовательно, правительство РСФСР: «...мы все время настаиваем принципиально на том, чтобы часть Турецкой Армении, соответствующая по своим размерам количеству турецких армян, выселенных оттуда и имеющих [намерение] вернуться на свои пепелища, была бы объявлена независимой Турецкой Арменией. Желательно было бы, чтобы она составляла продолжение бывшей Русской Армении, но затруднение заключается в том, что между Турецкой Арменией, лежащей близ озера Ван, и Русской Арменией находится Баязетская область, сплошь населенная мусульманами... Таким образом, близ озера Ван получилось бы маленькое государство с несколькимистами тысяч населения, которое по своей незначительности и слабости было бы бессильно защищаться против воинственных курдов и других мусульманских соседей.

Кто будет защищать эту несчастную маленькую Армянскую энклаву, вопрос неразрешимый. На эту неразрешимую трудность указывает мне всякий раз Бекир Сами, когда я обращаюсь к нему с требованием создания независимой Турецкой Армении. Вопрос о создании последней, таким образом, сложен и требует внимательного изучения реальных условий и элементов его разрешения. Это будет делом будущей смешанной комиссии, которая будет рассматривать как турецкие, так и армянские материалы по этому вопросу»¹.

Позиция Наркоминдела в отношении «турецкой Армении» была изложена также в телеграмме Чичерина Сталину от 11 ноября и в его письме в Политбюро от 30 ноября 1920 г. В связи с выработкой предложений для турок Чичерин в этом письме предлагал гарантировать в договоре с турками независимость Армении в границах, включающих и «необходимую часть Турецкой Армении»².

Сообщая Элиаве о проекте русско-турецкого договора, выработанного в переговорах с делегацией Бекира Сами, Чичерин отмечал: «...расхождение по двум пунктам: мы не принимаем определения турецких границ по Национальному пакту, который почти воспроизводит Брест-Литовские границы, и мы требуем принципиального признания независимости хотя бы некоторой части Турецкой Армении, достаточной для проживания армянского населения, происходящего из Турецкой Армении»³.

В письме в ЦК РКП(б) 6 декабря 1920 г. Чичерин писал, что границы между Арменией и Турцией должны быть определены смешанной комиссией при участии РСФСР «с принятием во внимание этнографических потребностей как армянского, так и мусульманского населения»⁴.

Хотя Нарком, ставя вопрос о передаче Армении части турецкой Армении, имел в виду международную реакцию, основным его мотивом было желание

¹ Док. № 814.

² См. док. № 892.

¹ Док. № 892. Выделено нами. — Ю. Б.

² Док. № 951.

³ Док. № 985. Выделено нами. — Ю. Б.

⁴ Док. № 986.

обезопасить советскую Россию от угрозы возобновления политики пантюркизма, осуществляемой при содействии держав Антанты.

Если Чичерин по мере роста агрессивности кемалистских союзников все больше утверждался во мнении, что турецкая экспансия в Армении сопряжена с пантюркистской угрозой для РСФСР, то сами кемалисты в переговорах с РСФСР ужесточали свои позиции, добиваясь все больших территориальных уступок в Армении. В период первой Московской конференции Бекир в вопросе о турецкой Армении занимал умеренно-оборонительную позицию, а после успехов, одержанных благодаря РСФСР в войне с Арменией, претензии турок еще больше возросли. Заявляя претензии на всю российскую часть Армении, они, естественно, ужесточили свои позиции и в вопросе о судьбе турецкой Армении.

Немаловажную роль в ужесточении турецкой позиции по турецкой Армении играла подстрекательская роль группы Сталина. 18 октября, в разгар войны, явно с целью подорвать миротворческие и посреднические усилия Наркоминдела, первый секретарь представительства РСФСР в Ангоре Н. Упмала присылает «донесение» о реакции кемалистов на предложения Чичерина относительно Вана, Битлиса и Муша: «Доношу: при возвращении [из] Москвы Юсуфа Кемалья [и] обсуждении договора [на] закрытом заседании Нацсобрания при оглашении нашего требования передать Ван, Битлис, Муш армянам поднялась буря протеста».

Опираясь на лживыми турецкими данными о том, что «эти области действительно мусульманские», Упмала откровенно солидаризируется с турками и выступает против линии Чичерина. В своих телеграммах он запугивает советское руководство, утверждая, что «если Ангора на это согласится, то престиж правительства Кемаль-паши будет подорван», что он «слетит», а с новой властью «мы можем нажать себе нового врага и восстановить против себя весь мусульманский Восток». Упмала заверяет, что кемалисты готовы принять любые советские условия, кроме территориальных, подкрепляя свои оценки словами Кемалья: «все, что угодно, только не покушение на нашу территорию»¹.

25 октября в беседе с Упмала Народный комиссар иностранных дел правительства ВНСТ Юсуф Кемаль поднял вопрос о Ване, Муше и Битлисе. По словам кемалистского комиссара, на первой Московской конференции туркам «неожиданно поставили условием для заключения договора территориальную уступку некоторых областей армянам». Он утверждал, что «полнейшее доверие и взаимная искренность» были «затуманены» этим «предложением территориальных уступок».

Заявив, что «турки являются творцами Эриванской республики, существование которой они признали из гуманитарных целей, чтобы дать убежище армянскому народу», Юсуф Кемаль изложил позицию своего правительства в отношении этих территорий. Он сказал, что «Ван, Муш и Битлис заселены преимущественно турками» и что «если из этих губерний будет образована Турецкая Армения, Баязетский уезд, населенный исключительно мусульманами, образует что-то вроде мусульманского коридора среди двух Армений, который [должен] будет рано или поздно исчезнуть ввиду стремления двух Армений

¹ Док. № 847.

слиться между собой». По словам турецкого комиссара, Мустафа Кемаль не мог признать независимость турецкой Армении, а если бы он и признал это, то «не смог бы выполнить, так как он является только выразителем общественного мнения страны, которая ни в каком случае не согласится на это».

Если эта «ошибка» не будет устранена «как можно скорее», заявил он, то это «разобьет веру турецкого народа в искренность советского правительства и в верность его возглашенным принципам. Союз Турции с Россией необходим для обоих государств, которые только вместе могут добиться общих им целей». Турецкий народ, «отбивавшийся в течение 6 веков от империализма Европы» и «пользующийся большим авторитетом в мире ислама», является для России «желательным и сильным союзником», но «турки не хотят дружбы, основанной на территориальных уступках»: «Для России имеется два пути: или отказаться от мысли об образовании (в местности, населенной мусульманами) Турецкой Армении, или отказаться от союза с Турцией. Нынешнее правительство никогда не согласится на эти условия и будет само продолжать борьбу до победы или смерти».

Если правительство Кемалья пойдет на компромисс, оно падет, и это будет означать «подпадение всей Турции под власть падишаха и английского влияния. В этом случае к фронтам Польши и Врангеля прибавится новый английский фронт юга. Турки надеются, что важность вопроса будет оценена в Москве, и советское правительство откажется от ошибочных притязаний»¹.

Во втором варианте отчета Упмала от 25 октября 1920 г. постановка вопроса о Ване, Муше и Битлисе на первой Московской конференции изложена в следующем виде: «После переговоров в Москве со всеми членами Совправительства был составлен “братский договор”. Этим договором турки чрезвычайно довольны. В разговоре с ним Чичерин открыто заявил ему, что для реализации договора турки должны, как неперемное условие, отдать Муш, Ван и Битлис армянам. Ю[суф] К[емаль] указал на то, что большинство составляют турки, и тов. Чичерин как будто заявил: “Уберите оттуда турецкое население, и мы поместим туда армян”. Турки предполагают влияние Карахана, Аванесова. Турделегаты отказались подписать договор и послали Ю[суфа] К[емалья] в Ангору, где Мус[тафа] Кемаль огласил ход переговоров в Парламенте, что произвело тяжелое впечатление. Турки понимают это как начало новой империалистической политики советской России. В Парламенте раздавались крики: “Такой помощи нам не надо”. Мус[тафа] Кемаль, опасаясь, что постановка вопроса на голосование вызовет немедленный разрыв, закрыл заседание и взялся уладить дело»².

В этом варианте документа аргументы Юсуфа Кемалья изложены как позиция самого Мустафы Кемалья, который «взялся уладить дело», будучи уверен, что «только объединением двух крупнейших элементов в Азии — России и Турции, подкрепленной привязанностью к ней всех турок, живущих в Азии, может быть достигнута цель: уничтожение европейского империализма. Он первый предложил и умолял заключить союз и считает непонятным и нелогичным³, как, наряду с вопросом мировой важности, т.е. объединения двух сильнейших революци-

¹ Док. № 855.

² Док. № 856.

³ Там же. Подчеркнуто в тексте. — Ю.Б.

онных сил и несомненной победы их над империализмом, советское правительство не может играть с судьбой революции, пытаясь заставить Нар[одное] правительство отдать армянам несомненно турецкую территорию. Чтобы спасти революцию, он согласился бы на это, но это технически невозможно. Если Рус[ское] прав[ительство] хочет сбросить его и Нар[одное] прав[ительство] и если он будет убежден, что есть сила, которая заменит его — он готов уйти. Но ясно, что промежуточной силы нет, или Народное правительство, или Падишахское правительство. Сам он — убежденный коммунист и считает, что единственное спасение Турции и Востока лежит в перестройке на коммунистических началах. У него нет капитала, нет собственного дома, ему хочется устроить для каждого сносную жизнь. Не имея сам ничего, он сможет сделать это, только отняв у богатей их имущество. Он хотел бы сделать революцию снизу, но считает это невозможным, придется вести народ по пути к коммунизму. Есть много фанатиков в Турции и России, но они не страшны, если союз заключен и Нар[одное] правительство считается сильным. Если, несмотря на все его усилия, союз рухнет, он будет принужден вести самостоятельную политику, не выгодную, м[ожет] б[ыть], для русской революции. Находящиеся в России Халиль, Джемаль, Энвер все просят кренции из Турции для успешной работы на Востоке, но пока он не ответил им и пошлет только по подписании договора.

Союз необходим обеим странам ввиду единства идей и целей. Поодиночке они будут раздавлены. М[устафа] К[емаль] просит верить в его искренность и в невозможность подписать договор. Наша обязанность сделать все, чтобы отозвать невозможное предложение и спасти судьбу революции на Востоке.

Лично для него и для настоящего правительства подписать такой договор — значит исчезнуть, уничтожить самих себя, что в отсутствие другой реальной силы в конечном результате отдаст Турцию англичанам и делает ее враждебной Рев[олюционной] России. Трудно понять, как Сов[етское] правительство может ставить наряду с вопросом об объединении революционных России и Турции, вопросом жизненным для мировой революции, — мелочный, третьестепенный вопрос о Тур[ецкой] Армении. Пусть только отзовут это предложение, и он согласится на все другие условия. Он сможет заставить Турцию даже войти в конфедерацию с советской Россией¹.

После того как 21 ноября 1920 г. по настоянию Сталина первым полномочным представителем РСФСР при правительстве ВНСТ был назначен Мдивани, вопросы территориального разграничения стали напрямую решаться между Сталиным и турками через верного посредника.

Вопрос о территориях турецкой Армении, утраченных по Севрскому договору, был поднят уже в Карсе, по пути Мдивани к месту назначения, в ходе встречи с командующим турецкими войсками в войне против Армении генералом Карабекиром. Вот как описывал это событие турецкий официальный историк С. Сониель:

«Мдивани заявил Карабекиру в Карсе, что Ленин и Сталин готовы подписать политический и военный договор с националистской Турцией и хотят услышать условия националистов. На вопрос о требовании России относительно уступки турецкой территории армянам Мдивани заметил, что все это дело было неправильно понято. Позже он заверил Карабекира и членов делегации националис-

¹ Док. № 856. Выделено нами. — Ю.Б.

тов, которые направлялись в Москву, что настроение в советской столице полностью изменилось и что в этот раз турецко-российскими отношениями будут заниматься не только Комиссариат иностранных дел, но также и товарищ Сталин»¹.

Назначенный послом в Москву и руководителем делегации правительства ВНСТ Али Фуад Джебесой сообщает, что при встречах в Карсе с командующим Восточным фронтом Карабекиром, а потом с ним — Али Фуадом и д-ром Риза Нури Бейлери, «[т]оварищ Мдивани дал нам понять, что в Москве существует новая атмосфера, совершенно отличная от той, с которой первоначально столкнулась там наша делегация. Сейчас стало ясно, что решение проблем не будет оставлено только на усмотрение Комиссара иностранных дел [Чичерина], но что товарищ Сталин, Комиссар по делам национальностей, вмешается в дела, касающиеся дружественных связей с Турцией, поскольку отныне значительно большее значение придается интересам новой Турции»².

Сомневаясь, что Мдивани, действуя в качестве представителя Наркоминдела, мог бы столь явно дезавуировать самого Наркома, турки потребовали, чтобы он оформил это свое заявление в письменной форме. В письме Мдивани на имя Али Фуада, датированном 14 января 1921 г., говорилось: «Я считаю необходимым сообщить Вам о том, что для того, чтобы подтвердить и вновь подчеркнуть суть моих бесед с Вами и Вашими уважаемыми коллегами, которые должны будут участвовать в работе Московской конференции, относительно передачи Вана и Муша Армении, я направил Орджоникидзе телеграфом текст с изложением моей точки зрения. Он является представителем советского правительства на Кавказе и только что вернулся из Москвы. Товарищ Орджоникидзе объяснил мне, что в Москве он обсудил с товарищем Чичериным все вопросы, в том числе вопросы, поднятые заместителем турецкого Министра иностранных дел Ахмед Мухтаром в его последней дипломатической ноте...

Чичерин заявил Орджоникидзе, что его прежние беседы с Бекир Сами относились к более раннему периоду и что эти беседы носили неофициальный характер. На самом деле, заявил он, они ставили целью успокоить европейский пролетариат, который они рассматривают как своих естественных союзников... Более того, товарищ Орджоникидзе дал мне [Мдивани] понять, что советское правительство полностью придерживается той точки зрения, которую я изложил вам касательно русско-турецких отношений. Он также сказал мне, что сам товарищ Сталин будет активно участвовать в предстоящих заседаниях Московской конференции».

В дополнение к этой части письма, которое сам Мдивани, судя по всему, рассматривал как официальное заявление, он «в качестве личного момента» добавил: «ни в инструкциях, полученных мною при отъезде в Турцию, ни в беседах, которые я имел с товарищем Сталиным, ни слова не было сказано об передаче Армении какой-либо части турецкой территории».

В заключение Мдивани выразил надежду, что данное им «разъяснение, которое является официальным, но также весьма секретным», рассеет все подозрения турок «относительно действительных намерений советского правительства»³.

¹ *Sonyel S.R. Turkish diplomacy 1918—1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. Volume 3. SAGE Publications London. 1975.*

² Док. № 1051. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

Этот факт подтвердил и Наркоминдел правительства ВНСТ Ахмед Мухтар в ноте 27 декабря 1920 г. Он заявил, что в ходе переговоров с командующим Восточной армией турок Кязимом Карабекиром Мдивани заявил, что «не может быть и речи о подобной уступке»¹.

Представление о том, как объясняли поведение Мдивани он сам и его покровители — Орджоникидзе и Сталин, можно получить из подписанного грузинскими буквами письма, направленного Мдивани Орджоникидзе 20 января 1921 г. Оправдываясь от выдвинутого Чичериным обвинения в «уступчивости» туркам, Мдивани писал, что, не имея полномочий «ни уступить, ни не уступить», он якобы только сообщал о «нерасчетливом шаге» — требовании Вана и Муша. В свое оправдание Мдивани утверждал, что «[т]урки ... не будут уходить из Александрополя, чтобы иметь предмет торговли на конференции в ответ на Ван и Муш, и кто разумно хочет ухода турок из Алек[сандроп]оля, тот [нрзб] не должен был заикаться о Ване и Муше. Верно, мы должны заботиться о Советской Армении, но для меня верно, что за турками приходится ухаживать, и в данный момент эта сторона дела важнее.

Ужаснее всего то, что в Москве одни говорят одно, другие — другое. Можешь себе представить, что за сумбур получился — Коба² и Ильич говорят мне в официальной телеграмме, что с турками нельзя ссориться из-за Карса, а Чичерин, оказывается, потребовал Ван и Муш, и я об этом узнаю только из ответной ноты Ахмеда Мухтара. С такой политикой мы далеко не пойдём.

Прав Чичерин, что нужно быть твердым, но, думается мне, что твердость надо проявлять только по тем вопросам, которые безоговорочно следует разрешить в желательном для нас духе, а не по вопросам, которых не следует даже подымать, вопрос о Ване и Муше при теперешнем положении именно таков»³.

Явно по подсказке Мдивани первый секретарь представительства РСФСР при правительстве ВНСТ Упмала в своем докладе 16 декабря 1920 г. критиковал «прямолинейную тактику» наркома Чичерина в связи с его «неуступчивостью об оставлении Турцией районов Вана, Битлиса и Муша»⁴. Упмала разыгрывает сценарий переориентировки Кемалья на Антанту. По его словам, в результате требования Чичерина «союз с СовРоссией так и повиснет в воздухе, а Анатолия, предоставленна[я] сама себе, рискует потерпеть поражение».

Поощряемые «бакинской группой» Сталина, турецкие националисты заняли непримиримую позицию в отношении линии Наркоминдела. В ноте, адресованной Чичерину 27 декабря 1920 г., «народный комиссар» ВНСТ Ахмед Мухтар с запозданием в несколько месяцев выразил «недоумение» турецких руководителей по поводу поставленного Наркоминделом Чичериным в переговорах с Бекиром Сами летом 1920 г. вопроса о территории Вана, Муша и Битлиса.

Утверждая, что заявление Мдивани об отказе советских руководителей от территории турецкой Армении «послужило основанием для всей нашей [кемалистов] политической ориентации», Ахмед Мухтар «ввиду серьезности момента» выражает «настоятельную просьбу» своего правительства «устранить в возможно

¹ Док. № 1031.

² Псевдоним, которым пользовался Джугашвили до того, как он стал Сталиным. Коба — имя абрека, героя повести И. Чавчавадзе, который героически расправлялся с русскими.

³ Док. № 1050.

⁴ Док. № 1015.

краткий срок это явное противоречие между заявлениями двух ответственных представителей советского правительства»¹. Речь шла, конечно, о позициях Чичерина и Сталина.

Раскрывая смысл своего шантажа, новый кемалистский «Наркоминдел» заявляет, что «если этот вопрос не будет возможно скорее разъяснен, то ясно, что все наши проекты о совместной работе оказались бесцельными. Сама бакинская конференция делалась бы бесполезной»²: кемалистское правительство падет, а Турция перейдет в лагерь Антанты.

Надуманнные аргументы о «катастрофических последствиях» позиции Чичерина для освобождения «всех народов Востока, угнетенных и эксплуатируемых западным империализмом», были предназначены для поддержки позиции самого Сталина. Именно поэтому представитель РСФСР в Ангоре Мдивани направил текст этой турецкой ноты не только адресату — Чичерину, но также Сталину, Орджоникидзе и Элиаве³.

В связи с тем, что группа Сталина, в частности Орджоникидзе, Мдивани и другие, постоянно и целенаправленно искажала позицию Наркоминдела в решении вопроса о судьбе Западной (турецкой) Армении и подвергнувшегося резне и изгнанию ее армянского населения, Чичерин неоднократно был вынужден вносить ясность в свое видение Армянского вопроса, указывая на необходимость возвращения армянских беженцев в Западную Армению, выделения им в Ване, Муше и Битлисе сплошной территории и соединения ее с Республикой Арменией.

Сообщив в письме члену Кавказского бюро ЦК РКП(б) Орджоникидзе 19 января 1921 г., что ему стало известно о том, что «туркам передана неправильная информация» о постановке им «вопроса о Турецкой Армении», Чичерин изложил суть своей позиции: «*Выселенные из Турецкой Армении армянские беженцы подлежат репатриации, и с их возвращением туда целесообразно путем взаимного переселения отвести им сплошную территорию.* Пока образовавшаяся таким путем сплошная территория не соединится политически с Арменией, армяно-турецкая распря не разрешится, и так ради этого целесообразно изменение границы с взаимными уступками»⁴.

Чичерин отметил, что все турки, с которыми ему приходилось говорить на эту тему, в том числе и делегация Бекир Сами, «относились очень сочувственно к мысли о взаимном переселении с целью создания сплошных национальных территорий». Чичерин мотивировал такую «ректификацию» границы тем, что это в интересах турок, «ибо рассеянные широко национальные меньшинства их разлагают». По словам Наркома, «это одобряли весной и летом [1920 г.] все турки, и даже Бекир Сами принимал формулу исправления границы». Чичерин, однако, не пояснил, почему «теперь турки подняли нос и пользуются этим, чтобы настраивать массы против нас», хотя подоплека такого поведения была очевидна: политика попустительства турецкой экспансии, проводившаяся Сталиным, Орджоникидзе, Мдивани и другими.

¹ Док. № 1030, 1031.

² Турки долгое время настаивали, чтобы переговоры велись и договор между правительствами РСФСР и ВНСТ был заключен не в Москве, а в Баку.

³ Док. № 1030 и 1031.

⁴ Док. № 1049. Выделено нами. — Ю. Б.

Чичерин объяснил, почему не был подписан договор по результатам переговоров с делегацией Бекира Сами на первой Московской конференции: «...без разрешения вопроса о территории мы не могли подписать договор с Турцией». При этом он подчеркнул, что никогда не обуславливал предоставление оружия туркам разрешением территориального вопроса: «...оружие мы давали и даем фактически и без договора, и без разрешения вопроса о границе».

Под давлением Сталина Чичерин начал проявлять готовность к отступлению от занятой позиции: «Все вопросы разрешатся в Москве, и мы готовы на всякую торговлю, но пусть не мутят против нас, надо выяснить недоразумение»¹.

30 января 1921 г. Народный комиссар иностранных дел правительства ВНСТ Ахмед Мухтар направил Чичерину ноту, в которой выражалось «полное удовлетворение» по поводу согласия советского правительства снять вопрос о территориальных правах Армении: «Мы одновременно получили две Ваши депеши от 13 текущего января за № 710 и 796, а равным образом, содержание письма, адресованного тов. Мдивани Али Фуад паше. Спешу поставить Вас в известность, что заявления, содержащиеся в этом письме, коим Ваш представитель при нашем правительстве официально подтверждает от имени РСФСР, что не может быть речи о территориальных уступках Армении со стороны Турции, вполне нас удовлетворяют»².

В этой же ноте Ахмед Мухтар в качестве обоснования отказа РСФСР от защиты права армян на территории турецкой Армении сослался на «уважение к праву народов на самоопределение», проявленное в письме Ленина Мустафе Кемали и в телеграмме самого Чичерина от 13 января 1921 г.

Турецкий Народный комиссар иностранных дел представил признание права народов на самоопределение как подтверждение отказа признавать право армян на турецкую Армению. «Я глубоко верю, что и в будущем равным образом удастся при встрече всякого нового затруднения найти почву для соглашения, руководствуясь двумя принципами, которые, по нашему мнению, должны лечь в основу нашего союза, а именно: строго проводимый принцип о самоопределении народов, а второй, заключающийся в том, чтоб направлять нашу деятельность к тому, чтобы самым решительным образом бороться с западным империализмом, являющимся основой и поддержкой капиталистического строя»³.

Вопрос о действии права народов на самоопределение применительно к особым условиям турецкой Армении имеет свою историю и требует особого рассмотрения. Здесь отметим лишь, что, принудив Наркоминдел РСФСР отказаться от постановки вопроса о турецкой Армении, который Ленин и Сталин сами обосновывали этим правом, кемалисты навязали ему и «обоснование» — то же самое право на самоопределение в прямо противоположной трактовке — как исключительное право турок распоряжаться территорией вырезанного ими коренного армянского населения.

Опираясь на подготовительную «работу» своих ставленников при ангорском правительстве, Орджоникидзе и Сталин небезуспешно добивались поддержки своей линии Лениным.

¹ Док. № 1049. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 1056.

³ Там же.

Между 9—12 февраля 1921 г. Орджоникидзе посылает шифрованное письмо Ленину. В нем утверждалось, что «требования Чичерина Муша—Вана—Битлиса сразу усилило сторонников Антанты, и Мустафа Кемаль стал искать пути сближения с Константинополем — Антантой». И еще: «Вне всякого сомнения, требование Муша, Вана и Битлиса будут использовать для демонстрации нашего отношения с турками. Все подобного характера требования должны быть сняты, и должен быть заключен договор, который имел бы чисто агитационный характер, чтобы наши противники сразу были лишены возможности провозгласить».

Орджоникидзе утверждал, что даже если кемалистское правительство перейдет на сторону Антанты, то и в этом случае надо уступать туркам, так как «население Восточной Анатолии» якобы будет с Россией. «...Если Ангора перекинется на сторону Антанты, восточная Анатолия останется с нами, а это для нас весьма важно. Армянский вопрос — это вопрос восточной Анатолии. Из-за того, что Антанта требовала передачи Муша—Вана—Битлиса и др. Армении, население восточной Анатолии ненавидит Антанту»¹.

С этой откровенной поддержкой турецкой экспансии солидаризировался ее вдохновитель — Сталин, сопроводивший письмо Орджоникидзе по разыгранному ими сценарию запиской на имя Ленина: «Т. Ленин. Я вчера только узнал, что Чичерин действительно послал когда-то туркам дурацкое (и провокационное) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции с громдным преобладанием турок) в пользу Армении. Это армянско-империалистское требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистически настроенных армян. 12/II»².

Сталин элементарно лгал, будто он только «вчера» узнал о «требованиях» относительно Вана, Муша и Битлиса. Приведенные в Сборнике документы свидетельствуют, что Чичерин неоднократно информировал Сталина о позиции Наркоминдела. В этой связи нельзя не напомнить и о том, что Сталин вместе с Лениным подписал известный Декрет Совнаркома РСФСР «О независимости Турецкой Армении»³.

Добиваясь пересмотра территориальных положений Севрского мирного договора в соответствии с условиями соглашения с большевистским правительством России о разделе Армении, кемалистское правительство Турции ссылалось на то обстоятельство, что в результате физического истребления коренного населения исконно армянских территорий там осталось лишь турецкое население, принимавшее активное участие в геноциде. Ссылаясь в качестве правового основания на принцип самоопределения по-турецки, кемалисты отказывали армянам в праве на возвращение на родину и свободное волеизъявление в соответствии с принципами, закрепленными в Декрете СНК «О независимости Турецкой Армении».

В запросе Народного комиссара по иностранным делам правительства ВНСТ Ахмеда Мухтара накануне начала переговоров между большевистским правительством России и кемалистским правительством Турции выражалось пожела-

¹ Док. № 1070.

² Там же. Подчеркнуто самим Сталиным.

³ См. док. № 314 и Комментарий к Разделу III (5).

ние «выяснить возможно скорее» вопросы, «от которых зависит инструкция нашей делегации, посылаемой в Баку»¹.

Основной вопрос, с которым кемалисты связывали свое участие в предстоящих переговорах, касался Армении: «Какой политики Москва желает придерживаться по отношению к Армении после установления в Эривани Советской власти? Мы считаем необходимым заметить по этому поводу, что турецко-армянский мир² не был миром насилия, но миром, основанным на праве самоопределения наций. Мы старались не аннексировать территории с турецким населением, несмотря на то, что этому населению угрожали известные Вам жестокости дашнаков».

Турецкий «Нарком» выражал обеспокоенность возможностью применения к советизированной Армении принципа «пролетарской» солидарности: «По дошедшим до нас слухам, Вы предполагаете вследствие изменений в Армянском правительстве, которое имеет, может быть, временный характер, пересмотреть наш договор и вернуть Армении территории, населенные турками. Это разрешение вопроса может привести к полному их уничтожению»³.

Обращаем внимание на слова: «...Вы предполагаете... пересмотреть наш договор и вернуть Армении территории...» Это еще одно подтверждение того, что территориальный вопрос, имевший жизненно важное значение для армянского народа, был решен еще до созыва Московской конференции без участия Армянской ССР и при полном пренебрежении к правам и интересам армянского народа.

27. Вопрос о содержании и формате Московской конференции

В первые дни декабря 1920 г. правительство советской России направило правительству ВНСТ приглашение на конференцию для «разрешения территориальных и других вопросов»⁴.

Понимая, что решение вопроса об армяно-турецкой границе без участия самой Армении было бы нарушением самых элементарных норм международного права, правительство РСФСР направило приглашение на конференцию и правительству (ревкому) Армении. Наркоминделу России участие Армянской ССР нужно было для противодействия не только Севрскому мирному договору, но и Александропольскому.

С позицией Наркоминдела России на словах согласился и Орджоникидзе. Отметив в телеграмме Чичерину, что «турки очень мало доверяют армянским коммунистам» и что турки намерены «поделить с нами Армению», Орджоникидзе тем не менее согласился с позицией Наркома: «На конференцию по Вашему предложению представит[ели] Советармении будут допущены как полноправная сторона в армянском вопросе...»⁵

Приглашение на конференцию было послано и Азербайджанской ССР. О приглашении Армянской и Азербайджанской ССР правительство РСФСР

¹ Турки настаивали, чтобы переговоры проходили не в Москве, а в Баку. Док. № 1017.

² Имеется в виду Александропольский договор.

³ Док. № 1017.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. III. С. 364—365, 371.

⁵ Док. № 996.

уведомило турок¹. Кемалистское правительство Турции сразу же заявило, что вопрос об Александропольском договоре может быть «предметом возможных толков в Москве» только при «минимальном участии армян»², а потом разъяснило, что требования о возвращении «турецких восточных провинций» «ни в коем случае не могут быть ни рассматриваемыми, ни принятыми ангорским национальным правительством» и что «всякие требования и притязания сверх определенных и установленных границ, указанных в этом [Александропольском] договоре, могут послужить только возобновлению прежних распрей»³.

Уполномоченные представители кемалистского правительства прибыли в Москву 18 февраля 1921 г. для заключения договора о военно-политическом союзе с РСФСР.

Прибыв в Москву, турецкая делегация, ссылаясь на свое толкование целей конференции, выступила против участия делегации советской Армении в работе Московской конференции и против рассмотрения территориальных вопросов. Настаивание турецкой делегации только на своем понимании смысла Национального пакта и на признании силы за Александропольским договором в Москве не без основания восприняли как требование передать Турции «всю Армению, частью явно, частью прикрыто»⁴.

Немалый интерес представляют протоколы неофициальных «подготовительных переговоров» русской и турецкой делегаций 23 февраля 1921 г., на которых решались основные вопросы конференции и формат переговоров.

Лейтмотивом этих предварительных переговоров был вопрос о союзе между большевистской Россией и кемалистской Турцией. Турки заявляли, что, если Москва хочет продолжения этого союза («реализации общей идеи»), она должна во всем уступать, оказывая турецким националистам военную и политическую помощь, и слепо доверять им. По словам турецкого представителя Юсуфа Кемалья, данное Наркомом Чичериным объяснение относительно «необходимости нашего объединения и о природе двух наших дел» полностью соответствовало точке зрения турецкой делегации. «Наше правительство, — сказал он, — всегда понимало необходимость работать в согласии с Коммунистической Россией — очагом одной из двух сил, борющихся против империализма. В течение целого года мы подтверждали нашу добрую волю, правительство Великого Национального Собрания всегда делало все от него зависевшее для обеспечения взаимопонимания и сотрудничества между Турцией и Россией. Оно всегда стремилось обеспечить и укрепить связи, объединяющие эти две силы»⁵.

Из протокольной записи видно, что Чичерин сдал позиции по территориальным вопросам Армении еще до начала официальных переговоров. Упрек Чичерина, высказанный в связи с отказом турок от посредничества советской России в территориальном разграничении Турции и Армении, Юсуф Кемаль парировал тем, что позиция России была известна заранее и неприемлема: «...отказ от при-

¹ См. Документы внешней политики СССР. Т. III. С. 372, 391.

² АВПР РФ, ф. 0148, оп. 4, д. 31, лл. 6—8; РГАСПИ, ф. 85, оп. 14, д. 50, л. 6; оп. 15, д. 25, лл. 2—6; Документы внешней политики СССР. Т. III. С. 378—398. Цит. по: Казанджян С. К вопросу об оценке Московского русско-турецкого договора 1921 г. Ереван. 2001. С. 110.

³ Аветисян Г.А. и др. История Армении. Ереван 1999. С. 217. Казанджян Р. Указ. соч.

⁴ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2117; оп. 2, д. 315, л. 20.

⁵ Док. № 1084.

нятия посредничества во время заключения договора был оправдан со стороны нашего Правительства, так как в это время решение, которое вы приняли бы, было заранее известно, по крайней мере мы могли думать так, и таким образом, говоря юридически, арбитраж был невозможен. Тогда *мы еще не знали то, что вы нам сказали на днях*, и мы думали, что русское Правительство требует от нас цессии вилайетов, о которых идет речь».

Последовал совершенно чудовищный, сервильный ответ Наркоминдела Чичерина, который, очевидно, пытался оправдаться перед обвинениями Сталина: «Вы правы, когда говорите, что нужно позитивную сторону ставить на первое место. Не нужно продолжать взаимные упреки. Я должен сказать, что *не могу принять данное вами объяснение о том, что наше решение было принято заранее, вы должны были понять, что наша точка зрения могла измениться и что наши идеи в ходе наших бесед были лишь общими соображениями, которые рассматривались бы будущей смешанной Комиссией*. Последовавшие события изменили ситуацию, и наша точка зрения тоже могла измениться. Довод представляется мне совсем неудовлетворительным, но лучше ограничиться настоящим моментом. Противоречия являются делом прошлого. Нужно будет только, чтобы эти вопросы рассматривались во имя будущего и решались».

Циничным был ответ турок в связи с выраженным советской стороной недовольством продолжающейся турецкой оккупацией территории теперь уже советской Армении за пределами линии раздела. «Вы протестовали также против оккупации некоторых местностей. Это и есть все препятствия, которые имели место. Как показывает договор, Турция всегда готова эвакуировать, но при условии, что статьи договора будут реализованы. Например, эвакуации может помешать состояние транспорта: если коммуникации с Карсом—Эрзерумом находятся в плохом состоянии (на линии всего 4 локомотива), то естественно, что солдаты требуют обеспечить их продовольствием у тех, у кого оно имеется. Делегация не видит никакого противоречия в этом естественном положении»¹. Этот откровенно разбойничий аргумент не встретил никакого отпора.

О готовности Москвы и дальше расплачиваться армянскими территориями для призрачной совместной борьбы против западного империализма говорит еще один пассаж из протоколов неофициальных переговоров. Не ограничиваясь уступками, сделанными самой Турцией, советское руководство проявляло готовность идти навстречу пантюркистским вождениям турецких националистов и в удовлетворении территориальных притязаний Азербайджана.

В связи с приглашением Азербайджанской ССР на конференцию в то время, как Армения была полностью отстранена от нее, Чичерин услужливо заявляет туркам: «...мы должны рассеять все недоразумения. Для этого мы предложили бы пригласить представителя Азербайджана, который, будучи мусульманской Республикой, должен внушать вам полное доверие. Азербайджан к тому же играет определенную роль на Кавказе. Я узнал, что уступка им Армении областей вызвала у вас некоторое беспокойство»².

В ответ на просьбу Чичерина дать разъяснения относительно характера параллельных политических переговоров, которые вел в Лондоне кемалистский

¹ Док. № 1084. Выделено нами. — Ю.Б.

² Речь идет об отказе Азербайджана от спорных территорий Нахичевана, Зангезура и Карабаха в пользу советской Армении. — Ю.Б.

«Нарком иностранных дел» Бекир Сами, Юсуф Кемаль сказал, что турки имеют такое же право вести переговоры с англичанами, как и советская Россия, которая через Красина вела переговоры о заключении торгового договора.

Кемалисты, полностью зависевшие от военной помощи советской России, требовали от нее признания для Турции такой же свободы поведения, какой Россия добивалась для себя. Если Россия может общаться с Антантой (переговоры Красина о заключении торгового договора), так как это «ослабляет империалистов», то и турецкие националисты могут делать это: «Если мы пойдем на какой-то мир с правительствами государств Антанты, то это будет то же самое, что сделали вы сами».

Турки призывали большевиков «отбросить сомнения» и верить им. «...Наша турецкая история является доказательством того, что Турция всегда будет верна своему слову. Турция дала России свое слово.

Мы надеемся, что после этих объяснений вы убедитесь, что мы не хотели создавать препятствия между коммунистической силой и восточной силой. Нужно нам помочь как можно скорее и самым эффективным образом»¹.

Турецкий делегат не остановился перед прямым шантажом. Ссылаясь на переговоры в Лондоне, где кемалистский «Наркоминдел» всюду заигрывал с Антантой, Юсуф Кемаль потребовал от большевистской России новых политических уступок. «Мы хотим прежде всего иметь возможность послать телеграммы, свидетельствующие о реальных результатах в то время, когда наши делегаты находятся в Лондоне. Нам нужны определенные эффективные доказательства со стороны России. Позвольте мне настоять на этом, это абсолютно необходимая вещь для Великого Национального Собрания»².

В результате предварительных бесед представители правительств ВНСТ и РСФСР договорились о повестке дня двусторонних переговоров.

Советско-турецкая конференция открылась 26 февраля. Чичерин разъяснил, что ее целью является выработка договора о дружбе между Россией и Турцией, как это обозначено в проекте договора, выработанном на переговорах с турецкой делегацией в августе 1920 г. С этим согласились обе стороны.

Московские переговоры, затрагивавшие жизненные интересы и законные права Армении, велись без участия Армянской ССР и втайне от армянского народа. Представители Армянской ССР к переговорам не были допущены. По требованию Сталина из-за своего армянского происхождения от переговоров был отстранен даже ответственный сотрудник МИД РСФСР — заместитель народного комиссара Карахан. Он был заменен членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Джелаладдином Коркмасовым, который вместе с Чичериным представлял правительство РСФСР.

¹ Док. № 1084.

² Там же.

28. Роль Сталина в Армянском вопросе по свидетельствам турецких участников Московской конференции

Враждебная, разрушительная роль Сталина в решении Армянского вопроса документально подтверждается конкретными материалами Сборника, относящимися к политической истории. Тем не менее особый интерес представляют прямые свидетельства турецких государственных деятелей, непосредственно общавшихся с ним, а также написанные на основе этих свидетельств исследования турецких историков.

Турецкие дипломаты рассказали в своих мемуарах, как с помощью Сталина им удалось обойти Наркома Чичерина в ходе турецко-российских переговоров. «...Советы считали, что они могут использовать нас в своих целях в обмен на предоставление нам минимальной помощи, — писал в мемуарах посол ВНСТ в Москве Али Фуад Джебесой. — Мы правильно определили эти тайные советские цели и идеи. Поэтому мы сочли необходимым прибегнуть к такой политической тактике, которая вынудила бы Комиссара иностранных дел согласиться с нашими условиями. Мы исходили из того, что советское правительство было преисполнено желания достичь соглашения с нами. Мы надеялись, что под нажимом, который оказывал товарищ Сталин и мы также, Комиссариат иностранных дел отступит от позиции, занятой на переговорах, и согласится с нашей точкой зрения. Благодаря некоторым кризисным моментам, которые нам удалось создать, и в результате нашего нажима, а также противодействия их предложениям, представители Комиссариата иностранных дел не смогли на переговорах эффективно проводить свою линию»¹.

Командующий Восточным фронтом турецкой армии Карабекир приводит в своих мемуарах полученное им из Москвы письмо члена турецкой делегации на Московской конференции, который сообщал, как с помощью Сталина и его подручного Мдивани туркам удалось обойти позицию Наркоминдела по Армянскому вопросу. По словам турецкого дипломата, Чичерин и Карахан пытались аннулировать Александропольский договор, «они открыто отстаивали интересы армян»²: «Поэтому мы решили перехитрить их. Мдивани предложил нам этот новый подход к решению Армянского вопроса. Этот новый подход предусматривал прямой выход к Сталину, который является самым близким другом Ленина. Эти два человека сегодня обладают высшей властью в России. <...> Фактически он тот человек, который сделал возможным заключение нашего договора с русскими. Этим договором мы обязаны ему. Если бы вопрос решался Чичериным, который находился под сильным влиянием Карахана, сторонника интересов армян, то он ничего бы не сделал»³.

В мемуарах первого посла правительства ВНСТ в Москве и члена кемалистской делегации на Московской конференции Али Фуад Джебесоя также отмечается, что «[е]сли бы не вмешательство Сталина... то Московская конференция продолжалась бы, по всей вероятности, гораздо дольше; либо мы не добились бы тех результатов, которых достигли»⁴.

¹ Док. № 1082. Выделено нами. — Ю.Б.

² Аннулирование Александропольского договора было в интересах в первую очередь самой России и входило в задачу делегации РСФСР.

³ Док. № 1083. Выделено нами. — Ю.Б.

⁴ Док. № 1110. Выделено нами. — Ю.Б.

В своих воспоминаниях турецкие политические деятели объясняли алогичное с точки зрения долгосрочных государственных интересов России поведение Сталина, его территориальные уступки туркам за счет армян, субъективными мотивами — его недружелюбным отношением к армянам. «Лично Сталин враждебно относится к армянам», — сообщалось в вышеуказанном письме члена турецкой делегации на Московской конференции командующему Восточным фронтом турецкой армии Карабекиру¹.

29. Подлог с датой подписания Московского договора

Требуется пояснение смещение дат в документах, относящихся к Московскому договору 1921 г. Дело в том, что в действительности он был подписан не 16 марта, а позднее — 18 марта.

«Лихорадочная поспешность» с выработкой и заключением Московского договора была связана отнюдь не со стремлением поскорее установить в Армении мир. Дело в том, что еще 29 июня 1920 г. полномочный представитель правительства РСФСР Л. Красин вручил Премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу меморандум, в котором советское правительство предлагало Великобритании заключить «полный и общий мир». Это предложение никак не сочеталось с линией поведения правительства РСФСР в армяно-турецком конфликте.

Сообщая Лиграну о политических переговорах с английским правительством, Чичерин писал: «На Востоке нам следует поэтому энергично использовать период развязанных рук, чтобы потом можно было приступить к соглашению с Англией без вреда для дальнейшего развития событий на Востоке»². Это указание Наркома представителю РСФСР в Армении Лиграну было дано 15 сентября 1920 г., т.е. накануне полномасштабного турецкого вторжения в Армению.

Выступая с инициативой мира, руководство РСФСР, конечно, понимало, что военно-политический союз с Турцией и позорная торговля правами и интересами народа — жертвы геноцида вызовут противодействие мировой общественности. Поэтому советская дипломатия стремилась поставить Запад, прежде всего Великобританию, перед свершившимся фактом.

В результате длительных переговоров 16 марта 1921 г. Красин и министр торговли Великобритании Роберт Хорн подписали первое советско-английское соглашение, носившее полуполитический, полуполитический характер. Это соглашение означало признание правительством Великобритании РСФСР де-факто. В телеграмме, врученной Красиным английскому правительству 23 апреля 1921 г., говорилось, что советское правительство рассматривает это соглашение как «поворотный пункт» в советско-английских отношениях и как «стену», которая отделяет старые отношения от новых, и что «советское правительство будет честно выполнять условия договора»³.

¹ Док. № 1083. Выделено нами. — Ю.Б.

² Док. № 822.

³ The Public Record office. Foreign Office, № 5133(5)38. — Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона (Из истории советско-английских отношений). М., 1973. С. 31.

Противниками заключения соглашения с большевистским правительством выступали Черчилль, Керзон и др. Одним из политических условий заключения этого соглашения они ставили пересмотр отношения России к Армении.

Чичерин понимал, что договор, который Россия заключала с кемалистской Турцией, не отвечает этому условию. Так как подписать Московский договор с турками до заключения соглашения РСФСР с Великобританией не удалось, действительная дата подписания Московского договора—18 марта—была сознательно сфальсифицирована. Он был помечен задним числом—16 марта, чтобы обмануть английское правительство и создать представление, будто советско-кемалистский договор, противоречащий духу примирения с Великобританией, был заключен до подписания с ней соглашения.

17 марта Чичерин докладывал Ленину: «...договор подпишем завтра вечером... Договор будет датирован 16, когда мы еще не знали о подписании Красным договором с Англией»¹.

В телеграмме, посланной Красину в Лондон, Чичерин излагает происхождение проблемы и дает установку как обосновать совместимость советско-турецкого договора с заключенным в Лондоне соглашением: «... Наш договор с Турцией был подписан в день подписания Вами соглашения, ибо мы не ждали, что Ваши переговоры так скоро кончатся. Главное содержание этого договора — территориальное разграничение, что не имеет отношения к нашему соглашению с Англией. Не может же Англия требовать от нас, чтобы мы взяли обратно уступку Турции Карса и Ардагана или чтобы мы начали с Турцией войну, а территориальное разграничение необходимо для предотвращения войны»².

30. Обоснование Советом пропаганды и действия народов Востока территориального ограбления Армении на Московской конференции

К Московской советско-турецкой конференции было приурочено издание с грифом «Только для членов партии» брошюры члена Совета пропаганды и действия народов Востока сотрудника сталинского Наркомнаца А. Скачко «Восточный и национальный вопросы»³. Позднее, 4 марта 1921 г., в печатном органе Народно-го комиссариата по делам национальностей — газете «Жизнь национальностей» появилась его статья с изложением позиции большевистского руководства России на советско-турецкой конференции в Москве⁴. В этих публикациях он в развернутом виде излагает прежние протурецкие «аргументы», отстаивавшиеся им в качестве работника Совета пропаганды и действия народов Востока.

Утверждая, что «национально-освободительные движения не могут отказаться от своих национальных идеалов, носящих иногда даже империалистический оттенок», Скачко ссылается на тезисы Коминтерна, гласившие, что «нации, осуществляющие победу над буржуазией, должны идти на величайшие национальные жертвы во имя свержения международного капитализма». По словам Скачко, из этого признанного Коминтерном принципа практически вытекало, что «никаких

¹ Док. № 1143.

² Док. № 1151.

³ Док. № 1076.

⁴ Док. № 1098.

территориальных споров между Советроссией и восточными странами быть не должно», и, следовательно, «предъявленное Советроссией к Турецкому Ангорскому правительству требование об уступке Армении Ванского и Битлисского вилайетов надлежит признать совершенно ошибочными и вредящими развитию мировой революции, как отталкивающие эти страны от союза с РСФСР и отводящие их от борьбы против Антанты. И Россия, и Армения именно в этом случае и должны осуществлять принципы величайших национальных жертв во имя интересов мировой революции, ибо Турция, безусловно, играет руководящую и решающую роль в борьбе восточных народов против западного империализма...»¹

Отвечая на поставленный вопрос, каковы могут быть территориальные уступки и кто должен взять на себя «инициативу уступчивости, долженствующей установить дружеские отношения на Востоке», Скачко ссылался на высказывания Ленина о необходимости «временных» жертв во имя победы социализма: «Буржуазно-национальное Ангорское правительство, естественно, не может и не хочет превозмочь свой национализм (пусть это даже национализм империалистического оттенка), но социалистические государства все же должны преодолеть свой национализм и принести в жертву интересам развития революции и свои территории и даже группы своих единомышленников.

Ведь если мы верим в успех пролетарской революции, то мы должны понимать, что все эти жертвы временные, что с победой мировой революции они все аннулируются. Ведь даже если подозревать Ангорское правительство в империализме и воинствующем империализме, в желании держать под своей властью территории с армянским населением и даже захватить Кавказ, то и тогда нечего бояться Турции, ибо все ее империалистические замыслы (если они существуют) обречены на бесплодие, так как при победе пролетарской революции в Европе неизбежна победа коммунизма и в Турции, не имеющей своей промышленности и потому не могущей быть независимой от Европы.

Веря в неизбежность пролетарской революции, социалистические государства во имя победы ее без страха должны идти на уступки государствам и националистическим группам, памятуя, что все эти жертвы носят только временный характер»².

Скачко не скрывал, что все эти «советы» относились именно к армянскому народу, ставшему жертвой преступления геноцида. «Все эти соображения относятся к Армении, ибо ни Россия, ни Азербайджан не имеют спорных вопросов с Турцией, — писал Скачко. — Главным вопросом конференции является вопрос армянский, то есть устранение всех недоразумений и установление дружеских отношений между Турцией и Арменией. Армении, безусловно, придется руководствоваться ленинским принципом о величайших национальных пожертвованиях. Ей придется отказаться не только от империалистических дашнакских замыслов и Великой Армении, но, возможно, и от более скромного желания объединения тех земель, которые всегда назывались армянскими.

Так, ей придется отказаться от претензий на Ванский и Битлисский вилайеты, ибо в настоящий момент эти претензии должны быть признаны беспочвенными»³.

¹ Док. № 1076. Подчеркнуто в документе. — Ю.Б.

² Док. № 1098. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Чувствуя, видимо, всю несправедливость этой позиции, Скачко оправдывал ее тем, что «передача ей [т.е. Армении] земель Турции теперь будет отталкивать ее от союза с РСФСР». В опубликованную брошюру он вписал примечание, в котором отмечал, что с Арменией «нужен компромисс».

Скачко, чтобы как-то обосновать свою позицию, ссылается на результаты систематической этнической чистки населенных армянами территорий: «Правда, в этих вилайетах армянское население составляло около 40%, а в некоторых санджаках даже абсолютное большинство, точно так же верно, что во время войны это армянское население подвергалось насилиям со стороны правительства Энвера, что оно было выселено с земли, также перебито, а часть его рассеяна по всей Малой Азии и Кавказу. Но также правда то, что сейчас в этих местностях армянское население составляет едва 5—10% (по данным американской комиссии Харборда в 1919 г., которая, конечно, не была склонна преуменьшать процент армянского населения). Кроме того, действительными хозяевами (по реальной силе) Вана и Битлиса являются не турки, а курды, которые ни за что не согласятся на передачу их земель Армении».

Помимо выспренных рассуждений о необходимости величайших жертв во имя «мировой революции», Скачко обращается и к аргументам «реальной политики»: «При трезвом учете сил *армяне должны понимать, что взять эти вилайеты нечем*. Взять их они могут только при помощи России, но они должны также понимать, что *русская Красная Армия никогда при таких условиях не станет для них завоевывать Вана и Битлиса*. Вторгаться во имя интересов Армении в Турцию — это значило бы доказать турецкому народу и всему Востоку, что Советская Россия продолжает политику царской России и российский коммунизм есть только замаскированный российский империализм.

Начать войну с Турцией — это значило бы провалить революцию и борьбу с английским империализмом на всем Востоке, и, конечно, на это Советская Россия никогда не пойдет»¹.

По утверждению Скачко Армения во имя революции должна была отказаться не только от Западной (турецкой) Армении, но и от Карсской области: «Армении придется отказаться не только от территорий, на которые она претендовала, но даже и от тех, которые уже входили в состав независимой Армении. Карсская и Ардаганская области отнюдь не должны являться яблоком раздора между Арменией и Турцией, ибо надо принять во внимание, что захват этих областей армянским правительством был акт империалистический, так как 67% их населения составляют мусульмане, и требовать их себе по принципу самоопределения народов Армения не имеет никакого права».

Так как от армянской территории должна была отказаться не только Армения, но и Россия, Скачко признал, что «в Карсе и Ардагане заинтересована не только Армения, но и Россия, ибо эти местности являются плацдармом и подступами к Кавказу: «Кто владеет Карсом, тот владеет Закавказьем». Но *Советская Россия не смотрит на международные вопросы с точки зрения своих государственных интересов, она верит в победу мировой пролетарской революции и знает, что с этой победой все плацдармы и подступы теряют всякое значение, и поэтому Советская Россия не будет считать неприемлемой для себя уступку и временное оставление Карса и Ардагана в руках Турции до той поры, пока мировая революция все разберет и каждому куску земли найдет настоящего хозяина — работающего на нем трудового народа*»².

¹ Док. № 1098. Выделено нами. — Ю.Б.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

20 марта 1921 г. Совет пропаганды и действия народов Востока приветствовал заключение Московского договора, представляя ограбление армянского народа как добровольный отказ: «Россия и Турция из вековых врагов сделались друзьями и братьями по оружию. Забыта вся старая вражда, зачеркнуты все старые счета...»

Без всякой войны, без всякого спора и принуждения Россия вполне добровольно возвратила Турции не отнятые у нее в 1877 г. земли на Кавказе, которые были заселены мусульманами, естественно, тяготеющими к Турции. Карсский, Ардаганский и Артвинский округа вновь перешли к Турции, Батум хотя и остался за Грузией, но открыт для турецкой торговли. Нахичеванская область объявлена автономной и находящейся под протекторатом советского мусульманского Азербайджана.

На такие уступки, конечно, никогда не пошла бы старая царская Россия, вечно стремившаяся к захвату все новых и новых земель, жадно разжевывая свою пасть на Эрзерум и Константинополь, но на эти уступки легко и свободно пошла новая Рабоче-крестьянская Россия, ибо эта новая Россия стремится не к захвату новых земель, не к подчинению себе новых народов, но к освобождению всех народов от всякого угнетения и эксплуатации. На эти уступки Советская Россия пошла во имя справедливости, для того, чтобы покончить навсегда все раздоры между народами Востока и объединить их в одну дружескую семью.

И чтоб было ясно, что это объединение не навязывает народам Востока никаких чуждых им порядков, в договоре между Турцией и Россией поставлен пункт, что за каждой восточной страной признается право по своему усмотрению устраивать свою внутреннюю жизнь»¹.

31. Международно-правовая оценка Московского и Карсского договоров

Документы Сборника, представленные в этом Разделе, позволяют всесторонне рассмотреть обстоятельства заключения Московского договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией от 16 марта 1921 г. и Карсского договора о дружбе между Турцией, Азербайджанской ССР, Грузинской ССР и Армянской ССР при участии РСФСР от 13 октября 1921 г. и дать оценку содержания указанных договоров с точки зрения их соответствия основополагающим принципам и нормам международного права и, конкретно, праву международных договоров, а в более широком плане — цивилизованным представлениям о политике, нравственности и морали в международных отношениях.

Несмотря на внешнее различие по субъектам договора, Московский и Карсский договоры в отношении прав и интересов Армении не просто тесно взаимосвязаны, но представляют единое целое. Внешне Карсский договор всего лишь приложение к Московскому, а по существу — его продолжение.

Давая этим договорам политическую и международно-правовую оценку, невозможно разрывать их. При этом, рассматривая их в единстве, необходимо учитывать политические особенности каждого из них.

¹ Док. № 1149.

Объективную, правильную и обоснованную политическую и правовую оценку Московского договора можно дать только в контексте тех реальных исторических событий, которые привели к его заключению.

Московский договор — уродливое творение Сталина — стал прообразом советско-фашистского договора 1939 г. о разделе территорий малых и слабых государств. Бесспорные исторические факты, как и само содержание договора, предопределяют однозначность его политической и правовой оценки с точки зрения цивилизованных представлений о политике, праве и нравственности.

В Московском договоре нарушены все основные условия действительности международных договоров, а именно: 1) условия, относящиеся к субъектам договора; 2) условия, относящиеся к свободному волеизъявлению сторон договора — субъектов международного права; 3) условия, относящиеся к правомерности объекта и цели договора.

Юридическая действительность международного договора, как отмечается в специальной литературе, предполагает наличие всех основных элементов международного договора, а именно: надлежащие стороны, обладающие международной правосубъектностью, подлинное соглашение этих субъектов, правомерный объект и цель соглашения в договоре. Он «не будет действительным, если отсутствует хотя бы одно из этих условий»¹.

Условия, относящиеся к субъектам договора

Начнем с вопроса об участниках Московского договора, т.е. с вопроса о соответствии этого договора норме международного права, требующей, чтобы в международном договоре принимали участие надлежащие субъекты, а именно — государства, не только непосредственно заинтересованные в предмете договора, но и правомочные вступать в договорные отношения, связанные с объектом договора. «Заклученный без участия непосредственно заинтересованных государств, тем более нарушающий их законные права и интересы международный договор может рассматриваться ими в качестве недействительного»².

Договор между кемалистской Турцией и РСФСР, полностью игнорировавший законные права и интересы армянского народа, был заключен без участия и без согласия армянского государства. Армянская ССР, созданная в результате совместного военного вторжения в Республику Армению, не была допущена к московским переговорам, несмотря на фикцию суверенности и признание ее заинтересованности.

В то же время в неофициальных переговорах по территориальным вопросам принимали активное участие представители Азербайджанской ССР, которая незадолго до этого отказалась от претензий на спорную область Нахичевана и не имела общей границы с Турцией. Действуя в тесном взаимодействии с Турцией, национал-коммунистическое руководство Азербайджанской ССР также стремились отторгнуть армянские территории.

По Московскому договору два государства — РСФСР и Турция распорядились территорией третьего государства — советской Армении. Взамен на лживое обе-

щание кемалистской Турции участвовать в «мировой революции» на стороне РСФСР, последняя дала согласие на присвоение государством, совершившим тяжчайшее международное преступление — геноцид, почти всей национальной территории армянского народа — жертвы этого преступления, а именно всей Западной, т.е. так называемой «турецкой» Армении, большей части Восточной, т.е. «российской» Армении — Карсской области и Сурмалинского уезда. Кроме того, указанные два участника договора, из которых один никогда не имел, а другой уже не имел права на эту территорию, отторгли от Армянской ССР и поставили под «протекторат» Азербайджанской ССР районы Нахичевана, Шарур-Даралагяза и Шахтахты, составлявшие часть территории Армянской республики.

Когда накануне Первой мировой войны социалисты европейских стран, собравшиеся в Циммервальде, при участии Ленина осудили возможное с их точки зрения превращение Армении в объект империалистической «игры компенсаций», они, наверное, никак не могли предвидеть, что завершит эту позорную игру «первое в мире социалистическое государство», которое будет создано одним из участников этой встречи.

Два участника Московского договора, распорядившись национальной территорией армянского народа, растоптав его законные и бесспорные права, нарушили принцип международного права, выражающийся в извечных максимах — *nemo dat quod non habet* (никто не может передать то, что не имеет) или *nemo plus juris transferre potest quam ipse habet* (никто не может передать больше прав, чем сам имеет)¹.

РСФСР не имела никакого права распоряжаться по своему усмотрению и в своих интересах территорией Армянской ССР — официально признанного ею, хотя и фиктивного суверенного государства. С ее стороны это был циничный акт социал-империализма².

Узнав о содержании Московского договора после его заключения, представители советской Армении, хотя и сознавали, что считаться с их мнением правительство РСФСР не будет, заявили о своем несогласии с ним. «В связи с отстранением нашей делегации [от] конференции и с тяжелыми для Армении условиями договора с Турцией, — говорилось в телеграмме Народного комиссара иностранных дел Армении А. Бекзадяна Ревкому Армении от 11 апреля 1921 г., — нами предъявлен протест, который, конечно, практического значения не будет иметь»³.

¹ В качестве принципа международного права он подтвержден, в частности, в известном деле об острове Пальмас, в котором арбитр Губер указал: «Титулом, на который ссылаются США как на непосредственное основание своего требования, является цессия, которая была осуществлена по Парижскому договору и которая передала все права суверенитета, принадлежавшие Испании в этом районе... Совершенно очевидно, что Испания не могла передать больше прав, чем те, которыми она сама обладала».

² Незаконность поведения РСФСР, равно как и кемалистской Турции, тем более очевидны, что сами эти государства настойчиво отстаивали свое право участвовать в принятии решений, которыми как-то задевались их интересы. В частности, РСФСР всегда заявляла решительные протесты каждый раз, когда ее отстраняли от участия в международных конференциях, на которых заключались договоры, затрагивавшие ее интересы. Такие договоры она объявляла незаконными и недействительными. Так, в протесте правительства РСФСР от 19 июля 1921 г. по поводу ее отстранения от участия в Вашингтонской конференции говорилось, что любые решения, принятые без участия Советской России, «останутся недействительными и лишены значения» (Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1969. С. 225).

³ См. заявление, адресованное Наркому Чичерину 15 апреля 1921 г. (док. № 1182).

¹ Талалаев А. Н. Право международных договоров. М., 1980. С. 227.

² Там же.

Протест и ответное письмо Чичерина подтверждают бесправное положение «советской» Армении¹.

Понимая, что ни один народ добровольно не подпишет себе смертный приговор, участники Московского договора специально предусмотрели положение, которым одна из сторон, а именно Россия, в духе декларативно отвергнутой ею же практики эпохи империализма, обязалась «предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для обязательного признания этими республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего Договора, непосредственно их касающихся» (ст. XV).

На кого же эти два участника Московского договора — Турция и советская Россия — собирались оказывать давление в столь открытой и циничной форме, с целью заставить принять установленные ими границы?

Очевидно, что оказывать давление на одного из бенефициариев, а именно — на Азербайджанскую ССР, не было никакой необходимости. Тем более что она сама, действуя в тесном взаимодействии с Турцией, добивалась отторжения Нахичевана от Армянской ССР. Как уже отмечалось, Азербайджанская ССР, в отличие от Армянской ССР, которую к московским переговорам не допускали, участвовала в обсуждении и выработке решений по территориальным вопросам.

Грузию также можно было считать бенефициарием, ибо она благодаря Сталину получила Батум в обмен на передачу Азербайджанской ССР Нахичевана, отнятого у армян по требованию турок.

Меры политического давления, предусмотренные Московским договором для его навязывания другим государствам, конечно же, имели в виду только принуждение Армении — беспомощной страны, подвергшейся разделу, потерявшей обширные пространства национальной территории. Речь шла об обескровленном геноцидом народе, которого хотели заставить подписать себе смертный приговор во имя доктринерской идеи «мировой революции» и в угоду национализма Сталина.

Помимо ст. I, устанавливавшей линию границы между Турцией и даже не упомянутой в ней Армянской ССР, ее «непосредственно» касалась и ст. III, которой два участника Московского договора решали судьбу отторгнутой от Армении Нахичеванской области.

Цинично бравлируя вседозволенностью, два участника Московского договора — РСФСР и Турция, оказывая совместное военное и политическое давление, навязали свое решение другому, советизированному ими же третьему государству, принудив его подписать Карсский договор между Турцией и тремя закавказскими советскими республиками при участии самой РСФСР.

Карсский договор, как отмечал полуофициальный «Дипломатический словарь» сталинской эпохи, «повторил положения Московского договора от 16 марта 1921 г. между РСФСР и Турцией, отличаясь от него лишь в некоторых второстепенных статьях»².

Назначение Карсского договора, по замыслу Турции и РСФСР, заключалось именно в том, чтобы навязать Армении границу, создав видимость соблюдения

условий международного права, относящихся к субъектам международного права: в установлении границы должны участвовать государства, чьи территории разграничиваются.

В Карсском договоре речь должна была идти не о разграничении Турции и Армении, а о выражении «согласия» с линией границы, установленной соглашением Турции с третьим государством — РСФСР.

Насилие, совершенное над Армянской ССР, принужденной Турцией и РСФСР подписать грабительский Карсский договор, представляет разительный контраст с содержавшимся в ст. I Московского договора и ст. 2 Карсского договора обязательством «не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов», к принятию которых понуждалась бы силою одна из договаривающихся сторон. Отвергая в Московском и Карсском договорах любые международные акты, если они не приняты сторонами добровольно, РСФСР и Турция теми же самыми «договорами» навязали Армянской ССР грабительские условия, лишившие армянский народ почти всей его национальной территории.

Ситуация, созданная принуждением Армянской ССР к подписанию кабального Карсского договора, полностью подпадает под действие нормы международного права, зафиксированной в ст. 52 Венской конвенции о праве международных договоров: «Договор является ничтожным, если его заключение явилось результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций».

Эта статья Венской конвенции специально сформулирована таким образом, чтобы подтвердить, что угроза силой и ее применение в отношениях между государствами запрещались международным правом не только до воплощения этой нормы в Конвенции, но и до принятия Устава ООН. Эти международные инструменты лишь подтвердили существовавшие принципы и нормы международного права. Следовательно, недействительность насильственных договоров не ограничивается ни временем вступления в силу Устава ООН и членства в этой организации, ни временем вступления в силу Конвенции о праве международных договоров.

То обстоятельство, что один из участников Московского и Карсского договоров, а именно Турция, не присоединился к Венской конвенции о праве международных договоров, существа юридической оценки не меняет, поскольку соответствующая статья указанной Конвенции излагает содержание нормы общего международного права, действовавшей во время заключения Московского и Карсского договоров и прямо признававшейся как самой Турцией, так и советской Россией, что следует из самого текста этих договоров.

Поэтому Турция не может ссылаться на то, что в международно-правовой системе того времени не всегда последовательно проводился запрет на применение силы в качестве средства политики и, соответственно, в некоторых случаях признавались конечные результаты такого использования силы — аннексии, маскировавшиеся под цессию (добровольную уступку).

Применение силы в качестве основания абсолютной недействительности международных договоров, предусмотренное в ст. 52 Венской конвенции, не сводится к физической или военной силе. Согласно принципам и нормам международного права, воплощенным в п. 4 ст. 2 Устава ООН, рассматриваются в качестве неправомерных любые формы применения силы, как и всякая угроза ее применения.

¹ См. док. № 1183 и 1184.

² Дипломатический словарь. Т. I. Глав. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. М., 1948. С. 755.

Это положение отражено, в частности, в специальной Декларации, принятой Венской конференцией, и в ряде других международно-правовых актов.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, говорит об «обязанности государств воздерживаться в своих международных отношениях от военной, политической, экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государства». В Декларации конкретно указывается, что каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения в «качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров, касающихся государственных границ».

Обращение к силе, применение давления являются нарушением международного права. В какой бы форме ни были применены сила или угроза силой, они приводят к пороку согласия и тем самым нарушают одно из условий действительности международного договора. Это в полной мере относится к Московскому и Карсскому договорам, являвшимся результатом принуждения в самом неприкрытом виде.

Когда после Второй мировой войны Сталин поставил вопрос о возвращении армянских территорий, им же отданных своим союзникам-кемалистам, Великобритании и США воспротивились этому по соображениям набиравшей силу «холодной войны»: передача стратегически важных территорий укрепила бы положение потенциального противника. Основной аргумент Великобритании, выступавшей в то время застрельщиком «холодной войны», сводился к тому, что РСФСР добровольно уступила территории, которые требует СССР¹.

Выдвигая этот аргумент, Министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин сознательно игнорировал тот факт, что советская Россия уступила не принадлежавшую ей армянскую территорию. Глава британского ведомства иностранных дел не мог не знать, что определяющее значение для политической и правовой оценки Московского и Карсского договоров имеет факт принуждения именно армянского государства к принятию этих договоров, что, устанавливая наличие и определяя степень применения силы против армянского государства, необходимо проводить различие между положением Армянской ССР и положением РСФСР.

Армянская ССР была объектом непосредственного силового воздействия прежде всего со стороны Турции в виде геноцида, турецкого вторжения и оккупации почти всей армянской территории. РСФСР, которая сама испытывала определенное политическое давление в виде угрозы перехода Турции на сторону Антанты и участия в антисоветской интервенции, также оказывала силовое давление на Армянскую ССР с целью принудить ее примириться с условиями, навязывавшимися ей грабительским договором.

В связи с искажением вопроса о давлении, необходимо напомнить и о поведении некоторых западных держав и прежде всего самой Великобритании. Союзные державы, как показано в соответствующем Разделе Комментария, не выполнили своих международных обязательств по отстаиванию подписанного ими Севрского мирного договора и защите Армении от турецкой агрессии. Реагируя

¹ См. док. № 1335.

на открытый вызов российских большевиков, провозгласивших своей целью «революционным насилием» установить советский строй в мировом масштабе, Союзные державы стали заигрывать с кемалистами в расчете направить турецкую экспансию на Восток против большевиков, а после советизации Армении сочли себя свободными от обязательств по Армянскому вопросу. Этим в значительной мере объясняется успех кемалистско-большевистского заговора против Армении.

Условия, относящиеся к свободному волеизъявлению сторон договора — субъектов международного права

Только 13 октября 1921 г., через семь месяцев после подписания Московского договора, под угрозой практиковавшихся в то время репрессий за невыполнение партийных предписаний Правительству РСФСР удалось сломить сопротивление руководителей Армянской ССР и заставить их подписать договор, которым задним числом оформлялось ее «согласие» с навязанными условиями. Принуждение было совершено не только над фиктивным армянским государством, но и в отношении его марионеточных представителей.

Приводимые в учебниках международного права примеры принуждения представителей государств выглядят детской забавой по сравнению с давлением, которому подверглись представители советской Армении на Карсской конференции. Они, хотя и выступали в качестве представителей «суверенного» государства, должны были руководствоваться партийной директивой из Москвы, суть которой, говоря словами Ленина и Сталина, состояла в том, что в данном конкретном случае права отдельной нации пришли в столкновение с интересами пролетарской революции в мировом масштабе и потому они должны были быть «отвергнуты»¹.

Хотя Карсский договор, лишая армянский народ почти всей национальной территории, делал невозможным самостоятельное государственное существование Армении, ее «представители» должны были руководствоваться решением РКП(б) и советского правительства РСФСР, которое было принято под воздействием Сталина².

Если бы они не согласились с партийной директивой и попытались выступить в защиту интересов своего многострадального народа, они, без сомнения, были бы репрессированы и физически уничтожены как «дашнаки», «буржуазные националисты», «агенты империализма». Очевидно, что в данном случае имело место принуждение представителей государства, если исходить из нормы международного права, воплощенной в ст. 51 Венской конвенции о праве международных договоров. Она гласит, что «согласие государства на обязательность для него договора, которое было выражено в результате принуждения его представителя действиями или угрозами, направленными против него, не имеет никакого юридического значения».

Создавая видимость соблюдения условий, относящихся к субъектам договора, кемалистская Турция и большевистская Россия грубо и открыто нарушали условия, относящиеся к свободному волеизъявлению сторон в договоре.

¹ См. док. № 1086 и 1087.

² См. док. № 1252.

Условия, относящиеся к правомерности объекта и цели договора

Правомерность объекта и цели договора определяется прежде всего соответствием договора императивным нормам общего международного права. Раскрывая основания недействительности международных договоров по международному праву, ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров фиксирует, что «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права». Согласно Конвенции, «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо».

Основные условия правомерности международного договора признавались и в период заключения Московского и Карсского договоров. Исходя из этого, объект и цели этих договоров должны быть рассмотрены в свете императивных норм международного права, как действовавших во время заключения этих договоров, так и действующих в настоящее время.

Изучение трудов известных юристов-международников (М.Г. Ролен-Жекмен, А.Н. Стоянов, Блюнчли, Ф. Мартенс, В. Даневский и др.) показывает, что во время заключения Московского и Карсского договоров считались незаконными и недействительными договоры, имевшие агрессивные цели, направленные на ограничение или нарушение основных прав государств или на уничтожение самих государств, санкционировавшие преступления против человечности, рабство, массовую резню по национальному признаку и т.п.

Изучение международно-правовых актов, связанных с Армянским вопросом (Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор и Берлинский трактат 1878 г., международные проекты реформ в Армении, русско-турецкое соглашение по армянскому вопросу 1914 г., заявления правительств России, Великобритании и Франции в мае 1915 г. об ответственности членов турецкого правительства за массовую резню армян, многочисленные официальные заявления правительств различных государств мира и решения Верховного совета главных Союзных держав, Севрский мирный договор, арбитражное решение Президента США Вудро Вильсона об армяно-турецкой границе и др.), подтверждает, что международное сообщество государств в соответствии с международным правом рассматривало уничтожение целой национальной группы («убийство народа») как международное преступление, лишаящее государство, совершившее такое преступление, права осуществлять суверенитет в отношении народа и его территории, ставших объектом этого преступления.

Лозаннский договор с Турецкой Республикой санкционировал отделение территории целого ряда стран именно из-за злоупотребления турками государственной властью, самым чудовищным выражением которого был геноцид армян.

Для оценки законности международных договоров, заключенных в такие переходные периоды истории, особое значение приобретает определение того, что сами их участники рассматривали как неперемное условие действительности международного договора.

О том, на какие нормы международного права ссылались правительства кемалистской Турции и советской России в конкретном применении к объекту Московского и Карсского договоров, в частности к территориальным правам ар-

мянского народа, можно судить на основании официальных актов и заявлений их представителей.

Официально советская Россия декларировала свою приверженность миру без войн и аннексий, равноправию и самоопределению народов, а кемалистская Турция также представляла себя в роли борца против империализма, за свободу и самоопределение народов. С правовой точки зрения особое значение имеет то обстоятельство, что установление таких международных отношений провозглашалось как целью, так и основой Московского и Карсского договоров.

Принятые сторонами в качестве основы Московского и Карсского договоров принципы международных отношений и международного права (независимо от того, были ли они тогда универсальными или только партикулярными нормами, признававшимися договорными сторонами обязательными для себя) должны быть сопоставлены с объектом этих договоров и порядком их заключения — с установленным международным сообществом юридическим фактом геноцида армян и их изгнания из своей исторической родины, агрессией, разрушением территориальной целостности армянского народа и армянского государства и, наконец, с неправомерностью заключения советской Россией договора с Турцией о границах третьего государства — Армянской ССР и принуждением последней к принятию его откровенно грабительских условий.

Помимо преамбул, прямые указания на позитивные нормы и принципы международного права, связывавшие участников Московского и Карсского договоров, содержатся в сопутствовавших их заключению официальных заявлениях правительств. Эти принципы подтверждались, уточнялись и дополнялись в Конституциях РСФСР и СССР. Из них прямое отношение к политической и правовой оценке Московского и Карсского договоров имеют, в частности, принципы суверенного равенства, отказа от применения силы или угрозы силой; нерушимости границ; равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой как основания территориального верховенства; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права и из международных договоров.

Поскольку действие навязанных силой Московского и Карсского договоров сохраняется и в настоящее время, ломая и коверкая судьбу армянского народа и попирая нравственные устои цивилизованных народов мира, необходима их правовая оценка и на основе современных принципов и норм, на которых должны строиться международные отношения. Возможность и необходимость такой оценки допускается доктриной интертемпорального права, подтвержденной международной судебной практикой.

Необходимость правовой оценки Московского и Карсского договоров на основе не только императивных норм общего международного права, действовавших в момент их заключения, но и императивных норм, возникших впоследствии — в период действия этих договоров, прямо предписывается соответствующими статьями Венской конвенции о праве международных договоров. Согласно ст. 64 этой Конвенции, «если возникает новая императивная норма общего международного права, то любой существующий договор, который оказывается в противоречии с этой нормой, становится недействительным и прекращается».

Сопоставление положений Московского и Карсского договоров, равно как и обстоятельств их заключения, с требованиями международного права в том ви-

де, как они действовали в период заключения указанных договоров, и в том виде, как они действуют в настоящее время, подтверждает, что их участниками — Турцией и РСФСР нарушены условия действительности международных договоров, относящиеся не только к его субъектам и к свободному волеизъявлению сторон, но и к правомерности объекта и целей договора.

При заключении этих договоров основной целью турецкой стороны было оформление политической сделки — раздела и аннексии национальной территории армянского народа, санкционирование преступных результатов геноцида армян. Другая сторона — советское государство, провозглашавшее на весь мир идеалы свободы, равенства и братства народов, на деле действовало в отношении маленькой, обескровленной и беззащитной Армении в худших традициях эпохи империализма и колониализма, превратив жизненные интересы и законные права армянского народа в предмет торга, в разменную монету в своей политической игре против всего западного мира. Такого рода «договоры», посягающие на правовые и нравственные основы международных отношений, на самую человеческую мораль, не могут рассматриваться как юридически полноценные международные договоры.

Советское государство несет историческую ответственность за срыв усилий международного сообщества, направленных на такое территориальное разграничение, которое учитывало бы жизненные интересы и законные права народа, ставшего жертвой преступления против человечности.

В нарушение извечного принципа, подтверждающего, что преступление не может породить права (*jus ex injuria non oritur*), советское государство не только способствовало сохранению за турецким государством территории жертвы геноцида в пределах довоенных границ Турецкой империи, но и незаконно передало ему обширные пространства армянской национальной территории, входившей ранее в состав Российской империи и перешедшей затем к ее правопреемнику — возрожденному армянскому государству.

Турция и РСФСР грубо нарушили и основополагающий принцип международного права и международных отношений, выражающийся в незыблемости международных договоров (*pacta sunt servanda*). Это проявилось в открытом отказе от всех международных договоров и соглашений России, относящихся к Армении. РСФСР бесцеремонно попрала также все торжественные обязательства перед армянским народом и всем миром, содержащиеся не только в многочисленных заявлениях основателя советского государства, но и в официальных документах самого государства, таких, как Декрет о мире, Декларация прав народов России, Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока, Декрет о независимости турецкой Армении и др.

Турция и РСФСР не только сами грубо нарушили свои международные обязательства в отношении Армении, но и вынудили марионеточное коммунистическое правительство Армянской ССР «согласиться» с отказом от международных договоров, которыми международное сообщество признавало или подтверждало территориальные права признанного им суверенного государства — Республики Армении. Согласно ст. 1 Карсского договора, Армянская ССР должна была вместе с другими участниками договора «считать отмененными и не имеющими силы договоры, заключенные между государствами, ранее осуществлявшими свои суверенные права на территории, входящей ныне в состав территории Договари-

вающихся сторон, и касающиеся вышеупомянутых территорий, а равно и договоры, заключенные с третьими державами и касающиеся Закавказских Республик». Иначе говоря, РСФСР вместе с Турцией вынудили марионеточное правительство советской Армении заявить об отказе от прав и оснований на армянские территории, которые перешли к Армении в качестве правопреемницы бывшей Российской империи, а также от территориальных прав и оснований, которые были установлены или подтверждены мировым сообществом государств по международным договорам, заключенным с участием Армении и в соответствии с обычной международной процедурой, равно как и от арбитражного решения Президента США В. Вильсона.

Стремясь лишить армянский народ права ссылаться на международные, в том числе и многосторонние договоры, которыми международное сообщество признало его права на свои национальные территории, и добиваясь с этой целью отказа от всех международных договоров, относящихся к этим территориям, и в то же время желая навязать Армянской ССР свою политическую сделку, посредством которой они незаконно распорядились армянской национальной территорией и установили границы третьего государства, Турция и РСФСР включили в указанную ст. 1 Карсского договора специальный пункт, которым предотвращалось распространение действия этой статьи на противоправный в отношении Армянской ССР Московский договор: «Считается установленным, что настоящая статья не применяется к Турецко-Русскому договору, заключенному в Москве 16 марта 1921 (1337) г.».

Таким образом, РСФСР, заключив с Турцией Московский договор и принудив Армянскую ССР подписать Карсский договор, лишила спасшихся от геноцида армянских беженцев и эмигрантов права на возвращение, поставила две трети армян в положение «народа без родины», «народа в изгнании».

Этой противоправной и безнравственной акции правительства советской России армянский народ «обязан» тем, что сегодня миллионы его сынов и дочерей лишены возможности жить единой жизнью своего народа в рамках своей национальной государственности. В некоторых странах они живут под вечной угрозой погромов за причиняемые ими «неудобства» коренному населению. События в Азербайджане, последовавшие после 1988 г., подтверждают реальность подобной перспективы.

Негативные, разрушительные последствия русско-турецкого договора 1921 г. выходят далеко за рамки Армении — непосредственной жертвы этой политической сделки. Санкционировав, по существу, геноцид армян, предоставив турецкому государству в награду за содеянное тягчайшее международное преступление территорию жертвы, большевистское правительство РСФСР взяло на себя историческую ответственность за последствия его безнаказанности не только для армянского народа, но и для других народов мира. Жертвой беспринципности правительства РСФСР в отношении преступления геноцида армян, совершенного турецким государством, стали 12 млн человек в Восточной Европе в годы Второй мировой войны¹. По турецкому же образцу совершил Сталин акты геноцида и депортаций многих народов СССР.

¹ О доле ответственности Великобритании и других западных держав за пособничество геноциду в виде подмены Севрского мирного договора Лозаннским и поддержки современной негационистской позиции Турции см. документы и Комментарий Раздела V (35, 36, 39, 40, 42, 45).

Пагубное значение русско-турецкого договора 1921 г. проявилось и в том, что это уродливое творение Сталина стало примером и прообразом другого его же творения — советско-фашистского договора 1939 г. с его секретными протоколами о разделе территории ряда малых и слабых государств.

Предавая национальные интересы армянского народа, лишая его почти всей национальной территории, обрекая на положение народа-изгнанника, советское правительство обещало исправить в «светлом будущем» несправедливость и беззаконие, допущенные в отношении армянского народа. Беспринципная позиция в вопросе о праве армянского народа Нагорного Карабаха на самоопределение показала, что советская власть до последнего дня своего существования продолжала, по существу, проводить ту же политику торговли национальными интересами армянского народа в своих политических интересах.

Исходя из изложенного, можно заключить, что:

- Московский и Карсский договоры во всем, что относится к Армении, армянскому народу и его национальной территории, являются грабительскими, безнравственными и противоправными. Основанные на насилии, они попирают все основополагающие императивные принципы и нормы международного права, которые приняты и признаны международным сообществом в целом как нормы, отклонение от которых недопустимо;

- в Московском и Карсском договорах отсутствуют все основные условия действительности международных договоров, установленные международным правом и конкретно правом международных договоров.

Договоры с такого рода пороками, посягающие на правовые и нравственные основы международных отношений, на саму человеческую мораль, не могут рассматриваться как юридически полноценные международные основания владения государственной территорией.

32. Политическая оценка Московского и Карсского договоров

4 декабря 1920 г. в связи с насильственной советизацией Армении Сталин счел время подходящим для подведения итога противодействия советского правительства России западным державам в Армянском вопросе. В статье, опубликованной в этот день в «Правде», он гневно разоблачал фарисейство буржуазной дипломатии, бесчестное предательство ею интересов «измученного и многострадального» армянского народа, которого «сотни лет кромсали и терзали» турецкие угнетатели — «наиболее жестокие из всех угнетателей». При этом он умалчивал, что именно советское правительство и он лично, войдя в преступный сговор с турецкими националистами, сорвали усилия международного сообщества по решению Армянского вопроса. Излагая большевистскую версию истории этого вопроса, Сталин писал: «Ни лживые заверения Англии, “вековой защитницы” армянских интересов; ни пресловутые четырнадцать пунктов Вильсона, ни широкообещательные обещания Лиги Наций с ее «мандатом» на управление Арменией — не смогли (и не могли!) спасти Армению от резни и физического истребления. Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления... Пусть знают все, кому вестать надлежит, что так называемую армянскую “проблему”, над которой тщетно ломали голову старые

волки империалистической дипломатии, оказалась в силах разрешить только Советская власть»¹.

Эта циничная реляция Сталина не содержит правды — горькой и трагической для армянского народа. Правды, о которой нельзя было говорить, ибо она наводила черную тень сомнения на дипломатическую победу «отца народов».

Сталин, конечно, не сказал, что он «решил» армянскую проблему, отдав туркам не только всю турецкую Армению, но и большую часть российской. Очевидно, в виде «премии» за успешное осуществление преступления против человечности. Он, конечно, не сказал, что, став на сторону геноцидного турецкого государства, советская Россия стала соучастником геноцида армян, а он сам, Сталин, — покровителем убийц армян.

Московский договор и его продолжение — Карсский договор облегчили Антанте сговор с турецкими националистами и открыли дорогу для подмены Севрского мирного договора с Турцией — Лозаннским. Сохранив благодаря Сталину свой пантюркистский потенциал, Турция из союзницы большевистской России превратилась в союзницу держав Антанты.

Гибельное последствие политической линии Сталина — сохранение пантюркистского потенциала кемалистов проявилось в годы Второй мировой войны. Тогда только победа над нацистской Германией спасла СССР от гибели и отторжения населенных тюркскими народами территорий.

Неизбежным следствием политики Сталина стал распад созданной при нем же советской «империи зла».

33. Политический фактор в урегулировании в рамках Парижской мирной конференции

Сложная политическая история Парижской мирной конференции в той или иной мере затрагивалась в связи с анализом документов, относящихся к послевоенному мирному урегулированию, приведшему к подписанию Севрского мирного договора и вынесению арбитражного решения Президента США В. Вильсона по территориальному разграничению Армении и Турции. Здесь необходимо остановиться на ключевых факторах, предопределивших судьбу этого подписанного, но не ратифицированного многостороннего мирного договора.

В этом отношении судьба Севрского мирного договора уникальна в мировой истории международных отношений. Она представляет особый интерес как в свете поучительного опыта международного сообщества по установлению ответственности государства за совершенное им преступление геноцида, так и в аспекте права международных договоров.

Как было показано выше, до Парижской мирной конференции все попытки пресечь геноцид армян обрекались на провал умелой игрой турецкого геноцидного государства на непримиримых противоречиях великих держав². Противоречия между великими державами сохранились, конечно, и в международных условиях, в которых проходило послевоенное мирное урегулирование.

¹ Док. № 974.

² См. документы и Комментарий Разделов II (1, 2) и III (6).

В рамках Парижской мирной конференции противоречия между великими державами в Армянском вопросе проявлялись, как уже было отмечено, главным образом между Великобританией и Францией, а также между Великобританией и Францией — с одной стороны, и США — с другой. Судьбоносными оказались противоречия между державами Антанты и США по вопросу о турецко-армянском разграничении.

Державы Антанты, в первую очередь Великобритания, опасались соперничества США, которые не случайно, конечно, воздержались от разрыва отношений и объявления войны Оттоманской империи — союзнице Германии, против которой они воевали. При дележе мандатов на управление богатыми нефтью территориями арабских стран державы Антанты американцам ничего не дали.

Разоренная многовековым разрушительным господством турок, обескровленная полувековым геноцидом, Армения нуждалась в международной опеке. Лишенная нефти и других минеральных ресурсов, она, в отличие от соседних арабских государств, не представляла большого интереса для вершивших судьбы мира великих держав. Армения не могла дать державе-мандатарии каких-либо экономических выгод.

Беда Армении заключалась не в том, что на нее претендовали несколько соперничавших великих держав, а, напротив, в том, что на нее не было претендентов. Когда после ухода с политической арены России как традиционной защитницы армянского народа возникла идея международного мандата на временное управление Арменией для чисто гуманитарных целей — восстановления страны, требующего больших финансовых затрат, оказалось, что единственной реальной кандидатурой на получение такого мандата были США, народ которых уже многие десятилетия проявлял христианское сострадание к стране-мученице. Для этого подходила и сама фигура Президента США Вудро Вильсона — апостола американского идеализма и мессианства, выразителя гуманистических традиций народа Соединенных Штатов.

Однако в США были и прагматично ориентированные силы, претендовавшие на более выгодные условия распределения мандатов. Это проявилось уже в 1919 г., когда Вильсон направил на Ближний Восток специальную миссию генерала Харборда. Сославшись на то, что решить проблему обеспечения безопасности армянского населения можно будет только в том случае, если мандатом одного государства будет охвачена как Армения, так и собственно турецкая территория, Харборд высказался за принятие единого мандата. При этом он опирался на пожелания, высказанные турецкими националистами: подобно тому, как «кровавый султан» Абдул Гамид, чтобы сорвать проведение в армянских вилайетах реформ под наблюдением великих держав, предлагал проводить их в границах всей Оттоманской империи, националисты с целью лишить смысла установление особого мандата на Армению предлагали генералу Харборду, чтобы США приняли мандат на управление империей в целом.

Державы Антанты, конечно, не пожелали дать свое согласие на такое решение, и дальнейшее обсуждение вопроса касалось мандата только на Армению. При этом правительство США добивалось установления границ подмандатной Армении в границах исторической Армении с выходом в Каспийское море и в Средиземное море в Киликии — на территории средневекового армянского государства.

Как отражение этих настроений, в официальном комментарии к известным «Четырнадцати пунктам» вильсоновской программы послевоенного устройства мира, составленном в октябре 1918 г. главным советником Президента полковником Хаузом, выдвигалось категорическое требование дать Армении выход в Средиземное море: «Армении должен быть предоставлен порт на Средиземном море», — говорилось в этом документе¹.

Выше отмечалось, что и сам Президент США Вильсон на заседаниях Совета четырех Парижской мирной конференции 20 марта и 14 мая 1919 г. ставил вопрос об обеспечении выхода Армении к Средиземному морю².

После того как Президент Вильсон принял установленные Великобританией и Францией условия арбитража, уполномочившие его на проведение границы между Арменией и Турцией в пределах вилайетов Вана, Битлиса, Эрзерума и Трапезунда, против принятия мандата США на Армению категорически выступила прагматически ориентированная республиканская оппозиция. Сторонники изоляционизма, не желавшие ввязываться в дрязги Старого Света, выражали недовольство тем, что Англия и Франция, присвоив наиболее ценные ионациональные территории наследства Турецкой империи — богатые нефтью арабские страны, предоставили нищую, обескровленную, разоренную Армению попечению США, лишив ее при этом естественного выхода в Средиземное море.

Таким образом, большое геостратегическое значение Армении оборачивалось против самого армянского народа. Соперничавшие за господство в Ближневосточном регионе великие державы Антанты, настороженно относившиеся к утверждению там Соединенных Штатов, сделали все, чтобы ограничить их возможности.

Единственное, что в определенной мере привлекало державы Антанты в идее мандата США на Армению, состояло в неафишировавшейся надежде привлечь их к активному противодействию большевистской экспансии. Проигрывая политическое и дипломатическое состязание с советской Россией за привлечение турецких националистов на свою сторону, державы Антанты, в первую очередь Великобритания, хотели бы втянуть США в эту конфронтацию.

Большевистское правительство России было категорически против установления мандата США на управление Арменией. Поэтому в случае такого развития событий их столкновение с большевистской Россией как союзницей турецких националистов стало бы неизбежным.

Поддержка Великобританией кемалистской экспансии на Восток была направлена прежде всего против советской России, но в определенной мере она была направлена и против внедрения США в Армению. Это послужило еще одним основанием для формирования отрицательного отношения республиканской оппозиции к идее установления мандата США на Армению.

Сенат США, понимая, что принятие мандата на Армению вовлечет их в войну как против советской России, так и против турецких националистов в чуждых им колониальных интересах Великобритании³, отказался от мандата на управле-

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944. С. 157.

² См. док. № 381 и Комментарий по Разделу III (16).

³ США сами не обладали колониями и в принципе были против колониализма. При этом они исходили из того, что освобождение колоний открывало возможности для экономического проникновения в эти страны. В период «холодной войны» их сдержанное отношение к антиколониальной борьбе народов объяснялось в основном соображениями антикоммунизма.

ние Арменией. Однако сам Президент США выполнил свои обязанности арбитра и по предложению Лиги Наций согласился выступить посредником в урегулировании армяно-турецкого военного конфликта.

В ожидании решения вопроса об установлении мандата США на управление Арменией подписание Севрского договора затянулось. Только после того, как Сенат США «почтительно» отклонил предложение мандата на Армению, сделанное от имени Союзных держав, Парижская мирная конференция признала международную правосубъектность Армении, и она вместе с другими Союзными державами подписала 10 августа 1920 г. многосторонний Севрский мирный договор с Турецкой империей. Этим объясняется, почему он был подписан с таким запозданием по сравнению с другими мирными договорами. Отказавшись от предложенного мандата на управление Арменией, США также признали международную правосубъектность российской Армении как часть решения общей гуманитарной проблемы Армении.

Вопреки утверждениям советских историков, США, в принципе, выступали за территориальную целостность российского государства и поэтому отказывались признавать независимость государств, образовавшихся после Октябрьского переворота в Прибалтике и в Закавказье. Государственный секретарь США Бейнбридж Колби в известной ноте, адресованной 10 августа 1920 г., в день подписания Севрского мирного договора, послу Италии Авецценне, обосновал позицию своей страны в отношении непризнания государств, образовавшихся на территории Российской империи, уважением ее территориальной целостности. Исключение допускалось лишь для собственно Финляндии, этнической Польши и территории российской Армении, которая должна была стать «частью территории» восстанавливавшегося армянского государства. Исключения, допускавшиеся для Польши, Финляндии и Армении, США объясняли тем, что каждая из них была насильственно аннексирована и «их освобождение от угнетения и чужеземного правления не означает агрессию в отношении территориальных прав России и пользуется поддержкой общественного мнения всех свободных народов»¹.

Государства—участники Парижской мирной конференции были связаны торжественными международными обязательствами защитить права народа, ставшего жертвой преступления против человечности — «убийства целого народа»², но они своих обязательств не выполнили. Будучи вынужденными признать бесспорные права армянского народа на политическую независимость, на восстановление своей государственности, на воссоединение, Союзные державы, по циничному утверждению Ллойд Джорджа, «не были намерены помочь армянам защищать территории, которые мы им даем на бумаге»³. Их решения, по словам Черчилля, «были только пустыми словами»⁴. Ллойд Джордж 29 июня 1920 г. открыто заявил в британском парламенте, что армянские территории «турецкой» Армении нужно отвоевать, «если армяне намерены иметь что-либо кроме бумажной Армении»⁵.

¹ Док. № 449—450.

² См. документы и Комментарий Раздела III (13).

³ *Lloyd George D. The truth about the peace treaties.* Vol. II. London 1938. P. 1310.

⁴ *Черчилль У. Мировой кризис.* М.—Л., 1932. С. 278.

⁵ Цит. по: *Congressional record.* Vol. 59. Part 8. P. 7966. 66th Congress 2d Session.

Негативное воздействие политики на миротворческий процесс в рамках мирной конференции проявилось в том, что права Армении и армянского народа, признанные международным сообществом, были превращены в «голое право» — *nudum jus*. Иными словами, их права, основанные на нормах международного права, были признаны в чистом виде, без их реального обеспечения коллективными усилиями международного сообщества.

Хотя необходимость обеспечения прав народа — жертвы геноцида и реализация политической ответственности турецкого государства в виде лишения его права осуществлять территориальное верховенство в отношении Армении были обязанностью всего международного сообщества и в первую очередь государств, подписавших мирный договор, они почти ничего не сделали для реализации его установлений. Вместо этого они призывали армян «доказать свою способность защищать собственные границы без посторонней помощи»¹.

Установив политическую ответственность турецкого государства за совершенное им преступление и признав за Арменией право на независимое существование, Союзные державы возложили международную функцию по реализации многостороннего договора на вооруженные силы Греции на Западе и на вооруженные силы обескровленной геноцидом Армении на Востоке. Возложив на них эту международную функцию, уставшие от войны великие державы ограничивались лишь предоставлением небольшой военной помощи. Армяне и греки должны были защищать свои права в неравной борьбе с побежденной, но не разгромленной Турецкой империей.

Защищая свои права, они тем самым обеспечивали реализацию и других положений Севрского мирного договора, которыми предусматривались не только позитивные решения, как, например, освобождение от турецкого ига арабских стран, но и защита такого отжившего свое время института, как режим капитуляций, что позволяло защитникам турецких националистов представлять Армению и Грецию как орудие Антанты.

Ко времени подписания Севрского мирного договора противоречия между державами Антанты и большевистской Россией по Армянскому вопросу вышли на первый план. Реализация прав беззащитного народа — жертвы геноцида вступила в противоречие с корыстными интересами сцепившихся в смертельной схватке государств: колониальными, нефтяными и прочими интересами держав Антанты, с одной стороны, и социал-империалистическими интересами большевистского правительства России — с другой.

Это стало очевидно уже при подписании Севрского мирного договора. Чтобы реализовать свои законные права в противостоянии с турецкими националистами, Армения должна была добиться их признания советским правительством России. Не случайно, конечно, подписание временного мирного соглашения с РСФСР было приурочено ко дню подписания Севрского мирного договора. Хотя Россия, подписывая временное мирное соглашение с Республикой Арменией, стремилась противопоставить его урегулированию в рамках Парижской мирной конференции, выбор даты — 10 августа должен был служить указанием на признание не только международной правосубъектности Республики Армении, но и ее положения как участника многостороннего Севрского мирного договора.

¹ *Lloyd George D. The Truth About the Peace Treaties.* P. 1313.

Заключением этого соглашения были недовольны не только большевистские ястребы из сталинского клана, но и Союзные державы. Прибывшие в Ереван вскоре после подписания этого соглашения представители Великобритании и Франции в Закавказье потребовали разъяснить, не является ли это свидетельством изменения отношения Армении к Западу.

Представитель Великобритании в Закавказье Люк заявил представителям армянского правительства, что «их согласие на оккупацию большевиками Нахичевани, которая открывает им путь в Турцию и на северо-запад Персии, почти означает акт противодействия Великобритании и особенно достойно сожаления в момент, когда Армения только что получила британское вооружение и боеприпасы»¹. Заявление Люка было одобрено британским Форин офисом 19 августа.

Требуя, чтобы Армения сама защитила свои права, оставляя ее один на один с объединенным фронтом турецких националистов, азербайджанских национал-коммунистов и российских большевиков, представители держав Антанты стали упрекать Армению за то, что она попыталась как-то нейтрализовать враждебность советского правительства России. Хотя Армения была вправе рассчитывать на понимание западными державами важности и необходимости этого шага, он был воспринят ими почти как недружественный акт.

Политическая предвзятость обвинений держав Антанты в нелояльности правительства Армении была тем более очевидной, а их обвинения были тем более беспочвенными, что поддерживавшаяся советским правительством России агрессивность советского Азербайджана в отношении Республики Армении, его территориальные притязания на армянский Карабах «обосновывались» именно двусмысленным поведением английских оккупационных властей в Карабахе в 1919 г.

Хотя правительство Армении заверило представителей западных держав в том, что оно по-прежнему остается на антибольшевистских позициях², заключение им соглашения с советским правительством России усилило позиции тех кругов держав Антанты, которые хотели бы добиться примирения с турецкими националистами за счет законных прав и интересов армянского народа³. Не будет преувеличением сказать, что, навязав Армении, не воевавшей с Россией, временное мирное соглашение, Наркоминдел РСФСР отдалил Армению от Союзных держав в самый критический период ее истории⁴.

34. Политический аукцион: предательство по-европейски

По мере усиления советской России и укрепления ее фактического военно-политического союза с турецкими националистами в правящих кругах Великобритании — ее спецслужбах, военном ведомстве и колониальных кругах — начала формироваться установка на противодействие советскому экспансионизму.

¹ Док. № 771.

² Там же.

³ См. Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван, 1991. С. 302—303.

⁴ Об этом см. также и другие части Раздела V Комментария, в которых рассматриваются документы Сборника, относящиеся к политике великих держав, представленных на Парижской мирной конференции и в Лиге Наций — V (35, 36).

Для этого надо было пойти на такие же уступки туркам, какие сделало большевистское правительство России. Иначе говоря, надо было отказаться от Севрского мирного договора. Ввиду принятых перед всем миром, в том числе и перед своими народами, торжественных обязательств решить Армянский вопрос по справедливости, на основе международного права, западные державы не могли просто отказаться от многостороннего мирного договора. Поэтому дипломатия стран Антанты занялась демонтажом международно-правовых основ решения Армянского вопроса де-факто.

Прежде всего надо было умерить рвение Лиги Наций: занявшись рассмотрением Армянского вопроса практически с первых дней своего существования, она единодушно осуждала совместную агрессию кемалистской Турции и большевистской России.

Отношение Лиги Наций к решению Армянского вопроса рассмотрено выше. Здесь необходимо остановиться на политике держав Антанты — членов этой организации в общем контексте анализа политического фактора в определении отношения Запада к Армении и Турции.

Проблема заключалась в том, что без помощи создавших ее великих держав — победительниц в Первой мировой войне сама эта международная организация не имела реальных возможностей для практического осуществления своей задачи противодействия агрессии. Поэтому, оказавшись перед необходимостью военной силой пресечь агрессию турецких националистов и их военно-политического союзника — большевистского правительства России, Лига Наций в лице ее Ассамблеи и Совета обратилась к Верховному совету Союзных держав, а тот, в свою очередь, переадресовал просьбу государствам — участникам Севрского мирного договора.

Не имея намерения обеспечить через Лигу Наций военную защиту Армении от турецкой и большевистской агрессии, правительства Великобритании, Франции и Италии направили свои усилия на то, чтобы не допустить приема Армении в Лигу Наций и соответственно вмешательства этой организации для отражения агрессии на основании ст. 11 ее Устава.

В тот самый день, когда Армении был силой навязан Александропольский договор — 3 декабря 1920 г., участники Совещания представителей британского, французского и итальянского правительств в Лондоне высказались против принятия Республики Армении в Лигу Наций. Своим представителям в Лиге Наций они дали указание не допустить принятия Армении в эту международную организацию.

Затем участники трехстороннего совещания сосредоточились на вопросе о судьбе Севрского договора. Министр иностранных дел Великобритании Керзон сообщил, что из Константинополя направляется миссия к Мустафе Кемалю и что правительство самой Оттоманской империи «объявило о своем намерении ратифицировать Севрский договор спустя три дня после прибытия этой миссии в Ангору». Правительство Оттоманской империи, по словам Керзона, считало, что безотлагательная ратификация им договора улучшила бы позицию на переговорах с Кемалем, ибо тогда оно могло бы заявить ему, что основные положения договора должны остаться неизменными и что в этот документ невозможно будет внести изменения, за исключением каких-то деталей.

На вопрос главы французского правительства Леги, как будет складываться положение, если Турция ратифицирует договор, а Франция не ратифицирует, Ллойд

Джордж ответил, что Франция будет находиться в состоянии войны с Турцией и положение будет такое же, какое существует сейчас между США и Германией.

Леги заметил, что представители французского правительства на этой конференции стремятся добиться полного взаимопонимания с британским правительством относительно того, каким должен быть наилучший подход к трудной ситуации на Ближнем Востоке.

Леги дистанцировался от откровенно грубой постановки вопроса, заявив, что приведения Севрского договора в соответствие с «новой ситуацией» якобы требует «общественное мнение во Франции». От себя же он добавил, что не должна быть закрыта «возможность пойти на взаимные уступки, чтобы обеспечить прочный мир, которого желают все».

Керзон ответил, что «эти изменения и уступки можно было бы надлежащим образом обсудить только после того, как станут известны результаты встречи между Мустафой Кемалем и миссией из Константинополя». Согласно информации, которой располагал Керзон, Кемаль был заинтересован в достижении *modus vivendi* с центральным турецким правительством. Исходя из того, что озабоченность Кемалья вызвана «искренним чувством недоверия и опасения» в связи с успехами большевизма, Керзон считал, что «любые уступки и изменения, вносимые Союзниками в договор с Турцией, должны основываться на условиях соглашения, достигнутого самими турками».

Ллойд Джордж подтвердил, что если Франция откажется ратифицировать Севрский договор, который был выработан на французской земле и когда на конференции председательствовал Президент Франции, то может возникнуть очень серьезная ситуация: «Этот договор сам по себе является итогом согласия между Союзниками, и французское правительство поставит себя в очень глупое положение, если окажется, что Национальное собрание Франции на самом деле придерживается мнения, что в одном месяце можно достичь соглашения, а в другом — разорвать его».

Леги сказал, что он очень хочет избежать непонимания в этом вопросе. Франция ни на минуту не отказывалась уважать свою подпись, но парламент, пресса и общественность едины во мнении, будто «возникла новая ситуация, которая требует возможных изменений в договоре с целью учесть очень разные условия». Глава французского правительства хочет действовать совместно с союзниками, и сам он против любого кардинального пересмотра договора, но «если бы британские представители признали возможность внесения в будущем в договор изменений и уступок, то тем самым ему была бы оказана огромная поддержка».

Представитель Италии Сфорца отметил, что хотя, по информации англичан, правительство Оттоманской империи «очень хочет ратифицировать договор», он сомневается, что это относится и к Кемалю. «Не является ли более вероятной мысль о том, что он очень враждебно относится к ратификации?»

Бертело вновь привел французскую точку зрения: если удастся начать переговоры с Кемалем, то отказом от претензий греков на Смирну можно было бы прийти к «всеобщему миру».

Ллойд Джордж, в свою очередь, вновь подтвердил свою уверенность, что Кемалем движет пантюркизм. Кемаль, по его словам, «фактически смотрит на Восток и ищет возможность возродить историческое противостояние между русскими и турками». Поэтому турки, по расчетам Ллойда Джорджа, неизбежно будут

искать поддержки Запада: «Каждый раз, когда турки враждовали в прошлом с Россией, они вынуждены были обращаться за помощью к западным державам». Исходя из своего видения перспектив, Ллойд Джордж считал, что территориальные уступки туркам должны делаться не на Западе, а на Востоке, т.е. в Армении.

Определив стратегию откола кемалистов от советской России (привлечения Кемалья на свою сторону), Ллойд Джордж предложил и тактику действий: «Мустафа Кемаль — человек восточного склада ума, и с ним надо обращаться как с таковым. Один из основополагающих принципов общения с людьми такого склада ума — это дать им возможность первым сделать предложение». Ллойд Джордж заявил, что он за достижение мира, но что было бы крайне опасно публично провозгласить это как цель союзников. Если бы это было сделано, цена Кемалья незамедлительно возросла бы и выдвигаемые им условия стали бы неприемлемыми.

Леги заявил, что согласен с Ллойд Джорджем «почти по всем пунктам». Особенно важным, по его мнению, была мысль о том, что Союзные державы не должны разглашать свои предложения и дать Мустафе Кемалю возможность первым выступить с предложением¹.

Тем временем английская и французская дипломатия продолжала поиски путей к срыву Севрского мирного договора. Поскольку в качестве международно-правового основания «отсрочки» принятия Армении в Лигу Наций правительства этих стран выдвинули тезис о том, что вопрос о ее границе с Турцией еще не решен, они обратились в Государственный департамент США с просьбой «отложить публикацию» арбитражного решения Президента США В. Вильсона о разграничении территории Армении и Турции².

Президент США Вильсон, не желая идти на поводу правительств Англии и Франции, опубликовал свое арбитражное решение, подтвердив тем самым территориальные права Армении. Это устраняло все формальные препятствия, выдвигавшиеся против принятия Армении в Лигу Наций и защиты ее права на государственное существование. В то же время создавало возможность для использования территориальных прав Армении советским правительством России.

Это еще больше поднимало шансы турецких националистов на достижение политического соглашения с державами Антанты. Политическая обстановка, антагонизм между советской Россией и державами Антанты давали кемалистам возможность устроить политический аукцион: турки пойдут с теми, кто больше уступит в Армянском вопросе.

В этом отношении примечателен приводимый в Сборнике документ — запись состоявшейся 23 января 1921 г. беседы Бодреро — представителя миссии Италии (участницы лондонских совещаний) с кемалистским дипломатом Али Фуадом, участником намеченных на февраль 1921 г. переговоров о заключении договора правительства ВНСТ с РСФСР.

На вопрос о позиции правительства ВНСТ на предстоявших переговорах с прибывшей в Ангору миссией султанского правительства и Антанты Али Фуад изложил условия, на которых кемалисты могут договориться с Антантой. На прямой вопрос, как кемалисты хотят решить Армянский вопрос, представитель кемалист-

¹ См. док. № 482.

² См. док. № 527, 534.

ского правительства ответил: «Это решение зависит от того, будет ли нами достигнуто соглашение с Антантой, или она вынудит нас искать соглашение с Москвой.

В первом случае: на Московской конференции¹ мы ставили вопрос: является ли Армения независимой страной? Если да, то почему на территории Армении находятся российские войска? Если же Армения не независима, то она может быть разделена между Россией и Турцией на сферы влияния. Мы обязуемся очистить территорию Армении, но не раньше, чем то же сделает Россия и, кроме того, в стране (Армении) создается устойчивый политический порядок».

Будущее Армении, по словам Али Фуада, мыслилось «в пределах соглашения 14-го г. (между Россией и Турцией). Будет ли эта Армения называться Республикой или как-нибудь иначе — нас не занимает, — сказал он. — Важно одно, чтобы Армения не представляла воткнутого нам в бок ножа».

Али Фуад пояснил, что, если кемалисты с Антантой не сговорятся, тогда они заключат договор с Россией на условиях раздела Армении: «Вступим в соглашение с Россией. Ей мы уступим часть Армении взамен компенсации — Аджария, Ахалцих и Карсскую область». Много, по словам турецкого дипломата, будет зависеть «от того, с кем будет у нас соглашение, с Антантой или же с Россией. Если будет последнее, то мы будем требовать себе Батумскую область и Ахалцихский пашалык, остальная же Грузия должна быть в сфере влияния Турции. *Вообще же наша задача — обойтись без Москвы*»².

Интересно отметить, что, как утверждал Али Фуад, при решении в рамках соглашения с Антантой «видные политические деятели Армении (Нубар паша, Норадунгян) не будут против этого исхода».

Такой аукцион на официальном уровне был устроен в Лондоне во время работы в Москве двусторонней конференции большевистского правительства России и правительства ВНСТ, созданной для заключения всеобъемлющего договора. В Лондоне и в Москве разыгрывалась политическая приверженность кемалистской Турции, а главной ставкой были армянские территории.

По решению Верховного совета держав Антанты на Лондонскую конференцию представителей правительств Британской империи, Франции, Италии, Японии, Бельгии и Греции, состоявшейся с 18 февраля по 18 марта 1921 г., были приглашены представители как законного султанского правительства Оттоманской империи во главе с Великим визирем Тевфик пашой, так и ангорского правительства ВНСТ. Показательно, что правительство ВНСТ было представлено в Лондоне «Министром иностранных дел» Бекиром Сами, в то время как в Москве — только заместителем «Наркома».

Этот приоритет объясняется тем, что турецкие националисты и сам Кемаль рассчитывали, что на Лондонской конференции Союзных держав Севрский договор «будет пересмотрен и смягчен»³. Показательно и то, что эти две турецкие делегации после открытия конференции объединились.

От армянской стороны были приглашены две делегации: представитель правительства в изгнании — А. Агаронян, представитель западных («турецких») ар-

¹ Имеется в виду первая Московская конференция в июле — августе 1920 г. См. Комментарий по Разделу V (13).

² Док. № 1052. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Док. № 1055.

мян — Богос Нубар, а также Мальколм и генерал Багратуни. На заседании 26 февраля Агаронян и Нубар потребовали, чтобы Верховный совет выступил за целостность Севрского договора. Керзон указал им на возникшие трудности, которые «можно свести к трем группам, а именно: большевизм в российской Армении, оккупация Мустафой Кемалем большей части армянской территории и неспособность держав направить значительные силы на помощь Армении»¹. Поэтому он просил сообщить, какие территориальные границы Армении армянская делегация считает необходимыми для существования армянского государства. Керзон напомнил, что Конференция в Сан-Ремо передала определение границы Армении Президенту США Вильсону и что Президент Вильсон «установил границу, которая включает в себя несколько участков турецкой территории, а также порт Трапезунд». Заявив, что возникнет «очень серьезная практическая трудность» в установлении границы в соответствии с решением Президента Вильсона, Керзон задал два конкретных вопроса, а именно: 1) «Каких важных для Армении границ добиваются обе делегации» и 2) «Какие ресурсы — человеческие и денежные — сама Армения может мобилизовать, чтобы добиться своей независимости».

Богос Нубар паша ответил, что сами армяне не претендовали на Трапезунд (где армянское население не составляет большинство), а только требовали «свободного доступа к морю через Трапезунд». Что же касается остальной части решения Президента Вильсона относительно границы, он сослался на неосведомленность относительно его содержания («решение Президента Вильсона не было доведено до сведения армянской делегации»), но высказал готовность армян «проявить сговорчивость».

Отвечая Керзону, который попросил Агароняна дать информацию относительно Александропольского договора, тот пояснил, что «договор был навязан силой и был категорически отвергнут армянами», но он «не знает точно», какие границы в нем предполагались. Керзон обещал, что заявления армянских делегатов будут сообщены Верховному совету, «который и принимает окончательное решение».

Дальнейшее обсуждение Армянского вопроса проходило без участия армянских представителей. В нем участвовали только представители султанского правительства Оттоманской империи и ангорского правительства кемалистов. Представитель ангорского правительства с самого начала выступил с требованием восстановить Турцию в границах 1913 г., но без арабских стран. Французская и итальянская делегации, действуя, судя по всему, по заранее разработанному сценарию, высказались за пересмотр Севрского договора, хотя и не столь определенно и решительно, как того ожидали турки.

Керзон предложил сосредоточиться на ст. 88—93 Севрского договора. Он сказал, что «в том, что касается Армении, произошли значительные перемены в силу ряда событий и действительное положение в этой стране все еще неясно до некоторой степени».

Министр иностранных дел Великобритании с самого начала дал ясно понять, что абсолютно необходимо сохранить в договоре некоторые принципы независимо от того, можно ли будет внести какие-либо изменения в положения договора в той его части, которая касается Армении. «Когда разрабатывался Севрский дого-

¹ Док. № 1075.

вор, — сказал Керзон, — решено было, что западные границы Армении должны быть переданы на арбитражное решение Президента Вильсона. Границы, которые установил Президент, включают округа, которые сейчас в значительной степени находятся в руках турецких националистов. Кроме того, в результате вторжения националистов и оккупации Карса и Александрополя, правительство русской Армении как раз перед большевизацией страны подписало соглашение с кемалистским правительством. Однако этот договор никогда не был ратифицирован и поэтому юридически не существует. Остается выработать новый договор».

Лорд Керзон добавил, что, желая «быть совершенно откровенным», хотел бы, чтобы турецкая делегация ясно поняла, что «Европа — т.е. державы, одержавшие победу в войне, — дала торжественное обязательство создать независимое государство Армения. Поэтому совершенно невозможно установить мир, который не предусматривает этой независимости и который не предоставляет Армении четкие границы. Хотя он не хочет обсуждать детали таких границ, тем не менее необходимо сразу же заявить, что державы не представляют себе создание любой Армении, которая не включает Карс, Ардаган и Александрополь. В интересах самой Турции иметь у своих границ удовлетворенную и независимую Армению. Может оказаться, на самом деле, что границы, определенные Президентом Вильсоном, недостижимы, но в любом случае очевидно, что должна быть создана какая-то независимая Армения»¹.

Министр иностранных дел ВНСТ Бекир Сами ответил, что «его правительство всячески желает создания независимой Армении в тех регионах, где существует армянское большинство и где логически может быть создано независимое государство»². Он сказал, что «они очень хотят жить в мире с такой Арменией». Говоря об Александропольском договоре, турецкий министр согласился с тем, что «договор не ратифицирован», но в связи с возвращением в Армении прежней власти³ «правительство Ангоры каждый день ждет ратификации». Бекир Сами «с радостью» обратил внимание на заявление лорда Керзона о том, что договор, который не ратифицирован, юридически не существует, и выразил надежду, что «этот принцип будет применен также и к Севрскому договору». Армения, сказал он, должна создаваться на этнической основе и если вилайеты Ван и Битлис считать курдскими, то где же окажется Армения?

Когда Бекир Сами заявил, что после занятия Карса и бегства армян население города Карс стало «в подавляющем большинстве турецким», Керзон прервал представителя кемалистов, заявив, что должен напомнить ему, что «он фактически претендует на территорию, которая не принадлежала Турции в течение 50 с лишним лет, и что *немыслимо, чтобы Турция, которая потерпела поражение в этой войне, вышла из нее с приращенной территорией*»⁴.

Бекир Сами бей ответил, что «он основывает свою претензию на эти округа на концепции национальности, но что он готов оставить это решение на усмотрение Верховного Совета».

Лорд Керзон согласился, что «этот вопрос надлежит решить Верховному Совету и что будут разработаны предложения, с которыми турецкой делегации

¹ Док. № 1075.

² Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

³ Имеется в виду февральское восстание и временное восстановление власти Республики Армении.

⁴ Док. № 1075. Выделено нами. — Ю.Б.

предложат согласиться». По его словам, на какой-то более поздней стадии, быть может, возможно будет послать какую-то смешанную комиссию расследования, но в данный момент нежелательно рассматривать этот вопрос иначе как в предварительном порядке: «В настоящий момент он хочет только четко заявить турецкой делегации, что *державы абсолютно полны решимости в необходимости создания независимой Армении — Армении в довольно обширных размерах и с достаточной независимостью, чтобы обеспечить ее существование*. Карс, Ардаган и Александрополь должны, конечно, быть включены в такую Армению»¹.

Бекир Сами повторил, что «правительство Ангоры вполне готово признать независимую и жизнеспособную Армению. Турция и Армения будут соседями, и турецкая делегация не хочет сеять раздора с самого начала». Он исключил возможность возникновения по этому вопросу каких-то трудностей между Турцией и Союзными державами.

Во время секретных переговоров с Премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем глава кемалистской делегации проявлял готовность «повести турецкую внешнюю политику по антисоветскому пути и на этой основе договориться с Антантой». Бекир Сами предлагал в обмен на смягчение для Турции условий Севрского мирного договора включить Турцию в антисоветский фронт, организовать союз между кемалистским правительством и горцами Северного Кавказа в целях «борьбы с большевизмом».

11 марта державы Антанты сделали новые мирные предложения Греции и Турции. Хотя эти предложения отвечали турецким требованиям, они были отвергнуты не только Грецией, но и Турцией.

В то же время в результате переговоров, которые Бекир Сами вел с Францией и Италией в тайне от англичан, были подписаны от имени ангорского правительства соглашения с Францией (9 марта) и с Италией (12 марта 1921 г.). Взамен предоставляемых концессий и других «экономических преимуществ» эти державы обязались эвакуировать свои войска из Турции и поддержать некоторые требования турок.

Английское правительство, которое к этому времени практически отказалось от идеи наказания турецких деятелей, захваченных при высадке десанта в Стамбуле 16 марта 1920 г., решило сделать жест примирения с турецкими националистами. 16 марта 1921 г. официально объявленный как день подписания советско-турецкого договора о дружбе и братстве², Министр иностранных дел Великобритании Керзон подписал в Лондоне соглашение с Министром иностранных дел ВНСТ Бекиром Сами об освобождении всех британцев, захваченных кемалистами, в обмен на освобождение всех интернированных на Мальте турок, за исключением тех, кого обвиняли в резне армян и в нарушении законов и обычаев войны. Подлежали освобождению 64 турка и 22 британских подданных³.

¹ Док. № 1075. Выделено нами. — Ю.Б.

² О причине переноса действительной даты подписания—18 марта на фиктивную—16 марта см. Раздел V (29) Комментария.

³ Negotiations with the Turkish Nationalists for the Mutual Release of Prisoners of War. Memorandum by the Secretary of State for War, 29 August 1921, Appendix D: Agreement for the Immediate Release of Prisoners. FO 371/6504 (E 10117/132/44) (C/P/3269); Rumbold to Curzon, 23 March 1921 (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First series. Vol. 17. P. 84—85).

Тем не менее этот раунд переговоров к желаемому турками исходу не привел. Основы Севрского мирного договора были сохранены в неприкосновенности. Не имея возможности в одностороннем порядке отказаться от зафиксированных в многостороннем мирном договоре территориальных прав Армении и армянского народа, правительства Англии и Франции ограничивались лишь обещанием добиться пересмотра некоторых его положений.

Предложенные уступки турок не удовлетворили. Соглашения с Францией и Италией не были одобрены правительством ВНСТ. Было отклонено и соглашение, подписанное с Керзоном: кемалистское правительство ВНСТ, пользовавшееся поддержкой организаторов и исполнителей массовых убийств армян, не могло согласиться с исключением из этого соглашения тех, кто участвовал в резне. Требуя обмена «всех на всех», оно отвергло это соглашение с англичанами.

В соперничестве с большевистским правительством России за привлечение турок на свою сторону ценой территориальных уступок за счет Армении державы Антанты были в заведомо проигрышном положении. Большевики, не будучи ограничены необходимостью считаться с общественным мнением и с международными обязательствами России, отвергли Севрский договор, сняли вопрос об ответственности турок и турецкого государства за геноцид армян, отдали туркам все армянские территории, которых они добивались, отказались не только от собственного Декрета о независимости турецкой Армении, но даже подарили туркам в придачу еще и Карсскую область, а азербайджанцам — Нахичеван. Возможности же западных держав допустить открытое предательство прав и интересов Армении были сильно ограничены общественным мнением своих стран и международными обязательствами.

Большевики, свободные от соображений права и морали, предложили туркам больше, чем могли предложить западные державы, и поэтому переиграли их. Державы Антанты, у которых было меньше возможностей для политического маневра в предательстве прав и интересов народа — жертвы геноцида, соревнование с большевиками проиграли.

35. Армянский вопрос в Лиге Наций

Лига Наций — первая политическая организация всемирного масштаба — предшественница ООН — была создана после Первой мировой войны.

Устав Лиги Наций был подписан 44 государствами, в том числе 31 «первоначальным членом» Лиги — США, Великобританией, Францией, Италией, Японией, Канадой, Австралией, Южно-Африканским Союзом, Новой Зеландией, Индией, Китаем, Бельгией, Боливией, Бразилией, Кубой, Эквадором, Грецией, Гаити, Хиджазом, Гондурасом, Либерией, Никарагуа, Панамой, Перу, Польшей, Португалией, Румынией, Югославией, Сиамом, Чехословакией, Уругваем и 13 государствами, не участвовавшими в Первой мировой войне, но приглашенными подписать Устав — Аргентиной, Чили, Колумбией, Данией, Норвегией, Испанией, Парагваем, Нидерландами, Ираном, Сальвадором, Швецией, Швейцарией и Венесуэлой.

Армения отвечала всем условиям, необходимым для статуса первоначального члена — учредителя Лиги. Армянский народ принес больше жертв для победы

Союзных держав, чем многие другие первоначальные члены Лиги Наций. 300 тыс. армян участвовало в войне против государств германского блока в составе вооруженных сил России. Много армян-добровольцев сражалось против турецкой армии. Армяне сражались и в войсках Великобритании и Франции. Своей самоотверженной борьбой армяне способствовали поражению Турецкой империи в Первой мировой войне.

Международная правосубъектность Армении была признана уже в 1918 г. самой Оттоманской империей. Она была признана и советской Россией. Союзные державы Антанты признали Армению де-факто.

Одной из причин, если не основной причиной, сдержанного отношения к признанию де-юре был вопрос об установлении временного мандата на управление Арменией по гуманитарным соображениям — для помощи в постгеноцидной реабилитации. Предполагалось, что наиболее подходящей для этих целей державой были США или же создававшаяся первая международная политическая организация мирового масштаба — Лига Наций. Статус подмандатной территории считался несовместимым с членством в Лиге Наций в качестве суверенного государства.

Система мандатов, ставшая составной частью послевоенного мирного урегулирования, была нововведением в международном праве. Согласно этой системе, юридически закрепленной в ст. 22 Устава Лиги Наций, территории, отторгнутые у Турции, и колонии Германии не становились территорией держав-победительниц или других государств, а попадали под действие мандатной системы, переходя под высший надзор Лиги Наций. Управление от имени этой международной организации доверялось соответствующим державам на условиях, установленных в письменных соглашениях, именованных мандатами, между Лигой и каждым мандатарием. Держатель мандата самой территории не приобретал и, следовательно, не мог аннексировать или уступать ее. Он обладал правами лишь в объеме, необходимом для целей выполнения мандата в отношении доверенной ему территории.

Территории бывшей Турецкой империи (Ирак, Палестина и Трансиордания, Сирия, Ливан) составляли первую (высшую) группу мандатов типа «А». Уставом Лиги они определялись как «некоторые области, ранее принадлежавшие Оттоманской империи», которые «достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций может быть временно признано под условием, что советы и помощь мандатария будут направлять их управление впредь до того момента, когда они окажутся способными руководить собой. Пожелания этих областей должны быть прежде всего приняты в соображение при выборе мандатария» (ст. 22).

Принимая решения о послевоенном устройстве Армении, Парижская мирная конференция неизбежно должна была учитывать состояние народа и страны, ставших жертвой геноцида. Было очевидно, что без международной гуманитарной помощи не обойтись. Такая помощь могла быть оказана либо путем передачи Армении под временное управление по мандату Лиги Наций, либо под непосредственное управление этой международной организацией.

Союзные державы, представленные на Лондонской конференции, достигли соглашения о признании независимости Армении, чья финансовая система и военная организация должны были создаваться при помощи Лиги Наций.

Материалы Сборника, в частности, те, которые связаны с рассмотрением Армянского вопроса в Лиге Наций, подтверждают гуманитарный характер вопроса об установлении временного мандата на управление Арменией. Это должен был быть мандат особого рода — для решения гуманитарных задач от имени всего человечества. Вопрос о мандате на временное управление Арменией возник не как альтернатива государственной независимости Армении, а как мера, необходимая для ликвидации последствий геноцида, как предпосылка независимости для страны — жертвы геноцида. Задача мандатария заключалась не в подготовке к независимости, а в обеспечении независимости Армении.

Речь, по существу, шла о временной международной опеке на период реабилитации народа—жертвы геноцида: возвращения беженцев, решения вопросов экономики, обеспечения безопасности и т.п.

В отличие от других подмандатных территорий, освободившихся от власти Османской империи, которые привлекали месторождениями нефти, Армения, бедная в отношении природных ресурсов, разоренная и обескровленная, не сулила никаких экономических выгод. Напротив, она требовала существенных капиталовложений для ликвидации последствий разрушительного господства турок и для защиты от внешней агрессии.

Геополитическое положение Армении, которое в прошлом делало ее предметом соперничества великих держав, теперь оборачивалось против самих армян. Военно-политический союз двух изгоев международного сообщества — кемалистской Турции и большевистской России — ставил выполнение гуманистической функции мандатария перед неизбежностью военного столкновения с ними. Рассчитывать на умиротворение, на возможность морального воздействия на турецких националистов и их военно-политического союзника — советскую Россию — не приходилось.

12 марта 1920 г. Министр иностранных дел Великобритании Керзон от имени Верховного совета Союзных держав запросил Совет Лиги Наций, согласится ли эта международная организация взять под свою защиту независимую Республику Армению¹. Предварительно армянская делегация в Лондоне определила условия, на которых Лига Наций могла бы защитить Республику Армению. Из телеграммы Керзона, равно как и из заявления армянской делегации, явствовало, что Лигу Наций просили принять мандат на Армению, согласно условиям, изложенным в ст. 22 Устава этой организации.

Позиция Лиги Наций зафиксирована в одобренном Советом 11 апреля 1920 г. меморандуме «Будущий статус Армении»². В нем Совет Лиги высказался за то, чтобы были «эффективно обеспечены независимость Армении и поддержание порядка и безопасности на армянской территории».

Руководствуясь «исключительно желанием помочь народу, беды которого дали ему право на сочувствие и внимание цивилизованного мира», Совет Лиги Наций выразил «полное согласие с Верховным Советом в том, что касается требований армянского народа. Он рассматривает создание Армянского государства на основе обеспечения безопасности и независимости как обязательство всего человечества и как конечную цель, достойную усилий и жертв со стороны цивилизованных держав мира».

¹ Док. № 413.

² Док. № 421.

Заявив о своем желании «сотрудничать в достижении этой цели в пределах своих полномочий», Совет констатировал, что Лига Наций не государство и не располагает финансовыми и военными средствами, которые позволили бы ей принять на себя эффективное осуществление этой международной функции. Положения ст. 22 Устава Лиги Наций не предусматривают возможности принятия и осуществления мандата самой Лигой Наций. Ими предусматривается, что мандаты на управление будут предоставляться государствам и что они будут осуществляться под общим наблюдением этой международной организации.

Выразив убеждение, что будущее армянской нации будет наилучшим образом обеспечено, если какое-либо государство — член Лиги или какая-то другая держава проявит готовность принять мандат на основе ст. 22 Устава, Совет обратил внимание на политические и финансовые проблемы, с которыми столкнется государство-мандатарий.

Совет Лиги Наций констатировал, что «большая часть территории независимой Республики Армении в настоящее время находится под господством Османской империи и оккупирована турецкой армией. Лига Наций, не располагая военной силой, не в состоянии вынудить турок покинуть территорию Армянской Республики». Поэтому Совет Лиги просил прояснить, готовы ли Союзные державы «обеспечить Республике Армении, если необходимо, то и с помощью силы», вывод регулярных и иррегулярных турецких войск из тех территорий, которые «прежде принадлежали Османской империи, а теперь передаются Республике Армении». Совет Лиги запросил Верховный совет Союзных держав, готов ли он «при этих обстоятельствах обеспечить защиту армянской территории, пока это не будет обеспечено другими средствами», т.е. созданием с международной помощью армянской армии, способной выполнять эту задачу.

Совет просил прояснить еще один вопрос, существенно важный для принятия мандата: «Любой член Лиги Наций, который может быть приглашен принять мандат на Армению, несомненно захочет узнать, какие меры предусмотрены проектом Мирного договора с Турцией для обеспечения свободного доступа к морю независимой Армянской Республики. Это не только в интересах самой Армении, но и для того, чтобы можно было полностью обеспечить линии коммуникации между Армянской Республикой и державой-мандатарием».

Еще одним важным условием для установления мандата было создание финансовой системы, которая позволила бы Армении осуществлять наиболее необходимые общественные работы. Совет Лиги выразил готовность рекомендовать Ассамблее помочь созданию прочной финансовой основы путем предоставления Армении займов государствами—членами Лиги под международной гарантией. Совет обещал рекомендовать Ассамблее Лиги Наций, чтобы она добивалась от стран, входящих в Лигу, необходимых финансовых гарантий для государства-мандатария. Совет Лиги запросил Верховный совет, могут ли Союзные державы до этого времени предоставить такую гарантию.

По получении от Верховного совета Союзных держав надлежащих заверений Совет Лиги Наций выражал готовность заняться неофициальным опросом, чтобы выяснить, «готов ли какой-нибудь член Лиги принять мандат на Армению на вышеупомянутых условиях».

Выражая убеждение, что «наилучшим решением» Армянского вопроса было бы принятие мандата на Армению одной из цивилизованных держав под наблю-

дением и при полной моральной поддержке Лиги Наций, Совет Лиги отмечал, что «такое решение было бы приемлемым для Армении, удобным в отношении общих дипломатических предпосылок, на которых зиждется Устав Лиги Наций, и, вероятно, больше, чем любой другой план способствовало бы эффективной организации нового государства. Совет сделал бы все возможное, чтобы облегчить такое решение проблемы», указывалось в меморандуме.

В случае, если бы эти переговоры оказались безрезультатными, Совет Лиги выражал готовность возобновить консультации с Верховным советом Союзных держав для поиска практических методов обеспечения будущего Армении.

26 апреля Верховный совет информировал Совет Лиги Наций о том, что он, учитывая глубокие чувства сострадания к армянам, которые проявлял американский народ, обратился 25 апреля к Президенту США Вильсону с посланием, в котором предложил Соединенным Штатам принять мандат на Армению, и что он также пригласил Президента США стать арбитром по вопросу о границе между Турцией и Арменией в вилайетах Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис, а также и в вопросе о доступе Армении к морю. Верховный совет обещал сообщить Совету Лиги содержание ответа Президента Вильсона и позже рассмотреть этот вопрос при тесной консультации с Советом Лиги.

29 мая Совет Лиги в своем ответе на это сообщение Верховного совета заявил, что он весьма удовлетворен тем решением армянской проблемы, которое предложил Верховный совет, но в случае необходимости дальнейшего изучения этого вопроса он хотел бы знать, что Верховный совет готов обсудить высказанные прежде соображения относительно того, чтобы побудить какую-то другую державу согласиться на мандат. Совет Лиги подтвердил, что он готов сделать все, что в его власти, чтобы помочь Верховному совету Союзных держав обеспечить будущую безопасность Армении.

После того как вопрос о мандате Лиги Наций отпал, а Сенат США 30 мая 1920 г. «почтительно» отклонил предложение принять мандат на Армению, и после того как Армения была признана де-юре, став в этом качестве стороной Севрского мирного договора и подписанного одновременно с ним договора о защите национальных меньшинств, вопрос о ее членстве в Лиге Наций обрел новое звучание.

Как государство, подписавшее Севрский мирный договор, составной частью которого был Устав Лиги Наций, Армения в принципе должна была рассматриваться как первоначальный член этой организации. Тем не менее в приложении к Уставу она не фигурировала ни в числе 31 первоначального члена, ни в числе 13 приглашенных, и поэтому вопрос о ее членстве должен был рассматриваться в соответствии с процедурой приема новых членов, предусмотренной параграфом 2 ст. 2 Устава, т.е. двумя третями голосов Ассамблеи. Это объяснялось тем, что подготовка Севрского договора, в отличие от других мирных договоров так называемой Версальской системы, сильно затянулась, и он был подписан лишь 10 августа 1920 г., т.е. уже после того, как Устав Лиги Наций был принят.

Таким образом, Армения стала не только одним из первых кандидатов на вступление в Лигу Наций, но и одной из первых жертв агрессии, которой эта международная организация должна была помочь отразить агрессию.

В апреле 1920 г. М. Кемаль предложил большевикам России заключить военно-политический союз на условиях «разделения труда»: турки будут содейство-

вать советизации Азербайджана и не будут возражать против советизации Грузии, а российские большевики предоставят туркам разделаться с Арменией¹.

Последовавшая советизация Азербайджана не только не устранила агрессивность мусаватистского правительства, но, напротив, подкрепила ее социал-империализмом РСФСР.

Чтобы получить политическую опору в Азербайджане, советская Россия поощряла его территориальные претензии на Карабах и под видом «миротворчества» на «спорных территориях» в Карабахе и Зангезуре, а также в Нахичеване начала там военные действия против Республики Армении.

В то же время советское правительство предало забвению свои громогласные заявления о «самоопределении *всей* Армении» и о «независимости турецкой Армении» и договорилось с турецкими националистами (кемалистами) о разделе «по условленной линии» территории российской части Армении, которая перешла по преемству к Республике Армения.

Уже 13 мая руководитель армянской делегации в Париже информировал Председателя Совета Лиги о нависшей над Арменией опасности, исходящей от действий Азербайджана и об угрожающей концентрации войск турецких националистов. Совет Лиги решил, что это обращение должно быть передано Верховному совету Союзных держав.

Опасаясь вмешательства держав Антанты и не располагая в этот период достаточной военной силой для реализации плана разрушения независимой армянской государственности и раздела ее территорий, советское правительство настояло на отсрочке этой операции. Майское «восстание» кучки армянских большевиков, оставшись без внешней поддержки, захлебнулось. В этот период правительство РСФСР ограничивалось требованием разрешить беспрепятственный транзит через территорию Армении².

Статья 16 Устава Лиги Наций предусматривала применение санкций против государства, совершившего акт агрессии. Все члены Лиги обязаны были порвать торговые и финансовые отношения с этим государством. Совет Лиги мог определять контингенты сухопутных, морских и воздушных сил, выставляемых государствами-членами «для поддержания уважения к обязательствам Лиги».

Устав предусматривал также возможность вмешательства Лиги в споры между государствами или с государствами, не являющимися ее членами (ст. 17). В случае отказа государства, не являющегося членом организации, принять меры, предложенные для разрешения спора, и его обращения к войне против одного из членов Лиги, к такому государству могли применяться экономические и военные санкции, предусмотренные в ст. 16.

Пресечением арменоцида и защитой Армении от совместной агрессии турецких националистов и российских большевиков занималась не только Парижской мирная конференция, но и Лига Наций. Армянский вопрос как вопрос о ликвидации последствий преступления геноцида и обеспечении государственного существования армянского народа стоял в повестке дня Лиги Наций буквально с первого дня ее существования.

¹ См. док. № 669 и Раздел V (7, 8, 9) Комментария.

² См. документы и Комментарий по Разделу V (14, 15, 16, 18).

Обсуждались два взаимосвязанных вопроса, а именно: прием Армении в Лигу Наций и пресечение агрессии кемалистской Турции и ее союзницы советской России.

Использование механизма Лиги Наций для защиты Армении от турецкой агрессии и арменоцида предполагало ее членство в этой международной организации. Поэтому правительство Армении, рассчитывая на помощь Лиги Наций, обратило внимание на нерешенность вопроса о членстве Армении в Лиге Наций¹. Прием Армении в Лигу Наций подтвердил бы обязанность всех членов Лиги Наций участвовать в защите Армении от внешних актов агрессии.

13 мая 1920 г. глава армянской делегации на Парижской мирной конференции А. Агаронян направил в Рим Председателю Совета Лиги Наций телеграмму с просьбой о принятии Армении в эту организацию². То обстоятельство, что правительство Армении обратилось с просьбой о приеме в Лигу Наций в то время, когда рассматривался вопрос о мандате США на временное управление этой страной, вероятно, могло означать, что оно либо считало осуществление мандата совместимым со статусом суверенного государства, либо не было уверено в том, что США примут сделанное им предложение.

15 мая 1920 г. Совет Лиги Наций в присутствии Генерального секретаря рассмотрел эту телеграмму и передал ее Генеральному секретарю для надлежащих действий³.

С заседания Совета Лиги Наций Генеральный секретарь Лиги телеграфировал А. Агароняну о порядке принятия государств в эту международную организацию: «Решение о принятии в Лигу Наций государств, не указанных в Приложении к Уставу, может быть принято только Ассамблеей. Поэтому Армянское правительство, вероятно, пожелает направить мне официальную просьбу, которая должна быть роздана членам Ассамблеи до ее первого собрания»⁴.

Вторую же телеграмму от 13 мая, в которой армянское правительство информировало Совет о том, что советские власти «с Северного Кавказа и Азербайджана и турецкие националисты объединились и грозят вторгнуться в Армению, если она не установит у себя большевистскую власть», и просило срочной помощи Лиги Наций, решено было передать Верховному совету Союзных держав по той причине, что сама Лига Наций, как заявил итальянский представитель Титтони, не располагает никакими возможностями для оказания Армении непосредственной помощи⁵.

После того как 30 мая 1920 г. Сенат США отказался принять мандат на управление Арменией, были сняты формальные препятствия как для признания международной правосубъектности Армении де-юре, так и для ее принятия в Лигу Наций в качестве субъекта международного права.

10 августа Армения в числе других Союзных и Объединившихся государств подписала Севрский мирный договор с Оттоманской империей.

К этому времени внешнеполитическая ситуация вокруг Армении еще больше обострилась. Агрессивная война кемалистской Турции и большевистской России против Армении стала неотвратимой.

¹ См. док. № 451.

² См. док. № 433.

³ См. док. № 432.

⁴ Reg. Дос. 28/7094/4395.

⁵ См. док. № 432 и 434.

Турок не устраивала перспектива ответственности за злоупотребления властью в отношении поработанных ими народов и особенно за преступление геноцида армян. Российских большевиков, собиравшихся установить «диктатуру пролетариата» в мировом масштабе и делавших ставку на «революционный Восток», не устраивало какое бы то ни было послевоенное урегулирование под эгидой Антанты.

Подписание Севрского договора придало дополнительный импульс агрессии турецких националистов, российских большевиков и азербайджанских национал-коммунистов.

При открытой поддержке армии кемалистского правительства ВНСТ сепаратистское турецкое меньшинство Карсской области провозгласило создание своей республики. То же самое сделали турки Нахичевана под покровительством советских «миротворческих» войск.

В памятной записке МИД Великобритании, подготовленной в сентябре 1920 г., отмечалось, что «Республика Армения подвергается нападению банд турецких националистов вдоль ее южных границ, в то время как азербайджанские татары и советские войска отвлекают на себя ее силы в Нахичевани и Зангезуре»¹.

6 октября 1920 г. руководитель делегации Армении на Мирной конференции направил Председателю Совета Лиги Наций П. Гимансу письмо, в котором сообщил, что 2 октября им получена от армянского правительства телеграмма, информирующая о том, что турецкие регулярные войска под командованием Кязима Карабекира начали новое продвижение по направлению к Карсу, и одновременно направили ультиматум с требованием, чтобы Армения покинула районы Олти, Карса и Ардагана «во исполнение условий Брест-Литовского договора». В письме указывалось, что цель турецкого наступления состоит не только в том, чтобы навязать Армении Брест-Литовский договор, но и добиться «соединения турецких сил с большевиками». Ввиду исключительно серьезного положения правительство Армении «обращается с настоятельным призывом к Лиге Наций и просит вмешательства в любой форме, которую она сочтет желательной, с целью обеспечить уважительное отношение к Севрскому договору»².

В письме также отмечалось, что Армения «должна защищать свои позиции на трех фронтах одновременно» — против турок, азербайджанских татар и российских большевиков. Правительство Армении «считает полностью оправданным подчеркивание опасности, угрожающей всеобщему миру», если не будет оказано противодействие этой совместной военной акции — «турко-большевистскому плану»³.

12 октября 1920 г. глава армянской делегации в письме Председателю Совета Лиги Наций вновь указал на «серьезность нынешних событий», настаивая на вмешательстве⁴.

В связи с полученной информацией о военных действиях на турецко-армянской границе Председатель Военного комитета Союзных держав маршал Фош направил Председателю Верховного совета и Конференции послов Союзных держав заключение о силах, необходимых для отражения турецкого наступления: «Зная о непосредственной угрозе, которую новое наступление националистов представляет для независимости Армянского государства, я могу при ныне-

¹ Док. № 452.

² Док. № 453.

³ Там же.

⁴ Док. № 454.

шнем положении только сослаться на выводы Доклада, представленного 27 марта 1920 г. Военным Комитетом Союзных Держав в Версале по вопросу о военных средствах, которые надо использовать для принуждения Турции к принятию Мирного Договора. Этот доклад определял, что на армянском фронте необходимо иметь минимум 4 боеспособных дивизии, и при нынешних обстоятельствах мне не представляется возможным собрать такие силы Союзников в нужное время и в нужном месте»¹.

Обращения Армении 6 и 12 октября с настоятельной просьбой к Совету Лиги помочь ей отразить агрессию кемалистской Турции рассматривались на первом (закрытом) заседании Десятой сессии Совета Лиги Наций в Брюсселе 20 октября 1920 г. Докладчик А. Бальфур заявил, что правительство Великобритании готово помочь Армении поставками ей боеприпасов и военного снаряжения для ведения войны с ее врагами, но не готово стать гарантом займа Армении. Он высказал предположение, что другие правительства, вероятно, также не будут готовы принять такое обязательство. Что касается Совета Лиги Наций, то он, по словам Бальфура, «не уполномочен принять практические шаги в этом деле», так как эта организация «призвана заниматься международными отношениями признанных и суверенных государств», а «нынешнее вторжение в Армению осуществляют нерегулярные войска, которые не подчиняются признанным и ответственным правительствам. Кроме того, — продолжал он, — Лига Наций не располагает никакими вооруженными силами. Лига все еще может попытаться найти мандатария для Армении, и Совет вновь выступит с таким предложением на предстоящем заседании Ассамблеи. Однако все, что Совет может сделать сейчас, это передать просьбу Армении Верховному Совету [Союзных держав], сопроводив это обращение настоятельной рекомендацией предпринять что-нибудь в помощь Армении».

Решено было поручить Генеральному секретарю подготовить в соответствии с этими выводами письма для вручения армянской делегации и передачи четырём великим державам, представленным в Верховном совете².

Во время сессии в Брюсселе, в последнюю неделю октября 1920 г., в Совет Лиги поступило новое обращение правительства Армении относительно акта агрессии, совершавшегося войсками турецких националистов. Армянское правительство просило Лигу вмешаться, чтобы обеспечить соблюдение Севрского договора.

Этот вопрос обсуждался и на первом публичном заседании Десятой сессии Совета Лиги Наций 27 октября 1920 г. В связи с обращением армянской делегации Совет вновь отметил, что обеспечение исполнения Севрского договора является обязательством государств, подписавших этот договор, и что с этой целью Совет Лиги направил обращение делегации Армении главам правительств четырех великих держав, представленных в Верховном совете Союзных держав — Великобритании, Франции, Италии и Японии.

В письме этим державам Совет напомнил об имевшем место в марте—апреле обмене письмами по вопросу Армении и о том, что в резолюции от 11 апреля 1920 г. Совет Лиги Наций выразил свою готовность отозваться на обращение Верховного совета Союзных держав и сотрудничать с ним в обеспечении буду-

¹ Док. № 455.

² Док. № 457.

щего Армянской республики. Совет Лиги вновь предложил правительствам четырех держав продолжить консультации с тем, чтобы определить, какими средствами может быть осуществлено такое содействие¹. Совет сообщил также, что Армянский вопрос, вероятно, будет поднят в Ассамблее в связи с просьбой Армении о приеме в Лигу Наций. Он вновь подтвердил свою готовность консультироваться и сотрудничать с Верховным советом Союзных держав в любых действиях, которые могли бы обеспечить будущую безопасность Армении².

Председатель Совета Лиги Наций П. Гиманс в письме от 27 октября 1920 г. руководителю армянской делегации на Парижской мирной конференции выразил «сожаление по поводу страданий, которым существующие в Анатолии беспорядки вновь подвергли армянскую нацию», и указал, что «ответственность за претворение в жизнь условий Севрского договора после его вступления в силу лежит не на Лиге Наций, а на подписавших этот договор Державах. Совет Лиги сочтет своим долгом пригласить эти Державы оказать Армении всю возможную помощь в сложившихся условиях. Он напомним им одновременно о положениях своей резолюции от 11 апреля с.г. и вновь предложит рассмотреть вместе с Советом незамедлительно необходимые меры по обеспечению будущего Армении»³.

В ответ на письмо Председателя Совета Лиги Наций П. Гиманса от 27 октября 1920 г. относительно просьбы армянской делегации о том, чтобы Лига Наций вмешалась и добилась выполнения условий Севрского договора, Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж 10 ноября сообщил, что «Союзные Державы делают все возможное, чтобы удовлетворить насущные военные потребности Армянской республики Эривань на Кавказе путем поставок военных материалов и горючего для военного транспорта». Отношение же к будущему Армении британский Премьер связал с ожидаемым арбитражем Президента США Вильсона о границах между Арменией и Турцией: «...пока он не объявит о своем решении, нельзя ожидать какого-либо полезного результата от любого обсуждения, касающегося принятия мер, ставящих целью обеспечить выполнение условий договора»⁴.

Ассамблея Лиги Наций начала свою деятельность в ноябре. Одним из первых вопросов, которыми она занялась, был Армянский. Он обсуждался на Пятом пленарном заседании Первой Ассамблеи Лиги Наций 17 ноября 1920 г. в контексте доклада Генерального секретаря о работе Совета Лиги Наций, представленного Первой Ассамблее.

Вопрос о «Защите Армении» был включен в доклад по разделу «Общих обязательств Лиги в интересах мира и справедливости». В докладе излагалась и история рассмотрения Армянского вопроса Советом Лиги Наций.

В отличие от Совета Лиги, в котором доминировали великие державы, вершившие судьбами послевоенного мира⁵, Ассамблея Лиги Наций более адекват-

¹ Док. № 459.

² Док. № 468.

³ Док. № 461.

⁴ Док. № 467.

⁵ В соответствии с Уставом Совет состоял из 5 постоянных членов — США, Великобритания, Франция, Италия и Япония — и четырех непостоянных, избравшихся на определенный срок. Ввиду того, что Сенат не ратифицировал Устав Лиги, США в Лигу не вошли и в ее органах не были представлены.

но и полно отражала отношение международного сообщества к Армянскому вопросу.

При общем обсуждении доклада о работе Совета Лиги Наций выступил представитель Южной Африки Роберт Сесил. Он отметил, что вопрос об Армении «очень близок сердцу очень влиятельной части мировой общественности во всех странах». Напомнив о своем «намерении внести резолюцию по этому вопросу», он выразил надежду, что на этой основе появится возможность для проведения общей дискуссии по данной проблеме.

«История Армении, — сказал Р. Сесил, — несомненно, знакома каждому члену Ассамблеи. Мировая история не знает большей трагедии. Народ большого интеллекта, великой материальной культуры, древней цивилизации постепенно уничтожался в результате действий правительства, которое явно было лишено чувства жалости, когда имело дело с этой группой своих подданных; такова история Армении, векового мученичества. Она завершилась в годы последней войны резней, ужасами и хладнокровными убийствами, которые редко наблюдались и никогда не имели себе равных. Когда мы впервые услышали о них в годы войны, мы были в ужасе; но с тех пор каждая ставшая известной подробность, каждый клочок информации, которую мы получали после окончания войны, свидетельствуют о том, что до сих пор эти ужасы отнюдь не преувеличивались, а напротив, они преуменьшались.

Резня, учиненная Талаатом, была одним из величайших преступлений, совершенных в истории человеком, и Лига Наций не сможет быть выразителем общественной морали, если она не сделает все возможное, чтобы оградить этот древний народ от повторения ужасов, которым его подвергли».

Напомнив об обязательствах правительства Великобритании и правительств других стран «сделать все возможное, чтобы освободить ее [Армению] от тирании турок», Сесил призвал Лигу Наций принять практические меры, «чтобы исправить то страшное положение вещей, которое существует в той части мира». Этот вопрос, сказал он, доверили решить Лиге Наций: «Это первое общее собрание всех членов Лиги; давайте не расходиться, пока не предпримем какой-то практический шаг, чтобы убедиться, что может быть сделано, если что-то может быть сделано, и побудить наши правительства принять необходимые меры». Он огласил следующий проект резолюции, который был роздан делегациям: «*Совет просят безотлагательно рассмотреть положение в Армении и представить на обсуждение Ассамблеи предложения по предотвращению опасности, которая угрожает сейчас оставшейся части армянского народа, и также по достижению постоянного урегулирования в этой стране*».

Продолжение обсуждения доклада Генерального секретаря о работе Совета проходило на Седьмом пленарном заседании 19 ноября. Представитель Британской империи Дж. Н. Барнес, говоря о проблеме Армении — страны «с самой трагичной судьбой из всех стран», сказал: «После долгой пытки ее народ подвергается сейчас опасности нового террора. Находясь взаперти между безжалостными большевиками, с одной стороны, и бесчеловечными турками — с другой, она оказалась действительно в опасном положении, и беда для нас в том, что положение, в котором она оказалась, во всяком случае в какой-то степени, является результатом того, что она доверилась Союзным и Объединившимся державам. Правительства Союзных и Объединившихся стран, мне кажется, в этом деле взя-

ли на себя большую ответственность. Совет Лиги, во всяком случае, проявил свои дружеские чувства к армянам в их беде. Совет сделал все, что в его власти. Он сотрудничал с Верховным Советом в попытке найти державу, готовую взять мандат на управление Арменией, и обсудил другие средства оказания помощи. В поддержку Совета можно сказать, что если ему что-то не удалось сделать, то это произошло не в силу отсутствия воли, а из-за отсутствия средств. Перед этой Ассамблеей стоит задача — решить, можно ли эти средства найти где-то здесь. Можем ли мы здесь придать такую силу призыву, с которым уже выступил Совет Лиги, если не найти мандатария, то найти средства, с помощью которых что-то можно сделать, чтобы спасти этот народ от исчезновения?»¹

Представитель Швейцарии Мотта поддержал проект резолюции лорда Сесила по вопросу Армении: «Я больше чем обязан сделать это, поскольку правительство, которое я имею честь возглавлять, уже обратилось в прошлом году к великим державам с просьбой особенно заняться вопросом о положении Армении. Мы получили от правительств, к которым обратились, ответы, которые нас полностью удовлетворили. Мы представляем себе огромные трудности этой проблемы, и мы знаем, что, к сожалению, ни одно государство не выразило ни готовности, ни возможности принять мандат, который был предложен. Мы знаем, что рассматривается идея возложить общий мандат на Лигу Наций, которая осуществляла бы его непосредственно. Я не знаю, возможно ли реализовать эту идею. В любом случае мы считаем, что Лига Наций поступила бы хорошо, если бы посвятила все свое внимание этому вопросу, начиная, быть может, с обследования, чтобы убедиться в реальном положении в Армении и затем рассмотреть средства, возможные для решения проблемы».

Он завершил свое выступление под бурные аплодисменты словами: «Мы считаем, господа, что Лига Наций впишет на самом деле прекрасную страницу в свои анналы, если ей удастся положить конец мрачной и кровавой трагедии целой расы и целой нации»².

На Восьмом пленарном заседании Ассамблеи 20 ноября выступил представитель Бельгии Лафонтен. Как и представители других государств, он говорил о «страшной драме», постигшей армян: «В мирное время Армения умирает, страна с миллионным населением уничтожается на глазах Лиги Наций, в которую входит 41 государство, армии которых насчитывают миллионы человек, а их флот стоит у Константинополя, откуда рукой подать к месту, где безжалостно убивают несчастный народ».

Представитель Бельгии говорил об ограниченных возможностях Лиги: «Разве мы бездействовали бы, если бы имели военную организацию, этот единый фронт, все армии и все флоты мира в нашем распоряжении? Представьте себе деятельность генеральных штабов всех стран в годы войны; представьте себе их работу сегодня по изучению возможности подвергнуться нападению соседей. Разве нельзя было бы создать международный генеральный штаб Лиги Наций, с тем чтобы в час опасности силы, предназначенные для поддержки правого дела, могли бы немедленно собраться и поспешить на помощь тем, кто является жертвой разбоя или дремучего варварства».

¹ Док. № 469.

² Там же.

Лафонтен предложил, «учитывая действительно страшную ситуацию, в которой оказалась сегодня эта несчастная страна», изучить незамедлительно эту проблему и предложить возможное решение. Он внес несколько практических предложений: «Согласно полученной нами информации, армянские войска испытывают нехватку офицеров. Я убежден, что офицеры армий стран мира были бы готовы поехать в Армению. Я думаю в первую очередь об офицерах армий тех стран, которые меньше других пострадали в этой войне; ибо в странах, потери которых превзошли все, что они испытали прежде, явно проявляется определенная естественная усталость от войны. Однако имеется много стран, которые пострадали меньше либо вовсе не пострадали и которые могли бы послать людей в защиту правого дела.

С технической точки зрения, — продолжал он, — финансовая проблема не существует, но даже если она и есть, то, по крайней мере, не больше, чем военная проблема. Единственная проблема — это наличие доброй воли присутствующих здесь людей и их желание покончить с этой ужасной драмой»¹.

Представитель Италии Титтони, говоря о «вопросе, который породил на этой Ассамблее волну эмоций», зачитал содержание переписки между Советом Лиги Наций и Верховным советом Союзных держав. Подытоживая результаты, Титтони пришел к выводу, что «Совет Лиги Наций сделал все возможное, чтобы помочь Армении, но оказался неспособным предоставить ей помощь в необходимой форме — а именно деньгами и солдатами. В этом кроется вся трудность Армянского вопроса.

Вы должны помнить, господа, что Лига Наций, которая была создана в период великих мировых потрясений, вызванных войной, последствия которой все еще ощущаются и будут ощущаться в течение долгого времени, не могла сразу же решить все эти серьезные проблемы. Если бы она родилась, имея силу Геркулеса, и могла бы уже в колыбели придушить чудовище, которое хочет развязать войну и которое мешает установлению всеобщего мира, то она смогла бы выполнить свою миссию; но это было не так, и мы должны проявить снисхождение к ней»².

Обсуждение Армянского вопроса по докладу Генерального секретаря о работе Совета было возобновлено 22 ноября, т.е. в день, когда было вынесено арбитражное решение Президента США об армяно-турецкой границе и, следовательно, были сняты формальные препятствия для принятия решения о нарушении территориальной целостности Армении.

Принципиальная оценка событий в Армении содержалась в предложении, представленном британским политическим деятелем лордом Сесилом на Девятом пленарном заседании Первой Ассамблеи Лиги Наций 22 ноября 1920 г.: «*Просить Совет принять к немедленному рассмотрению ситуацию в Армении и представить на рассмотрение Ассамблеи предложения, направленные на предотвращение опасности, которая угрожает оставшейся части армянской расы, и на постоянное обустройство этой страны*»³.

В развернувшихся прениях все отмечали необходимость помочь Армении в отражении турецкой агрессии и пресечении геноцида и пытались найти для это-

¹ Док. № 470.

² Там же.

³ Док. № 474.

го какие-то эффективные средства в условиях политической импотенции Лиги Наций.

Трудность в практической реализации этой акции была связана не только с истощением великих держав в Первой мировой войне. Столкнувшись с проблемой спасения Армении, члены Лиги должны были констатировать слабость самой международной организации, которая не располагала собственными средствами принуждения, необходимыми для обуздания агрессии и пресечения геноцида.

Статья 10 Устава Лиги не могла служить основой для действий в ситуации с Арменией, так как она распространялась только на государства, являющиеся членами этой организации. Ни Турция, ни большевистская Россия не были членами Лиги Наций.

Представитель Бельгии Лафонтен внес к предложению Р. Сесила поправку, содержащую просьбу к Ассамблее «*назначить Комитет из шести членов, чтобы рассмотреть, какие меры могут — и могут ли быть приняты, — чтобы положить конец военным действиям между Арменией и кемалистами*».

Представитель Государства сербов, хорватов и словенцев Спайлакович охарактеризовал создавшееся в Армении положение, подкрепив эту оценку опытом своей страны: «Лучше, чем кто-либо, я видел картину, кошмар, страдания Армении. При описании страшного положения Армении я представил эти страдания во всем их ужасе... Когда лорд Роберт Сесил описал ужасную трагедию армян, он воскресил в моей памяти недавние сцены разрушения и опустошения моей собственной страны... Мы слишком много выстрадали, чтобы не иметь правильного представления об этой отвратительной системе методического и преднамеренного истребления, осуществляемого в отношении целого народа методами постоянных серийных осуждений отдельных лиц, суммарных казней и массовых избиений.

Этот хладнокровный и циничный метод уничтожения народов использовался и все еще используется турками против христианских народов; они наделяют ролью кровавых палачей определенные национальные группы мусульманской веры, используя курдов против армян в Азии, так же как они в прошлом использовали албанцев против греков и сербов на Балканах».

Выступая в поддержку дела Армении, сказал Спайлакович, «я всего лишь выполняю мой естественный долг как серб и как Президент сербо-хорватско-словенской делегации, я действую последовательно и искренне».

Представитель Государства сербов, хорватов и словенцев выразил твердое убеждение в том, что Лига Наций должна выполнить «свой настоящий долг в этом вопросе» и принять эффективные меры по пресечению турецкой агрессии и арменоцида. «Такое действие со стороны Главных Держав является императивом», — подчеркнул он.

Спайлакович предложил, чтобы Ассамблея Лиги Наций немедленно выразила «негодование» в отношении «этого особенно серьезного положения, положения, в котором само физическое существование народа поставлено под угрозу». Чтобы преодолеть политическое противодействие правительств великих держав, он предложил также направить парламентам Главных Союзных держав телеграмму, выражающую единодушное желание Ассамблеи, «чтобы Правительства этих держав договорились о срочной и эффективной акции с целью спасения оставшейся части несчастного армянского народа». Спайлакович сказал, что, выступив в защиту Армении, государства—члены Лиги Наций укрепят престиж

этой организации и подтвердят ее высокую гуманитарную миссию. «Мы, — сказал он, — создадим прецеденты действий, которые в будущем будут представлять, я уверен, самый ценный моральный и политический капитал, по праву принадлежащий Лиге».

Представитель Швеции Брантинг заявил, что «в странах Севера общественное мнение в такой же степени взволновано сообщениями о жестоких избиениях и систематическом истреблении целого народа». То обстоятельство, что резня армян продолжается, свидетельствует, по его словам, «о неспособности великих держав эффективно вмешаться в защиту армянского народа. Если такие события будут повторяться, это будет упреком человечеству и создаст большую опасность для самой Лиги Наций». Он отметил наличие общего согласия в том, что «необходимо оказать давление на великие державы, которые имеют в своем распоряжении необходимые военные средства для вмешательства. Важно, чтобы эти преступления не повторились, чтобы был положен конец истреблению народа».

Поддержав «полностью» предложение Сесила с поправкой Лафонтена, представитель Швеции выразил надежду, что единодушным голосованием Ассамблея «окажет достаточное воздействие на великие державы, чтобы принудить их перейти от слов к действиям и принять наконец эффективные шаги для спасения истерзанного народа Армении».

Представитель Британской империи Бальфур заявил, что и британское, и бельгийское предложения направлены на решение «самого неотложного вопроса — резни армян». В то же время он отметил, что «одна из самых серьезных трудностей» заключается в том, что «механизм Лиги в том виде, в каком он предусмотрен ее Уставом, не был создан для разрешения такого рода ситуаций, с которыми мы сталкиваемся в Армении».

Разъясняя свой тезис, Бальфур сказал, что авторы Устава предполагали наличие организованных государств, открытых для воздействия общественного мнения цивилизованного мира и, по крайней мере, поддающихся угрозе экономического давления. Считалось, что при их наличии Лига Наций «сможет способствовать сохранению мира во всем мире, сможет предотвратить перерастание споров в войны, сможет добиваться того, чтобы цивилизованные государства с помощью арбитража или каких-либо других средств никогда больше не допустили перерастания своих споров в ужасы большой войны».

Однако, констатировал Бальфур, «положение вещей, с которым мы имеем дело в Армении в настоящий момент, не соответствует ни одному из этих условий... Повторяю, мы не имеем дело с отношениями между цивилизованными государствами; мы не имеем дело с народом, который считается с общественным мнением, для которого гласность, которой мы придаем столь большое значение, будет хоть в какой-то степени привлекательна. Какое значение имеет для Мустафы Кемале мнение Лиги Наций, или мнение цивилизованного мира, или то обстоятельство, что суд любого гуманного народа осудит его действия? Ко всем этим соображениям он относится с полным безразличием. Повторяю, одно из основных средств воздействия, самое важное из всех подобных средств, доступных Лиге Наций, это, несомненно, экономическое давление. Какое же экономическое давление вы можете оказать на Мустафу Кемале? Он не несет ответственности за финансы организованного государства; он не несет ответственности за торговлю Азиатской Турции; он возглавляет дезорганизованные банды разбой-

ников, которым абсолютно безразличны все те мотивы, которые самым естественным образом привлекают Лигу Наций и которыми она руководствуется в первую очередь».

Лига Наций, по мнению Бальфура, сможет справиться с этой ситуацией, только если найдет мандатария или какую-либо страну, которая взялась бы выполнять обязанности мандатария. «Потребность в мандатарии вызвана необходимостью обеспечить единство действий, — отметил он. — Провести экспедицию в Малую Азию, осуществить централизованные усилия, которые требуются для выполнения столь трудной и важной операции, возможно только под единой властью одного государства... Вы не сможете найти такого мандатария в каком-либо государстве мира, если только другие государства не проявят готовности гарантировать его от потерь, предоставить ему необходимую финансовую поддержку и, вероятно, необходимую помощь людьми и военным снаряжением». Для достижения этой «великой международной цели» члены Лиги Наций должны будут эффективно оказывать поддержку. Поэтому сама Ассамблея должна обратиться к ним с соответствующим призывом, сказал он.

В существующей политической ситуации Армении нужны дела, а не слова, подчеркнул Бальфур. «Заявления о добрых намерениях и доброй воле — это то, что обильно расточалось в адрес Армении на протяжении по меньшей мере одного поколения. Многие, многие годы все государственные деятели, занимавшиеся этим вопросом, осознавали тяжесть проблемы. Все они в меру своих сил стремились сделать все возможное, но все то, что они смогли сделать, оказалось, мне тяжело говорить это, незначительным. Это трагическая ситуация». Свое выступление Бальфур завершил констатацией того, что «до сих пор нам не посчастливилось найти способ для оказания им эффективной помощи».

Представитель Франции Вивиани выразил сомнение в целесообразности «подмены», как он сказал, Совета Лиги Наций Комитетом Ассамблеи. «Мы являемся бессильной Ассамблеей, так как нас наделили ответственностью, но не облекли реальной властью». Вивиани не преминул упрекнуть тех, кого он считал виновными в том, что Лига лишена возможности давать отпор агрессорам. Франция, сказал он, «не несет ответственности за создание порочного круга, в котором мы оказались». Французская делегация, напомнил он, при создании Устава «говорила, что Ассамблея Лиги должна иметь свою армию, что должны быть созданы военные штабы с международными контингентами, т.е. что она должна обладать всеми средствами, необходимыми для действий. Если бы тогда к голосу Франции прислушались, сегодня вы не оказались бы в таком затруднительном положении; военные штабы были бы созданы, международные контингенты существовали бы, а просьбу, с которой г-н Брантинг только что предложил обратиться к великим державам, имеющим свои флоты и свои армии, можно было бы адресовать Лиге Наций, которая имела бы в своем распоряжении собственную армию». Теперь же, констатировал Вивиани, «у нас нет возможности предпринять действие». Поэтому, предлагая поправку Лафонтена, мы поручаем Комитету рассмотреть, «какие меры могут — и могут ли вообще — быть приняты».

Ассамблея совершит ошибку, если через Совет или Комитет попросит какое-либо государство принять мандат. Поскольку США, сказал он, отказались принять мандат на Армению, а Англия и Франция «вышли из войны, исчерпав свои людские и денежные возможности» и, вероятно, не будут в состоянии принять

такой мандат, Вивиани предложил рассмотреть возможность «другого вида мандата, помимо того, который требует людских и материальных ресурсов». Совет мог бы обратиться к правительствам с приглашением попытаться найти «такую державу, которая, используя свой моральный и материальный авторитет, смогла бы вмешаться в отношения между воюющими, чтобы попытаться осуществить урегулирование путем арбитража».

Делегация Франции предложила следующую резолюцию: *«Ассамблея, стремясь к сотрудничеству с Советом для того, чтобы как можно скорее положить конец ужасам армянской трагедии, просит Совет прийти к соглашению с Правительствами с целью вверить Державе принятие необходимых мер для прекращения военных действий между Арменией и кемалистами».*

Принятие этого предложения, по мнению Вивиани, помогло бы избежать постановки вопроса о функциях Ассамблеи и Совета и сосредоточило бы усилия на поиске решения в пределах имеющихся возможностей. «На вас возложили всю ответственность, но оставили без власти. Вы не располагаете никаким оружием. Поэтому я призываю вас не брать на себя никакой ответственности, если вы не будете в состоянии добиться исполнения решения, к которому вы можете прийти, а оставить эту ответственность Верховному Совету, который уже пригласил государство принять мандат, но они от него отказались».

Фритъоф Нансен, выступая от имени Норвегии, поддержал предложение, внесенное Сесилом и поддержанное Лафонтеном. Он подчеркнул необходимость принятия срочных и эффективных мер для спасения армянского народа от полного уничтожения. «Проблему в действительности можно разделить на две части. Один вопрос — чисто гуманитарный. Он заключается в том, чтобы спасти армянский народ от уничтожения. Прежде чем мы сможем рассматривать вопрос о границе, необходимо спасти население, чтобы остались люди, которые будут жить в стране, границы которой будут определены. Другой вопрос заключается в том, чтобы найти державу-мандатарию для защиты территории этой страны. Сегодня мы должны прежде всего заняться первым вопросом. Это чисто гуманитарная работа самого большого значения. Она заключается в том, чтобы спасти от гибели целый народ. Каждый день очень важен. Может случиться так, что, пока мы здесь обсуждаем армянскую проблему, армянский народ будет весь вырезан». Нансен настаивал на «посылке экспедиции для спасения армянского народа от нависшей над ним опасности. Для этой экспедиции необходимы около 60 тыс. человек и деньги приблизительно в 20 млн фунтов».

Хотя к этому времени изоляционисты в США одержали верх и американский Сенат отказался принять предложенный Верховным советом Союзных держав мандат на временное управление Арменией, взоры членов Лиги по-прежнему были обращены к США — стране, народ которой активно выражал сочувствие трагическому положению армян. Выход виделся если не в принятии Соединенными Штатами Америки мандата на управление Арменией, то, во всяком случае, на их политическое воздействие.

Нансен выразил надежду, что выполнение этой задачи смогут взять на себя Соединенные Штаты. Он был уверен, что, хотя США отказались взять мандат на Армению, они «не отказались помочь спасению народа от уничтожения». Ссылаясь на то, что США проявляют к Армении большой интерес, Нансен выразил

уверенность, что «если Ассамблея Лиги обратится к миру с призывом, американский народ отзовется и возьмет на себя очень важную часть работы».

Представитель Румынии Ионнеску заявил, что «просьба Армении о помощи налагает на все свободные народы мира императивную и безотлагательную обязанность спасти наших армянских братьев». «Эти избиения, — сказал он, — не являются событием вчерашнего или сегодняшнего дня. Они имеют место уже давно. Мы все хорошо знакомы с этими событиями, и нет никакой необходимости проводить какие-то расследования по этому вопросу. Если еще есть армяне, то они остались в живых только благодаря их жизнестойкости, благодаря сопротивлению, оказанному ими своим поработителям». Вопрос, по мнению представителя Румынии, заключался в следующем: может ли Лига Наций ограничиться моральной поддержкой армянам или она должна оказать им эффективную помощь материальной, физической силой?

Представитель Румынии также констатировал ограниченные возможности Лиги Наций для оказания армянам эффективной помощи: «Лига Наций, кажущаяся такой сильной с моральной точки зрения, лишена всякой материальной силы, и в этом ее большая слабость». Он согласился с печальным выводом, что «в желании помочь целому народу мы не можем сделать ничего, кроме как надеяться». Тем не менее, сказал Ионнеску, «мы можем поддержать Армению нашей моральной силой. Тот факт, что сорок одно государство проявляют здесь единство, может оказать мощную поддержку Армении в ее каждодневной борьбе». Поэтому, сказал он, надо действовать без промедления и «доказать армянам, что все народы мира на ее стороне».

«Правительствам всех стран, — заявил Ионнеску, — должны быть посланы запросы с целью выяснить, есть ли правительство, которое готово практически и эффективно защитить армян от кемалистских банд. Верно, конечно, что наша моральная сила для кемалистов ничего не значит, но она имеет значение для армян; для них она будет ценной поддержкой в их борьбе. Она будет важна и для правительств стран мира. Она может стать решающим фактором, который побудит одно из них к осуществлению интервенции. Быть может, это будет Америка, этот великодушный народ, который до этого спас мир от варварства! Может быть, это будет другое государство — малое или большое, которое, будучи воодушевлено этим же желанием не допустить уничтожения целого народа, вовремя вмешается». Исходя из этого, Ионнеску от имени делегации Румынии поддержал предложение представителя Франции.

Представитель Канады Догерти привел аргументы в пользу того, что Лига Наций может и обязана заниматься «специфической ситуацией» на основании ее Устава и, в частности, ст. 11. «Помощь в управлении различными странами по мандатам не единственный метод, доступный Лиге Наций для решения вопросов, входящих в ее компетенцию. Мне кажется совершенно ясным, что Армянский вопрос один из тех вопросов, которыми Лига может заниматься с полным основанием. Решение Армянского вопроса — это, по-моему, долг Лиги Наций в соответствии с прямо установленными положениями ст. 11 ее Устава. Мы, несомненно, имеем дело с войной, если, конечно, эта зверская резня беспомощного народа может называться войной. Если неправильно называть эту резню войной, она, во всяком случае, несет в себе угрозу войны и поэтому, в соответствии с прямым постановлением ст. 11, обязывает Лигу Наций и, я бы сказал, Совет

этой Лиги особо заняться этой ситуацией и рассмотреть, какие самые эффективные меры в этой связи могут быть приняты для обеспечения мира во всем мире. Таким образом, в данной ситуации речь идет не только об обращении к вам и к человечеству призыве о спасении угнетенного народа, подвергающегося истреблению. Речь идет о специфической ситуации, затрагивающей и угрожающей миру во всем мире, что обязывает Лигу Наций, по меньшей мере, использовать все имеющиеся в ее распоряжении возможности для нахождения и предложения эффективного средства защиты».

Представитель Канады призвал не поддаваться отчаянию. И, по крайней мере, исчерпать все свои возможности. По его мнению, то обстоятельство, что этот вопрос «затрагивает наш общечеловеческий долг», полностью оправдывает обращение Ассамблеи «не только к Совету Лиги Наций, не только к государствам — членам этой Лиги, но, быть может, даже к государствам, сильнейшим государствам, которые в состоянии действовать, но которые до сих пор не входят в эту организацию».

Догерти, как и представители некоторых других стран, выразил надежду и желание, чтобы США проявили заинтересованность в поисках подходящего средства: «Я хотел бы сказать, что есть немало оснований надеяться на такой результат, это не только резолюция Сената Соединенных Штатов, на которую сегодня здесь ссылались, но и известный всему миру факт, что граждане этой великой республики щедро жертвовали свои деньги, свое время и свой труд, чтобы помочь армянскому народу».

Большой интерес представляет данная представителем Канады оценка Армянского вопроса с точки зрения основополагающих устоев международных отношений. «Наш долг, без сомнения, состоит в том, — сказал он, — чтобы найти исключительное средство защиты для этого исключительного случая. В конце концов, в этом мире более ценным, чем мир, является только справедливость. Справедливость — это единственная основа, на которой может прочно покоиться мир. Этот деликт, как и деликты такого рода, вызывает к человечеству для восстановления нарушенного права. Когда же нарушенное право не восстановлено, то такое положение таит в себе постоянную угрозу войны. Попранная справедливость всегда и постоянно вызывает к мести и сохраняет в сердце угнетенного народа стремление получить возможность добиться правосудия над виновной стороной. В такой ситуации вы оказываетесь в положении, которое затрагивает все человеческие чувства, и, если деликт не предотвращен или, по крайней мере, не устранен, он несет в себе постоянную угрозу войны».

Исходя из того, что сложившееся в Армении положение «обязывает нас не отказываться от попыток оказать помощь до тех пор, пока мы не исчерпаем все имеющиеся в нашем распоряжении средства», Догерти от имени Канады поддержал поправку Лафонтена, модифицирующую резолюцию Сесила.

Р. Сесил, представлявший Южную Африку, рассеял опасения представителя Франции, сказав, что идея предложения Лафонтена и его самого не в подмене Совета «Комитетом шести»: «Мы никогда не предполагали и никогда не желали, чтобы этот Комитет обладал какой-нибудь собственной исполнительной властью и чтобы Ассамблея уступила ему часть своей исполнительной власти. Было просто предложено, чтобы Комитет немедленно рассмотрел этот вопрос и внес, если он сможет, четкое предложение на рассмотрение Ассамблеи, с тем чтобы

она могла немедленно принять по нему решение». Чтобы устранить возможности иного толкования, он внес предложение в следующей редакции: «Назначить Комитет из шести членов, чтобы рассмотреть и представить Ассамблее в ходе нынешней сессии доклад о том, какие меры могут, и могут ли быть приняты, чтобы положить конец военным действиям между Арменией и кемалистами».

Свое предложение Сесил мотивировал необходимостью срочных действий. «Мы не можем стоять в стороне и ничего не делать, — заявил он. — Происходит большое событие, которое угрожает миру войной, которое уже породило войну самого разрушительного характера, и Лига Наций, существующая для поддержания мира, не может оставаться, не имеет права оставаться безучастной к возникновению новой и ужасной войны. Мы обязаны, нравится нам это или нет, предпринять все возможные шаги, чтобы выяснить, что может быть сделано, чтобы положить конец создавшемуся положению. Я очень доволен тем, что мы попытаемся предпринять переговоры или попробуем обратиться к державам, или рассмотрим возможности использования других средств — мандата, прямой помощи, прямой интервенции.

Я должен сказать, однако, что отнесусь с отвращением к любому решению Ассамблеи, которым не будет предусмотрено действие в этой критической ситуации и которым будет заявлено, что организация, созданная для сохранения мира, столкнувшись с крайне критическим положением такого рода, оказалась бессильной. Сегодня утром г-н Бальфур завершил изложение своих замечаний сравнением нашего положения с положением тех, кто стоит на берегу в то время, как перед их глазами происходит кораблекрушение. Да, господа, мы находимся в таком положении. Происходит кораблекрушение. Действительно, идет истребление целой нации. Предпримем ли мы попытку, чтобы послать спасательную шлюпку для спасения тех, кому грозит крайняя опасность, или будем просто стоять в стороне и говорить: “Мы ничего не можем сделать. Вы должны погибнуть, так как мы не в состоянии вмешаться”?»

Представитель Франции Вивиани сказал, что все члены Ассамблеи «согласны в отношении принципа. Мы, конечно, не можем смотреть отсюда, на расстоянии, как в Армении разыгрывается страшная драма, и не принимать какие-то меры. Весь вопрос заключается в том, чтобы решить, какие меры будут приняты». Обтекаемость предложенных формулировок резолюции привела представителя Франции к мысли, что никакие меры не будут приняты. Поэтому он предложил обратиться к государствам с предложением «избрать из своей среды не государство, которое взяло бы на себя тяжелую и всестороннюю обязанность мандатария, а государство, которое взяло бы на себя обязанности по ведению переговоров».

Таким образом, перед Ассамблеей оказались два предложенных проекта. Поскольку для принятия решения необходимо было единогласие, ни один из них не мог пройти из-за противодействия авторов одного из этих проектов.

Вивиани заявил, что нельзя рисковать, «добиваясь голосования, которое будет иметь нулевой результат». Он сказал, что не будет больше противиться передаче дела создаваемому Комитету при том понимании, которое изложил Сесил, а именно, что предложение французской делегации должно быть рассмотрено первым. «Следовательно, — отметил он, — наш первый принцип заключается в посредничестве. Если мы не преуспеем в посредничестве, если не будет державы, желающей принять минимум ответственности, то есть, если не будет держа-

вы, готовой посредничать, это значило бы *à priori*, что мы не сможем найти державу, готовую принять максимум ответственности, то есть применить оружие и мобилизовать на своей территории шестьдесят или восемьдесят тысяч человек.

Он выразил уверенность, что его предложение, если оно будет принято единогласно, поможет «достичь результата совместными усилиями и при том медленно».

Заключительная часть речи французского представителя звучала почти патетически. «Либо мы найдем державу, которая будет заниматься посредничеством, и тогда мы подчинимся ее решению и будем помогать ей; либо, если никто не выразит готовности вмешаться, мы вынуждены будем признать провал человечества. В таком случае мы должны не отчаиваться, а работать с еще большей настойчивостью и смелостью, чтобы усилить Лигу Наций и дать ей на будущее, если человечество вновь окажется перед подобной катастрофой, оружие, которого у нее нет сегодня»¹.

Сесил принял предложение Вивиани, изложив его своими словами: Совет должен собраться немедленно сегодня днем и попытаться получить согласие какого-то государства на посредничество между армянами и кемалистами. В то же время Комитет должен приступить к рассмотрению вопроса о том, что можно сделать, в случае если осуществление плана переговоров станет невозможным.

Бальфур, выступая от имени Британской империи, пожелал уточнить, состоит ли суть предложения французской делегации в том, «чтобы Ассамблея приняла немедленные шаги и чтобы какое-то государство немедленно начало переговоры с Мустафой Кемалем с целью сохранения существования армян». Если это так, то на какой основе должны вестись эти переговоры: «Как вы можете вести переговоры или просить кого-то вести переговоры с Мустафой Кемалем, если у того, кто ведет переговоры, нет чего-то, что он может предложить Мустафе Кемалю? Как может наш переговорщик быть в состоянии предложить что-то, пока не состоялись столь необходимые переговоры с державами, имеющими отношение к договору с Турцией и урегулированию в Малой Азии? Какова вероятность того, что Мустафа Кемаль, который, в конце концов, всего лишь главарь иррегулярной банды разбойников, примет то, что вы сможете предложить ему? Вы можете предложить ему только одну из двух вещей: вы можете предложить ему деньги или вы можете предложить ему территорию. Собираетесь ли вы предложить ему одну из этих двух вещей? Если нет, то какими возможными средствами убеждения вы, по вашему мнению, располагаете? Это те вопросы, которые следует рассмотреть. Возможно, имеются ответы на них. Я это не отрицаю».

Соглашаясь с тем, что должны быть сделаны «немедленные шаги», и с тем, что «идея посылки экспедиционного корпуса в шестьдесят тысяч или восемьдесят тысяч человек в Армению настолько трудна по своему характеру, что мы можем от нее отступить», Бальфур пожелал уточнить, что думают о переговорах французы и «дать знать, что из себя представляют переговоры в нашем понимании». Переговоры, сказал он, это обсуждение между двумя цивилизованными

¹ Забегая вперед, скажем, что усилить Лигу Наций так и не удалось. Когда человечество было опять поставлено перед подобной катастрофой (на этот раз покровителем турок — Германией), Лига Наций вновь потерпела поражение. Последовал геноцид евреев, и пало само французское государство.

государствами, в которых одно предлагает что-то другому с взаимным учетом интересов. Но что же мы можем делать в ситуации, которая ныне существует в Малой Азии? Можем ли мы обращаться с Кемалем как с цивилизованным государством? Можем ли мы предложить ему что-нибудь такое, что он примет? Мы, без сомнения, должны рассмотреть эти вопросы до того, как свяжем себя с программой действий, которая по рассмотрении может оказаться изначально неосуществимой. Я хотел бы точно знать, что имеет в виду французская делегация под переговорами и как они предлагают справиться с трудностями, на которые я указал».

Вивиани повторил, что смысл французского предложения состоит в том, чтобы «указать Ассамблее практические и эффективные средства решения» проблемы. Вновь излагая сложившуюся ситуацию, представитель Франции сказал: «Совет выполнил свой долг, который заключался в поиске мандатария. Он не смог его найти. Следовательно, возможности найти мандатария завтра будет не больше, чем сегодня. Мы должны отложить надежду найти флот и армию, готовые воевать. Поэтому, если предлагаемое мною посредничество будет отклонено, не останется ничего другого, как признать, что в международной сфере Лига Наций и правительства всех стран мира оказались несостоятельными. Мы, в действительности, придем к чисто отрицательному результату. Мы не сможем вести войну, у нас не будет ни флота, ни денег, ни армии, ни посредничества, ни арбитража. Мы должны будем признать, что в этой Ассамблее нет ни побуждений к состраданию, ни чувства вины в отношении тех, кого истребляют».

Уйдя от поставленного в лоб вопроса об отсутствии позиции для переговоров, Вивиани мимоходом сказал:

«Утверждается, что мы имеем дело с дикарем, который не имеет представления о нормах гуманности. Разве впервые в истории цивилизации цивилизованный народ защищает элементарные интересы человечества даже от дикаря? Высказывается возражение, что Мустафа Кемаль не будет слушать нас. Давайте хотя бы попытаемся. Мы впервые собрались здесь вместе. Впервые Лига Наций собрала под одной крышей представителей всего мира. Неужели мы начнем с признания нашего бессилия?»

Кто может сказать, что этот дикарь, который знает Европу и мир, не будет поражен, когда узнает, что правительство, назначенное для посредничества, имеет поддержку всего мира? Кто может сказать, что на человека, который нарушает все законы гуманности и убивает целый народ, не произведет впечатления сознание того, что за этим одним государством, даже при возможности того, что оно может иметь скрытый мотив, стоит весь мир и все человечество? Каким бы дикарем он ни был, он может дрогнуть от ужаса, аккумулированного на армянской земле».

Разъясняя свою позицию, Вивиани сказал, что избранное Лигой правительство должно будет «в согласии с державами» искать средства для ведения переговоров или, по меньшей мере, для навязывания своего посредничества. «Если же это невозможно, господа, то мы должны признать свое бессилие. Мы не имеем права ввязываться в дипломатические переговоры. В нашем распоряжении нет вооруженной силы в этой части мира для навязывания уважения к правосудию или к Уставу Лиги Наций, под которым стоят наши подписи». Французский представитель попросил лишь «рассмотреть и выяснить, должна ли эта рана у самого сердца человечества остаться открытой».

Сесил, выступая как представитель Южной Африки, под бурные аплодисменты попытался внести оптимистическую нотку в вырисовывающуюся безвыходную ситуацию. «Я не могу поверить, — сказал он, — что если переговоры не увенчаются успехом, то это значило бы, что мы исчерпали наши ресурсы. Я верю, что каким-то образом и другие средства будут найдены всем миром или большей его частью, которая здесь представлена, чтобы претворить в жизнь его волю силой, если переговоры не принесут успеха. Я надеюсь, что Комитет, который должен быть назначен, не будет обескуражен в своих усилиях найти выход из трудностей, если, предположим, план г-на Вивиани не приведет к успеху. Ведите переговоры всеми имеющимися средствами, но не создавайте впечатления, что державы мира бессильны, если переговоры с таким человеком, как Кемаль, закончатся провалом».

Вынося на голосование предложение Сесила и Лафонтена и предложение Вивиани, Председатель напомнил, что в соответствии с Уставом Лиги Наций для принятия решения по данному случаю необходимо достичь единогласия всех государств, представленных на этой Ассамблее.

Предложение Вивиани, как более широкое по содержанию и не исключающее предложение Сесила и Лафонтена, могло быть поставлено первым, однако по просьбе Сесила оба предложения были объединены как дополняющие друг друга.

В конце текста предложения Вивиани был добавлен второй абзац — текст предложения Сесила и Лафонтена. Сводный текст проекта резолюции звучал следующим образом:

Ассамблея, стремясь к сотрудничеству с Советом для того, чтобы как можно скорее положить конец ужасам армянской трагедии, просит Совет прийти к соглашению с Правительствами с целью ввернуть Державе принятие необходимых мер для прекращения военных действий между Арменией и кемалистами и назначает Комитет из шести членов, чтобы рассмотреть и представить Ассамблее в ходе нынешней сессии доклад о том, какие меры могут и могут ли быть приняты, чтобы положить конец военным действиям между Арменией и кемалистами.

Этот сводный текст резолюции был принят под аплодисменты. Должностным лицам Ассамблеи было поручено назначить после консультаций с различными заинтересованными группами и лицами шесть членов Комитета¹.

Глава делегации Армянской республики А. Агаронян, прибывший в Женеву, чтобы представлять правительство Армении в Лиге Наций, направил 23 ноября на рассмотрение государств—членов Лиги новый меморандум в подтверждение просьбы о приеме Армении, но уже с развернутой международно-правовой аргументацией: «Все государства—участники Договоров, заключенных Союзными и Объединившимися державами с их бывшими противниками — Версальского, Сен-Жерменского, Нейского, Трианонского и Севрского, становились тем самым первоначальными членами Лиги Наций, и их имена фигурируют в списке, приложенном к Пакту. Только Армения, участница Севрского договора, так же как и Устава, который является его составной частью, представляет исключение, хотя в этом договоре нет какого-либо положения, которое могло бы оправдывать это исключение».

¹ Документ Лиги Наций: Section 28, Document 8578, Dossier 4395.

В меморандуме было указано также, что в ст. 88 Севрского договора Союзные и Объединившиеся державы заявляли, что признали Армению в качестве «свободного и независимого государства», и это положение было подтверждено и подкреплено Договором о меньшинствах, заключенным в тот же день между Союзными державами и Арменией. В преамбуле договора указывается, что Главные Союзные державы признали Армению как «суверенное и независимое» государство.

Выразив «удивление по поводу отсутствия Армении в списке первоначальных членов Лиги Наций», глава делегации Армянской республики дал свое объяснение этому исключению из правила: «Список членов Лиги Наций был составлен Мирным договором с Германией, подписанным 28 июня 1919 г. в Версале. Устав Лиги Наций, в том виде, в каком он фигурирует в Версальском договоре, включая дублирующий список членов организации, был просто воспроизведен в последующих договорах, участники которых наряду с Главными Союзными державами подписали до этого Версальский договор. Армения же впервые появляется 10 августа 1920 г. в Севрском договоре. По логике, Армения в качестве договаривающейся и подписывающей стороны должна была фигурировать в Уставе вместе со всеми Союзниками. Но это уже было невозможно, так как 12 государств, подписавших Севрский договор, не могли по своей инициативе добавить Армению в список членов Лиги Наций: начиная с 28 июня 1919 г. — дня учреждения Лиги Наций, только Ассамблея Лиги Наций была компетентна на основании ст. 1 Устава принять нового члена».

Таким образом, констатировалось в меморандуме, «единственным препятствием принятию Армении в Лигу Наций [в качестве первоначального члена] было хронологическое препятствие. Если бы Севрский договор был заключен до Версальского договора, то Армения, ранее уже признанная в качестве «суверенного и независимого государства», могла, — более того, не будет преувеличением сказать, — должна была фигурировать в числе членов Лиги Наций».

Из этого заключения следовала практическая рекомендация или, точнее, требование: «То, что Союзные Державы не смогли сделать в Севре, должна сегодня сделать Лига Наций, действуя согласно требованиям логики и в то же время требованиям права и справедливости»¹.

Комментируя этот меморандум представителя Армении, директор Политической секции Секретариата Лиги Наций Поль Манту 25 ноября 1920 г. написал: «Я считаю, что меморандум, который подымает очень интересный вопрос международного права, должен быть распространен на Ассамблее»².

На Четвертом (закрытом) заседании Одиннадцатой сессии Совета Лиги Наций 24 ноября 1920 г. представители государств—членов Совета, рассматривая вопрос о «защите Армении», обсудили, какие меры необходимы для выполнения принятой 22 ноября резолюции Ассамблеи относительно прекращения военных действий между кемалистами и Арменией.

После обмена мнениями, в котором приняли участие представители всех государств—членов Совета, было решено резюмировать позицию Ассамблеи путем принятия следующих процедур: Совет информирует правительства всех членов Лиги о резолюции Ассамблеи; он подчеркнет серьезность положения,

¹ Документ Лиги Наций: Section 28, Document 8591, Dossier 4395.

² Там же.

которому Ассамблея хочет положить конец, и сообщит им, что Совет направляет послание Президенту США.

По общему мнению членов Совета, было крайне необходимо обратиться с призывом к Америке ввиду того, что согласие Президента США определить границы Армении возложило на него особую ответственность, а также ввиду моральной значимости требуемого вмешательства.

Хотя США решили не принимать мандата на управление Арменией, это решение, по мнению Совета, не исключало желания Америки предпринять гуманитарную миссию, к выполнению которой она была подготовлена больше всех.

Генеральному секретарю было поручено представить на рассмотрение Совета проекты двух телеграмм, написанных с учетом этих выводов: одна из них адресовалась правительствам всех стран — членом Лиги, другая — Президенту США.

Совет считал, что если обращение к Америке не встретит положительного отклика и если другие державы согласятся выступить посредниками между Арменией и М. Кемалем, тогда по очевидным причинам было бы желательно, чтобы они не принадлежали к числу держав, подписавших Севрский договор.

Совет счел возможным рассмотреть вопрос о коллективном вмешательстве в это дело двух или трех незаинтересованных держав, которые действовали бы от имени Лиги Наций. Вмешательство такого порядка в конечном итоге привело бы к тому, что одно государство или несколько государств-посредников в силу своих действий вступили бы в контакт с державами, подписавшими Севрский договор¹.

В соответствии с резолюцией, принятой Советом Лиги 24 ноября, Генеральный секретарь подготовил проекты двух телеграмм — для всех членом Лиги и для Президента США. Они были одобрены Советом на закрытом, а потом и на пленарном заседании Совета 25 ноября 1920 г.²

В тот же день правительствам всех государств—членом Лиги Наций и США была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что по инициативе Ассамблеи, желающей в сотрудничестве с Советом «как можно скорее положить конец ужасной трагедии, происходящей в Армении», Совет обращается к правительству данного государства с настоятельной просьбой сообщить, готово ли оно «самостоятельно, либо совместно с другими осуществить от имени Лиги Наций миссию в высшей степени гуманитарной важности»³.

В телеграмме Президенту США пояснялось, что цель этого послания состояла в том, чтобы «найти Державу, которая может использовать свои добрые услуги, чтобы положить конец как можно быстро ужасной трагедии, которая имеет место» в Армении. Кроме того, к содержанию резолюции было добавлено, что это обращение не подразумевает возобновление предложения относительно мандата на Армению. Вместе с тем, указывалось в телеграмме, Совет считал себя обязанным предоставить Соединенным Штатам возможность «заняться вопросом такой высшей степени гуманитарной важности, поскольку осознает, что судьба Армении всегда была предметом особого интереса американского народа и что Президент США уже согласился определить границы Армении»⁴.

¹ Док. № 476.

² Док. № 478 и 479.

³ Док. № 481.

⁴ Док. № 480.

1 декабря Президент Вильсон информировал Председателя Совета Лиги о получении этой телеграммы. В своем ответе Президент США фиксирует предоставляемые ему полномочия, на основе которых он готов был выполнить поручаемую ему миссию: «Вы предоставили США возможность выполнить гуманитарную миссию путем использования своих добрых услуг, чтобы положить конец нынешней трагедии в Армении, и Вы заверяете меня, что Ваше предложение не влечет за собой повторения просьбы согласиться на мандат на управление Арменией. В то время как приглашение принять мандат на Армению было отвергнуто Сенатом США, наша страна неоднократно выражала свою озабоченность судьбой и благополучием армянского народа таким образом и в такой степени, которые оправдывают Ваше заявление о том, что судьба Армении всегда была объектом особого интереса американского народа».

Отметив, что он не имеет полномочий предложить или использовать вооруженные силы США в каких-либо планах оказания помощи Армении и что любой материальный вклад потребовал бы разрешения Конгресса, который не заседает и действия которого он не может предвидеть, Президент США вместе с тем выразил готовность при получении заверений в моральной и дипломатической поддержке Главных Союзных держав использовать в духе сочувственного отношения к просьбе Совета Лиги Наций свои добрые услуги и предложить личное посредничество через представителя, которого он может назначить, «чтобы покончить с военными действиями, которые ведутся сейчас против армянского народа, и принести мир и согласие противоборствующим сторонам». Президент при этом просил Совет Лиги Наций предложить ему канал, по которому его предложение должно быть передано, и назвать стороны, которым оно должно быть адресовано¹.

В телеграмме, полученной 30 ноября 1920 г. от Премьер-министра Испании Дато говорилось, что правительство Его Величества короля Испании «относится с глубоким сочувствием к этому несчастному народу — жертве столь многих несчастий» и поэтому «охотно примет участие в любой акции морального или дипломатического характера для достижения мирных целей, которых Лига Наций добивается с таким усердием и преданностью»².

Министр иностранных дел Бразилии Ажеведо Маркеш информировал, что «Правительство Бразилии готово оказать содействие либо единолично, либо совместно с другими Державами в усилиях, направленных на то, чтобы положить конец отчаянному положению Армении»³.

На Двенадцатом пленарном заседании Первой Ассамблеи Лиги Наций 2 декабря 1920 г.⁴ Председатель Гиманс подвел некоторые итоги действий Ассамблеи и Совета Лиги Наций в связи с агрессией кемалистской Турции против Армении и новыми актами резни. Сообщая о согласии Президента США Вильсона использовать свои «добрые услуги» и «личное посредничество», Гиманс сказал: «Беды Армении вызывают ужас в мире; американский народ неоднократно выражал свое крайнее отвращение по поводу резни армян. Мы счастливы знать, что Президент Вильсон, один из основателей Лиги Наций, откликается на обра-

¹ Док. № 490.

² Док. № 486.

³ Док. № 487.

⁴ Док. № 495.

щенный к нему призыв и предлагает вмешаться, чтобы положить конец трагедии, происходящей в Малой Азии».

Председатель предложил послать Президенту США и правительствам Испании и Бразилии «официальные послания» с выражением благодарности и «заверить их в моральной поддержке Лиги Наций и ... цивилизованного мира». «Я уверен, — сказал он, — что мы здесь от всей души желаем, чтобы Армения была спасена, и надеемся на восстановление справедливого и прочного мира, который позволит этому несчастному народу залечить свои раны, обустроить свою независимую жизнь и определить свою судьбу».

Информировав правительства Испании и Бразилии, что Президент США согласен использовать свои добрые услуги и действовать лично в качестве посредника, «чтобы положить конец открытым военным действиям против Армении», Гиманс предложил этим двум правительствам «войти в прямой контакт с Президентом Вильсоном для того, чтобы решить, как лучше организовать сотрудничество в этой работе»¹.

В это же время началась процедура принятия в Лигу Наций Армении и ряда стран, ранее входивших в состав Российской империи. Ввиду судьбоносного значения решения Лиги Наций по вопросу приема Армении в эту организацию как для Армении, так и для самой Лиги, следует обратить внимание на сам процесс принятия решения, с тем чтобы выявить политические мотивы, противопоставленные международно-правовым основаниям.

В соответствии с установленной процедурой принятия в Лигу Наций новых членов предстояло установить, обладает ли это государство качествами и условиями, выдвигаемыми Уставом этой международной организации. Пятый комитет Ассамблеи, на который было возложено рассмотрение заявлений о приеме, собрался в первый раз 20 ноября 1920 г. Поступившие заявления он распределил между тремя Подкомитетами, которые должны были вынести свои суждения в отношении следующих вопросов: а) была ли просьба о приеме представлена в должной форме; б) было ли правительство, обратившееся с просьбой о приеме, признано де-юре или де-факто и какими именно государствами; в) представляет ли кандидат государство со стабильным правительством и с определенными границами, каковы его площадь и численность населения; г) осуществляет ли оно свободное самоуправление; е) каково его поведение в действиях и в заявлениях, которые оно сделало в отношении: 1) своих международных обязательств, 2) предписаний Лиги относительно вооружений².

29 ноября Подкомитет V «с», занимавшийся вопросом приема в Лигу Наций Армении, Азербайджана, Коста-Рики, Грузии и Украины, представил Пятому комитету доклад, в котором на основании ряда показателей сформулировал свой однозначно положительный вывод в отношении Армении:

«*Заявка.* Подкомитет рассмотрел заявление Армении о принятии в Лигу Наций и признал, что оно оформлено надлежащим образом. <...>

«*Стабильность правительства.* Эриванская республика Армения была образована в мае 1918 г. У нее нет письменной конституции, ее разработка отло-

¹ Док. № 495.

² См. Journal de la Première Asssemblée de la Société des Nations № 8, 29 November, 1920. P. 62; Actes de la Première Assemblée, Séances des Commissions. T. II. P. 159.

жена до созыва Учредительной Ассамблеи. Однако не может быть сомнения, что нынешнее правительство действительно представляет армянский народ, хотя его и нельзя считать стабильным правительством.

Границы. Границы еще не определены окончательно, но ст. 52 Севрского договора предусматривает арбитражное решение, и Президент Вильсон согласился взять на себя роль арбитра. Его решение, конечно, будет иметь обратную силу.

Площадь. Территория Армянской республики в пределах, сложившихся в мае 1920 г., составляет 26 130 кв. миль (70 551 кв. км).

Полагая, что вилайеты Вана, Битлиса, Эрзерума и часть Трапезунда будут переданы Армении, ее территория может составить 80 000 кв. миль (214 000 кв. км).

Население. Российская статистика в 1917 г. определяла численность населения Республики (в границах на май 1920 г.) в 2 159 000 человек. Но все статистические данные по Армении должны считаться как приблизительные, поскольку они не учитывают людские потери в результате недавних событий, а также возвращение эмигрантов из-за границы.

«<...> *Признание другими государствами.* Армения является одной из Держав, подписавших Севрский договор. Ее делегация утверждает, что разрешение подписать этот договор подразумевает признание де-юре всеми остальными подписавшими сторонами.

Согласно информации, полученной неофициально Секретариатом, Правительства США и Республики Аргентины также признали Армению.

«Эта страна богата природными ресурсами и обладает промышленным потенциалом»¹.

Подтвердив, что Армения обладает необходимыми качествами и отвечает условиям, выдвигаемым Уставом Лиги Наций для членства в этой организации, Подкомитет единогласно высказался за ее принятие в Лигу Наций. Это решение было передано в Пятый комитет, который должен был внести вопрос на рассмотрение Ассамблеи.

Дальнейший ход обсуждения определялся сложившейся военно-политической ситуацией. Решение Армянского вопроса на основании международного права и в соответствии с условиями, зафиксированными в Севрском мирном договоре и в Уставе Лиги Наций, вошло в резкое противоречие с политическими интересами держав Антанты — Великобритании и Франции, противодействовавших российскому большевизму. Как уже отмечалось, через семь дней после вынесения Президентом США Вильсоном арбитражного решения и в самый день вынесения заключения о принятии Армении в Лигу Наций Подкомитетом, который занимался рассмотрением этого вопроса, совместными усилиями правительств турецких националистов и советской России Армения была советизирована. Включение Армении в политическую систему советской России придало вопросу о ее международной правосубъектности новый смысл.

Если бы советизация, как это представляли без всяких на то оснований организаторы переворота, рассматривалась как результат легитимной передачи власти, тогда советская Армения в качестве правопреемницы Республики Армении могла бы по праву претендовать на границы, установленные арбитражным решением Президента США, а Лига Наций должна была бы признать границей совет-

¹ Док. № 483.

ского государства установленную арбитром линию армяно-турецкого разграничения. Политическое руководство Великобритании, переоценившее мудрость большевистских комиссаров, было встревожено возможностью использования ими территориальных прав Армении.

С другой стороны, если бы Лига Наций не признала насильственное включение Армении в политическую систему Москвы и приняла ее в состав Лиги Наций, она должна была бы в соответствии со ст. 10 Устава «уважать и охранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость» Армении, включая и те территории, которые были присуждены ей арбитражем. Это означало бы войну не только против кемалистской Турции, но и против советской России.

Решения Лиги Наций в свете ситуации, создавшейся в результате большевистско-кемалистской агрессии в Армении, рассматривались на Второй Лондонской конференции Союзных держав 26 ноября — 4 декабря 1920 г.

На конференции проявилось коварство западной, особенно английской, дипломатии, ее готовность предать законные права Армении в угоду антисоветской политике.

Тон на конференции задавал британский премьер. Открывая заседание, Ллойд Джордж сказал, что до обсуждения Севрского договора «необходимо обсудить срочный вопрос, а именно поступившее из Женевы предложение о том, что Армения должна быть немедленно принята в Лигу Наций». Это предложение, отметил он, внесли в Лигу Наций лорд Роберт Сесил (один из двух представителей Южной Африки на заседаниях Ассамблеи) и представитель Франции Вивиани, которые «стараятся убедить Ассамблею принять Армению в Лигу Наций». В настоящее время «принятие этого предложения явилось бы очень серьезным делом», заявил британский премьер.

Раскрывая свою позицию, Ллойд Джордж сказал, что, по его мнению, «это такой вопрос, по которому Союзникам необходимо занять единую позицию» и что «по изложенным им причинам у Британского правительства имеются очень серьезные сомнения в отношении разумности приема Армении в Лигу Наций в настоящее время».

Какие же доводы привел британский премьер в поддержку своей антиармянской позиции? В качестве единственного довода он повторил свое заявление на конференции, что «границы Армении пока еще не определены», что по Уставу член Лиги имеет право на гарантию своих границ. «В данном случае просто невозможно дать такую гарантию, но и нельзя ее обеспечить, если даже ее и предоставить», — сказал Ллойд Джордж¹.

С правовой точки зрения этот аргумент был несостоятельным, ибо, во-первых, в отношении турецко-армянской границы речь шла о расширении армянской территории за счет воссоединения с территорией признанной уже Армянской республики, и, во-вторых, до начала работы Лондонской конференции было вынесено арбитражное решение Президента США Вильсона об армяно-турецкой границе с существенным приращением территории Армении. Об этом арбитр официально сообщил в своем послании Верховному совету Союзных держав 22 ноября 1920 г.²

¹ Док. № 482.

² Док. № 472 и 473.

Британский премьер не только знал об этом, но и просил арбитра через свое ведомство иностранных дел «повременить» с опубликованием арбитражного решения Президента США, пока не представят на рассмотрение «некоторые соображения». После небольшой отсрочки оно было все же обнародовано правительством США 2 января 1921 г.

Британский Министр иностранных дел Керзон придал вопросу о приеме Армении в Лигу Наций еще большую остроту. Он подчеркнул, что «сложившаяся ситуация в действительности является более серьезной, чем обрисовал г-н Ллойд Джордж». Министр сказал, что получил информацию, из которой «явствует, что Президент Вильсон предлагает предоставить Армении значительно большую территорию, чем она сама требовала. В частности, Президент Вильсон включил Эрзерум и Трапезунд в состав Армении. По утверждению Керзона, «любая гарантия границ, предлагаемых Президентом Вильсоном, вовлекала бы других членов Лиги в определенный конфликт с соседями Армении, и возникла бы абсурдная ситуация, когда члены Лиги гарантировали бы границы, в правильности которых сами они не убеждены и которые они не смогли бы, вероятно, обеспечить силой оружия».

Британский министр говорил неправду. Президент США определил границы в пределах, которые были установлены Великобританией, Францией и другими Союзными державами, и при этом присудил Армении только часть территории, в пределах которой он был уполномочен провести границу третьей записью.

Глава правительства Франции Леги согласился с мнением Ллойд Джорджа и Керзона, а именно, что «Армению не следует принимать в Лигу Наций в настоящее время». Его аргумент также был основан на передержках. Леги утверждал, что на основании ст. 88 Севрского договора Турция обязуется признать независимость Армении, но поскольку турки не ратифицировали еще договор, то юридически недопустимо, чтобы члены Лиги рассматривали Армению как свободное и независимое государство.

В действительности же Оттоманская империя признала Армянскую республику еще в 1918 г., а подлинный мотив позиции французского правительства состоял, как сказал сам Леги, в том, что «прием Армении в Лигу Наций в настоящий момент был бы весьма опасным и неразумным решением»¹.

Представитель Италии Сфорца выразил согласие с высказанными мнениями. Вместе с тем он напомнил, что «важно не вызвать отчуждения у друзей Армении», и призвал поэтому «основывать свое решение только правовыми соображениями». Он рекомендовал, чтобы решение, которое будет сообщено Лиге Наций, объяснялось юридическими трудностями, связанными с Севрским договором.

Участники конференции согласились поручить секретарям составить проект телеграммы, которая после его одобрения сразу же должна быть направлена британскому, французскому и итальянскому представителям в Лиге Наций с указанием, что правительства Великобритании, Франции и Италии возражают против принятия Армении в Лигу Наций на основании юридических сложностей, вытекающих из ст. 88 Севрского договора, а также в связи с тем, что границы Армении пока еще не установлены.

¹ Док. № 482.

Участники конференции договорились поручить представителям своих государств «противодействовать на этих основаниях принятию Армении в Лигу Наций».

Леги сказал также, что он хочет сообщить конференции мнение французского правительства относительно возможного пересмотра Севрского договора. Сославшись на то, что договор еще не ратифицирован ни одной из подписавших сторон, кроме Италии, он утверждал, что «Союзники располагают свободой действий».

Кроме того, Леги отметил, что мнение о необходимости «кардинального пересмотра» этого договора «не разделяется правительством Франции, которое считает, что при существующих обстоятельствах наилучший путь — это сохранить в целом договор, но внести в него определенные дополнения с учетом новой ситуации, возникшей на Ближнем Востоке. Только таким путем Союзники могут надеяться облегчить растущее бремя, вызванное содержанием значительных сил в Малой Азии и в других регионах». Леги хотел бы, чтобы высказанное им мнение «было совершенно ясно понято. Условия Севрского договора, по которому у Турции изъяты некоторые самые лучшие владения, нанесли глубокие раны национальной гордости турок», и он уверен, что до тех пор, пока Смирна остается в руках греков, в Малой Азии не может быть мира. «Кемалисты, — по его словам, — будут оставаться активными и провоцировать резню и беспорядки, которые вынудят Союзников держать значительные войска в Константинополе и в других частях прежней Турецкой империи». Леги не ратовал «за возвращение Смирны туркам в том смысле, что турки могут восстановить свой суверенитет там, как в предвоенное время», но он считал, что «Смирна должна быть поставлена под какую-то форму Оттоманского суверенитета при одновременном предоставлении некой автономии или, возможно, передачи ее под международный контроль».

Представитель Италии Сфорца сказал, что «прежде всего он хочет, чтобы мир в Европе был восстановлен, усматривая в этом самый надежный барьер против распространения большевизма». Он пояснил, что «в некотором отношении Италии определено выгодно присутствие греков в Смирне». По его мнению, «более широкий вопрос касается обеспечения мирного урегулирования на Ближнем Востоке», и он считает, что какой-то выход из этой трудной ситуации можно найти без необходимости согласиться на существенные уступки «отвратительному турку».

Ллойд Джордж заявил, что «по мнению британского правительства, любое обсуждение этого вопроса в настоящее время является преждевременным». Он откровенно признал, что «сам не верит туркам, которые в течение многих поколений злоупотребляли властью над подчиненными им народами и приносили проклятье любой стране, куда ступала их нога. Державы опозорили бы себя, а также человечество, если бы они насильно вернули под турецкое правление любую из земель, освобожденных недавно от плохого турецкого управления. В тех районах, где турки составляют большинство населения, несомненно, надо позволить, чтобы продолжалось турецкое правление... Если Союзники начнут раздирать на части Севрский договор, не зная при этом, чем они его заменят, то они спровоцируют большой пожар на Ближнем Востоке. Договор не только подписан, но турок покидает провинции, которых он лишился по этому договору. С точкой зрения Президента Вильсона относительно Армении нельзя, вероятно, согласиться, и Союзники не могут сражаться с турками, чтобы силой навязать такую структуру».

Глава французского правительства обратил внимание на опасность сближения кемалистов с большевиками. «В течение последних двух недель между наци-

оналистами и большевиками наблюдалось значительное сближение, — сказал Леги. — Если этим двум враждебным элементам удастся создать общий фронт, то последствия этого испытают именно Союзники». Он выразил убеждение, что «Союзники должны сделать все, что в их власти, чтобы помешать этому несвященному союзу», и что «наибольшей опасности подвергнутся Италия, Греция, Великобритания и Франция, если не предпринять меры, чтобы остановить объединение этих двух сил». Председатель Совета министров призвал «сейчас же принять превентивные меры, ибо если такой союз станет свершившимся фактом, то последствия его будут бесконечно более серьезными. Смычка националистов и большевиков создает очень опасную ситуацию...». Он считал, что для предотвращения создания этого союза «надо предложить турецким националистам почетный мир». Не настаивая, чтобы именно в этот день было принято какое-то конкретное решение, он подчеркнул, что «положение в Малой Азии чревато серьезными опасностями» и французское правительство считает, что «крайне важно добиться мира».

Британский премьер выразил опасение, что расхождение во взглядах между ним и французами «гораздо более основательно и имеет более глубокие корни, чем он представлял». «Информация, которую получают англичане о Мустафе Кемале, абсолютно расходится с тем, что имеется в руках у г-на Леги. Британские агенты сообщают, что в последние дни большевики стали убеждаться, что Великобритания и Франция сейчас заняты тем, что настраивают Мустафу Кемаль против них. Большевики полагают, что Мустафа Кемаль намерен захватить Грузию, Азербайджан и Батум, и поэтому они посылают войска в Азербайджан, и кажется весьма вероятным, что вспыхнет война между большевиками и националистами». По мнению Ллойд Джорджа, «турки хотят осуществить старую пантуранскую программу. Они намерены распространить свое влияние на Восток; они хотят обрести свою собственную прежнюю родину, например, Туркестан, и они не думают о Смирне и Фракии. Следовательно, они относятся к большевикам как к силе, представляющей опасность, и как к своим врагам, поскольку большевики стоят между ними и их устремлениями в восточном направлении... Все, кажется, свидетельствует о том, что устремления Мустафы Кемалья направлены на Восток. Он уже захватил Армению, и сейчас большевики и националисты соперничают между собой за союз с Арменией». Турки, продолжал он, больше думают о Батуме, чем о Смирне. «Допустим, Союзники предложат туркам Смирну, Адрианополь и т.д., они, несомненно, с радостью примут это, но их мысли направлены на Восток». По словам Ллойд Джорджа, «мысли турка полностью заняты другими делами, Союзники не попросят их вновь обратить свои взоры на Запад. Это, по его мнению, было бы величайшей ошибкой».

Глава французского правительства сказал, что он, конечно, не хотел воздавать хвалу турку. Леги подчеркнул, что «французы и англичане абсолютно не расходятся во мнениях относительно характера турок. В этом вопросе у них полное единодушие. Он хорошо знает, чего стоит турок». Он заявил, что «всегда сочувственно относился к грекам, и это чувство ни в коей степени не ослабло сегодня», и что он далек от того, чтобы «забыть все страдания, которые они претерпели от турецких рук». Что же касается того, что он сказал относительно происходящего сближения между националистами и большевиками, то он говорил, исходя из информации, содержащейся в полученных им документах. Верно, что он только что полу-

чил телеграмму, в которой говорится, что Чичерин выразил протест против действий Мустафы Кемаля, но это не меняет его точки зрения. «Если турки действительно двинутся на Восток, как думает г-н Ллойд Джордж, то это хорошо, все это было бы выгодно Союзникам». Однако Леги считает, что союзники «обязаны быть готовыми ко всем неожиданностям. Если, как считают англичане, большевики и националисты находятся накануне разрыва, то Союзники могут это только приветствовать. Речь идет не о том, что французы питают особые симпатии к туркам или проявляют какую-то особую неприязнь к грекам и что этим объясняются внесенные им предложения на конференции». Глава французского правительства призвал своих коллег предвидеть все возможности.

Представитель Италии Сфорца привел слова Красина, который в беседе с ним сказал: «Я полностью за мир, но вы не будете иметь мира, если вынудите большевиков и турок вступить в союз против Антанты».

Генеральный секретарь французского МИДа Бертелло выразил мнение, что «если националисты и большевики вступят в настоящий контакт, то положение станет опасным». Бертелло зачитал французский перевод проекта идентичной телеграммы относительно Армении, которую британскому, французскому и итальянскому правительствам необходимо послать своим представителям в Женеве. Он сказал, что французская делегация хотела бы обсудить дополнительно этот проект и внести одну или две незначительные поправки.

Проект телеграммы, которую предполагалось направить в Женеву делегатам Союзных держав в Лиге Наций, гласил:

«Представители трех правительств, собравшись в Лондоне, обсудив поднятый в Женеве вопрос о вступлении Армении в Лигу Наций, пришли к единогласному выводу, что было бы нежелательно предпринять такой шаг в настоящее время. Основная причина, побудившая их прийти к такому заключению, сводится к следующему:

Во-первых, Севрский договор, на основе которого создается независимое Армянское государство, еще не ратифицирован. И, во-вторых, границы Армении, установленные Президентом Вильсоном, являются границами, которые, без внимательного изучения в свете нынешних событий, Державы, входящие в Лигу Наций, вряд ли могли бы в настоящий момент согласиться гарантировать или защитить».

Вы должны согласовать с вашими французскими и итальянскими коллегами вопрос о том, следует ли довести до Лиги Наций эту точку зрения в виде совместного документа или вам следует просто придерживаться этой линии, когда будет обсуждаться этот вопрос»¹.

На вечернем заседании 3 декабря глава французского правительства предложил, чтобы конференция рассмотрела и утвердила текст этой телеграммы. Участники конференции согласились, что телеграмму относительно принятия Армении в Лигу Наций надо отправить британской, французской и итальянской делегациям в Женеве.

Сославшись на то, что принять Армению в Лигу Наций физически невозможно, Сфорца предложил указать в тексте телеграммы, что союзники пришли к единодушному заключению, что в настоящий момент абсолютно невозможно

¹ Док. № 482. Заседание 3 декабря 1920 г. Приложение 2.

принять такое решение, ибо Севрский договор, по которому Армения создается как независимое государство, еще не ратифицирован, более того, потому что границы Армении, как они установлены Президентом Вильсоном, столь растянуты, что державы, входящие в Лигу Наций, не могут взять на себя ответственность гарантировать или защищать их¹.

Участники конференции согласились, что телеграммы, содержащие согласованный текст, должны быть незамедлительно направлены британской, французской и итальянской делегациям в Женеве. Идентичные телеграммы были направлены главе делегации Великобритании в Лиге Наций Бальфуру, а также главам британской, французской и итальянской делегаций в Ассамблее Лиги. В них говорилось, что «Представители трех правительств, собравшись в Лондоне, обсудив поднятый в Женеве вопрос о принятии Армении в Лигу Наций, пришли к единогласному выводу, что невозможно в данный момент предпринять такой шаг, ибо Севрский договор, по которому Армения создается как независимое государство, еще не ратифицирован. И, кроме того, границы Армении, в том виде, как они только что определены Президентом Вильсоном в ответ на предложение об арбитраже, с которым Державы обратились к нему, являются столь растянутыми, что Державы, входящие в Лигу Наций, вряд ли смогут в свете существующих условий согласиться гарантировать или защищать их»².

Бальфуру предписывалось согласовать с французскими и итальянскими коллегами вопрос о том, следует ли проявить инициативу и довести до сведения Лиги Наций это решение трех правительств, или просто отстаивать такую точку зрения, когда этот вопрос будет поднят.

Чтобы решение обосновывалось с юридической точки зрения, итальянской стороной были выдвинуты два аргумента. Один заключался в утверждении, будто Армения как государство создавалось на основании Севрского договора, а поскольку договор еще не ратифицирован и в юридическую силу не вступил, то и армянского государства якобы не было и нет.

Вопрос о международной правосубъектности Армении специально рассмотрен в соответствующем разделе Комментария. Здесь же следует отметить, что Армения была в числе сторон, подписавших многосторонний договор с участием самой Оттоманской империи, и, следовательно, существовала как субъект права до и независимо от его ратификации. В тех случаях, когда стороны хотят подчеркнуть, что государство как субъект международного права возникает в результате договора, оно не допускается в круг сторон этого договора.

В отношении границ, видимо, под воздействием просьбы Италии о юридической мотивации решения конференции его участники уже не говорят о неопределенности границ, а указывают лишь, что установленные арбитражем границы «столь растянутые, что Державы, входящие в Лигу Наций, вряд ли смогут в свете существующих условий, согласиться гарантировать или защищать их»³. Не говоря уже о том, что по растянутости границы Армении не шли ни в какое сравнение с границами большинства членов Лиги Наций, этот «аргумент» никак нельзя отнести к разряду юридических. Это в чистом виде политический аргумент.

¹ Док. № 482.

² Док. № 482. Заседание 3 декабря 1920 г. Приложение 1.

³ Там же. Выделено нами. — Ю.Б.

В этих сложных условиях Ассамблея Лиги Наций должна была ответить на вопрос, имело ли государство, соответствующее условиям, установленным Уставом Лиги, право быть принятым или ему могли отказать по соображениям политического порядка.

1 декабря 1920 г. Пятый комитет заслушал Нансена о выводах Подкомитета по вопросу приема Армении в Лигу Наций. Отмечая, что «не вызывает сомнения, что ее правительство действительно представляет армянский народ, даже если его нельзя рассматривать как стабильное», докладчик делал особый упор на то обстоятельство, что армянское правительство «проявило подлинное желание уважать взятые на себя обязательства». Нансен сообщил, что Подкомитет единодушно выразил свою симпатию армянскому народу¹.

Обсуждение доклада Подкомитета показало, что и у членов Комитета не было сомнений относительно наличия у Армении всех необходимых атрибутов субъекта международного права и, следовательно, относительно правомерности ее принятия в эту международную организацию. Представители ряда государств — участников Севрского договора указали, что их правительства рассматривают само подписание Арменией этого договора как признание ими Армении де-юре. Так, представитель Бразилии Октавио заявил, что «его правительство признало де-юре армянское правительство как одну из сторон, подписавших Севрский договор». Он указал и на то, что Армения была приглашена подписать международный договор о меньшинствах. Октавио призвал поддержать Армению в ее борьбе за независимость.

Представитель Франции Вивиани выступил против всяких оговорок и предложил принять Армению в Лигу Наций. Такое решение он считал оправданным, так как это подкрепило бы инициативу Лиги, назначившей США, Испанию и Бразилию посредниками в противоборстве Армении с кемалистами.

Представитель Греции Политис отметил, что арбитражное решение Президента США Вильсона ускорит определение границ Армении и что ее «международная лояльность вне всяких сомнений».

Нансен, выступая уже в качестве представителя Норвегии, выразил удовлетворение позицией Вивиани, Октавио и Политиса и заявил, что будет приветствовать принятие Армении в Лигу Наций.

Сесил, представлявший Южную Африку, заявил, что будет голосовать за принятие Армении, но обратил внимание на то, что ее членство в Лиге Наций окончательно устранит возможность поставить Армению под защиту государства-мандатария. Принятие Армении, сказал он, будет означать, что каждый из членов Лиги должен будет участвовать в защите Армении от всех актов внешней агрессии.

Британской представитель Фишер заявил, что через несколько месяцев может оказаться, что было бы лучше, если бы Армения «передала свою судьбу в руки государства-мандатария».

В ходе обсуждения 4 декабря в Комитете вопроса о приеме Литвы, Эстонии и Латвии Сесил предложил проект решения, который, по его мнению, был бы применим для балтийских и кавказских государств в равной мере: «Имея в виду, что эти государства имеют на своих границах народы, охваченные анархией и не поддающиеся влиянию Лиги Наций, Ассамблея заявляет, что это обстоятельство освобождает членов Лиги от обязательств, проистекающих для них из ст. 10 Ус-

¹ Док. № 494.

тава. С этой оговоркой Ассамблея принимает Эстонию, Латвию, Литву, Грузию и Армению в Лигу Наций».

Представитель Чехословакии Бенеш заметил, что это предложение ставит юридический вопрос о допустимости с точки зрения Устава Лиги приема государств под условием. Он предложил другой вариант компромисса: если в настоящее время невозможно принять в Лигу, почему бы не принять их сейчас в другие организации?

Разработанный им проект резолюции гласил, что Комитет, не желая высказываться окончательно за или против принятия балтийских государств ввиду общей политической ситуации в Европе, предлагает Ассамблее высказаться за участие этих государств в определенных специализированных организациях сообщества государств, с тем чтобы они имели возможность в подходящий момент, когда политические условия это позволят, официально рассматриваться как полноправные члены Лиги.

Представитель Швеции Брантинг высказал пожелание, чтобы Комитет нашел формулу, которая давала бы возможность принять эти государства в ближайшем будущем.

Представитель Нидерландов Карнебик выступил против предложения Сесила. Отказать этим государствам в возможности пользоваться преимуществами ст. 10 Устава означало бы лишить их самой необходимой им гарантии, не освобождая в то же время от обязательств по ст. 16. С юридической точки зрения Лига не имеет право ставить применение этой статьи Устава в зависимость от обстоятельств. Решение, которое будет принято, не должно содержать каких-либо элементов, которые могли бы как-то лишить эти государства надежды. Должно быть видно, что решение вызвано фактической политической ситуацией и что они хотели бы изменения этой ситуации, что дало бы возможность подойти к просьбе заинтересованных государств с правовой точки зрения.

Представитель Канады Роуэлл, указав, что просьбы о приеме затрагивают русскую проблему, предложил обратиться в Юридическую секцию Секретариата с просьбой выработать формулу, которая учла бы возможности Устава по установлению официальных отношений между членами Лиги Наций и государствами, не состоящими ее членами. Предложенный им проект резолюции просил Юридическую секцию сообщить о возможности предусмотреть для этих государств в рамках Устава иные отношения с Лигой Наций, чем те, которые имеют место.

После консультаций представитель Франции Вивиани поддержал предложение Роуэлла и сообщил, что такое исследование уже проведено Ван Гамелом и предложенный им текст роздан членам Подкомитета.

Представитель Британской империи Фишер сказал, что оба предложения — Сесила и Роуэлла, — признавая трудности принятия в Лигу и опасность, связанную с отказом, предлагают найти компромисс, обеспечивающий этим государствам, ввиду невозможности полного членства, довольно тесные отношения с Лигой Наций. Он предложил вернуть вопрос в Подкомитет, поручив ему найти формулу, отвечающую этим пожеланиям.

Британского представителя поддержали представители Нидерландов, Колумбии и Кубы. По предложению Председателя Ханеуса был принят следующий порядок голосования по выдвинутым предложениям: вначале будет рассмотрено предложение Фишера, принятие которого может устранить все другие. Затем

предложение Роуэлла, которое предполагало идентичную процедуру, но с юридической консультацией. Далее можно будет рассмотреть предложение Бенеша, согласно которому прием всех этих государств должен быть отложен, но они принимаются в специализированные организации Лиги.

Кроме того, Председатель напомнил о знесенном ранее предложении, позволяющем государствам, не принятым в Лигу, назначить своих представителей, которые будут заседать в Ассамблее без права участвовать в голосовании. Последним должно было быть поставлено на голосование предложение Сесила, предусматривавшее принятие всех этих государств с оговоркой в отношении применимости ст. 10 Устава.

В соответствии с этим порядком первым было поставлено на обсуждение предложение Фишера, предлагавшее Первому подкомитету изучить предложения, сделанные в ходе обсуждения Сесилом, Роуэллом и Бенешем, и представить доклад Комитету.

Представитель Чехословакии Бенеш предложил в целях ускорения поручить рассмотрение предложенного Фишером вопроса не Первому подкомитету, а Комитету, составленному из председателей всех трех Подкомитетов.

После обсуждения Комитет принял предложение Фишера с изменением ранее принятого предложения Вивиани о включении в исследование и вопроса об Армении и Грузии.

Первый подкомитет Пятого комитета под председательством представителя Бельгии Пуле рассмотрел 6 декабря 1920 г. различные формулы решения по просьбам о приеме прибалтийских и кавказских государств и поручил представителю Бразилии Октавио подвести итоги обсуждения, в ходе которых были выдвинуты три новые формулы.

Одна из них — формула Пуле — рекомендовала, чтобы Ассамблея «в ожидании окончательного решения русской проблемы» приняла в Лигу Наций «государства, появившиеся в результате распада Российской империи и границы которых признаны соседними государствами, такие, как Эстония, Латвия, Литва, Грузия и Армения».

Было отмечено, что нельзя ставить судьбу новых государств в зависимость от исхода временной ситуации, развитие которой невозможно предвидеть. Указывалось, что члены Подкомитета должны руководствоваться желанием Комитета дать новым государствам стимул для укрепления их внутреннего и международного положения.

На основе предложения делегата Нидерландов Карнебика, воспринявшего идею Бенеша, была подготовлена еще одна новая формула:

«Комитет рекомендует Ассамблее сообщить правительствам Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии и Армении:

а) что их просьбы рассмотрены благожелательно, но что обстоятельства не позволяют Ассамблее вынести окончательное решение по ним;

б) что в ожидании будущих решений Ассамблеи эти государства могут участвовать в специализированных организациях Лиги, представляющих общий интерес»¹.

Эта формула была принята Подкомитетом, который и представил ее на одобрение Пятого комитета.

Когда Пятый комитет возобновил в Женеве свою работу, Октавио (Бразилия) в качестве докладчика огласил дополнительный доклад Подкомитета по итогам состоявшихся ранее обсуждений. В докладе рекомендовалось, чтобы Ассамблея довела до сведения государств, подавших просьбу о приеме (Армения, Грузия, прибалтийские государства), что: а) «их просьбы благожелательно рассмотрены, но что обстоятельства не позволяют Ассамблее вынести окончательное решение по ним; и б) в ожидании будущих решений Ассамблеи эти государства могут участвовать в специализированных организациях Лиги, представляющих общий интерес».

По просьбе Нансена обсуждение доклада было проведено отдельно по прибалтийским государствам и кавказским государствам — Армении и Грузии. Предложение Подкомитета было принято в отношении прибалтийских государств. Когда Комитет перешел к рассмотрению вопроса о применении этой формулы в отношении кавказских республик, Нансен поставил вопрос о приеме Грузии, мотивируя это тем, что ее «принятие крайне важно, если Лига Наций намерена помочь Армении». Представитель Британской империи Фишер выступил против принятия Грузии и за распространение на нее предложения Подкомитета. Предложение Подкомитета было принято.

В вопросе об Армении Комитет, как и Лига Наций в целом, продолжал испытывать политическое давление трех великих держав. Поэтому представитель Канады Роуэлл выступил с демаршем, заявив, что Ассамблея Лиги Наций — единственный форум, где надлежит обсуждать и принимать решение по вопросу о приеме государства, и что «любая держава, которая хотела бы обратиться к Ассамблее по вопросам, которые находятся в ее повестке дня, должна делать это через своих представителей в Ассамблее». Канадский представитель прямо заявил, что Ассамблея имеет полное право выступить против появившегося в прессе заявления в отношении Армении. «Вопрос принятия государств должен решаться в Женеве, а не в Лондоне, Париже или Риме», — сказал он. Роуэлла поддержали Сесил (Южная Африка) и Нансен (Норвегия). Последний напомнил, что Подкомитет, признавая наличие оснований в пользу принятия Армении, не сделал этого только потому, что полагал, что в интересах Армении было бы иметь мандатария¹.

В результате голосования была принята та же формула Подкомитета, которая прошла в отношении прибалтийских государств и Грузии.

На Двадцать пятом заседании Ассамблеи 15 декабря 1920 г. Бенеш (Чехословакия), выступая в поддержку доклада Пятого комитета, разделил все государства, подавшие заявление о приеме в Лигу, на три группы: 1) государства, которые трудно принять ввиду их малых размеров (Люксембург, Лихтенштейн); 2) бывшие вражеские государства (Австрия, Болгария); 3) новые государства, которые «не могут считаться стабильными» (Финляндия, Литва, Эстония, Латвия, Армения, Грузия, Азербайджан, Украина, Албания).

Обсуждение в Ассамблее вопроса о приеме государств этой последней группы тесно связывалось с возможностями применения ст. 10 Устава Лиги. Другие соображения носили подчиненный характер.

«Позволю себе привлечь внимание к тому факту, — сказал Бенеш, — что Лига Наций пока еще представляет собой очень слабый организм и что в этих условиях принятие некоторых малых государств является очень деликатным делом,

¹ Société des Nations. Actes de la Première Assemblée. Séances des Commissions. II. Annexe X.

¹ Док. № 516.

поскольку некоторые из них находятся в очень трудном положении; ситуация в регионах Европы все еще тревожная, и мы не знаем, не возникнут ли завтра новые проблемы, новые трудности, которые вовлекут некоторые из этих государств в новые испытания. В этих условиях мы сочли, что было бы правильно в интересах самой Лиги и чтобы не обескуражить ни одно из этих государств, а напротив, чтобы проявить к ним самое большое благорасположение, не принимать их в Лигу, которая несла бы полную ответственность, но позволить им сотрудничать с членами Лиги в определенных специализированных организациях»¹.

На Двадцать шестом пленарном заседании Ассамблеи Лиги Наций 16 декабря 1920 г. при обсуждении заключения Комитета его докладчик по вопросу приема Армении Нансен заявил, что Комитет «выразил единодушное желание сделать все возможное для Армении и все хотели принять Армению в члены Лиги. Но нельзя отрицать, что этот вопрос сопряжен с серьезными трудностями. Армения находится сейчас в очень сложном положении. Значительная часть страны захвачена ее врагами, и правительство не может считаться полностью стабильным. Границы еще не определены. В целом положение столь трудное, что, хотя мы очень хотели иметь возможность рекомендовать принятие Армении в Лигу, нам не удалось сделать это». В то же время Нансен обратил внимание на то обстоятельство, что Армения в числе других держав подписала Севрский договор и что в случае ратификации договора «возникнет вопрос, не является ли она членом Лиги с того момента», т.е., иначе говоря, речь шла о ее автоматическом членстве в качестве первоначального учредителя этой международной организации². Объясняя аномальное положение с приемом Армении, Нансен сказал, что Комитет, вместо того чтобы руководствоваться правовыми условиями, во главу угла положил последствия агрессии.

Убежденный в том, что обескровленной геноцидом и разоренной войной стране необходима международная гуманитарная помощь, Нансен опять увязал вопрос о членстве Армении в международной организации с возможностью оказания ей помощи путем установления временного мандата Лиги над Арменией. «Существует также другой вопрос, а именно, отвечает ли членство в Лиге на самом деле интересам Армении в данный момент, поскольку это исключило бы тогда возможность поиска мандатария для Армении. Мы не можем искать державу-мандатария для члена Лиги». Напомнив, что Подкомитет признал наличие оснований для принятия Армении в Лигу Наций, Нансен отметил, что ее интересам больше отвечало бы предоставление ей мандатария.

Докладчик Комитета несколько раз подчеркивал, что его рекомендация ни в коем случае не должна рассматриваться как нежелание принять Армению в состав Лиги: «...не отсутствие доброй воли по отношению к Армении и не отсутствие желания принять ее в Лигу; напротив, мы руководствовались доброй волей к Армении. Мы выражаем наше желание, чтобы Армения была принята в Лигу как можно быстрее»³.

Роуэлл (Канада) присоединился к мнению тех, кто считал, что препятствием являются условия, созданные в результате агрессии. Правительство Армении не

может осуществлять «в полной мере свою власть на территории всей Армении». Он выразил надежду, что посреднические усилия США, Испании и Бразилии помогут преодолеть препятствия, вставшие на пути принятия Армении в Лигу. «Я уверен, что каждый член Ассамблеи серьезно надеется, — сказал Роуэлл, — что посреднические усилия, которые взял на себя Президент США и которые энергично поддержаны правительствами Испании и Бразилии, и поддержанные, как мы с уверенностью ожидаем, с такой же энергией Советом Лиги, приведут к ликвидации этих препятствий»¹.

Ассамблея согласилась с мнением Комитета: за принятие проголосовало — 8, против — 21, воздержались или не явились на голосование — 13 государств.

В то же время, желая выразить свои симпатии Армении и свою надежду на ее вступление в Лигу Наций в самом ближайшем будущем, Ассамблея приняла по предложению представителя Канады следующие рекомендации: «Ассамблея искренне надеется, что усилия Президента США, энергично поддержанные Правительствами Испании и Бразилии и Советом Лиги, помогут сохранить армянскую нацию и обеспечат установление в Армении стабильного правительства, осуществляющего свою власть на всей территории Армянского государства в пределах границ, которые могут быть окончательно установлены в соответствии с Севским договором, с тем чтобы Ассамблея смогла на своем очередном заседании принять Армению в качестве полноправного члена Лиги Наций»².

Как и в случае с прибалтийскими государствами и Грузией, ставился вопрос о том, чтобы предложить Армении участвовать в специализированных организациях Лиги Наций, но представители многих государств расценили это как подмену решения вопроса.

Так, объясняя мотивы своего голосования, британский представитель Барнес (в качестве члена Комитета, занимавшегося специализированными организациями) выступил против принятия этого предложения: «Вы собираетесь включить и мелкие государства в эти организации и тем самым увеличить их расходы или этот вопрос о принятии мелких государств в специализированные организации является просто нечестной показухой?.. Вы собираетесь успокоить свою совесть тем, что прежде отказываете государству в приеме, а затем принимаете резолюцию, которая абсолютно ничего не значит».

Представитель Южной Африки Сесил сослался на невозможность защиты территориальной целостности Армении от внешней агрессии: «В соответствии со ст. 10 мы обязаны сохранить территориальную целостность любого члена Лиги от внешней агрессии и рассмотреть, какие наилучшие шаги следует предпринять в этих целях. Мне показалось крайне сомнительным, чтобы все члены Лиги были бы готовы выполнить это обязательство, если бы Армения была принята, и я совершенно уверен, что ничто не было бы более разрушительным для Ассамблеи или для любой другой организации, чем попытка делать вид, что вы собираетесь предпринять что-то, хотя на самом деле вы не намерены делать это. Вот почему я не мог голосовать за принятие Армении»³.

¹ Actes de la Première Asssemblée, Séances plénières. P. 564.

² Док. № 525.

³ Там же.

¹ Док. № 525.

² Там же.

³ Там же.

По его словам, принятие Армении в специализированные организации в существовавших условиях «будет выглядеть чуточку лучше, чем насмешка над несчастным народом Армении». Он высказался за то, чтобы наделить Армению правом «послать кого-нибудь на заседание Ассамблеи, чтобы изложить свою позицию, помочь обсуждению проблемы на Ассамблее, даже если Армения не принята в полноправные члены». Поэтому он предложил Пятому комитету «принять резолюцию, позволяющую Армении присутствовать на заседаниях Ассамблеи и, если Ассамблея позволит сделать это, выступать на ней в специальных случаях. Это означало бы предоставить привилегию и преимущества, которые позволили бы ей лучше сражаться и бороться в страшных условиях, в которых она сейчас оказалась»¹.

С помощью, как тогда говорили, «счастливой формулы» Сесила, Лига стремилась «избежать риска, связанного с эвентуальной необходимостью защиты кандидатов от агрессии Советов»². С общего согласия вопрос о принятии Армении в эту международную организацию был вновь отослан в Пятый комитет и больше в Ассамблею не вернулся.

Представитель Австралии Миллен обратился к Председателю с запросом, располагает ли он официальной информацией, позволяющей подтвердить или опровергнуть сообщения прессы о том, что после подачи Арменией просьбы о приеме правительство этой страны было свергнуто и на его место пришло советское правительство, которое было признано советской Россией³. Председатель ответил, что кроме сообщений прессы другой официальной информации не поступало.

Представитель Австралии предложил прекратить обсуждение вопроса до поступления достоверной информации о положении в Армении.

В конечном счете, несмотря на протесты членов Лиги Наций против диктата трех держав — Великобритании, Франции и Италии, их позиция оказала определяющее воздействие на принятие этого политически мотивированного решения относительно членства Армении. Ассамблея воздержалась от удовлетворения просьбы Армении о принятии в Лигу Наций.

Вот как оценил неправомерное лишение Армении права автоматически стать членом Лиги Наций современник событий французский юрист-международник Жорж Сель: «Дискуссия [о приеме новых членов] стала обретать гнетущий характер, когда речь пошла о кандидатуре Армении... Эриванская республика, которая была образована в мае 1918 г., стала стороной Севрского договора и тем самым Устава Лиги Наций и договора о защите национальных меньшинств. Ей арбитражным решением Президента Вильсона была присуждена большая территория. Это государство, восстановление которого было провозглашено и гарантировано множеством официальных деклараций, должно было рассматриваться наравне с Польшей как часть Лиги Наций. Если существует случай, когда юридические обязательства, проистекающие из ст. 10, совпадают с моральным долгом, то это как раз случай с этой несчастной страной».

17 декабря в 16 часов было созвано Двадцать девятое пленарное заседание Ассамблеи, на котором обсуждалось предложение правительства Румынии относительно организации международной экспедиции в Армению.

¹ Док. № 525.

² Там же.

³ Там же.

Представитель Румынии Ионнеску по поручению своего правительства под аплодисменты Ассамблеи внес на его рассмотрение следующее предложение:

«Для оказания быстрой и реальной помощи армянскому народу, который явно находится на краю гибели, Румыния предлагает странам, собравшимся в Женеве, создать международные экспедиционные силы, которым будет поручено установить порядок и мир в Армении.»

«Эти международные силы должны быть поставлены под командование межсоюзнического генерального штаба и могли бы насчитывать 40 000 человек, укомплектованных из числа граждан всех стран, входящих в Лигу Наций в соответствии с численностью их населения.»

«Румыния выражает готовность в данный момент помочь этой работе людьми, материалами и деньгами.»

Воздав «должное благородным и гуманным мотивам, которые лежат в основе этого предложения», Председатель Ассамблеи стал ссылаться на трудность обсуждения этого вопроса на сессии, которая завершает свою работу, «поскольку это предложение должно быть очень внимательно рассмотрено». Он предложил передать это предложение на рассмотрение Совета, попросив его рассмотреть румынское предложение «как можно быстрее».

Мотивируя свой выбор в пользу Совета Лиги, а не специального Комитета по Армении, созданного ранее из членов Ассамблеи, чтобы «наметить пути оказания помощи Армении», Председатель Ассамблеи сослался на то, что Комитет после завершения работы Ассамблеи не сможет приступить к обсуждению этого предложения, «которое затрагивает серьезные вопросы; они должны быть рассмотрены очень внимательно с политической, практической и технической точек зрения».

Представитель Южной Африки Роберт Сесил попросил Председателя «повременить» с передачей румынского предложения Совету Лиги, пока Ассамблея не обсудит доклад Комитета по Армении, ибо «в этом докладе содержится предложение, которое может иметь... отношение к этому вопросу».

Ассамблея согласилась с его мнением и передала предложение Румынии в специальный Комитет, образованный Ассамблеей с целью заняться вопросом об Армении в течение работы данной сессии.

Представитель Румынии одобрил такое решение. «Мы все считаем, что что-то надо сделать для Армении, — сказал он. — Что касается лично меня, то я никогда не испытывал такого счастья, какое охватило меня, когда я получил эту телеграмму [от Правительства]. Заявляю откровенно и без колебания, что мы все пытаемся выяснить, как мы можем действительно и эффективно прийти на помощь этому народу, над которым нависла угроза уничтожения... Мы должны найти решение этого вопроса завтра, если вы примете предложение Румынии. Я очень хочу прийти на помощь нашим армянским братьям и с огромным удовольствием соглашаюсь с предложением лорда Роберта Сесила при условии, что этот вопрос будет обсуждаться завтра»¹.

По предложению председателя Ассамблея ввела Ионнеску в состав Комитета по Армении.

Специальный Комитет по Армении, созданный Комитетом по общим вопросам Ассамблеи 23 ноября, заседал шесть раз с целью «выяснить обстановку в Ар-

¹ Док. № 528.

нении, сложившуюся в результате вторжения в эту страну войск и вооруженных банд, находящихся под властью Мустафы Кемалю, и выявить наилучшие пути оказания помощи армянам в их борьбе за независимость и в конечном итоге в их попытке создать прочную основу для Армянского государства».

В докладе отмечалось, что из полученной Комитетом информации явствует, что «армянам не удалось дать отпор турецкому вторжению не потому, что враг подавил их своим численным превосходством, а потому, что у них полностью отсутствовало организационное начало, военное либо политическое. Фактически, нет уверенности в том, что армянская армия не превышает по численности армию Кемалю». По мнению Комитета, эффективную помощь армянам можно оказать «не путем отправки военной экспедиции или нечто вроде этого, а предоставлением армянам средств самопомощи». Комитет считал, что «эту цель можно было бы достичь за сравнительно умеренную сумму денег при условии, что можно найти подходящего человека, который будет руководить оказанием необходимой помощи».

Ввиду того, что сессия Ассамблеи должна была закончиться «до достижения какого-то определенного результата», Комитет выразил пожелание, чтобы после закрытия Ассамблеи остался функционировать какой-то орган Лиги, который был бы полностью осведомлен обо всем, что происходило до сих пор, и в состоянии был бы участвовать в дальнейших усилиях в этом направлении. Поэтому он рекомендовал, чтобы Ассамблея попросила Совет вновь назначить Комитет по окончании нынешней сессии Ассамблеи¹.

Обсуждение представленного Ассамблее доклада специального Комитета по Армении проходило 18 декабря на Тридцатом пленарном заседании². В качестве докладчика выступил представитель Бельгии Лафонтен. Он отметил, что «возможны два решения: военное или мирное вмешательство», и напомнил, что мирное решение было предложено Ассамблее по рекомендации Вивиани. Докладчик сказал, что мировое сообщество одобрило эту акцию. В качестве подтверждения Лафонтен отметил «единодушную поддержку» общественного мнения США, что Президент США обратился к Конгрессу и что в Сенат США внесен проект закона, предусматривающего открытие кредита на сумму 25 млн. долларов. «Мы ждем принятия этого закона, которое, согласно полученной нами информации, не вызывает сомнения. Как только эти средства окажутся в нашем распоряжении, Лига Наций намеревается действовать».

Вместе с тем докладчик отметил, что если имеющиеся у Лиги Наций средства позволят предпринять «прямые действия» в Армении, то может быть образована авторитетная комиссия, «которая будет руководить операциями, проводимыми в этой стране». Это могут быть мирные операции, если они возможны, а «если необходимо, надо будет предпринять военную акцию, так сказать, прибегнуть к полицейской силе».

В этой связи докладчик поблагодарил румынское правительство за его инициативу и выразил надежду, что его инициатива «в конечном итоге получит решительную поддержку всех держав мира». По словам докладчика, имевшиеся в это время трудности сводились к тому, что Лига Наций должна была попытаться

¹ Док. № 531.

² Док. № 530.

не прибегать к силе: «мы являемся организацией в поддержку мира, и если бы мы смогли спасти Армению без кровопролития, то это явилось бы великой победой для нас и принесло бы уважение Лиге Наций».

Представитель Франции Вивиани выступил против создания постоянных комитетов: «Как ни серьезен Армянский вопрос, я бы хотел с вашего позволения указать на опасность предложенной вам процедуры. Вам предлагается система постоянных комитетов. Ассамблея должна определить свою позицию в отношении Армении. Но желает ли Ассамблея иметь постоянные комитеты? Вы должны понять, что если существует Комитет по Армении, то почему завтра не должен быть еще один Комитет по другому вопросу. Затем возникает очередная проблема: что же станет с Советом?»

В заключение докладчик просил поручить Совету образовать новый Комитет, чтобы он начал свою работу в конце сессии. «Если наряду с Советом вы создаете постоянные комитеты, то, без сомнения, вы подрываете авторитет Совета и шаг за шагом вы лишите его некоторых его прерогатив», — утверждал он. По его словам, Комитет по Армении не мог бы сделать больше, чем Совет, который «состоит — если я могу сказать так — из всего лучшего, что имеется в Лиге Наций, из людей, которые известны во всем мире и авторитет которых выше, чем наш. Если они не добьются успеха, то постоянный Комитет вряд ли добьется большего, чем они».

Представитель Франции внес следующее предложение:

«Ассамблея, напоминая о своем решении от 22 ноября 1920 г., будет и впредь сотрудничать с Советом, которому поручено обеспечить будущее Армении, обращаясь, если это будет необходимо, за советом к членам Лиги. Ассамблея отмечает, что в ответ на инициативу, предпринятую Лигой, уже выражается всеобщее сочувствие Армении и что Армении предложено посредничество от ее имени Президентом Вильсоном, Испанией и Бразилией».

«Это означает, — пояснил Вивиани, — что Совет сразу же продолжит выполнение своей задачи и сделает для Армении все возможное» и доложит об этом на следующей сессии.

Представитель Румынии Ионнеску заявил, что внесенная им резолюция «не имеет ничего общего» с резолюцией Вивиани. Румынская резолюция содержит конкретное предложение. «Вопрос заключается в следующем: нуждается ли Армения в нашей помощи, чтобы спасти ее, или эта помощь не нужна, — сказал Ионнеску. — Я вспоминаю, какую скорбь выражали в этом зале месяц назад и всеобщее сочувствие, которое проявлялось в отношении Армении. Я больше не вижу ни скорби, ни сочувствия. Если армянский народ не подвергается угрозе уничтожения, то это меня радует. Если, однако, само существование Армении по-прежнему подвергается опасности, народу грозит резня и все ужасы вторжения, то вопрос существует и надо найти пути решения этой проблемы. Единственное средство, которое мы считали практическим, — это эффективное вмешательство, а не выражение сожаления. Поэтому я имел честь сообщить Ассамблее о предложении моего правительства о том, чтобы в Армению были посланы международные силы для восстановления порядка и мира, силы численностью 40 000 человек, предоставленные не только европейскими странами, но всеми государствами — членами Лиги».

Представитель Франции возразил, что Ассамблея не имеет права принимать решение о создании 40-тысячной армии. «По крайней мере, что касается меня,

я не могу ответить за свою страну», — сказал он. Практическое предложение Румынии, по мнению представителя Франции, можно было бы выдвинуть месяц назад, когда Армении угрожала такая же серьезная опасность, как и сегодня. Он явно имел в виду изменение ситуации, связанной с советизацией Армении, и настаивал, чтобы это предложение было передано на рассмотрение Совета.

Лафонтен (Бельгия) указал на то, что французский представитель ошибается, когда думает, что речь идет о создании постоянного Комитета, как производного Ассамблеи. «Если он вновь прочтет выводы нашего доклада, то он увидит, что мы просим Совет сохранить или создать Комитет, который должен заниматься специально Армянским вопросом», — сказал он.

Отметив, что «вся Ассамблея сочувственно относится к внесенному предложению», он сказал, что Комитет, изучив эту проблему весьма основательно и тщательно, «пришел к выводу, что отправка военной экспедиции в Армению сопряжена с многочисленными трудностями. Это такой вопрос, который необходимо очень внимательно изучить и предложить компетентным людям, которые знакомы со страной и которые знают, как можно организовать экспедицию такого характера. Даже если признается сам принцип, необходимо добиться сотрудничества всех государств в поддержку румынского предложения». Поэтому именно Совет, а не Ассамблея, должен решить, есть ли достаточно оснований для образования Комитета. Если этот Комитет будет создан, то, естественно, надо исходить из того, что его решение не может иметь обязательную силу ни для одной из держав.

«Мы все знаем, что Армения находится в очень трудном и очень тяжелом положении, — сказал представитель Персии Зока-эд-Довлех. — Мы должны помочь ей, и мы надеемся, что сможем сделать что-то эффективное для этой маленькой страны. Ассамблея знает, что Персия, ближний сосед Армении, до настоящего времени выполняла свой долг по отношению к этой несчастной стране. Она недавно послала Армении несколько сот тонн пшеницы, риса и другого продовольствия. Она открыла свою границу для армянских беженцев, которые хотели укрыться в нашей стране после военных действий между Арменией, Турцией и Россией. Мы относимся с величайшей симпатией к этому несчастному народу».

Представитель Персии поддержал Вивиани и выступил против предложения Румынии: «Румынское правительство хочет начать новую войну, и никто не знает, чем она закончится. Разве весь мир не устал от отправки войск в Малую Азию или Армению? Со своей стороны, я поддерживаю мирное вмешательство и я уже говорил членам Комитета, что было бы больше пользы, если бы американский представитель или же Лига Наций вступили в прямой контакт с войсками националистов или с красными бандами, которые вторглись в Армению. Таким образом можно было бы урегулировать конфликт дружеским манером, не начиная новой войны».

Кто будет командовать этой международной силой численностью в 40 тыс. человек, которую г-н Ионнеску предлагает послать в Армению? Мы не должны рекомендовать отправку такой экспедиции. Напротив, надо послать в Армению деньги, медикаменты, одежду, все, что ей не хватает. Вмешательство в ее защиту — это долг, обусловленный гуманными чувствами, и каждая страна будет, конечно, делать в этом отношении все возможное. Но румынское предложение нельзя принять. Не время начинать новую войну».

Председатель Гиманс резюмировал дискуссию, стремясь найти общее между проектом резолюции, предложенным Вивиани, и выводами Комитета, которые свелись к тому, что Совет должен сохранить существование специального органа — Комитета, созданного Ассамблей, или же образовать новый Комитет.

Интерпретируя предложение Вивиани, Гиманс сказал, что Совет должен следить за судьбой Армении, обращаясь к членам Лиги, если возникнет необходимость. Совет должен будет также заняться предложением, внесенным Румынией, и другими вопросами, которые были подняты на Ассамблее и имели отношение к Армянскому вопросу. Совет сам должен решить, нужно ли передать этот вопрос специальному Комитету для изучения. Ассамблея, передавая этот вопрос Совету, призывает его при этом обратить на него особое внимание. Председатель поставил на голосование резолюцию Вивиани, которая, по определению Гиманса, «воплощала в себе взгляды Ассамблеи». Резолюция была принята¹.

На закрытой сессии Тридцать первого пленарного заседания, которое состоялось 18 декабря вечером, Председатель Ассамблеи Гиманс сообщил, что в процессе работы Лига «столкнулась с достойным сожаления неожиданным событием. Наше внимание привлекло раздирающее душу положение Армении». Он сказал: «В течение продолжительного времени Великие Державы занимались армянской проблемой, но они не в состоянии были решить ее. Политики, в конце концов, не всегда руководствуются чувствами; надо учитывать пути и средства. Мы не нашли мандатария, но, по крайней мере, нам удалось найти посредника. Нам очень повезло в том, что Президент Вильсон, который был одним из основателей Лиги Наций, согласился выполнить эту миссию посредника. В этом деле помощь ему окажут Испания и Бразилия, которые великодушно обещали оказать поддержку».

Мы по-прежнему сталкиваемся с большими трудностями. Армения в значительной степени занимает наши мысли, и мы искренне желаем спасти ее. Наш долг — работать ради этой цели. Совет будет действовать настойчиво, используя все имеющиеся у него средства, чтобы помочь и спасти ее. Вы можете полностью довериться Совету. Мы все без исключения единодушны в стремлении спасти этот народ-мученик от врагов, которые в течение стольких многих лет отказывали ему в милосердии»².

В послании Президента Вильсона Председателю Ассамблеи Лиги Наций Гимансу от 18 января 1921 г. о сложностях, с которыми он столкнулся в осуществлении взятой на себя миссии, указывалось, что одна из них заключалась в том, что Севрский договор, ставший «непосредственной причиной возникновения осложнений в отношении Армении и Турции», лежал вне компетенции американского президента, поскольку он был разработан и принят Союзными державами без участия США. Ввиду «нежелания Союзников навязать его силой», Президент США в своем послании указывал, что «любые меры, которые он мог бы принять, либо рекомендовать в этом направлении, зависели бы от активного сотрудничества и поддержки Союзных Держав». В документе отмечалось, что «зависимость Армении от советской России — это еще одна проблема, которая неподконтрольна Президенту»³.

¹ Док. № 530.

² Док. № 532.

³ Док. № 536.

Поэтому Вильсон подчеркивал, что никакие действия для освобождения Армении не могут быть осуществлены «без моральной и дипломатической поддержки Главных Держав, которые обещают установить мир и согласие между противоборствующими сторонами... Если Главные Державы, представленные в Совете Лиги, согласны с Президентом в этом вопросе и заверят его в своей моральной и дипломатической поддержке, то он поручит своему личному представителю, г-ну Моргентау, немедленно приступить к своей миссии»¹.

В докладе Генерального секретаря Лиги Наций Эрика Друммонда, принятом Советом Лиги Наций 25 февраля 1921 г., отмечалось, что «сегодня Совет обсуждает вопрос о том, как при нынешних условиях он может наилучшим образом выполнить» резолюцию Ассамблеи от 18 декабря 1920 г., в которой она просила Совет «обеспечить будущее Армении». В докладе отмечалось, что армянское правительство, с которым Лига Наций «вела дела», перестало существовать и было заменено правительством, «связанным» с русскими большевиками. Друммонд указывал, что «прямым следствием этого события было установление отношений между Арменией и советской Россией, и это еще более затруднило отношения между Арменией и западными странами».

Совет Лиги Наций связал свои последующие действия в защиту Армении с решениями, которые ожидалось от конференции Союзных держав: «Похоже, Совету невозможно будет определить свою линию действий, прежде чем он не узнает о результатах переговоров, происходящих в Лондоне, где представлены не только Союзные Державы и Турция, но также турецкие националисты. Совет, во-первых, должен выяснить, как будет применяться Севрский договор или возможны ли дополнения к нему. Тогда он смог бы оценить сферу своих действий и внести изменения с согласия заинтересованных Держав... Совет в состоянии будет обсудить эффективные шаги в поддержку Армении только тогда, когда прояснится ситуация в отношении Севрского договора и его применения и после консультаций с теми Державами, которые способны предпринять действия в Малой Азии»².

25 февраля 1921 г. Совет Лиги Наций направил правительствам Великобритании, Франции и Италии письмо об Армении. Указав, что Ассамблея Лиги Наций вменила Совету в обязанность «обеспечить будущее Армении» и что Совет Лиги не может выполнить возложенную на него обязанность «без сотрудничества и поддержки этих правительств», Совет просил информацию о дискуссиях, ведущихся сейчас в Лондоне и создающих «новую ситуацию». Совет выражал надежду, что эти правительства помогут Совету «выполнить самым наилучшим образом благородную и гуманную задачу, которая поручена ему Ассамблеей»³.

Дальнейший ход рассмотрения Армянского вопроса в Лиге Наций стал определяться всецело политикой держав Антанты. Первый (промежуточный) этап предательства законных прав и жизненных интересов Армении державами Антанты проявился уже на второй Лондонской конференции, а окончательно подтвердился на третьей Лондонской конференции Союзных держав в виде подмены положе-

¹ Док. № 536.

² Док. № 540.

³ Док. № 541.

ний Севрского договора проектом создания «армянского очага» на территории турецкой Армении — в северо-восточной части Турецкой Республики.

Советская Россия, заплатив турецким националистам лучшую цену в виде безоговорочной уступки по Московскому договору всех армянских территорий — не только турецкой, но и значительной части российской Армении, сорвала и такое «решение» Армянского вопроса, как создание «национального очага». Кемалистская Турция, поощряемая политикой попустительства Антанты, и большевистская Россия реализовали свой сговор и подвергли разделу и аннексии Армению. В результате Севрский мирный договор был подменен Лозаннским, в котором Армения уже не упоминалась¹.

Не сумев предоставить необходимую помощь жертве агрессии, оказавшись сопричастной к «величайшему позору в истории человечества», Лига Наций занялась снабжением лишенных родины армян «нансеновскими паспортами» и устройством беженцев в советской Армении и в различных странах мира. Предпринимавшиеся в рамках Лиги Наций слабые попытки добиться реституции имущества или компенсации ущерба жертв геноцида, натолкнувшись на неприимность турок, также заглохли.

Пожиная плоды своего бессилия, Лига Наций продолжала идти на поводу Великобритании и Франции в их политике попустительства агрессии и геноциду, которая неизбежно должна была привести и привела к «мюнхенскому сговору» с гитлеровской Германией и вовлекла человечество во Вторую мировую войну, сопровождавшуюся геноцидом евреев и народов, ставших жертвой рецидива политики создания «жизненного пространства».

Не сумев добиться высоких целей, для которых она была создана, Лига Наций умерла «естественной смертью».

36. Лозаннская конференция — апофеоз политического предательства

Предав Армению, большевистская Россия сама же облегчила державам Антанты решение задачи — привлечения турок на свою сторону. Московский и Карсский договоры открыли западным державам дорогу для пересмотра или полного отказа от Севрского мирного договора. Можно было сослаться либо на то, что советское «правительство» Армении якобы «добровольно» отказалось от прав по Севрскому договору, либо на то, что в лице Республики Армении исчез сам субъект территориальных прав.

В Наркоминдел РСФСР поступали донесения советских представителей Красина, Аралова и других о переговорах Франции и Великобритании с кемалистским правительством ВНСТ, нацеленных на привлечение турок к борьбе против советской власти в Закавказье, на создание единого фронта против советской России, и делавшихся с этой целью предложениям туркам предоставить компенсации в Армении².

Однако в этот период возможности западной дипломатии отказаться от выполнения своих международных обязательств были ограничены общественным

¹ См. подробно Раздел V (36) Комментария.

² Док. № 1260, 1265, 1269, 1271, 1274 и др.

мнением этих стран. Это четко прослеживается по записям бесед Министра иностранных дел Великобритании Керзона с представителем правительства Ангоры Юсуфом Кемалем в Лондоне 16 и 18 марта 1922 г.

В ходе первой беседы при обсуждении «основополагающих принципов мира» Керзон настаивал на мерах, необходимых для обеспечения защиты христианского меньшинства в Турции. Напомнив о «тех сильных чувствах, которые проявились во всех цивилизованных странах в этом вопросе» и о «тяжелом бремени вины, которая, как полагают, лежит на турецком правительстве за депортации и резню, происходившие в прошлом», Керзон заявил, что «Державы не могут согласиться с таким решением, которое сделало бы возможным их повторение. Поэтому необходимо будет предусмотреть самые строгие меры предосторожности в интересах безопасности меньшинств, остающихся под турецким правлением в Малой Азии».

При продолжении обсуждения этой темы в ходе встречи 18 марта¹ представитель правительства ВНСТ, утверждая, будто «отношения его правительства с Арменией дружественные», сослался на то, что между ними были заключены два договора — Александропольский и Карсский. «Первый договор, — сказал он, — явился результатом войны, но второй был заключен между двумя уже дружественными странами. Этот договор решил главные вопросы между ними. Все усилия его правительства были направлены на преодоление вражды между армянами и мусульманами. Нормальные отношения между ними должны быть обеспечены только таким образом. Если предпринять что-то большее, то это только породило бы вражду между мусульманами и христианами».

Как отмечается в памятной записке об этой встрече, Керзон заявил, что «рад был услышать» от представителя правительства ВНСТ «о дружеских чувствах Национального собрания к армянам», но указал на необходимость «более конкретного проявления этих чувств». Он сказал, что после вступления кемалистских войск в Киликию армяне «тысячами бежали из страны» и что «правительству Ангоры не удалось убедить армян в своем дружественном расположении к ним и в защите». В связи со ссылкой представителя ангорского правительства на Александропольский и Карсский договоры Керзон напомнил о реальном положении в Армении: «Армян изгнали из северо-восточных вилайетов и согнали на территорию, принадлежащую Эривани, небольшого армянского государства, находящегося под советским влиянием».

Напомнив, что во время переговоров, которые велись с Бекиром Сами в 1921 г., «одним из условий удовлетворительного решения было предложение о том, чтобы турецкое правительство согласилось передать Армении некоторые территории, в которых до сих пор проживает значительное число армян», Керзон сказал: «Если Ангора руководствуется только что высказанными дружескими чувствами, то наилучшим доказательством этого была бы готовность передать Эриваньскому государству несколько округов вокруг Карса и Ардагана. Там можно было бы создать таким образом государство, в котором армяне могли поселиться и пользоваться благоприятными условиями жизни; это породило бы дружеские и благодарные чувства по отношению к Турции». Выразив надежду, что «дружеское расположение Ангоры в этом отношении будет выражено не просто на бумаге, а станет ре-

альным вкладом в решение Армянского вопроса в соответствии с высказанным им мнением», Керзон напомнил, что «*Армянский вопрос вызывает самый горячий интерес во всем цивилизованном мире, и в Америке и в Европе*» и что «*в годы войны Союзные державы дали обязательство создать армянское государство и обеспечить его существование, и они не могут забыть или отказаться от своих обязательств*». Керзон выразил уверенность, что на Мирной конференции французское и итальянское правительства также сочтут «себя в равной степени обязанными выполнить свои обязательства и сделать что-то осязаемое в этом отношении».

Ответ представителя правительства Ангоры был примитивно негативным: «Предлагаемое решение только причинило бы вред мирным отношениям между турками и армянами. Карсский договор был заключен в духе дружбы между Турцией и Арменией и не должен подвергнуться сейчас пересмотру». На возражение Керзона, что «в интересах мира Ангора поступила бы хорошо, если бы прислушалась к этому совету», Юсуф Кемаль «попросил, чтобы правительство Его Величества не закрывало глаза на фактическое положение и реальности»¹.

Лозаннская конференция представителей Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Югославии и Турции проходила с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г.

Армянскую ССР на Лозаннскую конференцию не пригласили. Участники этой конференции, очевидно, исходили из того, что так называемые союзные республики СССР международной правосубъектностью не обладали, что Республика Армения исчезла с политической карты мира вместе со своими правами.

На самой конференции Великобритания и Франция все еще пытались договориться с кемалистами на основе видоизменения Севрского договора в части, относившейся к Армении. Но их усилия не увенчались успехом.

В плане международно-правовом необходимо отметить, что Севрский договор был не «заменен», а подменен Лозаннским мирным договором. Это не просто юридическая деталь.

Многосторонний договор, каким был Севрский мирный договор, мог быть изменен или даже заменен другим только с согласия всех его участников. Эти два договора различаются не только по составу участников, но и по содержанию. Между Севрским и Лозаннским договорами нет никакой юридической связи, и поэтому Лозаннский договор не может рассматриваться как правомерная замена Севрского договора.

Приведенные в Сборнике документы показывают, какие политические силы и обстоятельства привели к победе политики над правом, к подмене Севрского договора Лозаннским. Прежде всего это советская Россия. Она больше всех способствовала подрыву Севрского мирного договора. Без ее военно-политического «вклада» Лозанна была бы просто невозможна.

Непримиримость Турции опиралась не только на Московский и Карсский договоры, но и на продолжавшуюся аморальную поддержку советского правительства России. Именно подрывная деятельность советского правительства России как до, так и во время работы Лозаннской конференции дала возможность кемалистской Турции настоять на признании фактического положения, созданного совместной агрессией турецких националистов и российских большевиков.

¹ Док. № 1273.

¹ Док. № 1273. Выделено нами. — Ю.Б.

Созыв Лозаннской конференции и ее исход в части Армянского вопроса были предreshены в первую очередь и главным образом результатами антиармянского сговора большевистского правительства России и кемалистского правительства Турции, который выразился в их совместной военной акции против Армении и в последовавшем ее разделе между ними, оформленному Московским договором.

В речи на открытии Московской конференции 26 февраля 1921 г. Чичерин с гордостью афишировал безоговорочную поддержку советским руководством турецких националистов в их борьбе против Севрского договора: «Ныне, когда на очереди стоит вопрос о пересмотре Севрского договора... когда делегация Великого Национального Собрания приглашена на Лондонскую конференцию, которая, по всей вероятности, закончится отсрочкой, а не отказом, мы вполне сознательно можем заявить, что, наряду с героизмом турецкого солдата, все это является до известной степени делом наших рук»¹.

Парадокс состоял в том, что саму большевистскую Россию, открывшую возможность созыва Лозаннской конференции, к участию в ней не допустили. Советская дипломатия, пытаясь добиться поддержки кемалистского правительства Турции в вопросе участия РСФСР в Лозаннской конференции, обещала туркам, что при поддержке России они смогут в Лозанне «провести в жизнь Московский договор».

Получив от советского правительства Московский и Карсский договоры, удовлетворившие все запросы турецких националистов, они тут же отвернулись от России. Теперь им нужно было договориться с державами Антанты². Турецкие националисты не поддержали просьбу пресмыкавшегося перед ними правительства России, хотя на конференции должны были решаться такие затрагивавшие ее долгосрочные национальные интересы, как режим черноморских проливов и др.

Даже оказавшись вне конференции, большевистское правительство РСФСР продолжало недостойную игру вокруг Армянского вопроса. Выражая «негодование» против произвольного устранения РСФСР «от обсуждения почти всех вопросов, рассматривавшихся на конференции», советское правительство в ноте, направленной 27 января 1923 г. Председателям конференции от имени российско-украинско-грузинской делегации, лживо утверждало, будто «среди проблем, которые не могли получить разрешения в Лозанне вследствие исключения России и ее союзников, может быть упомянут вопрос о судьбе армянского населения»³.

Советское правительство уведомило об этом миссию США на Лозаннской конференции и «другие заинтересованные круги». В частности, Наркоминдел Чичерин направил 26 января 1923 г. председателю Международной филармянской лиги Невиллю письмо, в котором вновь заявлялось, что Россия, Украина и Грузия «устранены от обсуждения армянского вопроса, несмотря на то что лишь их участие могло действительным образом содействовать благоприятному решению этого вопроса»⁴.

¹ Док. № 1088.

² Док. № 1278.

³ Док. № 1309.

⁴ Док. № 1308.

Заявление Чичерина о том, что РСФСР была лишена возможности защищать права и интересы армянского народа на Лозаннской конференции, так как не была допущена на нее, — откровенный цинизм. Она не только не могла, но и не хотела делать этого. Это подтверждается как существованием Московского договора 1921 г., так и заявлениями, которые делались самим же Чичериным для внутреннего пользования в связи с Лозаннской конференцией. Так, 31 октября 1922 г. в письме Сталину, обсуждая линию поведения советского правительства в связи с ограничением участия РСФСР в конференции, Чичерин предлагал воспользоваться этим «для разоблачения» политики держав Антанты: «Итак, нам *терять нечего. Мы можем самым бесцеремонным образом разоблачать и ругаться... Зная, что 13 ноября нас в комнату не впускают, мы должны тем более выступить агитационно с разоблачением этой ожидаемой нами политики держав*»¹.

Поведение держав Антанты было продиктовано стремлением разрушить военно-политический союз турецких националистов и российских большевиков. На конференции они тем не менее, пытаясь найти какое-то решение Армянского вопроса, настаивали на создании в качестве альтернативы армянскому государству «армянского очага» в пределах исторической родины армян.

Хотя идея создания для армянского населения на его исторической родине «национального очага» представляла принципиальный отход от провозглашенных великими державами принципов урегулирования армяно-турецких отношений, она тем не менее выгодно отличалась от циничной позиции советского правительства России.

Идея создания «армянского очага» была продиктована если не искренней тревогой за судьбы армянского народа, то, во всяком случае, стремлением найти выход из безвыходного положения, созданного в результате военно-политической поддержки турецкого национализма большевистской Россией и, как следствие этого, потери Арменией государственности. В тех политических условиях это было единственно возможным решением.

Аналогичная идея, содержащаяся в декларации Бальфура о «национальном очаге» для евреев в Палестине от 2 ноября 1917 г., воплотилась, в конечном счете, в создании еврейского государства. Но с турецкими националистами, пользовавшимися поддержкой российских большевиков, и этот эксперимент был с самого начала обречен на провал. Хотя, по официальной турецкой версии, «депортация» была вызвана военными условиями и носила «временный» характер, кемалистское правительство Турции, как преемник политики геноцида армян, категорически возражало против возвращения армянских беженцев на свою историческую родину. Руководствуясь позицией своего правительства, глава турецкой делегации (будущий преемник Кемаля) Исмет Иненю, бросая вызов мировому сообществу, бесцеремонно предложил переселить армян... в Австралию!

Восстановление армянского территориального образования, даже лишеного всех атрибутов государственности, не вписывалось в политические расчеты не только Турции, предпринявшей геноцид для этнической чистки подвластной им территории Армении, но и советской России, не желавшей создания под боком у марионеточной Армянской ССР другого национального образования армян.

¹ Док. № 1282.

Поэтому советское правительство России решило помочь туркам снять вопрос о возвращении беженцев на свою историческую родину. Демонстрируя мировому общественному мнению не присущий ему гуманизм, оно объявило, что «Правительства России и Украины предполагают расселить на своих территориях значительное число армянских беженцев». Об этом были официально уведомлены Председатель Лозаннской конференции, миссия США на этой конференции, Председатель Международной филармянской лиги Э. Невиль и «другие заинтересованные круги»¹.

Не увенчались успехом даже паллиативные меры по защите интересов армянских беженцев как национального меньшинства. Кемалистский режим, вопреки заверениям организаторов депортации, что речь идет о «временной» мере, отказался признать право армян не только на возвращение, но и на компенсацию экспроприированной или утраченной собственности под циничным предлогом, что все, кто покинул страну, спасаясь от резни, были виновны в измене.

Оказавшись бессильными, державы Антанты, чтобы спасти лицо, настояли на всеобщей амнистии, лишенной какой бы то ни было правовой логики. Исключив положения Севрского мирного договора, предусматривавшие меры по реализации ответственности организаторов и исполнителей геноцида армян, Лозаннский договор в виде приложения принял специальную Декларацию о всеобщей амнистии, хотя провозглашение «амнистии» жертвам преступления бессмысленно, а амнистия организаторам и исполнителям преступления по убийству целого народа аморальна и противозаконна, тем более что она не сопровождалась восстановлением прав народа — жертвы преступления геноцида. Фарс с безадресной «амнистией» нужен был туркам, чтобы получить возможность отрицать ответственность турок и турецкого государства за совершенное преступление — убийство целого народа.

Лозаннский договор не содержит принципиально важных положений Севрского мирного договора об ответственности турок как физических лиц и Турции как государства за совершение геноцида армян. В нем нет даже простых указаний на резню армян².

Сравнительный анализ содержания Севрского и Лозаннского договоров показывает, что в Лозаннском договоре сохранились положения Севрского договора относительно арабских стран, которые отделялись от турецкого государства на том же основании, что и Армения, а именно злоупотребления властью. Основное различие заключается в исчезновении статей, касавшихся ответственности турок и турецкого государства за совершенное преступление геноцида армян.

Державы Антанты, руководствуясь своими политическими интересами, не без колебаний признали ситуацию, созданную турецкими националистами и

¹ Док. № 1308 и 1309.

² Турецкие историки признают, что отсутствие в Лозаннском договоре с Турцией указаний на резню армян и на права Армении было следствием секретной договоренности, достигнутой за ланчем между главой турецкой делегации Исметом Иненю и главой британской делегации Керзоном. См.: Sevket Sureyya Aydemir. Tek Adam: Mustafa Kemal, 1969, 109, № 2. Цит. по: Dadrian V.N. The Historical and Legal Interconnections between the Armenian Genocide and the Jewish Holocaust: From Impunity to Retributive Justice // The Yale Journal of International Law. Summer 1998. Vol. 23. Number 2. P. 510. № 27.

российскими большевиками. Лозаннский договор лишь подтвердил границу, установленную договором между РСФСР и Турцией без участия Армении. Ни Армения, ни армяне в Лозаннском договоре даже не упоминаются.

37. Предпосылки постановки Армянского вопроса после Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны, когда во всемирно-исторической битве народов решались судьбы человечества, турецкое государство, совершившее преступление геноцида (арменоцид), и армянский народ — жертва этого преступления были по разные стороны линии фронта.

Турецкая республика, как и Османская империя в Первой мировой войне, была на стороне Германии — теперь уже нацистской. В годы Второй мировой войны в Турции вновь активизировались пантюркисты — «серые волки», собиравшиеся в союзе с фашистской Германией силой реализовать временно отложенную программу территориальной экспансии в тюркоязычные районы СССР — в Азербайджан, в Поволжье, в Крым, в Среднюю Азию. Осуществление этого плана привело бы не только к новому геноциду армян: турецкое правительство призывало фашистскую Германию к «уничтожению половины русских».

Наученная опытом участия в Первой мировой, Турция выжидала исхода военного столкновения, чтобы официально вступить в войну на стороне Германии. Замысел пантюркистов был сорван, и новый разгул людоедства был остановлен благодаря победе Союзных держав антигитлеровской коалиции над Германией и ее союзниками. Хотя после Сталинградской битвы Турция отказалась от своего намерения и до конца войны придерживалась позиции формального нейтралитета, фактически она была на стороне гитлеровской Германии.

Турция всеми силами поддерживала германскую коалицию, которая добивалась установления господства «избранных» наций, порабощения других народов и захвата их территорий для создания своего «жизненного пространства». Эти установки совпадали с традиционной политикой турецкого государства, захватившего территории многих народов, первым применившего геноцид, проповедовавшего звериный национализм и мировое господство тюрков.

В то время как профашистская Турция активно помогала гитлеровской Германии, народ советской Армении и армяне всех стран мира вели самоотверженную борьбу на стороне антигитлеровской коалиции. Борясь против фашизма вместе с другими свободолюбивыми народами, армянский народ внес весомый вклад в дело освобождения человечества от немецко-фашистских захватчиков.

В составе вооруженных сил СССР армянский народ выставил на поля сражений 600 тыс. воинов, из коих свыше половины принесли свою жизнь на алтарь победы. Только одно село Хндзореск (Зангезур) дало 163 офицера. Десятки тысяч воинов-армян были награждены правительственными боевыми наградами, до 100 человек удостоилось звания Героя Советского Союза. Около 60 генералов-армян вели в бой советские войска. Всему миру стали известны имена армянских полководцев — адмирала флота И.С. Исакова, маршала

И.Х. Баграмяна, маршала бронетанковых войск А.Х. Бабаджяна, маршала авиации С.А. Худякова, маршала инженерных войск С.Х. Аганова, генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Мартиросяна, генерал-майора, Героя Советского Союза Казаряна, генерал-майоров Галстяна, Гаспаряна, генерал-лейтенантов Туманяна, Гиносяна, Маркаряна, Арутюняна, генерал-лейтенанта артиллерии Векилова и др.

Под знаменем борьбы против гитлеровской Германии в армии США сражались свыше 12 тыс. армян. Всю войну во Франции действовала армянская партизанская дивизия. Сотни армян-антифашистов — национальный герой Франции М. Манушян, Л. Асланян, А. Мартикян, Д. Давидян, А. Караян и другие боролись и умирали на земле Франции за свободу человечества, за будущее армянского народа. Армяне участвовали в партизанском движении в Югославии, Болгарии, Румынии и в других оккупированных нацистами странах.

После окончания Второй мировой войны создалась, казалось бы, благоприятная обстановка для решения Армянского вопроса на основе провозглашенных целей и принципов Союзных держав. Победила антифашистская коалиция, которая, как и в период Первой мировой войны, включала Великобританию, Францию, Россию (Советский Союз) и США.

Программа действий победившей в войне коалиции предусматривала уничтожение расовой исключительности, освобождение поработанных народов и восстановление их суверенных прав. Объединенные Нации торжественно заявили, что «они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» (п. 2 Атлантической хартии). Объединенные Нации обещали дать «возможность всем странам жить в безопасности на своей территории» (п. 6). Объединенные Нации заявили, что «они стремятся к восстановлению суверенных прав... тех народов, которые были лишены этого насильственным путем» (п. 8).

Выступая за последовательное осуществление основных принципов Атлантической хартии, правительство СССР заявило в Декларации от 24 сентября 1941 г., что их практическое применение «неизбежно должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»¹.

Связывая с победой над фашизмом возможность справедливого решения своего правого дела, армянские беженцы, проживавшие в Болгарии, Египте, Сирии, Ливане и в других странах, потребовали освобождения захваченных силой национальных территорий с целью воссоединения всего армянского народа в границах единого армянского государства. В существовавших тогда исторических условиях это могло быть воссоединение в рамках Армянской ССР — одной из союзных республик СССР.

Массовый масштаб приняла «репатриация» — переселение западных (турецких) армян-беженцев из стран диаспоры в Армянскую ССР — территорию, на которой они никогда не жили. Требование восстановления справедливости в виде возвращения части отнятых турками земель подкреплялось ссылками на весьма ограниченные территориальные возможности ограбленной турками Армянской республики.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 166.

Поражение государства, которое было оплотом идеологии создания «жизненного пространства» путем истребления населявших эти территории народов, и победа государств, провозгласивших непризнание созданных преступлениями ситуаций, позволяли надеяться, что на этот раз великие державы, возглавившие Объединенные Нации, исправят историческую ошибку. Тем более что во главе одержавшей победу тройки великих держав — США, Великобритании и СССР стояли Рузвельт, Черчилль и Сталин — лидеры, которые знали, как возник Армянский вопрос и почему он не был решен.

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль был одним из участников процесса мирного урегулирования после окончания Первой мировой войны. В своих мемуарах он однозначно отразил суть Армянского вопроса как справедливой борьбы армян за существование на своей исторической родине и показал, почему великие державы, победившие в Первой мировой войне, не смогли «осуществить свою волю»¹.

Президент США Франклин Рузвельт как активный деятель Демократической партии США поддерживал позиции тогдашнего Президента Вудро Вильсона. В составленной им предвыборной платформе Демократической партии США для выборов 1924 г. прямо говорилось: «Мы осуждаем Лозаннский договор. Он предает Армению ради интересов нефтяной концессии Честера. Мы поддерживаем... исполнение арбитражного решения Президента Вильсона относительно Армении»².

Сталин, сыгравший определяющую роль в политической истории Армении, знал не только действительную суть Армянского вопроса, но и о своей ответственности за политический сговор с турецкими националистами, который в годы Второй мировой войны чуть не привел его страну к политической катастрофе³.

38. Предпосылки протурецкой политики западных союзников СССР

Политическая история Армянского вопроса после Второй мировой войны развивалась по сценарию, который определился по завершении Первой мировой войны в результате появления большевистской России. Подобно тому, как английское правительство в акте перемирия с Османской империей предусматривало возможность использования вооруженных сил противника в качестве «полицейской» силы для недопущения советизации Армении, так и в ходе Второй мировой войны Великобритания усиливала военный потенциал пронацистской Турции для противодействия предполагавшейся опасности советского воздействия. Предвидя, что после победы над Германией СССР неизбежно усилится, его западные союзники готовили Турцию к роли противовеса на южном направлении, стратегически важном для защиты колониальных владений, и прежде всего для предотвращения советского проникновения в нефтяной резервуар мира — в

¹ Док. № 584.

² Док. № 577.

³ См. документы и Комментарий Раздела V (5, 6, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 25, 26, 28, 30).

Иран и арабские страны Ближнего Востока. Поэтому Великобритания, как и фашистская Германия, оказывали Турции в годы войны военную помощь, не считаясь с тем, что она ориентировалась на победу «держав оси».

Подобно тому, как большевистская Россия, выгораживая турецкое государство, способствовала освобождению Турции от ответственности за участие в Первой мировой войне и совершенные ею преступления против человечности, западные союзники Советского Союза во Второй мировой не признавали ответственности турецкого государства за пособничество гитлеровской Германии. С помощью западных участников антигитлеровской коалиции Турция сумела занять ничем не заслуженное место в ООН. Поддерживая принятие Турции в эту международную организацию в качестве ее первоначального члена, западные державы стремились предотвратить неизбежные политические последствия ее прогерманской политики.

На Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 8 февраля 1945 г. Черчилль, исключив из числа государств, приглашаемых в создававшуюся международную организацию, Эйре (нынешняя Ирландия), «поскольку там имелись германская и японская миссии», высказался за приглашение Турции, «хотя, может быть, это не встретит всеобщего одобрения». В оправдание своего предложения Черчилль сослался на то, что еще до войны «Турция заключила с Англией союз». Имелся в виду англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи от 19 октября 1939 г. Признав, что «Турция не воспользовалась предложением, сделанным ей год назад вступить в войну», британский премьер тем не менее предложил дать туркам «возможность раскаться на смертном одре»¹.

Согласие Сталина пригласить Турцию в создававшуюся международную организацию, «если она объявит войну Германии до конца февраля [1945 г.]», было обусловлено предоставлением Советскому Союзу трех голосов в будущей международной организации².

Исходя из этого, в предложении Министров иностранных дел трех держав Турция уже рассматривалась как «присоединившаяся нация». Эта взаимосвязь между допуском Турции к подписанию Устава ООН в качестве «присоединившейся нации» и предоставлением первоначального членства в ООН двум советским республикам — УССР и БССР была зафиксирована и в «Суммарных выводах» Крымской конференции, переданных секретарем военного кабинета Великобритании представителю СССР 11 февраля 1945 г.

Этот подход был принят тремя державами³. Было достигнуто соглашение, что приглашения должны посылатся тем странам, которые к 8 февраля 1945 г. подписали Декларацию Объединенных Наций, а также тем присоединившимся странам, включая Турцию, которые к 1 марта объявят войну Германии⁴.

¹ МИД СССР. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1979. С. 148—149.

² Там же. С. 241.

³ Там же. С. 274.

⁴ Из коммюнике о Крымской конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, 11 февраля 1945 г.

В соответствии с решением, принятым в Крыму главами правительств США, Великобритании и СССР, на Конференцию Объединенных Наций по вопросу создания всемирной организации были приглашены «восемь присоединившихся наций и Турция». Как часть пакетного решения США и Великобритания согласились считать первоначальными членами организации две союзные республики СССР, а именно Украину и Белоруссию¹.

Отношение Турции к создаваемой международной организации и ее Уставу было изложено в меморандуме, представленном Генеральному секретарю Конференции четырех держав — СССР, США, Великобритании и Китая в Думбартон-Оксе (21.VIII — 7.X.1944 г.), и в выступлении главы делегации Турецкой Республики Министра иностранных дел Хасана Сака на шестом пленарном заседании Конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско 1 мая 1945 г., созванной для разработки Устава создаваемой организации².

Резюмируя содержание меморандума турецкого правительства и излагая отношение его страны к разрабатывавшемуся Уставу ООН, представитель Турции заявил, что Устав должен обеспечивать урегулирование споров «в соответствии с принципами права и справедливости». Он заявил также, что «Совет [Безопасности] должен взять под защиту ту сторону в споре, которая предстает перед Судом».

Приветствуя создававшуюся систему принятия принудительных мер в отношении государства-агрессора и признавая, что «отсутствие этих мер было первопричиной женевской неудачи», представитель Турции обошел молчанием тот факт, что эта слабость Лиги Наций впервые проявилась в связи с неудачей защитить Армению от турецкой агрессии.

Вступая в ООН, турки должны были показать, что лежавший в основе их внутренних и внешних сношений Национальный пакт соответствует принципам и целям всемирной организации. Поэтому представитель Турецкой Республики утверждал, что она, «воплощая благородные национальные идеалы», «доктрину политики мира как внутри, так и за пределами государственных границ», «согласна с сущностью» Устава ООН. Он заявил, будто Национальный пакт «признает право всех народов на существование». Турция торжественно декларировала, что, вступая в ООН, она намерена внести свой вклад «в дело восстановления мира, где право и справедливость будут преобладать над всеми другими соображениями», что она придает «большое значение справедливому устройству мира, в котором права каждого были бы гарантированы под знаком справедливости» и т.д. и т.п.³

Принятие Турции в ООН в качестве первоначального члена этой организации вывело Армянский вопрос из системы послевоенных мирных договоров с вражескими государствами, которыми должно было определяться послевоенное устройство мира. Тем не менее избежать постановки Армянского вопроса в повестку дня мировой политики не удалось.

¹ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. М., 1980. Док. № 1. С. 45.

² Там же.

³ Там же.

39. Денонсация советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете

Армянский вопрос был вновь введен в мировую политику, как это ни парадоксально, самим Сталиным — человеком, сделавшим все для того, чтобы сорвать его решение в рамках мирного урегулирования после окончания Первой мировой войны.

Вопрос об исправлении исторической несправедливости был поставлен как часть советских политических устремлений. Вот как было отмечено это обстоятельство в специально подготовленной Справке исследовательского отдела МИД Великобритании: «...не имеет большого значения, была ли претензия на турецкую территорию выдвинута вначале армянами спонтанно или по подсказке советского правительства. Вряд ли можно сомневаться, что армяне в Румынии, Сирии и особенно в США, которые выдвинули эту претензию летом 1945 г., во время Потсдамской конференции и позже, делали это с одобрения Советского Союза»¹.

В реальной действительности политического единства победивших в войне великих держав в подходе к Турции и, следовательно, к решению Армянского вопроса не было. В этом отношении Советский Союз и западные державы просто поменялись местами. В условиях их всемирного противостояния права армян были отодвинуты на задний план.

Искушенный политик, творец большевистского маккиавелизма, Сталин, конечно, не был столь наивен, чтобы не понимать, что союзники — Великобритания и новый лидер западного мира США — не будут помогать проникновению СССР в свои святая святых — в ближневосточную заповедную зону. Опираясь на послевоенную расстановку сил, Сталин пробил брешь в ближневосточной стене, создав «народно-демократические» государства — Иранский Курдистан и Иранский Азербайджан. Не рассчитывая на поддержку своих союзников, он стал напрямую выяснять отношения с турками.

19 марта 1945 г. Советский Союз, отказавшись от дальнейшей пролонгации, денонсировал советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, заключенный 17 декабря 1925 г.

Договор этот предусматривал, что «в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к первой». Каждая из сторон обязывалась воздерживаться от всякого нападения на другую сторону и не принимать участия ни в каком союзе, политическом соглашении или ином акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой стороны (ст. 1).

Договор о дружбе и нейтралитете рассматривался как естественное развитие отношений между обеими странами, основанных на предыдущем — Московском договоре и на той поддержке, которую правительство РСФСР оказывало Турции в срыве Севрского мирного договора.

Турция извлекла все политические выгоды из договоров с советским государством и в то же время вошла в сговор с его противниками. С восстановлением военно-политической мощи нацистской Германии кемалистская Турция, по

¹ Док. № 1335.

примеру младотурецкого правительства Османской империи в Первой мировой войне, в годы Второй мировой войны стала делать основную ставку на победу Германии над СССР.

Квалифицировав поведение Турции как нарушение духа и буквы договора 1925 г., СССР денонсировал его как утративший свое значение и нуждающийся в серьезных изменениях, а именно — в восстановлении границы.

Вопрос об изменении границы с Турцией был поднят при встрече Молотова с Сарпером. Реакция турок была однозначной. Их категорическое возражение аргументировалось тем, что: 1) на этих территориях в это время уже не было ни одного армянина, и 2) Советский Союз (лично Сталин) согласился с передачей этих территорий туркам.

В Турции были изданы мемуары участников Московской конференции 1921 г. и военачальников, осуществлявших осенью 1920 г. вторжение в Армению совместно с Красной армией, в которых описывалась роль Сталина и его грузинской группы в осуществлении этой антиармянской акции и в ее договорном оформлении. В Москве это, естественно, не разглашали, а упор делали на разоблачении не столько «демографического аргумента» турок, сколько их профашистской политики в годы войны. С этой целью МИД СССР издал сборник захваченных в Германии дипломатических документов, разоблачавших связи Турции с нацистской Германией, иллюстрировавших их приверженность нацистским методам создания «жизненного пространства» и подготовку к вторжению на территорию СССР с целью реализации захватнических планов «серых волков» — турецких, азербайджанских и других пантюркистов.

40. Армянский вопрос на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей Союзных держав

На Берлинской конференции руководителей Союзных держав вопрос об изменении границы с Турцией был поднят Министром иностранных дел Великобритании Иденом в беседе с Молотовым 16 июля 1945 г.¹ Тогда Молотов заявил, что «в 1921 г. турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении. Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными. В силу этих причин советское правительство и подняло вопрос о возвращении законно принадлежащих Советскому Союзу территорий». Он пояснил, что «вопрос о территориальных претензиях Советского Союза к Турции» возник в контексте заключения с нею нового договора взамен договора, срок которого истек.

На заявление Идена, что «турки не согласны на удовлетворение территориальных требований Советского Союза», последовал твердый ответ: «Территория, о которой идет речь, не принадлежит туркам. Они поступили несправедливо, захватив часть Советской территории в 1921 г.». Молотов добавил, что в качестве примера исправления границы он указал туркам на пример поляков, которые, пересмотрев свою позицию, «согласились возвратить эту захваченную ими территорию Советскому Союзу».

¹ Док. № 1331.

На довод Идена, что «в Турции нет линии Керзона», Молотов напомнил, что «тем не менее английское правительство раньше не раз выступало в защиту армянского населения, находившегося под турецким владычеством». Советский Нарком воздержался упомянуть Севрский мирный договор и арбитражное решение Президента США В. Вильсона, которые имели гораздо большую юридическую силу, чем предложение о разграничении по линии Керзона¹.

Тогда Иден прибег к главному аргументу турок. Умалчивая, что в результате геноцида в этих армянских областях армяне все были либо вырезаны, либо бежали, он «поинтересовался», «много ли армян проживает на турецкой территории».

На хитрость английского министра Молотов, видимо, решил ответить хитростью. Он сказал, что «их там около 400—500 тысяч», в советской Армении живет около 1 млн. армян, а вне территории советской Армении, за границей, проживает свыше 1 млн. армян. «Когда территория армян расширится, — продолжал он, — многие армяне, проживающие за границей, будут стремиться возвратиться на родину. Армяне очень способные и энергичные люди, особенно в хозяйственных вопросах. Пусть турки отдадут Советскому Союзу армян, это будет справедливо»².

Можно предположить, что Молотов, указав на численность армянского населения Карсской области до турецкого вторжения и геноцида, предоставил английскому министру возможность поправить его и указать на результат этнической чистки. Английский политик предпочел не уточнять.

Через неделю, 22 июля, вопрос обсуждался уже на высшем уровне — на шестом заседании руководителей Союзных держав. Черчилль попросил Сталина разъяснить, «какова позиция советского правительства» по вопросу изменения восточной границы Турции.

По предложению Сталина слово предоставили Министру иностранных дел Молотову, который пояснил, что вопрос был поставлен в контексте заключения нового договора ввиду денонсации прежнего в связи с истечением срока его действия.

К числу «основных спорных вопросов», которые «следует урегулировать», Молотов добавил грузинские территориальные претензии: «...в некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 г. от Советской Армении и Советской Грузии была отторгнута территория — это известная территория областей Карса, Артвина и Ардагана. Вот карта отторгнутой турками территории. (Передает карту.) Поэтому мною было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно»³.

Обсуждение вопроса о границе с Турцией было продолжено по предложению Президента США Трумэна на седьмом заседании 23 июля. Теперь пояснение давал сам Сталин, который подчеркнул, что в переговорах с турками речь шла не

¹ «Линия Керзона» — условное наименование линии, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Союзных держав в Декларации по поводу временной восточной границы Польши, подписанной Клемансо в качестве Председателя Мирной конференции. Этнографический принцип, положенный в основу определения восточной границы Польши, поддержал английский Министр иностранных дел Керзон в обращении к Советскому правительству 12 июля 1920 г. с предложением прекратить войну с Польшей. С этого времени содержащееся в Декларации Клемансо предложение о линии разграничения стало именоваться линией Керзона.

² Док. № 1331. Так в тексте. Видимо, должно быть «территорию армян». — *Прим. ред.*

³ Док. № 1332.

об исправлении, а «о восстановлении границы, которая существовала до Первой мировой войны». Он сказал: «Я имею в виду район Карса, который находился до войны в составе Армении, и район Ардагана, который до войны находился в составе Грузии. Вопрос о восстановлении старой границы не возник бы, если турки не поставили бы вопрос о союзном договоре между СССР и Турцией. А союз — это значит, что мы обязуемся защищать границу Турции, как и Турция обязуется защищать нашу границу. Но мы считаем, что граница в районе Карса и Ардагана неправильна, и мы заявили Турции, что, если она хочет заключить с нами союз, нужно исправить эту границу, если же она не хочет исправлять границу, то отпадает вопрос о союзе».

Выслушав Сталина, Президент США Трумэн, сменивший на конференции Рузвельта, заключил, что территориальный вопрос «касается только Советского Союза и Турции и должен быть решен между ними»¹.

41. Мотивы Сталина при новой постановке Армянского вопроса

Какими мотивами руководствовался Сталин, поднимая от имени Советского Союза вопрос об исправлении исторической несправедливости? Соображения морали, права и справедливости едва ли могли служить для него побудительными мотивами для постановки Армянского вопроса.

Как и в 1920 г., поведение Сталина в отношении Турции определялось не только интересами политики социал-империализма советского государства, но и сугубо личными мотивами. Как единовластный руководитель новой империи, Сталин понял наконец, что подлинные непреходящие интересы турок несовместимы с интересами возглавлявшегося им государства.

В 1920 г., склоняя Ленина к принятию своего, а не чичеринского подхода к решению Армянского вопроса, Сталин сказал, что Чичерин «ни черта в дипломатии не понимает». В сталинском понимании искусство дипломатии заключалось в том, чтобы отдавать, когда ты слаб или когда это выгодно, и забирать обратно, когда ты силен. Тогда турки перехитрили основателя большевистского маккиавелизма: взяли и переметнулись на сторону противника. За это их, конечно, надо было наказать.

Теперь, когда Сталин стал единовластным правителем страны, субъективные мотивы националистического толка проявились у него еще более отчетливо, чем прежде. Прикрываясь трагедией армянского народа и выступая в поддержку законных прав армян, Сталин одновременно выдвинул на международную арену несуществовавший грузинский вопрос. По поручению Сталина и его подручного Л. Берии грузинские историки — академики Джанашия и Бердзенишвили 14 декабря 1945 г. выступили в печати с «законными требованиями к Турции», которые включали и часть турецкой Армении.

Претензии грузинских историков охватывали и территории, которые в соответствии с решениями Парижской мирной конференции и арбитражного решения Президента США Вильсона подлежали воссоединению с Арменией. В справ-

¹ Док. № 1333.

ке «Армянские и грузинские претензии на турецкую территорию» Исследовательский отдел МИД Великобритании, указывая, что претензии грузинских академиков «предъявлялись на Ардаган, Артвин, Олти, Тортум, Испир, Байбурт, Гюмюшане, Восточный Лазистан, Трапезунд и Гиресун, т.е. на прибрежную территорию шириной почти в 100 миль и простирающуюся на 200 миль на запад от русско-турецкой границы и включавшую около половины территории, которую требуют для Армении», отмечал, что они основывались «на общих исторических рассуждениях» и были поддержаны российской прессой, «невзирая на то, что они противоречат армянским претензиям»¹.

Отмечая, что «два грузинских ученых не проявляют большой скромности, когда говорят, что грузинская территория простирается до гор Тавра» и что их утверждения, будто «Грузия простиралась так далеко на юг, кажутся исторически не оправданы», западная дипломатия воспользовалась этим для ослабления армянской позиции.

«Сталинскую» дипломатию не смущали такие неувязки. Представитель СССР в ООН А. Вышинский (бывший меньшевик, находившийся на крючке у Берии), защищая там выдвинутые претензии, безапелляционно отводил критику «советом» внимательно читать заявление грузинских академиков.

Территориальные претензии грузинских историков подрывали справедливые и юридически обоснованные права армянского народа, основанные на международной ответственности Турции за геноцид армян.

Столкнувшись с реалиями международной политики — невозможностью парировать ядерную угрозу США, Сталин отступил от своих намерений на Ближнем Востоке.

После фултонской речи Черчилля и принятия доктрины Трумэна вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. турецкая политика СССР пребывала в статическом состоянии: территориальный вопрос не решался и не снимался.

Во что вылилось бы восстановление «исторической справедливости» при всевластии Сталина и его подручного Берии, можно только догадываться. Беженцев из турецкой Армении, которых «репатриировали» в советскую Армению, они вскоре выслали в Сибирь как неблагонадежных ... «турецких подданных»!

К тому времени у Сталина и Берии назрело другое «решение» Армянского вопроса — идея переселения армянского населения республики на Алтай под благовидным предлогом удаления от турецкой опасности. Территорию Армянской ССР, можно не сомневаться, поделили бы между соседними братскими республиками, так же как это имело место с территориями высланных в Сибирь народов Северного Кавказа.

42. Отношение к Армянскому вопросу в СССР в постсталинскую эпоху

После некоторого ослабления внутривосточной напряженности в стране сразу после окончания Второй мировой войны, когда вопрос о геноциде стал подниматься в связи с требованием пересмотра советско-турецкой границы,

¹ Док. № 1335.

действовавшее прежде сталинское табу на постановку вопроса о геноциде армян и вместе с ним вопроса об армянских территориях было восстановлено в полной мере. Запрет на тему геноцида был восстановлен, как это ни странно, самим разоблачителем «культы личности» Сталина — Н. Хрущевым. Одним из узловых объектов ревизии сталинского наследия в сфере внешней политики стала его антитурецкая политика послевоенного периода, а не довоенная, протурецкая. Армяне, больше всех страдавшие от культуры личности Сталина, теперь пострадали и от его развенчания.

Так называемая хрущевская «оттепель» не означала возрождения погрязших Сталиным гуманистических традиций России в том, что касается отстаивания законных прав и интересов армянского народа. Поэтому пересмотр послевоенной антитурецкой политики Сталина привел к восстановлению его же протурецкой политики довоенного периода. В результате, сразу после смерти Сталина, уже в начале мая 1953 г. правительство СССР, делая вид, что действует от имени «правительств Грузии и Армении», заявило, будто они «во имя сохранения мира» сочли возможным отказаться от территориальных претензий к Турции.

Наивно рассчитывая изолировать Турцию от НАТО или ослабить ее связи с этим военным блоком, советское правительство взяло курс на продолжение тех беспринципных и аморальных отношений с Турцией, которые сформировались в 1920—1921 гг. при активном участии и влиянии самого Сталина.

Хрущев использовал вопрос о территориальных претензиях к Турции во внутренней борьбе за власть с «антипартийной группой Молотова—Кагановича». Руководитель сталинской внешней политики В. Молотов подвергся резкой критике за выдвижение нереалистичных (в смысле практического обеспечения) территориальных претензий к Турции, которыми воспользовались США для привлечения ее в антисоветский блок НАТО.

Логика «холодной войны» и ловкая игра турок на противоречиях привели к сближению основанных на прямо противоположных целях протурецкой политики Запада и протурецкой политики СССР. Запад, стремясь удержать турок в своем военно-политическом блоке, и Восток, желая привлечь турок на свою сторону или хотя бы ослабить их связи с США, соревновались в уступках.

Поскольку после отказа СССР от территориальных претензий к Турции уступить было нечего, стали торговать признанием, вернее, непризнанием геноцида армян и, как следствие, — виртуальным товаром — территориальными правами армянского народа как жертвы преступления геноцида.

Этой линии замалчивания геноцида следовал свергнувший Н. Хрущева Л. Брежнев, а также другие советские «вожди» вплоть до последнего Президента СССР М. Горбачева.

Особо следует остановиться на действии фактора межнациональных противоречий в отношениях между республиками Советского Союза. Действие протурецких «агентов влияния» продолжалось. Теперь вместо Нариманова интересы турок в ущерб интересам армян защищал перебравшийся в Москву секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г.Алиев, который стал членом Политбюро ЦК КПСС.

Мы не знаем о поведении А. Микояна, занимавшего при Хрущеве пост номинального главы государства — Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Пытался ли он отстаивать права Армении или, как и в 1919 г., считал, что их

надо принести в жертву ради все той же «победы коммунизма». Как бы то ни было, он в своих мемуарах этот важный для судеб армянского народа вопрос обошел молчанием.

При существовавших в СССР порядках безгласная советская республика ставить вопрос о правах своего народа не могла. Руководители Армянской ССР не имели права не только на какие-либо международные акции в защиту прав и интересов народа—жертвы геноцида, но даже на упоминание геноцида как исторического факта. Именно на это рассчитывали кемалистские союзники РСФСР, когда договаривались с нею о разделе Армении и советизации небольшой ее части.

Переломным в этом отношении стало 50-летие событий 1915 г., которые ознаменовали начало перехода Турции от политики уничтожения части армянского населения к «окончательному решению» — повсеместному и полному их физическому уничтожению. В самой Армянской ССР народ, пренебрегая запретами властей, стал самочинно, явочным порядком устанавливать памятники жертвам этого преступления. Не имея возможности поднимать вопрос о геноциде по своей инициативе, руководство Армянской ССР на уровне Первых секретарей ЦК Коммунистической партии республики в рамках существовавшей иерархической системы СССР стало обращаться в партийно-правительственные инстанции СССР, ссылаясь на массовое движение армян в диаспоре и стихийные выступления населения в самой республике.

Отмечая, что остановить это движение невозможно, руководители советской республики предлагали взять стихийное массовое движение под «контроль партии и правительства». Ставился вопрос об официальном признании факта геноцида армян и исправлении связанной с этим исторической несправедливости — территориального ограбления Армении.

Примечательно, что эти обращения имели место уже после того, как правительство СССР от имени Армении и Грузии заявило об отказе от «территориальных претензий к Турции». В условиях, когда постановка вопроса о геноциде и восстановлении исторической справедливости в виде возврата захваченных турками территорий противоречила внешнеполитической установке на отрыв Турции от США и НАТО, эти демарши даже в той форме требовали определенного мужества.

Весьма показательным в этом отношении является «совершенно секретное» письмо «О мероприятиях в связи с 50-летием массового истребления армян в 1915 г.», представленное на рассмотрение ЦК КПСС в ноябре 1964 г. за подписью Секретаря ЦК КП Армении Я. Заробяна¹.

«В 1915 г. — говорилось в этом письме, — ...трехмиллионное армянское население, проживающее в Западной Армении, а также других городах и местностях Турции, подвергалось массовой резне, выселению и истреблению. Это было осуществлением правящей кликой султанской Турции человеконенавистнической политики геноцида в крупных масштабах».

Также отмечалось, что «планы решения» Армянского вопроса путем физического истребления армян в Османской империи осуществлялись еще в 70—90-х гг. XIX в. султаном Абдул Гамидом и что планы младотурок, продолживших эту поли-

тику в более широких масштабах, «вытекали из пантюристских захватнических устремлений господствующих кругов Турции, стремящихся отторгнуть Кавказ и некоторые другие территории от России. На пути осуществления этих планов, по заявлению младотурков, стоял армянский народ, издавна и традиционно стремившийся связать свою историческую судьбу с Россией».

Указав, что правительство «тогдашней Турции» приступило «непосредственно к практическому осуществлению политики геноцида — к физическому уничтожению армян», письмо подводит итог этого преступления: «Таким путем было истреблено около полутора миллиона армян, столько же спаслось бегством и рассеялось по всему миру. Созданные армянским народом на протяжении многих веков материальные и культурные ценности, исторические и архитектурные памятники подвергались варварскому уничтожению и разбою, предавались огню. Западная Армения была опустошена... Это было проявлением политики геноцида, как каннибальского метода решения национального вопроса...»

В этом письме вдохновителями геноцида объявляются «западные империалисты», а советское правительство, оказавшее поддержку убийцам армянского народа, представлялось в роли его «спасителя». «В самые трагические дни истории армянского народа только Советская Россия стала его истинным другом и спасителем. Она выступила в защиту интересов армянского народа. В декабре 1917 г. был издан декрет «О Турецкой Армении». Имеется ряд документов, показывающих, какой огромный интерес проявляли В.И. Ленин и его соратники — Ст. Шаумян, С. Киров, С. Орджоникидзе, Г. Чичерин и др. — к решению армянского вопроса, который отвечал бы чаяниям трудового народа. По инициативе В.И. Ленина Советская Россия оказала братскую помощь армянским беженцам, приютив, несмотря на тяжелые условия, сотни тысяч спасшихся армян на Северном Кавказе, в Крыму и в других областях республики, предоставив им жилье, продовольствие и материальные средства. Тем самым была спасена жизнь десятков тысяч армянских беженцев».

Указав, что «в зарубежных армянских колониях, где проживает около 1,5 млн человек, ежегодно в апреле эта дата отмечается под знаком осуждения политики геноцида», руководство Армянской ССР подчеркивало широкие масштабы, которые приняло это движение в зарубежных странах «в связи с приближением 50-летия массового истребления армян».

Ссылаясь на то, что «в корыстных и провокационных целях» «зарубежные армянские реакционные силы» используют «в качестве основного аргумента тот факт, что в Советской Армении ни в какой форме не отмечаются годовщины массового истребления армян» и что «контрреволюционная националистическая партия «Дашнакцутюн» твердит о том, будто в нашей стране безразлично относятся к памяти сотен тысяч наших соотечественников, безвинно павших от рук турецких палачей, и что якобы тем самым у нас объективно оправдывается политика геноцида», коммунистическое руководство Армении обосновывало необходимость занятия определенной позиции в отношении геноцида армян.

«Исходя из всего этого, — говорилось в письме, — считаем целесообразным отметить 50-летие этой даты под знаком пропаганды торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, показа огромных достижений возрожденного армянского народа в области экономики, культуры, науки.

¹ Текст письма был одобрен на заседании Президиума ЦК КП Армении 13 ноября 1964 г. См.: Документы. Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника. Док. № 2.

Вся эта работа должна проводиться так, чтобы она не повлияла отрицательно на политику улучшения взаимоотношений СССР с соседними странами, в частности с Турцией, и была нацелена на то, чтобы в истории народов подобная трагедия больше не повторялась».

В связи с этим выражалась «просьба санкционировать» проведение ряда мероприятий: в печати и по радио опубликовать и передавать статьи и материалы, посвященные этой дате, в которых «с классовых, марксистско-ленинских позиций отразить наше отношение к этим событиям, пропагандировать борьбу советского народа за мир во всем мире и политику дружбы народов, неуклонно проводимую Коммунистической партией и советским правительством, разоблачать провокационные действия империалистов и их агентов-дашнаков, разжигающих национальную вражду».

Предлагалось провести в Ереване посвященное этой дате собрание представителей общественности с приглашением представителей «прогрессивных» организаций зарубежных армян со следующей повесткой дня: «Октябрьская революция и возрождение армянского народа». Вносилось предложение возвестиobelisk «в память армян, погибших в Первой мировой войне», который должен был «символизировать возрождение армянского народа».

В другом письме, направленном 30 сентября 1966 г. в ЦК КПСС в связи с требованиями о возвращении Армении Нагорного Карабаха и Нахичеванской АССР, Секретарь ЦК КП Армении А. Кочинян и Председатель Совета Министров Армянской ССР Б. Мурадян также дали оценку геноциду армян и отторжению Турцией армянских территорий.

«Для армянского народа, как и для других народов, территориальные вопросы всегда имели жизненно важное значение. Для него было величайшей национальной трагедией отторжение Турцией западных областей Армении, составляющих более 2/3 территории Армении, которое в период Первой мировой войны сопровождалось массовым истреблением полутора миллионов армян. Именно этим следует объяснить болезненную реакцию населения республики на коварство турецкой дипломатии, пытающейся фальсифицировать историю и уйти от ответственности за геноцид и отторжение армянских земель»¹.

Армянские руководители не могли, конечно, сказать правду ни о роли тогдашнего советского руководства в территориальном ограблении народа, ставшего жертвой преступления геноцида, ни ставить вопрос об исправлении исторической несправедливости через ООН. Они обязаны были одобрять «правильную и мудрую политику» КПСС и советского правительства: «На протяжении длительного времени Компартия Армении ведет большую разъяснительную работу среди народа, объясняя внешнюю политику нашей партии и правительства, направленную на претворение в жизнь принципа мирного сосуществования между государствами и укрепления мира и дружбы между народами».

Не посягая на внешнеполитический курс, армянские руководители тем не менее высказывались за исправление исторической несправедливости хотя бы в пределах административных границ в СССР. «Если доводы о нецелесообразности постановки вопросов об отторгнутых Турцией территориях в настоящее время воспринимаются народом с пониманием, то по вопросам, связанным с воз-

вращением Карабаха и Нахичевани Армянской ССР, мы испытываем серьезные трудности»¹.

Учитывая последствия своей политики, руководство СССР вынуждено было пойти на некоторые послабления, выразившиеся, в частности, в том, что армянам было позволено отмечать день памяти жертв этого преступления, в Ереване был сооружен памятник, стали появляться издания, подтверждавшие факт геноцида.

Не имея возможности отрицать факт геноцида армян, центральная партийно-правительственная власть советского государства стала ограничивать ответственность за совершенное преступление властями Османской империи. Выгораживая своих прошлых союзников — кемалистов, тем самым выгораживали и советский режим. Целенаправленно искажая историческую правду, скрывали подлинную роль советского государства как пособника и соучастника этого преступления. Бездушно воспроизводя известный тезис Сталина, установление советской власти в Армении в результате совместной турецко-большевистской агрессии представляли как «решение» Армянского вопроса и даже «спасение» Армении.

Никаких официальных актов признания и осуждения геноцида армян правительством СССР так и не последовало. На государственном уровне большевистско-коммунистический режим России, будучи пособником геноцида армян, не допускал постановки вопроса об ответственности за это преступление. При обсуждении проблемы геноцида на международных форумах советская дипломатия продолжала беспринципную политику заигрывания с государством, совершившим геноцид армян. В частности, советские представители в Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств вместе с представителями США и других стран НАТО оказывали давление на специального докладчика Н. Рухашьянкике (Руанда), вынуждая его изъять из своего доклада упоминание о первом в XX в. геноциде армян. Они попытались, правда безуспешно, посягнуть на права и другого докладчика по этому же вопросу — англичанина Уайтекера.

Положение не изменилось и с провозглашенной М. Горбачевым «перестройкой», хотя обещание вернуть социализму «человеческое лицо» и уважать международный правопорядок еще острее высветило необходимость признания геноцида армян. Присущая процессу «перестройки» половинчатость и непоследовательность, личная нерешительность самого автора «перестройки», его зависимость от США, а также субъективные, националистические мотивы сознательно проводимого главой внешнеполитического ведомства Э. Шеварднадзе курса на улаживание Запада не позволили вернуться к гуманистическим традициям России в Армянском вопросе.

Горбачев и Шеварднадзе, следуя политике ничем не оправданных уступок Союзникам США по НАТО — за совершение преступления геноцида армян.

В этот период МИД СССР и другие «компетентные» органы страны дали согласие на подмену таких принятых в мировой географической номенклатуре веками складывавшихся понятий, как Армянское нагорье (турки стали его назы-

¹ См.: Документы. Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника. Док. № 3.

¹ Док. № 3.

вать Восточной Анатолией, хотя к Анатолии оно не имело никакого отношения) или горы Армянского Тавра.

Более того, когда в 1988 г. в связи с постановкой вопроса об освобождении армян Карабаха от власти геноцидного турко-азербайджанского государства в Сумгаите имел место рецидив геноцида, М. Горбачев не позволил дать этому преступлению должную правовую оценку, прикрыл этот акт геноцида армян. Вместо единого судебного процесса над вдохновителями и исполнителями очевидного акта геноцида были организованы изолированные друг от друга судебные процессы в различных городах России по обвинению... в хулиганстве, якобы вызванном плохими экологическими условиями в этом городе. Результатом такого снисходительного отношения к головорезам из Сумгаита стало распространение турко-азербайджанской политики погромов на все полумиллионное армянское население по всей территории Азербайджанской ССР.

При М. Горбачеве впервые в истории армяно-российских отношений советские войска непосредственно участвовали вместе с азербайджанским Омоном в депортациях армян Верхнего Карабаха.

О беспринципности политики авторов «перестройки» может говорить, в частности, такой постыдный факт, как фальсификация переизданного тогда ведомством Э. Шеварднадзе отчета Наркоминдела РСФСР за 1920 г.: из его текста был изъят раздел, посвященный событиям вокруг Армении, а в публикации послания М. Кемаля В. Ленину была утаена часть, в которой предлагалось в обмен на согласие турок с советизацией Азербайджана и Грузии предоставить решение судьбы Армении самой Турции.

Положение изменилось только после распада советской системы и восстановления российской государственности, когда появились предпосылки и условия для возрождения традиционной гуманистической позиции России по Армянскому вопросу.

43. Позиция западных держав по Армянскому вопросу в период «холодной войны»

Проявившаяся на Потсдамской (Берлинской) конференции активность английских политиков в отстаивании турецких интересов имела свои политические мотивы. Британский лев начал стремительно терять силу, которую он черпал из колониальных владений. Теперь советская угроза не ограничивалась коммунистической пропагандой в поддержку самоопределения народов. Идея самоопределения народов подпиралась возросшей военной мощью СССР.

Воспользовавшись присутствием советских войск в Северном Иране, Москва инициировала создание «Демократической республики южного Азербайджана» и «Демократической республики Курдистана». Советское влияние стало распространяться и на курдов в Турции и Ираке. Бросок к заповедным зонам западного мира обретал все более реальные черты. В этих условиях возрождение Армянского вопроса на основе признанных западными державами бесспорных прав армянского народа сильно беспокоило не столько США, делавших первые заявки на политическое руководство послевоенным миром, сколько Великобританию.

Отнюдь не случайно, что глашатаем «холодной войны» против СССР выступил У. Черчилль, с фултонской речью которого стала датироваться новая историческая эпоха вооруженного противостояния западного мира Советскому Союзу и создававшемуся им «социалистическому лагерю».

И не случайно, конечно, одним из первых проявлений «холодной войны» против СССР стала атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, с одной стороны, и военная помощь США Турции — с другой.

Примечательно и то, что пропагандистскую кампанию в защиту Турции в Армянском вопросе возглавили не США, а Англия и в самой Англии — не такой маститый политик, как Черчилль, а пришедшие там к власти политические скомоорохи — Бевин и другие лейбористские деятели.

Позиция, занятая лейбористским правительством Великобритании в Армянском вопросе в условиях начавшейся «холодной войны» с СССР, и, конкретно, позиция британского Министра иностранных дел Бевина, его речь в Парламенте 21 февраля 1946 г. стали непревзойденным образцом политического цинизма и лицемерия.

В Палате общин Бевин заявил: «В отношении двух провинций, как я понимаю из того, что прочитал, граница между Турцией и Россией была установлена не завоевателем и покорителем, а побежденной Турцией и несчастной Россией, которая не по своей собственной вине вышла из прошлой войны не в очень хорошем состоянии. Поэтому нельзя сказать, что эта граница была навязана. Такова точка зрения людей, живущих в тех провинциях, но, насколько я могу понять ее, произошло такое перемещение населения, что не существует вообще никакой проблемы национальностей. Поэтому, поскольку граница была определена, как я полагаю, самим Генералиссимусом, то вызывает сожаление, что она сейчас стала предметом спора и войны нервов».

Разъясняя это заявление, он уточнил: «Вы заметили, что я сказал “сейчас не существует вообще никакой проблемы национальностей”. Конечно, это не означает, что я не осуждаю резню армян турками в прошлом; это просто означает, что я рассматриваю требование, выдвинутое советским правительством, мотивированное армянским национальным присутствием, как неубедительное в нынешних условиях».

Понимая всю неубедительность своей позиции в свете обязательств, принятых Великобританией в прошлом в отношении Армении и армянского народа, Бевин дал откровенно ложную картину «всей истории» установления армяно-турецкой границы. «Провинции Карс и Ардаган принадлежали Турции в течение многих столетий вплоть до 1878 г., когда она вынуждена была уступить их России как приобретенные в результате войны. Верно, что Брест-Литовский договор был навязан России временно сильной Германией и ее союзниками, и по этому договору Россия была вынуждена вернуть Турции две провинции, которых та была насильственно лишена 40 лет до этого. Но главным моментом является то, что вопрос о границе не был окончательно решен до подписания Московского и Карсского договоров 1921 г. между советским правительством и правительствами Кавказских республик, с одной стороны, и турецким правительством Кемаля Ататюрка — с другой. В этот раз, конечно, уже отсутствовало германское давление и эти договора были заключены в результате свободных переговоров. Вот это я имел в виду, когда сказал, что “граница между Турцией и Россией была установ-

лена не завоевателем и покорителем, а побежденной Турцией и несчастной Россией, которая не по своей собственной вине вышла из прошлой войны не в очень хорошем состоянии. Поэтому *нельзя сказать, что эта граница была навязана*". Как я упомянул также, генералиссимус Сталин сам участвовал в переговорах, приведших к установлению границы; и в советских официальных публикациях того периода появились заявления о том, что Советская Россия не может оправдать ссылками на армянское национальное присутствие попытку вернуть себе две провинции в Турции»¹.

Приведенные в Сборнике документы показывают, к каким методам прибегала западная дипломатия, чтобы освободиться от обязательств в отношении Армении и армянского народа. В качестве иллюстрации можно сослаться на один из таких документов — справку Исследовательского отдела МИДа Великобритании «Армянские и грузинские претензии на турецкую территорию», датированную 4 апреля 1946 г.² Руководствуясь политическими установками британского правительства, ее авторы стремятся как-то обосновать занятую позицию по Армянскому вопросу.

Документ опирается на такие отжившие свой век, устаревшие международно-правовые основания приобретения и владения населенными территориями, как завоевание при полном игнорировании воли населения. Изложение юридического аспекта Армянского вопроса авторы справки начинают с «констатации» турецкого титула на армянские территории как «хорошо» обоснованного «по праву завоевания в 1534 г.».

Составители не могли отрицать, что существующая этническая ситуация на армянских территориях, о которых шла речь, была следствием геноцида: «Поскольку сейчас практически нет армян на турецкой территории, требуемой для Армении, претензия армян вряд ли может основываться на нынешнем этническом составе местного населения. Однако необходимо помнить, что такое положение возникло в результате осуществленной турками резни и депортации армян в 1915 и 1916 гг. До того времени там в шести вилайетах проживало около 1 млн армян. Считают, что погибло от 500 000 до 1 млн человек. Более 300 000 беженцев добрались до Эривани. Другие укрылись в Сирии, и какая-то часть достигла Европы и Америки. Около 60 000 или 70 000 армян все еще остаются сегодня в Стамбуле. В других местах в Турции проживают только небольшие группы армян, достигающие в общей сложности нескольких сот человек, которые так или иначе — во многих случаях потому, что были католиками, — избежали резни и депортации»³.

Ввиду того, что требования армян основывались на существовавшем до геноцида составе населения, авторы справки ссылаются на факты, предшествовавшие вторжениям турецкой армии в Карсскую область в 1918 и в 1920 гг. Например, на то, что в 1829 г. около 120 тыс. армян покинули Карс и Ардаган вместе с русской армией и что в 1857 г., после Крымской войны и ухода русской армии с кавказского театра Крымской войны, «много армян переехало в Россию». Ут-

¹ *Burdett A.L.P. (ed.). Armenia. Political and Ethnic Boundaries. 1878—1948. Archive Editions. 1998. P. 1021—1022.*

² См. док. № 1335.

³ Там же.

верждают, что в свою защиту турки «могут также указать на массовые депортации и избиения, которым советские власти подвергли недовольных грузин, армян и азербайджанцев».

Понимая всю несостоятельность такого рода аргументов, составители справки прямо указывают, что «было бы... неразумно пренебречь обоснованностью претензии на территориальное приращение, которое может быть основано на результатах резни, учиненной турками в отношении армян. Эта резня была столь жестокой и оставила такой неизгладимый след в памяти мирового общественного мнения, что, если советское правительство решит развернуть пропагандистскую кампанию, напоминая обо всем этом, это, вероятно, вызвало бы массу сочувствующих в разных кругах повсюду в мире и это поставило бы Турцию в весьма неловкое положение в качестве черной овцы № 1»¹.

Делая основной упор на аргументы формально-правового характера, составители справки не пренебрегали откровенной фальсификацией фактов. Пытаясь доказать, что Турция владеет Карсской областью по праву, они ссылались на Брест-Литовский договор 1918 г. как на «свершившийся факт войны». При этом замалчивали, что он был нарушен самой Турцией, что западные державы никогда не признавали законность этого навязанного силой германского оружия договора и что сама Россия вскоре объявила его юридически ничтожным.

Признавая, что Севрский мирный договор и арбитражное решение Президента США о территориальном разграничении Армении и Турции были сорваны «благодаря моральной и материальной поддержке, полученной [турками] от большевиков», и что «Союзники были слишком разобщены и слишком устали от войны, чтобы взять на себя такое серьезное обязательство, как защита Армении и Грузии от революционной России и воспрявшей Турции», они ссылались на результаты агрессии двух тогда никем не признанных государств против признанного ими демократического государства.

Обходя факт официального признания Великобританией и другими западными государствами ответственности Турции за геноцид армян в форме ее лишения власти над Арменией, авторы справки исходят из правомерности Московского договора РСФСР и ангорского правительства как якобы «ненавязанного» договора, «свободно разработанного путем переговоров». Представляя Московский договор и его приложение — Карсский договор в качестве основания для поддержки существующей границы между Турцией и Арменией, авторы справки ничего не говорят о политической истории этих договоров как сделки, заключенной между большевиками и кемалистами за счет армян в целях борьбы против Запада. Ее авторы «не замечают», что договором этих двух никем не признававшихся государств устанавливались границы третьего — признанного государства, и что большевистская Россия ст. VI открыто обязалась силой навязать этот грабительский договор марионеточному правительству советской Армении. Главное же в том, что в этой справке Армянский вопрос освещается исходя из признания в качестве правообразующих фактов результатов геноцида армян в турецкой Армении и совместной агрессии кемалистской Турции и советской России против признанного государства — Республики Армении.

¹ Док. № 1335.

Материалы Сборника, посвященные политической истории Армянского вопроса и, в частности, истории Московского и Карсского договоров, документально свидетельствуют, что доводы, выдвинутые правительствами Великобритании и других западных держав в связи с постановкой после Второй мировой войны вопроса об исправлении советско-турецкой границы, и, в частности, утверждение о том, что эта граница была установлена на основе равноправных отношений между большевистской Россией и кемалистской Турцией, основаны на двойной лжи.

Сознательно закрывая глаза на то, что устанавливалась граница не России, а Армении, которая подверглась грубому и неприкрытому насилию большевистского правительства России и кемалистского правительства Турции, западные политики стали «забывать», что признанное Великобританией и другими союзными державами армянское государство подверглось откровенному насилию двух непризнанных государств.

Неубедительно выглядят и ссылки на договорную базу — Брестский договор Германии и ее союзников с Россией и Батумский договор, навязанный Оттоманской империей Армении в развитие Брестского, которые международное сообщество не признало. Игнорируется и тот факт, что Московский договор между не признанными международным сообществом государствами — большевистской Россией и кемалистской Турцией и его приложение — Карсский договор рассматривались международным сообществом как навязанные силой.

Что же касается ссылок на роль Сталина в заключении Московского договора, то очевидно, что его противоправное и аморальное поведение в тот период не могло служить основанием для оправдания поведения правительств западных держав после Второй мировой войны. Беззаконие, проявленное в отношении армянского народа и его государства большевистскими комиссарами, не могло стать юридическим основанием для беззакония, которое проявили в отношении армянского народа державы-победительницы после победы во Второй мировой войне.

Турции и на этот раз удалось успешно сыграть на непримиримых политических противоречиях между великими державами. Прежние антагонистические противоречия между Европой и большевиками России вылились в «холодную войну» двух вооруженных до зубов военно-политических блоков. Теперь на стороне Турции оказались правительства США и некоторых стран НАТО. В период «холодной войны» отношение западных держав к геноциду армян определялось стремлением иметь Турцию в качестве ударной силы НАТО против Советского Союза.

Ловко воспользовавшись «промашкой» Сталина, западные державы взяли реванш за дипломатическое поражение в 1921 г.: Турция стала «самым ценным членом НАТО». Заплатили ей той же монетой, что и большевики — интересами и правами армянского народа. Вопрос о восстановлении справедливости Запад превратил в один из поводов развязывания «холодной войны». Играя на угрозе мировой термоядерной войны и на военно-стратегических интересах схватившихся в смертельной схватке двух противоположных военно-политических блоков, Турция могла шантажировать, оказывать давление на тех и на других.

Хотя при зарождении «холодной войны» роль инициатора взяла на себя Великобритания, основной силой Запада в противостоянии СССР стали США.

Воспользовавшись постановкой Сталиным территориального вопроса, США втянули Турцию в НАТО, используя Армянский вопрос как козырную карту в борьбе с Советским Союзом.

Турецкое государство обрело нового покровителя — США, которые в прошлом наиболее последовательно отстаивали права и интересы армянского народа — жертвы преступления против человечности.

В условиях разгоревшейся «холодной войны» с СССР отношение западных держав к геноциду армян полностью определялось политическими соображениями. Территория, отнятая у армян, нужна была Соединенным Штатам и НАТО как плацдарм против Советского Союза.

Противоречия между гуманистическими традициями США в Армянском вопросе и беспринципными политическими установками их исполнительной власти, мотивированными интересами «холодной войны» против СССР, проявлялись в острой борьбе между Конгрессом, с одной стороны, и Государственным департаментом и Министерством обороны США — с другой.

Определяя свое отношение к геноциду армян, Администрация Белого дома руководствовалась интересами «холодной войны»: преимуществом использования Турции в качестве «критически важного», «самого ценного союзника в борьбе за мир и свободу», «самого важного члена НАТО» и т.д. и т.п. Она открыто ссылалась на то, что у Турции вторая по численности (после США) армия в НАТО, что Турция контролирует доступ советского флота в Средиземное море, является «стратегической опорой» США на границе с СССР, что на ее территории расположена самая большая база ВВС США, что оттуда осуществляется электронное наблюдение за советскими стратегическими ядерными силами и поступает основная часть стратегической информации по каналам радиоэлектронной и космической разведки. По чудовишной иронии истории под флагом антикоммунизма Запад защищал территориальную аннексию, совершенную после Первой мировой войны враждовавшими с ним турецкими националистами в тесном военно-политическом союзе с большевиками.

Чтобы обеспечить лояльность «верного союзника», нужно было расплачиваться правдой о совершенном турками преступлении. Поэтому США и некоторые другие государства — члены НАТО замалчивали историческую правду о геноциде армян и препятствовали подтверждению должной международно-правовой оценки совершенного Турцией преступления против человечности.

Дело дошло до того, что при обсуждении доклада о геноциде в ООН — в Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств представитель США стал ставить под сомнение даже сам факт геноцида армян.

Лицемерие позиции стран НАТО в отношении геноцида армян подчеркивалось не только тем, что многие из них до этого четко определили свое отношение к этому преступлению и приняли соответствующие международные обязательства уже тогда, когда оно совершалось, но и тем, что, защищая геноцидное государство, они попирали те моральные и правовые ценности, на которые опирались в борьбе против «империи зла».

Противодействуя массивному давлению влиятельных правительственных структур, избранные представители американского народа в обеих палатах Конгресса на протяжении многих лет систематически и настойчиво добивались — и продолжают добиваться — признания геноцида армян. В выступлении

ях в Палате представителей в 1975 г. указывалось, что не только турецкая пропаганда, но и государственные органы США фальсифицируют исторические факты, скрывают от мировой общественности правду о методическом, преднамеренном истреблении в Турции целого народа. Так, член Палаты представителей Уэксман сказал: «Нельзя допустить, чтобы Турция продолжала распространять ложь. Турецкие должностные лица, средства информации, учебники настойчиво утверждают, что армяне погибли от холода, голода и других неизбежных последствий войны. Я не знаю ни одного порядочного историка, который поверил бы в эту чушь. Историческая правда состоит в том, что армяне были истреблены лишь потому, что они были армянами».

Дорожа своей честью и доверием избирателей, члены Конгресса выступали против подчинения исторической правды политическим соображениям, настаивали на недвусмысленном признании геноцида армян. Они отвергали возможность установления связи между необходимостью признания исторической правды об этом чудовищном преступлении и военно-политическими интересами США. Для них вопрос о геноциде армян — это прежде всего вопрос о соотношении между добром и злом, а не вопрос политической игры. «Это не вопрос о военных базах, — заявил Кеннеди. — Это проявление естественного инстинкта в выборе между правым и неправым».

8 апреля 1975 г. по предложению конгрессменов Хелтоцки и Томаса О'Нила Палата представителей 332 голосами против 55 приняла резолюцию № 148¹.

В признании факта совершения этого чудовищного преступления и его официального осуждения американские конгрессмены видели общечеловеческий интерес. В его отрицании и тем самым в его оправдании они справедливо усматривали колоссальный урон престижу США. «Несмотря на значение Турции как союзника, мы не можем позволить, чтобы история переписывалась в зависимости от конъюнктуры. Принципы свободы и уважения прав человека, на которых основана наша страна, слишком важны, чтобы их попирали в политических целях», — сказала Пелози.

Обращая внимание на недопустимость подмены исторической правды соображениями политического оппортунизма, член Палаты представителей Боксер подчеркнула, что нельзя позволить, чтобы Администрация Белого дома поддавалась давлению «верного союзника», который запугивает, что выйдет из НАТО и перейдет во враждебный — коммунистический лагерь.

Поддаваясь шантажу «верного союзника», Государственный департамент США, не долго раздумывая, решил переписать трагическую историю армянского народа по образцу официальной турецкой пропаганды. Так, уже в 1982 г. было заявлено, что «ввиду неопределенности исторических данных о событиях 1915 г. в Малой Азии, Государственный департамент не поддерживает утверждения, что турецкое правительство совершило геноцид армянского народа».

Тем не менее 12 сентября 1984 г. в Палате представителей была принята совместная с Сенатом резолюция, в которой признавался факт совершения геноцида². Сенатская комиссия по иностранным делам 12 сентября 1984 г. рассмотрела и одобрила резолюцию № 241, в которой указывалось, что «внешняя политика стра-

ны должна исходить из признания факта геноцида армянского народа». В постановляющей части высказывалось пожелание, чтобы Президент и Государственный секретарь при формировании и осуществлении внешней политики США «признавали и учитывали факт геноцида армянского народа с целью предотвращения любого будущего геноцида где бы то ни было в мире». Президент, говорилось в документе, должен предписать своим представителям, включая и Постоянного представителя США при ООН, «чтобы они на всех международных форумах... выражали неприятие и осуждение правительством США любого геноцида, в том числе геноцида армянского народа...».

В следующем, 1985 г., когда группа конгрессменов внесла резолюцию, отмечающую 70-ю годовщину геноцида армян, Белый дом сделал все, чтобы заблокировать ее прохождение.

Для придания какой-либо видимости объективности и обоснованности своей версии истории геноцида армян в Администрации Президента решили привлечь к ее фабрикации «историков», причем некоторые из них давно уже находились на содержании турецкого государства. В результате этих усилий в том же году появилось совместное телеграфное обращение 69 «историков» к членам Конгресса США с призывом отвергнуть резолюцию об объявлении 24 апреля днем памяти жертв геноцида армян 1915—1923 гг.

Недавно рассекреченные конфиденциальные служебные записки Государственного департамента подтверждают побудительные мотивы, которыми руководствовались США при формировании своей внешней политики в Армянском вопросе, и показывают недостойные великой державы методы фальсификации истории¹.

Как видно из рассекреченных документов, Государственный департамент США стал представлять турецкую версию событий как собственную. «Во время Первой мировой войны имели место ожесточенные бои между турками, армянами, курдами и другими этническими группами в восточной Турции, поощрявшиеся Россией и другими державами, враждебными Оттоманской империи. В 1915 г. правительство депортировало большие группы армян на территорию нынешней Сирии. В этот период сотни тысяч армян, турок и других умерли или пострадали», — говорится в одной из подготовленных там записок².

Эта лживая записка должностного лица Государственного департамента полностью расходится с информацией, которую получало правительство США от своего посла в Оттоманской империи и из многочисленных других источников. В этих сообщениях действия турецкого правительства в отношении армянского населения квалифицировались как «убийство целой нации».

Государственный департамент, определяя политику Белого дома в Армянском вопросе, выступил в 1985 г. против поддержки резолюции, так как это якобы означало бы «вознаграждение и поощрение терроризма» и нанесло бы ущерб отношениям с жизненно важным союзником по НАТО. Государственный секретарь Дж. Шульц и помощник Президента по национальной безопасности Макфарлейн заверили правительство Турции в том, что они приложат все усилия, чтобы предотвратить принятие резолюции. Шульц обратился к пяти лидерам Конгресса с письменной просьбой помочь в этом вопросе.

¹ Док. № 1342.

² Док. № 1357.

¹ Газета «Азг», 24 декабря 2003 (г. Ереван).

² Док. F95-039/1/108.

Государственный секретарь Шульц в послании конгрессменам 4 августа 1987 г. по поводу принятия «армянской резолюции» признал, что подход правительства США к армяно-турецким отношениям определялся «важными интересами национальной безопасности», стремлением не нанести ущерб отношениям с Турцией.

Помня о глубоком сочувствии американской общественности к армянам — жертвам геноцида и значительной гуманитарной помощи США армянским беженцам в те далекие годы, меньше всего можно было ожидать, что именно эта страна, выступавшая в роли защитника миропорядка, основанного на уважении прав человека и прав народов, предаст забвению благородные деяния Президента Вудро Вильсона, предаст забвению принципы морали, нравственности, исторической справедливости и идеалы гуманизма во имя преходящей политической целесообразности.

На протяжении многих лет представительные органы власти разных уровней, выражая волю широких слоев американского народа, подтверждали в резолюциях факт преступления, совершенного Турцией против армянского народа, но исполнительная власть по настоянию Государственного департамента и Пентагона каждый раз блокировала их вступление в силу.

РАЗДЕЛ VI

Новый этап признаний как условие реализации ответственности за геноцид

1. О чем идет речь в Комментариях к документам Раздела VI Сборника?

Комментарий к документам данного раздела Сборника начинается с рассмотрения неизбежного вопроса — почему возник сам вопрос о «признании» геноцида. В нем анализируются позиция Турции, приводимые ею аргументы, средства и возможности ее политики отрицания.

Рассматривается роль политического фактора в современную эпоху, также позиция США и других стран, которые открыто или в скрытой форме продолжают поддерживать Турцию. Дается политическая и международно-правовая оценка их поведения.

В центре документов этого раздела и соответственно Комментария к ним — процесс повторных признаний. Дается оценка этого процесса, выявляются некоторые ее изъяны.

Очевидна и необходимость рассмотрения позиции и возможности армянского государства и армянского народа защищать свои права — права жертвы этого преступления.

Комментарий был бы неполным, если бы не была дана реалистическая оценка возможностей достижения цели — подведения цивилизованной черты под прошлым на нормативной основе международного права.

2. В чем смысл современных признаний

Принимаемые в различных странах документы с осуждением геноцида армян в средствах массовой информации часто представляются как первичное признание этого преступления. У нынешнего поколения это может создать впечатление, будто речь идет о некоем признании того, что ранее не было признано. Сегодня о признании якобы не признанного до сих пор геноцида армян говорят те, кто опасается международно-правовых последствий квалификации действий Турции в отношении армян как геноцида.

Поскольку факт геноцида армян и основанная на этом ответственность турецкого государства были установлены международным сообществом уже тогда, когда совершалось это преступление, речь сейчас может идти не о первичном признании факта геноцида, а о подтверждении уже установленной международным сообществом ответственности Турции за совершение этого преступления и о необходимости ликвидации его последствий на основе международного права. Необходимость этого связана с тем, что реализация международной ответственности турок и турецкого государства была сорвана политическими, противоправными средствами, и с тем, что последствия этого международного преступления до сих пор не ликвидированы.

То, что было признано всем миром, нуждается не в повторном признании, а в реализации ответственности, установленной в соответствии с нормами и принципами международного права.

Поскольку речь идет о подтверждении прежнего признания, то очевидно, что объем признания и сущность квалификации не могут быть сокращены. В частности, не могут быть изменены установленные параметры преступления, такие, как дата совершения преступления и др.

Поскольку Турции удалось сорвать ратификацию Севрского мирного договора и не допустить реализации установленной ответственности и поскольку с того времени, когда началось полное уничтожение армян в турецкой Армении как национальной группы, прошло 90 лет, эти повторные признания или подтверждения в новых политических условиях имеют немаловажное значение. Именно поэтому Турция всеми силами противодействует данному процессу, а ее защитники пытаются помочь ей, либо отрицая факт совершения преступления, либо признавая этот факт без соответствующих международно-правовых последствий.

Сам предмет признания и осуждения не должен и не может быть отнесен к «событиям прошлого», как утверждают некоторые из тех, кто противодействует этому процессу или пытается минимизировать его последствия.

3. Почему необходимо вторичное признание

Политическая история Армянского вопроса, изложенная в документах предыдущих разделов и соответствующего Комментария, показывает, почему на нынешнем этапе развития международных отношений возникла необходимость вторичного признания, или, точнее, подтверждения факта геноцида и ответственности Турции за совершение этого международного преступления.

Идя на совершение преступления, которое по масштабам и по своей чудовищности превосходило все, что до этого совершалось в истории человечества, турецкое правительство рассчитывало на «окончательное решение» Армянского вопроса. Турция, владеющая в совершенстве искусством игры на политических противоречиях великих держав, воспользовалась всемирно-историческим катаклизмом, возникшим в результате захвата власти в России большевистскими фанатиками (социал-империалистами). С помощью и при активном участии советского правительства России турецкие националисты не допустили реализации установленных международным сообществом государств в лице компетентных органов политической ответственности турецкого государства и уголовной ответственности физических лиц — организаторов и исполнителей этого тяжчай-

шего международного преступления¹. Не был создан предусмотренный для этого международный уголовный суд. Главные преступники избежали международной уголовной ответственности: тех, кого интернировали на Мальте в ожидании суда, англичане обменяли на захваченных кемалистами для этой цели британских заложников — генерала Ролинсона и др.

Армянскому народу был нанесен почти смертельный удар. Армяне были лишены 9/10 национальной территории: геноцидное турецкое государство не только вернуло под свою власть потерянные армянские вилайеты — «турецкую» Армению, но и получило от большевиков в придачу большую часть территории российской Армении — Карсскую область, а также другие территории, которые ранее никогда турецкому государству не принадлежали, а после распада Российской империи перешли под государственную власть ее правопреемницы — Армянской республики.

Население захваченных территорий было истреблено. Спасшиеся от резни беженцы, лишённые права на родину, были разбросаны по всему миру. Им не разрешили вернуться на свою историческую родину. Разграбленное имущество армян не возвратили, нанесенный им ущерб не компенсировали.

Организаторы геноцида надеялись, что им удалось достичь своей цели. Они были уверены, что народ, обескровленный геноцидом, лишенный почти всей национальной территории и международной правосубъектности, никогда не сможет поставить вопрос о восстановлении своих законных прав. Они просчитались.

Благодаря своей легендарной жизнестойкости обескровленный, потерявший почти всю свою национальную территорию, разоренный, рассеянный по всему миру, лишенный политического голоса армянский народ смог выжить, сохранить свою национальную идентичность и даже воссоздать свою государственность на территории бывшей Армянской ССР.

Последствия геноцида для армянского народа до сих пор не устранены. Армяне, разбросанные по всему миру, обречены на потерю своей национальной самобытности. Они лишены права на возвращение на свою историческую родину. Вопрос о репарации и компенсации до сих пор не решен. Право и справедливость попораны.

4. Почему Турция отказывается признать факт совершения ею геноцида армян

Истории человечества известен ряд актов геноцида, но ей не известны случаи, когда бы государства открыто признали совершенные ими преступления. Ни одно государство, совершившее геноцид, никогда добровольно не признавало своей вины и не раскаивалось в содеянном. Во всех без исключения известных случаях геноцида правительства принимают меры по сокрытию преступления, преуменьшению масштабов и искажению его подлинного характера. Ими делается все, чтобы избежать ответственности. Поэтому установление ответственности и ее реализация всегда основаны на силовом факторе — давлении международного сообщества, и прежде всего политическом давлении обладающих особым весом великих держав.

Совершая геноцид, государство понимает, к каким международно-правовым и политическим последствиям приведет юридическая квалификация этого тяж-

¹ См. документы и Комментарий к Разделу V.

кого преступления. При этом предметом озабоченности являются, в первую очередь, не последствия уголовной ответственности индивидов, принимавших участие в этом преступлении, а публично-правовые и политические последствия для самого государства, которые обычно связываются с утратой права на территорию народа, уничтожения которого оно добивалось. Не последнюю роль играет и нежелание войти в историю с несмываемым позорным клеймом государства, совершившего преступление против человечности. Этим определяется стремление любой ценой отрицать сам факт совершения геноцида. С этой целью прибегают к различным приемам и средствам, к которым прежде всего относятся попытки исказить сам характер преступления, представив его либо как эксцессы отдельных «элементов», либо как «вынужденную ответную меру», вызванную военными или иными политическими условиями, либо как гражданскую войну между господствующим и поработанным народами.

Не являются исключением и турки. Совершая геноцид, турецкие политики знали, что это влечет ответственность по международному праву. Именно поэтому они выработали целую систему сокрытия совершаемого преступления и оправдания принятых против армянского народа мер. Именно поэтому для «окончательного» решения они воспользовались периодом мировой войны. Война не только создавала условия для осуществления геноцида. Будучи союзником Германии, турки рассчитывали попасть в число победителей, которых, как они полагали, судить никто не сможет.

Основной причиной упорного отказа турок признать факт совершения турецким государством геноцида армян всегда был и остается страх перед последствиями этого преступления, возникающими по международному праву. Турецкие руководители отчетливо представляют себе международно-правовые последствия преступления геноцида. Знают и то, какое содержание вложило международное сообщество в политическую ответственность турецкого государства.

Вопрос об ответственности за совершенное преступление по-прежнему побуждает Турцию ожесточенно сопротивляться признанию самого факта геноцида армян. Сегодня мы являемся свидетелями эскалации официальной кампании отрицания геноцида армян. Турецкое государство мобилизует все возможности, тратит огромные средства. Не ограничиваясь традиционными средствами политического давления на правительства и подкупом средств массовой информации, Турция широко прибегает к платным услугам профессиональных лоббистских организаций.

Внешнеполитическое обеспечение государственного курса на отрицание совершенного преступления по-прежнему является предметом особых забот правительства Турции. Так же, как это было в конце XIX и на всем протяжении XX в., Турция препятствует решению Армянского вопроса на основе права и справедливости, опираясь на политическую поддержку некоторых великих держав.

5. Использование абдул-гамидовских аргументов для оправдания геноцида

Геноцид армян, как первое широкомасштабное преступление подобного рода, является весьма характерным примером политики отрицания. Турецкое государство обладает вековым опытом отрицания совершавшихся турками меж-

дународных преступлений. Современная Турция, правопреемница Османской империи, с первого дня своего возникновения проводит политику отрицания геноцида армян с целью избежать ответственности за совершенное преступление.

На протяжении полувека, когда осуществлялся геноцид армян (1876—1923), и последующих 90 лет аргументы, выдвигавшиеся турецкими правителями для обоснования своих преступлений, трансформировались с учетом изменений внешнеполитических и других условий. В современном арсенале Турции наряду с новейшими изобретениями имеются и старые, избитые аргументы. В зависимости от обстановки используют то одни, то другие, не заботясь при этом о том, что эти аргументы нередко являются взаимоисключающими.

Истоки нынешней негационистской политики Турции восходят ко временам Абдул Гамида, который уже на начальной стадии геноцида армян прилагал большие усилия для сокрытия правды. С этой целью он широко практиковал подкуп прессы и государственных деятелей великих держав на самом высоком уровне.

С одной стороны, турки пытались создать абсолютно ложное представление, будто резня и вся целенаправленная деятельность по сокращению численности армян и вытеснению их из Армении представляли не государственную политику, а были лишь следствием коррумпированности режима или зверств «диких» курдов. Когда же это становилось невозможным, когда по масштабам резни и участию в ней армии, полиции и жандармерии отрицать причастность государства не представлялось возможным, заявляли, будто обращение со своими подданными — «внутреннее дело» государства, а так как армяне были подданные турецкого султана, то любые меры, предпринимавшиеся против них, правомерны. Это, пожалуй, самый старый и единственный «юридический» аргумент, который использовал кровавый султан.

По отмеченным уже политическим соображениям правительства правившего тогда миром «концерта» великих держав были заинтересованы в сохранении территориальной целостности геноцидной Турецкой империи и должных выводов не делали, хотя уже во времена Абдул Гамида ссылка на «внутренние дела» не признавалась правовым основанием для резни своих подданных¹.

Тем более удивительно, что сегодня, в начале XXI в., защитники геноцидного турецкого государства, игнорируя результаты прогрессивного развития международного права, навязывают руководству Республики Армения мнение, будто оно «не имеет права» ставить вопрос о правах жертв геноцида, поскольку меры правительства Османской империи были приняты на своей территории и, следовательно, в отношении своих подданных. Они утверждают, будто в соответствии с международным правом это было «внутренним делом» турецкого государства и под действие международного права не подпадало. Данный тезис не выдерживает критики ни с фактической, ни с юридической точек зрения.

Во-первых, эти «события» происходили не только на территории турецкого государства. В ходе двух вторжений — в 1918 и в 1920 гг. — геноцид был перенесен и на территорию Армянской республики, полученную ею в качестве правопреемницы России. Карсская область и другие территории, отданные кремлевскими комиссарами по Московскому договору 1921 г. новой «союзнице» — кемалистской Турции, во время осуществления геноцида не были государствен-

¹ См. документы и Комментарий к Разделу I.

ной территорией Турции: геноцид армян осуществлялся на территории Республики Армения, и на территории Азербайджанской Республики, и на спорных территориях Карабаха и Нахичевана, и на территории персидской Армении и др.

Во-вторых, помимо фактологической стороны, несостоятельность этого «аргумента» состоит в сознательном пренебрежении или, в лучшем случае, незнании того, что по международному праву геноцид является преступлением, за которое совершившее его государство несет ответственность независимо от места, где оно совершалось.

Таким образом, попытки оправдания геноцидных действий Турции на том основании, что они совершались или совершаются на ее государственной территории и потому были ее «внутренним делом», не имеют под собой абсолютно никаких международно-правовых оснований и полностью отвергаются международным сообществом.

6. О неправомерности ссылки на «военную необходимость» для оправдания «убийства целого народа»

Когда младотурецкое правительство Оттоманской империи, воспользовавшись условиями Первой мировой войны, приступило к завершающей стадии геноцида армян — их полному физическому уничтожению в пределах не только «турецкой», но и «российской» Армении, оно, уповав на военную силу Германии и рассчитывая на ее победу, не считало нужным скрывать свои цели от своего союзника. Только для облегчения положения Германии, которую стали обвинять в соучастии в преступлении, и для того, чтобы ввести в заблуждение католическое население Германии и протестантское население нейтральной Америки, турки создавали внешний декорум, осуществляя геноцид под видом временной «депортации», вызванной якобы «военной необходимостью».

Когда же стала вырисовываться вероятность поражения в войне германского союзника и, следовательно, самой Турции, бахвальство сменилось целенаправленными изошренными мерами по дезинформации общественного мнения. Вначале утверждали, что армяне представляли потенциальную угрозу, а потом стали заявлять, что армяне поддержали противника Турции в Первой мировой войне — Россию, подняв «восстание» в тылу турецкой армии.

Для того чтобы по достоинству оценить этот «аргумент» турецкого правительства, нужно прежде всего указать на тот факт, что перед самой войной, готовясь вместе с Германией к нападению на Россию для реализации агрессивной пантюркистской программы расчленения ее территории, турецкое правительство предложило армянским политическим партиям присоединиться к азербайджанцам и грузинам и поднять восстание в тылу русской армии в Закавказье. Иначе говоря, от армян требовали такого поведения в отношении России, которое потом инкриминировали им, совершая геноцид. Партийное руководство армян, естественно, ответило, что в случае войны между двумя странами турецкие армяне, как и российские армяне, должны будут выполнять свой долг соответственно перед Оттоманской империей и перед Российской империей.

Мнимого «национального восстания» всего армянского народа против Турецкой империи не могло быть по той причине, что для этого не было абсолютно ни-

каких возможностей. Армяне были лишены такой возможности самим турецким правительством. Тем не менее турецкое правительство приступило к реализации давно вынашивавшихся планов «окончательного решения» Армянского вопроса посредством геноцида. В качестве составной части задуманной операции турецкое правительство, как отмечалось выше, еще до начала военных действий призвало в армию всех мужчин армянского происхождения, а потом, разделив их на небольшие группы безоружных «трудовых» подразделений, уничтожило¹.

На геноцид своего народа армяне России и другие общины, образовавшиеся в результате вынужденной эмиграции на первой стадии геноцида в 1876—1914 гг., ответили образованием добровольческих подразделений, участвовавших в Первой мировой войне вместе с армиями Союзных держав Антанты.

Восстание против геноцидного турецкого государства, если бы это оказалось возможным, было бы справедливо и законно даже по правовым представлениям того времени. Сам основатель советского государства В. Ленин, оценивая Первую мировую войну как империалистическую за раздел и передел мира, не отрицал возможность справедливой борьбы поработенных малых народов за свои национальные права. «Во всяком случае, отрицать то, что аннексированная Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут “свое” восстание против аннексировавшего “защитой отечества” и назовут правильно, едва ли кто решится»².

Ссылка на военную необходимость как мотив лжива с фактической стороны и абсолютно несостоятельна с точки зрения международно-правовой. Лживость ссылки на военную необходимость подтверждается простым сопоставлением дат — принятия репрессивных мер и так называемых восстаний. Известны лишь отдельные случаи организации самозащиты для спасения от верной гибели — в Ване, Шапин-Карахиссаре, Урфе, Муса-даге. Такого рода ссылка опровергается и ареалом арменоцида. В соответствии с принципом соразмерности можно было бы принять только такие превентивные меры, которые предотвратили бы помощь противнику Турции в войне, причем только там, где была реальная опасность, и в отношении только тех, кто сотрудничал с противником. Наказанию за сотрудничество с противником подлежали лица, чья вина могла быть доказана, а превентивные меры могли распространяться только на тех, кто мог эвентуально представлять опасность для государства.

Лживость же ссылок на «военную необходимость» очевидна, поскольку было депортировано все армянское население не только прифронтовой зоны, но и самых глубинных районов империи.

Согласно принципу соразмерности в международном праве, турецкое правительство, зная о последствиях в виде потери жизни, не имело права прибегать в качестве превентивной меры к убийству или к «депортации» и иным средствам лишения жизни женщин, детей и других категорий армян, которые не могли участвовать в военных действиях.

Осуществление коллективных санкций безотносительно к виновности тех, в отношении кого они применяются, является преступлением и по внутреннему, и по международному праву. То обстоятельство, что депортированным оказалось все население без исключения, само по себе подтверждает, что меры были на-

¹ См.: *Vahakn N. Dadrian. The History of the Armenian Genocide. Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Berghahn Books. Providence — Oxford, 1995. P. 221, 226.*

² *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 317—318.*

правлены не против тех, кого обвиняли в «измене», а против всего народа. Метод осуществления депортаций подтверждает, что их подлинной целью было физическое уничтожение всего армянского населения не только на территории, подвластной турецкому государству, но и на территории соседних стран, которые предполагалось захватить.

Лживость ссылок на необходимость обеспечения безопасности государства в условиях иностранного вторжения опровергается и тем, что в ходе турецкого вторжения в пределы бывшей Российской империи в 1918 г. геноциду подверглось армянское население российской части Армении и оккупированной турками части Ирана — этнического клина, мешавшего осуществлению реализации пантюркистской программы территориальной экспансии.

7. Геноцид под прикрытием «гражданской войны»

Обоснование уничтожения армян в Турции начали с утверждения о необходимости осуществления «временных», «превентивных мер» — депортации, а затем перешли к обвинениям в «восстании». Более того, стали утверждать, будто армяне развязали «гражданскую войну», в ходе которой «погибли миллионы» турок и некоторое число армян (при этом турок якобы погибло в несколько раз больше). Армянам приписывают даже потери турецкой армии в результате бездарно проведенной наступательной операции против России.

Приводимый турками в свое оправдание довод о «гражданской войне», как и все другие, основан на примитивном обмане. В нашу задачу не входит доказательство фактической стороны. Этот вопрос освещался в многочисленных документальных публикациях, в которых приводятся факты, исключавшие возможность ведения гражданской войны.

Тщательно подготовленная поголовная резня *à la turc* не имела ничего общего с гражданской войной. Наблюдателей удивляло, с какой покорностью армяне, ведомые своими священнослужителями, шли на заклание. Достаточно прочитать документальный роман Верфеля «Сорок дней Муса-дага», чтобы получить объективную картину этой покорности и представление о характере отдельных случаев самозащиты отчаявшихся людей.

Об абсолютной лживости ссылок на «гражданскую войну» говорят и конечные результаты реальной этнической чистки: армянское население полностью исчезло, а турецкое выросло в несколько раз.

Рассматриваемый вариант оправдания геноцида армян противоречит официальной версии, согласно которой армянское население было с комфортом депортировано по несуществовавшим железным дорогам и армяне умирали только от болезней и от холода (в пустынях Месопотамии, куда мало кто дошел, не холодно, а жарко).

Истребление армян не может быть подведено под гражданскую войну между «подданными султана», ибо, по турецкой же версии, имело место столкновение одной (добавим — порабощенной) национальной группы с другой (снова добавим — господствовавшей). Против армян действовала отобилизованная для участия в Первой мировой войне регулярная армия, не говоря уже о полиции, жандармерии и специальных отрядах, составленных из выпущенных для этой цели уголовников.

В подтверждение своего лживого довода турецкие власти не могут привести никаких свидетельских показаний, даже своих союзников — Германии и Австрии. Последние, напротив, единодушно оценивают эти события как не оправданное военной необходимостью, как организованное турецким правительством преднамеренное уничтожение армянского населения.

С точки зрения международного права война, в том числе и гражданская, не может служить оправданием для уничтожения населения. На этот счет имеется авторитетное толкование норм международного права и, в частности, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, данное Международным судом в связи с доводом Югославии, что инкриминируемый акт геноцида имел место в контексте не международного, а внутреннего конфликта, и что, следовательно, возникновение вопроса об ответственности исключается.

Суд указал, что в ст. I Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него договаривающиеся стороны подтвердили следующее: «геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права». Соответственно они обязались принимать меры по предупреждению преступления геноцида и карать за его совершение независимо от состояния «мира» или «войны», в которых оно осуществляется. По мнению Суда, это означает, что, если совершены действия, указанные в ст. II и III Конвенции, она применима безотносительно к обстоятельствам, связанным с внутренним или международным характером конфликта. Обязанность предупреждать преступление геноцида и наказывать за его совершение не зависит от характера конфликта. Эта обязанность остается неизменной и при международном, и при внутреннем конфликте, т.е. при войне, на которую теперь ссылаются турки.

Международный суд не согласился с позицией Югославии относительно неприменимости Конвенции, обосновывавшейся тем, что события имели место в контексте гражданской войны и что, следовательно, не могут быть предметом международного спора¹. Отметим также, что в рассматривавшемся Судом деле Турция была не на стороне Югославии — государства, выдвинувшего тот же аргумент, который сами турки используют в споре о геноциде армян.

8. Новейшие попытки оправдания геноцида армян как «обоснованной» меры против политической группы

Стремясь придать вес этому «аргументу» и приблизить его к нормам права, изложенным в Конвенции, член так называемой Турецко-армянской комиссии по примирению Пюндюз Октан разработал ее модификацию, в которой обосновывается право принятия репрессивных мер по политическим мотивам.

Суть очередного турецкого аргумента заключается в утверждении, что в отношении армян турецким правительством были приняты меры не против национальной группы как таковой, а против политической группы, стремившейся осво-

¹ I.C.J. Case concerning application of the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Bosnia — Herzegovina v. Yugoslavia). Preliminary objections, № 43.

бодиться из-под власти турецкого государства, и поэтому эти меры не могут рассматриваться в качестве геноцида, как это трактуется в Конвенции. Этот «аргумент» не выдерживает критики ни с фактической, ни с юридической точек зрения.

Вначале о фактической стороне. «Мерами» турецкого правительства было охвачено все армянское население, включая детей, женщин и стариков, которые никак не могли быть отнесены к политической организации, имевшей целью свержение военным путем государственной власти в Турции.

Не соответствует истине и приводимый Пондюзом Октаном в качестве основного «доказательства» тезис, будто армяне-католики и армяне, проживавшие в Стамбуле, не были охвачены этими «мерами».

Во-первых, армяне-католики составляли ничтожное меньшинство армянского населения, поскольку основой вероисповедания армян всегда было христианство армяно-григорианского толка. Во-вторых, неверно и то, будто турецкое правительство исключило их по той причине, что якобы не преследовало армян как таковых. Армяне-католики, как и все другие армяне, подвергались геноциду. Именно поэтому Папа Римский и союзные государства с католическим населением — Германия и Австро-Венгерская империя вынуждены были заступаться за них.

Этот довод не выдерживает критики и с точки зрения международно-правовой. Международное право однозначно исходит из того, что мотивы, которыми руководствуется государство при совершении геноцида, не могут служить оправданием преступления, какие бы аргументы при этом ни приводились, даже если бы речь шла о безопасности государства.

Не смея отрицать геноцид евреев, Пондюз Октан вычленяет это преступление, объявляя правомерность его квалификации как геноцида тем, что оно якобы совершалось только по расовым соображениям. Против армян, говорит он, были приняты меры политического характера.

Верно, что турки не были и не могли быть расистами. Предки турок, захватывая обширные территории, как меньшинство были бы обречены, если бы не делали ставку на ассимиляцию коренного населения, навязывая ему свой язык и ислам. Непокорные, не желавшие оставаться на положении бесправного скота — райи, подлежали уничтожению.

Геноцид осуществляется, как правило, именно с политической целью, по политическим мотивам против граждан «нетитульной» национальности, т.е. против граждан, не относящихся к правящей нации, или против населения оккупированных стран. В случаях геноцида армян и евреев объектом преступления как в пределах территории геноцидного государства, так и на оккупированных территориях других государств был один и тот же народ. В названных случаях это соответственно армяне и евреи.

При всей схожести геноцида армян и геноцида евреев имелось и существенное отличие. Геноцид евреев отличался от геноцида армян и почти от всех других случаев геноцида тем, что он осуществлялся не на еврейской территории (такого государства тогда не существовало, а историческая родина еврейского народа — Палестина, населенная арабами, была под властью другого государства), а на территории Германии.

Напротив, геноцид армян осуществлялся в основном на территории исторической Армении, подвластной туркам, а также на территории исторической Армении в составе России и ее правопреемницы — Республики Армения. Цель ту-

рок состояла в том, чтобы ликвидировать чуженациональный — армянский этнический, а потенциально и политический — клин, препятствовавший реализации пантюркистской программы территориальной экспансии.

Геноцид армян не имеет ничего общего с уничтожением одной части народа другой, подобно тому, что происходило, например, при ликвидации кулачества «как класса» советской властью. С другой стороны, уничтожение режимом Пол Пота значительной части своего населения по «классовому» же подходу почти всеми признается как геноцид.

Лживость аргументов, выдвинутых для оправдания геноцида, — «военная необходимость», «гражданская война» и «меры», принятые против армян как политической группы», — опровергается пространственными параметрами геноцида армян.

Если на первой стадии (1876—1914) геноцид осуществлялся только в отношении армянского населения в пределах государственных границ Османской империи, то на заключительной стадии (1915—1923) он стал осуществляться, как было уже указано, на всей территории исторической Армении — как в пределах «турецкой» Армении, так и в пределах российской части, а также на территории так называемой персидской Армении.

Приводимые аргументы опровергаются и временными параметрами: геноцид армян продолжался и после окончания Первой мировой войны, когда Россия, перешедшая под власть большевиков, из противника Турции превратилась в ее военно-политического союзника и соучастника геноцида армян.

Они опровергаются и тем, что даже сейчас, спустя многие десятилетия (в начале XXI в.), турецкое государство категорически отказывается признать факт геноцида армян и устранить те его последствия, которые можно и нужно устранить: признать право армян-беженцев и их потомков вернуться на свою историческую родину, возратить конфискованное имущество или выплатить соответствующую компенсацию и восстановить другие поправленные права.

9. Действие политического фактора в современную эпоху

Турецкое правительство не могло бы организовать геноцид армян, если бы некоторые великие державы, руководствуясь своими политическими соображениями, не способствовали этому. Турция может продолжать политику отрицания факта совершения этого преступления только благодаря открытой или скрытой политической поддержке некоторых держав.

Несмотря на коренное изменение международного положения в современном мире, приходится констатировать, что даже сегодня, спустя десятилетия, вопрос о подведении правовой черты под прошлым и ликвидации последствий этого тяжкого международного преступления продолжает оставаться предметом беспринципного, позорного политического торга.

Чем обусловлена живучесть этого политического фактора? Объясняется это тем, что геополитические условия меняются очень медленно. Армения по-прежнему ищет поддержки России, а США, стремясь сделать необратимой потерю Россией статуса сверхдержавы, фактически продолжают помогать тем государствам, которые придерживаются проамериканской политической ориентации.

На Ближнем и Среднем Востоке, в районе, где сосредоточены основные нефтегазовые ресурсы и который по своему положению имеет большое геостратегическое значение, основными стратегическими партнерами США выступают Израиль и Турция.

Действие политического фактора проявляется различно. Прежде всего это нежелание признать, а вернее, подтвердить юридический факт совершения преступления. В других случаях повторное «признание» однозначно признанного уже факта геноцида сопровождается попытками выхолостить его юридическое содержание — при помощи ложного стереотипа «геноцида 1915 года» снять вопрос об ответственности Турции по международному праву, т.е. не допустить ликвидации разрушительных последствий этого преступления в соответствии с императивными нормами международного права.

10. США препятствуют всеобщему признанию геноцида армян

Сегодня, когда советское государство сошло с политической арены и «холодная война» прекратилась, у США как единственной сверхдержавы, казалось бы, должны были исчезнуть импульсы для привлечения Турции к противостоянию России ценой предательства армянского народа. Можно было бы ожидать, что именно США, ратующие на словах за права человека, выступающие в роли приверженца нового миропорядка, основанного на уважении международного права, задействовавшие НАТО в войне против Югославии под предлогом «защиты» албанцев Косово от геноцида, последуют примеру России, Греции, Уругвая, Аргентины, Бельгии, Франции, Канады и других стран и возглавят широкое движение за четкое и недвусмысленное подтверждение факта геноцида армян и его осуждение как абсолютно необходимого условие успешной борьбы за искоренение этого преступления из жизни человеческого общества.

В то время как Государственная Дума новой России, подтвердив досоветскую гуманистическую позицию страны, однозначно осудила геноцид армян как преступление по международному праву, США и государства, находящиеся в их политической орбите, во многом сохраняют отношение к Армянскому вопросу времен «холодной войны», продолжают игру в беспринципное заигрывание с государством, которое не желает раскаиваться за содеянное преступление и по существу продолжает свою традиционную политику арменоцида.

США — страна, известная своими гуманистическими традициями в Армянском вопросе, стала, как это ни парадоксально, основным препятствием на пути к всеобщему признанию этого факта совершения международного преступления.

С некоторых пор в политической жизни США появилась определенная закономерность: стремясь заполучить голоса электората, кандидаты в президенты США в своих предвыборных заявлениях прямо осуждают «геноцид армян». После избрания они под давлением Государственного департамента, Совета национальной безопасности и Пентагона ограничиваются заверениями в «сочувствии» по поводу «величайшей трагедии» армянского народа. Признавая факты, полностью соответствующие составу этого преступления, как оно определено в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а имен-

но как преднамеренное убийство 1,5 млн армян, первые лица страны избегают единственно возможной квалификации преступления, которое совершило турецкое государство в отношении армян.

Яркий пример тому дает Президент Джордж У. Буш (младший). Он воздерживается от квалификации этого преступления как геноцида, хотя, как и другие Президенты этой страны, перед избранием обещал официально признать факт совершения Турцией геноцида армян. В то же время Дж. Буш дает в общем честное и правдивое описание того, что произошло в Армении: преднамеренное «уничтожение 1,5 млн армян путем насильственной высылки и убийств».

Подмена оценки, определение событий как «самой ужасной трагедии XX в.», а не как «геноцида», конечно же, не случайна. Смысл этих лингвистических нюансов не столь безобиден, как это может показаться на первый взгляд. Хотя всякий геноцид — трагедия, не всякая трагедия — геноцид, влекущий международно-правовую ответственность.

Президент США не говорит и о том, что эту политику физического уничтожения целого народа продолжили турецкие националисты, которые с 1919 г. осуществляли реальную власть в турецкой Армении и продолжали уничтожение армян вплоть до 1923 г.

Исполнительная власть США не скрывает мотивы своего поведения. Государственный департамент и Пентагон, добиваясь поддержки Президента, откровенно мотивируют свое поведение военно-политическими интересами страны.

Такая беспринципность, граничащая с пособничеством, вызывает осуждение в самих Соединенных Штатах. Так, 169 членов Палаты представителей США написали Президенту Бушу письмо с призывом выполнить свое предвыборное обещание и назвать геноцидом массовое уничтожение армян в Турции.

Неудивительно, что упорный отказ Президента США квалифицировать преднамеренное убийство 1,5 млн армян как геноцид воспринимается преемниками политики арменоцида в самой Турции как прямая поддержка.

Для правильной оценки негационистской политики Президентов США принципиально важно не только то обстоятельство, что факт «убийства целого народа» признавался правительством США тогда, когда совершалось это преступление, но и то, что геноцид армян признавался самим Президентом Бушем и другими Президентами США до их избрания. Отрицание или замалчивание ими этого юридического факта может говорить только о сознательном сокрытии ими этого преступления.

Поведение Белого дома и Государственного департамента в отношении признания факта геноцида армян находится в разительном контрасте с их отношением к геноциду евреев, осуществленному Гитлером по образцу армянского. Органы государственной власти США, используя всю силу и авторитет теперь уже единственной в мире сверхдержавы, добиваются выполнения всех требований евреев — жертв холокоста относительно возмещения, вплоть до цента, ущерба, причиненного каждому из них нацистской Германией.

США выступали и в роли защитника албанцев от угрозы геноцида, в обход ООН задействовали войска НАТО против Югославии, настойчиво добивались предания суду сербских государственных деятелей, которых обвиняли в совершении геноцида. В свете всего этого возникает естественный вопрос: чем же объяснить толерантность США к государству, совершившему арменоцид?

Очевидно, что такой «двойной стандарт» с присущей ему дискриминацией армян объясняется действием в модифицированном виде того же политического фактора, которым руководствовались США в период «холодной войны» с СССР.

Хотя основной внешнеполитический фактор — «коммунистическая угроза», — использовавшийся как аргумент Запада в поддержку Турции, отпал, лидер западного мира — США не использовали предоставившуюся им возможность вернуться к принципиальной позиции, диктуемой требованиями международного права и морали, приверженцами которой они представлялись перед всем миром.

Турции стала отводиться решающая роль в вытеснении России из Южного Кавказа и Средней Азии, где США заполняют образовавшийся вакуум силы. Выступая, по существу, в роли покровителя трансформированного пантюркизма, США с помощью турок внедряются в Азербайджан и Среднюю Азию. Этим, очевидно, и объясняется, почему Пентагон и Государственный департамент не желают отступать от позиций, занятых в период «холодной войны».

Политика американской администрации в армяно-турецком споре в настоящее время определяется нефтяной дипломатией, стремлением «дожать» Россию и занять ее место в Центральной Азии, ориентацией на поддержку претензий Турции на роль региональной державы на Ближнем и Среднем Востоке как союзницы США.

В противоположном направлении действуют импульсы скорее морально-политического и правового характера — поддержание имиджа державы, выступающей в роли гаранта прав человека в мире, поборника права и справедливости в международных отношениях. Немаловажное значение имеет и ангажированность США в Армянском вопросе, поддерживаемая растущей и усиливающейся армянской диаспорой этой страны. Более чем миллионная армянская община США, образовавшаяся в результате бегства турецких армян и пополнившаяся беженцами из Азербайджана, добивается реализации обязательств, принятых этой страной в отношении прав армянского народа как жертвы геноцида.

Действие этих факторов проявляется прежде всего в неизменной поддержке дела армян законодательной ветвью власти, более адекватно выражающей подлинное отношение населения страны к геноциду армян. Американцы не могут не сознавать, что отказ администрации США от недвусмысленного осуждения геноцида армян, ее солидарность с приверженцами политики геноцида наносит колоссальный урон престижу их страны, всей западной цивилизации. Срывая принятие Конгрессом США резолюции с осуждением этого преступления, Администрация США ставит под сомнение основные права человека, право народов на жизнь, веру в незыблемость норм международного права, в сохранение элементарной человеческой морали и торжество справедливости.

Хотя исполнительной власти США, применяющей грубое политическое давление на представительный орган страны, до сих пор удается блокировать принятие Конгрессом резолюции, осуждающей геноцид армян, американские законодатели ведут настойчивую борьбу за признание факта этого преступления.

В целом же внешнеполитический курс Администрации США в Армянском вопросе в настоящее время формируется под влиянием действующих в противоположных направлениях векторов при доминировании протурецкого фактора.

Есть все основания надеяться, что рано или поздно США вновь проявят себя приверженцами права и справедливости в Армянском вопросе. В пользу этого

говорит следующее: не соглашаясь с позицией Государственного департамента, Пентагона и самого президента, 38 штатов из 50 уже признали факт совершения геноцида армян.

11. Американская разновидность признания без наступления ответственности

В Государственном департаменте США, конечно, понимают, что долго удерживаться на проталкиваемой им позиции непризнания геноцида армян невозможно. В этой стране возможности манипулировать общественным мнением весьма ограничены. Конгресс, подлинно отражающий традиционное отношение народа к этому преступлению, все равно добьется успеха. Исполнительная власть не может не видеть, что ее антигуманистическая и противоправная политическая линия в Армянском вопросе наносит серьезный ущерб авторитету страны, выступающей с мессианской идеей борьбы за торжество права и справедливости во всем мире.

В этом отношении весьма показательны высказывание Государственного секретаря Колина Пауэлла. Пытаясь предотвратить принятие штатом Мэриленд закона о признании геноцида армян, он аргументировал свой демарш тем, будто принятие такого закона может подорвать усилия по улучшению турецко-армянских отношений. В то же время Государственный секретарь в своем письме от 9 марта 2001 г. заявил, что «международное сообщество обязано признать это историческое событие и обеспечить, чтобы оно не повторилось. Несмотря на наши самые добрые намерения, законодательство не лучший способ для осуществления этого»¹.

Можно, видимо, утверждать, что курс на «компромиссное» урегулирование армяно-турецкого спора стал одним из основных элементов политики администрации США в регионе. Достижение «компромисса» в этом принципиальном вопросе, разделяющем Армению и Турцию и во многом определяющем их отношения с другими государствами, отвечает политическим интересам США в ближневосточном регионе и в более широком плане — их глобальным интересам и амбициям.

За политическими манипуляциями вокруг Армянского вопроса, за настойчивыми попытками принудить руководителей Армении отказаться от защиты законных прав и жизненных интересов своего народа и государства прослеживается политическая цель: снять препятствия для политической гегемонии Турции на всем Южном Кавказе, с тем чтобы в дальнейшем осуществить полную реализацию политической программы пантюркизма за счет России, Ирана, Китая и других стран.

Понимая, что рано или поздно ему придется отказаться от своей политики отрицания геноцида армян, Государственный департамент США уже сейчас готовит запасной вариант «компромиссного» решения, которое он мог бы навязать и Турции и Армении.

Что собой представляет это решение, можно судить по итогам работы спонсированной им так называемой Турецко-армянской комиссии по примирению

¹ The Associated Press State and Local Wire. March 18, 2001.

(ТАКП). Эти итоги заслуживают серьезного изучения именно потому, что отражают настроения, господствующие в Государственном департаменте и, следовательно, во всей исполнительной власти США.

Нью-йоркский Международный центр справедливости переходного периода пригласил анонимных юрисконсультов для ответа на вопрос турецких и армянских членов Турецко-армянской комиссии по примирению о применимости Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него к «событиям прошлого в Восточной Анатолии» (эвфемизм, применяемый для обозначения геноцида армян в армянских вилайетах Османской империи). Юрисконсульты попытались обосновать политически востребованный вывод о признании геноцида армян без наступления соответствующей международно-правовой ответственности. Они стремились достичь этого результата без обращения к ложному стереотипу «геноцида 1915 года», более изощренным в юридическом отношении способом. Указав, что эти события могут квалифицироваться как геноцид в том смысле, в котором этот термин применяется в Конвенции, анонимные юрисконсульты в своем меморандуме свели значение своего признания к возможности ссылаться на геноцид армян как на «исторический факт», не влекущий международно-правовых последствий. Они исключили возможность возникновения ответственности Турции и турок за геноцид на основании Конвенции, мотивируя это тем, что она была принята в 1948 г. и вступила в силу в 1951 г., а потому не имеет ретроактивной (обратной) силы в отношении «событий», которые происходили до этой даты. При этом юрисконсульты вынесли за скобки не рассмотренную ими возможность возникновения ответственности за геноцид армян по международному праву помимо самой Конвенции.

Авторы заключения допускают, что геноцид («убийство народа») был признан преступлением по международному праву уже до принятия Конвенции. Действительно, Конвенция не «изобрела» преступление геноцида, а лишь реагировала на преступление такого рода. Инициатор принятия такой специальной Конвенции д-р Рафаэль Лемкин (Лемке) прямо указывал, что при создании документа, вводя в оборот термин «геноцид», он имел в виду и геноцид армян в Османской Турции, и геноцид евреев в оккупированных странах Европы¹.

Несостоятельность этой разновидности отрицания ответственности за геноцид армян определяется не только тем, что Конвенция по своему происхождению представляет кодификацию обычных норм международного права, действовавших в то время, когда совершалось физическое уничтожение армян как национальной группы, но и тем, что она по своему содержанию и по своим целям относится к той категории международных договоров, которые могут иметь обратную силу.

Международным правом подтверждено, как отмечалось выше, что геноцид, являясь преступлением против человечности, не имеет срока давности. Любое преступление геноцида, независимо от времени совершения, подпадает под действие международного права в смысле возникновения политической ответственности государства и уголовной ответственности физических лиц, его совершивших.

Есть и другой аспект вопроса о применимости Конвенции к геноциду армян, связанный со временем совершения этого преступления. Физическое уничтожение армян завершилось в 1923 г. Но это не означает, что подведена правовая чер-

та: этого не сделано из-за обструкции самой Турцией. До тех пор, пока факт совершения геноцида не признан и его последствия не ликвидированы, действие этого преступления продолжается и оно не может быть списано в разряд «событий пошлого».

Геноцид армян в юридическом смысле продолжается и по сей день, и, следовательно, к нему в полной мере применимы все действующие международно-правовые инструменты, включая и Конвенцию.

12. Последователи обструкционистской политики

Особое место США в мире как единственной сверхдержавы не может не отражаться на позиции государств, находящихся в ее политической орбите. В силу своего положения в мире США задают общий тон в подходе к Армянскому вопросу.

Как и в других вопросах международной политики, за США следует Великобритания — страна, которая на государственном уровне, в лице своих высших руководителей — Гладстона, Ллойд Джорджа, Асквита, Керзона, Черчилля и многих других однозначно и безоговорочно официально признала факт совершения турецким государством «преступления против человечности» — «убийства целого народа».

Сегодня, проявляя политический оппортунизм, правительство Великобритании, так же как и Администрация США, воздерживается от подтверждения позиции, которую оно занимало в то время, когда совершалось это преступление.

Дело дошло до того, что британский посол в Республике Армения г-жа Т. Эббот-Уайт публично позволила себе выступить в Ереване с провокационным заявлением, отрицающим факт геноцида армян. Такое поведение не только аморально, но и подпадает под соответствующую правовую характеристику. Отрицание ранее признанного международным сообществом факта геноцида прямо и недвусмысленно квалифицируется Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него как пособничество геноциду.

Совсем уже чудовищно воспринимается и тот факт, что по пути, указанному Вашингтоном, идет Израиль — государство, созданное народом, ставшим жертвой геноцида фашистской Германии именно потому, что геноцид армян оказался ненаказанным.

Хотелось бы отметить, что заявления некоторых представителей государства Израиль о том, что случившееся с армянами не геноцид, а трагедия, наносят ущерб самим же евреям: с таким же «основанием» можно сказать, что происшедшее с евреями — не геноцид, а трагедия, поскольку международно-правовая основа осуждения геноцида армян и геноцида евреев одна и та же.

Позиция правительства Израиля тем более необъяснима, так как сами евреи являются объектом отрицания совершенного против них преступления в еще большей мере, чем армяне, и им приходится защищаться от подобного рода утверждений при помощи национальных законов — своих и дружественных государств.

Несмотря на меняющиеся политические условия, в протурецкой позиции Израиля прослеживается определенная преемственность. Еще отцы сионизма, стремясь склонить Абдул Гамида к принятию их пожеланий в отношении подвластной Османской империи Палестины, прилагали немало усилий, чтобы

¹ См. Раздел I (5, 16) Комментария.

умилостивить султана, поддерживая его политику истребления армян. Абдул Гамиду предлагались не только финансовая помощь еврейского капитала, но и поддержка прессы в освещении событий в Западной Армении в благоприятном для турок свете.

13. Пособничество в сокрытии совершенного преступления геноцида — международное преступление

В Разделе V Комментария, относящемся к политической истории геноцида армян, говорилось о попустительстве, пособничестве и соучастии некоторых великих держав в совершении геноцида армян. В данном разделе Комментария дается оценка поведения тех государств и их представителей, которые пытаются скрыть это преступление, не допустить подтверждения его оценки, данной международным сообществом тогда, когда оно совершалось, и тем самым не допустить подведения черты на основе международного права.

Вопрос об отношении к геноциду армян был и остается мерилom чести и нравственности в подходе к международным отношениям, показателем приверженности праву и справедливости.

Отрицание факта геноцида совершившим это преступление государством и по существу, и юридически означает его продолжение. Как с точки зрения международного права квалифицируется отрицание совершенного преступления другими, третьими, государствами?

Пособничество и попустительство, выражающиеся в сокрытии факта осуществления геноцида армян с целью увести геноцидное государство от ответственности, имеет не только моральную оценку, но и международно-правовую квалификацию.

Сознательное сокрытие преступления, выражающееся в отрицании совершенного преступления геноцида, само является преступлением против человечности. Международное право и конкретно Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него предусматривают состав преступления за сокрытие установленного факта совершения такого преступления.

Отрицание геноцида армян, так же как и осуществление этого преступления, возможны только при попустительстве и даже прямом соучастии некоторых великих держав, которое они проявляют в отношении Турции.

В разное время в проведении геноцидной политики туркам оказывали политическую и дипломатическую поддержку Великобритания, кайзеровская Германия, Советская Россия, нацистская Германия, США и некоторые другие страны. Турция и сегодня широко пользуется политико-дипломатической поддержкой некоторых из них.

Выявление политической подоплеки протурецкой политики США, как и других держав в вопросе осуждения геноцида армян, объясняет мотивы их действий, но никак не влияет на международно-правовую и морально-этическую оценку их поведения.

Подобно тому, как мотивы действий Турции не влияют на квалификацию их действий как преступления по международному праву, так и мотивы поведения государств, выступающих в роли пособников или покровителей этого преступления, не оказывают влияния на их международно-правовую оценку.

Отрицание или непризнание факта геноцида практически равнозначно поощрению преступления, его оправданию. Поэтому государства и его представители, которые под различными предлогами и в различных формах воздерживаются от признания совершенного преступления, должны рассматриваться — в зависимости от конкретного случая — как пособники или даже соучастники этого преступления.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него констатировала ответственность государства за совершение геноцида или любого из других перечисленных в ст. III деяний, т.е. заговора с целью совершения геноцида, прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида, покушения на совершение геноцида и соучастия в геноциде.

Если США, к примеру, во время совершения геноцида армян признавали, что речь идет об «убийстве целого народа» как такового, а сегодня отказываются называть это геноцидом, то это не может квалифицироваться иначе, как оправдание совершенного тяжчайшего международного преступления и как пособничество совершению новых преступлений и, следовательно, как нарушение принятых обязательств по Конвенции, а в более широком плане — как нарушение обязанностей по международному праву в политических интересах.

Государства—участники Конвенции приняли обязательство передавать на рассмотрение Международного суда «по требованию любой из сторон» (ст. IX) споры относительно толкования, применения или выполнения Конвенции, включая споры об ответственности государства за совершение геноцида, о заговоре с целью совершения геноцида, о прямом и публичном подстрекательстве к совершению геноцида, о покушении на совершение геноцида и соучастии в геноциде.

14. Подтверждение юридического факта геноцида армян в современных международных условиях

Организаторы геноцида армян просчитались в оценке перспектив развития международных отношений как в краткосрочном плане — в расчете на победу Германии в Первой мировой войне, так и в долгосрочном плане — в отношении развития международного права и международной морали.

Во Второй мировой войне Турция фактически вновь примкнула к Германии, теперь уже нацистской. Только благодаря колоссальным жертвам свободолюбивых народов Германия была разгромлена. Магистральный путь развития человечества пошел по пути, не совместимом с турецкой практикой обращения с поработенными народами и с турецким наследием в международных отношениях — практикой этнических чисток и уничтожения целых народов. Унаследованная гитлеровской Германией турецкая практика создания «жизненного пространства» путем истребления коренных народов была однозначно осуждена. Начался великий процесс освобождения народов, находившихся под колониальным поработением и другими формами иностранного господства.

Наряду с созданием политических предпосылок для осуждения турецко-германской практики уничтожения целых народов укрепилась и международно-правовая основа для процесса подтверждения факта совершения геноцида армян и его осуждения.

Безнаказанность геноцида армян пришла в вопиющее противоречие с нормами международного права: с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, с Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, с непризнанием законности приобретения или удержания территорий с применением силы, а тем более с истреблением их коренного населения.

Поступательное развитие международного права, утверждение новых международно-правовых и моральных ценностей, закрепленных в Нюрнбергских принципах, в вышеуказанных Конвенциях и в целом ряде основополагающих международных актов, еще более явственно обозначили несовместимость беспредела, сотворенного по отношению к армянскому народу, с самими основами международного права и морали. Толерантное отношение к геноциду армян абсолютно несовместимо и с европейскими ценностями, с человеческой моралью, с нормами международного права.

Обратить внимание на последствия геноцида, который турки хотели бы забыть, человечество заставляет и императивы политики. Стало очевидно, что безнаказанность турок за преступление геноцида вступила в непримиримое противоречие с требованиями международного права. Преступление не может создать право — *jus ex injuria non oritur*.

15. Почему человечество заинтересовано в признании и осуждении геноцида армян

Азбучная истина, что безнаказанность одного преступления порождает другие, особенно четко подтверждается на примере геноцида армян — первого крупномасштабного преступления, послужившего образцом для совершения всех последовавших преступлений этого рода. Геноцид армян — непревзойденный в мировой истории пример безнаказанности. Турки и турецкое государство, совершившие преступление, которое вызвало шок у всего человечества, не только не понесли никакого наказания, но были даже, благодаря помощи большевистского правительства советской России, вознаграждены присоединением Карсской области и других территорий бывшей Российской империи, на которых была создана Армянская республика.

То обстоятельство, что это преступление осталось ненаказанным, имело катастрофические последствия не только для армянского народа — жертвы геноцида. Это преступление сказалось и на других народах, так как его безнаказанность поощряла к совершению других подобных преступлений.

Из-за проявленных правительствами других стран непоследовательности и беспринципности в отстаивании прав и интересов армянского народа как жертвы геноцида, безнаказанность этого преступления стоила жизни многим миллионам людей разных национальностей в Европе в годы Второй мировой войны и в последующие годы в разных странах мира. «Успешный» исход геноцида армян, обеспечивший его организаторам реализацию поставленных ими целей, полная безнаказанность стимулировали все последующие акты геноцида.

Сам Гитлер неоднократно говорил, что уверенность в безнаказанности готовившихся им преступлений породил у него именно геноцид армян, столь успеш-

но, как ему казалось, осуществленный до этого турками. Приступая к осуществлению программы создания «жизненного пространства» Третьего рейха путем реализации своих планов уничтожения славянского и еврейского населения, Гитлер использовал турецкий опыт, который он внимательно изучал¹. На встрече с командующими германской армии в Оберзальцбурге 22 августа 1939 г., за несколько дней до вторжения в Польшу, давая распоряжение приступить к «революционной» передвигке границ на Восток, он сказал: «Наша сила в нашей быстроте и жестокости... Я послал на Восток пока только мои части «Мертвая голова» с приказом убивать без сострадания и без пощады всех мужчин, женщин и детей». И чтобы успокоить тех, кто опасался политической ответственности, Гитлер добавил теперь уже широко известную чрезвычайно емкую короткую фразу: «Кто теперь вспоминает об армянах?» Уповая на силу, Гитлер явно рассчитывал на политический оппортунизм политиков, на их короткую «дипломатическую» память.

К последствиям безнаказанности этого преступления — геноцида армян — следует отнести и эскалацию актов геноцида в послевоенном мире, в частности, истребление населения провозглашенной в январе 1970 г. Биафры, взаимное истребление хутту и тутси, резню сербов в Боснии, перманентное физическое уничтожение курдов в Турции и т.п.

Стало очевидно, что безнаказанность геноцида армян и неурегулированность созданной в результате этого ситуации имеет самое прямое отношение к судьбе не только жертв этого преступления, но и всего человечества, всей человеческой цивилизации. Мир понял, что невозможно искоренить геноцид из жизни человеческого общества без реализации ответственности за каждое содеянное преступление, и прежде всего за геноцид армян как наиболее яркого примера безнаказанности этого преступления. Осуждение геноцида армян стало необходимым условием, предпосылкой искоренения этого преступления из жизни человеческого общества.

Это один из факторов, определивших актуальность осуждения геноцида армян в современных международных условиях и сделавших необходимым возобновление международным сообществом постановки вопроса об ответственности Турции за совершенное ею преступление.

Основная цель данного процесса — признание самой Турцией совершенного ею преступления. При всем морально-политическом и международно-правовом значении признания геноцида армян международным сообществом — это, в конечном счете, средство для реализации ответственности государства, совершившего это преступление. Для подведения черты под прошлым и строительства новых отношений с Арменией нынешняя Турецкая Республика должна признать бесспорный факт совершения преступления, как это уже сделала Оттоманская империя, подписав Севрский мирный договор.

Но Турецкая Республика не только довела до конца политику геноцида армян, она также взяла на себя самую трудную и неблагородную задачу — сохра-

¹ Германия в качестве союзницы Турецкой империи в Первой мировой войне была, по существу, соучастницей геноцида армян. Ее военачальники и дипломаты, как свидетельствуют документы, были полностью в курсе совершавшегося преступления — арменоцида. Гитлер общался с непосредственными свидетелями геноцида армян — бывшим германским консулом в Эрзеруме Максом Эрвином Шойбнер-Рихтером, который позже выступал в роли теоретика нацистской партии. Гитлер мог получать информацию и непосредственно от членов германского генштаба — Людендорфа, фон Секта, фон Лоссова, Кресса фон Крессенштейна и других деятелей кайзеровской Германии.

нить последствия преступления, сорвать реализацию установленной мировым сообществом международной ответственности турецкого государства за совершенное преступление. Взяв на себя выполнение этой задачи, Турецкая Республика переняла от младотурецкого правительства Османской империи и основное средство ее выполнения — отрицание факта геноцида армян. Признание и осуждение геноцида армян самой Турцией имеет огромное значение как в международно-правовом плане, так и в первую очередь для будущих отношений между двумя странами. Это не только элементарное требование права и справедливости. Это необходимо и по соображениям чистой политики: если мы не хотим, чтобы геноцид повторился, он должен быть осужден прежде всего самой Турцией. Исключить возможность повторения геноцида армян турками с помощью полумер, политики умиротворения невозможно. Единственный путь к этому — четкое и однозначное осуждение преступления и ликвидация его последствий в соответствии с нормами международного права. Если Турция не делает этого, значит она резервирует за собой право повторить геноцид. Именно этим объясняется необходимость признания геноцида Турцией.

Отрицать факт совершения геноцида бессмысленно. Поэтому было бы правильнее для Турции и ее народа найти в себе силы признать содеянное преступление и начать строить новые отношения с Арменией. С таким грузом прошлого нельзя жить дальше. Нельзя двум странам вечно враждовать. Признание Турцией факта геноцида отвечает интересам не только двух стран — Армении и Турции, но и всего региона и всего мира.

В современных политических условиях речь должна идти о поиске таких развязок, таких путей выхода из сложившейся ситуации, которые учитывали бы существующие этнические и геополитические реалии и в то же время максимально смягчали бы последствия геноцида и исключили возможность его повторения.

Поэтому подтверждение факта геноцида армян международным сообществом (прежде всего такими государствами, как США, Великобритания, Россия, Франция, Германия и др.) имеет большое значение не только как проявление справедливости к армянскому народу, но и для обеспечения его безопасности, для того, чтобы подобное не повторялось в будущем.

Все разговоры о приверженности делу защиты прав человека, о приверженности миропорядку, основанному на международном праве, будут фальшью, если ради сиюминутных политических, экономических и каких бы то ни было иных выгод будет замалчиваться, а тем более искажаться историческая правда о геноциде армян, если наследникам палачей целого народа будут оказывать политическую и иную поддержку.

Учитывая, что геноцид армян был осуществлен с целью реализации пантюркистской программы территориальной экспансии, можно утверждать, что непризнание этого преступления представляет угрозу безопасности не только Армении, но и тех государств, которые были и (в определенной мере) остаются объектом пантюркистской территориальной экспансии.

Без осуждения этого преступления против человечности и человечества нельзя говорить о праве и справедливости, о международной законности.

16. Подтверждение геноцида необходимо для строительства новых отношений

Рецидивы геноцида свидетельствуют о том, что подтверждение ответственности за геноцид армян необходимо не столько для оценки прошлого и настоящего, сколько для строительства новых отношений, гарантированных от повторения геноцидных акций. Они имели место в Турецкой Республике в 1930 и 1946 гг., в Сумгаите — в 1988 г. и впоследствии на всей территории Азербайджанской ССР, когда прокатилась волна погромов и убийств армян.

То обстоятельство, что последние события имели место на территории, подвластной Азербайджану, сути дела не меняет: Азербайджан всегда был и остается союзником Турции и соучастником геноцида армян. Это отношение к геноциду армян проявляется и сегодня в том рвении, с которым он защищает организаторов этого преступления.

На каждый акт признания геноцида армян в мире азербайджанские власти откликаются согласованными с Турцией протестами. Так, в связи с признанием геноцида армян парламентом Швейцарии 16 декабря 2003 г. меджлис Азербайджана одновременно с турецким парламентом заявил 23 декабря 2003 г. «решительный протест» против того, что швейцарский парламент «незаконно присвоил себе роль судьи» и «вмешался во внутренние дела другого государства».

Один из расхожих аргументов турецкой и азербайджанской сторон сводится к лживому утверждению, будто требование признания «не способствует нормализации отношений» Армении с Турцией и Азербайджаном. Этот тезис выдвигается и теми, кто под видом «благожелательности» пытается не допустить признания геноцида армян.

На самом деле требование о приведении отношений между этими государствами в соответствие с нормами международного права не может рассматриваться как враждебный акт для тех, кто готов строить свои отношения с другими государствами и народами на основе соблюдения международного правопорядка. Признание и реализация ответственности за геноцид — императив морали и права.

Неприемлемо утверждение, будто требование признания ухудшают отношения между Турцией и Арменией и что их нормализация связана с отказом от постановки этого вопроса. Напротив, только признание открывает возможность установления подлинно добрососедских отношений. С другой стороны, перспектива развития таких отношений, а тем более их реальное осуществление позволят найти практические решения по ликвидации последствий геноцида, но только при условии честного и открытого его признания.

Подтверждение ответственности Турции как государства и турок как физических лиц необходимо для подведения цивилизованной черты под прошлым, для урегулирования на основе международного права отношений между жертвой этого преступления и государством, совершившим его, для строительства новых отношений между Турцией и Арменией, между турецким и армянским народами, для обеспечения необратимости отношений, свободных от угрозы геноцида, для исключения ее рецидивов.

Основу политической ответственности государства, совершившего геноцид, составляют меры, направленные не только на пресечение геноцида и устранение последствий совершенного уже преступления, но и на его предотвращение в будущем.

Обеспечение безопасности народа, ставшего жертвой геноцида, — одна из основных функций ответственности за это преступление по международному праву. Только с признанием и осуждением нынешней Турцией совершенного преступления армянский народ может обрести уверенность в том, что эта политика не даст рецидива.

Армянский народ не может не считаться с тем, что общая политика Турции и Азербайджана в отношении армян имеет глубокие корни на уровне подсознания и стойкие политические стимулы.

Вопрос об обеспечении безопасности существования армянского народа уже на первой стадии (частичного) геноцида в 1876—1914 гг. был основной целью международного сообщества. Но попытки обезопасить армян путем реформ и гуманитарной интервенции при сохранении территориальной целостности Оттоманской империи не имели успеха. Их провал привел все международное сообщество к выводу о необходимости принятия радикального решения. Именно поэтому отделение Армении от турецкого государства мировое сообщество избрало не только как международно-правовую санкцию за совершенное им преступление против человечности, но и как меру, необходимую для ликвидации последствий совершенного преступления и для защиты армянского народа от новых актов геноцида.

Две военные интервенции турок, предпринятые в 1918 г. младотурецким правительством Оттоманской империи, а потом и кемалистской Турцией в 1920 г. при участии советского Азербайджана и советской России, еще раз показали, как остро стоят вопросы обеспечения безопасности.

О сохраняющейся опасности возобновления политики геноцида в отношении армянского народа говорят погромы и убийства, которые имели место в Сумгаите и других городах и населенных пунктах Азербайджана, массовое изгнание армянского населения со всей территории Азербайджанской ССР и новая истребительная война, которую вел Азербайджан при военно-политической поддержке Турции. Поддержка Турцией захватнической войны колониального типа, которую Азербайджан вновь развязал против армянского народа Нагорного Карабаха, подтвердила наличие преемственности современной политики Турции не только в отношении Нагорного Карабаха, но и армянского народа в целом.

В нарушение Устава ООН и норм международного права Турция, присвоив себе права Совета Безопасности, стала осуществлять блокаду государства, которое не совершило против нее никаких враждебных действий. Как и в 1918—1920 гг., Турция предоставляла Азербайджану военную помощь оружием и инструкторами.

Именно стремление к реализации пантюркистской программы территориальной экспансии было одним из основных мотивов ликвидации армянского этнического клина между Турцией и Азербайджаном. Хотя сегодня пантюркистская идея, ввиду роста самосознания тюркских народов, претерпела существенные изменения, этот фактор не может не учитываться при решении вопроса о безопасности армянского народа.

Одни и те же по существу экспансионистские пантюркистские цели предопределили отношение Турции и к вопросу о статусе армянского Нагорного Карабаха, и к вопросу о признании геноцида армян.

Об этой опасности напоминает и раздел Кипра, который сопровождался этнической чисткой оккупированной его части, а также геноцид в отношении кур-

дов. Наконец, эта опасность подтверждается самим фактом нежелания Турецкой Республики раскаяться, подвести черту под прошлым. Все это указывает на то, что признание Турцией совершенного преступления — единственная гарантия того, что не будет его рецидива. Признание Турцией факта совершения геноцида армян необходимо, чтобы исключить повторения прошлого.

17. Динамика повторных признаний геноцида армян

Несмотря на политические препятствия, несмотря на противодействие Турции, набирает силу процесс повторного признания, а точнее подтверждения государствами факта геноцида армян. Спустя десятилетия высшие представительные органы различных стран мира один за другим принимают решения, которыми вновь осуждается геноцид армян.

В одних случаях подтверждение идет от государств, которые признали этот юридический факт уже тогда, когда преступление совершалось, в других — о первичных признаниях вновь возникшими государствами.

Возрастающий интерес мирового сообщества к армянской проблеме подтверждается динамикой процесса признаний. Укажем, в частности, на принятие соответствующих официальных актов рядом государств: Декрет Сената и Палаты представителей Уругвая от 20 апреля 1965 г.; Резолюция Палаты представителей Кипра от 25 апреля 1982 г.; Резолюция Сената Аргентины от 5 мая 1993 г.; Заявление Государственной думы Российской Федерации от 14 апреля 1995 г.; Резолюция Парламента Греции от 25 апреля 1996 г. и Декрет Президента Греции от 10 июля 1996 г.; Резолюция Сената Бельгии от 26 марта 1998 г.; Резолюция Палаты депутатов Ливана от 11 мая 2000 г.; Закон Национального собрания Франции от 29 января 2001 г.; Резолюция Сената Канады от 13 июня 2002 г.; Резолюция Национального совета Швейцарской конфедерации от 16 декабря 2003 г.; Резолюция Палаты общин Парламента Канады от 21 апреля 2004 г.; Постановление Национального Совета (Парламента) Словацкой Республики от 30 ноября 2004 г.

С заявлениями о совершении геноцида армян выступили также ряд государственных деятелей — Президенты России Б. Ельцин и В. Путин, Премьер-министр России М. Касьянов, Президент Польши А. Квасьневский, Председатель Парламентской Ассамблеи НАТО Р. Эстрелла и др. Геноцид армян осудил и глава Католической церкви Папа Римский Иоанн Павел II.

Документы о новых актах признания, поступившие уже после подписания в печать первой части второго тома Сборника, публикуются в Дополнении, включенном во вторую часть этого тома.

Прежде всего это принятие 20 августа 2003 г. Сенатом Аргентины резолюции, в которой выражается глубокая печаль Аргентинской Республики по поводу того, что 1,5 млн армян стали жертвами геноцида, совершенного турецким правительством в 1915—1923 гг., и осуждаются преступления против человечности, которые остались безнаказанными. Резолюция завершается весьма значимым утверждением, что «безнаказанные преступления против человечности остаются препятствием к мирному урегулированию конфликтов»¹.

¹ Дополнение. Док. № 5.

Приводятся также выступления членов Национального совета Швейцарии и Палаты общин Парламента Канады в ходе обсуждения и утверждения резолюций, признающих геноцид армян в Турции, и другие документы¹.

21 апреля 2004 г. Палата общин Парламента Канады признала факт совершения геноцида армян и осудила это деяние как «преступление против человечности»².

В акте признания геноцида армян Национальным Советом (Парламентом) Словацкой Республики отмечается, что из 2 млн армян в Османской империи погибло более, чем 1,5 млн. Особо отмечается, что массовые убийства, депортации и жестокое обращение с армянами в период 1920—1923 гг. осуществлялись турецкими националистами³.

Вторая палата Генеральных штатов (Парламента) Королевства Нидерландов приняла 21 декабря 2004 г. резолюцию, которая, исходя из того, что членство Турции в Европейском союзе предполагает «честное признание своей собственной истории», просила Правительство Нидерландов «в рамках своего диалога с Турцией постоянно и настоятельно поднимать вопрос о признании геноцида армян»⁴.

19 апреля 2005 г. Сейм Республики Польша принял постановление, в котором он «читит память жертв геноцида, совершенного против армянского населения в Турции во время Первой мировой войны». Сейм указал, что осуждение этого преступления является «моральной обязанностью всего человечества, всех государств и всех людей доброй воли»⁵.

В борьбе за признание геноцида армян международным сообществом особое значение имеет последний по времени принятия акт — постановление Бундестага от 16 июня 2005 г.⁶ Прохождение этого акта в Германии встречало немалое противодействие, в частности, по той причине, что кайзеровская Германия оказывала полную политическую поддержку султану, а потом и младотурецкому правительству, осуществлявшему геноцид армян. Преемственно эту линию проводила и нацистская Германия. В целом Германия, по существу, выступала в качестве не только пособника, но даже соучастника этого преступления. В итоге появился документ, который содержит фактическое описание преступления и осуждает политику истребления и резни армян, но воздерживается от применения самого термина. Чрезвычайно важно то, что Бундестаг извинился за роль, которую сыграла Германия, воздержавшись по политическим мотивам от пресечения этого преступления.

Дипломатическое оформление этого акта фактического признания совершенного преступления не умаляет ни его смысла, ни его политического значения. Даже полупризнание геноцида армян современной Германией — акт политического мужества, сопоставимый в какой-то мере с предшествовавшим этому акту раскаяния за геноцид евреев. Этот акт подтверждает, что Германия решительно порывает с прошлым и становится на путь возрождения великой державы как поборницы права и справедливости.

Набирающий силу процесс повторных и первичных признаний юридического факта геноцида армян показывает, что подтверждение международным

сообществом ответственности Турции за совершенное преступление неотвратимо.

18. Особое значение позиции новой России

На признании геноцида армян новой Россией следует остановиться особо, поскольку в период «холодной войны» именно соперничество между двумя сверхдержавами — США и СССР — определяло их отношение к геноциду армян, равно как и отношение возглавлявшихся ими двух лагерей, на которые был расколот мир.

Условия для возвращения к традиционной для России гуманистической позиции в Армянском вопросе возникли только после распада СССР и возрождения новой, демократической российской государственности. Россия совершила коренной поворот от советской политики потворствования геноциду армян к принципиальной оценке с позиций права и справедливости.

Особо следует указать, что у истоков новой политики России в отношении Армении стояли академик Сахаров, Елена Боннер, представители российской интеллигенции, объединенные в организацию КРИК.

Их усилия увенчались единогласным принятием Государственной думой Российской Федерации 14 апреля 1995 г. Заявления «Об осуждении геноцида армянского народа в 1915—1922 гг.». В этом документе указывалось, что Государственная дума Федерального собрания РФ, «основываясь на неопровержимых исторических фактах, свидетельствующих об истреблении армян на территории Западной Армении в 1915—1922 гг.», и, следуя духу и букве Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, «осуждает организаторов уничтожения армян в 1915—1922 гг.». Этим заявлением высший законодательный орган страны возродил гуманистические традиции российского государства.

Возврат России к честной и принципиальной оценке геноцида, соответствующей требованиям международного права и международной морали, подчеркивает противоправность и аморальность позиции тех государств, которые все еще придерживаются взглядов, сформировавшихся под воздействием «холодной войны».

22 апреля 2005 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ, приняв Заявление о 90-летию геноцида армянского народа, подтвердила свою принципиальную оценку этих событий, изложенную в развернутом виде. В Заявлении «Об осуждении геноцида армянского народа в 1915—1922 гг.» Государственная Дума вновь подтвердила, что «полностью осуждает этот акт геноцида»¹.

19. Резолюция Европарламента: трудный путь к правде

Решение Европарламента о признании геноцида армян представляет особый интерес ввиду интернационального характера и европейского масштаба, выраженного в нем отношения к признанию геноцида армян².

¹ Дополнение. Док. № 16.

² Док. № 1370.

¹ Дополнение. Док. № 7, 8.

² Дополнение. Док. № 10, 11.

³ Дополнение. Док. № 13.

⁴ Дополнение. Док. № 14.

⁵ Дополнение. Док. № 15.

⁶ Дополнение. Док. № 17.

Европа должна была недвусмысленно подтвердить свое осуждение этого преступления против человечности, чтобы смыть с себя позор за беспринципность, а в некоторых случаях пособничество и даже прямое соучастие некоторых европейских держав в этом преступлении. Это диктовалось не только требованиями морали, но и международными обязательствами этих государств.

Политический эгоизм перекрыл путь к правде во многих европейских странах. Правительства одних из них (Германия, Австрия) находились в союзнических отношениях с турецким государством в те годы, когда оно совершило это преступление. Правительства других (Англия, Франция), официально квалифицировав действия Турции как преступление против человечности и обещав миру устранить его последствия, в дальнейшем по политическим соображениям, в которых антисоветизм занимал центральное место, позорно отступили от своих международных обязательств.

Брешь, пробитая теперь в Европейском парламенте, — знаменательное явление. Это символ неотвратимого стремления народов к правде. Только в контексте этого всемирного движения можно понять и правильно оценить решение, принятое Европарламентом по Армянскому вопросу.

Началось все с инициатив отдельных групп парламентариев. На протяжении многих лет шло их обсуждение. Еще в 1981 г. двадцать членов Европарламента — Жаке, Николас и др. — предложили принять резолюцию о положении армянского народа¹. В этой резолюции парламентарии указывали на вековой гнет, от которого страдал армянский народ, и отмечали, что «со времени геноцида периода Первой мировой войны он все еще испытывает различные формы угнетения в некоторых государствах, и особенно от турецкого правительства». В проекте содержалось требование к турецкому правительству прекратить практику нарушения прав человека.

В 1983 г. Дюпорт и Глинн от имени социалистической фракции внесли предложение принять резолюцию о политическом решении Армянского вопроса². Давая оценку отказу турецкого правительства признать геноцид армян как посягательство на историческую действительность, этот проект резолюции Европарламента содержал призыв к Совету министров Европейских сообществ: а) заявить о признании геноцида армян; б) добиться признания турецким правительством исторического факта геноцида 1915 года; в) убедить правительство Турции в том, что «справедливое и прочное решение турецко-армянской проблемы может быть найдено только путем установления политического диалога» и д) добиться «идентичной декларации» от ООН.

В попытке найти более короткий путь французские социалисты 10 мая 1984 г. внесли письменный запрос о возможности признания геноцида армян непосредственно государствами-членами путем издания совместной декларации по предложению Председателя Совета Европейских сообществ. Необходимость такого признания мотивировалась не только правом армянского народа на свою историю, но и правами всех народов. В своем «дипломатическом» ответе, последовавшем 11 июля 1984 г., Министры иностранных дел десяти государств уклонились от прямого признания геноцида, ограничившись заявлением, что «траги-

ческие события, жертвами которых стали многие армяне во время Первой мировой войны в 1915 и 1916 гг., бесспорны». Не отрицая факта геноцида, Министры иностранных дел вместе с тем и не признавали его¹. На этой фарисейской посылке основывалось лишенное конкретного смысла заявление, что «десять держав поощряют уважение основных свобод и прав человека, включая основные свободы и права меньшинств».

23 октября 1984 г. четыре члена Европейского парламента Саби и другие внесли от имени социалистической группы предложение о принятии «резолюции о политическом решении Армянского вопроса»². Проект содержал призыв к Совету министров ЕЭС: а) признать и тем самым утвердить историческую правду о геноциде 1915 года; б) добиться признания этого геноцида правительствами стран, имеющих к этому отношение; в) убедить турецкое правительство в необходимости приступить к политическому диалогу для нахождения прочного и справедливого решения турецко-армянской проблемы; г) добиться признания геноцида армян Организацией Объединенных Наций.

Затем, 13 июня 1985 г., член Парламента Колокотронис внес предложение «по Армянскому вопросу и объявлению 24 апреля Днем геноцида армян»³. По этому проекту резолюции Европейский парламент, ссылаясь на то, что «турецкое правительство отрицает геноцид армян 1915 года и замалчивает правду об истории армян в попытке лишить армянский народ своей истории», и «выражая солидарность с армянским народом и заявляя о настоятельной необходимости полного восстановления исторических прав в настоящем и в будущем, должен был осудить тот факт, что турецкое правительство не нашло справедливого и прочного решения турецко-армянского вопроса, которого можно достичь только путем политического диалога». Проект содержал призыв Парламента к Министрам иностранных дел в рамках политического сотрудничества выступить с представлениями турецкому правительству, с тем, чтобы оно признало исторический факт геноцида. Европейскому парламенту предлагалось обратиться к национальным парламентам государств-членов Сообщества «с просьбой признать геноцид армян» и объявить 24 апреля «постоянным Днем памяти геноцида армян и днем действия против геноцида». Европейскому парламенту надлежало обратиться в ООН. Председателю Парламента поручалось передать текст резолюции Организации Объединенных Наций, правительствам, национальным парламентам и Министрам иностранных дел государств-членов Сообщества и правительству Турции.

Согласно проекту резолюции, Парламент запросил мнение Комиссии по политическим делам. 26 ноября 1984 г. Комиссия приняла решение подготовить доклад о политическом решении Армянского вопроса, а в качестве докладчика назначила 20 декабря 1984 г. бельгийца Жака Вандемюльбрука, известного своей беспристрастностью специалиста по проблемам национальных меньшинств.

Турецкая дипломатия предприняла попытку добиться назначения в качестве докладчика протурецкого члена Комиссии, а после назначения Ж. Вандемюльбрука пыталась вступить с ним в неофициальный контакт с целью воздействия⁴.

¹ Док. Европарламента 1-782/81.

² Док. 1-735/83.

¹ Written question № 227/84.

² Док. 2-737/84.

³ Док. В2—360/85.

⁴ Об интервью Ж. Вандемюльбрука французской армянской газете см.: «Зартонк», 27 апреля 1985 г.

К выполнению своей задачи докладчик отнесся со всей добросовестностью и объективностью. Готовя доклад, он прочитал 60 000 страниц источников. Изучая позиции сторон, имел встречи с армянами и с турками, участвовавшими в коллоквиумах, сохраняя при этом, по его же словам, «полный нейтралитет».

Комиссия по политическим делам рассмотрела проект доклада на заседаниях 25 сентября 1985 г., 22 января 1986 г., 19 марта 1986 г. и 26 июня 1986 г. Противники принятия доклада попытались остановить его рассмотрение, ссылаясь на правила процедуры, но их процедурное возражение было отклонено решением расширенного Бюро Европейского парламента от 27 ноября 1986 г., а 25 февраля 1987 г. проект доклада был принят поименным голосованием: за проголосовало 25, против — 23, воздержалось — 2. 15 апреля он был представлен Парламенту вместе с проектом резолюции¹.

Уже сам итог голосования свидетельствует, что принятию доклада предшествовала острая борьба. В ходе обсуждения в Комиссии по политическим делам предложенной докладчиком версии ее члены незначительным большинством отклонили предложение призвать Министров иностранных дел в рамках политического сотрудничества признать исторические события 1915 года как геноцид, совершенный против армянского народа. Эти члены Комиссии из числа консерваторов придерживались той точки зрения, что термин «геноцид» не подходит для описания этих событий, хотя и сожалели «о трагедии, которая имела место, и несправедливости, совершенной в отношении армянского народа». Утверждали, что принятие Европейским парламентом какого-либо заявления по этому вопросу затронет «исторические вопросы», а Парламент, по их мнению, «не обладает практикой подготовки исторических исследований».

С другой стороны, «учитывая нынешний политический интерес к Армянскому вопросу», большинство членов Комиссии согласилось с тем, что спор относительно того, был ли совершен геноцид армянского народа, должен быть ориентирован на позитивный призыв к примирению между армянами и турками. С этой целью Комиссия предложила, чтобы право армян и других меньшинств в Турции на свое культурное, религиозное и социальное развитие было гарантировано. В качестве основы сослались на оставшиеся мертвой буквой куцые положения Лозаннского договора 1923 г. Комиссия согласилась «специально заявить, что турецкие власти должны обеспечить лучшую защиту армянского религиозного архитектурного наследия». Комиссия настояла также на уделении большего внимания «сохранению и восстановлению армянской культуры, как это предусмотрено соглашением об ассоциации ЕЭС—Турция».

Это была попытка замаскировать очередное предательство интересов армянского народа. В свете дискуссии, развернувшейся в Политическом комитете, докладчику пришлось внести изменения в свой проект резолюции, что сделало его половинчатым и непоследовательным. Тем не менее в целом доклад Комиссии по политическим делам Европейскому парламенту представляет собой интересный, хотя и не однозначный, документ и поэтому требует специального рассмотрения. Он начинается с констатации, что «спустя 70 лет после драматических со-

бытий, касавшихся армян, Армянский вопрос все еще актуален». Подготовка доклада представлена как «попытка понять обе позиции».

История периода предгеноцида изложена в докладе с чисто турецких позиций. Утверждается, что армяне, как и другие христианские народы, могли развиваться «относительно спокойно» и даже «свободно» в качестве «нации» в обмен за уплату налогов. Проводится линия, что Россия начиная с XVII в. стремилась к захватам, используя «христианские меньшинства» в качестве пешек. Полностью отсутствуют указания на политику геноцида, проводившуюся с 1876 г. султаном Абдул Гамидом, а с 1908 г. — младотурками. Напротив, дается идилическая картина по турецким источникам. Правление Абдул Гаида было, оказывается, лишь «менее выгодным для армян», а при младотурках Талаат, Энвер и Джемал ходили в армянские церкви, а армяне ходили в мечети молиться за турок. Все должны были пользоваться равными правами, и армяне имели членов парламента, служили в армии и занимали государственные должности.

Автор доклада непостижимым образом избежал должной оценки действий турецкого государства (именно государства, ибо речь шла о самом султани, правительстве, армии, полиции, и т. д.) как геноцида в период с 1876 по 1914 г. Это тем более странно, что в разделе, посвященном международному аспекту Армянского вопроса, рассматривается международно-правовая основа гуманитарной интервенции с целью обеспечения безопасности армянского населения. Автор не мог не знать, чем были вызваны усилия «концерта» великих держав, стремившихся на протяжении 40 лет пресечь или предотвратить новые акты геноцида. Тем не менее в представленном документе нет ни слова о том, что только в 1895—1896 гг. под руководством правительства было убито 300 тыс. армян. События эти квалифицируются по турецкому источнику — изданному Турецким историческим обществом «Армянскому досье» К. Гюрюна — как «исключительно жестокая турецкая репрессия». Что же касается резни армян в Киликии в 1909 г., организованной правительством младотурок, то о них есть лишь глухое дезинформирующее упоминание как об «армяно-турецком бунте в Адане» (?!). Ничего не сказано, что в результате политики государственного терроризма, выражавшейся в систематических повсеместных убийствах армян при полной безнаказанности преступников и насильственной пауперизации армянского крестьянства, были преднамеренно вызваны массовое бегство и эмиграция армян со своей родины еще до 1915 г., что это являлось составной частью плана уничтожения всей армянской национальной группы.

Можно было бы ограничиться замечанием, что автор доклада оказался под воздействием складывающегося стереотипа «геноцида 1915 года», если бы игнорируемые бесспорные факты не имели прямого отношения к оценке последовавших событий 1915—1923 гг. как преемственной линии государства на физическое уничтожение армянского народа, проводившейся всеми турецкими правительствами вплоть до заключительных актов массовой резни армян в Киликии в 1920 г. и в Смирне в 1922 г.

Можно было бы привести и другие примеры искаженного представления фактов. Говорится, например, о турецком национализме как одной из предпосылок геноцида армян, но дается только внутренний его аспект и в то же время обходится его внешнеполитическая сторона — пантюкистские планы экспансии в Азербайджан, на Кавказ, в Среднюю Азию. Из доклада не видно, что Турция, стремясь расширить свои владения за счет России, активно стремилась к войне,

¹ Док. № 1366; Report drawn up on behalf of the Political affairs Committee on a political solution to the Armenian question // European Communities. European Parliament. Session documents 1987—88, 15 April 1987, Series A. Document A 2-33/87. Part B+Part C.

заклучив тайный оборонительно-наступательный договор с Германией. Из доклада не видно, что уничтожение армянского клина между Турцией и тюркскими народами, проживавшими в Российской империи, было для нее средством достижения своих экспансионистских целей, а для России сохранение и восстановление этого клина стало средством защиты.

Тем не менее, проявив немалую долю объективности при анализе ключевых событий периода геноцида 1915—1923 гг., докладчик сумел в значительной мере преодолеть последствия такой неполной, а в ряде случаев и исторически неверной оценки фактов с позиций, навязываемых официальной турецкой пропагандой.

Указанные, а также другие недостатки доклада не могут затмить те положительные моменты, которые являются результатом объективного и честного подхода ко многим фактам и которые, надо полагать, потребовали определенной политической смелости и решимости. Ценность основных выводов доклада состоит в том, что они сделаны на основе, можно сказать, явно благожелательного отношения к турецким аргументам, в частности, тем, которые изложены в «официально санкционированной турецкой версии истории по Гюрюну»¹.

Поскольку один из основных турецких аргументов, используемых для отрицания геноцида армян, состоит в том, что речь шла только о депортациях без намерения совершить геноцид, обратимся к выводам доклада, относящимся к депортациям.

Автор доклада со всей объективностью установил среди прочего, что «систематический характер и широкие масштабы операции не могут быть объяснены как случайные преступления немногими подчиненными лицами», что «ссылки на условия военного времени не представляют удовлетворительного объяснения всего комплекса официальных мер, принятых оттоманскими властями против армянского населения», и что многие из принятых мер «не имели военного значения или обоснования», что эти действия вели только к геноциду армян как группы, что «не было принято никаких эффективных мер, чтобы приостановить осуществлявшееся истребление даже тогда, когда об этом преступлении стало известно за границей», что «было достаточно свидетелей этих событий, действовавших в различном качестве, независимых друг от друга и принадлежащих к союзникам Турции, к нейтральным странам и к армянскому населению», что «многие донесения свидетелей, состоявших на дипломатической службе и пользовавшихся свободой передвижений и имевших возможности составить целостную картину и устанавливать контакты... приводят к неизбежному заключению, что поведение властей было систематичным и преднамеренным».

Это чрезвычайно важное с юридической точки зрения для определения состава преступления указание на преднамеренность действий подчеркивается с особой силой в общем выводе доклада по этому разделу. «...Из всех этих элементов, которые содержатся в неопровержимых фактах, и из контекста связанных с ними событий следует, что *преднамеренность не может отрицаться*. Ответственность за это в соответствии с уголовным кодексом была точно установлена турецкими судами после войны, начиная с 1919 г. Все действия, которые могут подпадать под определение геноцида в соответствии с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948), были применены в отношении армянского народа (за исключением принудительного аборта) с уче-

том уровня технологического развития в то время в Оттоманской империи. Такое сочетание различных действий и широкие масштабы их осуществления делают несомненным сложившееся убеждение в том, что речь шла о преднамеренности. Поэтому, к сожалению, невозможно описать несправедливость, испытанную армянским населением Оттоманской империи, иначе как геноцид в том смысле, в каком это имелось в виду и было описано в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

В специальном разделе, посвященном международно-правовому аспекту Армянского вопроса, указывается на необходимость применения права на самоопределение и к армянам — жертвам геноцида: «На Турции лежит специальная обязанность обращаться с армянами должным образом, и международное сообщество несет особую ответственность по отношению к армянскому народу». В этой связи следует подчеркнуть, что в первых государственных актах, включая Декрет Совнаркома «о независимости Турецкой Армении», советское государство исходило из необходимости признания этого права за армянским народом. Указывается, что исключение Армянского вопроса из Лозаннского договора 1923 г. с целью достижения соглашения с кемалистской Турцией не освобождает державы от их ответственности по отношению к армянам.

Излагая историю рассмотрения вопроса о геноциде армян в ООН, докладчик отметил, что беспристрастному выводу мешает «политическое давление». К сожалению, мнение специального докладчика Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Б. Уайтекера в документе Европейского парламента не отражено. В нем, однако, говорится, что ООН «является подходящим форумом», в котором международное сообщество должно принять на себя ответственность по вопросу о геноциде армян.

Говоря об установленном в международном праве принципе наказуемости за геноцид и устранения ущерба, причиненного жертве преступления, докладчик отметил, что «существуют нормальные санкции, которые должны следовать в результате признания геноцида армян». По мнению Вандемюльбука, «с юридической точки зрения такое признание геноцида не влечет автоматически большего осуждения Турции, чем обязательство компенсировать причиненный ущерб». Как считает докладчик, вопрос упирается не в акт геноцида как таковой, а в то, что при нынешнем уровне развития международного права в международном сообществе нет такого органа, который мог бы начать судебное преследование за уголовные преступления без согласия причастного к нему государства. До тех пор пока не будет создан международный уголовный суд, возникшая ситуация, независимо от того, насколько верна правовая оценка действий, будет оставаться спорной, если только само государство не признает такую оценку или не согласится наделить третью сторону международной юрисдикцией в отношении данного вопроса.

Другая группа аргументов, направленных на ограничение ответственности за геноцид армян, сводится либо к утверждению, что она отпадает из-за смерти физических лиц — членов турецкого правительства или состоявших на государственной службе, равно как и частных лиц, принимавших участие в этом преступлении, либо к ссылке на принцип *non bis in idem* («никто не может быть судим дважды») на том основании, что турецкие суды по турецкому закону вынесли приговоры 1397 лицам, причастным к депортациям армян, а турецкое государство в качестве преемника режима младотурок может сослаться на этот принцип.

¹ Gürün K. Le dossier Arménien — Société Turque d'histoire. 1984.

Бросается в глаза неправомерность смещения политической и международно-правовой ответственности государства и личной уголовной ответственности физических лиц, включая и членов правительства. Вопрос об ответственности государства действительно относится к числу вопросов, недостаточно разработанных в международном праве. Этим уже на протяжении ряда лет занимается Комиссия международного права ООН. Тем не менее даже с учетом уровня разработанности вопроса установка доклада на ограничение выводов рамками моральной и политической ответственности государства, совершившего геноцид, представляет крупный изъян концептуального характера. Давая в целом объективную оценку фактов и сознавая последствия их признания, Вандемюльбрук, судя по всему, стремился избежать напрашивавшихся правовых выводов об ответственности государства.

Такой подход к этому вопросу не случаен и не единичен. Как своего рода условие признания геноцида армян (если вообще позволительно допускать возможность условного признания такого рода явлений) он имеет определенное хождение в кругах социал-демократических и социалистических партий Западной Европы, что объясняется их положением в существующей политической системе: положение в правительстве ограничивает их возможности давать принципиальную честную оценку того или иного явления.

При ознакомлении с докладом трудно избавиться от мысли, что его составитель пришел к такого рода ограничению в своих выводах не в результате изучения вопроса об ответственности в международном праве, а под воздействием политического фактора — стремления не нанести слишком большой урон одному из самых активных членов НАТО.

В этой связи следовало бы сказать, что вопрос об ответственности решается сопоставлением установленных фактов преюдициального характера с нормами права и не может зависеть от субъективных пожеланий. Невозможно возложить на государство ответственность за преступление геноцида, если его действия не подпадают под состав преступления, и в то же время никто не может освободить от такой ответственности, если эти действия подпадают под состав преступления. Как известно, международная ответственность турецкого государства и личная уголовная ответственность членов турецкого правительства и его представителей на местах уже была установлена международным сообществом. Хотя этой стороне вопроса в докладе не уделяется должного внимания, тем не менее в нем отмечается, что в Севрском мирном договоре предусматривалась необходимость наказания лиц, виновных в резне армян. В этой связи обращается внимание и на то, что в самой Турции суды признали массовые истребления армян преступлением и осудили виновных за это министров.

Принципиально важно признание в докладе того, что нормы международного права, содержащиеся в Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказанию за него, существовали уже до ее заключения, т.е. в то время, когда совершался геноцид армян.

Что же касается позиции автора доклада по вопросу о личной уголовной ответственности, то следует отметить, что важно ее подтверждение само по себе, даже если бы действительно не осталось в живых ни одного преступника. То же самое можно сказать и в отношении принципа *non bis in idem*. Этот вопрос рассматривался в Комиссии международного права в 1987 г. в связи с разработкой

Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В Комиссии и в 6-м Комитете Генеральной Ассамблеи ООН преобладало мнение, что предание суду не может рассматриваться как нарушение этого принципа, если обнаруживаются факты, позволяющие изменить квалификацию преступления.

По мнению докладчика, западные армяне, ставшие жертвой преступления геноцида, не будучи государством, не могут поднять вопрос о международной ответственности турецкого государства. «Следовательно, — писал Вандемюльбрук, — армянская нация является жертвой, но не международным юридическим лицом»¹.

Исходя из этого, докладчик считает, что признание геноцида даже Организацией Объединенных Наций не может лишить турецкое государство права отрицать правовые последствия актов. По мнению автора, признание актов геноцида самой Турцией не имело бы какого-либо результата, «поскольку преступники, совершившие геноцид, уже умерли и иск о возмещении в пользу армян с юридической точки зрения более чем сомнителен».

Поэтому признание геноцида армян может иметь только моральные последствия, а именно «признание причиненных ему [армянскому народу] страданий» и «признание его собственной истории и культуры, в чем турецкое государство по сей день упорно отказывается». В качестве вывода к этому разделу докладчик утверждал, что «в отношении Армянского вопроса» признание не может иметь никаких международно-правовых последствий: могут быть сделаны только моральные заключения, на основе которых возможно решение только «в плане открытого политического подхода».

Определенный интерес представляет раздел доклада, содержащий оценку политического положения армянской диаспоры в Ливане, Турции, Иране и в других странах, поскольку это рассматривается как прямой результат геноцида. Отмечая, в частности, что в Турции осталось всего 50 тыс. армян, живущих в Стамбуле, докладчик останавливается на состоянии «исторических памятников армянского присутствия», в том числе и армянских церквей, представляющих «апогей» средневековой религиозной архитектуры. «Часть их ныне используется в качестве складов, сараев и конюшен и лишь в редких случаях — как музеи». Указав, что эти памятники разрушаются, докладчик обращает внимание на то, что Турция подписала Конвенцию ООН, которая обязывает участников уважать культурные права меньшинств, и ратифицировала Международную конвенцию о защите памятников культуры, предусматривающую уход, поддержание и сохранение памятников культуры меньшинств. В докладе ставится вопрос о передаче этих памятников под юрисдикцию армянского патриарха с возложением на него ответственности за их сохранение, возможно, в сотрудничестве с ЮНЕСКО.

В общих выводах доклада указывается, что «события в Турции, которые коснулись армян в военные 1915—1917 гг., должны быть охарактеризованы как геноцид в соответствии со смыслом Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Вместе с тем в докладе говорится, что «нынешнее турецкое правительство нельзя вообще делать ответственным за акты геноцида, совершенные младотурками». Нынешние правители, однако, являются наследниками турецкого государства, на территории которого происходи-

¹ За союзными республиками СССР международная правосубъектность не признавалась.

ли эти события. Ввиду этого факта турецкое правительство не может больше отрицать историю турецко-армянского вопроса и элемент геноцида. Признание этих событий будет, конечно, иметь только моральные последствия, но Турция тем самым косвенным образом сыграла бы особую предупредительную роль в упрочении уважительного отношения к правам человека в международном сообществе. В выводах речь идет также о роли других государств в признании геноцида армян: «В этом процессе признания различные государства, которые не предприняли достаточных усилий, чтобы предотвратить преступление или даже косвенно способствовали этому преступлению, также несут особую, хотя и косвенную ответственность...» Вместе с тем отмечалось, что «роль Европейского парламента не должна ограничиваться исключительно моральным признанием геноцида армян. В рамках политического сотрудничества 12 государств должны выступить в ООН с единой позиции с целью добиться, чтобы Комитет по правам человека включил вопрос о геноциде армян в свой доклад, посвященный предупреждению преступления геноцида и наказанию за него. Комитет служит подходящим международным форумом, где 70 лет спустя после произошедших событий можно добиться политического решения Армянского вопроса»¹.

18 июня 1987 г. Европейский парламент после тщательного изучения вопроса принял резолюцию, в которой определил, что действия турецкого правительства в отношении армян на территории Османской империи «составляют геноцид согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»².

20. Вопрос о геноциде армян в ООН

Возможности постановки в ООН вопроса об ответственности Турции за геноцид армян были весьма ограничены. Правительство СССР ввиду своей прежней роли в этом вопросе не было расположено к вынесению его на широкий международный форум. Даже в годы, когда сразу после окончания Второй мировой войны Сталин поставил вопрос об исправлении советско-турецкой границы с Армянской и Грузинской ССР, в ООН этот вопрос в повестку дня не включался и официально не обсуждался. Представитель СССР в ООН А. Вышинский в ответ на жалобы турок выступил с обоснованием правомерности постановки вопроса, но в угоду Сталину упор делал на поддержку «законных требований», выдвинутых грузинскими академиками Джанашия и Бердзенишвили.

Тем не менее, несмотря на политически неблагоприятную обстановку, определявшуюся тем, что доминировавшие в ООН западные державы, руководствуясь логикой «холодной войны», поддерживали Турцию в ее противостоянии СССР и советскому блоку и не были расположены к решению Армянского вопроса, тенденция к признанию геноцида армян проявлялась и помимо эпизодических заявлений представителей отдельных стран — Кипрской республики, Организации освобождения Палестины и др. Вопрос этот возник в Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по

¹ Док. № 1366.

² Док. Европарламента А2—33-87; док. Сборника № 1370.

правам человека в связи с обсуждением вопроса о совершенствовании Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Хотя и продолжалось организованное противодействие представителей США и других стран НАТО, с одной стороны, и СССР — с другой, геноцид армян нашел признание в исследованиях по геноциду, подготовленных специальными докладчиками в рамках этой Подкомиссии¹.

В первом из этих докладов содержалось указание на геноцид армян как первый геноцид, совершенный в XX в. Вопреки утвердившейся практике, согласно которой доклады, подготовленные специальными докладчиками на основе проведенных исследований вопроса, изменению не подлежат, туркам — при поддержке США и беспринципном поведении советского представителя — удалось добиться исключения из представленного доклада параграфа, касающегося истории вопроса, вместе с указанием на геноцид армян. С таким решением не согласились многие представители других стран, считавшие, что совершенствовать Конвенцию, повысить ее эффективность без учета исторического опыта практически невозможно.

Новый специальный докладчик англичанин Уайтекер не только указал на имевший место геноцид армян, но и существенно расширил этот параграф, включив в него неопровержимые свидетельства официальных представителей Германии — союзницы Османской империи в период Первой мировой войны.

После распада СССР, обретения Арменией качества субъекта международного права и члена ООН появилась возможность для изложения ее позиции с трибуны этой организации и в Международном суде ООН.

21. О неправомерности ограничения ответственности за геноцид армян только Османской империей

Первые попытки освободить турецкое государство от ответственности за совершенное им преступление были предприняты уже самой Османской империей. После поражения в Первой мировой войне, в период послевоенного устройства мира, новое султанское правительство попыталось выгородить турецкое государство, ограничив ответственность за совершенное преступление ответственностью младотурецкого правительства. Сославшись на то, что организаторы истребления армянского населения — высшие члены правительства Талаат, Энвер и др. — были приговорены к смертной казни, представители султанского правительства пытались убедить Парижскую мирную конференцию в том, что само турецкое государство, как и сам турецкий народ, к геноциду армян не причастны. Эти аргументы были отвергнуты международным сообществом в лице Парижской мирной конференции, поскольку правительство, армия, полиция, осуществлявшие это преступление, были составными частями государства. Мирная конференция постановила, что не только физические лица, в том числе и члены правительства, должны нести уголовную ответственность через Международный суд, но и само турецкое государство должно нести политическую ответственность

¹ См.: Пересмотренный и обновленный доклад по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Док. ООН: E/CN. 4/Sub. 2/1985/6.

через лишение права на осуществление власти над Арменией и другими поработанными народами — Сирией, Ливаном, Иорданией, Аравией и т.д.

Когда попытка возложить всю ответственность за геноцид на младотурецкое правительство не удалась и новому султанскому правительству Османской империи пришлось подписать Севрский мирный договор, турки сменили государственный режим и в союзе с большевистской Россией провозгласили «освободительное» движение против «мирового империализма».

Сегодня защитникам геноцидного турецкого государства становится все труднее отрицать факт совершения геноцида. Все более явственно проявляется стремление навязать сторонам — Армении и Турции — так называемое «компромиссное» решение на основе признания геноцида армян без каких-либо политических последствий для современного турецкого государства.

Один из вариантов такого «решения» сводится к тому, чтобы ответственность турецкого государства за совершение этого преступления ограничить лишь Османской империей — предшественницей Турецкой Республики, навязав армянам стереотип «геноцида 1915 года».

Тенденция к признанию геноцида армян без международно-правовых последствий в виде ответственности Турции и необходимости восстановления в максимально возможной мере поправленных прав армянского народа все более отчетливо проявляется в США, где, судя по всему, это делают условием признания ими геноцида армян.

Отмечая с удовлетворением происходящие сдвиги — поступательное расширение движения за подтверждение факта геноцида армян и ответственности Турции за это преступление, — мы тем не менее должны трезво оценивать ситуацию. Нельзя не учитывать, что даже повторное признание однозначно признанного уже факта совершения турками этого преступления иногда сопровождается попытками выхолостить его содержание. Закон Французской Республики о признании геноцида армян прямо говорит о «геноциде 1915 года». Более того, французские власти указывают, что смысл этой временной привязки заключается в том, чтобы исключить ответственность современного турецкого государства.

То же самое нужно отметить и в отношении акта признания геноцида армян Европейским парламентом.

В обоих случаях при помощи ложного стереотипа «геноцида 1915 года» пытаются свести дело к ответственности младотурецкого правительства несуществующей уже Османской империи. Таким образом, признание совершенного преступления лишается реального содержания — возможности ликвидации его разрушительных последствий в соответствии с императивными нормами международного права.

Под видом «признания» давно признанного факта геноцида пытаются, по существу, добиться освобождения турецкого государства от ответственности за совершенное преступление, подменяя политико-правовую ответственность турецкого государства пустыми, лишеными смысла «извинениями».

Ограничение ответственности за геноцид армян только Османской империей находится в вопиющем противоречии с установленными и признанными международным сообществом юридическими фактами. Турецкие националисты, создавшие нынешнюю Турецкую Республику, имели основной целью не только сорвать практическое осуществление подписанного новым султанским правительством Севрского мирного договора, но и довершение геноцида армян.

Реальная власть в турецкой части Армении осуществлялась с 1919 г. правительством турецких националистов. Их вооруженные силы продолжали геноцид в форме физического уничтожения армян. Они повторно подвергли геноциду население Киликии после ухода оттуда французов. Геноциду подвергалось и армянское население Карсской области, Нахичевана, Александрополя, Караклиса и других оккупированных территорий Армянской республики. Действовавшие в тесном контакте с турецкими «революционерами» азербайджанские национал-коммунисты под руководством турецких генералов осуществляли геноцид армян в Шуше, Зангезуре. Последние операции по физическому уничтожению армянского населения были совершены вооруженными силами Турецкой Республики в 1922—1923 гг. в турецкой «глубинке» — в Смирне и других местностях, где еще оставалось армянское население.

Взяв на себя функцию по сохранению последствий преступления, кемалистское правительство Турции в военно-политическом союзе с большевистской Россией не только сорвало осуществление Севрского мирного договора, но и не допустило в какой бы то ни было степени ликвидации этих последствий геноцида. Турецкая Республика не допустила возвращения на свою историческую родину армянских беженцев, она не вернула «временно» конфискованное имущество армян. Наконец, нельзя не отметить и то, что государственная власть Турецкой Республики отменила приговоры, вынесенные Талаату и другим членам младотурецкого правительства.

Попытки освободить от ответственности Турецкую Республику несостоятельны не только с фактической, но и с международно-правовой точки зрения. Во-первых, признание геноцида без юридических последствий не может быть: либо это геноцид, и тогда он порождает международно-правовую ответственность, либо это не геноцид и соответственно такая ответственность не возникает.

Во-вторых, ограничение ответственности за геноцид армян переставшей существовать Османской империей юридически невозможно. Даже если бы возникшая на ее месте Турецкая Республика действительно порвала с политикой геноцида, совершавшегося в период существования Османской империи, то и в этом случае она должна нести ответственность за эти преступления как преемница Турецкой империи.

22. О неправомерности отнесения геноцида армян к «событиям прошлого»

Покровители государства, осуществившего это преступление, утверждают, что армянам нужно прекратить борьбу за признание геноцида, так как сейчас, по прошествии многих десятилетий после событий 1915—1923 гг., это якобы теряет смысл и значение. Они утверждают, что геноцид армян нужно отнести к «событиям прошлого», которыми должны заниматься историки.

Геноцид армян 1915—1923 гг. ни юридически, ни фактически невозможно считать событием прошлого, как это предлагают некоторые из тех, кто пытается противодействовать процессу подтверждения ответственности Турции за совершение этого преступления. До тех пор пока ответственность турецкого государства не реализована, пока Турция не признала свою вину и не осудила совершен-

ное преступление, пока последствия геноцида действуют, преступление продолжается.

По самому определению геноцида, по самой его сущности, это преступление заключается в действиях, направленных на достижение определенного результата, а именно полного или частичного разрушения национальной, этнической или религиозной группы.

Некоторые из этих действий, такие, как убийство армян, имели место в прошлом, но их последствия проявляются и сейчас. Массовое изъятие детей из одной национальной группы (армянской) и обращение их в другую (турецкую) также имели место в прошлом, и многие оказались отуреченными.

Другие действия, предусмотренные составом этого преступления, продолжают и по сей день. Так, армянам, изгнанным со своей исторической родины, до сих пор не разрешают возвратиться в свои дома. Армянам не вернули их движимое и недвижимое имущество — жилища, земельные наделы, скот и т.п., хотя при осуществлении депортации обещали сделать это. Им не компенсировали огромный материальный и моральный ущерб. В более широком плане можно утверждать, что «создание условий, ведущих к разрушению группы как таковой», продолжается. Ничего не сделано для восстановления церквей и исторических памятников. Несколько десятков тысяч армян, которые уцелели в Турции, могут существовать там лишь в качестве «турок». Армянам запрещено было жить в «восточных вилайетах Анатолии» (так обозначается историческая Армения в официальной географической номенклатуре).

Армяне до сих пор испытывают разрушительные последствия геноцида, которые оказывают негативное воздействие на все национальное развитие армянского народа. Только четвертая часть армян имеет возможность жить в условиях национальной государственности.

Турция и ее военно-политический союзник Азербайджан продолжают противодействовать реализации установленной международным сообществом ответственности турок за совершенное ими преступление. Постановку вопроса о подведении черты под прошлым на основе международного права Турция представляет как *casus belli*.

Сегодня, как и в прошлом, Турция проводит активную антиармянскую политику, оказывая Азербайджану военную, политическую и дипломатическую поддержку в войне колониального типа против армянского Карабаха. Присвоив себе функции Совета Безопасности, Турция совместно с Азербайджаном осуществляет блокаду Армении.

Сумгаитский рецидив турецко-азербайджанской политики геноцида армян, программы и резня армян в Баку, Гяндже и других населенных пунктах подтверждают, что опасность обращения Турции и ее союзника Азербайджана к традиционным для них методам решения проблем с соседними народами сохраняется. Азербайджан, поощряемый Турцией и уверовавший во всемогущество своей нефтяной политики, открыто выступает с претензиями на всю территорию Республики Армении.

Когда же перестает существовать ситуация, созданная в результате совершения преступления геноцида? И с фактической точки зрения, и с международно-правовой точки зрения она перестает существовать только после признания факта геноцида и ликвидации его последствий на основе установленной ответственности государства, совершившего это преступление.

Упорный отказ Турции признать свою ответственность за геноцид армян и устранить в возможно более полной мере его разрушительные последствия для армянского народа — жертвы этого преступления подтверждают неправомерность отнесения геноцида армян к событиям прошлого и, как следствие, полную применимость к этому преступлению Конвенции о геноциде и всех других международно-правовых актов, принятых после событий 1915—1923 гг. Поэтому до тех пор, пока геноцид армян не признан Турцией и его последствия не ликвидированы, преступление это продолжается как с фактической точки зрения, так и с юридической.

Если непризнание геноцида государством, совершившим это преступление, означает продолжение преступления, то непризнание другими государствами этого юридического факта может означать либо пособничество, либо даже соучастие в продолжении преступления в зависимости от квалификации их поведения в период, когда совершались сами действия, входящие в состав преступления геноцида.

Когда может возникнуть вопрос об обратной силе норм права? Очевидно, тогда, когда перестают существовать ситуации, созданные преступлением геноцида. Статья 28 Венской конвенции о праве договоров, на которую сослались юрисконсульты нью-йоркского Международного центра справедливости переходного периода, формулирует правило об обратной силе договоров, применительно к «любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты», т.е. до заключения договора.

Из этого юридического факта следует: к квалификации геноцида армян как преступления по международному праву применимы не только те нормы международного права, которые действовали, когда совершался геноцид в прошлом (1915—1923), но и те нормы, которые были сформулированы после этой даты в результате кодификации и прогрессивного развития. Признания и осуждения геноцида армян требует прежде всего элементарное правосудие. Это моральный долг человечества и самих турок.

Реализация ответственности Турции — задача не только и не столько ретроспективного значения, сколько современная, рассчитанная на перспективу. Смысл повторных признаний состоит не только в подтверждении общеизвестных фактов, но и в реализации мер, связанных с ответственностью турецкого государства как условия для подведения правовой черты под прошлым и строительства новых, добрососедских отношений, соответствующих нормам и принципам международного права.

23. Право не должно использоваться для оправдания бесправия

Примером политически ориентированной юридической казуистики, когда на право ссылаются для того, чтобы оправдать, мягко выражаясь, бесправие, является отказ от квалификации этого политического преступления — «убийства целого народа» — как геноцида под тем предлогом, будто для этого необходима предварительная юридическая оценка соответствующих событий как «геноцида».

Нынешнее правительство ФРГ, имея однозначные свидетельства поведения Турции — союзницы кайзеровской Германии — доклады дипломатов и консульских работников на местах и однозначные оценки, данные высшим государственным руководством Германии того времени — рейхсканцлером, статс-секретарем и др., а также официальные публикации документов, обнародованных с

целью отмежеваться от обвинений в соучастии в совершении этого преступления, стало теперь высказываться за то, чтобы рассмотрение тех событий было предоставлено «специалистам по международному праву».

Правительство Швейцарии, по сообщению турецкой газеты «Джумхуриет», также считает, что «раз нет решения Международного суда о признании совершения геноцида, то Швейцария не может вынести решения по этому вопросу»¹.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него предусмотрела необходимость создания международного уголовного суда для наказания физических лиц за участие в геноциде, но она не ставит международно-правовые обязательства государств предотвращать преступление или наказывать за его совершение в зависимости от констатации этого преступления Международным судом.

Что же касается позиции Международного суда ООН по этому вопросу, то она выражена вполне определенно в его консультативном заключении от 28 мая 1951 г. в связи с обсуждением положения об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. В этом заключении Суд ясно и недвусмысленно отметил, что «принципы, на которых основана Конвенция, признаются цивилизованными странами в качестве обязательных и даже без какого-либо договорного закрепления»². Из заключения Международного суда ООН следует, что геноцид представляет собой такое преступление, предотвращение и пресечение которого, а также наказание за него составляли и составляют обязанность любого из государств мира независимо от его участия или неучастия в Конвенции и независимо от того, были ли акты геноцида совершены до или после ее принятия и вступления в силу.

24. Мир и добрососедство не могут обуславливаться отказом от защиты прав народа — жертвы геноцида

Турецкая политика принуждения армян к отказу от защиты своих законных прав и интересов имеет свою историю.

Стремясь снять вопрос об ответственности турок и турецкого государства за геноцид армян, Турция издавна пыталась принудить самих армян отказаться от защиты своих законных прав и жизненных интересов. Первую попытку навязать Армении неравноправный договор с целью добиться «добровольного» отказа жертвы геноцида от защиты своих прав предприняло само младотурецкое правительство Оттоманской империи³.

Вторая попытка была предпринята правительством турецких националистов — основателей нынешней Турецкой Республики в тесном взаимодействии с большевистским правительством России. Чтобы отнять у армян возможность защищать священные права народа — жертвы геноцида, Турецкая Республика совместно с большевистским правительством России добила лишения армян их

национальной государственности¹. Marionеточное коммунистическое правительство Армянской ССР, образованной на клочке армянской территории, не имело никаких возможностей ставить этот вопрос ни в самой стране, ни тем более в международных организациях.

После восстановления независимости в 1991 г. Армения получила юридическую возможность ставить свои национальные вопросы на межгосударственном уровне. Однако Турция, не надеясь на то, что с безнаказанностью совершенного ею преступления когда-либо примирится международное сообщество, при поддержке своих влиятельных покровителей и сейчас стремится принудить правительство Армении отказаться от защиты законных прав своего народа. Более того, с восстановлением суверенитета Армении и ее членством в ООН этому методу решения вопроса об ответственности за совершенное преступление Турция стала придавать особое значение.

Суверенное государство — члена ООН пытаются принудить к этому, оказывая психологическое воздействие на его правительство с применением откровенно силовых методов. Стремление Армении к правосудию, к защите прав и интересов народа, ставшего жертвой тягчайшего международного преступления, Турция на официальном уровне объявляет враждебным актом, препятствием для установления дипломатических отношений и основанием для политического и экономического давления. Из всех бывших союзных республик СССР только с Арменией Турция отказывается установить нормальные дипломатические отношения. Требуя в качестве одного из предварительных условий для установления таких отношений отказа Армении от постановки вопроса о геноциде, Турция уже много лет противоправно, в обход Совета Безопасности и в прямое нарушение Устава ООН, осуществляет акт войны — экономическую блокаду Республики Армении.

В Турции, видимо, считают, что ни Московский договор, заключенный с правительством советской России, ни Карсский договор, навязанный марionеточному коммунистическому правительству Армянской ССР, не могут предотвратить постановку международным сообществом вопроса об ответственности за преступление геноцида. Очевидно, что заключение нового, равноправного договора, который мог бы стать основой прочных, подлинно добрососедских отношений, должно быть итогом договоренностей по урегулированию всех вопросов, оставшихся от прошлого, в том числе и вопросов, связанных с геноцидом армян. Вероятно, поэтому Анкара прощупывает возможности замены Карсского договора или его подкрепления новым договором по образцу Батумского или Александропольского «договоров».

Понимая, что в наше время попытки навязать такого рода «договоры» встречают осуждение человечества, турецкие политики стремятся придать им благопристойный вид. С этой целью Турция выдвигает «аргумент», будто постановка армянами вопроса о геноциде несовместима и даже исключает «нормализацию» отношений Турции с Арменией и не отвечает интересам самих армян.

В усилиях добиться отказа самого армянского государства от постановки вопроса об ответственности за совершенное ею преступление геноцида Турция пользуется поддержкой своих покровителей.

Но осознание аморальности и противоправности защиты организаторов и исполнителей этого преступления против человечности побуждает их покрови-

¹ Следует отметить, что Национальный совет Швейцарской конфедерации принял резолюцию, в которой признал факт геноцида армян. См.: Документы. Дополнение к 1-му и 2-му томам (док. № 8).

² Док. № 15.

³ См. документы и Комментарий Раздела III (6, 7, 8, 10, 11).

¹ См. документы и Комментарий Раздела V (14—16, 21, 22, 27, 31, 33).

телей прикрывать свой политический цинизм видимостью «заботы» об интересах армян.

США и другие западные державы подхватили выдвинутый турками «аргумент», но, чтобы представить в благопристойном виде свою политически мотивированную поддержку турецкого государства, придали ему несколько иное звучание. Выступая в роли «доброжелателей» многострадального армянского народа, они также утверждают, будто усилия армянского государства и народа добиться признания Турцией совершенного ею преступления, «мешают» установлению добрых отношений между соседними государствами.

Спекулируя на непрестом экономическом положении страны, в отношении которой Турция уже много лет противоправно осуществляет блокаду, они подталкивают руководство Армении к капитуляции, мотивируя свои предложения «интересами» самой Армении и даже своей озабоченностью ее будущим, «стремлением» не допустить повторения геноцида.

Те, кто поддерживает этот аргумент, либо глубоко заблуждаются, либо преследуют совсем другие политические цели. Попытки освободить Турецкую Республику от ответственности за совершенное преступление прямо поощряют турецкое правительство демонстрировать свою непримиримость, укрепляют его решимость не признавать факт совершения геноцида армян. За настойчивым стремлением принудить руководителей Армении отказаться от защиты прав и интересов армянского народа и государства просматривается политическая цель — за счет жертвы преступления снять препятствия для утверждения политической гегемонии одного из ведущих членов НАТО — Турции на Южном Кавказе и в Передней Азии.

Пущенный в оборот довод, будто настойчивость армян в вопросе ответственности Турции за геноцид «не отвечает» интересам нормализации отношений между Арменией и Турцией, противоречит здравому смыслу, самым элементарным представлениям об основах современных международных отношений.

Принцип совместной ответственности международного сообщества в борьбе против геноцида был вновь подтвержден Стокгольмской конференцией по предупреждению геноцида, этнических чисток и массовых убийств. В ее работе приняли участие около 60 государств. Выступая на этой представительной международной Конференции, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан отметил, что угрозу миру представляет геноцид, а не борьба против него. Он указал, что противостоять геноциду нужно не только совместными политическими средствами, но и военными.

Политически мотивированная позиция Турции и ее защитников не только аморальна и противоправна, но и абсолютно лжива. Защита законных прав жертв геноцида, требование ликвидировать последствия геноцида и нормализовать отношения на основе международного права с применением процедур мирного урегулирования (включая обращение в Международный суд) не может рассматриваться как враждебный акт, как препятствие к установлению добрососедских отношений между Турцией и возрожденным армянским государством.

Установление новых отношений между государством, совершившим геноцид, и государством, народ которого стал жертвой этого преступления, между Турцией и Арменией, не только желательно, но необходимо. Это действительно императив времени. Однако нормализация армяно-турецких отношений воз-

можно только через откровенное признание Турцией своей ответственности за геноцид армян и устранение его разрушительных последствий для армянского народа. Признание геноцида армян — неременное условие и предпосылка строительства новых, добрососедских отношений между Турцией и Арменией. Это императив не только моральный и политический, но и международно-правовой. Только на этой основе могут быть установлены добрососедские и, хочется верить, дружественные отношения между Турцией и Арменией, между турецким и армянским народами.

Такой мир должен основываться на честном отношении к прошлому. Он не может быть установлен без покаяния за содеянное преступление. Он должен быть свободен от политических предвзятостей. Он должен исключать коварство, не быть завуалированным средством достижения прежних целей. Иначе говоря, он не может быть основан на желании превратить Армению в анклав, изолировать ее от внешнего мира. Он не должен быть направлен против соседей Армении — Ирана и России.

Только чистосердечным раскаянием Турция способна доказать, что навсегда отказалась от своей геноцидной практики в отношении армянского народа, создать уверенность, что рецидива геноцида не будет. Необходимость такого рода гарантий подтверждается, в частности, рецидивом геноцида армян в Сумгаите и во всем Азербайджане и войной на истребление армян Карабаха, которую дважды вел Азербайджан при открытой поддержке и даже при прямом участии Турции. Признание совершенного в прошлом преступления станет реальной предпосылкой и исходным пунктом установления новых, подлинно добрососедских отношений между Турцией и Арменией.

25. О правах и обязанностях армянского государства по защите интересов народа — жертвы геноцида

После обретения независимости и приема в ООН Армения как субъект международного права имеет все возможности для постановки вопроса об ответственности турок и Турции за совершенный геноцид в компетентных международных организациях и учреждениях.

Однако в реальности эти формально-правовые возможности сильно ограничены действием политического фактора. В современных международных условиях, так же как это было в конце XIX и на протяжении всего XX в., геополитическая обстановка далеко не всегда благоприятствует торжеству права и справедливости. Этим, видимо, объясняется принятие администрацией Левона Тер-Петросяна абсолютно неверного и порочного тезиса, сводившего все только к вопросу морали и истории. Этим, вероятно, объясняется и сдержанное отношение нынешней администрации Республики Армении к постановке вопроса о геноциде.

Сейчас, когда Армения получила возможность добиваться устранения последствий геноцида мирными средствами на объективной основе международного права, естественно возникает вопрос: как правительство Республики Армении пользуется этим правом? Ведь смысл обретения независимости состоял именно в том, чтобы получить возможность в качестве субъекта международно-

го права отстаивать законные права и жизненные интересы Армении и всего армянского народа.

Республика Армения должна настаивать на реализации ответственности турецкого государства, должна защищать законные права и жизненные интересы жертв геноцида прежде всего в силу обязательств, принятых перед своим народом. Правительство Армении не может не считаться с тем, что население республики наполовину состоит из беженцев и их потомков, что геноцид осуществлялся не только на территории Западной Армении, но и в Карсской области, в Нахичеване, в пределах прежних и нынешних границ Армянской республики.

Правительство Армении не может перекладывать решение политико-правовой проблемы ответственности Турции за геноцид на самих потомков жертв преступления или на диаспору. Все предпринимавшиеся до сих пор попытки защитить права жертв геноцида не имели успеха только потому, что Армения была лишена международной правосубъектности и не могла отстаивать законные права и жизненные интересы народа — жертвы геноцида, потому что не было государства, которое представляло бы армянский народ в международных организациях или в международных судебных органах.

Было бы чудовищно, если бы армяне, столько времени страдавшие от бесправия из-за отсутствия своего государства, оказались бы в том же бесправном положении при наличии независимой Армении.

Республика Армения, как всякое другое государство, не только может, но и обязана активно противодействовать политике геноцида, который относится к категории преступлений против человечности. Правительство Армении может и должно настаивать на ответственности Турции за геноцид армян и в силу своих международных обязательств — как государство—член ООН, как участник Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и ряда других международно-правовых актов.

Отстаивая свои права народа — жертвы геноцида, армяне и армянское государство выполняют и международную функцию. Борьба с преступлением геноцида — долг и обязанность каждого государства. Тем более государства, чей народ стал жертвой этого преступления. Рассматривать это как «недружественный акт» или ставить отказ от требований признать геноцид как условие нормализации отношений — значит противоречить элементарным представлениям о том, как должны строиться отношения между государствами в соответствии с современными требованиями международного права. Такая политика бесперспективна.

Если Турция отказывается от двустороннего формата урегулирования, Республика Армения может и должна обратиться к судебной процедуре. Как субъект международного права и как государство, присоединившееся к Конвенции о геноциде, Армения может возбудить дело в Международном суде на основании ст. IX этой Конвенции, установившей возможность передачи на его рассмотрение по требованию любой из сторон споров о применении или выполнении Конвенции, включая споры относительно ответственности государств за совершение геноцида. Никто не может возражать против процедуры мирного урегулирования на основе международного права.

26. Цели и возможности Республики Армения в вопросе об ответственности Турции за геноцид

Сейчас возникла принципиально иная в политическом и международно-правовом отношении ситуация. Правительство независимой Армении уже не связано с протурецкой политикой бывшего Советского Союза. Армения как суверенное государство получила возможность самостоятельно решать вопросы, затрагивающие национальные интересы армянского народа. С обретением Арменией международной правосубъектности и членства в ООН и в других международных организациях постановка на государственном уровне вопроса о геноциде армян приобрела практический смысл.

Как воспользовалась Республика Армения этими возможностями? Как уже отмечалось, в 1918 г. формальное признание международной правосубъектности Армянской республики использовалось турками для того, чтобы вынудить ее отказаться от прав жертвы международного преступления. Советизация Армении имела для турок такое же значение, а именно — возможность добиться отказа Армении от предъявления своих прав.

Для оценки действий армянского государства, предпринимаемых в отношении признания юридического факта геноцида армян и ответственности Турции за это преступление, целесообразно сравнить их с тем, как еврейское государство относилось к аналогичным вопросам геноцида евреев, совершенного в период Второй мировой войны.

Израиль занял твердую и бескомпромиссную позицию в вопросе о признании юридического факта геноцида евреев. Любое отрицание и даже выражение сомнения в отношении этого факта национальное законодательство квалифицирует как уголовно наказуемое преступление. Израиль исходит из того, что преступление геноцида не подлежит прощению, что на него не распространяется положение о неприменимости срока давности и что геноцид евреев должен рассматриваться как преступление по международному праву.

Не удовлетворяясь наказанием главных военных преступников Нюрнбергским военным трибуналом, Израиль настойчиво добивался наказания всех физических лиц, причастных к геноциду евреев, не только в международных, но и в национальных судебных органах. Он настойчиво добивался реституции собственности или компенсации причиненного ущерба.

Геноцид евреев отличается от геноцида армян тем, что он был совершен не в отношении населения инациональной части территории государства и поэтому не мог возникнуть вопрос об их отделении, как это было в случае с армянами в Турецкой империи. Вопрос о создании еврейского государства в Палестине, на территории, с которой евреи были изгнаны 2 тыс. лет назад и которая была населена непричастными к геноциду евреев арабами, также мотивировался необходимостью обеспечить в будущем безопасность рассеянного по всему миру еврейского народа.

Оценка деятельности Республики Армения в этом отношении порождает больше вопросов, чем ответов.

Есть ли у правительства Армении желание и решимость отстаивать интересы армян—жертв геноцида, многие из которых стали ее гражданами?

Есть ли у армянского государства четкое представление о материальном ущербе, причиненном армянам? В свое время беженцы пытались добиться рес-

титутции своего имущества или компенсации за причиненный ущерб, но, лишенные государственной поддержки, они не сумели добиться успеха в решении этого вопроса.

Есть ли у правительства Армении концепция урегулирования, подведения черты под прошлым и строительства новых отношений между Арменией и Турцией? Хочется надеяться, что есть, но о ней мы ничего не знаем, за исключением отрывочных заявлений.

Государство Израиль опирается на неизменную всестороннюю военно-политическую поддержку США. Оно располагает также неисчислимыми финансовыми ресурсами. Республика Армения, к сожалению, такими возможностями не обладает: ни в политическом плане, ни в финансовом обеспечении.

Евреи дают пример того, как должен реагировать народ, ставший жертвой геноцида. Израильскими учеными как в самом Израиле, так и в диаспоре ведется систематическая глубокая проработка всех аспектов геноцида. В многочисленных статьях и в ряде капитальных исследований можно найти ответы на все возникающие вопросы — и практического, и теоретического порядка.

Государственной системе дезинформации, совершенствуемой турками на протяжении целого века, Армения не может противопоставить адекватную контрсистему. Правительство Армении, видимо, находится под сильным политическим давлением со стороны США и некоторых других держав. Этим, вероятно, объясняется некоторая непоследовательность в высказываниях его представителей. Добиваясь признания Турцией ее ответственности за геноцид армян, нынешнее руководство Армении вместе с тем не связывает такое признание с развитием отношений с Турцией. Отмечая, что «не может быть позитивного движения в армяно-турецких отношениях за счет принципиальных вопросов» и что «вопрос о геноциде находится и останется в нашей повестке дня», Министр иностранных дел Армении В. Осканян вместе с тем заявил 26 января 2004 г. в Стокгольме, что «это отдельный процесс, но мы будем одновременно работать с Турцией в интересах осуществления позитивных шагов в двусторонних армяно-турецких отношениях»¹.

Правительство Армении может и должно ставить вопрос об ответственности Турции за это преступление против человечности не только в силу обязательств перед своим народом — жертвой этого преступления, но и в силу того, что оно, присоединившись к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, взяло на себя обязательство бороться с этим преступлением. Это не только право, но и обязанность правительства Армении перед своим народом и перед международным сообществом.

27. Решающее слово за потомками жертв геноцида

Армянская диаспора США, Франции и ряда других стран, основу которой составляют потомки беженцев, спасшихся от резни, в большой мере заинтересована в устранении последствий геноцида и, в частности, в реституции отнятой собственности или адекватной компенсации нанесенного ущерба.

¹ Газета «Азг» (Ереван), 27 января 2004 г.

Армяне диаспоры решительно протестуют против недостойной политической игры вокруг трагедии армянского народа. Они отвергают политику двойных стандартов в отношении этого тяжкого преступления.

Вместе с тем следует иметь в виду, что диаспора существует не в безвоздушном пространстве. Армяне диаспоры живут в конкретных странах, правительства которых занимают определенные позиции. Они в той или иной мере связаны политикой этих государств.

Это, конечно, не означает, что армяне лишены возможности влиять на политику своих стран. Эти возможности находятся в прямой зависимости от уровня развития демократии, а также от организованности и сплоченности армянских общин.

В этом отношении весьма показательна ситуация в США. По политическим мотивам, как уже отмечалось, правительство США занимает протурецкую позицию в вопросе отрицания геноцида армян и, используя международный авторитет страны, сдерживает процесс признания теми государствами, которые находятся под американским влиянием. Опираясь на гуманистические традиции США в Армянском вопросе, общественные организации американских армян конституционными действиями добиваются пересмотра протурецкой линии правительства страны.

Если говорить об общей позиции армянской диаспоры, то можно сказать, что она ведет последовательную работу в вопросе признания геноцида всеми государствами и прежде всего самой Турцией как предпосылки подведения черты под прошлым.

Добиваясь восстановления своих прав, армяне диаспоры могут в определенной мере опираться на поддержку правительств приютивших их стран. Основной же силой, отстаивающей общие права всего армянского народа, должна быть Республика Армения.

Надо воздать должное активной деятельности армянских общин диаспоры, которые проявляют большую настойчивость, требуя от парламентов и правительств своих стран признания геноцида армян в Турции.

Многолетняя просветительская деятельность армянских общин таких стран Европы, как Франция, Бельгия, Швейцария, Италия, Греция, Кипр, Словакия, позволила убедить парламентариев этих стран официально признать преступление геноцида армян и призвать свои правительства поступить так же. Благодаря усилиям армянских общин геноцид армян в Турции признали парламенты Канады, Ливана, Уругвая, Аргентины.

Особо хотелось бы остановиться на вопросе принятия резолюции о геноциде армян Государственной думой России. То, что высший законодательный орган такой великой державы, как Россия, признал исторический факт геноцида армян в Турции, и тем самым Россия вновь подтвердила свою традиционно гуманистическую позицию в Армянском вопросе, имеет огромное и практическое, и психологическое значение для торжества справедливости, которой армянский народ добивается 90 лет.

Трудно переоценить самоотверженную деятельность армянской общины в США, которую представляют Армянский национальный комитет Америки и Армянская ассамблея Америки. Они добились того, что 38 штатов приняли резолюции, подтверждающие геноцид армян в Турции и объявляющие 24 апреля Днем

поминовения жертв геноцида армян, который должен ежегодно отмечаться в этих штатах. Уже который год продолжается противостояние между законодательной и исполнительной властями США, между Конгрессом, с одной стороны, и Белым домом, Пентагоном и Государственным департаментом — с другой. 169 конгрессменов публично призвали Президента США официально признать факт геноцида армян. Однако американская администрация в угоду своему военно-политическому союзнику Турции всякий раз блокирует процесс окончательного одобрения законодательным органом страны резолюции о геноциде армян в Османской империи. Продолжается противостояние, равно как и активная лоббистская деятельность Турции и ее агентов влияния в Конгрессе, в правительстве и в деловых кругах США. В Анкаре отчетливо представляют себе возможные последствия, вытекающие из процесса признания в мире геноцида армян, причем не только психологического порядка. Именно поэтому Турция тратит огромные средства на лоббистскую деятельность в первую очередь в США.

В сложившейся ситуации огромное значение приобретает учреждение Всемирного Армянского Конгресса. Неотвратима его роль в обеспечении единства действий армянских организаций, в активизации усилий армян всего мира в справедливой борьбе за подтверждение мировым сообществом исторического факта уничтожения на территории Турции 1,5 млн армян. ВАК поддерживает контакты с ведущими общинами и региональными структурами армян во всем мире, стремится укрепить организационные связи с ними, отдавая себе отчет в том, что только координация и единение усилий всех армянских организаций при сохранении и уважении их самостоятельности позволит добиться торжества справедливости для потомков жертв первого в XX в. геноцида, совершенного на территории современной Турции.

28. О перспективах нормализации отношений между государством, совершившим геноцид, и государством народа — жертвы этого преступления

Необходимость нормализации отношений между Турцией и Арменией ощущается все более явно. Армения стремится к нормализации отношений и установлению добрососедских отношений на основе международного права. Турция же, к сожалению, продолжает отказываться от признания геноцида армян и ликвидации его последствий на основе принципов и норм международного права. Турецкие власти заявляют, что этот вопрос не может быть предметом политических переговоров и решений, что в крайнем случае он может рассматриваться историками как спорная историческая проблема.

Нормализация отношений между Арменией и Турцией весьма трудное дело, но небесперспективное при наличии воли к решению в пакете всего политико-правового комплекса взаимосвязанных вопросов.

Турецкое государство не может вечно жить с репутацией геноцидного государства. Стремясь войти в европейскую семью, оно должно снять с себя клеймо «убийцы целого народа». Широкие политические интересы Турции диктуют необходимость нормализации отношений с соседом, возможности которого не ограничиваются малыми размерами его территории.

Для выхода из тупиковой ситуации, как отмечалось выше, выдвигается идея «компромисса» либо в виде определения геноцида армян как «величайшей трагедии», не влекущей наступления соответствующей ответственности по международному праву, либо даже в виде признания факта совершения геноцида, но только в историческом, а не в юридическом смысле, также не влекущим за собой соответствующих последствий.

Последнему, более продвинутому варианту отдается предпочтение по той простой причине, что отрицать факт совершения преступления, которое в точности соответствует определению, данному Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, невозможно: авторы этой Конвенции при определении состава преступления руководствовались моделями геноцида армян, совершенного турками, и геноцида евреев, осуществленного немецкими нацистами по турецкой же модели.

Ни с точки зрения общечеловеческой морали, ни с международно-правовой точки зрения компромисс в отношении к такому преступлению невозможен. Тут «очищающее» действие времени исключено. Именно для подтверждения этого постулата специально была принята универсальная Конвенция о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности.

Геноцид, если он совершен, не может не вести к наступлению ответственности по международному праву. Тут не помогут никакие ухищрения, кем бы они ни выдвигались и чем бы они ни обосновывались.

Не считая возможным без ущерба для своей моральной и политической репутации замалчивать, а тем более отрицать факт совершения геноцида армян и установления ответственности турецкого государства за совершенное им преступление против человечности, некоторые государства признают геноцид с оговорками, ограничивающими значение признания или даже вовсе лишаящими его юридического значения.

Наиболее изощренный способ достижения такого эффекта заключается, как говорилось ранее, в использовании стереотипа «геноцида 1915 года». Полагают, что использование этого стереотипа позволит не только сослаться на условия военного времени как мотив, но и (что самое главное) сводить все к ответственности не существующей более Османской империи.

Такое представление событий не соответствует историческим данным и несостоятельно в юридическом смысле. Этот стереотип не может освободить Турецкую Республику от ответственности не только потому, что она является преемницей и даже продолжателем личности Османской империи, но и потому, что геноцид армян продолжался и в кемалистской Турции до 1923 г. Она же взяла на себя решение задачи освобождения Турции от ответственности. Она же не допустила возвращения беженцев армян под циничным предлогом «плохого поведения» и отказывается от реституции или компенсации разграбленного имущества армян.

Отрицание ответственности за совершение преступления геноцида не только аморально, но юридически невозможно. Уязвимость такого подхода связана с тем, что ответственность за преступление геноцида установлена международным правом и не зависит от усмотрения того или иного политического деятеля.

Признавать факт совершения геноцида и в то же время отрицать ответственность государства, совершившего это преступление, означало бы произвольную ревизию норм и принципов действующего международного права, не говоря уже

о нарушении обязательств, принятых в отношении Армении Великобританией, Францией, Россией, США и другими государствами индивидуально и коллективно — через соответствующие международные органы.

Никто не может брать на себя функцию всего международного сообщества. Нормы международного права незыблемы, и их должны уважать все, даже если они входят в противоречие с какими бы то ни было «высокими» политическими соображениями того или иного государства.

Не может быть компромисса в оценке геноцида как преступления по международному праву, влекущего соответствующую ответственность. Вопрос жизни и смерти народа не может быть предметом дипломатических торгов. Политический компромисс возможен только после чистосердечного признания Турцией совершенного преступления и только в отношении практических решений вопросов при выработке и принятии конкретных мер по устранению, в возможно полной мере, последствий этого преступления. Вести же поиск решений конкретных вопросов ликвидации последствий преступления допустимо только при желании самой Турции устранить его последствия.

При формировании политико-правового пакета — набора решений как составной части всеобъемлющего урегулирования армяно-турецких отношений, очевидно, следует исходить, с одной стороны, из принципа международного права, установившего, что правонарушения, а тем более преступления против человечности не могут порождать никаких прав для государства, совершившего такое преступление, а с другой стороны — из разумного учета политических реальностей. Поэтому такой политико-правовой пакет должен отвечать требованиям права и справедливости и в то же время учитывать, что со времени резни и изгнания армянского населения прошло много времени и при устранении последствий геноцида придется принять во внимание сложившиеся этнические и политические реалии.

Очевидно, что армяне, руководствуясь желанием создать прочный фундамент для добрососедских отношений, должны проявить определенный реализм. Для армянской стороны компромисс предполагает необходимость отказа от максималистских требований периода 1920 г., которые были правомерны в то время, но стали нереальными спустя многие десятилетия. Армянская сторона также должна руководствоваться видением перспектив развития отношений между армянским и турецким государствами, между армянским и турецким народами. Нужна практически реализуемая программа урегулирования всех оставшихся от прошлого вопросов, учитывающая не только сложившиеся реалии, но и перспективы развития добрососедских отношений. Судьба уготовила этим государствам быть соседями, и от этого никуда не уйти.

Исходя из этих посылок, рассмотрим каждый отдельный элемент из набора мер, связанных с реализацией международно-правовой ответственности Турции за совершенное преступление геноцида армян.

Подведение правовой черты под прошлым отношением Турции к армянскому народу предполагает прежде всего безоговорочное подтверждение факта совершения геноцида и извинение перед армянским народом как элементарной этической нормы поведения.

Реализация международно-правовой ответственности предполагает принятие и осуществление конкретных мер, направленных на устранение последствий

преступления и на строительство новых отношений между Турцией и Арменией в полном соответствии с нормами международного права.

Политическая ответственность государства за совершение этого преступления в отношении подвластного ему населения выражается прежде всего в лишении права управлять им. Геноцидное государство теряет правовое основание своей власти — согласие управляемых и соответственно лишается международно-правового основания осуществлять территориальное верховенство.

В международном праве и в практике международных отношений прекращение власти геноцидного государства над территорией, населенной народом, ставшим объектом этого преступления, является основным и наиболее радикальным средством пресечения геноцида и его предотвращения в будущем. Из этого исходила Парижская мирная конференция в отношении геноцида армян. На том основании, что Османская империя злоупотребляла властью над покоренными народами, были освобождены от турецкого владычества целый ряд государств: Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, Аравия и т.д. Только Армения и Курдистан в силу политических факторов остались в составе Турецкой Республики.

После Второй мировой войны Польша получила западные земли времен Пястов, ставшие объектом насильственной германской колонизации.

Интересен в этой связи и пример с геноцидом евреев. В отличие от армян, которые были частично истреблены и частично бежали со своей исторической родины, евреи подверглись геноциду на территории Германии и оккупированных ею стран. Тем не менее идея обеспечения безопасного существования еврейского народа в будущем нашла воплощение в создании еврейского государства на территории, с которой они были изгнаны 2 тыс. лет назад римлянами и которая была к этому времени населена арабами, непричастными к холокосту.

Учитывая существующие реалии, а именно то обстоятельство, что армянские территории сегодня заселены курдами и турками, восстановление исторической справедливости может затронуть интересы нынешнего населения и, как следствие, привести к обострению противостояния.

В существующих политических условиях речь, очевидно, не должна идти, к примеру, о реализации арбитражного решения Президента США Вудро Вильсона о территориальном разграничении между армянским и турецким государствами и о восстановлении измененного геноцидом этнического состава Западной Армении, как это было сделано в отношении польских земель после Второй мировой войны.

Турции следовало бы проявить добрую волю и вернуть армянам хотя бы такие их святыни, как расположенные на самой границе развалины средневековой столицы Армении — Ани и гору Арабат. Турция должна прекратить целенаправленное разрушение материальных свидетельств тысячелетней жизни армянского народа на своей исторической родине. Она могла бы, практически безболезненно, при участии и под руководством ЮНЕСКО принять и осуществить программу, направленную на восстановление разбросанных на ее территории армянских памятников, имеющих общечеловеческую ценность.

Отказываясь от требования вернуть армянам их историческую родину, несмотря на наличие таких правооснований, как арбитражное решение Президента США Вудро Вильсона и однозначные обязательства в отношении территориальных прав армянского народа, принятые на себя, например, Великобританией,

Францией и другими государствами, армянский народ вправе пойти на уступку в виде отказа от этих правооснований в случае отказа Турции от пристрастной позиции в армяно-азербайджанском конфликте из-за Нагорного Карабаха — исторически армянской территории, на которой армяне сохранили абсолютное большинство. Армяне вправе ожидать, что Турция не будет чинить препятствий справедливому решению вопроса о статусе Нагорного Карабаха.

Необходимость такого шага Турции в контексте подведения черты под геноцидным прошлым подкрепляется, в частности, и тем, что турецкие войска вместе с азербайджанскими бандами принимали участие в геноциде армянского населения Нагорного Карабаха (в частности, в резне 20 тыс. армян Шуши весной 1920 г.).

Необходимость отказа Турции от поддержки экстремистской позиции Азербайджана подкрепляется еще и тем, что в отношении армянского народа Нагорного Карабаха Турция придерживается позиции, диаметрально противоположной той, которую она же занимает, например, в вопросе о праве Кашмира на самоопределение, не говоря уже о ее позиции в отношении Кипра.

Турция должна также предоставить Армении как внутриконтинентальной стране право свободного доступа к морю и от моря в полном соответствии с нормами международного морского права¹.

Турция должна признать право потомков армянских беженцев и эмигрантов на возвращение на свою историческую родину. Более того, правительству Турецкой Республики следует оказывать им в этом необходимую помощь и содействие, включая обеспечение полной безопасности. Вероятно, не многие из армян, нашедших вторую родину в США, Франции, России и других странах мира, пожелают сегодня воспользоваться своим правом возвратиться на родину, но признать за ними их бесспорное, священное право — долг и обязанность турецкого государства.

С утверждением ответственности государства за геноцид связаны и другие правовые последствия, направленные на возможно более полную ликвидацию разрушительных последствий геноцида и помощь жертвам этого преступления:

- реституция взятой на «сохранение» и конфискованной собственности или компенсация за перешедшую в другие руки или разрушенную собственность армян;
- возмещение морального ущерба в виде единовременной передачи соответствующей суммы в фонд жертв геноцида;
- восстановление исторической номенклатуры на географических картах (особенно на картах исторической географии).

Поскольку уголовная ответственность физических лиц, участвовавших в совершении преступления геноцида, не была реализована и поскольку такая возможность в настоящее время практически исключена (по возрасту), турецкое правительство должно официально заявить, что участие в убийствах армян и других действиях, подпадающих под состав преступления геноцида, относится к уголовно наказуемым, хотя практически и не реализуемым.

Таковы возможные элементы политико-правового пакета компромиссного решения.

¹ Вопрос о доступе Армении к морю рассматривался международным сообществом как часть территориального урегулирования. США настаивали на выходе Армении к Средиземному морю в Киликии, а упомянутое арбитражное решение Президента США предоставляло Армении выход в Черное море через Трапезунд.

29. Международное право — основа урегулирования Армянского вопроса

Пытаясь уйти от ответственности за совершенное преступление, турецкое государство сегодня делает упор на формально-правовые аргументы, основанные на фальсификации Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и на злостном искажении норм международного права. В этих условиях на первый план выдвигается международно-правовое обеспечение борьбы армянского народа за торжество права и справедливости.

Тяжелый опыт армян, права которых постоянно приносились в жертву политическим интересам великих держав, выработал у них устойчивое, почти фаталистическое представление о всемогущей политике. Некоторые современные армянские политики думают почти так же, как средневековый армянский историк, который сказал: «Право умерло. Если бы оно пропало, мы бы его нашли».

Юридические ухищрения защитников турецкого государства подтверждают, что борьба за признание геноцида армян и соответствующей международно-правовой оценки из области политики переходит в плоскость международного права.

Армяне принимают этот вызов, будучи уверены, что право на стороне жертвы преступления, а не тех, кто совершил его. Требование о признании международно-правовой ответственности Турции за совершенное ею преступление юридически обосновано. Прогрессивное развитие международного права, утверждение высших моральных ценностей и, наконец, императивные требования политики являются залогом неизбежного решения Армянского вопроса на основе права и справедливости. Урегулирование этого вопроса на объективной основе международного права отвечает интересам не только армянского народа и всего международного сообщества, но и интересам самой Турции.

Чтобы как-то примирить свою политику оправдания убийства целого народа с проводимой сейчас в мире политикой противодействия экстремизму и международному терроризму и сознавая, что скрывать истребление одного из цивилизованных народов мира становится все труднее, турецкое правительство пускает в ход новые приемы и средства отрицания геноцида армян. Если до последнего времени предпочтение отдавалось дезинформации, прямому обману международного сообщества путем отрицания или искажения фактов, то сейчас турки стали сочетать эти примитивные традиционные методы со все более изощренными — формально-правовыми аргументами.

Скрывая свое подлинное отношение к международному праву, турки стали представлять себя «приверженцами» международного права. Армянам же приписывается стремление к «подмене права историей», нежелание урегулировать отношения с Турцией на основе международного права.

В этой связи необходимо остановиться на турецкой доктрине международного права. Под ней мы понимаем не просто позицию турецких юристов, а в широком смысле — концепцию турецкого государства в вопросах международного права. Вспомним, что несколько лет назад тогдашний Премьер-министр Тансу Чиллер начала очень активно муссировать мысль о том, что Турция дескать является ярым поборником международного права, а армяне, наоборот, нарушают его. В присутствии Президента США она настаивала на том, что армянам и Ар-

мени как государству неведомо само понятие международного права. Между тем все обстоит как раз наоборот.

Армения обладает глубокими традициями строительства международно-правовых отношений между государствами. Она внесла немалый вклад в становление и развитие многих институтов международного права. К сожалению, пока миру мало известно о том, что еще в античные времена Армения была одним из немногих государств, принимавших активное участие в становлении институтов международного права — консульского института, арбитража, посольского права и т.д.

Турки же, наоборот, ворвались в Европу из Азии, уничтожая население и культуру завоеванных стран. Более того, европейские государства не принимали Турцию в свою семью, считая, что эта страна находится вне европейской цивилизации. И лишь в 1856 г., в благодарность за участие в Крымской войне против России, Турция была допущена в европейскую семью на основании ст. 7 Парижского мирного договора. Пять великих держав того времени, а именно Франция, Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия, а также Сардиния — ядро будущей великой державы Италии — прямо «объявляют Высокую Порту допущенной к участию в преимуществах европейского международного права и европейского контроля держав».

Излишне говорить, каким грубым нарушением международного права являются преступления, содеянные Турцией в отношении армян и ряда других народов. Все эти вопросы крайне важно ставить в правильной исторической перспективе. В наше время, когда мировое сообщество поднимает вопрос о том, что международные отношения должны определяться нравственными, моральными нормами, нам необходимо подчеркнуть свое отношение к международному праву, которое, помимо всего прочего, является средством реализации политических целей законными методами. Поэтому любое государство, в том числе Армения, должно быть заинтересовано в международно-правовом обосновании собственной политики. Более того, чем слабее государство, чем меньше его политические возможности влиять на мировые процессы, чем большему насилию оно подвергается со стороны сильных держав, тем большее значение для этого государства приобретают нормы международного права как средство защиты своих законных интересов.

Почему турки именно сейчас обратились к международному праву? Объяснение очень простое. Турки убедились, что бесконечно отрицать факт геноцида будет невозможно. Поэтому они строят вторую линию своей обороны: даже если факты подтвердятся, все равно они не отвечают формальным правовым критериям, установленным международным правом для квалификации геноцида. Турки утверждают, что этого не было, но даже если и было, это не геноцид.

Мы считаем, что для решения вопроса о последствиях геноцида армян на объективной основе международного права Армения могла бы предложить Турции совместно обратиться в Международный суд за консультативным заключением в соответствии со ст. IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, которая предусматривает возможность передачи в Суд споров по вопросу толкования, применения или выполнения Конвенции, включая споры относительно ответственности государства за совершение геноцида. Если же Турция будет продолжать линию на категорическое отрицание факта геноцида армян, то Республика Армения могла бы, учитывая, что Турция является участницей Конвенции о геноциде, возбудить дело в одностороннем порядке.

РАЗДЕЛ VII

Выводы и рекомендации

Геноцид армян, как разрушение части национальной группы, имел место в 1876—1914 гг., а как полное и повсеместное физическое ее уничтожение — в 1915—1923 гг.

До принятия термина «геноцид» в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него это преступление определялось как «убийство целого народа» (murder of a Nation, Volkermord, Armeniermorde) и как «преступление против человечности».

Геноцид армян, определявшийся как «преступление против человечности» и как «убийство целого народа», представлял собой преступление по действовавшему международному праву до вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Геноцид, в том числе и арменоцид, ввиду его особо катастрофических последствий для человечества, определяется не только как преступление против человечности, но и как преступление против самого человечества.

Уголовная ответственность физических лиц и политическая ответственность турецкого государства за геноцид армян были установлены международным сообществом на основе международного права уже тогда, когда это преступление совершалось.

То обстоятельство, что решения о привлечении к уголовной ответственности физических лиц — организаторов и исполнителей геноцида армян и о создании предусмотренного для этой цели международного уголовного суда не были выполнены, равно как и то, что установленная правомочным на то международным органом, таким, как Парижская мирная конференция, политическая ответственность турецкого государства в виде освобождения армянских территорий не была реализована, не могут служить подтверждением того, что геноцида армян не было. Туркам как физическим лицам и Турции как государству удалось уйти от ответственности за геноцид армян на политическом, а не на международно-правовом основании.

Московский и Карсский договоры во всем, что относится к Армении, армянскому народу и его национальной территории, являются грабительскими, безнравственными и противоправными. Основанные на насилии, они попирают все принципы и нормы международного права, которые приняты международным сообществом в целом как основополагающие императивные нормы, отклонение от которых недопустимо. В Московском и Карсском договорах отсутствуют все основные условия действительности международных договоров,

установленные международным правом и, конкретно, правом международных договоров.

Договоры такого рода, игнорирующие правовые и нравственные основы международных отношений, посягающие на саму человеческую мораль, не могут рассматриваться как юридически полноценные основания владения государственной территорией.

Реализация ответственности за геноцид армян на объективной основе международного права отвечает интересам не только армянского народа и всего международного сообщества, но и интересам самой Турции.

Подтверждение юридического факта совершения геноцида армян и установление международной ответственности турецкого государства за это преступление не могут сопровождаться пересмотром условий, установленных и признанных соответствующими международными органами.

Прогрессивное развитие международного права, утверждение высших моральных ценностей и, наконец, императивные требования политики являются залогом неизбежного решения Армянского вопроса на основе права и справедливости.

Геноцид армян полностью подпадает под состав этого преступления в том виде, как он определен в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Отказ Турции признать факт совершения геноцида армян и устранить его разрушительные последствия бессмыслен ввиду:

- невозможности отрицать установленный факт;
- реакции международного сообщества, не желающего примириться с беззаконием;
- провала попытки лишить армянский народ международной правосубъектности и возможности отстаивать свои законные права и жизненные интересы;
- того, что это противоречит императивным требованиям международного права и международной морали.

Чистосердечное добровольное признание Турецкой Республикой факта совершения геноцида армян и ее готовность устранить в максимально возможной мере его разрушительные последствия являются залогом установления новых добрососедских, а в перспективе и дружественных отношений между Турцией и Арменией, между турецким и армянским народами.

Самый короткий путь к нормализации отношений между двумя государствами и двумя народами лежит через покаяние, через открытое чистосердечное признание Турцией своей вины перед армянским народом.

Подведение цивилизованной черты под прошлым на основе международного права — задача весьма сложная, требующая выработки взаимоприемлемого пакета политико-правовых решений по всему комплексу армяно-турецких отношений.

Наиболее подходящей процедурой для урегулирования на основе международного права армяно-турецких отношений, связанных с совершенным преступлением геноцида, является ведение переговоров полномочных представителей двух государств на базе суверенного равенства сторон и с полным учетом законных прав и интересов двух соседних народов.

Альтернативной процедурой урегулирования может быть обращение в Международный суд в соответствии со ст. IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Президента Всемирного Армянского Конгресса,
Союза армян России

А.А. Абрамяна

90 лет борьбы за справедливость. Что дальше?

Публикация Сборника документов о международной ответственности Турции за геноцид армян и Комментария к ним — знаковое явление в борьбе за адекватную оценку этого международного преступления и подведения черты под прошлым армяно-турецких отношений на основе международного права.

Вопрос о ликвидации последствий этого международного преступления сохраняет свою остроту даже по истечении 90 лет с начала полного и повсеместного уничтожения армянского народа на территории турецкого государства.

Актуальность этой борьбы связана не только с тем, что Турция до сих пор не признает факт убийства целого народа, отказывается четко и однозначно осудить это преступление против человечности. Проблема заключается и в том, что это зло не искоренено из жизни человечества. В XX в. армяне были первой, но не единственной жертвой геноцида. Бездна казни преднамеренного уничтожения 1,5 млн армян оказалась питательной средой для холокоста евреев и других преступлений подобного рода на политической, этнической и религиозной почве.

Добиваясь решения общеармянской задачи — ликвидации последствий геноцида армян в Турции на основе международного права, мы исходим из того, что эта проблема выходит за рамки одной нации, она имеет судьбоносное значение не только для армянского народа, но и для всего человечества. Ибо невозможно полностью изжить это уродливое явление, не привлекая к суду за одно из величайших преступлений такого рода. Рассуждения о новом мировом порядке, о защите прав человека теряют всякий смысл, если не будут восстановлены самые элементарные права жертв геноцида армян, их право на родину, собственность и т.д.

Добиться положительных результатов в этой борьбе за торжество справедливости для жертв геноцида армян, за торжество права и морали в отношениях между государствами и народами можно только объединив усилия всех тех, кто действительно выступает за укрепление международного правопорядка.

Но для эффективного противодействия геноциду нужна совместная политическая воля большинства государств, и прежде всего великих держав. В деле защиты интересов армянского народа, подвергшегося геноциду, в деле наказания государства, совершившего это тягчайшее преступление, недопустимы двойные

стандарты, проявление политических пристрастий и эгоистические выгоды. Народы, оказавшиеся жертвой геноцида, должны находиться под одинаковой защитой международного сообщества. Это должно быть основой мирового порядка в XX в., а в XXI в. — просто стать аксиомой.

В столь остром вопросе, как убийство целого народа, не может быть в принципе компромисса. Право и справедливость — вот высший критерий. Вместе с тем мы должны признать, что с начала поголовной резни армян прошло 90 лет. Сложилась новая реалии. С ними надо считаться, чтобы найти оптимальное решение.

В первую очередь, сам армянский народ, как в Республике Армении, так и в диаспоре должен решить, чего он добивается: одного только признания геноцида или хотя бы минимума справедливости в виде компенсации имущественного и морального ущерба, признания права армян на возвращение на свою родину и хотя бы символических территориальных уступок от Турции.

Применяя установленные в международном праве мирные средства урегулирования международных споров, мы должны подбирать оптимальные международно-правовые процедуры урегулирования армяно-турецких отношений вообще и признания Турцией геноцида армян, в частности.

Рассчитывать в настоящее время на прямые межправительственные переговоры между Арменией и Турцией при посредничестве и добрых услугах дружественных держав, к сожалению, не приходится. Турецкое правительство отказывается вести не только официальные, но даже неофициальные переговоры для поиска возможностей сближения позиций сторон по этому вопросу.

Ограничены и возможности использования для этих целей ООН. Если Лига Наций однозначно осуждала отношение Турции к Армении и стремилась спасти армянский народ от гибели, то ООН за почти 60-летний период своего существования вопросом геноцида армян специально не занималась. Не только по той причине, что армянского государства как субъекта международного права не было, но и потому, что правительство СССР по ряду причин не желало выносить этот вопрос на обсуждение международного сообщества. Несколько спонтанных заявлений тех или иных государств в ходе общих прений последствия не имели.

Реальной перспективы обсуждения Армянского вопроса на Генеральной Ассамблее ООН нет. Что же касается Совета Безопасности ООН, то для принятия им решения по этому вопросу необходимы не только большинство голосов его членов, но и совпадающие голоса всех пяти постоянных членов этого органа, включая США и Великобританию, которые в этом вопросе политически заангажированы обещаниями помочь турецкому государству.

Одним из самых ярких показателей приверженности международному праву и мирных методов разрешения споров является в наше время готовность использовать судебные или третейские процедуры для разрешения международных споров. Что же касается вопросов, связанных с ответственностью за геноцид, то они должны разрешаться именно судебными процедурами.

Примечательно, что именно в связи с ответственностью за геноцид армян три великие державы — Россия, Великобритания и Франция — в мае 1915 г. впервые заявили о неотвратимости уголовного наказания организаторов и исполнителей этого преступления. В порядке реализации ответственности организаторов и исполнителей геноцида армян Севрским мирным договором впервые в истории было предусмотрено создание специального международного уголовного суда.

Армяне настойчиво добивались международного правосудия, правительство же Османской империи стремилось избежать его. После поражения в Первой мировой войне, пытаясь уберечь турецкое государство от неизбежного возмездия, султанское правительство предало членов младотурецкого правительства и других организаторов массовой резни армян судам национальной юрисдикции. Талаат и другие палачи армянского народа были заочно приговорены к смертной казни, но созданное в Анатолии кемалистское правительство отменило и эти приговоры, а потом возвело этих преступников в ранг национальных героев.

Мы считаем, что армяне не должны пренебрегать возможностью обращения к международным судебным процедурам как по принципиальным, так и по практическим соображениям. Мы, как приверженцы международного права и мирного урегулирования международных споров, должны использовать все имеющиеся возможности для правового урегулирования такого острого вопроса международных отношений, как геноцид.

Понятно, что речь уже не может идти о привлечении к международной уголовной ответственности физических лиц — организаторов и исполнителей этого преступления, их нет в живых. Однако речь может и должна идти о политической ответственности по международному праву самого турецкого государства за совершенное им преступление. Ответственность турецкого государства включает весь комплекс вопросов, необходимых для подведения правовой черты под прошлым.

В этой связи прежде всего возникает вопрос о возможности возбуждения дела в Международном суде ООН. Если бы не только Армения, но и Турция стремилась к решению вопроса о геноциде на основе международного права, они должны были бы обратиться в Международный суд ООН в качестве сторон в споре. Однако вряд ли можно ожидать, что они договорятся о предмете международного спора. Вряд ли Армения и Турция смогут прийти к согласию в отношении подсудности и относительно формулировки спорного вопроса.

Судебное разбирательство не исключает возможности запроса консультативного заключения, имеющего больше шансов на согласие сторон. С такой просьбой к Суду могли бы обратиться как сами стороны, так и международная организация.

Более реалистична постановка вопроса одной стороной — Арменией в соответствии со ст. IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, согласно которой предусматривается возможность передачи в Суд по требованию любой из сторон споров по вопросу толкования, применения и/или выполнения Конвенции, включая споры относительно ответственности за совершение геноцида.

Относительно легкая процедура связана с передачей спора с согласия сторон на третейское разбирательство, либо через Постоянную палату третейского суда, созданную в соответствии с Гаагской конвенцией 1899 г. о мирном решении международных столкновений, либо в третейский суд *ad hoc*, сформированный непосредственно сторонами.

Государства, которые опасаются судебных процедур с обязательной силой решений, могут оказывать предпочтения арбитражу как более гибкому средству. Обращение к арбитражу дает сторонам возможность влиять на выбор третейских судей. Ставя вопрос на третейское разбирательство, стороны могут предписать,

чтобы арбитры руководствовались не только правом, но и принимали решение «по справедливости и доброй совести» (*ex aequo et bono*).

В свете всего сказанного хотелось бы особо подчеркнуть, что изучение проблемы геноцида армян и публикации на эту тему должны быть целенаправленными, конкретными, исключительно аргументированными, основанными на документах. Необходимо в первую очередь разрабатывать юридические и политические аспекты, документально обосновывать и публиковать на языке судопроизводства материалы и исследования, имеющие прямое отношение к судебному решению вопроса, к его правовым и политическим аспектам. Необходимо экспертное обеспечение и должное освещение в средствах массовой информации.

Это одна сторона вопроса. Есть и другая, не менее важная, а именно обеспечение единства действий самих армян. Поиск решений судьбоносных для армян вопросов следует вести с участием всего армянского народа, представителей всех его политических спектров. Армянские общественные и политические деятели должны, отбросив межпартийные разногласия, выступить с единых общенациональных позиций. Необходимо решить, кто может и должен выступать от имени всех армян, на кого будет возложена миссия представления согласованной позиции армянской нации и какова будет роль многомиллионной армянской диаспоры.

Эти вопросы не могут быть решены без совершенствования реальных и действенных механизмов, координации наших усилий, согласования позиций по вопросам общеармянского значения.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКУМЕНТЫ. Дополнение к 1-му и 2-му томам Сборника	5
---	----------

К Разделу IV

№ 1. Защитительная речь Н. Карабчевского в Симферопольском окружном суде по делу Киркора Гулгуляна, обвиненного в убийстве турка—участника резни армян в турецком городе Байбурта и оправданного судом после слушания дела	7
--	---

К Разделу V

№ 2. Текст письма Президиума ЦК КП Армении в ЦК КПСС	15
№ 3. Протокол заседания Президиума ЦК КП Армении	18
№ 4. Текст письма руководства Армянской ССР в ЦК КПСС относительно Нагорного Карабаха и Нахичевана	18

К Разделу VI

№ 5. Постановление Сената Аргентины	23
№ 6. Законодательный акт Национального собрания Квебека (Канада), устанавливающий в провинции ежегодно День памяти жертв геноцида армян	24
№ 7. Выступления депутатов Национального совета Швейцарской конфедерации при обсуждении резолюции о признании геноцида армян в Турции	24
№ 8. Резолюция Национального совета Швейцарской конфедерации о признании геноцида армян в Турции	40

№ 9. Резолюция Палаты представителей штата Пенсильвания, устанавливающая в штате День поминовения жертв геноцида армян в 1915—1923 гг.	42
№ 10. Из выступлений членов Палаты общин Парламента Канады при обсуждении резолюции о признании геноцида армян в Турции	43
№ 11. Резолюция Палаты общин Парламента Канады о признании геноцида армян в Турции	53
№ 12. Из выступлений американских конгрессменов в Палате представителей США по случаю 89-й годовщины геноцида армян	53
№ 13. Постановление Национального Совета (Парламента) Словацкой Республики	60
№ 14. Резолюция Второй палаты Генеральных штатов (Парламента) Королевства Нидерландов о геноциде армян	61
№ 15. Постановление Сейма Республики Польша в 90-ю годовщину геноцида, совершенного против армянского населения в Турции во время Первой мировой войны	62
№ 16. Заявление Государственной Думы РФ о 90-летию геноцида армянского народа	62
№ 17. Предложение, внесенное в Бундестаге ФРГ парламентскими фракциями СДПГ, ХДС/ХСС, Коалиции «Союз-90» / «Зеленые» и СвДП по поводу геноцида армян в Турции	63
КОММЕНТАРИЙ К СБОРНИКУ ДОКУМЕНТОВ	
профессора Ю.Г. Барсегова	67
Предварительные замечания	69
1. Как, почему и когда возник Армянский вопрос	69
2. Об историко-географической номенклатуре и недобросовестных политических спекуляциях	71
3. Когда совершался геноцид армян	75
4. Пространственные параметры геноцида армян	78

РАЗДЕЛ I

Общая международно-правовая основа ответственности за геноцид	79
1. Почему необходимо определить общую международно-правовую основу ответственности за геноцид	79
2. Как турки объясняют миру свое отношение и отношение армян к международному праву	80
3. Цель обращения турецких политиков к международному праву ...	81
4. В чем суть нового, международно-правового подхода турок к геноциду армян	81
5. На какой международно-правовой основе была установлена ответственность Турции за геноцид армян	82
6. Юридическая связь ответственности за геноцид армян и холокост евреев	84
7. Ранняя международная практика гуманитарного вмешательства	85
8. «Законы человечности» и «клаузула» Ф. Мартенса	87
9. Применение принципа человечности в практике международных отношений	89
10. Вопрос о применении принципа человечности при подготовке статута Постоянной палаты международного правосудия	90
11. Нарушение принципа человечности как международно-правовая основа ответственности Германии за геноцид евреев	90
12. Решения Международного военного трибунала как подтверждение действующих норм международного права	92
13. Судебная практика США и Израиля	94
14. Мнение Комиссии международного права о принципах международного права, положенных в основу Устава Международного военного трибунала	95
15. Консультативное заключение Международного суда	97

16. О юридической природе Конвенции как результате кодификации обычных норм международного права	97
17. Новое название старого преступления	101
18. Об объекте преступления	102
19. О составе преступления	105
20. Субъективный элемент намерения в определении геноцида	106
21. Признание руководителями Турции намерения совершить геноцид армян	117
22. О мотивах геноцида (правовая и политическая оценка)	123
23. Субъекты преступления геноцида	126
24. Виды и содержание ответственности субъектов преступления геноцида	127
25. О неприменимости погасительной давности к преступлениям против человечности	132
26. О ретроактивной силе Конвенции о геноциде	132

РАЗДЕЛ II

Формы ответственности Османской империи за частичное уничтожение армян как национальной группы (1876—1914) (интернационализация вопроса безопасности армян, гуманитарная интервенция и международные реформы)	140
1. Противоречия великих держав как определяющий политический фактор в Армянском вопросе	140
2. Действие противоречий в 1876—1914 гг. «Концерт» великих держав	141
3. Официальная международная оценка фактов, относящихся к геноциду армян	144
4. Общественное мнение как средство воздействия на правительства	145

5. Договорная основа международного вмешательства	146
6. Политико-правовая оценка гуманитарной интервенции	148
7. Проект реформ 1880 г.	150
8. Международные обязательства по реформам 1895 г.	164
9. Последний проект реформ: Акт 26 января 1914 г.	172
10. Политические и правовые результаты первой фазы геноцида армян, 1876—1914 гг.	178

РАЗДЕЛ III

Международное признание ответственности Турции за полное уничтожение армян как национальной группы (1915—1923) и обязательства мирового сообщества	180
1. Декларация великих держав Антанты об ответственности турецкого правительства за новые преступления арменоцида	180
2. Вопрос об отделении Армении в секретных соглашениях великих держав Антанты о разделе нетурецких частей Османской империи	181
3. Освобождение Армении от тирании турок как цель Первой мировой войны	185
4. Западная Армения под управлением России	187
5. «Романтический» период армянской политики советской России	190
6. Брест-Литовский договор и Армения	194
7. Трапезундские переговоры	204
8. Батумская конференция и Батумский мирный договор	209
9. Как Германия оценивала действия своей союзницы в Армении	217
10. Почему необходима политическая и международно-правовая оценка Брест-Литовского договора с Россией и Батумского — с Арменией	219
11. О юридической ничтожности Брест-Литовского и Батумского договоров	219

12. Мудросское перемирие и его последствия	222
13. Международные обязательства в односторонних актах государств	225
14. Послевоенное устройство мира — компетенция мирных конференций	226
15. Восстановление международной правосубъектности Армении как форма политической ответственности Турции	230
16. Вопрос об армяно-турецком разграничении на Парижской мирной конференции	237
17. Арбитражное решение Президента США В. Вильсона о территориальном разграничении Турции и Армении	244
18. Дипломатические маневры вокруг арбитражного решения Президента США	247
19. Политико-правовая оценка Севрского мирного договора	248

РАЗДЕЛ IV

Мнения экспертов по международному праву и геноциду, заключения юридических органов, судебные решения, относящиеся к ответственности за геноцид армян	252
1. Почему необходимо определить общую международно-правовую основу ответственности за геноцид	252
2. Доктрины специалистов по международному праву	252
3. Решение Постоянного Трибунала Народов как отражение мнения представителей доктрины признания геноцида	254
4. Вопрос о создании международного уголовного суда в рамках Парижской мирной конференции. Комиссия пятнадцати	256
5. Решение национальных судов как вспомогательный источник международного права	260
6. Судебные процессы в Османской империи	261
7. Дело Киркора Гулгуляна в российском суде присяжных (1899)	278

8. Судебный процесс по делу об убийстве Талаата в Германии	282
9. Дело Макса Килинджяна	286

РАЗДЕЛ V

Политическая история Армянского вопроса: покровители, пособники и соучастники преступления	289
1. Политическая история Армянского вопроса после Первой мировой войны	289
2. Всемирно-исторический катаклизм как политический фактор в Армянском вопросе	294
3. Формирование армянской политики советского правительства России	295
4. Большевистские принципы международных отношений	296
5. Кто и как формировал политику большевистского государства в Армянском вопросе	298
6. Первое проявление армянофобства Сталина — вывод российских войск из турецкой Армении	304
7. Функция кемализма в Армянском вопросе: довершение геноцида и сохранение последствий преступления	306
8. Установление политических связей между советской Россией и турецкими националистами	308
9. Программа кемалистско-большевистского взаимодействия в послании М. Кемаля В. Ленину	311
10. Ответ советского правительства России на предложение ВНСТ	314
11. Практическая деятельность как доказательство сговора	317
12. Как согласовывалась политика Правительств ВНСТ и РСФСР (от послания Кемаля до ответного письма правительства РСФСР)	318
13. Первая Московская конференция представителей правительств ВНСТ и РСФСР	319

14. Необъявленная война советской России и кемалистской Турции против Армении	322
15. Временное соглашение о прекращении войны между РСФСР и Республикой Арменией — повод для нового раунда тройственной агрессии	347
16. Общие цели участников войны против Армении	360
17. Идеологическое обоснование агрессивной войны и территориального ограбления Армении	363
18. Проект мертворожденного мирного договора между РСФСР и Республикой Арменией	367
19. Александропольский бумеранг	380
20. Две оценки сложившейся ситуации и две реакции на пантюркистскую угрозу	388
21. Соперничество между турецкими националистами и российскими большевиками за право на «советизацию» Армении	395
22. Советизация Армении российскими большевиками	398
23. Причины «недоверия» турок к армянским коммунистам	403
24. Ложный «принцип пролетарской солидарности» как фактор в отношениях РСФСР и советской Армении	406
25. Почему вопрос об ответственности за геноцид армян был исключен из советско-турецких договоренностей	407
26. Когда и как был «решен» вопрос о «турецкой» Армении	410
27. Вопрос о содержании и формате Московской конференции	422
28. Роль Сталина в Армянском вопросе по свидетельствам турецких участников Московской конференции	426
29. Подлог с датой подписания Московского договора	427
30. Обоснование Советом пропаганды и действия народов Востока территориального ограбления Армении на Московской конференции	428

31. Международно-правовая оценка Московского и Карсского договоров	431
32. Политическая оценка Московского и Карсского договоров	442
33. Политический фактор в урегулировании в рамках Парижской мирной конференции	443
34. Политический аукцион: предательство по-европейски	448
35. Армянский вопрос в Лиге Наций	456
36. Лозаннская конференция — апофеоз политического предательства	503
37. Предпосылки постановки Армянского вопроса после Второй мировой войны	509
38. Предпосылки протурецкой политики западных союзников СССР	511
39. Денонсация советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете	514
40. Армянский вопрос на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей Союзных держав	515
41. Мотивы Сталина при новой постановке Армянского вопроса	517
42. Отношение к Армянскому вопросу в СССР в постсталинскую эпоху	518
43. Позиция западных держав по Армянскому вопросу в период «холодной войны»	524

РАЗДЕЛ VI

Новый этап признаний как условие реализации ответственности за геноцид	533
1. О чем идет речь в Комментариях к документам Раздела VI Сборника?	533
2. В чем смысл современных признаний	533

3. Почему необходимо вторичное признание	534
4. Почему Турция отказывается признать факт совершения ею геноцида армян	535
5. Использование абдул-гамидовских аргументов для оправдания геноцида	536
6. О неправомерности ссылки на «военную необходимость» для оправдания «убийства целого народа»	538
7. Геноцид под прикрытием «гражданской войны»	540
8. Новейшие попытки оправдания геноцида армян как «обоснованной» меры против политической группы	541
9. Действие политического фактора в современную эпоху	543
10. США препятствуют всеобщему признанию геноцида армян	544
11. Американская разновидность признания без наступления ответственности	547
12. Последователи обструкционистской политики	549
13. Пособничество в сокрытии совершенного преступления геноцида — международное преступление	550
14. Подтверждение юридического факта геноцида армян в современных международных условиях	551
15. Почему человечество заинтересовано в признании и осуждении геноцида армян	552
16. Подтверждение геноцида необходимо для строительства новых отношений	555
17. Динамика повторных признаний геноцида армян	557
18. Особое значение позиции новой России	559
19. Резолюция Европарламента: трудный путь к правде	559
20. Вопрос о геноциде армян в ООН	568

21. О неправомерности ограничения ответственности за геноцид армян только Оттоманской империей	569
22. О неправомерности отнесения геноцида армян к «событиям прошлого»	571
23. Право не должно использоваться для оправдания бесправия	573
24. Мир и добрососедство не могут обуславливаться отказом от защиты прав народа — жертвы геноцида	574
25. О правах и обязанностях армянского государства по защите интересов народа — жертвы геноцида	577
26. Цели и возможности Республики Армении в вопросе об ответственности Турции за геноцид	579
27. Решающее слово за потомками жертв геноцида	580
28. О перспективах нормализации отношений между государством, совершившим геноцид, и государством народа—жертвы этого преступления	582
29. Международное право — основа урегулирования Армянского вопроса	587

РАЗДЕЛ VII

Выводы и рекомендации	589
------------------------------------	-----

ПОСЛЕСЛОВИЕ

**Президента Всемирного Армянского Конгресса,
Союза армян России А.А. Абрамяна**

90 лет борьбы за справедливость. Что дальше?	593
--	-----

Научно-популярное документальное издание

**ГЕНОЦИД АРМЯН: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТУРЦИИ
И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА МИРОВОГО СООБЩЕСТВА**

Документы и комментарий

В 2 томах

Том 2, часть 2

Составитель, ответственный редактор профессор *Ю.Г. Барсегов*

Научный консультант *А.О. Меликян*

Внешнее оформление *А.Л. Бондаренко*
Художественный редактор *И.С. Соколов*
Редактор *О.М. Фролова*
Корректор *Т.А. Горячева*
Компьютерная верстка *С.С. Востриковой*
Компьютерный набор рукописи *В.И. Курляндской*

Изд. лиц. № 066160 от 02.11.98
Подписано в печать 21.07.2005. Формат 70×100/16
Печать офсетная. Гарнитура NewtonС. Усл.-печ. л. 49,4+0,65 вкл.
Тираж 1000 экз. Заказ № 192.

УИЦ «Гардарики»
101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1
Тел.: (095) 921-0289; факс: (095) 921-1169
E-mail: grd@aha.ru
E-mail: gardariki@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

ISBN 5-8297-0256-8

9 785829 702564